VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук
И. А. ХРЕНОВ

доктор исторических наук
А. И. НЕДОРЕЗОВ

доктор филологических наук
В. И. ЗЛЫДНЕВ

доктор филологических наук
Н. И. КРАВЦОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Варшава, август 1973 г.

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1973

И $\frac{0163-0260}{042(02)-73}$ 74—73

И. И. КОСТЮШКО, М. М. СУМАРОКОВА

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ В ПОЛЬШЕ И ЮГОСЛАВИИ (1917—1923 гг.)

На развитие прогрессивных взглядов в Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии, как и в других странах, большое плодотворное влияние оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее воздействие в этом отношении осуществлялось двояким образом, по двум направлениям, связанным между собой. Первое определялось объективным значением Октябрьской революции для мирового развития. Октябрьская революция сузила сферу господства империализма, углубила общий кризис капиталистической системы, начавшийся в годы первой мировой войны. Империализм был ослаблен, обострились свойственные ему противоречия, усилились классовая борьба трудящихся и освободительное движение национально угнетенных народов.

Происшедшие в связи с этим политические и социально-экономические сдвиги в жизни зарубежных народов явились предпосылкой развития их национальной мысли.

Знаменуя торжество марксистско-ленинского учения, Октябрьская революция оказала и непосредственное влияние на общественную мысль народов Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии и других стран. Ее идеи о демократическом мире и ликвидации всякого угнетения человека человеком выражали самые глубокие и сокровенные чаяния народных масс, встречали у них живой отклик, способствовали развитию их национального и классового самосознания, распространению революционной идеологии в рабочем классе, среди крестьянства и интеллигенции, вдохновляли трудящихся на борьбу за свое освобождение, оказывали влияние на политику непролетарских организаций. Восприятие этих идей являлось важным фактором идейно-политического развития народов зарубежных стран.

Сказанное выше определяет важность и сложность проблемы воздействия Октябрьской революции на зарубежную прогрессивную мысль. Исследование этой проблемы предполагает правильный методологический подход, учет всех обстоятельств и аспектов, глубокий анализ явлений, их связей, прямых и опосредованных влияний, выявление основных тенденций и особенностей в идейном развитии.

Имея это в виду, мы хотели бы остановиться на вопросах влияния идей Октябрьской революции, ленинского учения на

развитие революционной мысли в Польше и Югославии в период послевоенного революционного подъема. При этом нам представляется, что рассмотрение этих вопросов позволяет сделать некоторые сопоставления, выявить общие черты и особенности идейного развития рабочего движения в указанных странах и может дать материал для исследования проблемы в более широких хронологических и региональных рамках.

Поставленные в докладе вопросы уже затрагивались или освещались в историографии. Большое внимание им уделялось в трудах, посвященных значению Октябрьской революции в историческом развитии народов Польши и Югославии, в работах по истории рабочего движения в этих странах и мирового коммунистического движения [1]. Однако, на наш взгляд, они еще не получили достаточного освещения и нуждаются в дальнейшей разработке. Здесь мы хотели бы обратить внимание на специфику данной проблематики, ее некоторые методологические аспекты и отметить творческие достижения революционной мысли народов Польши и Югославии в связи с воздействием Октябрьской революции, восприятием ею ленинского учения. Основными источниками для освещения этих вопросов являются документы и материалы идейно-политического характера.

Развитие революционной мысли польского пролетариата

Октябрьская революция, установив диктатуру пролетариата, обеспечила подлинную свободу трудящимся и условия для построения социализма в России. Провозглашенные и претворяемые ею в жизнь великие идеи марксизма-ленинизма производили огромное впечатление на умы людей, способствовали развитию революционного и национально-освободительного движения в польских землях.

[1] Важнейшие из вышедших в последнее время работ по этим вопросам: «В. И. Ленин и международное коммунистическое движение». М., 1970; «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм». М., 1970; *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение. М,. 1971; *И. С. Яжборовская.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг. М., 1967; *F. Świetlikowa.* Komunistyczna partia robotnicza Polski 1918—1923. Warszawa, 1968; «Rewolucja Październikowa a Polska». Warszawa, 1967; «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce (1914—1918)». Warszawa, 1960; *F. Tych.* PPS-Lewica w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960; «Z dziejów idei leninowskich w Polsce». Warszawa, 1961; *S. Dimitrijević.* Velika Oktobarska socijalistička revolucija i razvitak klasne borbe i revolucionarnog pokreta na jugoslovenskim teritorijama u toku prvog svetskog imperijalističkog rata iu novostvorenoj zajedničkoj državi. «Prilozi za istoriju socijalizma», 5. Beograd. 1968; *S. Dimitrijević.* Usvajanje iskustava Oktobarske revolucije u jugoslovenskom radničkom pokretu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1968, № 3—4; *V. Strugar.* Jugoslavenske socijaldemokratske stranke 1914—1918. Zagreb, 1963; *F. Klopčič.* Velika razmejitev. Ljubljana, 1969.

Революционные партии польского пролетариата — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польская социалистическая партия (ППС-левица) — безоговорочно солидаризировались с Октябрьской революцией. Они горячо приветствовали Октябрьскую революцию, рассматривали ее как начало мировой социалистической революции, которая разрешит все социальные и национальные вопросы, видели в ней пример для пролетариата других стран, классового союзника в борьбе рабочих за социальное освобождение, считали своей обязанностью оказание всемерной поддержки Советской России. Организации СДКПиЛ и ППС-левицы в России приняли участие в Октябрьской революции и в защите ее завоеваний.

Идеи Октября, революционная практика Советской страны, рабочее движение в Польше и в других странах во многом обогатили теоретическую мысль польских революционных партий. В документах СДКПиЛ и ППС-левицы, а затем Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), в трудах деятелей революционного рабочего движения пропагандировались философские принципы марксизма-ленинизма, обосновывалось материалистическое понимание исторического процесса, развивались идеи классовой борьбы и революционного переустройства мира, разрабатывались теоретические вопросы рабочего движения, стратегия и тактика революционной борьбы пролетариата и трудящихся масс Польши.

СДКПиЛ связывала с Октябрьской революцией начало новой эпохи, эпохи непосредственной борьбы за ликвидацию капитализма. Ближайшей задачей польского пролетариата СДКПиЛ считала завоевание им политической власти, его союзников в этой борьбе партия видела в Советской России и революционном движении в других странах [2].

Высоко оценивая революционное творчество российского пролетариата, польская социал-демократия рассматривала основные закономерности Октябрьской революции как общие закономерности социалистической революции. Отмечая первую годовщину Октябрьской революции, орган СДКПиЛ «Наша трибуна» указывал: «Теперь пролетариат России выковывает новые формы и новое оружие не только для себя, но и для всего международного пролетариата. В 1917 г. он создал Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — теперь уже почти вся народная Европа перенимает у России эту форму организации и борьбы» [3]. В момент краха австро-германской оккупации партия выдвинула лозунг создания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Касаясь вопроса о Советах, конференция СДКПиЛ в

[2] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty 1914—1918». M., 1936, str. 237—242.
[3] Там же, стр. 298.

ноябре 1918 г. заявила, что «опыт русской революции дает в этом деле ясные указания»[4]. Партия видела в Советах представительные органы, выражавшие волю трудящихся масс, развивала идею превращения их в органы пролетарской власти. В некоторых документах СДКПиЛ речь шла только о Советах рабочих, что было связано с ее пониманием диктатуры пролетариата[5].

СДКПиЛ считала задачей социалистической революции в Польше, как и в других странах, осуществление социально-политических преобразований, которые были проведены в Советской России, высказывалась за самое тесное объединение революционной Польши с Советской страной для общей борьбы против империализма, за мир и социализм[6].

Развивая революционные и интернационалистские идеи, польская социал-демократия не понимала, однако, существа ленинского учения о гегемонии пролетариата, значения общедемократических задач, организующей и руководящей роли партии в революции. Она рассматривала крестьянство как силу, противостоящую пролетариату, предусматривала национализацию земли, непосредственное преобразование помещичьих имений в социалистические хозяйства, сохранение мелких хозяйств, не пользующихся наемным трудом, за их прежними владельцами с ограничениями, обусловленными потребностями общего производства страны, и последующее их обобществление[7]. Считая, что с победой пролетарской революции будет упразднено и всякое национальное угнетение, что с объединением социалистических стран не будет необходимости создания национальной государственности, партия отвергала лозунг права наций на самоопределение, полагала, что борьба за национальную независимость противоречила якобы интересам революционной борьбы пролетариата. По ее представлениям, завоевание власти пролетариатом могло произойти в ходе революционной борьбы само собой. Поэтому задача партии состояла лишь в том, чтобы указать революционному движению путь, разъяснить направление борьбы и тем самым способствовать развитию революционного процесса[8].

Эти ошибочные воззрения отрицательно сказывались на идейно-политической работе партии.

В некоторых документах и выступлениях деятелей СДКПиЛ обнаруживаются элементы нового подхода к этим вопросам. В декларации представителей СДКПиЛ на переговорах в Бресте выражалось требование ликвидации австро-германского оккупа-

[4] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy...», str. 298.
[5] Там же, стр. 295 и сл.
[6] Там же, стр. 241—242, 248—249, 254.
[7] Там же, стр. 289, 321, 325—326.
[8] *J. Brun.* Pisma wybrane, t. I. Warszawa. 1955, str. 113.

ционного режима в польских землях, устранения полицейских перегородок между тремя частями единой страны и указывалось, что только после освобождения страны от оккупации народ мог свободно выразить свою волю, сам решить вопрос о своей судьбе [9]. Партия решительно осудила передачу Германией и Австро-Венгрией Хэлмщины и части Подлясья буржуазной Украинской раде, оценивая это как новый раздел Польши [10]. Она стала уделять больше внимания крестьянскому вопросу, в ее прессе пропагандировались идеи борьбы за правительство рабочих и крестьян и принципы социалистического хозяйства в земледелии [11]. В статье А. Варского «Да здравствует объединение!», опубликованной в газете «Наша трибуна» 13 декабря 1918 г., содержалась критика позиции партии, ограничивавшейся общим лозунгом социальной революции и не ставившей переходных, актуально-политических задач.

После Октябрьской революции весьма существенные изменения произошли во взглядах ППС-левицы. От представлений о возможности мирного разрешения порожденных войной конфликтов она пришла к убеждению в необходимости революционного преобразования мира. ППС-левица стала на позиции борьбы за диктатуру пролетариата. Признавая Октябрьскую революцию «неизбежной необходимостью», партия видела в ней осуществление ряда общих закономерностей пролетарской революции, указывала на значение ее опыта для международного рабочего движения. В начале ноября 1918 г. конференция ППС-левицы, заявляя, что приближается момент для завоевания власти пролетариатом, поставила задачу «создания массового представительства всех рабочих, которое было бы основой для будущего революционного правительства». Таким представительством она считала Советы, рассматривая их как органы борьбы за диктатуру пролетариата, которые впоследствии должны были стать органами пролетарской власти [12]. После перехода ППС-левицы на революционные позиции ее взгляды совпадали с воззрениями СДКПиЛ или были близки к ним. Не вполне освободившись от своих некоторых неправильных представлений, ППС-левица вместе с тем разделяла ошибочные взгляды СДКПиЛ по аграрному, национальному и другим вопросам революционной борьбы.

Октябрьская революция явилась решающей предпосылкой восстановления независимости Польши и оказала существенное влияние на дальнейшее развитие революционной борьбы польского народа. В ноябре 1918 г. польский народ обрел нацио-

[9] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy...», str. 254—256.
[10] Там же, стр. 253.
[11] Там же, стр. 288—289, 290—291, 321.
[12] *F. Tych.* PPS-Lewica w latach wojny 1914—1918, str. 123 и сл.

нальную независимость. Хотя власть в Польше захватили буржуазия и помещики, возрождение польского государства было, несомненно, прогрессивным явлением.

С восстановлением независимости Польши складывались относительно благоприятные условия для развития польской нации, ее материальной и духовной культуры. При этом социальные противоречия становились единственными или доминирующими, усилился процесс классового и политического размежевания, кристаллизации социальных и политических сил и их программно-тактических установок.

Обострение социальных противоречий порождало напряженную классовую и политическую борьбу. Широкий размах приобрело революционное движение.

При воссоздании польского государства за его пределами остались западные и северные польские земли, в то же время Польша захватила часть украинских, белорусских и литовских земель, ее правящие круги проводили политику дискриминации в отношении национальных меньшинств. Это сказывалось на общественно-политическом развитии народа, создавало почву для националистических тенденций, тормозило рост классового сознания трудящихся масс.

В ходе борьбы против австро-германского оккупационного режима и имущих классов, стремившихся подавить революционное движение и утвердить свое господство в стране, укреплялось сотрудничество между СДКПиЛ и ППС-левицей, росло сознание необходимости сплочения революционных сил. В декабре 1918 г. состоялся Объединительный съезд СДКПиЛ и ППС-левицы, на котором была создана Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП).

Коммунистическая партия, виднейшими теоретиками которой являлись Ю. Мархлевский, М. Кошутская, А. Варский, продолжала и развивала революционные традиции своих предшественниц. Вместе с тем она унаследовала и их некоторые ошибочные представления.

В принятой на I съезде КРПП «Политической платформе» указывалось, что с обострением противоречий империализма началась эра непосредственной борьбы за социализм. Партия подчеркивала международное значение Октябрьской революции и рассчитывала на победу революции в Германии и в других странах мира. Она осуждала оппортунизм II Интернационала и поддержала идею создания III Интернационала. Характеризуя политику имущих классов Польши как антинародную и империалистическую и разоблачая соглашательство правых социалистов с буржуазией, партия считала, что вся власть должна была перейти в руки пролетариата города и деревни, организованного в Советах рабочих депутатов, задачей которых являлось преобразование экономической жизни на принципах общей собственно-

сти на средства производства. В этой борьбе пролетариат Польши мог опереться на социалистические революции в других странах.

В период мировой революции, говорилось в «Политической платформе», польский пролетариат отвергает лозунги автономии, самостоятельности и самоопределения, основанные на развитии политических форм капитализма, для лагеря мировой революции не существует проблемы границ, общность интересов международного пролетариата исключает всякий национальный гнет.

Свои ближайшие задачи партия видела в пропаганде революционных идей, в заострении и углублении столкновений пролетариата с имущими классами в целях борьбы за установление социалистического строя, в подготовке и организации непосредственной борьбы за политическую власть, разъясняя, что окончательная победа может быть завоевана в результате вооруженного столкновения между силами революции и контрреволюции [13].

Сформулированная в «Политической платформе» программа имела революционный характер. Однако в ней нашли отражение и ошибочные взгляды партии: переоценка перспектив мировой революции, непонимание значения аграрного и национального вопросов, представления ее предшественниц о гегемонии пролетариата и роли его партии в революции.

В ходе революционной борьбы, по мере ознакомления с трудами В. И. Ленина, опытом Октябрьской революции и международного рабочего движения КРПП постепенно овладевает ленинским учением, обогащается новыми идеями, преодолевает свои ошибочные взгляды. В партии складывается представление о социалистической революции, как о сложном процессе и о своеобразии этого процесса в отдельных странах. В резолюции первого Партийного совета, состоявшегося в феврале 1919 г., указывалось: «Процесс этой революции в отдельных странах будет проходить через различные стадии, пролетариату придется вести многочисленные и кровавые битвы со своими классовыми врагами, часто с переменным успехом, прежде чем он одержит окончательную победу над ними...» [14] Это требовало учета конкретной обстановки и применения соответствующей тактики революционной борьбы.

Партия конкретизирует свое понимание международной солидарности пролетариата. В решении первого Партийного совета подчеркивалось, что «обязанностью и правом рабочего класса каждой страны является активная помощь рабочим других стран в их революционной борьбе, особенно в связи с междуна-

[13] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. Warszawa, 1953, str. 36—45.
[14] Там же, стр. 66.

родной кампанией правительств и буржуазии всего мира, ведущих общими силами войну против международной революции»[15]. Выступая в защиту Советской страны, КРПП рассчитывала и на ее помощь в борьбе за диктатуру пролетариата. При этом она полагала, что революция в Польше должна была быть подготовлена «собственными силами», ибо «расчет только на освобождение масс большевиками вел бы к усыплению революционной энергии»[16].

КРПП начинает осознавать значение национального вопроса. Имея в виду настроение широких масс народа, ЦК партии в начале февраля 1919 г. признал необходимым в случае вступления советских войск на территорию Люблинского воеводства образовать Люблинский комиссариат Польской республики Советов[17].

Первый Партийный совет выдвинул лозунг создания Польской республики Советов рабочих депутатов города и деревни и высказался за заключение братского союза между социалистическими республиками[18]. Этот лозунг в большей мере учитывал условия революционной борьбы.

Выступая за объединение профсоюзов на платформе борьбы за власть Советов, партия при этом исключала возможность успешной борьбы при капитализме за удовлетворение частичных требований рабочих. Она предусматривала национализацию крупных и средних хозяйств и сохранение мелких хозяйств до добровольного присоединения их к кооперативам, осуждала политику крестьянских партий, критиковала ограниченность земельной реформы, придавала важное значение революционизированию армии[19]. Хотя Советы рабочих в июле—августе 1919 г. были разгромлены властями, партия надеялась, что они будут воссозданы. Осуждая захватническую политику правящих кругов, партия призывала к защите революционной России, требовала установления добрососедских отношений с Советской страной.

Ярким свидетельством революционной, интернационалистской позиции КРПП являлось ее отношение к создаваемому В. И. Лениным Коммунистическому Интернационалу. Представитель КРПП подписал воззвание восьми коммунистических партий, содержавшее призыв к организации III Интернационала[20]. Разделяя цели Коминтерна, ЦК КРПП в июле 1919 г. принял ре-

[15] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, str. 66—67.
[16] *И. С. Яжборовская.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, стр. 130.
[17] «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce», str. 299.
[18] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. str. 71.
[19] Там же, стр. 67, 69, 72.
[20] «Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. 1914—1919». М., 1934, стр. 116.

шение о присоединении к нему[21]. Важное значение для идейного развития партии имело письмо Бюро Исполкома Коминтерна от 6 июля 1919 г. к польским рабочим, призывавшее их к решительной революционной борьбе[22]. Второй Партийный совет высказался и за присоединение профсоюзов к Коминтерну[23].

Рассчитывая на победу Советской страны в войне, начатой Польшей, и на крах польского буржуазного государства, I конференция КРПП (май 1920 г.) поставила задачу восстановления Советов и завоевания ими власти[24]. Оценивая положение в стране, она полагала, что политика польского государства якобы определялась мелкобуржуазными интеллигентскими элементами, которые завоевывали «себе поддержку среднего крестьянства при помощи миража аграрной реформы, демократии и внутреннего спокойствия»[25]. Значительная часть участников конференции признала необходимым использование парламентских выборов и трибуны сейма для политической агитации[26]. Конференция подтвердила решение ЦК о вступлении партии в Коминтерн.

В связи с войной, развязанной буржуазно-помещичьими кругами Польши, особое значение приобрели национальный вопрос и перспектива революции в стране. КРПП полагала, что диктатура пролетариата не могла быть установлена «внешней силой»[27]. Это соображение было определяющим при создании Временного революционного комитета Польши и в его деятельности. В работе Польревкома, по словам Ю. Мархлевского, «всегда подчеркивалась политическая и национальная самостоятельность Польши»[28]. Что же касается аграрного вопроса, то только Ф. Дзержинский и члены отдельных местных организаций партии высказывались за раздел помещичьей земли[29]. В момент приближения Красной Армии к столице Польши КРПП призвала рабочих к восстанию[30], однако внутренняя обстановка в стране не благоприятствовала революционному выступлению пролетариата.

Большое влияние на революционное рабочее движение в Польше оказали работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левиз-

[21] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 301.
[22] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, str. 82—85.
[23] Там же, стр. 81.
[24] Там же, стр. 94, 96.
[25] Там же, стр. 92.
[26] *И. С. Яжборовская.* Указ. соч., стр. 162.
[27] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II. М., 1964, стр. 514.
[28] *И. С. Яжборовская.* Указ. соч., стр. 183.
[29] *Ф. Кон.* Ф. Э. Дзержинский. Биографический очерк. М., 1939, стр. 76; *И. С. Яжборовская.* Указ. соч., стр. 190.
[30] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. III. М., 1965, стр. 273, 453—457.

ны» в коммунизме» и решения II конгресса Коминтерна, определившие идейно-политические и организационные основы III Интернационала. На II конференции КРПП (февраль 1921 г.) пересматривается тезис об автоматическом крахе капитализма. Говоря об экономическом банкротстве буржуазии, партия приходит к выводу, что буржуазия еще может обеспечивать свое господствующее положение. Указывая на два пути общественного развития (диктатура буржуазии и диктатура пролетариата), она, однако, ошибочно полагала, что Польша идет по «третьему» пути, определяемому мелкой буржуазией в духе «утопической программы демократии и реформ». Партия приближается к правильному пониманию крестьянского вопроса, начинает рассматривать трудящихся крестьян, в том числе и среднее крестьянство, как потенциальную революционную силу. Она заявляет о своем стремлении стать «выразительницей интересов не только фабричных рабочих, но и самых широких масс населения, сбрасываемых капитализмом на дно нищеты». Задачи партии определяются в духе решений Коминтерна, при этом обращается внимание на необходимость борьбы за удовлетворение частичных требований рабочих. Большинство участников конференции, считая бойкот выборов в Учредительный сейм правильной мерой, высказывалось за использование парламента в интересах классовой борьбы пролетариата. Конференция без оговорок приняла 21 условие приема партий в Коминтерн [31].

Взгляды партии по тактическим вопросам получили дальнейшее развитие в решениях третьего Партийного совета (май 1921 г.). Делегация КРПП на III конгрессе Коминтерна признала правильной тактику единого рабочего фронта.

Важную роль в идейном развитии партии сыграло письмо В. И. Ленина польским коммунистам от 19 октября 1921 г., в котором указывалось на большое международное значение победы революции изнутри в Польше, содержалось предостережéние от преждевременного восстания и давались советы по другим вопросам революционной борьбы [32]. В партии складывалось убеждение в необходимости пересмотра ряда программных и тактических положений. Об этом, в частности, свидетельствовала представленная в Коминтерн записка о политическом положении Польши и позиции КРПП [33].

Решительный поворот в сторону ленинизма был сделан на III конференции КРПП (апрель 1922 г.). Вопреки догматическо-сектантской позиции группы В. Ковальского, конференция дала оценку международного положения в духе решений Коминтерна

[31] KPP. Uchwały i rezolucje, t. I, str. 105 и сл.
[32] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 180—181.
[33] *И. С. Яжборовская.* Указ. соч., стр. 229—233.

и, основываясь на анализе обстановки в стране, пришла к выводу, что борьба рабочего класса, революционные выступления крестьян и национально-освободительное движение являются исходным пунктом революции в Польше, признала тактику единого фронта, отвечающей задачам момента и дальнейшей борьбы за диктатуру пролетариата. Конференция приняла решение о проведении дискуссии по аграрному вопросу и развертыванию работы в деревне [34]. Исходя из нового курса, партия в избирательной платформе «Союза пролетариата города и деревни», призывая к борьбе за Польскую социалистическую республику, демократические свободы и улучшение жизни трудящихся, выдвигала требования конфискации помещичьей земли и передачи ее без выкупа трудящимся крестьянам и признавала право наций на самоопределение [35].

В партии развернулась широкая дискуссия по программным и тактическим вопросам. В теоретическом журнале «Новы пшеглёнд», начавшем выходить с июля 1922 г., и других партийных изданиях публиковались труды В. И. Ленина, решения Коминтерна, статьи А. Варского, М. Кошутской и других видных деятелей польской компартии. Польские коммунисты пропагандировали ленинские идеи, опирались на них при анализе опыта и разработке программы и тактики революционного движения в Польше.

Партия творчески восприняла решения IV конгресса Коминтерна, отметившего положительные результаты тактики единого фронта и сформулировавшего положение о рабочем или рабоче-крестьянском правительстве как исходной точке борьбы за диктатуру пролетариата. Комиссия Коминтерна, рассмотрев положение в партии, одобрила решения III конференции и политическую линию КРПП (письмо Исполкома Коминтерна от 19 декабря 1922 г.) [36].

Переход партии на ленинские позиции завершился на II съезде КРПП, состоявшемся в сентябре—октябре 1923 г. Съезд проанализировал положение страны и указал, что только победа революции может обеспечить интересы трудящихся масс и подлинную независимость Польши. Определяя роль пролетариата, он констатировал, что рабочий класс является вождем и защитником интересов нации. Съезд выдвинул в качестве лозунга ближайшего периода создание рабоче-крестьянского правительства, высказался за передачу помещичьей земли в распоряжение комитетов крестьян и батраков, признал право наций на самоопределение. Резолюция по организационным вопросам и устав предусматривали организационную перестройку партии в соответ-

[34] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, str. 129 и сл.
[35] Там же, стр. 284—292.
[36] Там же, стр. 179—188.

ствии с решениями Коминтерна[37]. Решения съезда свидетельствовали о творческом восприятии партией ленинского учения. КРПП превращалась в партию нового типа.

Революционные идеи, пропагандируемые и развиваемые польской компартией, нашли отражение и в других областях общественной мысли. В работах С. Руднянского по проблемам культуры раскрывались противоречия классового общества, рассматривались различные формы социальной борьбы, указывалось на необходимость просвещения народных масс, научного подхода к решению социально-политических вопросов. Характеризуя процесс развития культуры как закономерный и прогрессивный и отмечая решающую роль трудящихся масс в этом процессе, С. Руднянский указывал на существование двух культур в классовом обществе, считал необходимым развитие пролетарской культуры, полагая, что полный ее расцвет мог наступить только при социализме, как это имело место в Советской стране[38].

Постепенно формируется революционное направление в литературе.

В сборнике рабочей поэзии (1922 г.) раскрывались тяжелое положение пролетариата, его борьба против эксплуатации и гнета, творческая миссия рабочего класса. Яркое отображение получила революционная борьба пролетариата в произведениях С. Р. Станде и Б. Ясенского. В романе С. Жеромского «Канун весны» (1923 г.) коммунистические идеи рассматривались как новая и более высокая концепция общественного строя[39].

В реформистском направлении рабочего движения в связи с Октябрьской революцией и подъемом революционного движения в стране усиливается идейно-политическая борьба между правыми и левыми силами. Оппортунисты, широко используя социалистическую фразеологию, отстаивали реформистские идеи. Левые деятели, порывая с реформизмом, переходили на позиции коммунистического движения.

Идейное развитие югославского революционного рабочего движения

Весьма большим и плодотворным было воздействие Великого Октября и на развитие революционной мысли народов Югославии.

К моменту свершения Октябрьской революции существовавшие на территориях, вошедших позднее в состав югославского

[37] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, str. 193 и сл.
[38] *S. Rudniański.* Poradnik dla czytających książki. Warszawa, 1921; *Szczepan-Runicz.* Walka o kulturę. Warszawa, 1923.
[39] «Революционная литература Польши 20—30-х годов». М., 1969, стр. 20 и сл.

государства, Югославянская социал-демократическая партия в Словении, Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии, Социал-демократическая партия Далмации, Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, организации Сербско-буневецкого социал-демократического агитационного комитета при Социал-демократической партии Венгрии и Сербская социал-демократическая партия стояли в основном на позициях II Интернационала. Между этими партиями имелись серьезные идейные расхождения. В руководящих органах социал-демократических партий Словении, Хорватии и Славонии и в Сербско-буневецком агитационном комитете в Воеводине решающее слово принадлежало реформистским элементам, в социал-демократических партиях Сербии, Боснии и Герцеговины сильнее проявлялась революционная классовая ориентация. Не было единства взглядов и внутри самих партий.

Югославянские социал-демократы с воодушевлением восприняли предложения Советского правительства заключить демократический мир и предоставить народам право на самоопределение[40]. Одобрение социал-демократами югославянских областей Австро-Венгрии лозунга о национальном самоопределении означало отказ от их прежних взглядов, основанных на теории национально-культурной автономии в рамках империи Габсбургов.

Правые социал-демократы считали национальную буржуазию руководящей силой в освободительном движении и активно сотрудничали с ней. Признавая положительное значение Октябрьской революции для национально-освободительной борьбы югославян, они вместе с тем отвергали теорию, стратегию и тактику ленинской партии как якобы неприемлемые для югославянского пролетариата[41].

Левые, напротив, ссылаясь на опыт Октябрьской революции, призывали к активизации деятельности социал-демократических организаций и развертыванию революционной классовой борьбы, видя в этом единственную гарантию решения как социальных, так и национальных проблем. Они подчеркивали пролетарский, социалистический характер Октябрьской революции и ее всемирно-историческое значение, считая коренные социальные преобразования, происшедшие в России, началом подобных преобразований в Европе.

После ознакомления с ленинским Декретом о земле в конце декабря 1917 г. руководство Социал-демократической партии

[40] *V. Strugar*. Указ. соч., стр. 105, 107, 157, 181, 183, 240, 308 и др.

[41] «Српски социјалистички покрет за време првог светског рата». Београд, 1958, стр. 137, 227; *V. Korać*. Povjest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji, knj. I. Zagreb, 1929, str. 245, 246, 249; *V. Strugar*. Указ. соч., стр. 105, 240, 241 и др.

Боснии и Герцеговины высказалось за радикализацию программного требования ликвидации феодальных пережитков в деревне «в смысле полной экспроприации помещичьего землевладения в пользу всего народа»[42].

Создание многонационального независимого югославского государства в декабре 1918 г. открыло более благоприятные перспективы для материального и духовного развития югославянских народов. Однако это государство, представлявшее интересы имущих классов, не обеспечивало насущных потребностей широких трудящихся масс. Пришедшие к власти шовинистически настроенные круги сербской буржуазии проводили политику дискриминации в отношении других народов. Переплетение национальных и социальных противоречий придавало особый накал политической борьбе в стране, что находило свое отражение и в области идеологии.

С образованием единого югославского государства стало возможным сплочение пролетариата всех национальностей страны. С инициативой организации единой революционной пролетарской партии выступили левые силы в югославском рабочем движении. Борьба за создание пролетарской партии на революционной классовой основе проходила в обстановке дальнейшего размежевания с реформистскими, социал-патриотическими элементами, а также идейной эволюции самого левого течения. Как свидетельствуют документы, эта эволюция была связана в значительной степени с расширяющимся влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции.

В левой социал-демократической печати больше внимания стало уделяться роли субъективного фактора в революции, прежде всего роли ленинской партии в подготовке и победе Октябрьской революции. Этому была посвящена серия статей сербского социалиста Ж. Йовановича под общей рубрикой «Большевизм и большевики»[43]. На примере России Ж. Йованович доказывал необходимость революции, разрушения буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата. Однако он ошибочно полагал, что большевики являются принципиальными противниками всяких компромиссов и работы в буржуазных представительных органах. Видный деятель Сербской социал-демократической партии Ф. Филипович, используя работы В. И. Ленина, разъяснял причины краха II Интернационала, знакомил с ленинским учением о государстве, империализме, роли партии в революции. Распространению идей и опыта Октября среди социал-демократов и широких народных масс способствовали югославские интернационалисты, вернувшиеся

[42] «Arhiv Komunističke partije Bosne i Hercegovine», t. II. Sarajevo, 1951, str. 295.
[43] См. «Чланци и говори д-р Живка Јовановића», Београд, 1957.

из Советской России[44]. В программной декларации союза «Пелагич», созданного ими, содержались положения о диктатуре пролетариата, необходимости ликвидации органов классового господства буржуазии и создания рабочих, солдатских и крестьянских Советов, предусматривались меры для защиты революционных завоеваний победившего пролетариата[45].

Выступления отдельных деятелей и групп, а также материалы съездов ряда социал-демократических партий показывают, что в это время в воззрениях левых социал-демократов произошли знаменательные сдвиги. Признание тезиса о диктатуре пролетариата, являющейся, по словам В. И. Ленина, самым главным вопросом всей пролетарской классовой борьбы[46], было важным шагом вперед в развитии теоретической мысли в рабочем движении Югославии. Идейное перевооружение левых социал-демократов сопровождалось их окончательным разрывом со II Интернационалом. Большинство социал-демократических организаций Югославии весной 1919 г. выразили готовность вступить в Коммунистический Интернационал.

В апреле 1919 г. на состоявшемся в Белграде съезде была образована Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к), объединившая социал-демократические партии и отдельные группы из всех областей страны, за исключением Словении. В новую партию наряду с революционными вошли также оппортунистические элементы, поэтому некоторые решения Объединительного съезда имели компромиссный характер.

В основном политическом документе съезда — «Платформе объединения»[47] — новая эпоха характеризовалась как завершающая фаза капитализма, когда «классовые бои между пролетариатом и буржуазией развиваются в великие социальные революции». Считая, что II Интернационал ни по своей организации, ни по своему духу не соответствует новой ситуации, СРПЮ(к) заявила о разрыве с ним и о вступлении в III Коммунистический Интернационал. В документе говорилось об «опыте великих социальных революций», который показал необходимость завоевания пролетариатом политической власти и создания рабочих, крестьянских и солдатских Советов в качестве органов диктату-

[44] Подробнее см.: *B. Hrabak*. Jugosloveni učesnici Oktobarske revolucije i stvaranje KPJ. «Зборник филозофског факултета у Приштини», III 1965—1966.

[45] См.: *Н Груловић*. Југословенска комунистичка револуционарна група «Пелагић». «Матица српска. Зборник за друштвене науке», 1959, 22; *T. Milenković*. Uticaj Oktobarske revolucije na koncepcije i delatnost Jugoslovenskog komunističkog revolucionarnog saveza pelagićevaca. «Istorija XX veka», X. Beograd, 1969.

[46] См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 240.

[47] «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II. Београд, 1949, стр. 10—13.

ры пролетариата. Крушение капитализма в Югославии мыслилось в результате развития классовых противоречий, роста участников революционного движения и их сознательности, захвата власти пролетариатом, «когда он станет достаточно сильным». Признавалось целесообразным при соответствующих условиях использование избирательной борьбы и работы в буржуазных представительных органах[48]. Съезд выразил солидарность с делом революционного российского и венгерского рабочего класса[49].

В постановлениях съезда содержались новые теоретические положения, однако они не конкретизировались применительно к условиям страны. Самым серьезным недостатком было отсутствие научного подхода к вопросам классовой борьбы. Резолюция по аграрному вопросу ограничивалась требованием устранения феодальных пережитков и была обращена в основном к пролетариям деревни. В национальном вопросе СРПЮ(к), как и социал-демократы, исходила из того, что якобы существует один народ, состоящий из сербов, хорватов и словенцев, и поэтому положительно отнеслась к образованию централизованного югославского государства. Между тем концепция «интегрально-югославянского унитаризма» при централистско-монархическом строе в Югославии объективно стала оправданием гегемонистской политики великосербской буржуазии и инструментом национального угнетения[50]. Добиваясь возможно более тесного единства рабочего класса, СРПЮ(к), однако, крайне настороженно относилась к развертывавшемуся в стране движению за национальное равноправие.

Объединительный съезд, несмотря на ряд серьезных ошибок и упущений в его решениях, заложил фундамент единой революционной партии, явился переломным событием в истории югославского рабочего движения. С этого времени усвоение и пропаганда ленинского учения приобретают более широкий и систематический характер.

Развитие революционного движения и образование единой пролетарской партии дали толчок дальнейшему развитию марксистской философской мысли в Югославии. Большую роль в ее формировании сыграли произведения классиков марксизма-ленинизма, переведенные на языки народов Югославии. Эти труды были опубликованы в центральной и местной периодической печати, в теоретических органах партии, в литературно-общественных журналах, а также в виде отдельных изданий.

[48] «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II, стр. 13, 23.
[49] Там же, стр. 24.
[50] *F. Čulinović.* Tri etape nacionalnog pitanja u jugoslavenskim zemljama. Zagreb, 1962, str. 31.

Характерной чертой марксистской философской мысли в Югославии в рассматриваемый период являлась ее политическая заостренность. Авторами большинства марксистских работ по философии были видные деятели югославского рабочего движения (Ф. Филипович, С. Маркович и др.), которые обращались к философским проблемам, прежде всего к историческому материализму, при разработке теоретических концепций и практической политики партии. В их трудах отстаивался классовый партийный подход к явлениям общественной жизни. Важное место в них заняли вопросы о государстве, классовой борьбе, революции, диктатуре пролетариата и т. д.

СРПЮ(к) развивала идеи пролетарского интернационализма, решительно выступала против использования югославских войск для борьбы с революцией в России и Венгрии. В партийной печати указывалось, что победа Октябрьской революции в России приблизила мировой пролетариат к осуществлению его великих идеалов, что защита ее завоеваний — долг рабочих всех стран[51].

После съезда в ходе борьбы между левыми и правыми течениями в СРПЮ(к) происходил процесс революционного преобразования самой партии, идейного очищения и определения ее позиций по основным вопросам рабочего движения. Благодаря партийным изданиям трудящиеся Югославии смогли познакомиться с некоторыми трудами В. И. Ленина, постановлениями Советского правительства и решениями I конгресса Коммунистического Интернационала. Большое влияние на теоретическую мысль партии оказали ленинские работы «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Империализм, как высшая стадия капитализма». Публикуя один из разделов работы В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», редакция газеты «Радничке новине» отмечала, что «концепция и идеи, развиваемые товарищем Лениным, крайне важны для... политического воспитания, и поэтому их нужно пропагандировать среди трудящихся масс всех стран»[52]. Ленинские труды помогли левому крылу в СРПЮ(к) отстаивать свои позиции в борьбе с центристскими элементами.

В период подготовки ко II съезду партии развернулась дискуссия, в ходе которой четко определились две различные идейные платформы: коммунистическая и центристская. Деятели революционного направления, отмечая, что победа Октябрьской социалистической революции стала возможной благодаря правильному руководству большевистской партии, прочному союзу рабочего класса с крестьянством, овладению трудящимися массами всеми формами и методами классовой борьбы, указывали на значение ленинской теории перерастания буржуазно-демокра-

[51] «Oktobar u Jugoslaviji 1918—1945». Beograd, 1967, str. 52, 55.
[52] «Радничке новине», 24.XII 1919.

тической революции в социалистическую. Они выступали за усиление партийной работы среди крестьянства в целях создания «союза революционеров города и деревни»[53], за реорганизацию партии и профсоюзов «по советской системе»[54], т. е. за переход от территориального принципа к производственному в строительстве партии и за создание партийных фракций в профсоюзах.

Центристская оппозиция заявляла, что опыт Октября неприменим к другим странам, что Югославия «не созрела» для пролетарской революции. По ее представлениям, югославские трудящиеся могли освободиться от гнета капитала только в результате социалистической революции в крупнейших странах Западной Европы.

Состоявшийся в июне 1920 г. II (Вуковарский) съезд принял новую программу — программу Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Она была составлена с учетом опыта Парижской Коммуны и русской революции[55]. Характеризуя новую эпоху как период крайнего обострения всех противоречий капитализма и начало эры пролетарской революции, программа ориентировала югославский рабочий класс на подготовку социалистической революции. В ней содержались положения о диктатуре пролетариата, пролетарской демократии и Советах, единственно известной тогда форме диктатуры пролетариата, подчеркивалось, что мысль об осуществлении социализма путем компромисса с буржуазией на почве буржуазной демократии — утопия. Целями борьбы КПЮ объявлялись: Советская республика Югославия, создание народной Красной Армии, экспроприация и социализация производства и торговли, защита интересов трудящихся и т. д.[56]

Полагая, что в стране складывается революционная ситуация, съезд в духе решений Коминтерна и Балканской коммунистической федерации считал задачей партии создание единого фронта революционного пролетариата балкано-дунайских стран, пропаганду коммунистических идей в городе и деревне, советского строя, подготовку югославского рабочего класса к выполнению его исторической миссии[57]. Съезд подтвердил принадлежность КПЮ к III Интернационалу[58] и направил приветствие Советской России, в котором отмечались героические заслуги советского народа[59].

Решения съезда свидетельствовали об убедительной победе революционных сил, знаменовали важный этап в идейном раз-

[53] «Чланци и говори д-р Живка Јовановића», стр. 160.
[54] *M. Pijade.* Izabrani spisi, t. I, knj. 1. Beograd, 1964, str. 228.
[55] *F. Filipović.* Izabrani spisi, knj. II. Beograd, 1962, str. 515.
[56] «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II, стр. 28—37.
[57] Там же, стр. 37—43.
[58] Там же, стр. 43.
[59] Там же, стр. 50—51.

витии партии. Однако в них имелись существенные недостатки, связанные с неправильным пониманием значения буржуазно-демократических преобразований в борьбе за социалистическую революцию. Партия осталась на прежней позиции по национальному вопросу. Ее лозунг «социализации крупных земельных владений»[60] не отвечал насущным чаяниям большей части югославского крестьянства. Вскоре коммунисты поняли это: в обращении КПЮ в связи с выборами в Учредительную скупщину (парламент) говорилось, что вся земля вместе с инвентарем должна быть непосредственно передана в руки тех, кто ее обрабатывает[61].

Революционный курс КПЮ и постановления II конгресса Коминтерна вызвали резкое противодействие со стороны всего лагеря оппортунизма в югославском рабочем движении. Центристские элементы, находившиеся в рядах КПЮ, всячески саботировали проведение этих решений в жизнь. В декабре 1920 г. они были исключены из партии.

В связи с запрещением деятельности КПЮ, уходом ее в подполье партия оказалась в очень трудном положении. Резко сократился ее численный состав, нарушились контакты между отдельными партийными ячейками, партия утратила связь с массовыми организациями трудящихся, работа партии осложнялась острой фракционной борьбой, разгоревшейся в ее рядах. IV конгресс Коминтерна, рассмотрев деятельность КПЮ, констатировал, что партия «еще не успела завершить своей эволюции в направлении коммунизма»[62]. В новых условиях перед партией встала задача максимального использования легальных возможностей для работы в массах. КПЮ создала независимые профсоюзы и Независимую рабочую партию Югославии. Особое значение для нее приобрели вопросы: организационный, аграрный, национальный и профсоюзный.

II конференция КПЮ (май 1923 г.) приняла решение о строительстве партии на основе демократического централизма, сочетания «централизма с пролетарской демократией». Отмечая, что «национальные и племенные группировки масс» выступают против существующего режима, она признала необходимым развернуть пропаганду лозунга о праве каждого народа на самоопределение. Конференция указала на важность работы в деревне и поставила задачу разработки аграрной программы партии. В резолюции о профсоюзах подчеркивалась необходимость осуществления тактики единого фронта, активного участия в профсоюзном движении и выполнения решения I конфе-

[60] Там же стр. 34.
[61] «Радничке новине», 7.X 1920.
[62] «Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг.». М., 1933, стр. 363.

ренции (июль 1922 г.) о создании коммунистических фракций в профсоюзах[63].

Эти программно-тактические установки получили дальнейшее развитие в документах III конференции КПЮ (январь 1924 г.). Конференции предшествовала дискуссия по вопросам политики партии; ее итоги, а также опыт практической работы в нелегальных условиях легли в основу принятых конференцией решений. Определяя непосредственные задачи партии, конференция указывала на актуальность лозунгов о едином пролетарском фронте, союзе рабочего класса с крестьянством, рабоче-крестьянском правительстве. Партия должна была энергично бороться за решение национального вопроса в Югославии, требуя признания за всеми народами права на самоопределение, уделять больше внимания аграрному вопросу, работе в деревне, добиваться высвобождения крестьянских масс из-под влияния буржуазных партий, пропагандировать лозунг «Мир и союз с Советской Россией».

В резолюции по национальному вопросу указывалось на СССР как на образец решения этого вопроса в многонациональном государстве, на социальную основу национального движения, говорилось о том, что партия должна оказывать помощь трудящимся в их борьбе против гегемонии сербской буржуазии, за национальное равноправие. Залогом успешной борьбы за национальное равноправие конференция считала создание мощного рабоче-крестьянского блока.

Основываясь на анализе аграрно-крестьянских отношений в различных областях страны, партия пришла к выводу, что крестьянство является естественным союзником рабочего класса. КПЮ требовала ликвидации всех земельных владений, превышавших 30 га, конфискации церковных и монастырских земель, упразднения феодальных пережитков в деревне, предоставления крестьянам дешевого кредита и т. д. Было решено создать комиссию для выработки проекта аграрной программы партии.

Конференция обратила внимание на взаимосвязь политической и экономической борьбы рабочего класса, на необходимость сочетания легальной и нелегальной работы, строгого соблюдения принципа демократического централизма, рекомендовала коммунистам в своей деятельности ориентироваться главным образом на промышленный пролетариат[64]. Решения III конференции явились значительной вехой в развитии теоретической мысли в партии, важным этапом на пути превращения КПЮ в партию нового типа.

[63] *J. Vrčinac.* Rad i zaključci Prve, Druge i Treće konferencije KPJ. «Istorija XX veka», I. Beograd, 1959, str. 249—268.

[64] *V. Vrčinac.* Указ. соч., стр. 268—282; «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II, стр. 60—89.

Влияние Октябрьской революции сказалось на многих сторонах культурной жизни югославских народов, в том числе и в области литературы. Бурные события 1918 — начала 1920-х годов, резкое обострение классовых противоречий и подъем революционного движения обусловили идейную дифференциацию в среде творческой интеллигенции. В эти годы получают свое дальнейшее развитие революционно-демократические традиции, заложенные в предшествующий период, усиливается воздействие пролетарской идеологии на творческую интеллигенцию, ряд ее представителей становятся активными участниками рабочего движения.

Знаменательным событием культурной жизни страны явилось издание в Загребе общественно-политического журнала «Пламен»[65]. Редакторами и авторами многих произведений, опубликованных в этом журнале, были М. Крлежа и А. Цесарец, тесно связанные с рабочим движением и боровшиеся за его революционную ориентацию.

Журнал, заявляя о своей приверженности марксизму, делу рабочего класса, единственный путь решения всех проблем — культурных, политических, экономических и межгосударственных — видел в социальной революции. С интернационалистических позиций «Пламен» выступал в защиту Октябрьской революции, революционных завоеваний трудящихся других стран, восторженно приветствовал создание III Коммунистического Интернационала. С большой симпатией журнал писал о В. И. Ленине. В его статьях говорилось о неизбежности социалистической революции, о диктатуре пролетариата как воплощении будущей, наиболее полной демократии, преимуществах советского строя. На страницах журнала «Пламен» появился новый герой—рабочий, сознательный борец, избравший путь революционной борьбы.

Отстаивая марксизм и пропагандируя идеи Октябрьской революции, издатели «Пламена» вместе с тем отдавали дань анархо-индивидуализму. Им не хватало идейной зрелости, глубокого знания марксистской теории. Правильно определив значение Великого Октября в вопросе о войне и мире, в решении национальных и социальных проблем, они разделяли анархистские взгляды на государство, видели в большевизме одну из разно-

[65] Подробнее по этому вопросу см.: *Г. Я. Ильина.* Хорватская литература 1918—1941 гг. «Зарубежные славянские литературы. XX век». М., 1970; *Г. Я. Ильина.* Журнал «Пламен». «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке». М., 1964; *В. Глигорић.* Пламен Октобарске революције. «Савременик», 1957, 11-12; *В. Заниновић.* Октобарска революција и А. Цесарец. «Савременик», 1957, 11-12; *Z. Stipetić.* Pogledi zagrebačkih književnika komunista na osnovna društvena pitanja u razdoblju 1918—1927. godine. «Revolucionarni radnički pokret u Zagrebu između dva svjetska rata». Zagreb, 1968, и др.

видностей бакунизма. Несмотря на то, что журнал «Пламен» выходил всего несколько месяцев (с января по август 1919 г.), он оказал влияние на последующее развитие югославской литературы, положив начало течению революционной литературы в послевоенной Югославии.

Наследником и продолжателем дела, начатого «Пламенем», но уже на более высоком уровне, явился журнал «Книжевна република», который начал издаваться М. Крлежей в ноябре 1923 г. В нем печатались труды классиков марксизма-ленинизма, произведения советских писателей и литературных критиков. Большое место в журнале отводилось репортажам о различных сторонах жизни Страны Советов.

В рассматриваемый период в югославской литературе нашли свое отражение растущий дух протеста против насилия и эксплуатации, глубокая вера в торжество справедливости. Этими чувствами были проникнуты заметки И. Андрича «Црвени листови», появившиеся в печати в 1919 г. Революционные настроения пронизывали не только прозу, но и поэзию. Высокая гражданственность, сочувствие к рабочему люду характеризовали «Подземную песню» известного сербского поэта А. Шантича. В 20-х годах особенно сильным революционное течение было в словенской поэзии [66]. Тема солидарности с Советской Россией звучала в творчестве молодых словенских поэтов С. Косовела, Т. Селишкара и М. Клопчича. Их стихи звали к революционному штурму.

Анализ документов польского и югославского революционного рабочего движения показывает, что Октябрьская революция являлась важным фактором его идейного развития, характерной чертой которого были решительный разрыв с оппортунизмом II Интернационала, преодоление социал-демократических взглядов и переход на марксистско-ленинские позиции. Считая Октябрьскую революцию закономерным явлением, революционные партии польского и югославского пролетариата подчеркивали ее международное значение, видели в ней проявление общих закономерностей социалистической революции. Они высоко оценивали революционное творчество российского пролетариата и, используя его опыт, выдвинули идею создания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как органов борьбы за диктатуру пролетариата, а затем органов пролетарской власти. По их мнению, задачи социалистической революции в Польше и Югославии заключались в проведении социально-экономических

[66] *Е. И. Рябова.* Словенская революционная поэзия 20-х годов. «Советское славяноведение», 1967, 3; «Основные направления в межвоенной словенской литературе». «Зарубежные славянские литературы. XX век» и др.

и политических преобразований, которые были осуществлены в Советской стране.

Опыт революционной борьбы указывал на важное значение аграрного и национального вопросов. Польские и югославские коммунисты, убедившись в ошибочности своих взглядов по этим вопросам, перешли на ленинские позиции. Они выступили за передачу помещичьей земли безземельным и малоземельным крестьянам, признали право наций на самоопределение. В связи с этим формулируется положение о гегемонии пролетариата и выдвигается лозунг борьбы за создание рабоче-крестьянского правительства.

Применяя тактику единого фронта, коммунистические партии считали необходимой борьбу за удовлетворение частичных требований рабочих, использование избирательных кампаний и трибуны парламента для пропаганды революционных идей. Постепенно складывалось представление о руководящей и организующей роли партии в подготовке и проведении социалистической революции. Значительно обогатилось понятие пролетарского интернационализма. Рассматривая Советскую страну как классового союзника в борьбе за социалистическую революцию, коммунистические партии видели свой долг в оказании ей всемерной поддержки. Дальнейшее развитие получила марксистская философская мысль, начался процесс формирования пролетарского направления в художественной литературе.

Процесс восприятия революционными силами в Польше и Югославии опыта Октябрьской революции, ленинского учения при общих чертах имел некоторые особенности, связанные с традициями и условиями развития рабочего движения в этих странах.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Для отражения фашистской агрессии от народов, которые подверглись нападению гитлеровских полчищ, потребовалась мобилизация всех физических и духовных сил для отпора врагу. В этой мобилизации огромную роль сыграли прогрессивные общественно-политические идеи, оказавшие существенное воздействие как на размах, так и на конечные результаты борьбы народов против фашизма. Наряду с идеями патриотизма и пролетарского интернационализма составным компонентом идеологических средств антифашистской борьбы являлась идея славянской солидарности.

Каковы были социальные силы, включившиеся в это движение, а также характер и степень влияния идеи славянского единства на народные массы, его политические результаты — вот вопросы, которые представляют существенный научный интерес. К сожалению, до сих пор еще нет удовлетворительного ответа на них в исторической литературе, хотя попытки осветить некоторые важные аспекты славянского движения уже предпринимались в ряде стран [1].

Возрождение идеи славянской солидарности было обусловлено общественной потребностью создания в годы войны союза славянских народов как фактора, противостоящего угрозе полного физического уничтожения славян германским фашизмом.

Наиболее дальновидные политические и общественные деятели славянских народов задолго до войны обращали внимание и на явную антиславянскую направленность идеологии гитлеровцев, сформулированной в книгах и выступлениях Гитлера, Геббельса, Геринга, Гесса, Розенберга, Фрича, Шираха и других фашистских руководителей.

В 30-е годы среди славянской общественности усиливается понимание необходимости сплочения славянских народов, укрепления их солидарности в борьбе против фашистской опасности и в особенности укрепления отношений с Советским Союзом.

[1] См.: *Й. Колейка.* Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964; *J. Pawłowicz.* Problematyka i kierunki prac komitetu wszechsłowiańskiego w Moskwie w latach II woiny światowei. «Z polskich studiów slawistycznych». Seria 3. Warszawa, 1968; *J. Hrozienčik.* Všeslavanský výbor v Moskvě. «Slovansky přehled», 6/67.

Это стремление находило взаимное понимание у советской общественности и официальных советских, партийных и государственных кругов. Так, в 1934 г. на XVII съезде партии было обращено внимание мировой общественности на угрозу, которая возникает для славян со стороны фашизма, намеревающегося поработить славянские народы и установить господство «высшей расы». При этом было высказано мнение, что, объединив свои силы, славяне смогут разгромить фашистских захватчиков, как в свое время был разгромлен Рим, третировавший как низшую расу племена германцев и франков[2]. В основу политики объединения славянских народов был положен принцип интернациональной классовой солидарности.

Э. Бенеш в книге «Размышления о славянстве» свидетельствует, что при подписании советско-чехословацкого договора в 1935 г. И. В. Сталин подчеркнул заинтересованность СССР в дружественных связях с Польшей и с большим уважением высказался о тех чувствах солидарности, которые питает чехословацкий народ к славянским народам Советского Союза[3].

В связи с усилением фашистской экспансии, которая угрожала в равной мере славянским странам и СССР, Советское правительство вело интенсивные поиски путей организации защиты от агрессии как по линии создания системы общеевропейской коллективной безопасности, так и по линии укрепления взаимоотношений тех стран и народов, которым эта опасность угрожала самым непосредственным образом. К сожалению, тогда удалось достичь только отдельных, частичных результатов.

В этой связи нельзя не обратить внимания на определенные тенденции современной буржуазной литературы изобразить политику Советского Союза по укреплению единства славянских народов в предвоенные, военные и послевоенные годы как своеобразное возвращение к панславистской политике царской России. К старым уловкам прежних пангерманистов, стращавших Европу «славянской опасностью», решил прибегнуть в 50-е годы нашего века такой глашатай холодной войны и обострения международной напряженности, как Конрад Адэнауэр[4].

[2] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М., 1934, стр. 12.

[3] И. В. Сталин сказал, по словам Э. Бенеша, следующее в ответ на его выступление: «Мы тоже не желаем договариваться ни о чем, что затрагивало бы интересы Польши, с которой хотим иметь самые дружественные связи. Мы не проводим и не будем проводить какой-либо политики расовой исключительности. Но знаем, приветствуем и ценим глубокие чувства широких масс чехословацкого народа, которые проявляются в ваших отношениях к славянским народам Советского Союза» (*E. Beneš*. Uvahy o slovanství. Praha, 1947, str. 15).

[4] В одном из своих выступлений в 1959 г. на конференции реакционной католической унии Neues Abendland К. Аденауэр заявил, что важнейшей задачей ФРГ является мобилизация общественного мнения Европы против «но-

Подобные же взгляды после войны стали высказываться в научной и публицистической литературе. Они имеются, в частности, в книгах Ганса Кона, пытавшегося представить движение славянской солидарности в годы второй мировой войны как «проявление сталинского национализма» и возрождения панславизма [5]. Очевидно, не без влияния западногерманской историографии писали о «советском панславизме» англичанин Джон Эриксон [6], итальянец А. Тамборра [7], М. Джилас и многие другие буржуазные публицисты.

Обращает на себя внимание тот факт, что первой о восстановлении старого царского панславизма начала писать еще до войны германская фашистская пресса, в частности в связи с подписанием советско-чехословацкого договора 1935 г. Современные буржуазные историки, политические деятели и публицисты в своих «обличениях панславизма» воспринимают в определенной степени фашистскую терминологию. И это естественно, поскольку некоторые из них работали в свое время в фашистских учреждениях «по изучению Востока», а такой послевоенный остфоршер, как Ганс Кох, был даже советником Гитлера по восточным делам.

Разоблачая фальсификаторские теории фашиствующих антисоветчиков, официальный орган Советского правительства газета «Известия» писала еще в довоенные годы:

«Советский Союз не стремится ни к какой бы то ни было агрессивной политике, ни к маскировке последней. Он опирается на международную, а не на расовую солидарность. Однако, если немецкий фашизм, стремясь замаскировать свою агрессивную политику, создает теорию, которая утверждает, что славянские народы — это навоз истории, то Советский Союз, который не занимается никакими панславистскими маскарадами, не скрывает, что он считает оборону славянских народов, которым угрожает нападение, не менее обоснованной и заслуживающей поддержки, чем оборона Франции» [8].

Такова была в 30-е годы четкая и ясная позиция Советского государства по вопросу о защите славянских и других стран Европы от фашистской агрессии, и в последующие военные годы Советский Союз остался последовательным борцом за свободу народов. Не считаясь с жертвами, он предпринял все меры для спасения славян, а в равной мере и других народов от истребле-

вых форм агрессии, распространяемой с Востока, которая является не чем иным, как продолжением старой панславянской агрессии». См. «Historický časopis», 1960, č. 2—3, str. 449.

[5] См.: *H. Kohn.* Die Slawen und der Western. Geschichte des Panslawismus. Wien — München, 1956.

[6] *J. Erickson.* Panslavism. London. «Historical Association», 1964, p. 36 and oth.

[7] *A. Tamborra.* Panslavismo e solidarieto slava. Milano, 1955, p. 1847.

[8] «Известия», 17 мая 1935 г.

ния фашизмом, для освобождения их от национального порабощения, для восстановления их национальных государств.

Такая позиция Советского государства определялась характером его общественного строя, исходя из которого В. И. Ленин разработал основные принципы советской внешней политики. Они предусматривали: осуществление пролетарского интернационализма в поддержке борьбы трудящихся масс за свое национальное и социальное освобождение, сотрудничество между народами, признание равноправия всех наций и их суверенных прав, мирное сосуществование государств с различным общественным строем, отпор империалистической политике захватов и угнетения. Эти принципы позволяли построить взаимоотношения между народами на прочной основе всестороннего сотрудничества, дружбы и мира.

Миролюбивая политика Советского государства находила широкую поддержку в первую очередь у пролетариата славянских стран. Новую роль Советской России в мировой политике, ее благотворное влияние на будущее развитие человечества подчеркивали представители передовой славянской общественности. В борьбе за упрочение связей и дружбы своих стран с первым социалистическим государством они обращали внимание на глубокие исторические традиции славянской взаимности и солидарности, на дружеские чувства своих народов к славянам России, справедливо усматривая в развитии этих традиций и сотрудничества с СССР залог независимого и прогрессивного развития славянских народов, восприятия ими революционного опыта русского народа и практики формирования прочных товарищеских взаимоотношений между народами в рамках одного государства.

Выдающийся ученый Чехословакии Зденек Неедлы первый подчеркивал в своих работах и выступлениях, что Советская Россия являет собой пример страны, в которой братски сотрудничают равноправные славянские народы: русские, украинцы, белорусы. Неедлы полагал, что идея славянской солидарности может помочь борьбе славянских народов за социалистическое общество. В этом он усматривал смысл «нового понимания славянской идеи», подчеркивая именно эти прогрессивные и социалистические цели славянского движения после Октябрьской революции.

В демократическом и прогрессивном ее содержании идею славянской солидарности воспринимали коммунистические партии славянских стран, когда организация борьбы против фашизма с его крайней шовинистической идеологией стала главной задачей всей их деятельности. Рабочий класс славянских стран в лице компартий, выдвигая на первый план осуществление пролетарской антифашистской солидарности всех трудящихся, вместе с тем видел прогрессивные, мобилизующие возможности

идеи единства славянских народов в борьбе против захватнических планов германского империализма.

Когда угроза фашистской агрессии нависла над Чехословакией, идеи общности судеб славянства, необходимости сплочения славянских народов приобрели еще большую актуальность и значимость.

Правящим кругам Польши не удалось отравить шовинизмом трудящиеся массы страны. Враждебная позиция, которую заняли эти круги в отношении Чехословакии в 1938 г., остро критиковалась прогрессивной общественностью, особенно рабочими массами. В стране по инициативе КПП проводились манифестации и митинги солидарности с Чехословакией. В конце июня 1938 г. в Домбровском бассейне состоялся съезд Центрального профсоюза горняков, который принял специальную резолюцию, в которой говорилось: «Съезд выражает протест против античехословацкой пропаганды польского радио, правительственной печати и различных санационных деятелей, поддерживающих захватнические планы Гитлера относительно Чехословакии. Нужно быть слепым, чтобы не видеть и не слышать того, что захват Чехословакии создает непосредственную угрозу нападения Германии на Польшу» [9].

Трезвые голоса раздавались в это время и со стороны некоторых польских военных кругов [10]. К сожалению, эти голоса не смогли остановить санационную клику, проводившую антинациональную политику и готовую в то время пойти на открытый конфликт с Чехословакией.

В Болгарии и Югославии наблюдалось широкое общественное движение в защиту Чехословакии. При этом подчеркивалось, что это славянская страна. Вопреки запрету правительства 25 сентября в Белграде состоялась мощная народная демонстрация, участники которой потребовали оказать немедленную помощь Чехословацкой республике в случае нападения на нее фашистской Германии [11].

В чехословацкую миссию в Белграде и военные ведомства Чехословакии поступило около 100 тыс. заявлений югославских граждан с просьбой разрешить им вступить в чехословацкую армию в качестве добровольцев [12].

С гневным осуждением мюнхенского соглашения выступила Болгарская коммунистическая партия [13].

Перед миссией ЧСР в Софии состоялась демонстрация трудя-

[9] Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР СССР), ф. 4459, оп. 12, д. 49, л. 66.
[10] Там же, д. 46, л. 146.
[11] Там же, д. 63, л. 151.
[12] Там же, д. 64, л. 133.
[13] «Чехословакия и България през вековете». София, 1963, стр. 246.

шихся болгарской столицы, участники которой скандировали лозунги: «Да здравствует Чехословакия!», «Да здравствует славянская солидарность!» [14].

Что же касается позиции советской общественности в отношении угрозы Чехословакии, то объективно об этом рассказал в своем заявлении о поездке в СССР в 1938 г. депутат Национального собрания ЧСР, тогдашний видный деятель национально-социалистической партии Й. Давид: «Необходимо еще раз отметить: свою верность Чехословацкой республике подчеркивают не только официальные советские круги, но все слои народов Советского Союза. Делают это простые рабочие, солдаты, интеллигенция — все они хорошо информированы о нашей республике. Мы слышали всюду от людей слова: «Не дайте немецкому фашизму поглотить себя. Мы придем вам на помощь» [15].

Твердая позиция помощи народам Чехословакии, которую занял в мюнхенские дни Советский Союз, способствовала укреплению во всех славянских странах симпатий к СССР.

Постигшая Чехословакию трагедия вызвала среди интеллигенции этой страны определенную депрессию и разочарование в идее славянской солидарности. Она порождена была политикой правящих кругов некоторых славянских стран, в особенности Польши, которые выступили в роли пособников фашистской Германии.

Но идея славянского единства, имевшая среди чехов и словаков глубокие исторические корни, продолжала жить. Вскоре это проявилось в массовых выступлениях в Словакии против участия в фашистской агрессии против Польши. О приверженности чехов идее славянского единства в 1939—1940 гг. вынуждена была говорить и гитлеровская служба безопасности. Уверенность чешских людей, в том числе и некоторых непролетарских слоев, в «великой славянской России» оценивалась ею тогда как «основное настроение чешского народа» [16]. Но фактом является и то, что политика правящих кругов славянских стран, в особенности Польши, воспрепятствовала воплощению идеи славянской солидарности в конкретные меры по сплочению славянских стран ради защиты от фашистской агрессии. В должной мере ее не смогли использовать в этих целях ни прогрессивная интеллигенция, ни рабочий класс славянских стран, хотя коммунисты уже тогда горячо призывали к созданию единого фронта славянских народов против немецкого фашизма [17].

[14] «Чехословакия и България през вековете», стр. 246.
[15] См.: *Č. Amort.* Na pomoc československému lidu. «Dokumenty o československo-sovětském přátelství z let 1938—1945». Praha, 1960, str. 157.
[16] *Й. Колейка.* Указ. соч., стр. 159.
[17] *Z. Konečný.* Revoluční dělnické hnutí v Československu a jeho vztahy k SSSR. Praha, 1960, str. 275—276.

Новый акт фашистской агрессии против Чехословакии — ее оккупация фашистскими войсками в марте 1939 г. — свидетельствовал о нарастании угрозы европейским странам со стороны германского империализма. Этот акт вызвал новую волну тревоги во всех славянских странах. Характерным было выступление по инициативе коммунистов софийских студентов, которые 15 марта 1939 г. объявили трехдневную забастовку в знак протеста против оккупации Чехословакии и вышли на манифестацию. Одновременно в Софии распространились листовки с призывом: «Все на оборону славян и на борьбу против немецкой оккупации малых народов!» [18]

С резким протестом против оккупации Чехословакии выступило Советское правительство, которое расценило ее как акт произвола, насилия и агрессии [19]. Этот протест Советского правительства отражал мнение советской общественности. Как сообщал Геббельсу тогдашний атташе по печати германского посольства в Москве, «широкая советская общественность возмущена оккупацией Праги» и во многих советских городах раздается призыв «помочь славянским братьям». В сообщении констатировалось далее, что в Советском Союзе «опять явно наблюдается проявление идеи всеславянской взаимности» [20].

Советское правительство предприняло большие усилия, чтобы преградить путь фашистской агрессии. Оно предложило созвать международную конференцию представителей государств, которым угрожала фашистская агрессия, с целью воспрепятствовать тому, чтобы трагедия Чехословакии постигла и другие славянские и неславянские государства.

Однако английское правительство, а затем и другие капиталистические страны выступили против этого советского предложения, снова отказавшись от принятия действенных мер против фашистской агрессии.

В 1939—1940 гг. болгарские и югославские правящие круги шли все далее по пути подчинения Германии, что проявлялось, в частности, в их готовности присоединиться к антикоминтерновскому пакту фашистских стран. Среди этих кругов раздавались лишь единичные голоса, выражавшие тревогу по поводу проведения такой антиславянской политики. Но в народе этих стран все больше зрело сознание надвигавшейся опасности. Все более широкие массы захватывала волна сочувствия к порабощенным народам Чехословакии и Польши.

Попыткам укрепления единства славянских народов и создания их общего фронта борьбы с фашистской агрессией гитлеровцы противопоставили излюбленную тактику всех захватчиков —

[18] *Й. Колейка.* Указ. соч., стр. 145.
[19] «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 411.
[20] *Č. Amort.* SSSR a osvobození Československa. Praha, 1970, str. 32.

тактику разъединения славянских стран и народов. Такая тактика была применена уже при осуществлении агрессии против Чехословакии, когда Германия использовала близорукую профашистскую политику польского правительства для вовлечения Польши в осуществление своих захватнических замыслов.

Гитлер использовал также существовавшие национальные противоречия в Чехословакии для противопоставления словаков чехам, для подрыва Чехословацкой республики изнутри. Позже он пытался вовлечь словаков в войну против Польши и СССР. Подобная же политика была применена и в отношении Югославии, когда Болгария была использована против Югославии и когда подобно Словакии было создано марионеточное хорватское государство, проводившее крайне националистическую политику в отношении сербов и других славянских народов Югославии.

Антивоенные выступления в Словакии в связи с началом второй мировой войны, против участия Словакии в ней, широкое развитие освободительного движения в Югославии, в том числе и в Хорватии, как и другие факты, свидетельствуют о том, что гитлеровцам далеко не всегда удавалось достигнуть желаемых результатов даже в марионеточных государствах.

Их замыслы наталкивались на сопротивление народных масс, возглавляемых коммунистами. В связи с нападением на Польшу словацкие коммунисты обратились со специальным воззванием к словацкому народу и армии, в котором гитлеровская агрессия против Польши и участие Словакии в ней квалифицировались как подлое нападение из-за угла, выражалось горячее сочувствие Польше, словацкие солдаты призывались выступить против этой авантюры и помогать всеми мерами братскому польскому народу в его справедливой борьбе. «Мы не будем бороться против Польши,— говорилось в воззвании,— поляки — это славяне, наши друзья». В гарнизонах Кежмарка, Левочи, Кремницы, Банской Штявницы, в Бановце, Нитре, Брезне произошли антивоенные выступления солдат[21]. Некоторые из солдат покидали ряды словацкой армии и вступали в Чехословацкий легион, формирующийся в Польше. Для подавления волнений солдат в Зволене фашистские власти вынуждены были послать фашистские вооруженные отряды, созданные из немцев, так как не доверяли словацким военным частям. В ряде случаев выступления солдат были поддержаны местным населением. В Словакии стало нелегально распространяться сатирическое стихотворение Янко Есенского «Награждение за геройство», в котором высмеивалась словацкая буржуазия, которая, предавая идею славянской общности, присоединилась к разбойничьим походам фашистской Германии. Появление стихотворения свидетельствовало о том,

[21] «Slovanství v národním životě Čechů a Slovaků». Praha, 1968, str. 410.

что агрессию против Польши и участие в ней словаков отвергала прогрессивная словацкая интеллигенция.

В дальнейшем в Словакии широкие размеры приняло движение по оказанию помощи беженцам из Польши.

Коммунистическая партия Словакии повела активную борьбу против лжи, распространяемой фашистской печатью об СССР, пропагандировала дружбу с народами Советского Союза. В 1940 г. КПС распространила серию нелегальных листовок, в которых подчеркивала, что словацкий народ может обеспечить свое национальное и государственное существование, опираясь на Советский Союз, решительно отвергая политику подчинения страны Германии[22]. Эта деятельность КПС имела такие эффективные результаты, что гитлеровский особо уполномоченный в Словакии Кармазин вынужден был делать специальное представление словацкому правительству по поводу распространения в Словакии прорусских и просоветских настроений.

Расчленение Чехословакии и порабощение ее народов, последующее нападение на Польшу — все эти акты фашистского насилия показали славянским народам, насколько настоятельна для них проблема объединения своих сил для противоборства с гитлеровской агрессией. В первую очередь надежды связывались с Советским Союзом, в котором славянские народы видели ту страну, которая спасет их от угрожавшей опасности полного истребления фашизмом.

Эмоциональное содержание идеи славянского единства, характерное для этого движения в прошлом, неизбежно усиливалось социальными факторами. Народные массы видели теперь в упрочении связей с СССР и другими славянскими странами возможность изменения пути будущего социально-политического развития по примеру великой славянской державы — СССР, возможность устранения буржуазных порядков — первопричины постигшей их национальной катастрофы. Такая внешнеполитическая ориентация славянского движения неизбежно придавала ему качественно новые социальные черты.

То, что многим слоям в славянских странах идея славянской солидарности, любовь к русскому народу помогли прийти к социализму, вынуждены были отмечать и гитлеровцы. Так, в декабре 1939 г. немецкие разведывательные органы констатировали, что многие представители мелкой буржуазии, интеллигенции и других слоев чешского населения, благодаря идеям славянской солидарности проникаются симпатиями к революционному социализму[23]. Эта сторона идеи славянской солидарности мно-

[22] «Svedectvo o priatel'stve a spojenectve. Dokumenty». Bratislava, 1970, str. 145.

[23] *V. Král.* Otázky hospodářského a socialníno vývoje v českých zemich 1938—1945, sv. III, Praha, 1959, str. 220.

гократно увеличивала социальный базис славянского движения, позволяла привлечь и включить в него самые широкие слои народа, в первую очередь массы рабочего класса и крестьянства. Эта сторона движения приобретала все большее значение по мере побед Советской Армии над фашизмом, благодаря работе коммунистов среди народа, видевших в славянском движении один из факторов, способствующих процессу объединения всех демократических сил и народов в общей борьбе против фашизма. В этом отношении показательно понимание проблемы создания широкого фронта народов в борьбе против фашизма, которое содержалось в резолюции подпольного ЦК КПЧ (апрель 1941 г.). Отмечая необходимость объединения усилий чехов и словаков с народами Югославии — сербами, хорватами, словенцами и другими, ЦК КПЧ вместе с тем считал необходимым единство со всеми народами Центральной Европы и Балканского полуострова[24].

В резолюции подчеркивалось, что в этом единении народов Центральной Европы и Балкан в борьбе против фашизма особая, ведущая роль выпадает на долю рабочего класса каждой страны и Советского Союза — во внешнеполитическом плане. «Будущее малых славянских народов, будущее чехов и словаков,— говорилось в резолюции,— находится под защитой Советского Союза. Великий русский народ, который по-братски помог свободе белорусов и украинцев и который испытывает дружеские чувства к сербам, хорватам, словенцам, болгарам, является братом также народам чешскому и словацкому»[25].

В разных славянских странах усиление воздействия идей славянской солидарности и дружбы с Советской Россией протекало далеко не равнозначно. Но характерно, что даже в Польше, где этот процесс тормозился долголетней антисоветской позицией правящих кругов и буржуазных партий, эти идеи находили все более широкий отклик. Показательным было создание в Варшаве зимой 1939/40 г. одной из наиболее крупных патриотических организаций — «Общества друзей СССР». Наряду с рабочими его членами были представители интеллигенции и мелкобуржуазных кругов.

Общество в своих органах печати, листовках и устной пропаганде разъясняло значение СССР в качестве союзника польского народа в борьбе против фашизма, боролось с антисоветской клеветой, распространяемой буржуазными кругами. Оно имело связь с польской секцией Коммунистической партии Чехословакии[26]. Пропаганду дружбы с Советским Союзом и порабощен-

[24] «Za svobodu českého a slovenského národa. Sborník dokumentů i dějinám KSČ». Praha, 1956, str. 153.
[25] Там же, стр. 154.
[26] «История Польши», т. III. М., 1958, стр. 553—554.

ными славянскими странами вели многие другие патриотические организации: так, в журнале «Польска людова», который издавала в Кракове подпольная организация «Народная Польша», в июне 1940 г. заявлялось, что освобожденная Польская республика после «антикапиталистической революции» создаст в сотрудничестве с соседними славянскими республиками новое общество.

Было бы неправомерно полагать, что в начальный и в последующий период войны движение славянской солидарности было связано только с деятельностью коммунистических партий. В нем принимали участие разные организации и группы движения Сопротивления, включавшие представителей рабочих, крестьян, интеллигенции и т. п. В определенной степени оно являлось отображением настроений самых различных социальных слоев, их чаяний и надежд на избавление от фашистского порабощения. Безусловно, самое существенное значение для утверждения среди народа веры в Советский Союз как в решающую силу, противостоящую фашизму, и в определенной степени для пробуждения традиционных представлений о России как защитнице славян от чужеземных захватчиков играла коммунистическая пропаганда. Она могла достигнуть реальных результатов только благодаря тому, что политические меры Советского правительства свидетельствовали о его действительных намерениях пресечь фашистскую агрессию и встать на защиту народов, порабощенных фашизмом или тех, которым угрожал германский империализм. Характерный пример являет собой Югославия, где в весенние дни 1941 г. наблюдался подлинно всенародный порыв в пользу заключения советско-югославского союзного договора. Когда над страной нависла реальная угроза фашистской агрессии, позиция Советского Союза, протянувшего руку помощи народам Югославии, вызвала всеобщее воодушевление. Она ассоциировалась у народа Югославии с той дружеской поддержкой, которую неоднократно оказывал русский народ освободительной борьбе сербского, хорватского, черногорского и других югославских народов.

Эти чувства нашли свое проявление в массовых манифестациях в Белграде 26—27 марта 1941 г., когда многие тысячи народа на улицах города единодушно скандировали: «Мы хотим союза с Россией».

В Болгарии в 1940 г. началось широкое народное движение за принятие советского предложения о заключении советско-болгарского пакта о дружбе и взаимной помощи. При этом в Советском Союзе, как подчеркивалось в обращении 150 софийских граждан к премьер-министру Филову, болгарский народ видел страну, «которая как своей экономической, политической и военной мощью, так и по своим историческим, культурным, языко-

вым и бытовым связям близка к нам, болгарам»[27]. Только за декабрь 1940 г. и два первые месяца 1941 г. в адрес Народного собрания и правительства было направлено 340 тыс. писем, телеграмм и петиций с требованием заключить пакт. Под ними подписалось полтора миллиона человек[28]. Несмотря на то что профашистское болгарское правительство не приняло тогда предложение Советского Союза, оно тем не менее вынуждено было считаться со столь определенно выраженным мнением народа и не отважилось затем присоединиться в прямой форме к фашистской агрессии против СССР. Приведенные факты свидетельствуют о том, что уже накануне нападения Германии на СССР идея славянского единства стала одним из важных элементов идеологической платформы антифашистской борьбы.

Идея славянской солидарности в ее демократическом содержании прокладывала себе путь в борьбе с националистическими и шовинистическими взглядами и политическими течениями, по своему характеру антиславянскими. В порабощенных или зависимых славянских странах фашизм посредством марионеточных режимов культивировал крайний национализм и коллаборационизм, вражду к другим славянским народам. Гитлеровцам удавалось, опираясь на местных националистов, сеять раздор, устраивать кровавые столкновения между славянскими народами, как это было, например, в Хорватии и Западной Украине. Националистическим фашистским элементам удалось в ряде стран серьезно отравить атмосферу взаимоотношений между славянскими народами, втянуть свои страны в агрессивные замыслы и походы нацистов. Но рост славянской солидарности в ходе антифашистской войны посеял серьезную тревогу в профашистских кругах марионеточных режимов. Они попытались использовать идею объединения славян в реакционных целях — в борьбе против Советского Союза. Однако даже эти верноподданнические замыслы их марионеток насторожили гитлеровцев, и они неодобрительно отнеслись к такой затее.

Широким массам трудящихся был чужд национализм. В Югославии в освободительной армии и в подполье сражались вместе представители всех народов страны. Клерофашизм оказался бессильным вытравить идеи славянской солидарности из сознания словацкого народа, о чем свидетельствовали массовые переходы словаков на сторону Советской Армии и советских партизан в 1941—1943 гг. и конечный провал антисоветской затеи клерофашизма.

Коммунисты повели самую напряженную работу по разоблачению шовинистических намерений господствующих классов

[27] *Л. Б. Валев.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, стр. 254.
[28] Там же, стр. 258.

своих стран. В Болгарии раздавался мужественный голос протеста болгарских коммунистов, которые в своем обращении к народу по поводу зверского отношения гитлеровцев к военнопленным-югославам, эшелоны которых в 1941 г. перегонялись через Болгарию и Румынию, писали следующее: «Мы считаем долгом международной пролетарской солидарности перед братьями по классу—сербскими рабочими, крестьянами и трудящимися, попавшими теперь в когти безжалостных империалистов, поднять голос протеста против варварского обращения, которому они подвергаются. Мы призываем болгарских рабочих, крестьян, всех трудящихся не забывать своего братского долга перед сербскими пленными и использовать всякую возможность и всякий удобный случай, чтобы оказать им материальную и моральную поддержку. В то же время мы призываем их выразить свое возмущение и протест болгарскому правительству, которое, являясь фактически соучастником безобразий и насилий над сербскими пленными, лишь углубляет пропасть, вырытую правящими буржуазными кликами между двумя братскими соседними народами в угоду империалистам, и наносит огромный вред болгарскому и сербскому народам»[29].

Заметим, что воззвание БРП(к) является еще одним характерным документом, в котором идеи пролетарского интернационализма соединяются с идеей славянской общности. Подобная интернационалистическая постановка славянского вопроса с классовых позиций пролетариата являлась отражением марксистского его понимания всем коммунистическим движением в эти и последующие годы.

Определенную опасность для развития славянского демократического движения представляла идея создания конфедерации и федераций, исходившая от эмигрантских правительств, ориентировавшихся на западные державы и нередко инспирированная правящими группами последних. Попытка практического осуществления такой идеи была предпринята в 1940—1943 гг. чехословацким и польским правительствами в Лондоне. Хотя в этом случае мнение о необходимости единства славян высказывалось крайне осторожно, с оглядкой на английские правящие круги, для которых оно было синонимом панславизма, так же, как и для самих польских буржуазных эмигрантов, тем не менее иногда такие высказывания имели место и должны были служить в пользу осуществления конфедерации.

Не имея возможности подробно анализировать эти планы и отсылая читателя к соответствующим исследованиям[30], мы ог-

[29] *Л. Б. Валев.* Указ. соч., стр. 331.
[30] См.: *M. Turlejska.* Plany konfederacji polsko-czechoslowackiej (1940—1942). «Z polskich studiów sławistycznych»; *B. Laštovička.* V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939—1945. Praha, 1960.

раничимся констатацией, что эти планы и проекты преследовали цель не противодействия германской агрессии, а восстановление довоенных, буржуазных режимов в этих странах. Антидемократическая и антисоветская направленность этих планов делала их инструментом проведения влияния западных держав в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а следовательно, и лишения славянских народов части их суверенных прав. Что касается отношения к антифашистскому движению Сопротивления, то буржуазная эмиграция придерживалась известной тактики выжидания, «держать оружие у ноги» и т. д. Она выхолащивала идею славянской солидарности, лишая ее главной мобилизующей силы подъема народных масс на борьбу с фашизмом.

Качественно новый элемент, который появился в славянском движении после нападения Германии на Советский Союз, состоял в том, что объединение сил славянских народов против общего врага получало реальные возможности для воплощения в жизнь. Ядром такого объединения становился Советский Союз, вносивший решающий вклад в борьбу с фашизмом, а следовательно, и в будущее освобождение порабощенных стран. Славянские народы видели эту тесную связь своих судеб с развитием военных действий на Восточном фронте. Новый акт фашистской агрессии послужил сигналом для всемерной активизации антифашистской борьбы. КПЮ заявила в своем призыве к народам Югославии: «Теперь решится судьба великой России и всех славян — сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, чехов, поляков. Одичалые гитлеровцы хотят истребить славянские народы! Под знамена, братья!»[31].

В воззвании краевого комитета КПЮ в Сербии отмечалось, что в течение столетий сербский народ видел «в великом русском народе защитника своей национальной независимости». Подчеркивая тесную связь судеб народов Югославии с судьбами народов СССР, воззвание призывало народ подняться на вооруженную борьбу против фашистских бандитов, «которые нас, славян, считают низшей расой»[32].

Необходимость сплочения славянских народов диктовала принятие ряда организационных мер для практической реализации идеи славянского единства. Такими мерами стали созыв всеславянского митинга и создание Всеславянского комитета в Москве летом 1941 г. Не было случайностью, что именно Москва стала центром движения славянской солидарности. Это было обусловлено огромным морально-политическим авторитетом Советского Союза среди славянских народов, решающей ролью, которая от-

[31] *И. Ленов.* Борьба югославского народа за независимость и свободу своей Родины. М., 1944, стр. 36.

[32] *J. Marjanović.* Ustanak i narodno oslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1962, str. 83.

водилась ему в освобождении славян, той поистине титанической борьбой, которую он вел тогда на Восточном фронте, сдерживая бешеный натиск врага.

Наконец, Москва была общегосударственной столицей наиболее многочисленных среди славян русских, украинцев и белорусов и оставалась практически единственной свободной из всех славянских столиц, если не считать Софию — столицу Болгарии, самостоятельность которой была практически иллюзорной.

Всеславянский комитет со всей решительностью подчеркивал, что движение славянской солидарности является составной частью общего фронта борьбы свободолюбивых народов против фашизма и что его задачей является пропаганда основной платформы объединения всех народов против гитлеризма на основе общей программы англо-советско-американской коалиции [33]. Это лишало противников идеи славянской солидарности возможности использовать против комитета старые аргументы о возрождении панславизма и якобы особых целях, которых добивается Советский Союз в славянских странах в обход целей антигитлеровской коалиции [34].

В западной послевоенной литературе имеется тенденция связать создание Всеславянского комитета с затруднительным положением советских вооруженных сил в начальные месяцы агрессии Германии против СССР, которому якобы понадобился дополнительный резерв защиты советского строя [35]. Мы видели выше, что идея славянской общности возрождалась, стала набирать силы значительно раньше 1941 г. в связи с антиславянской направленностью фашистской идеологии и политики. Именно это обстоятельство продиктовало необходимость сплочения славянских стран и рождало в массах закономерное стремление к объединению, которое нашло свое выражение в конкретных организационных формах.

Оставляя в стороне дальнейший анализ деятельности Всеславянского комитета, которая раскрыта в ряде уже опубликованных работ [36], мы хотим, однако, подчеркнуть, что в его создании так же, как и в созыве митинга (и в целом в пропаганде славянской солидарности), выдающуюся роль сыграли видные

[33] ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 31.

[34] Конечно, это не могло парализовать противников славянского движения полностью. В майском номере журнала «The Nineteenth century and After» за 1943 г. появилась, например, передовая статья, где говорилось о том, что если не будет создана конфедерация стран Центральной Европы, то вместо опасности пангерманизма возникнет опасность панславизма, «равновесие сил будет снова уничтожено и в Европе не будет возможен справедливый и постоянный мир».

[35] «Slovanství v národním životě Čechů a Slovaků», str. 418.

[36] См.: *J. Pawłowicz.* Указ. соч.; *J. Hrozienčik.* Указ. соч. См. также статью данного сборника, посвященную деятельности Комитета.

представители интеллигенции, деятели литературы и культуры славянских народов, такие, как русские писатели Алексей Толстой и Александр Фадеев, украинский писатель Александр Корнейчук, польская писательница Ванда Василевская, белорусский поэт Янко Купала, известные чехословацкие общественные деятели Зденек Неедлы и Марек Чулен, сербский ученый Божидар Маслярич, болгарский общественный деятель Александр Стоянов, черногорский поэт Радуле Стийенский и другие. Эта в общем традиционная роль передовой славянской интеллигенции в движении славянской солидарности как бы выражала связь во времени движения славянской солидарности периода второй мировой войны с прежними этапами его развития.

Необходимо констатировать, что движение славянской солидарности в годы второй мировой войны опиралось на значительно более широкие социальные слои, чем это было когда-либо прежде. Насколько идея славянской солидарности находила отклик среди солдат болгарской армии, может свидетельствовать следующий факт. В 1941 г. на смертную казнь было осуждено несколько солдат болгарской армии за то, что, охраняя дорогу, они без сопротивления дали разоружить себя сербским четникам. На суде они заявили: «Почему мы должны стрелять в них? (т. е. в четников.—*А. Н.*), ведь это же сербы»[37]. Очевидно, здесь сыграла свою роль работа болгарских подпольных антифашистских организаций, которые распространили среди солдат множество листовок с призывом к братанию с сербами[38].

Подтверждение широкого распространения идей славянской взаимности в народе мы найдем также и в действиях словацких солдат, которые, будучи посланы на советско-германский фронт, уже в первых боях стали добровольно сдаваться в плен советским войскам и советским партизанам, заявляя, что они не желают воевать против своих братьев-славян. Характерным в этом отношении являлось заявление солдата из роты ВНОМ словацкой мотодивизии Антона Вечерни, который говорил, отмечая у солдат понимание идеи славянской солидарности: «Славяне — поляки, русские, словаки, чехи и другие должны объединяться и противопоставлять себя немецкой опасности. Если это случится, то Германии придет конец»[39].

В донесении одной из словацких организаций движения Сопротивления сообщалось, что «90% личного состава словацкой армии имеют всеславянское убеждение»[40]. Война против русских для этой армии — война против собственного убеждения, а вою-

[37] АВП СССР, ф. 0138, оп. 22а, д. 33, л. 16.
[38] Там же.
[39] «Информационный бюллетень 7-го отдела политического управления Закавказского фронта», 1943, № 41, стр. 54.
[40] «Slovanské národné povstanie. Dokumenty», Bratislava, 1965, str. 62.

ют лишь потому, что перемешаны с немцами, от которых в случае сопротивления им грозит смерть»[41].

Не менее убедительным доказательством этого глубокого проникновения в народные массы идеи славянской солидарности было появление в Словакии подпольных организаций славянского единства. Наряду с появлением «Всеславянской революционной организации», созданной студентами Братиславы и ставившей цель объединения славян в единой государственной организации — Союз славянских государств,— в Прешове рабочие создали «союз всеславянского объединения», который по сообщению УШБ, был близок к коммунистическим идеям[42].

Бесспорную роль в этом укоренении идеи славянской солидарности в сознании масс сыграли воззвания Всеславянского комитета и славянских митингов, которые передавались по радио и издавались подпольной прессой в оккупированных фашистами славянских странах. Печатались они на страницах подпольных изданий коммунистической прессы Югославии, Болгарии, Польши, Чехословакии. В этой решительной поддержке коммунистами заключались главные потенциальные возможности движения славянского единства.

Коммунистические партии в процессе развертывания антифашистской борьбы все более осознавали себя не только авангардом рабочего класса, но и вождем всей нации. Они были призваны поставить такие задачи и цели, которые могли сплотить наиболее широкие слои нации, т. е. могли стать задачами и лозунгами общенациональными. В этой связи коммунисты славянских стран активно и решительно поддержали идеи славянского единства, имевшие глубокие традиции в жизни народов, а в годы страшной фашистской опасности получившие всенародный отклик.

Коммунисты придали им демократическое и гуманистическое содержание, освободив их от реакционного панславизма, обогатили их идеями революционного характера, пролетарского интернационализма, сочетая их с идеями единства и солидарности всех народов, боровшихся против фашизма, за свободу и независимость. В своем первом программном воззвании «К рабочим, крестьянам и интеллигенции, ко всем польским патриотам» от 15 января 1942 г. Польская рабочая партия, сочетая принципы пролетарского интернационализма с идеями солидарности славянских народов, подчеркивала, что все народы, борющиеся против германского фашизма, являются союзниками польского народа. «Народ польский,— говорилось в воззвании,— не одинок в своей борьбе за свободу. В общем с нами фронте борются за

[41] «Slovanské narodné povstanie». Dokumenty, стр. 62.
[42] *J. Hrozienčik.* Karpatská ofenzíva a prichod Sovetske armady na vychodné Slovensko. «Otázky národni a demokratičné revoluce v ČSR». Praha, 1955, str. 82.

свое освобождение все славянские народы. Не хотят быть и не будут рабами Гитлера ни чехи, ни словаки и закарпатские украинцы, ни сербы, хорваты, словенцы, болгары и другие, подобно как и мы, поляки. Вместе с великим народом русским поднимемся все на священную борьбу за освобождение славян от ярма крестоносцев. Плечом к плечу с народом польским борется народ французский, бельгийский, голландский, норвежский и другие» [43].

Коммунисты придали движению славянской солидарности перспективность, тесно увязали его с будущим государственным развитием славянских стран. Они увидели, что прогрессивные стороны этого движения будут способствовать социально-политическому преобразованию общества, укреплению внутренних политических и культурных связей между народами в многонациональных государствах и упрочению политических, экономических и культурных связей между славянскими странами как в ходе войны, так и после ее окончания.

Именно коммунистам принадлежит главная заслуга в том, что славянское движение соединялось с перспективой развития славянских стран к социализму. В своей пропаганде они указывали на то, что причиной постигшей народы национальной катастрофы является прогнивший буржуазный строй, что национальное освобождение от фашистского гнета должно сочетаться с глубокими социально-политическими преобразованиями, призванными обеспечить развитие общества по новому пути.

Благодаря инициативе и усилиям коммунистов в программные документы формирующихся народно-демократических правительств были внесены положения, которые подчеркивали необходимость решения социальных вопросов в духе демократических славянских традиций и в особенности по примеру Советского Союза.

Коммунисты обеспечили разработку концепции новой внешней политики своих государств, которая предусматривала тесный союз с СССР и другими славянскими странами. Они сумели обосновать, что такая концепция соответствует традициям национального развития. Много внимания выработке такой концепции уделил выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров. В статьях и выступлениях военных лет он раскрыл глубокие корни общности исторических судеб болгарского народа с русским и другими славянскими народами.

В статье «Куда идет Болгария?» Димитров писал: «Два исторических факта глубоко связали болгарский народ с великим

[43] «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej partii robotniczej w latach 1942—1945 (Wybór materiałow i dokumentów)». Książka i wiedza, 1958, str. 12.

русским народом. Во-первых, свое национальное освобождение Болгария получила из рук русского народа. Этот факт укрепил в среде болгарского народа глубокие традиции признательности и любви к русскому народу. Во-вторых, болгарский и русский народы связаны общностью судеб славянских народов в борьбе против тевтонского стремления к поглощению славян. Кровное славянское родство, близость языка, общность письменности и культуры, общность интересов в борьбе против немецкой опасности создали, таким образом, основу нерушимой связи между болгарами и русскими». И далее, подчеркивая, что Октябрьская революция еще более расширила возможности дружбы между болгарским и русским народами, он писал: «Нужно ли доказывать, что после того как русский народ ликвидировал царизм и взял свою судьбу в собственные руки, создались исключительно благоприятные условия для расцвета самой сердечной дружбы между двумя славянскими народами»[44].

На основе анализа развития исторических связей между Болгарией и Россией и другими славянскими странами Г. Димитров приходил к логическому выводу: «История балканских народов неопровержимо свидетельствует о том, что национальная независимость и процветание Болгарии возможны прежде всего при условии самой близкой дружбы с соседними славянскими народами. Вот почему превращение Болгарии в орудие гитлеровской Германии против Советского Союза и предательства по отношению к Югославии, по отношению к славянским братьям болгарского народа на Балканах — македонцам, сербам, черногорцам, хорватам, словенцам — было тягчайшим преступлением»[45].

В том же 1943 г. была опубликована работа Яна Швермы «Славянская идея в чешской политике», где на основе анализа развития национально-освободительного движения чешского народа в XIX в. и в последующие годы автор показывает, что идея братства славянских народов была одной из основных в духовном развитии чешского народа, в формировании национального самосознания широких народных масс, что она не потеряла своего значения, что и теперь «вера в славянство является главным источником моральной силы нашего народа»[46]. Показав, что борцы за свободу народа видели в этой идее прежде всего ее демократическое содержание, раскрыв значение Октября в ликвидации панславизма, Ян Шверма пришел к выводу, что, опираясь на эти демократические традиции и умонастроения народа, необходимо добиться ориентации внешней политики страны на союз с СССР и другими демократическими славян-

[44] *Г. Димитров.* Избранные произведения, М., 1957, т. II, стр. 9.
[45] Там же, стр. 11.
[46] *J. Šverma.* Slovanská myšlenka v české politice. Praha, 1945, str. 12.

скими странами и тем самым избавить страну от опасности повторения национальной катастрофы, подобной Мюнхену 1938 г. Ян Шверма кончает книгу следующими знаменательными словами: «Демократическая солидарность славянских народов, опирающаяся на «русский дуб» (Ян Шверма применяет здесь традиционное сравнение для выражения силы русского народа. — *А. Н.*), обеспечивающая свободу нашего народа, солидарность, которая была для наших будителей лишь мечтой, становится теперь славной действительностью. Эта действительность станет прочным устоем нашей чешской политики сегодня и в будущем. Весь наш прошлый опыт и бурные события, которые мы переживаем теперь, доказывают, что это прочный гранитный фундамент, на котором мы можем построить счастливую жизнь для себя и для своих потомков»[47].

Эту мысль Ян Шверма повторил позже, в октябре 1944 г., в известной речи на заседании Словацкого Национального Совета, в отношении совместного государственного развития чехов и словаков[48]. Георгий Димитров, Ян Шверма, все коммунисты и прогрессивная общественность в целом, видели, таким образом, в славянской солидарности прежде всего те ее реальные возможности, которые помогали славянским народам создать свободные демократические государства, гармонично развивающиеся в обстановке сотрудничества со славянскими и другими независимыми народами.

Клемент Готвальд, выступая по радио после создания Всеславянского комитета, подчеркивал принципиальное отличие движения славянской солидарности от прежнего панславизма: «Сегодня главное значение славянского единства заключается в борьбе всех славян за мир против немецкого нацистского врага»[49].

Зденек Неедлы, один из выдающихся глашатаев единства славянских народов, видел коренное отличие славянского движения периода второй мировой войны от предшествующего времени в том, что идея, выражающая мечты об объединении славян, какой она была в годы Яна Коллара, превратилась в реальную и боевую силу, «которая играет уже сегодня и будет играть завтра в послевоенной Европе еще более великую роль»[50].

Идея славянской солидарности способствовала изживанию националистических и шовинистических настроений, неприязни

[47] *J. Šverma.* Указ. соч., стр. 41—42.

[48] Ян Шверма заявил тогда: «обеспечение нашего национального и государственного существования для нас и потомков мы будем искать там, куда обращали свой взор наши деды и отцы,— в славянской могучей России». *J. Šverma.* Vybrane spisy. Praha, 1955, str. 410.

[49] *K. Gottwald.* Spisy, sv. IX, str. 52.

[50] *Z. Nejedly.* Moskevské statí. Praha, 1950, str. 137.

и недоброжелательства, присущих в прошлом для многонациональных буржуазных государств, построенных на национальном угнетении.

В этом отношении характерной была мысль, высказанная Вацлавом Копецким в статье «Чехи и словаки», где он подчеркивал, что оба народа Чехословакии — чехи и словаки — являются сторонниками главных принципов славянской идеи — равенства и братства — и что «эти идеи послужат делу прочного государственного существования славянских народов»[51].

Идеи солидарности и единства славянских народов, сформулированные деятелями коммунистических партий на основе опыта развития освободительного движения народных масс, получили затем свое конечное воплощение в важнейших партийных и правительственных программах, а также в других программных документах славянских стран.

В программной декларации Польской рабочей партии, опубликованной в ноябре 1943 г., «За что мы боремся?» содержалось следующее важное положение:

«Установление добрососедских и союзнических отношений с СССР станет важным и решающим фактором, обеспечивающим нашу обороноспособность, экономический потенциал и позиции в Европе. Подобные же самые близкие связи дружбы и сотрудничества должны быть установлены и другими братскими славянскими народами»[52].

Эти принципы новых взаимоотношений между славянскими народами, ликвидации национального угнетения украинцев и белорусов и признания их права на воссоединение получили затем воплощение в актах КРН (Крайовой Рады Народовой) и в июльском (1944 г.) манифесте ПКНО. Что касается последнего, то манифест высказывался за «осуществление исторического поворота в отношениях с СССР путем дружественного урегулирования вопроса о восточных границах, проведения политики прочного союза с СССР и Чехословакией, а также сотрудничества с государствами антигитлеровской коалиции[53].

В Чехословакии идея сотрудничества со всеми славянскими народами в качестве программной внешнеполитической линии будущего государства была сформулирована впервые в декабре 1943 г. в так называемом «рождественском соглашении» Компартии Словакии с некоммунистическими организациями движения Сопротивления: «Мы выражаем пожелание о тесном сотрудничестве со всеми славянскими государствами и народами, особенно с СССР, в котором видим защиту свободной жизни и

[51] *V. Kopecký.* Češi a slováci. «Československé listy». 15.IX 1943.
[52] «Kształtowanie się podstaw programowych», str. 146.
[53] «Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации». М., 1968, стр. 430.

всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности»[54].

Линия всестороннего сотрудничества, союза и дружбы с СССР и славянскими странами была определена в качестве главной линии внешней политики народной демократической Чехословакии в Кошицкой программе правительства Национального фронта чехов и словаков[55].

По мере укрепления славянской солидарности и упрочения антигитлеровской коалиции стали брать верх демократические тенденции среди славянских землячеств в США, Канаде, Австралии и т. д. Среди них нашли отклик обращения Всеславянского комитета и славянских митингов. Широкое движение миллионов американских славян оказывало положительное воздействие на политику американского правительства, вынуждая его идти на усиление сотрудничества с СССР в войне с Германией. В частности, оно сыграло определенную роль в открытии второго фронта в Европе, в срыве некоторых антисоветских замыслов и т. п.

Прогрессивную роль сыграли также демократические славянские организации в Латинской Америке и Австралии, а также некоторые из эмигрантских организаций в Англии. Так, заслуживает внимания попытка польских демократических кругов в Лондоне издавать свой печатный орган «Еднощь и чын» , в котором содержались критические замечания в адрес реакционных планов создания антисоветского блока польским эмигрантским правительством. Журнал был, однако, вскоре закрыт якобы «из-за недостатка бумаги».

В феврале 1942 г. был создан «Чехословацкий комитет славянской взаимности», который солидаризировался с деятельностью Всеславянского комитета в СССР. В начале 1944 г. был создан такой же ориентации «Польский комитет по славянскому единству» и, наконец, в апреле 1944 г. в Лондоне был создан «Славянский комитет», объединивший представителей демократически настроенных чехословаков, югославов, болгар. Он сыграл известную положительную роль, поддержав деятельность Всеславянского комитета.

Внедрение идеи славянской солидарности в ее демократической интерпретации в широкие массы народа имело большое значение для развития национально-освободительного движения и упрочения боевого сотрудничества славянских народов в борьбе с фашизмом. Формирование этого сотрудничества проходило как по официальной линии участия чехословацких, польских воинских формирований в боевых операциях на советско-гер-

[54] «Slovenske narodne povstanie», str. 126. В таком же духе идея сотрудничества со славянскими народами была сформулирована в Манифесте СНС 4 февраля 1945 г. «Cesta ke květnu», sv. 1, č. 2. Praha, 1965, str. 488.

[55] См. «Program vlady Národni fronty Čechů o Slovanků». Praha, 1945.

манском фронте вместе с Советской Армией, так и по линии участия представителей славянских народов в партизанском движении других славянских стран. Его проявлением было то радушие, с каким в славянских странах принимали бежавших из фашистских концлагерей или насильно мобилизованных на работу советских граждан и представителей других славянских народов, а также та восторженная встреча, которая была оказана Советской Армии на земле славянских народов. Такое радушие навсегда останется в памяти советских людей. Совместная борьба граждан славянских стран в партизанских отрядах или воинских частях способствовала взаимному ознакомлению с культурой, обычаями, языком и общественной жизнью, что не могло не содействовать упрочению союза славянских народов.

Что касается народа Советского Союза, то идея славянской солидарности в годы войны пустила глубокие корни в его сознании. Это проявилось и в том горячем сочувствии, с которым относился советский народ к освободительному движению в братских славянских странах, в желании помочь этим народам быстрее сбросить ненавистное иго чужеземной оккупации. Тысячи советских людей участвовали в партизанском движении в Польше, Чехословакии, Югославии и Болгарии. Миллионы их приняли участие в освобождении этих стран в составе частей Советской Армии. И немалую роль в том моральном подъеме, с которым советские солдаты, офицеры и партизаны участвовали в боях за освобождение славянских народов, сыграла идея солидарности славян. Неслучайным является тот факт, что в предсмертной радиограмме командир партизанского отряда «Ян Гус» советский майор Александр Фомин от имени окруженных гитлеровцами, обреченных на смерть семи партизан радирует командованию: «Мы жили ради чехословацкого народа, ради счастья и будущего славянских народов, ради уничтожения немецких фашистов. Фомин. 27. 3. 45» [56].

Движение славянской солидарности в СССР имело и другую сторону. Оно повысило у советского народа, как и у народов других славянских стран, интерес к литературе, истории и культуре славян. В условиях военного времени, при ограниченности материальных возможностей и кадров основная задача по удовлетворению этого интереса легла на периодическую печать, которая стала чаще публиковать материалы по истории и культуре славян. Стали устраиваться общественные собрания и заседания, посвященные юбилейным датам славянских писателей, художников, музыкантов и общественных деятелей. Советская печать использовала эти юбилеи для ознакомления советских людей с культурным наследием славян, с лучшими демократическими традициями их литературы и искусства.

[56] Материалы Музея партизанской бригады «Ян Гус» в Лешковицах (ЧССР).

Славянская тематика в военные годы нашла отражение в творчестве таких маститых советских поэтов и писателей, как Павло Тычина, Николай Тихонов, Якуб Колас, Максим Рыльский, Алексей Сурков, Алексей Толстой, Александр Фадеев и других. Славянские мотивы зазвучали в творчестве сказителей, в безымянных песнях партизанского фольклора. Среди советских партизан в годы войны большую популярность приобрели песни, относящиеся ко времени русско-турецкой войны: «Под небом Сербии гонимой», «Там вдали в горах Карпатских», «Под ракитою зеленой русский раненый лежал» [57].

Незримые нити духовных связей привели к тому, что многие возникшие в годы войны советские песни, песни советских партизан пелись в партизанских отрядах Югославии, Чехословакии, Болгарии. Иногда мотивы этих песен слышались на тайных сходках и встречах патриотов. Формы ознакомления с культурным наследием славян играли немалую роль в утверждении духа солидарности в общей борьбе, создавали определенные умонастроения у людей, которое проявлялось нередко стихийно в надписях на советских автомашинах, двигавшихся к границам Польши и Чехословакии. Как отмечал А. Крушинский в сентябре 1944 г., на этих машинах можно было видеть надписи: «Поможем братьям-полякам» или «Нас ждет братская борющаяся Чехословакия!» [58]

Широкая поддержка движения славянской солидарности советским народом объясняется тем, что это движение приобрело демократическую направленность, ничего общего не имея с политикой царского панславизма, и помогало народам СССР решать задачи: разгромить гитлеровскую Германию и помочь освобождению порабощенных народов. Громадное значение для успеха движения имела политика Советского правительства, проводившего последовательную линию на сотрудничество славянских стран в рамках антигитлеровской коалиции. Оно заключило соответствующее соглашение о взаимной помощи в войне с Германией с чехословацким, польским и югославским правительствами, пошло навстречу их пожеланиям о создании национальных воинских частей на территории СССР и оказывало широкую поддержку национально-освободительной войне славянских народов в другой форме.

Сложившееся в ходе войны политическое и военное сотрудничество славянских народов, явившееся плодом совместных усилий Советского Союза и славянских стран, стало влиятельным фактором послевоенного развития Европы.

[57] *В. Е. Гусев.* Партизанская народная песня у славян в годы второй мировой войны. «V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 273.
[58] «Комсомольская правда», 14 сентября 1944 г.

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ, Г. П. МУРАШКО, В. С. ПАРСАДАНОВА

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Период фашистского порабощения и освободительной борьбы славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы характеризовался формированием и борьбой в политической жизни Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии различных концепций общественно-политического развития. Уничтожение чехословацкой, польской, югославской государственности, установление оккупационных режимов либо фашистских квислинговских администраций, превращение Болгарии в сателлита нацистской Германии со всей остротой поставило перед народами этих стран коренные вопросы их национального существования. Ни один социальный слой, политическая группировка, идеологическое течение не могли не дать так или иначе ответа на эти вопросы. Концепции национального, общественно-политического и государственного развития, выдвигавшиеся различными классовыми силами, нашли свое непосредственное выражение в остроконфликтной политической практике, в борьбе как против фашистских захватчиков, так и между внутренними социально-политическими группировками. Разгром фашизма и победа концепций, выдвигавшихся коммунистическими партиями, привели к национальному и антифашистскому освобождению Югославии, Польши, Болгарии, Чехословакии и определили их поворот на новый путь.

Различные концепции, отражавшие общественно-политическую структуру четырех славянских стран и специфику условий в каждой из них, заслуживают самого пристального исследования во всех своих идеологических, культурных, политических аспектах. В этом смысле многое уже сделано в самих названных странах, а также за их пределами, в частности в Советском Союзе. Данный доклад ставит целью, во-первых, проследить основные типы концепций, определить свойственные им наиболее характерные черты. Во-вторых, сопоставить реальное историческое место и роль этих типов в связи с освободительной борьбой народов Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши, с определением путей национального, социального и антифашистского освобождения.

В условиях фашистской агрессии и второй мировой войны важнейшее значение приобретал прежде всего вопрос об отноше-

нии к фашистскому «новому порядку в Европе» и к своей национальной судьбе. С этой точки зрения все концепции национального развития, выдвинутые в Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии в тот решающий для национальных судеб момент, шли в основном по двум направлениям, которые можно обозначить как антигитлеровское и прогитлеровское[1]. Однако в то время как буржуазные течения антигитлеровского направления видели цель в том, чтобы освобождение от фашизма сочеталось с сохранением капиталистического строя, с восстановлением довоенных режимов, коммунистические партии выдвигали принципиально иную программу национального развития, основанную на глубоком революционно-демократическом преобразовании общества.

Прогитлеровская ориентация имела наибольшее место там, где в этом направлении действовали не только классово-политические и идеологические факторы, но и факторы, связанные с практической политикой фашизма, с конкретным положением рассматриваемых стран в системе «нового порядка». Это прежде всего касалось Болгарии, которую антинародный монархо-фашистский режим привязал к «оси», превратив в гитлеровского сателлита. В Словакии и Хорватии местная реакция под эгидой Германии (в Хорватии — Германии и Италии) провозгласила создание так называемых независимых государств.

Стержнем концепции национального развития, носителем которой выступали прогитлеровские реакционные силы Болгарии, Словакии и Хорватии, стала неразрывная связь с гитлеровским рейхом и фашистским «новым порядком».

Важнейшим элементом этой концепции являлось стремление реакционных правящих кругов Болгарии, Словакии и Хорватии удовлетворить в рамках «нового порядка» свои шовинистические и националистические притязания. Великоболгарский шовинизм, как подчеркивал Г. Димитров, явился почвой, на которой бесчинствовал в Болгарии фашизм, основой, на которой предатели нации привязали страну к Германии[2]. Националистические концепции представляли установление марионеточных фашистских режимов в Словакии и Хорватии как национальное освобождение и получение независимости, а созданные «государства» как средоточие и смысл национального развития[3].

[1] Те из концепций, которые в определенные моменты можно было рассматривать как промежуточные, в конечном итоге, как правило, оказывались в русле одного из названных направлений.

[2] См.: *Г. Димитров.* Съчинения, т. 11. София, 1954, стр. 154—155.

[3] Об идеологии и практике людацкого и усташского режимов см. подробнее. *Г. Гусак.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, стр. 21—37; *А. И. Недорезов.* Национально-освободительное движение в Чехословакии 1938—1945. М., 1961, стр. 91—104; *С. Симић.* Туђинске комбинације око НДХ. Титоград, 1958; *F. Culinović.* Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970, str. 209—384.

На деле, однако, «национальный выбор», предлагавшийся и навязывавшийся носителями прогитлеровских концепций, означал полное принятие антинародной идеологии и практики фашизма с его террористической диктатурой, уничтожением демократических принципов и гражданских прав, подавлением не только революционно-демократических сил, но вообще инакомыслящих элементов.

Насаждая террористическую тоталитарную диктатуру, фашистские режимы, в первую очередь в Хорватии и Словакии, широко пропагандировали и практиковали расизм и национальные гонения[4]. Фашиствующий национализм людацкой и усташской концепций тесно переплетался с воинствующим клерикализмом крайней католической реакции, создавая особый тип клерофашизма.

Приобретавший расистский характер шовинизм прогитлеровских режимов в Хорватии, Болгарии, Словакии оказывался направленным не только против инонационального населения. Так, стремление фашистских кругов Болгарии, ее правящей верхушки доказать в духе нацистских доктрин принадлежность к «высшей расе» выразилось в распространении и популяризации правительственными и военными органами пропаганды теорий, игнорировавших славянский и ставивших на первое место протоболгарский элемент в происхождении болгарского народа, объявлявших болгар народом монгольского либо гуннского происхождения[5]. Эти теории были одновременно призваны идеологически подкрепить великодержавные притязания монархо-фашистского режима. Направляя разжигаемый ими хорватский национализм против других славянских народов Югославии и декларируя арийское происхождение хорватов, усташи и их фюрер А. Павелич выдвинули тезис о не славянском, а готском происхождения хорватского народа[6]. В Словакии фашистская верхушка, фальсифицируя национальную историю, пропагандировала идею немецко-словацкой политической сопринадлежности, будто бы всегда являвшейся важнейшим фактором

[4] Были приняты, в частности, расовые законы по образцу нацистских, преследовались евреи, цыгане, проводилась «аризация». Людацкий и усташский режимы проводили, соответственно, античешскую и антисербскую политику, что вылилось в «Независимом государстве Хорватии» в форменный геноцид в отношении сербов: по данным исследований последних лет, было убито от 200 до 300 тыс. человек (*L. Hory — M. Broszat.* Der kroatische Ustascha Staat 1941—1945. Stuttgart, 1964, S. 102; *D. Lukač.* Ustanak u Bosanskoj krajini. Beograd, 1967, str. 67).

[5] См.: *Д. Крънджалов.* Хуни ли сме ние, българите? София, 1947.

[6] См.: *F. Jelić-Butić.* Ustaški pokret i hrvatsko nacionalno pitanje. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1969, br. 4, str. 188; *B. Krizman.* Pavelićev dolazak u Zagreb 1941 godine. «Zbornik Historijskog instituta Slavonije», br. 1. Slav. Brod, 1963, str. 191; *V. Novak.* Magnum Crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, MCMXLVIII, str. 875.

национальной свободы и государственности[7]. Тем самым прогитлеровские концепции национального развития были либо, как в Болгарии и Хорватии, прямо направлены против национального самосознания болгар и хорватов как славянских народов, либо, как это было в Словакии, вели к фальсификации представлений о прошлом народа и его исторического национального опыта, также неотделимых в итоге от национального самосознания.

Несколько особый тип концепций прогитлеровского направления был характерен для квислинговских сил в созданном гитлеровцами протекторате Богемии и Моравии, в оккупированной нацистами Сербии, в захваченной итальянскими фашистами части Словении — так называемой Люблянской провинции.

Здесь захватчики не пошли на создание «независимых государств», а допустили лишь сформирование обладавших весьма ограниченными полномочиями «национальных» органов и администраций, назначаемых и полностью контролируемых оккупантами. Поскольку чехи в довоенной Чехословакии и сербы в Югославии занимали положение господствующих наций, прогитлеровские концепции преподносились реакционными квислинговскими кругами преимущественно как концепции, во-первых, «наименьшего зла», «лучшего выхода», открывающего путь сохранению «национальных возможностей» в рамках создаваемого «нового порядка», во-вторых,— обеспечения «мира и порядка» для «лояльных граждан». Эти два момента лежали в основе официальной «национальной» идеологии и пропаганды как марионеточного правительства протектората во главе с «президентом» Э. Гахой, так и сербского «правительства национального спасения» М. Недича[8]. С некоторыми особенностями это было свойственно и коллаборационистским концепциям национального развития в Люблянской провинции[9].

Что же касается северной части Словении, включенной в гитлеровский «рейх», то проводимая там оккупантами политика полного подавления и открытой денационализации не оставляла места прогитлеровским концепциям национального развития. Вследствие того же, а также в силу ряда других причин, связанных с особенностями исторического развития, национальные концепции прогитлеровского направления отсутствовали как фактор в политической жизни оккупированной нацистской Гер-

[7] См.: *Г. Гусак.* Указ. соч., стр. 26.

[8] О концепциях и режиме протектората и квислинговской администрации Недича см.: *А. И. Недорезов.* Указ. соч., стр. 69—103; *V. Kral.* Otázky hospodařského a socialního vývoje v Českých zemích v letech 1938—1945, d. I. Praha, 1957; он же. Pravda o okupací. Praha, 1962; *F. Čulinovié.* Okupatorska podjela..., str. 429—472, 499—522.

[9] См.: *M. Mikuž.* Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji, knj. I. Ljubljana, 1960, str. 60—61.

манией Польши[10], где всем слоям народа было очевидно, что никакое национальное существование невозможно без уничтожения фашистского гнета.

Развернувшееся уже летом — осенью 1941 г. восстание в Сербии показало, что сербский народ решительно отверг предательскую позицию недичевской клики и единственный путь национального спасения видел в освобождении от фашистского порабощения[11]. Очень быстро потерпела также банкротство прооккупационная концепция и политика ее сторонников в Люблянской провинции: уже с лета — осени 1941 г. здесь развернулось сильное партизанское движение, и даже значительная часть буржуазных группировок в условиях, когда не была получена обещанная автономия, отказалась от явной поддержки захватчиков, хотя и сотрудничала с ними в борьбе с освободительным движением[12].

В протекторате сопротивление оккупантам развивалось несколько медленнее и приняло иные, чем в Сербии и Люблянской провинции, формы. Однако демонстрации, прокатившиеся по стране осенью 1939 г., наглядно показали, что широчайшие слои чешского народа были враждебны оккупационному режиму и связывали свое национальное будущее с освобождением от гитлеровских захватчиков. В дальнейшем антифашистские выступления в протекторате все больше принимали форму саботажа, диверсий, а затем и вооруженной борьбы, вылившись в майское восстание 1945 г.[13]

Носителям прогитлеровских концепций национального развития в Болгарии, Словакии, Хорватии удалось на некоторое время дезориентировать довольно значительные слои населения националистической и шовинистической демагогией. Но эта демагогия не могла надолго скрыть их антинациональную сущность. Германия и Италия непрестанно вмешивались во внутреннюю жизнь Словакии и Хорватии, определяли их границы, решали судьбу ряда районов, присоединяя их к своей территории или передавая другим членам «оси». Германский капитал захватил важнейшие позиции в словацком хозяйстве, следствием чего было прямое экономическое ограбление Словакии гитлеровца-

[10] Вопрос о роли в условиях гитлеровского оккупационного режима в Польше, Чехословакии, Югославии тех групп населения, которые входили в категорию «фольксдойче», остается за рамками рассмотрения темы данного доклада.

[11] См.: *J. Marjanović*. Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963.

[12] См.: *M. Mikuž*. Pregled zgodovine..., knj. I—II; «Prispevki za zgodovino delavskega gibanja», let. VI, št. 1—2 (Zbornik razprav in obravnav znanstvenega posvetovanja o Osvobodilni fronti slovenskega naroda). Ljubljana, 1966.

[13] См.: *А. И. Недорезов*. Национально-освободительное движение в Чехословакии...

ми[14]. В Хорватии одной из наиболее тяжелых форм эксплуатации со стороны нацистского «рейха» явился принявший широкие размеры вывоз рабочей силы в Германию[15]. Все это ярко демонстрировало подлинную цену «национального возрождения» в рамках усташского и людацкого режимов.

С некоторыми особенностями, вытекавшими из положения Болгарии в фашистском блоке, шло полное подчинение ее не только внешней, но и внутренней политики, ее людских и материальных ресурсов интересам гитлеровцев. Система финансовых и внешнеторговых расчетов, приводившая к непрерывному выкачиванию средств, усугублялась германским вмешательством в вопросы развития болгарской экономики, расходами Болгарии по содержанию гитлеровских войск на ее территории[16].

Осуществляя свои прогитлеровские концепции, фашистские правители Словакии, Болгарии и Хорватии взвалили на свои народы тяжкое бремя соучастия в нацистской агрессии или подавлении освободительной борьбы на оккупированных территориях.

Противоречие концепций прогитлеровского направления национальным интересам народов Болгарии, Словакии, Хорватии, бесперспективность предоставляемого ими выбора становились постепенно все более очевидными для широких слоев населения. Несмотря на террористическую диктатуру и бешеную демагогию, правящая верхушка людацкого, усташского и болгарского монархо-фашистского режимов не могла предотвратить возникновение и развитие национального и антифашистского освободительного движения, вылившегося в конечном счете в вооруженную освободительную борьбу.

В Хорватии народно-освободительная борьба, которая уже в 1942 г. охватила все районы, получила особый размах после капитуляции Италии[16a]. В Словакии, где партизанское движение приобрело массовый характер только в 1944 г.[17], развитие освободительного движения привело к начавшемуся в конце августа 1944 г. Словацкому национальному восстанию. Восстание, принявшее общенациональный размах, означало крах людацкого режима, который удерживался еще несколько месяцев

[14] См.: *L. Kovačik.* Slovensko v sieti nemeckého finančního kapitalu. Bratislava, 1955.

[15] См.: *B. Banović.* Izvoz radne snage i deportacije stanovništva s teritorije NDH u toku drugog svjetskog rata. «Putovi revolucije», br. 1—2. Zagreb, 1963.

[16] См.: *Л. Б. Валев.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, стр. 193—202, 214—217, 299—311; *Д. Коен.* Ограбването и разоряването на българското стопанство от германските империалисти през Втората световна война. София, 1966.

[16a] См.: «Les systèmes d'occupation en Yougoslavie 1941—1945». Belgrade, 1963, p. 227, 237, 242.

[17] *Г. Гусак.* Указ. соч., стр. 121.

лишь на штыках гитлеровских войск, введенных в Словакию В Болгарии партизанское движение особенно усиливается со второй половины 1943 и к осени 1944 г. перерастает во всенародную вооруженную борьбу [18]. Дальнейший подъем освободительной борьбы и вооруженного сопротивления привел в момент вступления советских войск в Болгарию к восстанию 9 сентября 1944 г., которое мгновенно смело фашистский порядок и привело к власти правительство Отечественного фронта.

Таким образом, являвшиеся воплощением прогитлеровских концепций национального развития фашистские режимы в Болгарии, Словакии, Хорватии, прооккупационные квислинговские формирования в Сербии, Люблянской провинции, протекторате были уничтожены в результате как полного разгрома фашистских войск Советской Армией на фронтах второй мировой войны, так и освободительной борьбы собственных народов.

Выразителем глубоких национальных стремлений к уничтожению фашистского «нового порядка», к национальной и государственной независимости являлись концепции антигитлеровского направления. На антигитлеровскую национальную платформу, отражавшую коренные интересы каждого народа, становилась подавляющая часть нации, самые широкие общественные слои, заинтересованные в освобождении и восстановлении государственной самостоятельности оккупированных стран, либо ликвидации сателлитских связей. Однако, отражая широкий социальный и политический диапазон сил, стоявших на этой платформе, концепции антигитлеровского направления были едины лишь в том, что с точки зрения национальной судьбы своих стран и народов все они противостоят Германии и фашистскому блоку. С точки же зрения конкретных национально-государственных и общественно-политических целей, путей их осуществления и социального характера объединяемых сил антигитлеровское направление было крайне неоднородно.

Наиболее активной и радикальной среди концепций этого направления являлась линия коммунистов и группировавшихся вокруг них левых сил. Коммунистические партии заняли позицию решительной борьбы против фашизма и фашистского «нового порядка» во всех его формах. При всем многообразии тактических лозунгов, порожденных сложностью и своеобразием обстановки, в которой пришлось действовать компартиям разных стран, главное содержание их идейно-политической линии и практической деятельности определялось задачами, во-первых, ликвидации фашистского порабощения, во-вторых, социального переустройства. Такую позицию сразу же заняло руководство

[18] См.: *С. Петров.* Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархо-фашизма (1941—1944 гг.). София, 1969, стр. 195—226.

Коммунистической партии Чехословакии, которое заявило о «национальном сопротивлении», о необходимости борьбы против гитлеризма за «восстановление полной свободы и самостоятельности», за «свободную Словакию в свободной Чехословакии» [19]. В первых же документах, изданных руководством Коммунистической партии Югославии после фашистской агрессии и оккупации Югославии, компартия категорически отвергла расчленение страны и призвала югославские народы к совместной борьбе с захватчиками и их прислужниками [20]. Когда 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к тройственному пакту, болгарские коммунисты в воззвании от 6 марта решительно осудили этот акт, несущий «неизмеримые бедствия и страдания народу» [21]. В момент своего образования Польская рабочая партия призвала в январе 1942 г. «на решительную борьбу с оккупантами не на жизнь, а на смерть» [22].

Что касается путей национального и антифашистского освобождения, восстановления национальной независимости и государственного суверенитета Польши, Чехословакии, Югославии, ликвидации монархо-фашистской диктатуры в Болгарии, коммунистические партии выдвинули, во-первых, программу активного массового сопротивления. Сообразуясь с конкретными условиями, компартии направили усилия на реализацию этой программы, на развертывание борьбы, принимавшей в одних случаях раньше, в других — позже все более широкие масштабы и интенсивный характер, вплоть до партизанских действий и вооруженного восстания. Наибольший размах такая борьба, организованная коммунистами, получила прежде всего в Югославии, где уже летом — осенью 1941 г. вспыхнуло массовое восстание и началась принявшая крупные размеры освободительная война. Организаторами вооруженного отпора фашистским поработителям выступили коммунистические и рабочие партии Болгарии, Чехословакии, Польши, что привело к развитию партизанского движения, особенно в Болгарии, где начало ему было положено уже в 1941 г., и в Польше, где партизанские отряды, создававшиеся по инициативе коммунистов, объединились в 1942 г. в организацию Гвардия людова [23].

[19] См.: «Za svobodu českého a slovenského národa». Praha, 1956, str. 32.

[20] «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», t. II, knj. 2. Beograd, 1954, str. 7—23.

[21] «Нелегални позиви на БКП». София, 1954, стр. 309—311.

[22] «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1958, str. 13.

[23] О роли болгарских и польских коммунистов в организации партизанской борьбы см., например: *С. Петров*. Стратегията и тактиката...; *J. B. Gares*. Oddziały Gwardii i Armii Ludowej 1942—1945. Warszawa, 1963; «Wojna wyzwoleńcza narodu polskiego w latach 1939—1945 (Węzłowe problemy)». Warszawa, 1967.

Во-вторых, неотъемлемым элементом программы национального и антифашистского освобождения, выдвинутой компартиями, явилась линия на создание национальных фронтов, объединявших все патриотические силы, готовые к действенной борьбе против фашизма. За такое объединение уже накануне, а затем в ходе восстания 1941 г. энергично выступила КПЮ, поднимая массы на борьбу с оккупационно-квислинговским режимом[24]. Этот курс нашел выражение в таких программных документах польских и болгарских коммунистов, как воззвание ППР в январе 1942 г.[25] и выдвинутая в июле 1942 г. программа Отечественного фронта Болгарии[26]. В Чехословакии руководство КПЧ еще осенью 1938 г., а затем весной 1939 г. провозгласило необходимость создания широкого, в подлинном смысле слова национального фронта[27].

Выступая за создание национального фронта, компартии и объединявшиеся вокруг них левые силы в качестве платформы фронта выдвигали на первый план общенациональные, антифашистские цели, в осуществлении которых в условиях оккупации и расчленения Чехословакии, Польши, Югославии и подчинения Болгарии гитлеровской Германии были объективно заинтересованы широчайшие слои нации, включая как трудящиеся массы, так и — в одних странах бо́льшие, в других меньшие — буржуазные слои. Национально-освободительные антифашистские цели легли в основу упомянутых выше программных документов компартий.

Одновременно эта антифашистско-освободительная платформа заключала в себе программу революционно-демократических перемен, открывавших путь глубоким общественным преобразованиям. Трагическая действительность, приведшая славянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы к фашистскому порабощению, наглядно показала, что вне такой реконструкции невозможно обеспечить их прочного национального существования и национальных интересов. Более того, вне ее перспективы и осуществления невозможно было успешное развертывание освободительной борьбы.

Так, в Югославии, где освободительное движение получило большой размах, практическая задача эффективного сопротивления оккупационно-квислинговскому режиму требовала максимального объединения югославских народов, которое могло

[24] См.: «Zbornik dokumenata...», t. I, knj. 1, str. 25; «Зборник документа...», т. II, кн. 1, стр. 11—12 и др.

[25] См.: «Kształtowanie się podstaw programowych...», str. 11—12. Эта позиция нашла затем выражение и в так называемой «малой декларации» ППР «За что мы боремся?» в марте 1943 г. Там же, стр. 93.

[26] См.: *Г. Димитров*. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 31.

[27] См.: «Za svobodu českého a slovenského národa», str. 31—33; «История Чехословакии», т. III. М., 1960, стр. 323.

быть осуществлено лишь на основе принципиально отличной от великосербского характера довоенной монархии, на принципах равноправного межнационального содружества. Осуществление другой важнейшей задачи, вставшей перед югославским освободительным движением в первые же месяцы борьбы,— создания системы управления на относительно обширных свободных партизанских территориях — также было невозможно на основе восстановления там старой системы власти уже потому, что любая реставрация государственной структуры довоенного великосербского режима была опять-таки абсолютно неприемлема для несербского населения, в то время как в самой Сербии местный административный аппарат королевской Югославии быстро включился в административную систему правительства Недича. В Чехословакии эффективная, с участием и широких масс словацкого народа, борьба против фашистского порабощения и за восстановление свободной Чехословацкой республики была немыслима на базе восстановления домюнхенской великочешской государственной структуры. В условиях освободительной борьбы против фашизма для широких масс польского народа восстановление санационного режима также не могло выступать в качестве национальной цели. Для Болгарии непременным условием освобождения и разрыва с гитлеровской Германией было свержение монархо-фашистской диктатуры.

Таким образом, цели национального антифашистского освобождения были неотделимы от кардинального изменения прежней (для Польши, Чехословакии, Югославии — довоенной) национально-государственной структуры, государственного и политического устройства. Выражая эту объективно стоявшую перед обществом национальную задачу, концепция освобождения, выдвигаемая коммунистическими партиями в качестве платформы национальных фронтов, была нацелена против восстановления прежнего социально-политического устройства.

Освободительные программы компартий предусматривали, во-первых, установление в освобожденных от фашизма Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии демократических порядков, осуществление власти самим народом и его свободно избранными представительными органами [28].

[28] Так, в декларации от 1 марта 1943 г. ППР выступала за то, чтобы после освобождения власть на местах и в центре взяли временные органы, не связанные с прежним режимом, а государственное и конституционное устройство Польши и состав высших органов власти определило учредительное собрание, избранное демократическим путем — на основе прямых выборов при всеобщем и равном избирательном праве, тайном голосовании и пропорциональном представительстве («Kształtowanie się podstaw programowych...», str. 93—94). Руководство КПЧ специально подчеркивало при переговорах с Э. Бенешем в декабре 1943 г., что «окончательную форму и содержание государственного и общественного строя освобожденной Чехословакии опре-

Во-вторых, отрицание прежней, буржуазной государственной системы выразилось и в том, что югославские и чехословацкие коммунисты выдвинули и стали уже в ходе освободительной борьбы осуществлять такую программу межнациональных отношений в своих странах, которая означала коренную ломку довоенной национально-государственной структуры этих стран, ее полное переустройство на совершенно иной, революционно-демократической основе: в Чехословакии равноправие чешского и словацкого народов и демократическое федеративное устройство в Югославии. Тем самым разоблачалась реакционная националистическая демагогия, используемая фашистскими захватчиками и носителями прогитлеровских концепций. Освободительная борьба приобретала не только общеюгославский или общечехословацкий, но и непосредственный национальный смысл для каждого из народов Югославии и Чехословакии.

В-третьих, освободительные программы национальных фронтов, выдвигая в качестве платформы объединения максимального большинства нации против фашизма не собственно социалистические цели, а более широкие общенациональные задачи, выражали в то же время объективную необходимость демократизации в рамках антифашистского освобождения не только государственно-политической, но и социально-экономической сферы. В условиях борьбы против фашизма, в условиях общего полевения масс, их политической и социальной радикализации, под влиянием реального исторического опыта происходило расширение понятия демократии, которая в представлении широких слоев народа неразрывно связывалась с осуществлением серьезных антимонополистических мероприятий, с более или менее значительным обобществлением в важнейших отраслях экономики, с уста-

делит демократическим путем сам чехословацкий народ» («Cesta ke květnu», sv. I. Praha, 1965, str. 62); эти же принципы были выражены в программных документах Словацкого национального совета («Slovenské národné povstanie. Dokumenty». Bratislava, 1965, str. 125—126). Выдвинутая болгарскими коммунистами программа Отечественного фронта, не ставя вопроса о монархии и будущей форме государственного управления, предусматривала наряду со свержением фашистского правительства царя Бориса и отменой антиконституционных, антинародных фашистских законов, восстановление демократических политических свобод и создание подлинно национального народно-демократического правительства (*Г. Димитров.* Избранные произведения, т. 2, стр. 31). КПЮ и руководимое ею народно-освободительное движение, также не выдвигая первоначально вопроса о монархии, взяли уже в ходе восстания 1941 г. курс на создание в освобожденных партизанских районах народно-освободительных комитетов как органов новой власти, подчеркивая, что в отличие от довоенной югославской администрации комитеты свободно и непосредственно избираются самим народом («Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. 1, књ. 1, Београд, 1949, стр. 19).

новлением государственного контроля в общенациональных интересах хозяйственного развития.

Воплощая и развивая эти национальные стремления, придавая им практический общественный смысл применительно к условиям каждой страны, освободительная концепция коммунистов включала в той или иной форме требования ликвидации помещичьего землевладения, монополий, собственности квислинговской буржуазии и фашистских захватчиков, засилия иностранного капитала вообще, крайнего социального неравенства, нищеты, безработицы, требования более справедливого перераспределения национального дохода, рабочего контроля и определенного государственного регулирования экономического развития в интересах большинства нации и скорейшего послевоенного восстановления [29].

Программа освобождения, представляемая коммунистами, выдвигала коренное изменение внешнеполитического курса, ориентацию на СССР, который рассматривался в качестве первостепенного и естественного союзника славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против фашизма за национальную свободу и демократические преобразования. В конкретных условиях войны это приобретало особое значение, поскольку Советский Союз был той антигитлеровской силой, которая не только вела борьбу с фашизмом на наиболее важном фронте, но и выступала в качестве основного внешнего фактора освобождения восточноевропейских стран, включая Польшу, Чехословакию, Болгарию, Югославию. Ориентация на союз и дружбу с СССР открывала перед народами этих стран перспективу соединения собственных усилий с военной мощью Советского Союза в деле своего антифашистского национально-демократического возрождения.

Освободительная национальная платформа, выдвинутая коммунистами, развернутая ими активная и самоотверженная борьба за осуществление этой платформы поставили коммунистические партии в центр национального и антифашистского Сопротивления. В Югославии и Болгарии компартии объединили, хотя и с различиями в формах и темпах, все патриотические и антифашистские национальные силы, стали решающим и ведущим фактором освободительной борьбы, которая в первом случае уже в 1941 г. вылилась в массовую народную войну, а во втором при-

[29] См., например: «Kształtowanie się podstaw programowych...», str., 94, 95, 147; *Г. Гусак.* Указ. соч., стр. 99, 349; «Cesta ke květnu», sv. I, str. 66; *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. 2, стр. 31; *D. Kosanović.* Ekonomskopolitička djelatnost narodne vlasti u toku NOB-a. Zagreb, 1964; *N. Nešović.* Privredna politika i ekonomske mere u toku oslobodilačke borbe naroda Jugoslavie. Beograd, 1964.

вела к победоносному восстанию в сентябре 1944 г. В Чехословакии коммунисты явились главным инициатором и основной политической силой, создавшей широкий национальный фронт, организовавший такие важнейшие национальные акции, как словацкое восстание и майское восстание чешского народа. ППР, действовавшая в особенно сложной общественно-политической обстановке, сумела тем не менее стать первостепенным фактором освободительной борьбы, а созданный ею национально-демократический фронт смог сплотить значительные силы народа и взять на себя национальную миссию возрождения Польши, создания нового государства в момент освобождения страны[30].

Жизненность выдвинутой коммунистами концепции освобождения и национального развития, ее роль как исторически обусловленной реальной основы национального и антифашистского возрождения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы ясно проявились в непосредственном соотношении и столкновении этой концепции с буржуазными и мелкобуржуазными антигитлеровскими национальными платформами в ходе освободительной борьбы.

И с точки зрения путей и методов освобождения, и с точки зрения национально-государственной доктрины, и с точки зрения общественно-политической программы все не только буржуазные, но и мелкобуржуазные, в конечном счете даже достаточно радикальные, антигитлеровские национальные концепции находились правее концепции, выдвигавшейся коммунистами. Они не поднимались до уровня отражения существа интересов основной части трудящихся масс.

На крайне правом фланге были буржуазные программы, которые от прогитлеровского направления вообще отделяли лишь национальный и конкурентный момент. Таковы были, например, концепции антиоккупационных группировок реакционной великосербской буржуазии, объединившихся вокруг четнического движения Д. Михайловича, или санационных элементов в Польше. По своим общественно-политическим стремлениям эти группировки занимали позиции, не многим отличавшиеся от фашизма, с той, однако, разницей, что их интересы приходили в столкновение с захватнической политикой гитлеровской Германии, с оккупацией и уничтожением югославской и польской государственности.

Буржуазный и мелкобуржуазный лагерь в антигитлеровском

[30] О роли компартий в освободительной борьбе см., в частности: «Rola partii komunistycznych i robotniczych krajów Europy środkowej i wschodniej w walce wyzwoleńczej w latach 1939—1945». Warszawa, 1970.

направлении был очень разношерстным, что нашло отражение и в чрезвычайной пестроте выдвигавшихся концепций национального развития, которые выражали стремления разных по социальному положению и непосредственной политической ориентации буржуазных и мелкобуржуазных слоев. Тем не менее, почти для всех буржуазных и мелкобуржуазных течений, во всяком случае для их подавляющей части, были характерны общие черты.

Что касается путей и методов освобождения, то в противоположность линии коммунистов на активную массовую борьбу почти все буржуазные и мелкобуржуазные антигитлеровские течения занимали, особенно на первых этапах войны, тактику выжидания. В одних случаях это была позиция полной пассивности, характерная, главным образом, для тех группировок в Югославии, Чехословакии, Болгарии, которые, во всяком случае на какое-то время, перестали действовать в качестве реальных политических факторов либо были серьезно дезориентированы и деморализованы [30a].

В значительной же своей части, прежде всего в Польше, Югославии и Чехословакии, буржуазные и мелкобуржуазные течения антигитлеровского направления взяли курс на организацию сил внутреннего и заграничного Сопротивления. Это характерно для всего политически организованного буржуазного лагеря в Польше с его Армией Крайовой внутри страны и лондонским правительством за границей, для тех буржуазных и мелкобуржуазных чешских политических группировок, чью линию выражал Э. Бенеш, для великосербских кругов, представленных движением Михайловича и королевским эмигрантским правительством. Однако целью создаваемых ими военно-политических организаций Сопротивления внутри стран являлось не развертывание активной широкой борьбы с захватчиками, а ожидание момента, когда последует разгром Германии и всей фашистской «оси» на главных фронтах, с тем чтобы восстановить государственность и взять власть в свои руки. Соответственно, даже в Польше и Югославии, где были сформированы крупные и способные к значительным действиям буржуазные организации Сопротивления, их руководители проводили доктрину, отвергающую «преждевремен-

[30a] В значительной мере такая линия была свойственна для таких группировок промежуточного типа, как, например, правое руководство Народно-крестьянской партии в Югославии или то течение в средних слоях и среди интеллигенции протектората, которое, ожидая поражения Гитлера и освобождения извне, главную задачу видело лишь в «сохранении народа, его языка и культуры». Позиция смирения и пассивного выжидания была характерна в 1941—1942 гг. для большей части буржуазных политических сил Болгарии, оппозиционных монархо-фашистской диктатуре.

ные» выступления против оккупационноквислинговского режима[31].

Такая позиция, отрицавшая активную роль порабощенных народов в деле своего освобождения, была неотделима от классового содержания выдвигавшихся буржуазными и мелкобуржуазными слоями целей национального развития. Эта позиция была неотделима от самих концепций национально-государственной структуры и общественно-политического устройства после войны, базирующихся, при всем различии, на сохранении в том или ином виде буржуазных основ в послевоенный период.

Что касается национально-государственной доктрины восстановленных Польши, Чехословакии, Югославии, то подавляющее большинство буржуазных и мелкобуржуазных концепций освобождения имели в виду возврат к положению, существовавшему до войны. Для Чехословакии это означало декларировавшийся Бенешем и его сторонниками унитаризм, отрицающий национальные права словацкого народа, а также населения Закарпатской Украины в рамках Чехословацкой республики[32]. Точно так же для Югославии это выражалось в отстаивании унитаристской великосербской концепции, не только отвергавшей национальные права несербских народов и национальностей, но и само существование ряда из них, угрожавшей им подавлением вплоть до физического уничтожения и основывавшей возрождение югославской государственности на шовинистическом диктате. Национально-государственная доктрина польского лондонского лагеря строилась на шовинистических претензиях

[31] См.: «Wojna wyzwoleńcza...»; *S. Duraczyński*. Stosunki w kierownictwie podziemia londyńskiego 1939—1943. Warszawa, 1966; «Polskie siły zbrojne», t. III. Armia Krajowa. Londyn 1950; *J. Marjanović*. Ustanak i narodnooslobodilački pokret...; *он же*. Prilozi istoriji sukoba narodnooslobodilačkog pokreta i četnika Draže Mihailovića u Srbiji 1941 godine». «Istorija XX veka. Zbornik radova», I. Beograd, 1959; *Б. Лаштовичка*. В Лондоне во время войны. М., 1966, стр. 75; *А. И. Недорезов*. Указ. соч., стр. 157. В Болгарии оппозиционные буржуазные группировки в еще большей мере выступали против вооруженного Сопротивления и занимали позицию не свержения режима и перехода в антигитлеровскую коалицию, а лишь частичной политической реорганизации внутри страны и объявления нейтралитета. См. подробнее: *И. Димитров*. Буржоазната опозиция в България 1939/1944. София, 1969.

[32] Это выражалось, например, в отстаивавшемся Бенешем и чехословацким эмигрантским правительством тезисе о единой «чехословацкой нации» (*Б. Лаштовичка*. Указ. соч., стр. 98—99). Смысл подобного тезиса откровенно раскрыл, в частности, один из видных деятелей буржуазной эмиграции и сотрудник Бенеша Ф. Углирж, заявивший в 1943 г. о невозможности «согласиться с тем, чтобы в качестве национальной и государственной программы провозглашалось создание особого народа чехов и особого народа словаков», поскольку это означало бы «начало конца чехословацкого государственного единства» («Slováci a ich národný vývin». Bratislava, 1969, str. 271).

включения западноукраинских и западнобелорусских земель в состав польского государства.

Антидемократизм национально-государственной доктрины буржуазных и мелкобуржуазных течений антигитлеровского лагеря проявился также в разработке и попытках осуществления различных планов объединения на антисоветской основе государств Центральной и Юго-Восточной Европы под покровительством западных союзников, возрождения пресловутых «санитарных кордонов» против СССР. Практическое выражение это нашло в провозглашении эмигрантскими правительствами в январе 1942 г. польско-чехословацкой и югославо-греческой конфедераций, в эмигрантском объединении крестьянских партий стран Центральной и Восточной Европы и т. д. Почти все антигитлеровские буржуазные и мелкобуржуазные концепции национального развития ориентировались исключительно на Англию и США и освобождение с запада.

Подобное направление национально-государственных доктрин было несовместимо с задачами развертывания Сопротивления, охватывающего все народы, национальные и этнические группы в таких многонациональных государствах, как Югославия и Чехословакия. Это, в противоположность концепции коммунистов, могло, наоборот, лишь усиливать национальную отчужденность, что способствовало политике оккупационно-квислинговского режима и препятствовало созданию единого антифашистского национального фронта в общеюгославских и общечехословацких рамках. Антисоветский характер буржуазных национально-государственных доктрин, особенно польской доктрины «двух врагов», также полностью противоречил исторической реальности: именно СССР являлся той силой в антигитлеровской коалиции, которая была способна принести национальное и антифашистское освобождение.

Несмотря на весьма большие различия, присущие конкретным концепциям этого направления, все они выступали за сохранение основ буржуазного порядка, хотя бы и существенно модернизированного и частично реформированного.

Наиболее консервативные позиции занимали те югославские, польские, чехословацкие правые буржуазные силы, которые стояли за восстановление политического и социально-экономического строя, существовавшего до фашистского захвата Чехословакии, Польши, Югославии[33]. Применительно к условиям Болгарии на аналогичной позиции стояли болгарские правые

[33] Сюда относились санационные элементы и Стронництво народове в Польше, аграрии и правое руководство лидовцев в Чехословакии, практически все группировки, объединявшиеся четническим движением и эмигрантским правительством в Югославии.

оппозиционные группировки. Более либеральные и демократические буржуазные и мелкобуржуазные силы выдвигали всякого рода буржуазно-реформистские концепции, в ряде случаев окрашивавшиеся в довольно розовые тона. Однако все эти реформы предполагалось проводить сверху силами самого буржуазного государства, а не путем массовых действий широких слоев народа.

Реформаторский курс либеральных и ряда демократических группировок обусловливался, главным образом, пониманием того, что освобождение с сохранением буржуазных порядков трудно осуществимо в условиях общего полевения масс и их активного участия в освободительной борьбе, в условиях роста авторитета СССР и влияния коммунистических партий.

Значительные силы буржуазного лагеря, прежде всего в Чехословакии и Польше, опасались, что отказ от общественно-политических и социально-экономических реформ приведет к полной дискредитации в глазах абсолютного большинства нации, еще большему усилению коммунистов и поражению буржуазного строя. Это, например, прекрасно понимал Э. Бенеш, который уже в первые годы войны подчеркивал, что буржуазное устройство может быть сохранено лишь за счет социальных и экономических перемен, новых форм буржуазной демократии. В противном случае победят коммунисты [34].

Еще более откровенной была позиция польских буржуазных кругов, выражая которую командующий Армией Крайовой генерал Бур-Коморовский телеграфировал в Лондон в январе 1943 г. о необходимости проведения социально-экономических преобразований, если, как он писал, мы хотим нейтрализовать «советскую пропаганду» (т. е. ППР). «Проведение преобразований еще невозможно, но необходимо было бы достаточно заблаговременно не только провозгласить очень радикальную и прогрессивную программу реформ, но и начать их определенным числом юридических актов. Полумеры и обещания тут недостаточны» [35].

Под этим углом зрения и следует оценивать все те, подчас весьма левые и даже радикальные программы реформ, предусматривавшие не только ликвидацию помещичьей собственности, но и широкое обобществление промышленности и банков, государственное регулирование экономики, которые были выдвинуты, особенно к концу войны, такими ведущими польскими буржуазными и мелкобуржуазными партиями и объединениями, как Стронництво працы, Стронництво людове (СЛ), ППС —

[34] См.: *E. Beneš*. Demokracie dnes a zitra, II. Čes. vydaní. Praha, 1946.
[35] См.: «Polskie siły zbrojne», t. III. Armia Krajowa, str. 547.

ВРН, а также Радой Едности Народовой[36]. Это едва ли можно не принимать во внимание и при оценке реформаторской позиции Бенеша и представляемых им буржуазных сил, также выдвинувших программу аграрной реформы, национализации и государственного экономического контроля[37].

Особое направление составляли более левые мелкобуржуазные группировки, ряд течений в крестьянском и рабочем движении, чьи общественно-политические концепции отражали действительные стремления определенных слоев трудящихся к социальному переустройству общества. Однако во многих случаях эти концепции были крайне неоднородны, непоследовательны, поскольку это направление включало такие различные идейно-политические течения, как Рабочая партия польских социалистов (РППС), и силы, которые она пыталась объединить в рамках так называемой «Централизации», левые людовцы в Польше, левые группировки интеллигенции, профсоюзных деятелей, социал-демократов Чехословакии[38]. С менее выкристаллизовавшимися общественно-политическими программами на сходные позиции вставали, например, левое крыло Болгарского земледельческого народного союза, левые группировки Хорватской крестьянской партии и т. д.[39] Эти течения постепенно все больше сближаются по своим позициям с концепцией, выдвигаемой коммунистами, вступают в сотрудничество с компартиями в рамках национальных фронтов. Находившиеся на противоположном фланге антигитлеровского направления наиболее правые буржуазные и консервативные течения вступают, наоборот, в резкое столкновение и открытую конфронтацию с выдвигаемой компартиями национально-демократической платформой активной освободительной борьбы и объединенного антифашистского национального фронта, приходя в полное противоречие с конкретным развитием освободительной борьбы, выступая против реальной внешнеполитической обстановки и роли СССР как непосредственного внешнего фактора освобождения Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии.

[36] См.: «Program Stronnictwa Pracy». Kraków, 1944; «Programy Stronnictw Ludowych». Warszawa, 1969; «Program Polski Ludowej». Wyd. WRN. 1941; «Materiały do Programu Polski Ludowej», zesz. I—III, s. a., s. l. (po 1942); «Rzeczpospolita Polska», N spec., 15.III 1944.

[37] См.: *А. И. Недорезов.* Указ. соч., стр. 238. *Б. Лаштовичка.* Указ. соч., стр. 138 и др.

[38] См.: «18 punktów programowych RPPS» (гектографированное издание)»; «Deklaracja Centralizacji stronnictw demokratycznych, socjalistycznych i syndykalistycznych». Kraków, 1944; «Za svobodu. Do nové československe republiky». Praha, 1945.

[39] См.: *Д. Петрова.* БЗНС в края на буржоазното господство в България (1939—1944 г.). София, 1970; «Drugo zasjedanje Zemaljskog Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Hrvatske». Zagreb, 1950.

В Югославии буржуазные силы Сопротивления, представленные четнической организацией Д. Михайловича, вступив уже в 1941 г. в вооруженную борьбу с народно-освободительным движением, руководимым КПЮ, идут в этих целях на сотрудничество с оккупационно-квислинговским режимом, смыкаются тем самым фактически в своей непосредственной военно-политической практике с прогитлеровским лагерем и терпят крах вместе с ним. Поддерживая Михайловича, терпит крах и югославская буржуазная эмиграция, объединявшаяся вокруг королевского правительства. В Болгарии тактика правых буржуазных оппозиционных сил, отказавшихся войти в Отечественный фронт и пытавшихся путем лавирования и сотрудничества с монархо-фашистским режимом осуществить некоторую либерализацию и постепенно отойти от «оси» на позициях нейтралитета [40], не решая главных антифашистских освободительных задач, зашла и во внешнеполитическом и во внутреннем плане в абсолютный тупик и потерпела поражение в условиях вступления Советской Армии и народного восстания 9 сентября 1944 г. Правый буржуазный лагерь в Польше в своем столкновении с национально-демократическим фронтом, возглавлявшимся ППР, выступил как фактор, враждебный освобождению страны от гитлеровской оккупации Советским Союзом. Подчинив всю свою активность борьбе за власть любой ценой, он также пришел и во внутреннем, и во внешнеполитическом плане к банкротству. Возрождение польской государственности произошло на выработанной по инициативе ППР национально-демократической платформе, выраженной в программных документах ППР, Крайовой Рады Народовой и Польского Комитета Национального Освобождения [41], образованного в момент, когда Советская Армия приступила к изгнанию гитлеровских оккупантов из Польши.

Банкротство буржуазных концепций освобождения и восстановления государственности в Польше наглядно проявилось и в самом идейно-политическом и даже организационном распаде всего весьма широкого и пестрого лондонского лагеря. Наиболее левые его течения под влиянием происходивших общественных сдвигов и начавшегося освобождения, доказывавших полную несостоятельность буржуазных доктрин и практической политики, все больше радикализировались, переходя к сотрудничеству с ППР и национально-демократическим фронтом. Этот процесс привел в итоге к тому, что за исключением крайне правых сил и ряда скомпрометированных лидеров даже такие группировки лондонского лагеря, как верхушка СЛ во главе с Миколайчиком,

[40] Это выразилось, в частности, в политике правительств Багрянова и особенно Муравиева.

[41] См.: «Kształtowanie się podstaw programowych...», str. 461—473, 502—510.

Стронництво працы и ряд других, принуждены были согласиться с принятием в принципе концепции Народной Польши.

Аналогичное принятие национальной программы, выдвинутой коммунистами, вынуждены были в обстановке явного краха буржуазных антигитлеровских доктрин декларировать накануне, в момент либо после освобождения своей страны и некоторые болгарские и в очень ограниченной мере югославские буржуазные лидеры, что выразилось в заключении соглашений Тито — Шубашич [42].

В отличие от других стран, в Чехословакии еще до освобождения основные антигитлеровские буржуазные течения вынуждены были согласиться с национально-освободительной концепцией коммунистов и начать сотрудничать с ними в рамках национального фронта еще в ходе Сопротивления. Что касается словацкой оппозиционной буржуазии, то здесь первостепенную роль сыграла противостоявшая великочешскому шовинизму национально-государственная доктрина компартии, которая была единственной национальной антигитлеровской альтернативой для словацкого народа. В отличие от буржуазно-либеральных и буржуазно-демократических группировок польского лондонского лагеря либеральные и демократические силы чешской буржуазии и мелкобуржуазных слоев, группировавшихся вокруг Э. Бенеша, оказались более гибкими и в определенной мере более трезво оценили создавшуюся обстановку. Не отказываясь от своих классовых целей, они, хотя и постепенно, были вынуждены на какой-то момент осознать безнадежность прямой конфронтации с коммунистами.

Новые общественные условия, внутренняя и международная расстановка сил, складывавшиеся в ходе войны с фашизмом, вынудили антигитлеровские буржуазные политические течения в Чехословакии к значительному сдвигу влево, к принятию, хотя и не без достаточно острой борьбы, такой освободительной платформы национального фронта, которая в своих решающих пунктах базировалась на принципах, выдвинутых коммунистами. Это нашло воплощение как в документах Словацкого Национального Совета (СНС), так и в совместных программах, выработанных во время московских переговоров Бенеша с руководством КПЧ в декабре 1943 г., с коммунистами и СНС в марте 1945 г., а затем в Кошицкой программе, явившейся основой возрождения Чехословакии [43].

[42] Соглашения базировались на признании основных революционно-демократических завоеваний, достигнутых в ходе народно-освободительной борьбы, на принципиальном признании новой Югославии. См. «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 11.

[43] См.: *Г. Гусак.* Указ. соч., стр. 832—837; *А. И. Недорезов.* Указ. соч., стр. 336—348; *Zd. Fierlinger.* Ve službach ČSR, d. II. Praha, 1948, str. 588—589; «Program vlády Národní fronty Čechů a Slovaků». Praha, 1945.

В итоге все буржуазные концепции национального развития славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы — как прогитлеровские, так и антигитлеровские — не выдерживают испытания в политической практике освободительной борьбы против фашизма. Победу одерживает революционно-демократическая концепция, выдвинутая коммунистами в союзе с левыми силами, которая приводит к национальному и антифашистскому освобождению одновременно с глубоким общественным переустройством, с установлением в Югославии, Польше, Болгарии, Чехословакии народно-демократического строя.

Л. Б. ВАЛЕВ, В. В. МАРЬИНА, Г. М. СЛАВИН

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Всеславянский комитет в годы второй мировой войны символизировал и осуществлял стремление и волю славянских народов к единству в борьбе против фашистских захватчиков.

Идея объединения славянских народов для отпора общему врагу не была новой, но во время второй мировой войны она приобрела особую популярность. Ведь решался вопрос не только о том, быть ли славянским народам свободными и независимыми, но и о самом их существовании. Создание центра, который ставил бы своей целью сплочение всех славян для борьбы с фашизмом, для восстановления национальной независимости порабощенных гитлеровцами славянских народов и государств, было насущной необходимостью. Таким центром стал Всеславянский комитет, учрежденный в результате первого Всеславянского митинга в Москве (10—11 августа 1941 г.) из представителей общественности славянских народов СССР, Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии.

В тяжелые годы войны призывный голос находившегося в Москве Всеславянского комитета «звучал, как колокол на башне вечевой». Он поднимал славян на бой против фашистских захватчиков и насильников, укреплял веру в победу над силами реакции и мракобесия, разоблачал гитлеровские планы порабощения и истребления славянских народов.

История Всеславянского комитета (ВК) и его работа представляют большой интерес для исследователей [1].

Авторы настоящего доклада ставят перед собой задачу показать, как Всеславянский комитет в 1941—1945 гг. способствовал развитию освободительной борьбы народов Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии против фашистских поработителей и их пособников.

Датой, когда Всеславянский комитет начал свою деятельность, следует считать, по нашему мнению, август 1941 г., хотя формально ВК конституировался лишь в октябре 1941 г. Осно-

[1] *Й. Колейка.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, стр. 162—219; *J. Hrozienčik.* Všeslovanský výbor v Moskve. «Slovanský přehled», 1967, N 6; *М. В. Куян.* Діяльність Всеслов'янського комітету по згуртуванню антифашистських сил (1941—1945). «Український історичний журнал», 1970, № 7.

ванием для такого утверждения служат организация и проведение 10—11 августа 1941 г. в Москве Всеславянского митинга[2]. Большинство из представителей славянских народов, которые первоначально организовали инициативную группу, подготовившую первый Всеславянский митинг, вошло спустя два месяца, в октябре 1941 г., в состав Всеславянского комитета, учрежденного тогда уже не только фактически, но и формально. Так, активными организаторами первого Всеславянского митинга были русский писатель академик Алексей Толстой, украинский писатель академик Александр Корнейчук, народный поэт Белоруссии Янка Купала, известный чехословацкий ученый профессор Зденек Неедлы, словацкий общественный деятель Марек Чулен, польская писательница Ванда Василевская, сербский профессор Божидар Маслярич, общественный деятель Хорватии Джуро Салай, словенский журналист Иван Регент, болгарский общественный деятель доктор Александр Стоянов. Эти деятели и составили позднее руководящее ядро Всеславянского комитета.

Тот факт, что начало деятельности ВК следует отнести к августу 1941 г., подтверждает и решение Пленума ВК (апрель 1942 г.), утвердившего «Положение о Всеславянском комитете», в котором указывалось, что он является «постоянно действующим органом объединения славян для борьбы с гитлеризмом и создан в результате Славянского митинга в Москве от 10—11 августа 1941 г.»[3]

Как уже отмечалось, формально Всеславянский комитет конституировался 5 октября 1941 г., о чем свидетельствует протокол собрания представителей общественности славянских народов, постановивших: «Учредить из представителей общественности славянских народов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии... Всеславянский комитет с нахождением его в Москве»[4].

Председателем Всеславянского комитета был избран активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Отечественной войн генерал-лейтенант Красной Армии Александр Гундоров, вице-председателями — Зденек Неедлы, Божидар Маслярич, Александр Стоянов, Александр Корнейчук, ответственным секретарем — русский общест-

[2] См. «Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге, состоявшемся 10—11 августа 1941 г.». М., 1941.

[3] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 34.

[4] Там же, л. 1.

венный деятель Анатолий Лаврентьев[5]. Они образовали Президиум ВК.

В состав Комитета вошли также известные советские писатели Александр Фадеев, Янка Купала, Ванда Василевская, депутат чехословацкого парламента Марек Чулен, поэт Ондра Лысогорский, закарпатский общественный деятель Иван Локота, Джуро Салай, Иван Регент, черногорский поэт Радуле Стийенский, македонский общественный деятель Дмитрий Влахов[6]. В дальнейшем как руководство Комитета, так и его состав изменялись и пополнялись, но те, кто образовал основное ядро, работали в ВК до конца второй мировой войны.

Всеславянский комитет и его руководящие деятели с самого начала подчеркнули, что движение за объединение славян не имеет ничего общего с панславизмом. Русский писатель Алексей Толстой на первом Всеславянском митинге заявил: «Мы объединяемся как равные среди равных. Среди нас не должно быть бо́льших или меньших. У нас одна задача и одна цель —разгром гитлеровских армий и уничтожение всей военно-агрессорской системы национал-социализма... Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов»[7].

Деятели Всеславянского комитета с трибуны первого митинга обратились к славянским народам с призывом к борьбе против фашизма, за свободу и независимость, во имя высоких общечеловеческих целей — культуры, благоденствия, счастья. В своих выступлениях представители Советского Союза — А. Толстой, А. Корнейчук, Я. Купала — отметили, что восточное славянство — 160 миллионов русских, украинцев, белорусов — вместе с другими народами советских республик дает решительный отпор гитлеровцам, срывает и хоронит фашистские планы «блицкрига». Они рассказали о том, как во временно оккупированных врагом районах России, Украины, Белоруссии разгорается пламя всенародной партизанской войны с фашизмом.

«Белорусский народ вместе с другими народами Советского Союза не только сражается в рядах славных бойцов Красной Армии, но он ведет непримиримую и жестокую борьбу с врагом в его тылу, организуя все более многочисленные отряды партизан»,— сказал народный поэт Белоруссии Янка Купала[8].

Обращаясь к Чехии, к братьям-словакам, профессор З. Неедлы, один из наиболее активных деятелей ВК, заклеймил фа-

[5] Там же.
[6] Там же.
[7] «Всеславянский митинг в Москве...», стр. 9.
[8] Там же, стр. 46.

шизм: «Никакое оружие не будет слишком тяжелым против него... Как говорили некогда табориты: теперь не время милосердия, а время кары и грозной расплаты» [9].

Польская писательница Ванда Василевская, внесшая большой вклад в работу Всеславянского комитета, заявила, что народ, который дал миру Коперника, Мицкевича, Шопена, Костюшко, Ярослава Домбровского, Людвига Варынского, не будет народом-рабом! «Поляки! Вспомните великолепные страницы нашей истории! Пришло время воскреснуть повстанческим традициям! К оружию!» [10] — призвала Ванда Василевская.

Болгарский общественный деятель доктор Александр Стоянов заверил, что болгарский народ, верный своим национально-освободительным традициям, считает священным долгом участвовать всеми силами в борьбе против фашизма [11].

В августе 1941 г., в дни, когда в Москве состоялся первый Всеславянский митинг, народы Югославии по призыву коммунистической партии поднимались на освободительную войну против фашистских оккупантов и их пособников. Представители этих народов — Б. Маслярич, Д. Салай, И. Регент, Р. Стийенский, Д. Влахов — в своих выступлениях сообщили, что тысячи бойцов-югославов уже находятся в партизанских отрядах [12].

Так, деятели Всеславянского комитета в первых же своих выступлениях подчеркнули необходимость активной борьбы славянских народов против фашистских поработителей.

Главная задача Всеславянского комитета была по существу определена уже в Воззвании ко всем славянским народам, принятом на первом Всеславянском митинге. В нем говорилось:

«Братья угнетенные славяне! Враг коварен и силен. Но соединенные вместе, мы во сто крат сильнее его. Народы Советского Союза и его Красная Армия с нами. С нами все демократические страны, с нами все передовое человечество.

Вставайте на освободительную войну против гитлеризма!» [13]

Сделать все для того, чтобы этот призыв дошел до всех славянских народов, всемерно способствовать усилению и развитию их освободительной борьбы — вот на чем в первую очередь сосредоточил свои усилия Всеславянский комитет.

Московское радио передало это обращение на многих языках — славянских и неславянских. Материалы митинга и статьи о необходимости объединения славянских народов были опубликованы во всех советских газетах и журналах и изданы отдельными брошюрами. Обширные отчеты о митинге появились в

[9] «Всеславянский митинг в Москве...», стр. 18.
[10] Там же, стр. 45.
[11] Там же, стр. 38—39.
[12] Там же, стр. 19, 22, 28, 31, 34.
[13] Там же, стр. 7.

периодической прессе, выходившей в Москве на славянских языках[14], а также в антифашистских изданиях в США и Англии на английском и славянских языках[15].

Воззвание Всеславянского митинга было включено в радиопередачи, которые вели радиостанции, организованные находившимися в Москве иностранными коммунистами[16]. Например, 23 августа 1941 г. радиостанция имени Христо Ботева передала выступление видного деятеля болгарского и международного революционного движения Васила Коларова, посвященное Всеславянскому митингу в Москве. «Славянские народы,— говорил В. Коларов, обращаясь к своим болгарским слушателям,— объединяются в борьбе и путем борьбы — лишь такое объединение избавит их от гнета фашизма...»[17]

Руководитель чехословацкой коммунистической эмиграции в Москве К. Готвальд отмечал после первого Всеславянского митинга: «Для нас, чехов, славянская солидарность и единство имеют особенно большое значение... Наш народ в течение веков ведет борьбу за свое национальное существование»[18].

Организаторы первого Всеславянского митинга позаботились и о том, чтобы его материалы были всеми доступными путями отправлены в славянские страны.

Руководители народно-освободительного движения в славянских странах высоко оценили призыв к объединению славянских народов. Иосип Броз Тито рекомендовал 17 августа 1941 г. партизанским руководителям: «Обращение Всеславянского митинга в Москве вы должны размножить многотысячным тиражом так же, как и речь Алексея Толстого»[19].

Во всех славянских странах, а также среди славян-антифашистов, находившихся за рубежами своей родины, призыв объединенными усилиями уничтожить фашистский гнет вызвал широкий отклик.

В районах Советского Союза, временно оккупированных гитлеровцами, создавались новые партизанские отряды.

В Югославии бойцы партизанских отрядов в ответ на обращение Всеславянского митинга давали клятву не слагать оружия до тех пор, пока все славяне не освободятся от фашистского ига[20].

[14] См. «Nowe widnokręgi», 1941, № 8, str. 3.
[15] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп 1, д 4, л. 4.
[16] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 525.
[17] «Говори радиостанция „Христо Ботев" (23 юли 1941 — 22 септември 1944)», т. I. София, 1950, стр. 60.
[18] *K. Gottwald.* Spisy, IX. Praha, 1954, str. 51.
[19] «Зборник докумената и података о народно-ослободилачном рату југословенских народа», т. II, књ. 2. Београд, 1949, стр. 9.
[20] «Известия», 15 августа 1941 г.

В Чехословакии Всеславянскому митингу был посвящен специальный выпуск подпольной газеты «Руде право». Передовая статья, написанная известным чешским писателем-коммунистом Ю. Фучиком, подчеркивала историческое значение этого события и призывала к активизации борьбы против фашизма [21]. Распространение в Чехословакии материалов Всеславянского митинга и его Обращения способствовало усилению движения Сопротивления в чешских землях. На ряде крупных промышленных предприятий состоялись забастовки, участились случаи саботажа и диверсий на транспорте, на многих заводах в протекторате развернулось движение под лозунгом «Работай не спеша!»

В Польше во многих городах патриоты широко распространили воззвание митинга [22].

В Болгарии материалы Всеславянского митинга, а также призывы радиостанции имени Христо Ботева дошли до широких кругов общественности. Болгарские антифашисты проявили немало находчивости, организуя прослушивание по радио материалов митинга, а также распространяя их в виде листовок. В своем обращении к организаторам митинга группа болгарских патриотов писала: «Мы готовы бороться вместе с нашими друзьями и братьями славянами, вместе с героической Красной Армией до полного разгрома гитлеровской фашистской банды» [23].

Осень 1941 г. была временем тяжелых испытаний для народов Советского Союза. Бронированные фашистские полчища рвались к советской столице. Но они встретили сокрушительный отпор Красной Армии, поддержанной трудящимися всей страны. Перейдя в контрнаступление, советские войска в декабре 1941 г., разгромив гитлеровцев под Москвой, одержали крупную победу. В ходе войны начался поворот.

Вера славянских народов в победу над захватчиками после сражения под Москвой укрепилась, в ряды активных борцов против фашизма влились новые тысячи патриотов. Весной 1942 г. Всеславянский комитет продолжал свою деятельность в новой военно-политической обстановке, созданной разоблачением мифа о «непобедимости» гитлеровских армий.

30 марта 1942 г. в Москве состоялся Пленум Всеславянского комитета, который определил его ближайшие задачи [24–25]. Пленум по-прежнему считал главной из них сплочение всех славян для борьбы с гитлеризмом с целью полного искоренения его и восстановления национальной независимости славянских народов и государств, угнетенных фашизмом [26].

[21] «Rudé právo. 1939—1945». Praha, 1971, str. 204—212.
[22] «Известия», 16 августа 1941 г.
[23] «Правда», 15 августа 1941 г.
[24–25] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 18.
[26] Там же, л. 34.

Была подчеркнута также важность разоблачения — через радио, газеты, митинги, собрания и путем издания брошюр — гитлеровских планов уничтожения славянских наций и вековой славянской культуры.

Решением Пленума предусматривалось издание периодического органа с публикацией в нем материалов о работе Комитета и о национально-освободительной борьбе славян против гитлеризма. Таким органом стал журнал «Славяне», первый номер которого вышел в июне 1942 г. Журнал сыграл значительную роль в выполнении задач, стоявших перед ВК. Ныне он может служить для историка своеобразной хроникой, запечатлевшей этапы борьбы славянских народов с фашистскими поработителями.

Наряду с изданием журнала ВК приступил к организации регулярных радиопередач на славянских языках, направленных на Болгарию, Польшу, Чехословакию, Югославию.

Для дальнейшей деятельности Всеславянского комитета большое значение имело решение об организации секций — русской, украинской, белорусской, польской, чехословацкой и южнославянской.

Пленум ВК постановил провести в начале апреля 1942 г. в Москве второй Всеславянский митинг. Он состоялся в момент, когда фашистские армии стремились оправиться от серьезного поражения под Москвой и перейти в широко разрекламированное гитлеровской пропагандой «весеннее наступление». Враг, хотя и получил тяжелые удары, был еще силен. Это обстоятельство подчеркнул в своем выступлении на втором митинге председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант Александр Гундоров. Вместе с тем он указал, что обстановка благоприятствовала широкому развертыванию борьбы против гитлеризма. Удары Красной Армии с фронта усиливали разложение тыла фашистских армий, обеспечивали борьбу славянских народов против фашистского ига, давали возможность создать в славянских странах внутренний фронт против оккупационных армий [27].

Представители зарубежных славянских народов, выступая на митинге, говорили о развитии освободительной, антифашистской борьбы в своих странах. Весной 1942 г. уже вся Югославия была охвачена партизанской войной. Видные деятели Всеславянского комитета Божидар Масларич, Джуро Салай, Иван Регент отмечали, что народы Югославии, как и все другие славянские народы, сделают все возможное, чтобы сорвать гитлеровское «весеннее наступление», превратить партизанскую войну во всенародную войну против оккупантов [28].

[27] См. «Второй Всеславянский митинг в Москве 4 апреля 1942 г.» М., 1942, стр. 11.
[28] Там же, стр. 22, 28, 43.

Член Всеславянского комитета Ванда Василевская обратилась к польскому народу, к рабочим Варшавы и Радома, Лодзи и Кракова, Ченстохова и Люблина с призывом образовать боевые дружины, вооружаться отнятым у врага оружием [29].

«Чехи, подымайтесь! Вперед, на бой!— призывал своих соотечественников вице-председатель Всеславянского комитета Зденек Неедлы.— Вам скажут, что будут жертвы. Будут. Разве их нет уже сейчас? А разве есть народ, не приносящий сегодня жертв? Вспомните, сколько жертв принесли народы СССР, сколько жертв приносят каждый день другие народы. Разве мы можем бояться жертв, когда вопрос идет — быть или не быть народу?» [30]

Активист Всеславянского комитета болгарский общественный деятель Фердинанд Козовский с трибуны митинга заявил: «Братья болгары, мы — славяне — нам не по пути со смертельным врагом славянства. Солидарность и братство славянских народов — это залог свободы и независимости нашего собственного народа. На борьбу всеми силами и средствами против вовлечения Болгарии в преступную, разбойничью гитлеровскую войну»! [31]

Участники второго Всеславянского митинга приняли Обращение к славянским народам, указывавшее, что их освобождение от гитлеровской тирании зависит от собственной активной борьбы каждого народа против гитлеровских оккупантов [32].

Второй Всеславянский митинг, как и первый, вызвал много откликов в славянских странах.

Из Югославии приходили сообщения о том, что обращение участников митинга, горячо встреченное народными массами, еще больше вдохновило их на борьбу против фашистских оккупантов [33]. Боевые действия югославских партизан сковывали десятки вражеских дивизий.

Об успехах освободительной борьбы в Польше журнал «Славяне» писал в июне 1942 г. «С каждым днем все больше ширится партизанское движение в стране... Партизаны совершают вооруженные нападения на военные части и полицию, пускают под откос воинские эшелоны, взрывают склады боеприпасов и другие объекты» [34].

В связи с тем, что в чешских землях движение Сопротивления в это время не достигло необходимой массовости, в Обращении второго Всеславянского митинга содержался призыв к чешскому народу: «Чехи, помните, что ваша страна является важнейшим арсеналом Гитлера! Саботируйте производство пушек, тан-

[29] «Второй Всеславянский митинг в Москве 4 апреля 1942 г.», стр. 18.
[30] Там же, стр. 22.
[31] Там же, стр. 47.
[32] Там же, стр. 5.
[33] «Славяне», 1942, № 1, стр. 37.
[34] Там же, стр. 33.

ков, оружия, организуйте забастовки, взрывайте военные склады, уничтожайте военные транспорты».

В передовой статье специального выпуска «Руде право», посвященного второму Всеславянскому митингу, газета, обращая внимание чешского народа на этот призыв, писала: «Мы можем дать лишь один ответ: Выполним!» [35]

В апреле 1942 г. нелегальная конференция делегатов крупнейших пражских металлургических заводов обсуждала вопрос о том, что и как делать, чтобы рабочие военной промышленности выполнили свой патриотический долг. «Дух Всеславянского митинга,— писала в мае 1942 г. «Руде право»,— явственно овладел присутствующими и оказал влияние как на ход конференции, так и на ее решения» [36]. Однако жестокий фашистский террор, начавшийся в чешских землях летом 1941 г., не позволил развернуть здесь массовое движение Сопротивления. В Словакии в этот период уже действовали партизанские группы.

Борьба болгарского народа против гитлеровского «нового порядка» свидетельствовала о ненависти к фашизму. Болгарские патриоты выступали за единый фронт славянских народов, за победу антифашистской коалиции. Вести, поступавшие весной и летом 1942 г. из Болгарии, подтверждали, что семена славянской солидарности в борьбе с фашизмом дали на болгарской почве хорошие всходы [37]. Сеть нелегальных организаций Сопротивления росла.

Второй Всеславянский митинг вызвал широкий отклик не только в славянских странах, но и далеко за их пределами. О большом авторитете Всеславянского комитета, о росте его международных связей давали представление приветствия из многих стран, от самых различных организаций и лиц.

Растущие международные связи помогали Всеславянскому комитету распространять свои обращения, листовки и другие материалы и доводить их до сведения народов славянских стран. Сразу же после второго Всеславянского митинга было принято решение издать его материалы на всех славянских языках и, помимо того, просить славянские организации США и Англии опубликовать их в своей прессе [38]. Вскоре ответственный секретарь Всеславянского комитета А. И. Лаврентьев сообщил членам Комитета о выполнении этого решения [39].

Создание внутри Всеславянского комитета национальных секций способствовало активизации его деятельности. Руководителями секций были избраны: русской — Алексей Толстой, украинской — Александр Корнейчук, белорусской — Якуб Колас, поль-

[35] «Rudé právo. 1939—1945», str. 302.
[36] Там же, стр. 324.
[37] «Славяне», 1942, № 1, стр. 46; № 3, стр. 62.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 36.
[39] Там же, л. 39.

ской — Ванда Василевская, чехословацкой — Зденек Неедлы, южнославянской, где совместно работали деятели Югославии и Болгарии,— Божидар Маслярич. Руководители секций входили в состав Президиума ВК.

Большой вклад в работу секций внесли их активные члены, в течение всей войны отдававшие много времени и труда общеславянскому делу. Среди них были: в польской секции — Я. Броневская, С. Ендриховский, З. Модзелевский, М. Нашковский, Е. Путрамент, Л. Хвистек и др.; в чехословацкой — Я. Шверма, М. Чулен, О. Лысогорский и др.; в южнославянской — югославские деятели В. Влахович, Д. Влахов, Д. Густинчич, С. Зинич, И. Регент, Д. Салай, Р. Стийенский и др.; болгарские деятели С. Благоева, Р. Караколов, Ф. Козовский, К. Лазарев, А. Стоянов, В. Томов и др.

В секциях при непосредственном участии названных выше деятелей анализировалось положение в Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, вырабатывалась программа действий для достижения единства славянских народов в борьбе с фашизмом, подготовлялись основные документы и обращения, которые Всеславянский комитет адресовал этим народам.

25 августа 1942 г. под председательством А. Гундорова состоялся очередной Пленум Всеславянского комитета[40]. Были отмечены успехи в дальнейшем расширении связей с зарубежными славянскими организациями. ВК значительно усилил свою пропагандистскую деятельность. Регулярно выходил журнал «Славяне».

С помощью членов польской, чехословацкой, южнославянской секций отправлялись во многие страны сотни статей, заметок и других материалов. В них освещалась освободительная борьба славянских народов, рассказывалось о героях этой борьбы, разоблачалась ложь фашистской пропаганды, говорилось об успехах Красной Армии, о подвигах ее воинов.

Эти материалы публиковались в славянской прессе в США, Англии, Канаде, Латинской Америке, Египте и других странах. Эта информация проникала сквозь все фашистские рогатки и в страны, находившиеся под властью гитлеровцев и их приспешников.

Всеславянский комитет по-прежнему уделял большое внимание радиопропаганде, направленной на славянские страны. С июля 1942 г. ВК начал регулярно проводить из Москвы специальные передачи для всех славянских народов на их языках. У микрофона выступали председатель Всеславянского комитета А. Гундоров, вице-председатели Зденек Неедлы, Божидар Маслярич, болгарская общественная деятельница Стелла Бла-

[40] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 39.

гоева, многие другие члены ВК. Одним из авторов материалов для Всеславянского комитета был Клемент Готвальд[41].

Активное участие в радиопередачах принимали советские писатели и ученые: Алексей Толстой, Лидия Сейфуллина, Кондрат Крапива, академик Николай Державин, профессор Афанасий Селищев и многие другие.

«Вся пропаганда,— говорила на Пленуме Всеславянского комитета в августе 1942 г. Ванда Василевская,— должна вестись по одной линии, способствовать одному — поднять все народы на борьбу против Гитлера»[42].

Осень и зима 1942 г. проходили под знаком Сталинградского сражения. За грандиозной битвой на Волге следил весь мир. Историческая победа под Сталинградом привела к изменению международной обстановки. Становилось очевидно, что Советский Союз не только разгромит фашистских захватчиков, вторгшихся в его пределы, но и сможет осуществить свою освободительную миссию в отношении народов Европы, подпавших под гитлеровское иго.

Победа Красной Армии под Сталинградом вдохновила славянские народы, привела к новому подъему их освободительной борьбы. Всеславянский комитет способствовал дальнейшему развертыванию этой борьбы.

31 января — 1 февраля 1943 г., в дни победоносного завершения Сталинградского сражения, был проведен очередной Пленум Всеславянского комитета. За полгода, минувшие после августовского Пленума, ВК многое сделал для того, чтобы показать героическую борьбу советского народа и его Красной Армии, борьбу всех славянских народов во временно оккупированных нацистами странах, разоблачить гитлеровские планы уничтожения славян, призвать в ряды антифашистов новых борцов.

«Всеславянский комитет активно откликается на все события самоотверженной борьбы славянских народов против гитлеровского варварства. Он оценивает эти события, организует общественное мнение»,— говорилось на Пленуме[43].

Анализ положения в Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии и картина развития освободительной борьбы в этих странах были даны в докладе ответственного секретаря Всеславянского комитета А. Лаврентьева[44]. Он отметил, что наиболее широкий размах всенародная вооруженная борьба против оккупантов получила в Югославии. Нарастало партизанское движение в Польше, принимая все более зрелые формы. В Чехослова-

[41] *J. Hrozienčik.* Všeslovanský výbor..., str. 325.
[42] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 41.
[43] См. «Славяне», 1942, № 2, стр. 35.
[44] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 21, л. 80.

кии, несмотря на массовый террор, ширилась борьба антифашистов. Стремление правящих кругов Болгарии использовать страну в военных интересах фашистского рейха вызвало решительное сопротивление народа.

Исходя из обстановки в славянских странах, члены Комитета рекомендовали мероприятия, которые должны были содействовать антифашистской борьбе народов, пропагандировать опыт этой борьбы. Божидар Маслярич сообщил о работе народных комитетов — органов народной власти на освобожденной территории Югославии, о создании в ноябре 1942 г. Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) и его программе [45].

Один из руководителей Коммунистической партии Чехословакии Ян Шверма говорил на Пленуме ВК об антигитлеровской борьбе в Чехословакии. Саботажем на военных заводах, организацией вооруженных групп, устройством подпольных радиостанций отвечал народ Чехословакии на зверства гитлеровцев [46].

Члены Комитета отметили широкое развитие партизанского движения в восточных областях Польши, рост сопротивления гитлеровской политике в Болгарии.

Касаясь программы дальнейших действий Всеславянского комитета, З. Неедлы указал: «Славянские народы — это не какой-то закрытый славянский мир: славяне общаются со всеми другими народами. И задача нашего Комитета — крепить дружбу славян со всеми свободолюбивыми народами мира» [47].

Всеславянский комитет принял Обращение к славянам оккупированных стран Европы, подчеркнув в нем, что наступила пора организованных, всенародных боевых действий порабощенных народов против угнетателей [48].

Обращаясь к народам Югославии, Комитет выражал уверенность, что очередное крупное наступление, начатое в то время оккупантами и их пособниками против югославской народно-освободительной армии, потерпит провал.

Поляков и чехов Комитет призывал расширять партизанское движение, усилить борьбу в тылу врага, разрушать коммуникации оккупантов, взрывать военные склады, закрыть путь фашистским войскам через славянские страны.

«Болгарский народ может спасти свою свободу, независимость и честь, только борясь против фашистской Германии и гитлеровских агентов»,— указывалось в документе ВК.

Обращение Всеславянского комитета благодаря увеличившимся возможностям и дальнейшему росту его международных

[45] «Славяне», 1943, № 2, стр. 35.
[46] Там же, стр. 37.
[47] Там же, стр. 35.
[48] Там же, стр. 33.

связей, было широко распространено в зарубежных славянских странах. Так, например, в сокращенном варианте оно было опубликовано в одном из апрельских номеров подпольной «Руде право» [49].

Следует отметить, что реакционные эмигрантские правительства Польши и Югославии, находившиеся в Лондоне, стремились затормозить развертывание антифашистской борьбы в этих странах. Их представители не желали вступать в контакт со Всеславянским комитетом. Некоторые деятели эмигрантского буржуазного правительства Чехословакии также выступали против развертывания партизанского движения. Так, Г. Рипка рекомендовал чешской секции Британской радиовещательной корпорации (Би-би-си) не передавать на Чехословакию Обращение второго Всеславянского митинга в Москве, а также речь профессора З. Неедлы, поскольку там имелись призывы к партизанской борьбе [50].

Вскоре после Пленума ВК состоялись заседания секций; на них были утверждены планы работ. Главной целью по-прежнему являлись пропаганда объединения славян, содействие мобилизации народов славянских стран на дальнейшую борьбу с гитлеризмом.

Важной задачей Всеславянского комитета и его секций весной 1943 г. была подготовка очередного Всеславянского митинга. Незадолго до проведения митинга к славянским народам по радио обратились: председатель Комитета А. Гундоров (ко всем славянам), вице-председатель Б. Маслярич (к народам Югославии) и З. Неедлы (к народам Чехословакии).

9 мая 1943 г. в Москве состоялся третий Всеславянский митинг. В нем приняли участие представители народов Советского Союза, Югославии, Польши, Чехословакии и Болгарии. Александр Фадеев в своем выступлении сказал, что русский народ борется не только за свою свободу, но и за свободное развитие всех народов, угнетенных фашизмом. Этой беззаветной борьбой русский народ продемонстрировал перед всем миром, что ему глубоко чужда реакционная идея панславизма [51].

Герой Советского Союза генерал-майор Красной Армии А. Дьяконов заявил на митинге, что Красная Армия идет в решающие бои, твердо уверенная в своей победе, в том, что славянские и все свободолюбивые народы мира помогут в ее справедливой борьбе против врага всего прогрессивного человечества [52].

Представитель народов Югославии В. Влахович рассказал, что в оккупированной, но непокоренной стране возникло боевое единство народов. Преодолевая серьезные трудности, партизан-

[49] «Rudé právo. 1939—1945», str. 307.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 21, л. 95.
[51] «Третий Всеславянский митинг в Москве». М., 1943, стр. 19.
[52] Там же, стр. 57.

ская народно-освободительная армия показывала в боях с врагом замечательную отвагу и воинское умение, вносила большой вклад в дело победы [53].

За три месяца до третьего Всеславянского митинга было опубликовано сообщение о сформировании на территории СССР из чехословацких граждан воинской части и отправке ее на один из участков советско-германского фронта [54]. Чехословацкой воинской частью командовал полковник Людвик Свобода, ныне — Президент Чехословацкой Социалистической Республики.

В своем выступлении на третьем Всеславянском митинге Л. Свобода сообщил, что чехи и словаки воюют с врагом с воодушевлением, храбро, не зная страха смерти. Он заявил, что советское командование предоставило чехословацкой воинской части все для успешной борьбы с врагом.

Обращаясь к чехословацким солдатам и офицерам, оставшимся в стране, Л. Свобода призвал их взяться за оружие, стать организаторами партизанских отрядов, действовать, как верные солдаты республики [55].

В. Василевская сообщила на митинге, что поляки в Советском Союзе приступили к формированию польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, которая плечом к плечу с Красной Армией будет пробивать себе дорогу в Польшу [56]. Командир польской дивизии полковник Зигмунд Берлинг сказал, что польские воины понимают, как понимает и весь польский народ, что путь к свободе пробивается не выжиданием с винтовкой у ноги, а военным подвигом [57].

Болгарский общественный деятель Владимир Томов сообщил, что болгарские патриоты без различия политических убеждений сплотились под знаменами Отечественного фронта и поклялись вести беспощадную борьбу против гитлеризма [58].

Третий Всеславянский митинг рекомендовал народам Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии с учетом обстановки в каждой стране конкретные формы борьбы (отметим, что митинг транслировался по радио на 9 языках, а его Обращение передавалось на 32 языках) [59].

Отклики на новую манифестацию дружбы славянских народов свидетельствовали об усилении влияния Всеславянского комитета на развитие антифашистской освободительной борьбы народов. На имя третьего Всеславянского митинга поступило

[53] «Третий Всеславянский митинг в Москве», стр. 29.
[54] «Славяне», 1943, № 3, стр. 19.
[55] «Третий Всеславянский митинг в Москве», стр. 33
[56] Там же, стр. 35.
[57] Там же, стр. 44.
[58] Там же, стр. 40.
[59] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 4, л. 23.

свыше двухсот телеграмм от разных славянских обществ и организаций, газет и общественных деятелей со всех концов земного шара. Митинг приветствовали общественные и научные организации Советского Союза, партизаны и партизанки временно оккупированных гитлеровцами районов Белоруссии и Украины. Через линию фронта дошли до участников митинга боевые послания народов Югославии и Польши.

В приветствии из Польши от Главного штаба Народной гвардии сообщалось, что польские патриоты усиливают партизанскую борьбу. Об этом говорилось также в приветствиях третьему митингу от партизанских отрядов имени Варыньского, Мицкевича, Костюшко, Пуласского и др.[60]

Высоко оценивая значение таких манифестаций, как Всеславянский митинг, газета «Красная Звезда» (орган Наркомата обороны СССР) писала в передовой статье: «В решающий момент войны с гитлеровской Германией славянские народы берутся за оружие, чтобы совместно с объединенными нациями нанести смертельные удары фашистскому зверю... Долг славян — сорвать «тотальную» мобилизацию, расшатать гитлеровский тыл, усилить партизанское движение на родных землях»[61].

Всеславянский комитет широко распространил Обращение и материалы третьего митинга. Они были также подпольно отпечатаны в зарубежных славянских странах[62].

Откликнулись на митинг и фашистские газеты и радио. Их злобные выступления служили своеобразным подтверждением важности крепнущего единства славян, эффективности действий Всеславянского комитета. Одна из вражеских радиостанций, вещавших на Югославию, сообщила, что «партизаны прямо наводнили страну листовками и брошюрами о каком-то Всеславянском конгрессе»[63].

Летом 1943 г. Красная Армия разгромила фашистские армии в Курской битве и продолжала успешно продвигаться на Запад. Первые московские победные салюты в августе 1943 г. вызвали особенную радость у трудящихся славянских стран.

Антифашистская борьба славянских народов приобретала все больший размах. Народно-освободительная армия Югославии осенью 1943 г. насчитывала в своих рядах около 300 тыс. человек и освободила от фашистов и их пособников свыше половины всей территории страны[64]. Патриотические силы в Польше наносили серьезный урон оккупантам. Саботаж в Чехословакии существенно снизил для гитлеровцев значение этого арсенала.

[60] Там же, стр. 75.
[61] «Красная Звезда», 10 мая 1943 г.
[62] «Славяне», 1943, № 5, стр. 32; «Rudé právo. 1939—1945», str. 405—406.
[63] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 4, л. 23.
[64] *V. Strugar.* Jugoslavija. 1941—1945. Beograd, 1969, str. 203.

В Болгарии к Отечественному фронту присоединялись новые тысячи патриотов.

Все более активными становились операции болгарских партизан.

В дни победоносного наступления Красной Армии и подъема освободительной борьбы в славянских странах 16—17 октября 1943 г. состоялся шестой Пленум Всеславянского комитета.

К этому времени ВК поддерживал связь более чем с 200 славянскими организациями мира и с 60 славянскими газетами, выходившими в США, Англии, Канаде, Аргентине, Уругвае, Чили и Австралии и регулярно помещавшими материалы ВК о борьбе славян с гитлеризмом. Только за девять месяцев 1943 г. члены Всеславянского комитета 1270 раз выступали по радио, обращаясь к славянским народам [65].

Шестой Пленум показал, какое значение приобрела борьба славянских народов не только для победы антигитлеровской коалиции, но и для создания основ прочного мира, для послевоенного развития славянских стран по демократическому пути.

В сообщении вице-председателя ВК Б. Масларича об освободительной борьбе в Югославии было подчеркнуто, что НОАЮ одерживает победы над оккупантами потому, что кровно связана со всем югославским народом. Шестой Пленум ВК обратился к генералам, офицерам и солдатам НОАЮ и югославским партизанам со словами любви и привета, выразил уверенность в нерушимости боевого единства народов Югославии, осудил предателей-четников Дражи Михайловича, сотрудничавших с оккупантами [66].

На Пленуме было заслушано сообщение вице-председателя ВК В. Василевской о деятельности Союза польских патриотов в СССР. Всеславянский комитет многое сделал для того, чтобы эта деятельность стала широко известной в Польше, так как она способствовала борьбе против гитлеризма, за освобождение Польши и превращение ее в свободное, независимое, демократическое государство.

Большое внимание на Пленуме ВК было уделено героической борьбе болгарских патриотов против фашистских захватчиков и их агентов в Болгарии. С обширным докладом, посвященным историческим основам дружбы русского и болгарского народов, выступил академик Николай Державин.

Член Всеславянского комитета Ф. Козовский изложил на Пленуме программу Отечественного фронта, указав на ее международное значение. Активный деятель ВК Стелла Благоева от имени представителей всех славянских народов, собравшихся на

[65] ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 23, л. 1.
[66] «Славяне», 1943, № 11, стр. 45.

Пленуме, заявила: «При решительном выступлении армии и народа против немцев Болгария будет иметь полную поддержку всей славянской общественности. Эта поддержка обеспечит ей победу и гарантирует ее будущность» [67].

Шестой Пленум Всеславянского комитета единодушно признал политическую линию ВК правильной и одобрил практическую работу его Президиума. Большое место в этой работе занимало содействие организации и всесторонней подготовке чехословацких, польских, югославских воинских частей на территории СССР. Как упоминалось выше, в годы Великой Отечественной войны эти части были созданы из добровольцев — чехов, словаков, поляков, югославов, оказавшихся в силу различных причин на территории СССР и выразивших желание участвовать совместно с Красной Армией в вооруженной борьбе против фашистской Германии. Советское правительство удовлетворило это желание и предоставило чехословацким, польским и югославским воинским частям вооружение и прочие материальные средства.

Всеславянский комитет помог многим славянам-добровольцам найти путь в эти части. Члены ВК многократно бывали в местах формирования польских, чехословацких, югославских воинских соединений, держали с ними повседневную связь. 15 июля 1943 г., в годовщину битвы под Грюнвальдом, когда воины польской дивизии имени Костюшко, впоследствии выросшей в Польскую армию в СССР, принимали присягу, их приветствовали представители ВК [68].

В октябре 1943 г. перед выступлением на фронт солдат и офицеров 1-й Чехословацкой бригады в СССР их также напутствовали представители Всеславянского комитета, посетившие заключительное ученье бригады [69].

Югославской воинской части вручал знамя по поручению командования НОАЮ известный югославский общественный деятель, член Всеславянского комитета Велимир Влахович [70].

Пропагандистская работа, которую вели члены Всеславянского комитета среди воинов в славянских частях, благотворно сказывалась на их идейно-политической подготовке. Уезжая на фронт, бойцы и командиры югославской воинской части в СССР выразили сердечную благодарность Всеславянскому комитету за всестороннюю помощь [71].

Журнал «Славяне» систематически освещал ход боевой подготовки славянских воинских частей, а затем, когда они приняли участие в сражениях с врагом, писал об их боевых успехах.

[67] Там же, стр. 39.
[68] Там же, № 8, стр. 26.
[69] Там же, № 11, стр. 46.
[70] «Славяне», 1944, № 4, стр. 33.
[71] Там же, № 9, стр. 43.

Созданные в СССР добровольческие воинские части на первых порах были численно невелики. Но им придавала силу поддержка, которой они пользовались у народов своих стран. Этому способствовал и Всеславянский комитет. ВК популяризировал славянские воинские части не только в Чехословакии, Польше, Югославии, но и во всем мире.

23 и 24 февраля 1944 г. в Москве состоялся созванный ВК митинг славян-воинов, в котором приняли участие представители Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР, Польской армии в СССР, чехословацких воинских частей и югославской добровольческой воинской части.

Открывая митинг, генерал-лейтенант А. С. Гундоров особо остановился на значении славянских воинских частей. Он выразил уверенность в том, что наступление Красной Армии с фронта сольется с вооруженной борьбой славянских народов в тылу гитлеровских армий [72].

Командир Чехословацкой бригады в СССР генерал Людвик Свобода рассказал о боях, в которых участвовали чехословацкие воины, — под Соколовом, у стен древнего Киева, во время освобождения Белой Церкви. Первая отдельная Чехословацкая бригада была награждена Советским правительством боевыми орденами. Л. Свобода призвал соотечественников с помощью Красной Армии, бок о бок с югославскими и польскими партизанами бороться за победу.

Командир Польской армии в СССР генерал Зигмунт Берлинг заявил, что польские воины гордятся тем, что в цепи огромного фронта — от Белого до Черного моря — и они являются одним из звеньев. Он подчеркнул, что Польская армия в СССР выражает чаяния патриотов, борющихся за сильную, демократическую, свободную и независимую Польшу [73].

Представители Югославской воинской части в своих выступлениях обещали храбро сражаться против гитлеровцев [74].

В Обращении митинга славян-воинов к братьям-славянам было отмечено, что боевое единство славянских народов становится реальной действительностью [75].

Всенародная борьба славянства сливалась воедино с благородной освободительной миссией Красной Армии. Плечом к плечу с воинами Красной Армии — русскими, украинцами, белорусами, сынами всех народов Советского Союза — шли польские, чехословацкие, югославские воины, прокладывая свой путь на Запад, на родину. Боевой союз славянских народов с советским

[72] «Напред, ка победи словени-ратници (Митинг славян-воинов)». М., 1944, стр. 16.
[73] Там же, стр. 23.
[74] Там же, стр. 42.
[75] Там же, стр. 5.

народом и его Красной Армией был верным залогом освобождения славянских государств от фашистской тирании [76].

В 1944 г. Красная Армия, громя фашистские полчища, вступила в пределы Польши, Болгарии, Чехословакии, Югославии. Славянские воинские формирования приняли участие в боях с оккупантами уже на родной земле.

Перед Всеславянским комитетом в период освобождения славянских государств встали новые задачи, к решению которых он приступил. Но рассмотрение деятельности ВК в этот период выходит за рамки нашего доклада.

Подводя итог, следует сказать, что во время развертывания освободительного движения зарубежных славянских народов Всеславянский комитет оказал им большую помощь, о чем свидетельствуют документы и материалы ВК.

[76] *А. С. Гундоров.* Боевое единство славянских народов в борьбе с гитлеризмом. М., 1944, стр. 43.

И. А. ХРЕНОВ, С. М. СТЕЦКЕВИЧ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В РОССИИ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Русская революция 1905—1907 гг. была одним из важнейших исторических событий начала XX в., открывших новый этап в развитии мирового революционного процесса. В. И. Ленин, касаясь международного значения первой русской революции и авангардной роли российского пролетариата в международном рабочем движении, в январе 1905 г. в газете «Вперед» писал: «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара» [1].

Историческая неизбежность первой русской революции определялась всем ходом социально-экономического развития России. Хотя в пореформенный период в России далеко вперед продвинулось развитие капитализма, тем не менее в начале XX в. она оставалась страной, в экономике которой господствующее место сохраняло сельское хозяйство, опутанное феодальными пережитками. Наличие крупного помещичьего землевладения и других остатков феодально-крепостнических отношений в аграрном строе России, ревностно охранявшихся самодержавием, тормозило развитие производительных сил страны. Свержение самодержавия, установление демократической республики, ликвидация помещичьего землевладения и остатков крепостничества были первоочередными задачами назревавшей революции.

Успех революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин ставил в зависимость от решения аграрно-крестьянского вопроса. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанной в ноябре — декабре 1907 г., В. И. Ленин указывал: «Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция...» [2]. Крестьяне составляли подавляющее большинство населения Российской империи. Зажатое в тисках малоземелья и безземелья, крестьянство страдало от помещичьего гнета, кулацкой кабалы и произвола царских властей.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 204.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 407.

В постоянной нужде, на грани голода жил и пролетариат России. Тысячи, десятки тысяч людей, говорил В. И. Ленин, которые всю жизнь создавали богатства для других, умирали преждевременно от голодовок и недоедания, от бедноты и отвратительнейших условий труда, от нищенских жилищных условий, от недостатка отдыха[3]. В особенно трудных материальных условиях оказалась большая часть рабочих в результате безработицы, возросшей во время экономического кризиса 1900—1903 гг.

Для трудящихся масс нерусской национальности социальный гнет и политическое бесправие дополнялись национальным угнетением, ущемлением права пользоваться родным языком, достояниями национальной культуры. Социально-экономический и национальный гнет, неслыханный произвол царских властей, которые свирепо душили проявление всякой свободной мысли, всякую попытку масс улучшить свое экономическое положение, усугубленные бедствиями, вызванными русско-японской войной 1904—1905 гг., до предела обострили политическую ситуацию в стране. Революционный взрыв становился неизбежным.

Хотя по своему социальному содержанию революция в России была буржуазно-демократической, она существенно отличалась от буржуазных революций XVIII—XIX вв. на Западе. В условиях империализма буржуазия в России не была революционной силой, а склонялась к соглашению с царизмом. Во главе революции мог встать только пролетариат, заинтересованный в доведении до конца демократического переворота и переходе в последующем к социалистической революции. Рабочий класс России накануне революции представлял большую социальную силу. Только промышленных рабочих насчитывалось более 3 млн. человек. Передовая часть пролетариата уже прошла суровую школу классовой борьбы под руководством большевистской партии. Объединенный фронт всех революционно-демократических сил под руководством пролетариата и его авангарда — партии большевиков мог свергнуть царизм, решить назревшие социально-экономические задачи, уничтожить национальный гнет.

Своеобразие первой русской буржуазно-демократической революции по сравнению с другими буржуазными революциями состояло в том, что по средствам и методам борьбы она была пролетарской. Рабочий класс, выступавший в роли гегемона революции, применял специфически пролетарские методы борьбы, главным из которых была всеобщая политическая стачка. В. И. Ленин придавал огромное значение этой новой форме борьбы пролетариата. В докладе «О революции 1905 г.» В. И. Ленин указывал: «Русская революция является в мировой истории *первой*, но она будет, без сомнения, не последней, — ве-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 14.

ликой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль»[4]. Революция 1905—1907 гг. в России была первой народной революцией эпохи империализма, обогатившей международное рабочее движение новым опытом, новыми средствами и формами борьбы.

Русская революция явилась мощным стимулом подъема освободительного движения в славянских странах. В Королевстве Польском вслед за январским выступлением петербургского пролетариата вспыхнула всеобщая забастовка солидарности, которая в конце января — начале февраля 1905 г. охватила все промышленные центры страны. Польский пролетариат включился в борьбу за свержение царизма, за ликвидацию социального и национального гнета.

В славянских землях Австро-Венгрии при первых известиях о событиях 9 января в Петербурге поднялась волна протеста против злодеяний царизма, начались выступления солидарности с пролетариатом России. Решение австрийской социал-демократической партии создать «Фонд помощи русской революции» встретило широкий отклик среди рабочих Австро-Венгрии. На митингах, состоявшихся в конце января в Брно, Праге, Мосте, Плзене и других городах чешских земель, принимались резолюции, в которых рабочие выражали свое горячее сочувствие борцам против царского самодержавия и пожелания успеха в их борьбе[5]. Как писала рабочая газета «Остравски дельник», «каждое славянское сердце должно пожелать, чтобы деспотизм был свергнут, чтобы победило дело русского народа»[6].

Югославянские земли Австро-Венгрии также были охвачены выступлениями солидарности с пролетариатом России. В Триесте рабочее собрание, созванное по инициативе словенских и итальянских социал-демократов уже 22 января, как только были получены известия из Петербурга о расстреле рабочей демонстрации на Дворцовой площади, приняло резолюцию, в которой говорилось, что «путь выхода из положения показывает Россия»[7]. Подобного рода собрания и митинги состоялись в Любляне, Загребе и ряде других югославянских городов.

В славянских государствах — Сербии и Болгарии — в январе — феврале 1905 г. также проходили организованные местными социал-демократами митинги, демонстрации и забастовки, участники которых выражали свое сочувствие русским рабочим и решимость усилить борьбу за демократические права.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 311.
[5] *К. П. Гогина.* Революционное движение в чешских землях в 1905 г. Из истории революционного движения народов Чехословакии. М., 1959, стр. 157.
[6] «Ostravski delnik», 24.I 1905. Rok 1905. Praha, 1959, str. 47.
[7] *Ю. А. Писарев.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 68.

Рабочие Белграда на митинге 24 января, созванном социал-демократами, заявили: «Победа русского пролетариата является одновременно победой сербского рабочего класса, международной победой. Да здравствует революция!»[8] В Болгарии по призыву партии «тесных социалистов» была начата кампания по сбору средств в помощь русским революционерам[9].

Народная революция в России явилась важнейшим историческим фактором, оказавшим огромное влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в зарубежных славянских странах. Трудящиеся этих стран во главе со своим национальным пролетариатом поднялись на борьбу за политические свободы, демократизацию общественно-политического строя, ликвидацию национального гнета.

Воздействие революции 1905—1907 гг. в России на зарубежные славянские страны по сравнению со многими другими странами Европы было особенно велико. Это объяснялось как географическим положением этих стран — они были ближе всего к России, часть польских земель входила в состав Российской империи, — так и тем, что в начале XX в. в их экономике и общественно-политическом строе сохранялись, как и в России, значительные остатки феодализма. В статье «Новая глава всемирной истории» В. И. Ленин указывал на такие «могучие остатки средневековья», которые задерживали общественное развитие и рост пролетариата Восточной Европы (Австрии, Балкан, России), как абсолютизм, феодализм и подавление национальностей[10]. Поэтому основные задачи, стоявшие перед первой русской революцией, были близки и для трудящихся зарубежных славянских стран. Общность черт политического, социально-экономического развития и положения угнетенных народов дала основание В. И. Ленину отнести Восток Европы к тому типу стран, где «XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу»[11].

Вместе с тем, в различных славянских странах в силу особенностей их исторического развития была и своя специфика революционно-освободительного движения, что позволяет условно разделить эти страны с точки зрения влияния на них революции 1905—1907 гг. на четыре основные группы. Первую группу составляют польские земли, входившие в состав Российской

[8] *Ю. А. Писарев.* Народы Югославии и первая русская революция 1905—1907 гг. «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I. М., 1955, стр. 474; *Б. Павипевиħ.* Odjek прве руске революција у Србије. «Историски гласник», 1955, књ. 2, стр. 14.

[9] *В. Хаджиниколов.* Отражението на първата руска революция в България. София, 1956, стр. 76—80.

[10] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 260.

империи. Здесь революционно-освободительное движение 1905—1907 гг. по своим движущим силам, этапам развития и перспективам перерастания в социалистическую революцию было составной частью общероссийской буржуазно-демократической революции и вместе с тем борьбой за национальное освобождение. Во вторую группу могут быть отнесены славянские земли, входившие в состав Австро-Венгрии. В многонациональной империи Габсбургов, где угнетенные национальности, в первую очередь славяне, составляли большинство населения, одним из важных вопросов, стоявших в центре всей общественной и политической жизни, был вопрос о ликвидации национального гнета. В таких областях, как Словакия, Хорватия, Воеводина, Босния и Герцеговина, Галиция, национальная проблема тесно переплеталась с аграрной, борьба угнетенных трудящихся масс деревни за землю была борьбой против чужеземных помещиков. К этой группе могут быть отнесены и польские земли, входившие в состав Германии.

Третью группу составляет Македония — единственная в начале XX в. славянская страна, еще не освобожденная от турецкого феодального гнета. В Македонии национальная проблема сочеталась с аграрной, здесь главной задачей было уничтожение средневековой феодальной системы, которую сохраняли турецкие угнетатели. В четвертую группу входят те славянские земли, где к началу XX в. уже существовали самостоятельные государства — Болгария, Сербия, Черногория. В этих странах, в основе своей однородных в национальном отношении, национальная проблема как первоочередной вопрос внутриполитической жизни не стояла. На первый план здесь выдвигались вопросы борьбы за демократизацию общественной жизни и политического строя, введение конституции (в Черногории). Национальная проблема для славянских государств Балканского полуострова имела в первую очередь внешнеполитический аспект. Сербия и отчасти Черногория претендовали на то, чтобы стать центром притяжения для югославянских народов, основой формирования крупного югославянского государства на Балканах. Болгария была заинтересована в уничтожении остатков зависимости от Османской империи.

Таким образом, в начале XX в. в освободительном движении всех славянских народов одной из главных была национальная проблема. Поскольку национальный гнет испытывали все слои населения, борьба за национальные права приобретала общенародный характер.

Наиболее последовательное, демократическое решение национального вопроса могло быть осуществлено только в том случае, если бы во главе национального движения встал пролетариат угнетенных народов, а пролетариат угнетающих наций отстаивал бы их право на самоопределение. Однако накануне

революции 1905—1907 гг. только большевистская партия России разработала марксистскую программу решения национального вопроса. Программа-минимум, принятая II съездом РСДРП, выдвигала требование полного равноправия всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, право каждого гражданина получать образование на родном языке, пользоваться им в общественных и государственных учреждениях. В программе РСДРП выдвигалось также требование самоопределения наций[12]. Партия большевиков связывала национальный вопрос с социальным, подходила к его решению с классовых позиций, подчиняла его победе демократической, а в перспективе — социалистической революции, которая могла бы принести полную свободу угнетенным нациям.

Австрийская и венгерская социал-демократические партии не выработали марксистской программы по национальному вопросу. Находясь на позициях так называемого австромарксизма, обе партии считали, что национальный вопрос может быть решен не революционным, а парламентским путем, с помощью всеобщего избирательного права. Они не выдвигали лозунга права наций на самоопределение вплоть до отделения, а выступали за сохранение целостности монархии Габсбургов. Социал-демократическая партия Хорватии и югославянская социал-демократическая партия, входившая в состав построенной на федеративных началах по национальному признаку австрийской социал-демократии, не имели программ по национальному вопросу.

Не занимали правильных позиций в национальном вопросе и польские социалистические партии. Правая часть ППС во главе с Пилсудским, провозглашая записанный еще в программе 1892 г. лозунг независимости Польши, видела путь к его осуществлению не в совместной борьбе пролетариата России и Польши против царского самодержавия, а в «польско-русской войне», которая должна была привести к отрыву польских земель от России. СДКПиЛ считала требование независимости Польши в условиях капитализма нереальным и накануне революции 1905—1907 гг. продолжала возражать против ленинской постановки вопроса о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Отсутствие у социал-демократических партий марксистской программы по национальному вопросу давало возможность буржуазии угнетенных наций выдавать свои классовые интересы за «общенациональные», бороться за руководство национальным движением, против слияния в один революционный поток борьбы за социальное и национальное освобождение.

Буржуазная историография замалчивала или фальсифициро-

[12] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. 1898—1917. М., 1970, стр. 63.

вала то влияние, которое революция 1905—1907 гг. в России оказала на славянские страны. Только марксистской историографии принадлежит заслуга всесторонней разработки этого вопроса. В Советском Союзе и в социалистических славянских странах Европы опубликованы целые серии документов и материалов, свидетельствующих о глубоком воздействии первой русской революции на рабочее, крестьянское, национальное движение [13]. В связи с 50-летием революции и в последующие годы марксистскими историками опубликован ряд научных исследований, показывающих, как народные массы славянских стран, используя опыт революции в России, стремились «действовать по-русски» в борьбе за свое освобождение [14]. В марксистской историографии наиболее разработаны проблемы социально-политической борьбы в отдельных славянских странах в 1905—1907 гг. В то же время недостаточно показано влияние революции в России на развитие национально-освободительного движения всех славянских народов в целом.

Сильное воздействие революция в России оказала на польское национально-освободительное движение. Вопрос о национальном освобождении был поставлен социалистическими партиями

[13] «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь — март 1905». М., 1955; «Революционное движение в России весной и летом 1905 года». М., 1961; «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». М., 1955; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г.» М., 1955—1957; «Второй период революции 1906—1907 гг.» М., 1957—1965; «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. III. Београд, 1950; «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.» М., 1956; «Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją 1905—1907». Warszawa, 1956; «Generalni štrajk u Bosni i Hercegovini 1906 godine». Sarajevo, 1963; «Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900—1904». Warszawa, 1960; «Prameny k revolučnímu hnutí o ohlasu první ruské revoluce v českých zemích v letech 1905—1907. Rok 1905». Praha, 1959; «Leta 1906—1907». Praha, 1962; «Walki chłopów Królestwa Polskiego w rewolucji 1905—1907», t. I—IV. Warszawa, 1958—1961; «Źródła do dziejów klasy robotniczej na ziemiach polskich», t. III, cz. II, 1905. Warszawa, 1971; «Źrodła do dziejów rewolucji 1905—1907 w okręgu Łódzkim», t. I—II. Warszawa, 1958—1964.

[14] *Г. Атанасов.* Към въпроса за влиянието на първата руска революция върху развитието на работническото движение у нас (1905—1907). София, 1959; *О. В. Панцуктилова.* Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М., 1956; «Первая русская революция и международное революционное движение. К 50-летию первой русской революции 1905—1907 годов», ч. I—II. М., 1955; *Ю. А. Писарев.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии; 1905—1914 гг. М., 1962; *В. Хаджиниколов.* Отражението на първата руска революция в България. София, 1956; *И. А. Хренов.* Лодзинское восстание. М., 1958; *S. Kalabiński.* Antynarodowa polityka endecji w rewolucji 1905—1907. Warszawa, 1955; *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. Warszawa, 1969; *W. Najdus.* Szkice z historii Galicji. Galicja w latach 1905—1907. Warszawa, 1960; «Rewolucja 1905—1907 roku na ziemiach polskich». Warzawa, 1955; «Rewolucja 1905—1907 na Mazowszu i Podlasiu». Warszawa, 1968; *С. В. Овнанян.* Подъем рабочего движения в Австрии (1905—1907 гг.). М., 1957.

Королевства Польского в первые же дни революции. Авангард польского пролетариата — СДКПиЛ, которая с момента своего возникновения ориентировалась на революцию в России и последовательно пропагандировала идею солидарности пролетариата России и Польши, уже 23 января в воззвании «Всеобщая стачка и революция в Петербурге» заявила: «От совместной борьбы трудящихся масс России и Польши будет зависеть осуществление политической свободы для народа»[15]. СДКПиЛ выдвинула лозунги свержения царизма, созыва Учредительного собрания, превращения России в демократическую республику, в которой Королевство Польское получит национальную автономию. Руководство ППС, в течение многих лет провозглашавшее тезис о невозможности революции в России, под давлением своей варшавской организации, большинство которой высказалось в поддержку рабочих Петербурга, опубликовало политическую декларацию 28 января, т. е. тогда, когда всеобщая забастовка уже началась. ППС призвала к борьбе за свержение царизма и созыв отдельного Учредительного собрания в Варшаве, завоевание демократических свобод и «неограниченной свободы самостоятельной национальной жизни: введения польского языка во всех без исключения общественных учреждениях»[16].

Боевое выступление польского пролетариата против царизма привело в движение широкие массы польского народа. Уже 28 января началась забастовка студентов Варшавского университета, Политехнического института, учащейся молодежи средних школ, которая вскоре охватила учебные заведения Королевства Польского. Участники забастовки требовали введения всеобщего бесплатного обучения без различия социального происхождения и национальности учащихся, свободы союзов и собраний и т. п. Учащаяся молодежь в борьбе за свои демократические требования применила такую форму выступления, как забастовка, заимствованную из опыта борьбы рабочего класса.

Рабочие партии поддержали движение учащейся молодежи. В своих воззваниях они подчеркивали связь этого движения с борьбой пролетариата. Так, в прокламации Главного правления СДКПиЛ (март 1905 г.) говорилось: «Граждане! Мы, социал-демократы, всегда исходили и исходим в нашей борьбе из классовых интересов рабочих. Но наша борьба за политическую свободу, за установление демократической республики в Российском государстве и за национальную автономию польских земель является в то же время и национальной борьбой. Это борьба за создание школы не только демократической, но и польской...»[17].

[15] «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 129.
[16] «PPS-Lewica. 1906—1918. Materjały i dokumenty», t. I. 1906—1910. Warszawa, 1961, str. 3—4.
[17] «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 199.

Царские власти арестами студентов и гимназистов, закрытием высших и средних школ пытались подавить забастовку, но под напором движения были вынуждены пойти на уступки. В апреле 1905 г. «высочайшим» указом «Об укреплении начал веротерпимости» было разрешено преподавание «закона божьего» на «природном языке учащихся»[18], а в июне 1905 г. было утверждено положение комитета министров, по которому преподавание польского языка в начальных училищах, а для желающих и в средних учебных заведениях могло производиться на родном польском языке. Одновременно были отменены ограничения в праве учащихся Варшавского учебного округа пользоваться польским языком во внеурочное время[19].

Выступление рабочего класса в январе — феврале 1905 г. повлекло за собой массовое крестьянское движение. Наряду с социальной войной — стачками сельскохозяйственного пролетариата, борьбой мелкого и среднего крестьянства за право пользоваться помещичьими и государственными лесами, лугами и пастбищами — широкий размах приобрела и борьба широких масс крестьянства за политические и национальные права. Национально-освободительная борьба была наиболее массовой формой революционных выступлений польского крестьянства в революции 1905—1907 гг.[20] На гминных собраниях, где по закону могли участвовать крестьяне, владевшие не менее 1,5 га земли, они стали выдвигать требования введения польского языка в гминное делопроизводство, суд, школу. На этих собраниях принимались соответствующие решения, которые заносились в протоколы на польском языке[21]. Крестьяне не выдвигали еще лозунгов свержения царского самодержавия, но своими требованиями выражали враждебное отношение к царившей в стране системе политического и национального гнета.

СДКПиЛ, как и ППС, не видела в крестьянстве союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции, но с начала революции стала вести пропаганду среди крестьянства, выдвигая главным образом лозунги политической борьбы с царизмом, борьбы за демократические и национальные права. В воззвании Главного правления СДКПиЛ «Слово к братьям-крестьянам» (март 1905 г.) говорилось: «Мы требуем установления республики... Мы требуем свободы слова, свободного издания газет и книг, свободы собраний для народных масс, свободы союзов. Мы требуем автономии (самоуправления) для нашей

[18] «Законодательные акты переходного времени (1904—1908)». СПб., 1909, стр. 37.
[19] Там же, стр. 63—64.
[20] *S. Kalabiński, F. Tych.* Chłopi polscy w rewolucji 1905 roku. Warszawa, 1957, str. 32.
[21] «Walki chłopów Królestwa Polskiego w rewolucji 1905—1907», t. I. «Styczeń — wrzesień 1905». Warszawa, 1958.

страны, свободных польских школ, равноправия для нашего родного языка, свободы совести»[22]. В воззваниях ППС, распространявшихся среди крестьян, также преобладали политические лозунги[23]. Без выдвижения таких требований, которые могли бы удовлетворить коренные интересы крестьянства, союз между рабочим классом и крестьянством не мог сложиться. Однако в ходе революции шел процесс политического самоопределения крестьян, освобождения их из-под влияния буржуазии и помещиков. В этом немалую роль сыграл Польский крестьянский союз — демократическая крестьянская организация,— который в мае 1905 г. выдвинул требования предоставления Королевству Польскому национальной автономии, созыва учредительного сейма в Варшаве, полонизации и демократизации школы и другие общедемократические лозунги. Польский крестьянский союз не сформулировал в это время аграрной программы, считая, что главной задачей дня является свержение царизма, создание сильной крестьянской партии, которая в Варшавском учредительном собрании будет вести борьбу за интересы крестьянства[24].

Во время Всероссийской октябрьской политической стачки революционным движением были охвачены все польские промышленные центры. В эти дни польский рабочий класс, верный знамени пролетарского интернационализма, вновь занял свое почетное место в передовых рядах борцов общероссийского фронта революционного движения. СДКПиЛ обратилась к польскому пролетариату с прокламацией «Братство и единство пролетариата Польши и России — вот наш лозунг»[25]. В. И. Ленин высоко оценил этот новый революционный порыв польского пролетариата. «Геройская Польша, — указывал В. И. Ленин, — снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»[26].

В то время как польские имущие классы приветствовали манифест 30 (17) октября, рассматривая его как начало «конституционной эры», пролетариат продолжал штурм самодержавия. Особенно мощная волна революционного движения охватила Домбровский угольный бассейн, где среди металлистов и горняков было сильно влияние социал-демократов. По инициативе

[22] «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 204.

[23] Весной 1905 г. ППС разработала проект аграрной программы, в котором выдвигалось требование национализации земли, однако национализированную землю предлагалось не делить между крестьянами, а передать им в аренду. В этом проекте, как отмечал В. И. Ленин, были смешаны задачи и условия демократического и социалистического переворотов (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 289).

[24] *B. Radlak.* Polski Związek Ludowy w rewolucji 1905—1907. Warszawa, 1962, str. 21—25.

[25] «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 376.

[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

социал-демократов в центре Домбровского бассейна — Сосновце — были созданы Комитет общественной безопасности и рабочая милиция (средства на содержание которых рабочие потребовали от фабрикантов), введены гражданские суды. Полиция исчезла с улиц, солдаты уведены в казармы. Начальник Бендинского уезда был вынужден заявить, что он «готов воспользоваться услугами Комитета в деле поддержания порядка, личной и имущественной безопасности». Как признавал помощник варшавского генерал-губернатора Черкасов, «фактически в управление Сосновицким районом, хотя и негласно, вступила партия социал-демократов»[27]. Эта «красная Домбровская республика» просуществовала 10 дней, до введения 10 ноября 1905 г. военного положения в Королевстве Польском. Ее существование было ярким свидетельством роста политического сознания польского пролетариата, стремления его революционного авангарда к созданию своей рабочей власти.

В октябрьско-ноябрьской всеобщей политической стачке в Королевстве Польском вслед за пролетариатом приняли участие самые широкие слои польского народа — ремесленники, интеллигенция, учащаяся молодежь, мелкая буржуазия. Они вели борьбу за политические и национальные свободы, за право пользования родным языком. Осенью 1905 г. вновь возобновилась школьная забастовка. Десять первых дней ноября — «дней свободы» — показали, какую угрозу царизму и имущим классам представляла социальная и национально-освободительная борьба в Королевстве Польском, насколько близкой народным массам была идея всеобщего восстания против царизма[28]. Октябрьско-ноябрьская всеобщая политическая стачка была кульминационным пунктом подъема польского освободительного движения.

Осенью 1905 — зимой 1906 г. с новой силой развернулось освободительное движение польского крестьянства. Оно охватило около 500 гмин, т. е. половину всех гмин Королевства Польского, и вошло в историю под названием «гминное движение». Это движение было направлено против царского и помещичьего гнета, против сохранившихся в польской деревне феодальных пережитков. Вместе с тем борьба крестьян носила и ярко выраженный национально-освободительный характер. На многочисленных гминных собраниях, в которых стали участвовать и малоземельные крестьяне, а также рабочие близлежащих промышленных предприятий, принимались резолюции с требованиями осуществления царизмом торжественно обещанных им в манифесте 17 октября свобод, предоставления автономии Королевству Польскому, введения польского языка в гминном самоуправлении и судебном делопроизводстве, освобождения

[27] «Carat i klasy posiadające...», str. 351.
[28] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie..., str. 199.

политических заключенных. Во многих гминах крестьяне отказывались от уплаты налогов до удовлетворения их требований [29]. В 73 гминах в ноябре 1905—январе 1906 г. выступления приобрели формы партизанской войны. Группы рабочих и крестьян по 20—50 человек нападали на гминные учреждения, лесничества, уничтожали документы, рвали портреты царя [30].

Под напором освободительного движения царизм был вынужден пойти на некоторые уступки, смягчить оскорбительную для национального достоинства польского народа русификаторскую политику. В октябре 1905 г. в частных школах было разрешено преподавание на польском языке всех предметов, кроме истории и географии. Однако свидетельство об окончании частной школы не давало права поступления в высшие учебные заведения [31]. Заметным событием в культурной жизни польского народа явился общепольский учительский съезд, состоявшийся 1 октября 1905 г. На съезде была принята резолюция, призывавшая польское учительство к преподаванию в школах только на польском языке. Не без влияния этого решения практически в течение 1905/06 учебного года обучение в народных школах Королевства Польского проводилось на польском языке [32]. Вынужденные уступки царизма были несомненным достижением народных масс, которых они добились в ходе совместной с русским народом борьбы против самодержавия. Только спад революционной волны в общероссийском масштабе и последовавшие вслед за ним террор и жестокие репрессии со стороны царизма привели к ликвидации ряда национально-демократических завоеваний польского народа.

Итак, революция 1905—1907 гг. в Королевстве Польском была составной частью буржуазно-демократической революции в России и вместе с тем она имела и национально-освободительный характер. Рабочие партии — СДКПиЛ и ППС — в ходе революции провозгласили наряду с социально-экономическими также национально-освободительные лозунги, требуя предоставления автономии Королевству Польскому после свержения царизма. ППС, где в ходе революции на первый план выдвинулось связанное с рабочим классом левое крыло, так называемые «молодые», на VIII съезде в фервале 1906 г. признала, что «мысль о национальном восстании (польско-русской войне) является утопической, так как польские имущие классы не ведут революционной борьбы и не хотят ее вести». Съезд выразил уверенность, что свержение царизма может быть результатом «революции

[29] «Walki chłopów Królestwa Polskiego w rewolucji 1905—1907», t. II. Warszawa, 1960.
[30] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie..., str. 245.
[31] «Законодательные акты переходного времени...», стр. 143.
[32] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie..., str. 292.

пролетариата всего Российского государства, а борьба пролетариата нашей страны — составной частью последней»[33]. Лозунг созыва учредительного собрания в Варшаве VIII съезд ППС дополнил лозунгом федерации земель бывшего Королевства Польского с республиканской Россией. Это должно было привести, по мнению съезда, в будущем, после введения демократического строя в Германии и Австро-Венгрии к созданию независимого польского государства.

В ноябре 1906 г. ППС раскололась на две партии — ППС-левицу и ППС-«революционную фракцию». Линией раздела было отношение к массовой социальной борьбе пролетариата, к социалистической идеологии и принципам пролетарского интернационализма[34]. ППС-левица соединяла борьбу за социализм с борьбой за национальное освобождение, выступала за дальнейшее укрепление союза с общероссийским революционным движением. ППС-«революционная фракция» занимала оппортунистическую позицию в вопросах классовой борьбы пролетариата и продолжала сепаратистскую линию прежней ППС по отношению к революционному движению в России.

СДКПиЛ, превратившаяся в ходе революции из кадровой, законспирированной группы профессиональных революционеров в массовую партию, насчитывавшую более 30 тыс. членов, главным образом промышленных рабочих, играла руководящую роль в революции 1905—1907 гг. Однако в таком важном в польских условиях вопросе, как национальный, она не сумела встать на ленинскую позицию. Лозунг национальной автономии, который соответствовал реальным возможностям национально-освободительного движения в период революции 1905—1907 гг., СДКПиЛ не развивала дальше — в лозунг независимой Польши. Она не видела даже в далекой перспективе возможности восстановления польской государственности, по-прежнему продолжала считать, что окончательное решение национального вопроса возможно только в результате общеевропейской социалистической революции. Вступив в РСДРП на ее IV (Объединительном) съезде в 1906 г., СДКПиЛ хотя и сняла свои возражения против лозунга права наций на самоопределение в программе РСДРП, но утверждала, что признание права на самоопределение является уступкой национализму.

Польская буржуазия в лице своей главной партии — Национальной демократии занимала резко враждебную позицию по отношению к революционному движению народных масс, их социальным требованиям. В то же время она, как и социалистические партии, выдвигала лозунг национальной автономии Королевства Польского. Однако если социалистические партии глав-

[33] «PPS-Lewica...», t. I, str. 82.
[34] *S. Kalabiński, F. Tych.* Czwarte powstanie..., str. 325.

ным условием завоевания национальной автономии считали свержение царизма и создание демократической республики, то Национальная демократия добивалась национальной автономии как уступки со стороны царизма польским имущим классам, передачи в их руки управления в Королевстве Польском. Пропагандируя лозунг национальной автономии, выступая при поддержке католического духовенства против наиболее грубых форм национального гнета, Национальная демократия стремилась выдавать себя за защитника интересов всего польского народа. На самом деле, позиция Национальной демократии, как и имущих классов в целом, ничего общего с национальными требованиями польского народа не имела. Подлинным защитником его интересов выступал пролетариат, который был гегемоном не только социального, но и национально-освободительного движения.

Революция 1905—1907 гг. в России и в Королевстве Польском получила широкий отклик в польских землях, находившихся под властью Германии. В Силезии, Великой Польше, Поморье усилилось стачечное движение пролетариата. По сравнению с 1902—1904 гг. в 1905—1907 гг. число забастовок увеличилось более чем в два раза, а численность стачечников — более чем в три с половиной раза[35]. Наиболее массовым движением была забастовочная борьба учащейся молодежи в 1906—1907 гг., направленная против национальной дискриминации поляков. В польских землях, находившихся под властью Австро-Венгрии, освободительное движение было тесно связано с борьбой других угнетенных народов многонациональной империи Габсбургов.

В докладе о революции 1905 г. В. И. Ленин указывал, что ни в одной стране Европы события в России не получили такого большого отклика, как в Австро-Венгрии. В начале XX в. в многонациональной Австро-Венгерской империи резко обострились социальные и национальные противоречия. Борьба между Венгрией и Австрией за пересмотр соглашения 1867 г. привела к кризису дуализма и способствовала усилению движения угнетенных народов за демократизацию общественно-политического строя и национальные права.

В Австрии одним из важных вопросов политической жизни был вопрос о введении всеобщего избирательного права, борьба за решение которого началась еще в 90-е годы XIX в.

Движение солидарности с русской революцией в январе — феврале 1905 г. способствовало усилению борьбы против реакционного политического строя. В чешских землях народные массы требовали всеобщего избирательного права на выборах в чешский сейм, куда реакционная куриальная система полностью закрывала им доступ. По этому вопросу единым фронтом высту-

[35] «Historia Polski», t. III, cz. II. Warszawa, 1968, str. 539.

пали рабочие как чешской, так и немецкой национальности. Борьба велась в форме митингов, массовых собраний, демонстраций. К движению, возглавляемому обеими социал-демократическими партиями — чехославянской и немецкой [36], присоединилась и буржуазия, которая стремилась ввести его в русло национальной борьбы за преобладание в чешском сейме депутатов чешской национальности. Лидер младочехов К. Крамарж, заявляя о своей поддержке требования всеобщего избирательного права, подчеркивал: «Как чешский политик, я приветствовал бы его осуществление с полной откровенностью, так как этим был бы положен конец несправедливому представительству ненемецких народов в рейхсрате и в сеймах» [37].

В Венгрии летом 1905 г. под влиянием революции в России также развернулась борьба за всеобщее избирательное право на выборах в венгерский парламент. Ее возглавила венгерская социал-демократия, которая угрожала прибегнуть к «всеобщей стачке, если реформа будет недостаточно удовлетворительной» [38]. Под давлением этого движения император Франц-Иосиф дал предварительную санкцию на проведение избирательной реформы в Венгрии. Однако австрийский министр-президент Гауч и министр иностранных дел Австро-Венгрии Голуховский, указывая, что реформа в Венгрии может повлечь за собой избирательную реформу в Австрии, вынудили Франца-Иосифа взять обратно свое согласие. В ответ на это по призыву венгерской социал-демократии 15 сентября 1905 г. в Венгрии впервые была проведена массовая политическая стачка. В Австрии конференция национальных социал-демократических партий, где были представлены чехославянская, югославянская и польская социал-демократические партии (Галиции), вынесла 22 сентября 1905 г. решение добиваться всеобщего избирательного права на выборах в австрийский рейхсрат [39]. В борьбу включились самые широкие народные массы — ремесленники, интеллигенция, мелкая буржуазия. В сельских местностях в манифестациях принимали участие сельскохозяйственные рабочие, крестьяне.

Всеобщая октябрьская политическая стачка в России явилась сигналом для трудящихся масс усилить натиск на прогнившее основание австрийской конституции. «Австрийский пролетариат не может остаться позади русского пролетариата» — таково было мнение рабочего класса [40].

[36] См. решение делегатов совместной земской конференции социал-демократических партий чешских земель 22—23.VI 1905 г. «Pravo lidu», 24.VI 1905. Rok 1905, str. 192—193.
[37] «Pravo lidu», 30.VIII 1905. Rok 1905, str. 221.
[38] *Т. М. Исламов.* Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 160.
[39] «Pravo lidu», 23.IX 1905. Rok 1905, str. 135—136.
[40] «Pravo lidu», 1.XI 1905. Rok 1905, str. 300.

В конце октября 1905 г. в Вене, Праге, Брно, Львове, Кракове, Триесте, Любляне проходили массовые демонстрации и митинги. Позднее, в апреле 1906 г., на IV (Объединительном) съезде РСДРП В. И. Ленин говорил: «... достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии...»[41].

В ноябре 1906 г. демонстрации, митинги, стачки в Австрии стали почти повседневным явлением. 28 ноября 1905 г., в день открытия рейхсрата, во всей австрийской части империи по призыву социал-демократов состоялась однодневная всеобщая политическая стачка и прошли многотысячные манифестации на улицах. В Вене в них участвовало 250 тыс. человек, в Праге — 200 тыс., Львове — 80 тыс., Бориславе — 20 тыс., Триесте — 40 тыс., Любляне — 12 тыс. и т. д. В манифестациях принимали участие и жители сельских местностей.

Во время всеобщей политической стачки провозглашались лозунги, выходящие за рамки борьбы за всеобщее избирательное право. В Чехии во время манифестаций раздавались призывы к революции: «Долой корону! Мы желаем создания чешского демократического государства! Да здравствует чешская революция! Мы хотим республики!» и т. д.[42] Однако ни одна из социал-демократических партий не выдвинула лозунгов борьбы за власть, демократической республики, ограничиваясь требованием всеобщего избирательного права. Всеобщая политическая стачка и массовые манифестации 28 ноября 1905 г. заставили министра-президента Гауча в тот же день на заседании рейхсрата объявить, что правительство внесет на его рассмотрение проект закона о всеобщем избирательном праве.

Борьба за демократизацию избирательной системы в Австрии продолжалась в течение всего 1906 г. Демократические партии, в первую очередь социал-демократические, продолжали политическую кампанию в форме массовых митингов, собраний, демонстраций, однако стремились избежать острых классовых столкновений, придерживаясь рамок легальности. Например, польская социал-демократия Галиции старалась убедить массы в том, что избирательный бюллетень — самое сильное оружие в политической борьбе, парламент — наиболее подходящее место для столкновения классовых интересов, а самым лучшим результатом этих столкновений является компромисс[43]. Такую же позицию занимали и другие социал-демократические партии.

[41] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 363.
[42] *О. Кодедова.* Влияние первой русской революции на революционное движение в чешских землях и в Словакии. «Первая русская революция и международное революционное движение», т. I, стр. 444.
[43] *W. Najdus.* Указ. соч., стр. 197—198.

В январе 1907 г. закон об избирательной реформе был подписан императором. Вместо реакционной куриальной системы было введено всеобщее прямое и равное избирательное право при тайном голосовании. На самом деле, оно не было всеобщим — избирательных прав не получили женщины и военнослужащие, устанавливались высокий возрастной ценз (активное право — 24 года, пассивное — 30 лет) и ценз оседлости. Не устранялось и национальное неравноправие. Один депутат-австриец избирался от 40 тыс. человек, словенец — от 50 тыс., поляк — от 52 тыс., чех — от 55 тыс.[44] Тем не менее новая избирательная реформа была несомненной победой народных масс. Новая система выборов, расширявшая политические права трудящихся, создавала благоприятные условия для дальнейшей борьбы народных масс за свое социальное и национальное освобождение.

Таким образом, в австрийской части двуединой монархии народными массами была одержана важная победа. Избирательная реформа была определенным успехом и в борьбе за национальные права. В качестве же самостоятельного фактора национальная борьба в австрийской части монархии не развернулась. Здесь не было таких явлений, характерных для Королевства Польского, как гминное движение или школьная забастовка, ибо проблема употребления национального языка в общественной жизни и в школе была в основном решена еще до революции 1905 г. Исключение составляла одна из наиболее онемеченных славянских областей — Словения, где югославянская интеллигенция добивалась открытия славянских просветительных, культурных и иных национальных организаций, создания словенского университета в Любляне[45].

По-иному развивалось славянское национальное движение в венгерской части империи. Победа в январе 1905 г. на выборах в венгерский парламент Венгерской партии независимости, выступавшей под лозунгом «Венгрия должна стать независимой на основе принципов 1848 года», обострила отношения между Венгрией и Австрией. Кризис дуализма обострялся в обстановке мощного подъема рабочего и крестьянского движения. В условиях длительного правительственного кризиса и развернувшейся во второй половине 1905 г. борьбы за всеобщее избирательное право деятели славянского национального движения в Венгрии решили оказать помощь венгерской оппозиции, рассчитывая, что ее приход к власти приведет к расширению национальных прав хорватов и сербов в Венгрии, к объединению Далмации с Хорватией. Они рассчитывали, что самостоятельная Венгрия (без поддержки Австрии) не будет представлять такой опасности для югосла-

[44] *С. В. Овнанян.* Подъем рабочего движения в Австрии (1905—1907 гг.). М., 1957, стр. 232.

[45] *Ю. А. Писарев.* Народы Югославии и первая русская революция..., стр. 468—469.

вян, как Австрия, поддерживаемая Германией[46]. На конференции в Риеке 3 октября 1905 г., в которой участвовали хорватские депутаты Хорватии и Далмации, была принята резолюция, известная под названием Риекской. В ней выражалась поддержка Венгерскому королевству в его борьбе за государственную самостоятельность и уверенность, что в будущем хорватский и венгерский народы могут жить в дружбе при условии, что хорваты получат возможность самостоятельного политического, культурного и экономического существования. В Риекской резолюции содержались требования объединения Далмации и Хорватии и проведения реформ.

Сербские партии на совещании в Задаре, в котором участвовали депутаты-сербы сáборов Далмации и Хорватии, приняли резолюцию (Задарская резолюция), в которой заявили, что хорваты и сербы являются единым народом, и поддержали требование объединения Далмации и Хорватии[47]. На основе этих резолюций в декабре 1905 г. была образована хорвато-сербская коалиция — блок хорватских и сербских оппозиционных партий, возглавляемый хорватской и сербской национальной буржуазией. Он был поддержан хорватской социал-демократической партией, которая не выдвинула, однако, при этом классовых требований.

На выборах в венгерский парламент хорвато-сербская коалиция оказала поддержку Венгерской партии независимости, лидеры которой во главе с Ф. Кошутом не скупились на обещания полного равноправия угнетенным национальностям в Венгрии. Однако, когда в апреле 1906 г. при участии партии независимости было сформировано правительство, оно стало осуществлять политику дискриминации угнетенных наций, взяло курс на их мадьяризацию. «Инородцы,— заявил премьер Апоньи,— должны, наконец, убедиться, что Венгрия не представляет из себя объединения различных народов и рас, а является единой исторической нацией с соответствующим государственным организмом»[48]. Борьбой против политики мадьяризации руководила хорватская буржуазия. Движение это приняло чисто национальный, антивенгерский характер, не было связано с классовой, социальной борьбой. Хорвато-сербская коалиция предпочитала использовать только легальные средства, искала путь к компромиссу с правительством. Венгерская демократическая общественность и социал-демократическая партия Венгрии не поддержали движения протеста угнетенных национальностей.

В Словакии главной целью национального движения было создать возможность для экономического, политического и

[46] *M. Gross*. Vladavina hrvatsko-srpske koalicje 1906—1907. Beograd, 1960, str. 12—13.
[47] Там же, стр. 19.
[48] *Ю. А. Писарев*. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии..., стр. 104.

культурного развития словаков в рамках Венгрии путем демократизации общественной жизни[49]. Под влиянием событий в России в Словакии пробудилось к политической активности крестьянство, которое включилось в борьбу за демократические и национальные права, стало принимать участие в политических демонстрациях. Во главе национального движения в Словакии шла словацкая Национальная партия. Образовавшаяся в 1905 г. самостоятельная Словацкая социал-демократическая партия (она выделилась из венгерской социал-демократии) не предложила своей программы решения национального вопроса. Национальная партия, выдвинувшая лозунг всеобщего избирательного права, проводила в 1905—1906 гг. массовые народные собрания, в которых в ряде случаев участвовали и словацкие социал-демократы. Так, 27 августа 1905 г. в Братиславе собралось около 4 тыс. рабочих и крестьян из близлежащих сел. В принятой резолюции провозглашались требования всеобщего избирательного права, демократических прав, политических и национальных свобод[50].

На выборах в венгерский парламент в 1906 г. было избрано семь словацких депутатов, которые вместе с депутатами от сербской и румынской национальностей образовали независимую национальную партию. Она требовала решения национального вопроса в Венгрии в духе равноправия наций.

Борьба за всеобщее избирательное право, развернувшаяся в 1905—1907 гг. в обеих частях двуединой монархии, способствовала усилению связей между чешским и словацким пролетариатом. На многочисленных митингах и собраниях в Праге, Братиславе и других городах нередко выступали представители рабочих обеих национальностей, подчеркивавшие идею чешско-словацкой взаимности в борьбе за национальные и демократические права.

В Боснии и Герцеговине, находившейся под властью Австро-Венгрии, национальное движение было направлено против оккупационного режима.

Таким образом, в 1905—1907 гг. в Австро-Венгрии наряду с классовой борьбой пролетариата и крестьянства развернулось национальное движение угнетенных народов, которое, однако, не ставило вопрос о ликвидации монархии Габсбургов и создании национальных государств. Это объяснялось как экономическими интересами национальной славянской буржуазии, связанной с австрийским и венгерским капиталом, так и ее опасениями, что в случае распада Австро-Венгрии славянские страны могут ока-

[49] *M. Pish.* Ohlas ruskej buržoáznodemokratickej revolúcje na Slovensku (1905—1907). Bratislava, 1966, str. 207.
[50] Там же, стр. 192.

заться под властью более крупного империалистического хищника — Германии или царской России.

Национальное движение славянских народов Австро-Венгрии, тесно связанное с борьбой за демократизацию общественно-политического строя и жизни, было движением буржуазно-демократическим, в котором участвовали широкие народные массы.

В Македонии национально-освободительное движение достигло большого размаха уже накануне революции 1905—1907 гг. Во время Илинденского восстания 1903 г. была провозглашена Крушевская республика — первая республика на Балканах, что являлось свидетельством стремления народов Македонии к социальному и национальному освобождению [51]. Наряду с борьбой за национальное освобождение основным вопросом в Македонии был аграрный вопрос, что обеспечивало участие в освободительном движении масс крестьянства. Однако раздробленность сил крестьянства обусловила и слабость освободительного движения в Македонии.

Илинденское восстание показало раздробленность демократических сил не только в Македонии, но и вообще на Балканах. После поражения этого восстания усилилось соперничество балканских монархий из-за Македонии [52].

В этой обстановке важное значение имела позиция Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО). В 1905 г. в ней усилилось левое крыло. На конгрессе ВМОРО в Рилском монастыре в октябре 1905 г. были приняты решения, в которых на первый план выдвигались задачи организации всенародной борьбы против турецкого гнета. В устав организации было внесено положение, что ее членом может быть каждый житель Европейской Турции без различия вероисповедания, народности и политических взглядов (устав 1896 г. предусматривал, что членом организации может быть македонец или одринец) [53]. Конгресс осудил шовинистическую пропаганду балканских государств в Македонии.

Революция 1905—1907 гг. в России и Илинденское восстание оказали влияние также и на развитие младотурецкого революционного движения. Не случайно, что именно Македония стала одним из важных очагов младотурецкого движения. В 1908 г. во время младотурецкой революции бывшие участники Илинденского восстания вместе с младотурками боролись за свержение султана Абдул-Хамида [54].

[51] «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 634.
[52] Там же, стр. 640.
[53] Там же, стр. 636.
[54] *Д. Митрев.* Ильин день 1903 — исторический перелом и веха в национальной революционной борьбе македонского народа. «Македония и македонцы в прошлом», стр. 224.

В Сербии нашла широкий отклик национальная борьба народов Австро-Венгрии. Тенденции к единству югославянских народов Австро-Венгрии, выражавшиеся в создании хорвато-сербской коалиции, были поддержаны сербскими политическими деятелями. Между Н. Пашичем и Ф. Супило и другими лидерами хорвато-сербской коалиции поддерживались тесные связи[55]. Сербский посланник в Вене и консул в Будапеште в 1906 г. имели контакты с депутатами хорвато-сербской коалиции. Основанное в 1904 г. общество «Славянский юг», которое в своей программе провозглашало единство четырех южнославянских народов — сербов, хорватов, словенцев и болгар,— организовывало так называемые «югославянские вечери» под лозунгом «Южные славяне — объединяйтесь!»[56]

В августе 1906 г. сербское учительское общество созвало в Белграде конгресс, на котором присутствовало около 800 учителей из Боснии и Герцеговины, Сербии, Далмации, Воеводины, Словении, Хорватии и Черногории[57]. Все эти факты свидетельствовали о том, что в обстановке подъема национального движения, вызванного влиянием первой русской революции 1905—1907 гг., не только среди южных славян в Австро-Венгрии, но и в Сербии зрела идея единства югославянских народов. Растущая популярность этой идеи вызывала опасения правящих кругов Австро-венгрии, которые не без оснований считали Сербию после государственного переворота 1903 г., устранившего послушную Австро-Венгрию династию Обреновичей, центром притяжения для югославянских народов.

Идея югославянского единства была популярной и в Черногории. Под влиянием революции в России здесь усилилась борьба против самодержавного режима князя Николая. Она привела к тому, что в декабре 1905 г. Николай был вынужден провозгласить конституцию, которая положила начало буржуазно-демократическим преобразованиям в Черногории. На заседании народной скупщины представители оппозиции критиковали внешнюю политику князя Николая, который после поражения России в войне с Японией начал совершать поворот в сторону сближения с Италией. Деятель оппозиции И. Пламенац, указывая, что Австрия и Италия договариваются между собой, подчеркивал, что «единственное спасение — в узах солидарности с Сербией и Болгарией против Австрии»[58]. А основанная в 1906 г. оппози-

[55] *Д. Бор евић.* Србија и Балкан на почетку XX века (1903—1906). «Југословенски народи пред први светски рат.» Београд, 1967, стр. 216.

[56] Там же, стр. 217.

[57] Там же, стр. 218.

[58] *Н. П. Шкеровић.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964, стр 137.

ционная либерально-буржуазная Народная партия во внешнеполитическом разделе своей программы, говоря о стремлении к осуществлению национальных идей, указывала, что она является «сторонницей югославянского единства» [59].

В Болгарии влияние революции 1905—1907 гг. выразилось прежде всего в подъеме стачечного движения, широком размахе уличных демонстраций и манифестаций, участники которых подчеркивали свою солидарность с русской революцией [60]. Вместе с тем события в России отразились и на решении проблемы установления полного государственного суверенитета Болгарии, ее освобождении от остатков зависимости от Турции. Болгарская буржуазия стремилась воспользоваться изменением соотношения сил империалистических держав на Балканах, ослаблением позиций России в связи с русско-японской войной и революцией 1905—1907 гг. В марте — апреле 1905 г. болгарский князь Фердинанд посетил Берлин, Лондон, Париж и Рим и поставил перед правительствами соответствующих стран вопрос о своем намерении объявить Болгарию полностью независимым государством и принять титул царя, намечая осуществить этот акт 2 августа 1905 г. Фердинанд получил неофициальные обещания поддержки, но на деле ни одна из западноевропейских великих держав не хотела помочь Болгарии в ликвидации ее вассальной зависимости от Турции [61]. Болгарская буржуазия продолжала лавировать и выжидать благоприятный момент для осуществления своего намерения, который и наступил в октябре 1908 г. в связи с младотурецкой революцией.

Таким образом, в годы первой русской революции во всех славянских странах наряду с социальной борьбой трудящихся масс развернулось национально-освободительное движение.

Будучи тесно связанным с борьбой за демократизацию общественной жизни и политического строя, национально-освободительное движение носило буржуазно-демократический характер.

Говоря о событиях в Восточной Европе и Азии, возникших в результате революции 1905 г. в России (революции в Иране, Турции, Китае, войны на Балканах), В. И. Ленин подчеркивал, что «... в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств» [62].

[59] Там же, стр. 159.

[60] *Г. Атанасов.* Указ. соч., стр. 279.

[61] *Цв. Тодорова.* Обявяване независимостта на България през 1908 г. и политиката на империалистическнте сили. София, 1960, стр. 47 — 52.

[62] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 269.

Массовые буржуазно-демократические национальные движения в славянских странах, толчком к развитию которых послужила революция 1905—1907 гг. в России, сыграли роль генеральных репетиций национально-демократических революций 1918 г., в результате которых были созданы национальные славянские государства — Польша, Чехословакия и Югославия. Пролетариат, выступавший активной силой в этих революциях, успешно использовал такое мощное оружие, как всеобщая политическая стачка. Это оружие было воспринято из опыта борьбы русского пролетариата, впервые применившего его против самодержавия во время революции 1905—1907 гг.

Ю. А. ПИСАРЕВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РАСПАД МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

Югославянский вопрос имел первостепенное значение на протяжении всей первой мировой войны, а в конце ее стал одним из главных факторов, способствовавших распаду монархии Габсбургов. Недаром в 1918 г. из восьми заседаний высшего органа империи — Коронного совета — на пяти обсуждались меры по борьбе против «югославянской опасности», и каждый раз Карл Габсбург или его первый министр барон Буриан выступали с заявлением, что от ее предотвращения зависит «судьба монархии» [1].

В данной статье излагаются отдельные аспекты югославянской проблемы.

* * *

«Югославянская опасность», как в придворных кругах Вены и Будапешта называли освободительную борьбу южных славян, стала для монархии Габсбургов главной проблемой уже к началу войны.

К этому времени резко возросли объединительные тенденции среди югославян, что было вызвано успехами сербского оружия в Балканских войнах и освобождением из-под турецкого ига единоплеменных народов. Одновременно значительно упал авторитет Австро-Венгрии, которая потерпела дипломатическое поражение на Балканах и вступила в полосу острого внутриполитического кризиса.

«Падение нашего престижа весьма ощутимо,— констатировал австрийский министр-президент К. Штюргк в мае 1913 г.,— ослабление сил нашей монархии и неожиданные успехи Балканских государств... произвели на наше югославянское темпераментное население самое сильное впечатление. Среди населения растет неверие в способности монархии защитить свои интересы: многие считают, что Далмация и Приморье будут потеряны империей» [2].

Правящие круги Дунайской монархии искали выход из кризиса на путях войны, рассчитывая при помощи военного разгрома Сербии осуществить сразу две цели: прибрать к рукам Балканы,

[1] «Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der österreich-ungarische Monarchie (1914 — 1918)». Budapest, 1966.
[2] «Protokolle des Ministerrates für gemeinsame Angelegenheiten». Wien, 2.V 1913.

ключом к которым была Сербия, и затормозить развитие освободительного движения внутри страны.

Курс на войну был взят задолго до ее объявления. Еще в 1912 г. генеральный штаб разработал план военных операций на Балканах, о чем проговорился посол Австро-Венгрии в Петербурге Ф. Сапари. Констатируя наличие внутреннего кризиса в монархии, Ф. Сапари заявил, что выход из него — «в счастливой войне» [3].

О том же через два года уже открыто писал журнал «Эстеррейхише рундшау», отражавший взгляды австрийской крупной буржуазии и военщины: «Наше внутреннее положение вынуждает нас подчеркнуть нашу силу вовне... Внутренняя политика ожидает спасения от могучего, идущего извне толчка» [4]. Начиная войну, Австро-Венгрия стремилась взвалить всю ответственность за нее на Сербию и намеренно раздувала «сербскую опасность», пытаясь доказать, что югославянское движение инспирировано извне.

Граф Берхтольд, министр иностранных дел Австро-Венгрии, излагая официальную версию о причинах войны с Сербией, заявил поверенному в делах России в Вене Н. А. Кудашеву 26 июля 1914 г.: «Все решительно, и прежде всего сам император... твердо убеждены, что сербская пропаганда подкатывается под самый дом, под нашу династию. Терпеть ее дальше — означало бы сознательно допустить развал монархии. Уничтожение в корне этой пропаганды является делом жизни для Австро-Венгрии как великой державы. Нам надо проявить наше великодержавие» [5].

«Югославянская проблема», таким образом, имела для правящих кругов Австро-Венгрии в начале войны двоякое значение. С одной стороны, освободительная борьба югославян угрожала самим основам монархии, что заставляло правительство использовать военную конъюнктуру для подавления движения народных масс. С другой стороны, австрийская пропаганда, выпячивая «сербскую опасность», обосновывала необходимость войны с Сербией и тем прикрывала свои экспансионистские планы на Балканах.

В. И. Ленин подчеркивал, что при помощи войны правительства воюющих стран стремились осуществить следующие задачи: захват новых территорий и рынков, «отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов», отмечал для немецкой буржуазии стремление задушить «национальную революцию южного славянства» [6]. Война закончилась, од-

[3] *J. Redlich.* Schicksalsjahre Österreichs 1908—1918, Bd. I. Graz — Köln, 1953, S. 178.
[4] «Österreichische Rundschau», 15.VI 1914, S. 428—430.
[5] Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, 1914 г., оп. 470, д. 3, л. 47.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

нако, крахом этих планов. Дунайская монархия вместо «легкой прогулки в Сербию», которую ей обещал австрийский генеральный штаб, оказалась втянутой в изнурительную мировую войну, потребовавшую напряжения всех ее сил. Не оправдались и надежды правящих кругов преодолеть при помощи войны центробежные тенденции: с течением войны они усилились и многонациональное государство пришло к развалу.

Немалую роль в этом сыграло освободительное движение югославян. Оно прошло в своем развитии за время войны несколько этапов.

В начале войны правительству удалось на некоторое время ослабить движение, использовав шовинистически-оборонческие лозунги, а также аппарат насилия. В 1914—1915 гг. по югославянским территориям прокатилась волна полицейских репрессий, что привело к фактическому роспуску многих политических партий и организаций. Была запрещена деятельность местных парламентов, введена военная цензура над периодической печатью, приостановлено действие конституции. В Хорватии сабор продолжал функционировать, но и там его деятельность была поставлена под строгий правительственный контроль.

Рабочее движение в южнославянских землях в первые годы войны находилось на ущербе. Ряд организаций был разгромлен полицией, многие члены социал-демократических партий мобилизованы в армию, руководство же партий заняло оборонческую позицию, отвлекая рабочих от социальной борьбы.

Освободительная борьба народных масс носила на этом этапе стихийный и локальный характер, а буржуазные партии придерживались оппортунистической тактики, ограничиваясь выдвижением лозунга культурно-национальной автономии.

Переломным этапом в развитии освободительного движения был 1917 год. Внутренний кризис Австро-Венгрии к этому времени достиг своего апогея, военные неудачи преследовали императорскую армию на всех фронтах, состояние экономики стало катастрофическим.

Революции в России — Февральская и Великая Октябрьская — прозвучали, как набатный колокол. В Австро-Венгрии начался массовый подъем антивоенного, рабочего, национально-освободительного движения. «Мы,— писал в секретном письме Вильгельму II император Карл Габсбург,— боремся против нового врага, более страшного, чем Антанта,— против мировой революции» [7]. Важной особенностью этого периода было выдвижение лозунга самоопределения народов вместо старой программы культурно-национальной автономии. После Октябрьской революции в России этот лозунг уже невозможно было замолчать. Его

[7] *E. Ludendorff.* Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916 — 1918. Berlin, 1921, S. 375.

подхватили даже те буржуазные партии, которые все еще стояли за решение национального вопроса в рамках Австро-Венгрии, но считали, что при помощи лозунга самоопределения легче добиться расширения прав. В Словении такие позиции заняли словенские клерикалы и либералы, в Хорватии — партия Анте Старчевича и Народная крестьянская партия Степана Радича, в Далмации и Истре — ряд буржуазных партий.

После обнародования советской программы мира югославянские политические партии выдвинули требование об участии в Брест-Литовской мирной конференции. 18 декабря 1917 г. югославянская фракция в рейхсрате — так называемый Югославянский клуб — вместе с Чешским союзом выступили с совместным заявлением о поддержке советского декрета о мире. «Мы хотим, как это предлагает большевистская власть и как нам самим кажется правильным, чтобы мир был заключен самими народами»,— говорилось в документе[8].

В 1918 г. освободительная борьба югославянских народов поднялась на новую ступень. В январе монархию Габсбургов охватила первая за время войны всеобщая политическая забастовка рабочего класса, в которой участвовало свыше 700 тыс. человек. В ходе стачки в ряде городов были созданы Советы рабочих депутатов, в том числе в югославянских землях. Забастовка прошла под лозунгом немедленного прекращения войны и заключения демократического мира на основе советских предложений.

Революционные выступления нарастали. Вслед за забастовкой рабочих в военной гавани Котор (Котарро) 30 января — 1 февраля вспыхнуло восстание моряков. Оно носило интернационалистский характер: руководителями восстания и его участниками были представители разных народов — хорваты, сербы, словенцы, чехи, австрийцы, словаки. Повстанцы выдвинули два главных требования: заключение мира и самоопределение народов. Вскоре начались волнения в сухопутных войсках, которые приняли к осени 1918 г. массовый и повсеместный характер.

Югославянские буржуазные партии под влиянием развития событий стали радикализировать свои программы.

В марте 1918 г. в Загребе был основан межпартийный блок «Национальная концентрация», объединивший в своем составе многие партии Хорватии и Крайны. Позже к блоку присоединились социал-демократические организации этих земель и остальные партии. Осенью того же года на базе объединения было создано Народное вече словенцев, хорватов и сербов, ставшее после распада монархии временным правительством югославянского государства.

[8] «Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates in Jahren 1917 — 1918», Bd. III, 1917, S. 2664.

Знаменательной особенностью этого периода национально-освободительного движения югославян была попытка создания широкого блока партий всех неравноправных народов. Так, в мае во время торжеств по случаю пятидесятилетия со дня открытия Народного музея в Праге был проведен Конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии, на котором присутствовали чехи, хорваты, словенцы, поляки, словаки[9]. Был образован Революционный комитет[10] — конспиративная организация, которая позже установила связи с эмигрантскими чешскими и югославянскими группами[11].

В октябре 1918 г. в Австро-Венгрии создалась революционная ситуация. На борьбу против монархии поднялись народные массы — рабочий класс, крестьянство, средние слои. В крупных городах и промышленных центрах вспыхнула новая всеобщая политическая забастовка, что означало, по определению В. И. Ленина, «момент наступления революции»[12].

К этому времени резко ухудшилось положение Дунайской монархии на фронте. В сентябре войска центральной коалиции потерпели поражение на Балканском фронте, в октябре — на Итальянском. Союзница Австро-Венгрии — Болгария капитулировала, а сербские войска, освободив территорию Сербии, подошли к австро-венгерской границе. Югославянское население приграничных районов Австро-Венгрии с нетерпением ожидало прихода сербских войск для освобождения из-под ига монархии.

* * *

Чтобы спасти монархию от распада, правящие круги пошли на реформы. Возобновил свою деятельность рейхсрат, в национальных районах начали работать местные парламенты. В связи с реформами встал вопрос об отношении к югославянской проблеме. В Государственном архиве Социалистической Республики Хорватии в г. Загребе нами был обнаружен интересный документ — протокол совещания генерал-губернаторов Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины от 14 мая 1918 г., которое было созвано в Сараеве «для рассмотрения проекта решения югосла-

[9] *D. Janković.* Jugosloveni i Čehoslovaci u procesu stvaranja njihovih samostalnih nacionalnih država 1914—1918 godine. «Zbornik pravnog fakulteta», knj. 3—4. Beograd, 1968, str. 371.

[10] *M. Paulova.* Kongres potlačenih naroda Austro-Ugarske u Pragu u svibnju 1918; *она же.* Jugoslavenski odbor u Londonu. Zagreb, 1966, str. 238.

[11] О деятельности Революционного комитета имеется мало сведений. Из югославян с комитетом были связаны Грегор Жерьяв — руководитель левого крыла словенской либеральной партии, Срджан Будисавльевич — издатель независимой газеты «Глас срба, хрвата и словенца» и еще несколько лиц.

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 459.

вянской проблемы»[13]. В совещании участвовали генерал-губернатор Сербии генерал-полковник Ремен, генерал-губернатор Черногории генерал-майор Клам-Мартиниц, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины генерал Саркотич и представители генерального штаба австро-венгерской армии.

Генерал Саркотич предложил создать так называемое «субдуалистическое государство», присоединив к Австрии польские земли, а к Венгрии — югославянские территории. По плану Саркотича, в венгерской части монархии образовывалось самостоятельное Хорватское королевство, объединяющее Хорватию, Далмацию и Боснию и Герцеговину. Саркотич заявлял, что Сербия только тогда перестанет играть роль собирателя югославянских земель, когда эта роль перейдет к Хорватии. Тем самым, указывал он, центром притяжения югославянских народов станет монархия Габсбургов, а не Сербия или Черногория. Во главе Хорватского королевства, по плану Саркотича, должен был стоять наместник короля — бан, назначаемый самим императором и имеющий четырех заместителей — вице-банов. Столицей Хорватского королевства провозглашался г. Загреб, резиденцией вице-банов — главные города Боснии, Словении и Далмации — Сараево, Любляна и Задар[14].

Клам-Мартиниц выдвинул так называемую эволюционную программу решения югославянского вопроса. На первом этапе, указывал он, можно создать особое объединение югославянских территорий, которое находилось бы под протекторатом Австро-Венгрии, но не входило бы в ее состав. В это объединение, или «рейхсланд», как его условно назвал Клам-Мартиниц, могли бы войти Босния и Герцеговина, Далмация и Хорватия[15]. По его планам, рейхсланд должен был существовать до тех пор, пока не закончится война и не наладится обстановка внутри Австро-Венгрии. Клам-Мартиниц утверждал, что территориальными присоединениями следует заняться после войны.

Генерал-губернатор Сербии Ремен поддержал идею создания рейхсланда. Однако он считал, что можно обойтись и без «промежуточного этапа», предлагая приступить к территориальным аннексиям еще во время войны. «Для этих целей,— говорил он,— нам надо использовать армию. Завоеванные территории должны стать нашими»[16].

Совещание приняло совместное коммюнике, в котором подчеркивалась актуальность реорганизации Австро-Венгрии.

[13] Državni arhiv Socijalističke Republike Hrvatske (далее — DASRH), Fond: Besprechungen der Militärgeneralgouvernere von Serbien und Montenegro am 13 und 14 Mai 1918 in Saraevo.
[14] DASRH, Fond: Dnevnik Sarkotiča, str. 54, 56, 117.
[15] Там же, стр. 25 — 27.
[16] Там же, стр. 4.

«Система дуализма устарела и должна быть заменена чем-то другим»,— говорилось в документе [17].

Решение совещания не встретило, однако, поддержки при австрийском дворе. Даже те, кто прежде стоял за реформы, сочли момент не подходящим для реорганизации монархии. Граф Чернин, выражая тревогу по поводу надвигающейся революции, указал, что реформы могут привести к обострению в стране революционного кризиса. Осуществить реорганизацию монархии в настоящее время, заявлял он, было бы равносильно попытке «поджечь свой собственный дом или сделать преждевременную операцию пациенту с больным сердцем» [18].

Против создания «субдуалистического государства» и присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии выступили венгерские сепаратисты. Новый глава венгерского правительства Шандор Векерле высказал опасение, что Хорватское королевство станет противовесом Венгрии. Венгерские заводчики и торговцы хлебом хотели эксплуатировать природные ресурсы Хорватии и морские порты на Адриатике, но отнюдь не собирались расширять ее права [19]. Векерле на Коронном совете, созванном 27 сентября, прямо заявил, что в случае реорганизации монархии Венгрия откажется от союза с Австрией [20]. В венгерских правящих кругах в это время разрабатывался другой план «решения» югославянского вопроса. Наиболее экстремистские элементы Венгрии требовали присоединить к королевству Св. Стефана ряд югославянских территорий и прежде всего — Боснию и Герцеговину. Эта провинция, богатая минеральными ископаемыми и природными ресурсами, давно привлекала к себе жадные взоры венгерских монополий. Босния и Герцеговина, кроме того, занимали важное стратегическое положение на Балканах, и обладание ими могло обеспечить осуществление новых планов экспансии Венгрии в этой части Европы.

Кризис империи и возможная перспектива ее распада подхлестывали правящие круги Венгрии к действиям. В середине сентября в Боснию с неофициальным визитом выехал граф Иштван Тиса [20a]. Он встретился в г. Сараеве с генерал-губернатором провинции генералом Саркотичем и видными политическими деятелями страны. Тиса предложил включить Боснию и Герцеговину в состав Венгерского королевства, обещая полити-

[17] Там же, стр. 39.
[18] *M. Grba.* Gledišta austro-ugarskih generala i državnika. Po neizdanim dokumentima. Zagreb, 1920, str. 13 — 15.
[19] *E. Glaise-Horstenau.* Die Katastrophe. Der Zusammenbruch Österreich-Ungarns. Wien, 1928, S. 207.
[20] «Protokolle des gemeinsamen Ministerrates»..., S. 697 — 703.
[20a] *B. Krizman.* O putu grofa S. Tisze po jugoslovenskim zemljama u septembru 1918. «Historijski zbornik», N 11—12. Zagreb, 1959, str. 233—249.

ческим лидерам провинции распространить на эти территории привилегии, существующие в Венгрии.

Предложения Тисы были отвергнуты представителями политических партий Боснии и Герцеговины [20б]. Часть из них высказалась за объединение провинции с Хорватией, часть — за создание общеюгославянского независимого государства [21]. Рассерженный Тиса прибегнул к угрозам. «Вы думаете, что монархия уже умерла? — кричал он, обращаясь к собравшимся.— Знайте, что прежде, чем мы погибнем, у нас найдется достаточно сил, чтобы вас уничтожить» [22].

Это были, однако, пустые угрозы. Монархия Габсбургов не только не имела сил, чтобы «проучить» непокорных боснийцев, она не могла предотвратить распада своего дуалистического государства. 29 сентября капитулировала союзная Болгария, 5 октября итальянские войска перешли в наступление на юго-западном фронте. Нависла угроза вторжения армий Антанты в пределы самой Австро-Венгрии.

2 октября для обсуждения создавшейся ситуации в Вене было созвано чрезвычайное заседание Коронного совета с участием высших сановников обеих половин монархии [23]. Совещание приняло рекомендацию правительству обратиться к державам Антанты с предложением о перемирии. Одновременно был рассмотрен вопрос о реорганизации монархии. С этой идеей выступил министр иностранных дел Буриан, который призывал провести реорганизацию империи, чтобы предотвратить выступления народных масс. «Если правительство не осуществит реформу, это сделают сами народы»,— предостерегал он [24].

На совещании был рассмотрен проект имперского министра финансов А. Шпицмюллера-Гармерсбаха. Он только что вернулся из Сараева, где встречался с представителями боснийских партий [25]. Шпицмюллер во время переговоров в Сараеве действовал осторожнее, чем Тиса. Он старался уговорить боснийских лидеров, а не запугать их. Шпицмюллер обещал Боснии и Герцеговине широкую автономию в рамках Австро-Венгрии. «Докажите свою приверженность к монархии — и вы получите конституцию»,— убеждал он [26].

Во время встречи Шпицмюллер пытался скомпрометировать идею самоопределения народов. «Эта идея,— заявил он,— может

[20б] *S. Šišic.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920, str. 161.
[21] Arhiv Bocne i Hercegovine (далее — ABiH), Fond: Privat-Registratur, 1918, N 561, 666.
[22] *B. Krizman.* Указ. соч, стр. 233 — 249.
[23] «Protokolle des gemeinsamen Ministerrates»..., S. 683.
[24] Там же, стр. 683, 684.
[25] ABiH, Fond: Zamaljska vlada. Präzidial, 1918, N 1008.
[26] «Hrvatska Država», 30.IX 1918.

принести только несчастье боснийскому населению, поскольку она не учитывает реальные возможности Австро-Венгерской монархии и требования других народов»[27]. Шпицмюллер обещал боснийцам представить свой проект императору и правительству.

На Коронном совете Шпицмюллер доложил о переговорах в Сараеве и изложил основное содержание проекта.

После выступления Шпицмюллера слово взял глава австрийского правительства Гуссарек[28]. Он поддержал проект Шпицмюллера и сообщил, что собирается создать кабинет «национальной концентрации», включив в его состав представителей югославян. Гуссарек предсказывал, что югославяне, войдя в правительство, откажутся от лозунга создания независимого государства. «Решение боснийской проблемы пойдет тогда естественным путем, без революционной ломки»,— заверял он. Гуссарек советовал провозгласить Австро-Венгрию федерацией[29]. Однако предложения Шпицмюллера и Гуссарека не встретили одобрения участников совещания. Министр — президент Венгрии Векерле заявил, что он решительно отклоняет всякую попытку реорганизации монархии на базе триализма. Повторяя старые доводы Тисы о «югославянской опасности», Векерле настаивал на сохранении дуализма. Он высказался за установление персональной унии Австрии и Венгрии[30].

Неожиданно на сторону Векерле перешел Буриан, ранее ратовавший за реформы. Министр иностранных дел, которого называли «тенью Тисы», не захотел ссориться с Векерле и Тисой. Подводя итоги совещанию, он указал на недостаточную подготовленность проектов и предложил перенести обсуждение этого вопроса на следующее заседание Коронного совета[31].

Между тем любая отсрочка с реформами могла привести монархию к катастрофе. 5 октября в Загребе было создано так называемое «Народное вече» — представительный комитет политических партий Хорватии и Словении, заявивший о своем стремлении стать правительством будущего югославянского государства[32]. 14 октября с аналогичным заявлением выступил Чехословацкий национальный комитет в Праге.

Император Карл созвал 8 октября в Вене экстренное совещание представителей югославянских политических партий и государственных деятелей. На совещании присутствовали генерал-губернатор Боснии и Герцеговины генерал Саркотич, бывший ми-

[27] Там же.
[28] *В. М. Турок.* Очерки истории Австрии. 1918—1929. М., 1955, стр. 90.
[29] «Hrvatska Država», 2.X 1918.
[30] «Protokolle des gemeinsamen Ministerrates»..., S. 697 — 703.
[31] Там же.
[32] *Ю. А. Писарев.* Последние дни монархии Габсбургов и освободительная борьба югославянских народов. «Народное вече» и его деятельность. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962.

нистр по делам Хорватии Ункельхаузер, председатель «Народного веча» в Загребе Корошец, видный боснийский функционер Сунарчич и венгерские лидеры Векерле, Тиса, Андраши, Аппоньи и Карайи. Карл сообщил участникам совещания, что им подготовлен проект реорганизации Австро-Венгрии на базе федерации.

Векерле и другие венгерские государственные деятели снова выступили против проекта. Карл оказался вынужденным распространить реформу только на австрийскую часть монархии. 16 октября он опубликовал манифест о реорганизации Цислейтании [33]. Манифест носил крайне ограниченный характер. Он игнорировал принцип самоопределения наций, предлагая народам куцую автономию в рамках империи Габсбургов.

Югославянские политические партии отклонили манифест. 19 октября парламентская фракция югославян в рейхсрате выступила с заявлением о несогласии с полумерами, которые выдвигает манифест. В заявлении говорилось, что югославянские народы хотят полной независимости и не могут удовлетвориться автономией.

Аналогичные заявления сделали Чехословацкий национальный совет и другие представительные организации «неполноправных народов».

К концу октября начался распад многонациональной Австро-Венгрии. 29 октября от монархии отделились Хорватия, Словения и Далмация. В Загребе было провозглашено создание Государства словенцев, хорватов и сербов, которое вскоре объединилось с Сербией и Черногорией.

Реакционная монархия Габсбургов рухнула под ударами революционного движения угнетенных народов. Правящие круги монархии пожали плоды своей империалистической политики. В результате распада Австро-Венгрии образовались новые национальные государства, в том числе Югославия.

[33] *Е. И. Рубинштейн.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963.

Л. А. ОБУШЕНКОВА, В. И. ФРЕЙДЗОН

О ВЛИЯНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ НА РАЗВИТИЕ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

(конец XVIII — 70-е годы XIX в.)

Самосознание формирующейся нации отражает общественное бытие в эпоху кризиса феодализма и складывания буржуазных отношений. Национальное самосознание включает в себя целый комплекс представлений о своем народе, своей стране, их прошлом и настоящем, приверженность к национальным традициям и ценностям, любовь к родной земле, патриотизм, представление об общности интересов и т. д. Без самосознания нет нации. Одним из его элементов является сознание этнической принадлежности, не имеющее идеологического характера [1].

На национальное самосознание влияли общественно-экономическое развитие нации, ее история, внутри- и внешнеполитические условия ее жизни.

Изменение духовного облика населения, развитие национального самосознания (как и появление единого литературного языка и территориальное сплочение) были результатом буржуазных связей, развивающихся буржуазных отношений, следствием экономической необходимости [2]. Национальное самосознание, идея отечества имели глубоко прогрессивное содержание, ибо поднимали массы на борьбу против феодализма, за политическую свободу. Речь идет об эпохе, когда все классы населения втягивались в политику посредством печати, участия в представительных учреждениях и т. д.[3] Распространение национального самосознания играло в этом прогрессивном процессе одну из основных ролей.

Национальное самосознание само является производным таких «признаков» или «сторон» нации, как общность экономической жизни, единая территория, литературный язык. Оно связано с общим культурным наследием народа, с его традициями. Наличие своей государственности имело огромное значение для формирования национального самосознания (но следует иметь в виду

[1] В связи с этим в литературе высказан взгляд, что сознание этнической принадлежности является одним из признаков нации (*С. Т. Колтахчян.* Ленинизм о сущности нации и пути образования национальной общности людей. М., 1969, стр. 262, 263).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154; т. 3, стр. 600, т. 24, стр. 315.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 264.

классовый характер воздействия этого фактора). У той нации, у которой на данном этапе отсутствует государственность, была велика роль национально-государственных традиций. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств на первый план (по значению) для процесса развития нации вообще и национального самосознания в частности выступает та или иная общность (признак нации).

Нас интересует прежде всего воздействие национально-освободительного движения славянских народов на указанный процесс в период от последних десятилетий XVIII до 70-х годов XIX в. Это воздействие (вообще влияние идейно-политической борьбы) приобретает особую роль в условиях, когда основные национальные общности не получили значительного развития (экономическое, политическое и культурное сплочение народа слабое, территориальное единство — в смысле этнической однородности территории формирующейся нации — в какой-то мере нарушено, литературный язык находится в стадии возникновения и т. п.). Именно так обстояло дело у ряда славянских народов.

В статье предполагаются лишь постановка и систематизация некоторых вопросов, стремление обратить внимание на их научную значимость, а не изложение истории развития национального самосознания у отдельных народов.

В период становления буржуазных отношений интерес к национальной проблематике у определенных групп лиц свидетельствует о перерастании прежних форм этнического самосознания (самосознание народности, локальность и др.) в самосознание национальное. В расширении этого интереса за рамки групп энтузиастов, в появлении общественного интереса и более или менее широкой общественной поддержке национальной идее сказывается распространение национального самосознания, с зарождением каких-то организационных форм и центров появляется национальное движение. Последнее невозможно без появления национального самосознания у тех или иных общественных групп и слоев. Интенсивность, массовость движения связаны со степенью развития национального самосознания, с характером представлений отдельных классов и слоев об интересах нации, с их чаяниями и стремлениями, с выходом их понимания национальной общности за пределы сословных представлений. Эта сторона проблемы взаимозависимости между национальным самосознанием и движением кажется более ясной. Обратному влиянию хода национально-освободительного движения на развитие национального самосознания историки уделяли меньше внимания.

Национальное движение, события освободительной борьбы разнообразно влияли: 1) на самосознание этнической принадлежности (на его распространение вширь в географическом и

социальном смыслах) и 2) на идейное содержание национального самосознания (в связи с интересами классов).

Воздействие движения на самосознание происходило в обоих направлениях. Однако неравномерность развития национального самосознания в славянских странах требует и дифференцированного подхода к постановке интересующей нас проблемы. Польша потеряла свою независимость в момент, когда уже шел процесс формирования элементов польской нации[4] и национальное самосознание уже было присуще просвещенным слоям[5] или части господствующего класса. Поэтому не может быть речи о синхронности процессов развития национального самосознания во всех славянских землях. В ряде славянских стран распространение сознания этнической принадлежности в большей мере проявлялось лишь в эпоху освободительной борьбы. Формирование идеологического содержания национального самосознания — качественный сдвиг в его развитии — происходит *преимущественно* на следующем этапе. В Польше это явление характерно уже для 90-х годов XVIII в., а в ряде других славянских стран для значительно более позднего времени. Очевидно, в XIX в. наряду с углублением содержания национального самосознания все время шло его распространение вширь.

Возникнув, национальное самосознание становилось большой силой. Как и общественному сознанию вообще, ему присуща относительная самостоятельность. Оно могло отставать от национального бытия или несколько опережать его. Поэтому оно было в состоянии влиять на жизнь нации, тормозить или стимулировать освободительную борьбу. Чрезвычайно важным являлось распространение и углубление национального самосознания. Это означало усиление влияния ведущих сил движения на массы, рост политической армии движения. Кроме того, развитие национального самосознания — долгое время по преимуществу как сознания буржуазного — отвечало социально-экономическим интересам формирующейся национальной буржуазии, в частности облегчало ей борьбу за овладение внутренним рынком.

Поэтому лидеры, идеологи и активисты национального движения систематически прилагали усилия и использовали разные средства для распространения национального самосознания.

Мы полагаем, что национальное самосознание масс народа развивалось прежде всего вследствие общественно-экономической эволюции. Наряду с ней сказывалось воздействие национально-освободительного движения. Однако при замедленном темпе

[4] *И. С. Миллер.* К вопросу о формировании польской буржуазной нации. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 51 — 73.

[5] *S. Kieniewicz.* Swiadomość narodowa. «Dziejów Polski blaski i cienie». Warszawa, 1968, str. 329; *T. Lepkowski.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. Warszawa, 1967; *J. Wiatr.* Polska — nowy naród. Warszawa, 1971.

первой в этническом самосознании длительное время сохранялись религиозные, племенные, локальные понятия. Их игнорирование вело бы к неправомерной модернизации национального самосознания на данном этапе его развития.

Пропаганда национального самосознания, в том числе самосознания этнической принадлежности, являлась частью национального движения. Она осуществлялась либо самостоятельно, либо вместе с выдвижением национальных требований.

Школа, церковь, другие национальные учреждения, а также публицистика использовались для пропаганды. Относительное значение этих очагов и способов воздействия на сознание масс было различным в отдельные периоды и в разных странах. Некоторые формы национальной пропаганды (например, легальная политическая деятельность) в некоторых странах появились относительно поздно (например, в Словакии или Словении), в других — существовали издавна (например, в Хорватии). Развитие форм и путей пропаганды национального самосознания было связано с общеполитическими условиями в разных странах.

Ниже речь пойдет как о Словакии, чешских и южнославянских землях, так и о Польше, хотя здесь процесс развития национального самосознания шел быстрее и к концу XVIII в. после потери Польшей национальной независимости национально-освободительное движение приобрело по преимуществу иные, высшие формы (за исключением северных и северо-западных польских земель, ранее отторгнутых от Польши, где уровень национального самосознания ввиду социально-политической ситуации был низким).

Роль национальной школы в формировании национального самосознания была велика [6]. Например, в Боснии в 50—60-е годы XIX в. национальное самосознание было присуще очень небольшому числу интеллигентов (некоторые из них учились в России, Австрии, Сербии) и торговцев, связанных с соседними югославянскими землями.

Масса населения определяла себя либо по религиозной принадлежности, либо локальными понятиями; наконец, сохранялись средневековые этнонимы вроде (о православных): «влахи», «рацы» и т. п. Настроения энтузиастов национального дела рисует следующий призыв известного педагога, в будущем нацио-

[6] Важный сам по себе вопрос о влиянии школы на идейное содержание национального самосознания в статье не рассматривается. Это влияние связано с развитием просвещения в зависимости от идейно-политической эволюции общества. Мы касаемся роли школы лишь в насаждении самосознания этнической принадлежности.

нального революционера и демократа Васы Пелагича (1867 г.): «Каждый учитель должен научить сначала своих учеников, а потом всех остальных местных детей, умеющих говорить, что если кто-нибудь спросит их: «Кто ты, мальчик?» — немедля отвечать: «Я серб». Хорошо, если б нашлись добрые люди, которые дарили б за это детям какой-нибудь крейцер, чтобы пробудить в них ревность отвечать так»[7]. Нет сомнения, что Пелагич видел в распространении национального самосознания необходимый этап борьбы за национальную свободу.

В южнославянских землях большое место в пропаганде национального самосознания занимали духовенство и церковь в целом. В эпоху османского ига православная церковь с ее обрядами, сросшимися с народными обычаями, казалась крестьянину, по замечанию югославского историка Н. Петровича, «антиподом» невыносимых общественно-политических условий. В Австрийской империи в XVIII в. в условиях религиозного гнета православная церковь, пользовавшаяся определенной автономией, сдерживала денационализацию сербского населения[8] (вплоть до периода упрочения буржуазных связей и возникновения национального самосознания). Будучи сама институтом феодального общества, церковь противодействовала стремлению венгерских феодалов закрепостить сербских крестьян. В интересах православной иерархии было сохранить особое этническое бытие сербского народа. В данных обстоятельствах принадлежность к православию в значительной мере сливалась с самосознанием этнической принадлежности сербов. Но и в дальнейшем, в эпоху формирования нации, духовенство стремилось в максимальной степени сохранить эту связь.

Результаты «церковно-национальной» деятельности в отдельные периоды формирования нации и национального самосознания были различными. Безусловно, что принадлежность к определенной церкви подчас способствовала сплочению нации, но вместе с тем затуманивала национальное самосознание. Так, польский и литовский крестьянин очень долгое время в ответ на вопрос: «Кто вы?» — отвечал: «Католик».

Там, где национальный гнет сопровождался религиозными различиями, церковь, подчеркивая последние, сдерживала становление подлинно национального самосознания. Даже тот факт, что православные жители некоторых сербских районов стали называть себя сербами, еще не свидетельствовал о наличии подлинно национального самосознания. По свидетельству

[7] *M. Hadžijahić.* Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini u XIX vijeku. Jugoslovenski istorijski časopis (далее — JIČ), 1970, N 1—2, str. 57, 58.

[8] *N. Petrović.* O nekim specifičnostima razvitka srpske nacije u Habsburškoj imperiji. JIČ, 1970, N 1 — 2, str. 45.

А. Ф. Гильфердинга, относящемуся к концу 50-х годов XIX в., в Боснии его спрашивали, «не серб ли он?», хотя собеседникам было ясно, что он иностранец[9]. Спрашивавшие просто имели в виду религиозную принадлежность русского путешественника: «серб» для них оставался синонимом «православный». В 1-й половине XIX в. в Хорватии слово «серб» имело преимущественно этот смысл[10].

Роль церкви в национально-освободительном движении в определенной мере зависела от того, совпадала ли религиозная принадлежность господствующей и угнетенной наций. Утратившая свое ведущее положение польская католическая церковь на первых порах после падения польского государства была сторонницей национально-освободительной борьбы, многие представители низшего духовенства являлись ее вдохновителями и непосредственными участниками.

В некоторых районах религиозные различия дополняли и освящали различия иного характера (общественно-политические и культурные). Они имели тенденцию закрепляться в национальном самосознании и даже становились фактором национальной дифференциации единоязычного населения (сербы и хорваты). В процессе формирования нации в национальном самосознании здесь сильные позиции занял конфессионализм, приобретавший национальную окраску. Он сохранился и в XX в., поддержанный интересом определенных классов, церкви и правящих кругов угнетательских государств.

Там же, где религиозные различия не выражали общественных противоречий, они не воспрепятствовали формированию единой нации и торжеству соответствующего национального самосознания (словаки).

Имеется много различных вариантов соотношения религиозной принадлежности и национального самосознания. Так, например, еще ждет своего исследования вопрос о том, что помогло мазурам и кашубам-протестантам сохранить свою принадлежность к польской, в основном католической, нации. Или в какой степени уния в Западной Белоруссии или на Правобережной Украине долгое время, приблизительно до середины XIX в., притупляла национальные различия.

В буржуазную эпоху все более явственно сказывалась реакционная роль конфессионализма, отождествлявшего национальную принадлежность с религиозной, его борьбы против прогрессивного развития идейного содержания национального самосознания и национальной культуры вообще. Можно считать, что, например, в Польше прогрессивные моменты в деятельности

[9] Цит. по: *M. Hadžijahić*. Указ. соч., стр. 56.
[10] *В. И. Фрейдзон*. Об собенностях формирования нации в хорватских землях. «Советское славяноведение», 1969, № 4, стр. 60.

церкви по укреплению национального самосознания исчезли после эпохи восстаний XIX в., в Болгарии — к моменту освобождения, в сербских землях — с развитием светской буржуазной идеологии.

Наряду со школой и церковью национальное самосознание в ряде славянских земель развивали различные национальные очаги, такие, как читальни, а позднее театр и многочисленные национальные общества. Вслед за Чехией, которая в этом отношении служила образцом, в Воеводине, Хорватии, Словении, Словакии, среди сербов-лужичан в 40—60-е годы получили распространение вечера-«беседы», на которые, например у сербов Воеводины, следовало являться непременно в национальных костюмах и где говорилось о народе, о нации, ее достоинствах, ее прошлом, культуре, экономических интересах и т. д. Под влиянием революции 1848 г. в Тешине была основана «Польская читальня» как «Общество для усовершенствования в польском языке», открыта библиотека, издан сборник славянских песен.

Вместе с учителями и священниками сербскую национальную пропаганду в Боснии вели и более образованные выходцы из купеческой среды, и некоторые торговцы. В 1862 или 1863 г. они организовали в Сараево «Общество распространения сербского имени в Боснии», поставившее себе целью «искоренить оскорбительное имя «влах» и ввести имя «серб»». Душой этой организации был Б. Петранович, монах из Дрниша (Далмация). По свидетельству современника, члены общества стремились использовать всякую возможность для бесед с крестьянами, убеждая их зваться не христианами, а сербами. Служащий австрийского консульства в Сараево сообщал, что они «вступили в связь со всеми православными попами, торговцами и учителями в Боснии и Герцеговине, наставляя их открыть народу глаза, чтобы он называл себя не влахом, христианином, эркачем, но сербом или православным сербом»[11]. Вслед за сербами аналогичное общество в Боснии создали хорваты (несколько молодых монахов-францисканцев, а также хорват — служащий прусского консульства, по характеристике современника — «горячий далматинец, родом из Корчулы»). Общество призывало католическое духовенство убеждать крестьян, чтобы те называли себя не католиками или шокцами, а хорватами. Сербская пропаганда в Боснии увенчалась относительно быстрым успехом. Вряд ли можно с достаточной достоверностью определить время, когда понятие «серб» приобрело подлинно национальное содержание, однако к концу Восточного кризиса в этом отношении произошел большой сдвиг.

Особый интерес представляет деятельность организации «Объединенная сербская молодежь» (Омладина), возникшей в Воеводине в 1866 г. В этом развитом в отношении национального

[11] *M. Hadžijahić*. Указ. соч.

самосознания районе Омладина поставила перед собой задачу «будить национальную жизнь во всех ее сферах и показывать способы улучшения материального положения» народа. Сербский исследователь Йован Скерлич подчеркивает, что «первой и главной задачей Омладины» было «как можно выше поднять как можно более чистое национальное чувство». Среди средств, намеченных для достижения этой цели, были воскресные школы, издание популярных книг и календарей и даже борьба против иноземных танцев, за сербское коло, песню, одежду и т. д. Имелась в виду и забота о «чистоте и правильности сербского языка» [12].

Политическая публицистика явилась важным средством воздействия не только на идейное содержание национального самосознания, но, случалось, на самосознание этнической принадлежности. Так, публицистика играла исключительную роль в процессе развития болгарского национального самосознания [13]. Неофит Рилский, а позднее Г. Раковский, Л. Каравелов, Хр. Ботев своими произведениями не только распространяли сознание этнической принадлежности, но решительно влияли на идейное содержание национального самосознания. В развитии последнего важнейшим рубежом явились 50—60-е годы XIX в.

В Польше политические дискуссии 60—90-х годов XVIII в. и особенно периода Четырехлетнего сейма 1788—1792 гг., сопровождавшиеся выходом в свет сотен политических брошюр, способствовали идейному углублению национального самосознания. Угроза потери независимости обострила национальные чувства, и не случайно среди вопросов, широко обсуждавшихся в публицистике этих лет, большое место занимают такие проблемы, как содержание понятий «нация», «родина», «патриотизм».

Появление национальной периодической печати давало невиданные ранее возможности для пропаганды национального самосознания. В 1-й половине и даже в 3-й четверти XIX в. число подписчиков той или иной из южнославянских газет в Австрийской империи обычно достигало нескольких сот человек, иногда более 1000 при численности взрослого населения в несколько сот тысяч (словенцы, сербы) или более миллиона (хорваты). Но содержание важных статей в 60—70-х годах становилось известным десяткам тысяч людей. Известны случаи, когда публицистические статьи оказывали огромное воздействие на широкие слои населения, на программу национального движения (например, «туцинданская» статья С. Милетича 1860 г. в Воеводине). Печать распространяла идеи национального единения.

Близкими по влиянию были речи национальных деятелей

[12] *Ј. Скерлић.* Омладина и њена књижевност. Београд, 1925, стр. 122.

[13] См., например: *С. А. Никитин.* Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 75.

(в парламенте и т. д.), в которых нередко прямо или едва завуалированно проводилась мысль об общности национальной судьбы и интересов народа, разделенного между несколькими государствами, проживавшего в добром десятке административных областей и т. д. В качестве иллюстрации можно упомянуть многочисленные политические выступления известного сербского лидера адвоката Михаила Полита-Десанчича в венгерском парламенте или во время судебных процессов. Эти речи, как правило, перепечатывались сербскими газетами[14].

В процессе формирования национального самосознания славянских народов явственно сказывалась активная роль ядра нации — районов наиболеее интенсивной социально-экономической и культурной эволюции и более зрелого национального самосознания населения. Такова у сербов роль княжества Сербии и Воеводины, у хорватов — исторического «королевства» Хорватии[15], у словенцев — районов Любляны, Марибора и т. д. В хорватской историографии в связи с этим говорится об «эстафетной палочке» идей национального возрождения, которая передавалась из Загреба окраинам хорватской этнической территории[16]. Касаясь здесь проблемы ядра нации лишь в связи с рассматриваемым вопросом, укажем на известные факты все более широкого в XIX в. распространения публицистических и художественных произведений из Праги, Львова, Белграда, Нови Сада, Загреба, Любляны и других городов в периферийных национальных районах, на различные контакты, в частности на интенсивную переписку деятелей национального движения и др. Переписка содержала обмен мнениями не только по тактическим и подобным им вопросам движения, но нередко касалась проблем идейно-теоретических и непосредственно связанных с распространением и содержанием национального самосознания. Так, известный загребский хорватский деятель Франьо Рачкий в 1866 г. убеждал своих далматинских коллег придерживаться этнонима «хорваты», доказывая, что иначе служить национальным интересам невозможно[17].

В Далмации и других районах действовали в национальном духе сербские учителя и священники, выходцы из Сербии или Воеводины или учившиеся там. В свою очередь далматинцы, как

[14] *М. Полит-Десанчић.* Све досадање беседе др. Мих. Полита-Десанчића, I. Нови Сад, 1883.

[15] *И. И. Лещиловская.* Условия и основные черты национального развития хорватов в первой половине XIX в. Сб. «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 520; *она же.* Роль города в формировании хорватской национально-освободительной идеологии в первой половине XIX в. «Советское славяноведение», 1970, № 4, стр. 80.

[16] *P. Strčić.* Počeci organiziranog političkog pokreta Hrvata u Istri i XIX stoljeću. JIC, 1969, N 4, str. 96.

[17] *В. И. Фрейдзон.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, стр. 121.

упоминалось выше, воздействовали на национальное самосознание жителей Боснии.

Значение деятельности Омладины состояло прежде всего в том, что она стремилась возглавить и согласовать деятельность патриотических элементов «во всех землях, где говорят и чувствуют по-сербски», в частности намечала посылку лекторов «в самые заброшенные сербские края»[18]. Омладине (1866—1872) удалось сделать немало, хотя далеко не все из намеченного. Ей впервые удалось объединить в своих рядах энергичных деятелей из разных югославянских земель: ее сторонники на местах вели энергичную национальную пропаганду[19].

То же явление можно отметить в Польше. Контакты с польскими офицерами, оказавшимися в 1831 г. в плену в Пруссии (в Гданьском Поморье и Мазурах), пробудили у местного польского населения интерес к национальной культуре и, в частности литературе. Впервые здесь зазвучали голоса в пользу преподавания польского языка в школах[20]. Это лишь один из примеров многообразного и длительного воздействия Варшавы (или Кракова) на периферийные районы.

Содержание национального самосознания населения периферийных районов зависело от воздействия национального ядра.

* * *

Наряду с *непосредственной пропагандой* национального самосознания большое воздействие на его формирование оказывал сам *ход национально-освободительного движения,* все его формы и более или менее значительные события его истории, все проявления национальной жизни. От развития элементарной грамотности и научных исследований до высшего подъема политической борьбы — национальных восстаний — все формы национального движения так или иначе сказывались на национальном самосознании.

Школа, способствуя росту культурного уровня населения, тем самым помогала восприятию национальных идей. *Художественная литература* и *искусство* играли исключительную роль в развитии национального самосознания. Распространение художественных произведений и фольклорных сборников пробуждало и развивало чувство национального достоинства, гордости родным языком, литературными героями — представителями своего на-

[18] *J. Скерлић.* Указ. соч., стр. 120, 125.

[19] *Н. Петровић.* Историјско место, улога и значај Ујединене омладине српске. «Ујединена омладина српска». Нови Сад.

[20] *S. Mikos.* Wpływ powstania listopadowego na wzrost świadomości narodowej na Pomorzu Gdańskim. «Pomorze Gdańskie. Szkice polityczno-gospodarcze». Gdańsk, 1965, str. 119, 124.

рода, знакомило читателей разных краев с жизнью всего народа, усиливало чувство национальной общности. Для сербов огромное значение имело в этом смысле творчество писателей, начиная с Досифея Обрадовича, издание фольклорных сборников Караджичем, а также исполнение народных песен бродячими певцами, для хорватов — творчество Августа Шеноа и др. Общеизвестно воздействие патриотических *песен и театра* В. Богуславского в период работы Четырхлетнего сейма в Польше. Агитационную роль искусства в пробуждении патриотических настроений и расширении национального самосознания хорошо понимали современные руководители национально-освободительного движения. За месяц до окончания восстания 1794 г. Высший народный совет принял решение поручить В. Богуславскому организовать и открыть публичную сцену. В постановлении говорилось: «Совет уверен, что публичные зрелища очень хорошо воздействуют на расширение национального духа»[21].

Особая роль в развитии национального самосознания принадлежала исторической науке. Она нередко прямо служила целям национального движения. Так, в Хорватии Иван Кукулевич и Богослав Шулек в 60-х годах XIX в. издали сборники документов по истории хорватского государства, Франьо Рачкий доказывал принадлежность Хорватии отдельных территорий и т. д. Содержание такого рода произведений становилось известным не только узкому кругу: сочинение Рачкого по истории Риеки, например, печаталось в газете Национальной партии «Пóзор» («Pozor»), кроме того, политические деятели, литераторы, публицисты использовали результаты трудов ученых в своих выступлениях и т. п. В Чехии с 60—70-х годов XVIII в. все больший резонанс получали исследования проблем национальной истории, в частности эпохи гуситского движения.

Произведения, проникнутые романтическим представлением о прошлом (быть может, именно благодаря этому), на определенном этапе движения служили прогрессивным целям будителей — гуманизму, делу пробуждения национального самосознания, борьбе против средневековой косности, церковности, сословной и локальной ограниченности. Даже «находка» рукописей Вацлавом Ганкой, несмотря на недопустимость подобных методов, послужила делу национального самосознания. Обработка народных песен Караджичем делала их более «подходящими» для воздействия на национальное самосознание и т. д.

Говоря об исторической науке, литературе, фольклористике, советский историк справедливо отмечает, что речь идет не о попутном с национальным движением их развитии, а о мобилизации культурных богатств для углубления патриотических

[21] *Е. С. Курбатова.* Польский просветительский классицизм. «Проблемы просвещения в мировой литературе». М., 1970, стр. 121.

чувств, столь необходимых для развития нации, для обоснования ее прав, ее особого бытия [22], т. е., в частности, об их роли в развитии национального самосознания у широких слоев народа.

Постановка и решение проблем *литературного языка*, возникших в процессе формирования нации, оказывали подчас кардинальное воздействие на формирование самосознания этнической принадлежности и национального самосознания в целом. На определенном этапе решение этих проблем становилось необходимым для национального развития. Так, борьба Л. Штура и его сторонников за словацкий литературный язык в 30—40-х годах XIX в.[23] была необходимой и неизбежной. Успех этой деятельности освободил путь дальнейшему национальному сплочению словацкого народа независимо от местных диалектов и религиозных различий. Языковая реформа Л. Гая и его последователей в Хорватии в 30-е годы XIX в. содействовала распространению хорватского национального самосознания, преодолению локальных этнических представлений среди все более широких слоев народа не только в Славонии, Далмации и других районах, но и в самой кайкавской Хорватии, где подлинно национальное самосознание к 30-м годам XIX в. было присуще лишь немногочисленному слою интеллигенции. Успех трудной борьбы В. С. Караджича за сербский литературный язык на народной основе также был необходим для национального сплочения сербов (хотя, вероятно, в истории формирования сербского национального самосознания — на ее раннем этапе — относительно в большей мере, чем у хорватов сказалось воздействие экономического и религиозного факторов; вообще проблема различий в относительной значимости тех или иных факторов на разных этапах развития национального самосознания отдельных народов представляет большой интерес).

Достоин особого упоминания сам факт распространения изданий *периодической* печати из национальных центров среди населения периферийных районов. В пражских изданиях, получаемых в Моравии, в белградских и новисадских газетах и журналах, проникавших к сербам где-нибудь на Военной Границе, в загребских публикациях, приходивших к хорватам Истрии и т. п., обычная информация о жизни и политической борьбе в национальных центрах, об общенациональных проблемах — даже без непосредственной пропаганды — будила самосознание населения.

В эпоху развития буржуазии все более широкий отклик в массах населения получала государственно-политическая деятельность лидеров национального движения — парламентские выступления, партийные совещания, обсуждение программм и т. п., а

[22] *С. А. Никитин.* Указ. соч., стр. 76.
[23] *В. Матула.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970, стр. 100 — 104.

также разного рода манифестации национального характера (празднование исторических дат, открытие национальных учреждений и т. п.). Значение избирательных кампаний для национальных движений в Австрии и Пруссии известно. Так, политическое пробуждение десятков и сотен тысяч поляков — в особенности в Верхней Силезии и Поморье — было связано с выборами в парламент в 1848 г., борьба за политическую свободу переплеталась с борьбой за свободу национальную. 1848 год в этом отношении явился переломным в ряде других славянских стран или областей (Словения, Словакия, Тешин) [24]. Тогда выкристаллизовалась программа развития своей национальности, а политическая агитация велась на народном языке (польском, украинском и др.). В конце 60-х — начале 70-х годов сербская либеральная партия в Воеводине использовала избирательные кампании для втягивания в движение массы жителей городов и сел, ранее не участвовавших в политической жизни, — тем самым упрочивалось и углублялось национальное самосознание, оно пропитывалось политическими идеями (самоуправления, автономии, буржуазного демократизма).

Массовые митинги (таборы), впервые как форма движения возникшие в Чехии в 1868 г., а затем распространившиеся на другие славянские земли Австро-Венгрии, собирали людей из разных концов страны, заинтересованных вопросами национального, общеполитического и социально-экономического характера. Здесь присутствовали рабочие, крестьяне, мелкие буржуа, интеллигенты. Чешские таборы происходили в период, когда массам народа уже было присуще относительно зрелое самосознание этнической принадлежности. Аналогичная же форма движения, например у хорватов Истрии, а частично у словенцев, имела значение и для распространения этого самосознания, т. е. преодоления локальных представлений, особенно свойственных крестьянской среде. У словаков развитие национального самосознания подтолкнуло народное собрание в Мартине (1961 г.) и распространение сведений о нем в народе.

В плане распространения национального самосознания вширь большое значение имела организация *патриотических манифестаций* горожан в Познанском Княжестве, Поморье и Галиции в 1861 г. по примеру Королевства Польского. Их отличала массовость выступления польского населения под национальными лозунгами.

Среди разных направлений политической борьбы особое место занимала борьба за *возможность обучения детей на родном языке и за «национализацию» местного управления.* Эти проблемы

[24] *J. Chlebowczyk.* Kształtowanie się świadomości narodowej i początków ruchu narodowego na Śląsku Cieszyńskim. «Kwartalnik historyczny», t. XVI, N 2. Warszawa, 1959, str. 452.

затрагивали самые широкие слои населения и втягивали их в движение (Словения, Далмация, Тешинская Силезия).

Национально-освободительные восстания и национальные войны занимали особое место в процессе распространения и дальнейшей эволюции национального самосознания. По классовому содержанию движений и их влиянию на национальное самосознание масс можно различить два типа восстаний. Это зависело от того, принадлежал ли класс помещиков (феодальных землевладельцев) к господствующему или угнетенному народу (Польша, Венгрия). В первом случае восстания имели более глубокое социальное содержание, во втором они были по преимуществу национальными. Вопроса о развитии национального самосознания у масс крестьянства, в частности в связи с восстаниями, мы коснемся ниже. Здесь же упомянем некоторые пути воздействия самого факта восстаний на национальное самосознание.

Влияние польских восстаний на национальное самосознание было сильным и многообразным — от распространения самосознания этнической принадлежности в отдаленных районах Польши и крестьянских массах до творчества великих представителей национальной культуры (Мицкевич, Шопен) и развития идейного содержания национального самосознания. Служба в национальных войсках и легионах, разрушая локальную и сословную замкнутость, способствовала расширению кругозора солдат, воспитывала их в национальном духе. В другой связи мы указывали на эхо восстаний в периферийных районах страны.

Общенациональная роль восстаний выражалась и в том, что борьба вызывала отклики и содействие во всех польских землях. Например, к восстанию 1830 г. примкнули 2000 добровольцев из Галиции, добровольцы из Королевства Польского участвовали в революции 1848 г. в Княжестве Познанском, а в восстании 1863 г. сражались добровольцы из всех польских земель (Познани, Поморья, Вармии и Мазур, Тешина, Верхней Силезии).

Большую патриотическую роль играли повстанческие песни и гимны, которые призывали поляков не жалеть сил в борьбе за родину и внушали уверенность в торжестве национального дела. «Песня польских легионов в Италии», основную идею которой выражали строки: «Еще Польша не умерла, пока мы живы»,— положена в основу Государственного гимна ПНР. Кампании солидарности с повстанцами, повсеместное оживление общественного мнения во время восстаний, включение широких кругов польского населения в обсуждение общенациональных проблем, распространение манифестов и других материалов повстанческих властей — все это будило сознание народа. Продвижение многочисленных повстанческих отрядов в разные районы страны, их контакты с населением способствовали консолидации нации, развивали чувство национального единства. Польские историки

отмечают большую объединительную роль «национальных маршей» — Т. Костюшки в 1794 г., Ю. Понятовского в 1809 г., Дембиньского в 1831 г., В. Врублевского или Ю. Гауке-Босака в 1863—1864 гг.[25]

Опыт восстания 1830 г. побуждал патриотов пересматривать идейные принципы движения, а вместе с тем по-новому осмысливать сами понятия «нация», «национальный интерес», вкладывая в них все более глубокое социальное содержание, соответствующее потребностям новых развивающихся общественных слоев. Польский исследователь Е. Шацкий, касаясь проблемы образования двух идеологических лагерей, пришел к выводу о том, что только после 1831 г. вырисовался важный аспект ведущегося шляхетскими революционерами спора о «национальности». Оказалось, что речь идет о том, является ли нация солидарным союзом классов и поколений либо, напротив,— это поле для социальных битв и конфликтов. Если представители демократического направления поставили вопрос о классовых социальных противоречиях, о том, что шляхта «приглушила истинную национальность», то представители нерадикального направления и после восстания продолжали говорить о необходимости классового мира. Так, М. Мохнацкий писал: «Крестьянин и шляхтич — вот два основных элемента Польши. Оба составляют одно целое»[26]. Раскол в лагере шляхетских революционеров привел к выделению из него революционно-демократического течения сторонников борьбы за аграрную реформу, что сыграло решающую роль в определении направления национально-освободительного движения в Польше, в формировании демократической идеологии национально-освободительного движения.

Восстания сербов и болгар в XIX в. против османского ига представляют пример движений народов, не имевших своего феодального класса. Ввиду крайне грубых, реакционных форм гнета в феодальной Османской империи борьба за национальную независимость здесь являлась необходимой для создания условий буржуазного развития. Восстания, в особенности в начале XIX в., развивались в условиях низкого уровня общественно-экономического развития, в период, когда еще условий для зрелого национального самосознания не было.

Для сербского народа успешные восстания в начале XIX в. явились историческим переломным моментом и в идейном отношении. Они воздействовали на самосознание населения в Шумадии и в иных обширных районах как своей последовательной антифеодальной направленностью, так и своей задачей воссоздания сербского государства. «Возникновение княжества, — отме-

[25] *T. Lepkowski.* O narodzie i polskiej świadomości narodowej w epoce reform i powstań XVIII i XIX w. «Nowe drogi», 1966, N 6, str. 21.

[26] *J. Szacki.* Ojczyzna, naród, rewolucja. «Problematyka narodowa w polskiej myśli szlacheckorewolucyjnej». Warszawa, 1962, str. 213.

чает югославский исследователь,— стимулировало формирование сербского литературного языка, разожгло пламя национальных движений на Балканах, укрепило связи между сербами, жившими севернее и южнее Дуная и Савы и, что самое важное, поставило на прочную основу борьбу сербского народа за национальные права»[27].

Воздействие восстаний начала XIX в. на национальное самосознание сербского народа было постоянным и длительным. Вожди движения, герои сражений за национальную независимость являлись образцами для юношества: рассказами об их подвигах зачитывались и в доме крупного чиновника, и в семье торговца или крестьянина. В областях, оставшихся под османским гнетом, все большее число людей проникалось сознанием того, что Сербия является их национальным государством.

Во 2-й половине XIX в. восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии имели социальный и национально-освободительный характер, они «электризовали» массы, быстро развивали их национальное самосознание[28].

Таким образом, независимо от существенных различий в движущих силах восстаний в разных странах они давали мощный импульс дальнейшему развитию национального самосознания.

Войны и восстания — не только национальные, но даже квазинациональные (вроде контрреволюционных походов Елачича и Кничанина в 1848—1849 гг.), как и трагический исход национальной борьбы славян Австрийской империи в революции 1848—1849 гг., влияли на идеологическое содержание национального самосознания и ускоряли его развитие.

Интересной и весьма обширной проблемой является *влияние национально-освободительной борьбы одного народа на национальное самосознание других народов*. При этом воздействовали факт проявления самосознания, его пропаганда, так называемый национальный принцип, и сам ход борьбы за национальную свободу.

Известно влияние немецкого национального возрождения, идей Гердера, немецкой литературы, программы Тугенбунда на славянские народы, в частности на формирование взглядов Яна Коллара и других «будителей», публицистики Мадзини — на формирование в славянских странах принципов национального объединения и суверенитета и т. д.

Национальные восстания в Польше и Венгрии, национальные войны в Италии, методы борьбы Гарибальди, наконец, войны за объединение Германии давали новые и новые импульсы распространению национального самосознания в славянских землях, находившихся в составе Австрии и Турции, способствовали упро-

[27] *N. Petrović*. O nekim specifičnostima..., str. 50, 51.
[28] *M. Hadžijahić*. Указ. соч., стр. 63, 64.

чению уверенности в неодолимости «национального принципа»[29]. Деятели славянских народов, получавшие образование в немецких и итальянских университетах, в венгерских лицеях и семинариях, проникались здесь национальным самосознанием и убеждением в необходимости отпора иноземному гнету, пониманием опасностей, проистекающих для их народов ввиду их экономической, политической и культурной отсталости, и т. п.

Советский исследователь указывает, что уже современники отмечали влияние национально-освободительных восстаний в Болгарии в 70-х годах XIX в. на национальное самосознание армянского народа в Турции, а вслед за восстаниями — влияние болгарской литературы. Переводы с болгарского, писала тогдашняя армянская печать, «способствовали распространению среди армянского народа идей самозащиты и патриотизма», оказывали «благотворное влияние на армянские массы», ибо многое здесь «напоминало жизнь наших соотечественников в Западной Армении». Национально-освободительное движение армянского народа применяло болгарский опыт вооруженной борьбы. В цитируемой работе сделан обоснованный вывод о том, что все это «способствовало росту национального самосознания и подъему национально-освободительного движения армянского народа»[30].

В другой советской работе отмечается влияние идей Л. Штура на идеологов словенского национального движения в 60-е годы XIX в.[31] Большой интерес представляет факт, приводимый советским историком Ф. И. Стеблием: украинский демократ Василий Подолинский в 1848 г. высоко оценивал польских демократов, стремившихся привлечь украинскую молодежь к поддержке польского освободительного движения и выступавших за национальное освобождение украинского народа, так как считал, что это «помогло усилить национальное самосознание галицких украинцев и тем самым способствовало росту их национально-освободительного движения»[32].

[29] Например, говоря о победах пруссаков в 1866 и 1870 гг., хорватский лидер Ф. Рачкий утверждал, что идея, «за которую немцы бьются», восторжествует и у южных славян, так как нет силы, способной воспрепятствовать этому. В 1867 г. хорватская газета заявляла, что освобождение южных славян неизбежно: ведь «Италия десять лет назад была более раздроблена, чем южные славяне» (*В. И. Фрейдзон.* Борьба..., стр. 76). События в Италии и Германии убеждали сербскую молодежь в том, что «освобождение сербства» не за горами (*J. Скерлић.* Указ. соч., стр. 127).

[30] *С. В. Овнанян.* Влияние апрельского восстания в Болгарии на национально-освободительное движение армянского народа. «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах». М., 1972, стр. 248, 255.

[31] *И. В. Чуркина.* Два поколения словенских либералов в их отношении к России. «Вопросы первоначального накопления капитала...», стр. 223.

[32] *Ф. И. Стеблий.* В. Подолинский — поборник единства украинского и польского освободительного движения в Галиции во время революции 1848 г. «Вопросы первоначального накопления капитала...», стр. 144.

Подобные факты и явления пронизывают всю историю национально-освободительных движений и формирования национального самосознания славянских народов.

Будучи в своей исторической сущности единой, важнейшая для национального движения проблема вовлечения в него крестьянства и связанная с ней проблема национального самосознания масс народа (как в смысле самосознания этнической принадлежности, так и усвоения его идеологических элементов) существенно модифицировались в зависимости от социальной структуры формирующейся нации, а в связи с этим — от характера, форм и этапов национального движения.

В Польше, в некоторой мере — в Хорватии[33], из соседних неславянских стран — в Венгрии угнетенная нация имела свой помещичий землевладельческий класс. Политическое движение под национальными лозунгами возникло здесь в эпоху разложения феодализма и начала обуржуазивания дворянства в среде этого наиболее организованного, влиятельного и культурного класса. Живые традиции национальной государственности или ее остатки (автономия, самоуправление) способствовали быстрому становлению национального самосознания высших классов и горожан, быстрому развитию политической борьбы, в том числе ее высших форм (восстания в Польше 1794, 1830, 1846, 1848, 1863 гг., в Венгрии — в 1848—1849 гг.). Это втягивало в движение народные массы и содействовало развитию их национального самосознания. Упорная борьба 140-тысячной польской национальной армии против царизма в 1830 г. или близкого к этому количества войск, в основном добровольческих, в 1863 г., поддержка, оказанная им населением, свидетельствовали о наличии национального самосознания у определенных слоев общества, но вместе с тем и о его распространении вширь и вглубь.

Что касается крестьянства, то круг защитников нации в его среде расширялся в зависимости от степени последовательности социальной программы движения (1794, 1846, 1863 гг.). Радикальная аграрная программа Краковского восстания 1846 г. и аграрная политика повстанческого правительства в 1863 г. содействовали распространению национального самосознания в сельских массах. Как отмечалось, идейное содержание национального самосознания в это время эволюционировало, проникаясь буржуазно-демократическими принципами. Однако участие зависимого крестьянства в национально-освободительной борьбе все же

[33] Здесь дворянство после 1848 г. в сущности отошло от национального движения, хотя до 1867 г. находилось в оппозиции режиму.

не являлось непосредственным свидетельством наличия у него развитого и устойчивого национального самосознания (хотя способствовало его возникновению и развитию). Участие в движении могло свидетельствовать также о силе патриархальных, религиозных и этнических связей[34]. Первоначально оно также могло быть связано лишь с надеждой на скорое решение определенных социальных проблем. Характерны факты притока польских крестьян в повстанческие отряды в 1830 г. в тех случаях, когда им была обещана земля и т. п.[35] Однако трудно в связи с этим говорить о зрелом национальном самосознании.

Не случайно правящая реакция путем социальных реформ или социальной демагогии стремилась отвлечь крестьянство от национального движения, и это ей более или менее удалось. Известны факты запугивания венгерских и славянских крестьян властями Австрийской империи (1848 г., 1860-е годы), польских, украинских и белорусских крестьян властями Российской империи (1863, 1864 гг.). В ход пускались утверждения, что национальное оппозиционное движение, в котором участвовало дворянство (польское, венгерское, хорватское), имеет целью восстановление феодализма, тогда как задачей правительства, говорилось в одном из актов, изданных для Хорватии за подписью Франца-Иосифа в 1861 г., является охрана прав «милого нам простого народа»[36]. Хотя о восстановлении феодализма не могло быть речи, дворянство действительно стремилось, добившись всевластия в своей стране, обеспечить условия для беспощадной эксплуатации крестьянства (что и произошло в Венгрии в 1867 г.). Это обстоятельство отталкивало крестьян от национальной оппозиции (как господского дела) и в обществе, разделенном социальной пропастью, сдерживало развитие национального самосознания широких масс. Наконец, следует отметить, что национальные восстания, возглавлявшиеся дворянством, вынуждали власти проводить социальные реформы и таким образом содействовали прогрессу общества, а тем самым — подготовке широкого распространения национального самосознания. Гегемония дворянства в национальном движении оказывала весьма противоречивое воздействие на национальное самосознание масс народа.

[34] *S. Kieniewicz.* Rozwój polskiej świadomości narodowej w XIX wieku Pamiętnik X powszechnego zjazdu historyków polskich w Lublinie 17 — 21 września 1968. «Referaty», S. I — VI. Warszawa, 1968, str. 264. О фактах ухода польских крестьян из Литвы, Белоруссии и Украины с помещиками-повстанцами в эмиграцию в 1831 г. см.: *В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова.* Социальный состав участников польского восстания 1830 — 1831 гг. «Историко-социологические исследования». М., 1970, стр. 43, 85 — 86.

[35] «Историко-социологические исследования», стр. 90, 144 — 145.

[36] Здесь следует оговориться, что отказ от поддержки каким-либо классом или слоем общества той или иной формы национального движения (например, восстаний) так же не свидетельствует об отсутствии национального самосознания, как поддержка ее — о наличии последнего.

У народов, не имевших (полностью или в основном) национального феодального класса, при всех различиях в условиях развития нации общим было зарождение национального самосознания в буржуазной или мелкобуржуазной среде (чехи, словаки, словенцы, украинцы). Здесь полностью или в основном отсутствовал фактор государственно-политических традиций национального помещичьего класса и более явственно выступали на первый план иные факторы, в частности воздействие эволюции социально-экономического базиса.

Первый этап национального пробуждения у славянских народов Австрийской империи, не имевших своего дворянского класса, затягивался на относительно длительный период. Народные массы являлись хранителями родного языка, фольклора, национальных особенностей, в разной мере — воспоминаний о былой государственности. Национальное самосознание возникало на этой основе. На ней, в частности, интеллигенция строила новую культуру формирующейся нации. Задачами «будителей» здесь были самоутверждение нации, пробуждение национального самосознания у широких слоев народа, доказательство права нации на особое бытие, способности народного языка и культуры к развитию и т. д.

Подавление народного языка, свободы национальной культуры, введение реакционными режимами чуждой населению иноязычной администрации (например, в Австрийской империи в 50-х годах XIX в., в помещичьей Венгрии, в польских землях Российской империи и Пруссии и др.) в какой-то мере тормозили консолидацию нации, но в тех случаях, когда эта политика заставала уже быстро развивавшийся процесс формирования национального самосознания, она стимулировала его углубление, сплачивала угнетенную нацию, побуждала массу крестьянства присоединяться к национальному движению, даже если последнее не проявляло радикализма в аграрном вопросе (например, в Словении, Далмации, Воеводине в 60-е годы XIX в.). Польский крестьянин скорее начинал чувствовать себя поляком там, где он непосредственно сталкивался с австрийским сборщиком налогов, прусским офицером, остановившимся на постой, и т. п.

Труды чехословацкого исследователя М. Гроха помогают пониманию начального этапа развития национального самосознания и зарождения национально-освободительной идеологии у народа, не имевшего феодального класса. Национальное самосознание зарождалось раньше и интенсивнее всего у людей, получивших образование и являвшихся выходцами из районов относительно интенсивных социально-экономических связей[37]. Историк

[37] *M. Hroch.* K otázce územní skladby národního hnutí. «Československý časopis historický» (далее — ČSČH), 1971, N 4, str. 513 — 536.

показал, что росту национального самосознания чешских народных масс способствовали прежде всего развитие товарного производства и борьба за внутренний рынок[38]. Можно сказать, что на базе складывавшегося внутреннего рынка зарождалось ядро нации. Вслед за торговцами и ремесленниками в экономические — внутренние и внешние — связи втягивалось крестьянство. Степень интенсивности этого процесса существенно влияла на распространение национального самосознания. Естественно, что Чехия в этом отношении обогнала иные национальные области Австрийской империи.

По нашему мнению, *проблема национального самосознания народных масс* при всех модификациях, зависящих от социального состава народа и иных разнообразных исторических условий, в конечном счете *связана с эволюцией базиса*. Последний воздействует на самосознание не только через надстроечные факторы, но и непосредственно. Изменения базиса делали процесс формирования национального самосознания всеобщим, глубоким и необратимым.

В странах крупного помещичьего землевладения в условиях феодальной зависимости крестьянства в рыночные связи прежде всего втягивалось помещичье хозяйство. Средний крестьянин был слабее связан с рынком. Это обусловило его относительно малую восприимчивость к национальным идеям на ранних этапах формирования нации и развития национального движения. По ряду свидетельств, крестьянство быстро вовлекалось в национальное движение спустя два-три или более десятилетий после отмены феодальной зависимости. Дело не столько в том, что к этому времени вырастало поколение свободных людей, получивших минимум образования, сколько и прежде всего в том, что деревня (Польши, Венгрии, Хорватии и др.) становилась мелкобуржуазной. Исследователи отмечают более раннее развитие описанного явления в Пруссии, более позднее — в Галиции и Королевстве Польском[39]. Связь этой последовательности с темпом развития капитализма вряд ли может быть подвергнута сомнению. Быстрый подъем национального самосознания хорватского крестьянства относится к концу XIX и в особенности началу XX в., когда

[38] *M. Hroch.* K problematice formování buržoazního národa v Evropě. CSČH, 1961, N 3, str. 389.

[39] В Княжестве Познанском аграрная реформа была начата в 1823 г., а в 1848 г. крестьяне активно участвовали в национальном восстании. Первые собрания крестьян под национальными лозунгами в Галиции имели место в конце 70-х годов XIX в. (начало аграрной реформы — 1848 г.). В Королевстве Польском успех национальной агитации среди крестьян падает на 90-е годы XIX в.: *S. Kieniewicz.* Świadomość narodowa, str. 334, 335; *T. Lepkowski.* O narodzie i polskiej świadomości narodowej..., str. 22; *K. Grzybowski.* Lamiast poslowia. «Dziejów Polski blaski i cienie», str. 355.

товарно-денежные отношения пропитали всю хозяйственную деятельность крестьянина [40].

Этот подъем национального самосознания крестьянства как, например, в Галиции, так и в Хорватии в сущности был связан с развитием его общеполитической активности. Подъем национального самосознания стимулировался не только расширением товарно-денежного хозяйства, но и сопровождавшей эту эволюцию (как справедливо отмечено М. Грохом) борьбой за рынок. Сама эта борьба и стала одной из причин и формой национального движения. Так длительный процесс вытеснения инонациональным капиталом мелкого производителя и мелкого торговца в славянских землях монархии Габсбургов во 2-й половине XIX в. обострял национальную борьбу, втягивая в нее все более широкие слои населения, способствуя популярности более радикальных национальных программ и, естественно, распространению национального самосознания.

Наряду с народами Австрийской империи впечатляющий пример такой борьбы (при всех отличиях в условиях) дает Сербия. Австро-сербская таможенная война начала XX в. отразила создание в Сербии общенационального фронта сопротивления экспансии австро-венгерского капитала на Балканы; однако тенденция, которая привела к этим событиям, вполне наметилась уже в 70-х годах XIX в. и нашла выражение во взглядах деятелей радикальной и либеральной партий. Все это, без сомнения, сказалось на состоянии национального самосознания широких слоев населения, на формировании национальных традиций. (И, напротив, ситуация, благоприятствующая развитию внутреннего рынка, какая сложилась, например, в Королевстве Польском в 30—50-х годах XIX в. в рамках Российской империи, существенным образом влияла на характер и формы национально-освободительного движения, в частности способствовала укреплению позиции противников вооруженной борьбы с царизмом, толкала определенные круги к союзу с царским правительством.)

Развитие кредитно-кооперативного движения в Чехии, Словении, Словакии в 50—70-х годах XIX в., в частности преследовавшее цель укрепления позиций местных собственников перед лицом инонациональной конкуренции, вместе с тем являлось одним из путей формирования национальной буржуазии и было использовано ею для экономического, политического и идеологического подчинения масс народа, для эволюции национального самосознания в нужном буржуазии направлении. Вообще наряду с освободительной тенденцией экономическая борьба национальной буржуазии (с ее лозунгом «свой к своему» и т. п.) несла

[40] *В. И. Фрейдзон.* Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей в 1900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904 — 1905). «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XX. М., 1960.

с собой обострение национализма и противоречий между национальностями, проживавшими совместно (например, в южнославянских и польско-украинских землях Австро-Венгрии), отравляла сознание масс, мешала совместной борьбе трудящихся разных народов за освобождение.

Ни в коей мере не преуменьшая роли пропагандистской деятельности, политической борьбы и т. д., мы полагаем, что эффект различных отмеченных выше путей и методов распространения национального самосознания зависел от хода общественно-экономической эволюции в данной стране. Так, является очевидным, что слабый результат хорватской национальной пропаганды в Боснии [41] следует поставить в связь с констатацией хорватских исследователей, что «католический элемент» в Боснии в 80-х годах XIX в. находился «на уровне крестьянского общества», что здесь имелось очень мало ремесленников и торговцев, а интеллигенция практически отсутствовала [42]. В Истрии также, пока не созрели общественно-экономические условия, национальные идеи и требования оставались достоянием одиночек-энтузиастов, вдохновлявшихся примером национального движения в соседних областях [43].

Значение борьбы польских радикально-демократических кругов за вовлечение крестьянства в национально-освободительное движение хорошо известно. Как нам уже приходилось отмечать, участие крестьян в восстании 1863—1864 гг. знаменовало крупный сдвиг в их политическом просвещении, развитии национального самосознания народных масс. Но деятельность демократов и ее результаты, очевидно, следует рассматривать в связи с общественно-экономическими сдвигами в Королевстве Польском вообще. Лишь вследствие этих сдвигов национально-освободительные идеи в последние десятилетия XIX в. закрепились в сознании крестьянства.

Сербско-венгерский конфликт в Воеводине в 1848 г., начальный этап которого ознаменовался крестьянскими восстаниями против венгерских (как и сербских) феодальных землевладельцев, всколыхнул массы и сыграл существенную роль в развитии сербского национального самосознания, в формировании сербской нации [44]. Но сербско-венгерские конфликты имели место и значительно раньше, и лишь буржуазная эволюция сербского

[41] Даже в конце XIX в. авторитетный свидетель (Антун Радич) отмечал, что боснийские крестьяне не знали этнонима «хорваты» (*M. Hadžijahić*. Указ. соч., стр. 59).

[42] *J. Sidak, M. Gross, I. Karaman, D. Sepić*. Povijest hrvatskog naroda. Zagreb, 1968, str. 193.

[43] «Только в результате развития промышленности и портового хозяйства в Пуле, Триесте и Риеке... создались условия для быстрого национального возрождения» (*P. Strčić*. Počeci organizaranog..., str. 96).

[44] *N. Petrović*. O nekim specifičnostima..., str. 47.

общества (в частности, большие тяготы, выпавшие на долю мелких собственников и т. д.) вместе с другими обстоятельствами (национальная церковь, влияние Сербского княжества и др.) стала основой повсеместного развития национального самосознания. Вековая борьба черногорцев против турецкой угрозы явилась важнейшим фактором развития в Черногории острого чувства особой религиозно-этнической общности, но о подлинно национальном самосознании, по нашему мнению, можно говорить лишь в период подъема буржуазии в конце XIX—XX в.

Конечно, воплощение социального и национального гнета в фигуре помещика (немца, итальянца, венгра, поляка, турка или единоязычного иноверца в Боснии) способствовало проникновению национальных идей в крестьянскую среду. Однако были бы поспешными выводы о быстром развитии только в связи с этим зрелого национального самосознания крестьянских масс; национально-этнические различия нередко долгое время затемнялись здесь религиозными и т. п. Поэтому в отличие от придунайской Болгарии (с ее относительно развитой буржуазной прослойкой) глубокие социальные противоречия между, например, крестьянством Македонии и турецкими землевладельцами не привели к распространению национального самосознания в народных массах в 60—70-х годах XIX в., точно так же, как и аналогичные противоречия между литовским и белорусским крестьянством и польскими помещиками в середине XIX в. не создали национально сознательного литовского или белорусского крестьянина. Число примеров, поясняющих нашу мысль, можно увеличить.

Вряд ли, например, можно переоценить значение факта возникновения Сербского княжества для развития сербского национального самосознания (см. выше), но лишь более интенсивное развитие буржуазных отношений в Сербии с середины XIX в. послужило основой его созревания и проникновения в ширь и в глубь народных масс. У народов, имевших свою государственность (или автономию), недавно ее утерявших, в так называемом национальном самосознании консервативного дворянского класса имелось много от традиционного патриотизма, от охраны сословных прав и т. п.[45], а подлинно национальное самосознание развилось в ходе процесса обуржуазивания всего общества и т. д.

К мнению С. Кеневича о том, что в эпоху крепостничества национальное самосознание крестьянства не было равно нулю[46], можно присоединиться с той оговоркой, что определенное этническое самосознание явилось исходным пунктом развития самосознания формирующейся нации как нового качества.

[45] См., например: *A. Zajączkowski.* Głowne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. «Ideologia a struktury społeczne». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, str. 95.

[46] *S. Kieniewicz.* Pozwój polskiej świadomości narodowej..., str. 263.

В тех странах, где изменения в базисе происходили медленно, с большими трудностями, а экономические связи между отдельными раздробленными в политическом и административном отношениях частями территории формирующейся нации были слабыми и их прогрессу появлялись препятствия (хорватские земли; вероятно, в меньшей мере — сербские земли в XIX в.), в общественной жизни сказывалось усиленное воздействие субъективных сил, стремившихся развить и упрочить национальное самосознание масс народа. Это воздействие принесло несомненные результаты. Пожалуй, именно в данных случаях национальное самосознание несколько обгоняло национальное бытие (развитие социально-экономической основы нации) и активно воздействовало на процесс консолидации нации. При этом в разных случаях элементы, цементирующие нацию, были различными и в разной мере эффективными (у хорватов — религия, традиции «государственного права» и т. п.; у словаков — формирование единого литературного языка и т. п.). Но указанное воздействие не могло полностью возместить слабость базисного фактора, что сказалось в длительном сохранении разного рода пережиточных, консервативных элементов в национальном самосознании.

Можно ли найти критерий для суждения о времени созревания национального самосознания народных масс? Вероятно, можно считать, что национальное самосознание утвердилось тогда, когда в условиях развивающегося буржуазного общества уже появилось достаточно всеобщее сознание этнической принадлежности, в котором элементы не «чисто национальные» (например, религиозные, местные, сословные и др.) потеряли сколько-нибудь существенное значение, когда имеется сознание общенациональных ценностей и интересов — будь то в борьбе за условия сохранения и развития нации, будь то в борьбе подавляющего большинства нации против социального гнета со стороны «своего» или «чужого» господствующего класса.

Поэтому появление и распространение в массах *революционно-демократической идеологии, а затем идеологии социалистической,* т. е. идеологический раскол нации, свидетельствует о подъеме национального самосознания на более высокую ступень. Вероятно, в некоторых странах интересующего нас региона эта новая идеология окончательно расчистила путь действительно широкому распространению национального самосознания. Но этот вопрос достоин особого рассмотрения. О наличии национального самосознания у народных масс угнетенной нации, об этом «критическом моменте» процесса формирования нации, очевидно, может свидетельствовать развитие буржуазного общества, самосознание этнической принадлежности и участие широких масс в разных формах национально-освободительного движения.

Н. Д. РАТНЕР

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ О СЛАВЯНАХ АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ В СВЯЗИ С ОБРАЗОВАНИЕМ В 1871 г. ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В настоящей работе рассматриваются некоторые высказывания русской прессы о судьбе славян, населявших австрийскую половину двуединой монархии — Цислейтанию.

В истории экспансионистской политики германских господствующих классов, в истории германского империализма образование в 1871 г. Германской империи, т. е. объединение дотоле разрозненных немецких государств юнкерско-милитаристской Пруссией в германскую империю прусской нации [1], было событием первостепенной важности, наложившим отпечаток на все последующее развитие германского государства и судьбу немецкого народа. Это был важный рубеж в его истории, явление очень сложное, однозначной оценки которому быть не может, так как в нем сочеталось наряду с безусловно прогрессивным и положительным отрицательное и реакционное.

Уже тогда К. Маркс и Ф. Энгельс, давая классовый анализ созданному государству, подчеркивали, что образование единого немецкого национального государства было завершением длительного этапа борьбы за объединение, отвечавшее объективно-исторической прогрессивной тенденции в развитии германского народа и общества [2]. Было создано единое государство, в котором капиталистические отношения получили возможность для своего развития.

Объединение, быстрый рост капиталистических отношений благоприятствовали развитию, укреплению и организации рабочего класса и всего демократического движения в целом [3].

Вместе с тем объединение страны было достигнуто не путем победы «революции снизу», к чему призывали в 1848—1849 гг. революционные демократы с Марксом и Энгельсом во главе, а в результате победы «революции сверху».

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 308; *К. Маркс.* Критика Готской программы. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 27; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 311.

[2] *G. Schilfert.* Marx und Engels als Vorkämpfer für die deutsche Nation. Berlin, 1952, S. 6—23.

[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. I. Berlin, 1966, S. 300; «Deutsche Geschichte», Bd. II. Berlin, 1967, S. 474; *H. Wolter.* Alternative zu Bismarck. Berlin, 1970, S. 15.

В борьбе за объединение противостояли друг другу два соперничавших реакционных монархических государства — гогенцоллерновская Пруссия и габсбургская Австрия. В силу ряда причин победа осталась за Пруссией. Бисмарк еще в 1862 г., только встав у кормила власти, заявил, что «железом и кровью», но он объединит Германию под властью Гогенцоллернов [4]. Ему удалось, используя с большим искусством как внешнеполитическую, так и внутриполитическую обстановку, складывающуюся удачно для Пруссии, в 1866 г. изолировать и разбить Австрию, исключить ее из Германского союза, образовать Северо-Германский союз. Это был первый этап на пути объединения Германии. Затем, в 1870 г., было нанесено поражение Франции.

В результате в 1871 г. было создано государство, «...которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...» [5].

Создание в центре Европы прусско-юнкерского милитаристского немецкого государства не могло не вызывать тревоги в русском обществе. Австрия не без основания представлялась тогда, в связи с победами прусского оружия, возможным ближайшим объектом дальнейшей «объединительной» политики молодого воинственного германского государства, а это вызывало серьезные опасения за судьбу славян, в частности чехов и словенцев.

Сочувствие к судьбе этих народов, а также внимание к перспективам развития международных отношений обусловило тот интерес к зарубежным славянам, который проявился тогда в русской прессе либерального и консервативного направлений [6]. Именно вокруг международной проблематики развернули полемику с ними немногочисленные органы демократической подцензурной печати.

Славянским народам, в частности славянам монархии Габсбургов, на страницах русской прессы уделялось сравнительно много внимания [7]. Правда, эта тематика возникала чаще всего в связи с другими вопросами, волновавшими во время франко-прусской войны русское общество.

[4] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. I. М., 1940, стр. 206; см. также: *А. Абуш.* Ложный путь одной нации. М., 1962, стр. 125.

[5] *К. Маркс.* Критика Готской программы. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 28.

[6] В статье не рассматривается консервативная печать, она может быть предметом самостоятельного исследования.

[7] Об отношении русской печати к славянам Балканского полуострова в годы, предшествующие франко-прусской войне, см. статью С. А. Никитина «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской периодической печати» («Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50 — 70-е годы XIX в.» М., 1970).

Бросается в глаза антипрусская направленность большей части русской печати (за исключением правительственных органов), усиливающаяся по мере прусских побед, сочувствие и симпатии к Франции и французскому народу.

Вполне естественно, что больше всего газеты писали о франко-прусской войне, ее причинах и возможных последствиях[8], об объединении Германии и характере этого объединения, совершаемом Пруссией, и, конечно, о внешнеполитической позиции самой России (особенно после депеши Горчакова об отмене некоторых параграфов Парижского договора, касающихся нейтрализации Черного моря). В связи с этим в печати поднимается вопрос о политике нейтральных держав, в частности Австро-Венгрии, о судьбах славян Австро-Венгрии и др.

Характерно, что в высказываниях русской печати различных направлений наблюдается порой внешнее сходство, иногда даже совпадение некоторых формулировок. И в умеренно-либеральном «Голосе», и в реакционно-панславистских «Московских ведомостях», и в демократических «Отечественных записках» мы встречаем выражение поддержки программы перестройки монархии Габсбургов на федеративных началах. Но содержание, вкладываемое в одинаково звучащий лозунг, было в корне различным.

Для нас наиболее важными рубриками кажутся передовые, так как в них особенно выпукло отражалась политическая программа данного органа печати. Заслуживают внимания авторские и анонимные статьи, меньшее значение имеют отдельные корреспонденции и телеграммы, хотя по их числу можно судить об интересе газеты к тому или иному вопросу.

Популярной газетой в конце 60-х — начале 70-х годов в Петербурге была газета «Голос»[9]. Она отражала взгляды умеренных либералов из помещичье-буржуазного лагеря, но по ряду вопросов стояла на позициях явно выраженного национализма, как и консерваторы катковского толка[10].

В известной мере именно националистической позицией можно объяснить то внимание, которое «Голос» проявлял тогда к славянскому вопросу вообще, к славянам Австро-Венгрии в частности.

[8] Из последних работ представляет интерес статья С. В. Оболенской «Российские либералы о франко-прусской войне» («Французский ежегодник, 1969». М., 1971).

[9] «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1863 по 1884 г. Издатель и редактор А. А. Краевский. Широкая осведомленность в вопросах общей политики обеспечивала значительное распространение и делала ее одной из влиятельных газет России второй половины XIX в.

[10] Б. П. Козьмин указывает, что в 1869 г. Катков даже предлагал Краевскому установить тесную связь между их газетами (*Б. П. Козьмин.* Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX в. М., 1948).

Газета не только живо реагировала на непосредственные события в славянских землях, но и ставила вопрос в более широком плане — о перспективах развития многонациональной монархии Габсбургов, что непосредственно связывалось с судьбой славян. В передовых «Голоса» видна концепция газеты по этому вопросу.

С самого начала войны мы наблюдаем, правда, сначала несколько сдержанную, но по мере военных успехов Пруссии все более отчетливую резко звучащую антипрусскую направленность «Голоса» [11]. В этом смысле «Голос», как и большинство других русских газет, стоял в оппозиции к официальной политике царского правительства, которое тогда в отношении Пруссии занимало позицию дружественного нейтралитета.

Интересно, что «Голос» не идентифицирует Пруссию и «пруссаков» с Германией и немцами, которым он отдает должное в развитии культуры и т. п.[12] Касаясь вопроса объединения, газета обращала внимание читателя на агрессивный, милитаристский характер вновь созданной империи, на то, что создаваемая юнкерско-милитаристской Пруссией объединенная Германия таит серьезную угрозу для соседних стран. Подчеркивалось, что ничего не может быть опаснее для будущего России, как «Пруссо-Германия» (термин, характерный для «Голоса»), так как, по мнению газеты, пангерманизм враждебен славянству вообще. Газета считала, что нейтральным странам надо вмешаться и обуздать растущие аппетиты Пруссии. В этом вопросе «Голос» выражал опасение за положение царской России как великой державы [13]. Газета предупреждала, что России придется в будущем столкнуться с Германией [14], так как захватнические планы Германии касаются и прибалтийских губерний России [15].

Пангерманизм, таким образом, по мнению газеты, таил в себе непосредственную угрозу самой России. Однако надо иметь в виду, что, ратуя за защиту «национальных интересов» России, «Голос» защищал прежде всего конкретные внешнеполитические интересы помещичье-буржуазных кругов Российской империи.

[11] «Голос», 5 июля 1870 г.. СПб., 4 июля. Как правило, передовые газет датированы предшествующим днем, что в дальнейшем не оговаривается.

[12] «Голос», 29 июля 1870 г. Та же мысль выражена в передовой от 24 июля:

[13] «...на границах России складывался быстро фундамент непомерно могущественной державы, и русское общество не могло отнестись равнодушно к складывающемуся политическому событию» («Голос», 17 декабря 1870 г.; см. также: «Голос», 19 августа 1870 г.).

[14] «Голос», 29 июля 1870 г. Новости заграничные. От Бадена до Швейцарии (корреспонденция, датированная 16 июля).

[15] «Голос», 27 августа 1870 г.

Вместе с тем уже в самом начале войны печать стала намекать на возможность будущего франко-русского союза, который должен противостоять усиливающейся Пруссии [16–17].

Конечно, все это были вопросы будущего. Ближайшим же объектом агрессивных замыслов Пруссии могла стать соседняя с ней Австрия. О такой возможности говорилось и в передовых «Голоса», и в пространных статьях отдела «Славянское обозрение». Передовые более осторожны, в обозрении автор зачастую высказывается весьма эмоционально.

В «Голосе» не раз ставился вопрос о перспективах монархии Габсбургов: будет ли австрийская часть ее просто поглощена Германией наподобие Эльзаса и Лотарингии или Германия пока оставит ее формально самостоятельным государством, по сути превратит Габсбургское государство в придаток Германского рейха?

«Голос» склонялся к возможности последнего варианта. «Германия оставит немецкий элемент в Австрийской империи в качестве дарового и послушного жандарма немецкой народности среди расы, «обреченной на погибель», т. е. славян» [18]. Австрия будет служить путем для германского продвижения на Восток [19]. В конечном же итоге Германия проглотит Австрию [20]. Поднимая вопрос о судьбе славян империи, «Голос» поддерживал национально-политические устремления славянских народов: Австрия должна стать федеративным, по преимуществу славянским государством.

Отметим характерный, хотя и не удивительный парадокс. Будучи сторонником сильнейшей централизации и русификации в пределах Российской империи (методы, рекомендуемые газетой для «разрешения» так называемого остзейского и привислинского вопросов, тому пример) [21], «Голос ратовал за национальные права славянских народов Австрии, сетовал на германизацию и мадьяризацию, проводимую господствующими классами Австро-Венгрии, и провозглашал себя сторонником федерации.

В политических концепциях либералов из «Голоса» (в этом они весьма близки Каткову и панславистам [22]) федеративная Австрия — только первая ступень при решении славянского вопроса. Федеративная Австрия, возможность которой многим кажется проблематичной, «...естественно будет искать себе новой

[16–17] Намек на это содержится в передовой «Голоса» от 12 августа («Голос», 12 августа 1870 г.).

[18] «Голос», 19 августа 1870 г.

[19] «Голос», 20 августа 1870 г.

[20] «Голос», 18 декабря 1870 г.

[21] «Голос», 26 июля и 23 августа 1870 г.

[22] Заметим, что панславистов «Голос» не порицает, называя их «горячими головами» («Голос», 1 декабря 1870 г., 9 января 1871 г.).

точки опоры. Таким центром для славян естественно может быть только Россия»[23].

Федеративная Австрия должна войти в тесные сношения с другими славянскими странами — имеются в виду славяне Балканского полуострова и, естественно, Россия.

Объединению Германии надо противопоставить сплоченность и единство славянского мира.

Совершенно очевидно отрицательное отношение к австрославизму, тогда ведущей политической программы имущих классов большинства славянских народов Австро-Венгрии[24].

Критике подвергает «Голос» концепцию «историко-политической индивидуальности Чехии в кругу австрийских земель», что было тогда кредо чешской буржуазной политики. Это объяснялось тем, что в основу будущей общеславянской федерации, по мнению газеты, должен быть положен не исторический, а этнографический принцип[25].

Мы уже говорили о ярко выраженном национализме как основной характерной черте «Голоса» в национальном вопросе. Это особенно наглядно видно в позиции газеты в отношении польского вопроса вообще, галицийских поляков в частности.

Не останавливаясь на этом, отметим только, что газета всячески стремилась противопоставить, столкнуть поляков Галиции с другими славянами Цислейтании, в первую очередь с чехами. «Голос» по сути верно подметил то особое положение, которое в то время приобрели Галиция и польские господствующие классы в дуалистической системе[26]. Заметим, что это противопоставление очень характерно и для политики Габсбургов.

С большой симпатией и относительно много газета пишет о чехах[27], стараясь всеми силами перевести их политических руководителей в русло своей, близкой панславизму, националистической концепции. В федеративной Австрии чехам (газета имеет в виду не чешский народ, а чешских буржуазно-политических деятелей) должно, по мнению «Голоса», принадлежать ведущее место, в противовес полякам.

Примечательно, что, рисуя картину будущего австрийского федеративного государства, «Голос» не останавливается на его социально-политическом характере. Ничего, в частности, не гово-

[23] «Голос», 19 августа 1870 г.

[24] «Голос», 12 января 1871 г. («Славянское обозрение»); см. также: «Голос», 26 января 1871 г. (корреспонденция из Праги).

[25] Об этом много и эмоционально, не скрывая панславистских планов, пишет уже цитированный нами автор «Славянского обозрения». («Голос», 12 января 1871 г.).

[26] Передовая от 15 июля посвящена политике австрийского правительства в Галиции («Голос», 16 июля 1870 г.; 3 января 1871 г.).

[27] «Голос», 22 августа 1870 г. Новости заграничные; 25 августа. Новости заграничные.

рится о необходимости демократизации государственного строя монархии Габсбургов. Может быть, российским либералам конституционная помещичье-буржуазная Австро-Венгрия, в которой в 60-х годах был осуществлен ряд буржуазных реформ, кажется вполне современным государством. Социальные вопросы остаются в газете второстепенными по сравнению с вопросами национальными. Подчеркивается демократизм чехов, но чаще всего в противовес польской шляхте.

Чешская оппозиция в то время приковала к себе внимание русской общественности еще одной акцией.

Во время франко-прусской войны почти все народы Австро-Венгерской монархии (за исключением большей части помещичье-буржуазных группировок австрийских немцев) выражали горячее сочувствие Франции и французскому народу. Но чешская буржуазная оппозиция по ряду причин, связанных с ее национально-политической борьбой в то время, решилась на открытое, мы бы сказали, официальное выступление.

Речь идет о меморандуме чешских политических деятелей от 8 декабря 1870 г., посланном канцлеру Бейсту для передачи императору Францу-Иосифу. В нем выражалась полная поддержка борющейся Франции, протест против намечающейся аннексии Эльзаса и Лотарингии. Указывалось на ту угрозу, которую представляет собой для всех народов континентальной Европы и для славян в особенности создание мощной Германской империи.

Одно положение меморандума (в котором Бейст увидел центр тяжести всего меморандума и, как нам кажется, благодаря которому меморандум привлек такое внимание русской прессы) касалось России. Это было изъявление полного одобрения по поводу решения царского правительства об отмене нейтрализации Черного моря.

Русская пресса, кроме официальной, в большей или меньшей степени откликнулась на меморандум, и тут одно из первых мест занимает «Голос». Опубликованы его содержание и ответ Бейста лидеру чешской оппозиции Ригеру в связи с отклонением меморандума. В течение месяца «Голос» напоминал своим читателям о «мужественном акте» чешских политиков[28]. Ответ Бейста всячески комментировался, иногда в очень резком тоне. Особенно в этом смысле характерны высказывания передовой «Голоса» от 8 декабря 1870 г. В той же передовой заметно стремление перенести центр тяжести с депеши Горчакова на внутренние дела в самой габсбургской монархии, ибо они, а совсем не черноморская проблема, являются, по мнению газеты, сущностью меморандума.

[28] «Голос», 5, 6, 9—12, 18 декабря 1870 г.

Интересно также, что «Голос» объясняет бурную реакцию Бейста переориентировкой внешнеполитического курса дунайской монархии на Восток[29].

Почти одновременно с этим в другой славянской земле австрийской половины монархии имело место событие, которое тоже как-то связывалось «Голосом» с меморандумом. Это съезд представителей словенцев, хорватов и сербов, состоявшийся в Любляне в начале декабря 1870 г. В резолюции, принятой на съезде, нет внешнеполитических моментов. Все вопросы касаются объединительных усилий южных славян габсбургской монархии. «Голос» очень бегло освещает люблянский съезд[30].

Для нас же интересно то, что газета как-то связывает чешский меморандум и южнославянский съезд, исходя из того, что они происходили почти в одно и то же время. «Голос» считает их реакцией славян на образование Германской империи, видит в них признаки намечающегося единства действий. Объединению немцев должно противостоять объединение славян — эта мысль подчеркивалась не раз, особенно в январском «Славянском обозрении»[31].

«Санкт-Петербургские ведомости»[32] — популярный орган либералов столицы — в отношении к образованию Германской империи в известной мере отличались от «Голоса»[33].

В газете вообще национальным проблемам уделялось относительно немного внимания, акцент делался на социально-экономических вопросах.

Здесь незаметны столь характерные для «Голоса» русификаторские тенденции в отношении национальных меньшинств и заострение интереса к славянам и к «славянскому» вопросу. Наоборот, в отличие от «Голоса» — резко отрицательное отношение к панславистским планам, к катковской прессе[34].

Поэтому славянские проблемы освещаются в «Санкт-Петербургских ведомостях» по-иному и значительно более скупо, чем в «Голосе».

[29] «Голос», 9 и 10 декабря 1870 г.

[30] «Голос», 2, 6 и 9 декабря 1870 г. (Новости заграничные).

[31] «Голос», 12 января 1871 г.; см. также: «Голос», 9 декабря 1870 г. (Новости заграничные).

[32] Газета «Санкт-Петербургские ведомости» выходила в Петербурге с 1728 г. В 1863—1874 гг. при арендаторе-редакторе Е. Ф. Корше — один из наиболее либеральных органов печати, среди авторов — литераторы и ученые демократического лагеря.

[33] На страницах газеты можно найти иронические и подчас злые высказывания в адрес «Голоса». Например: «Кроме «Голоса», всем хорошо известно, что свобода высказывать свои мнения — первое дело» («Санкт-Петербургские ведомости», 20 декабря 1870 г. Недельные очерки и картинки).

[34] «Санкт-Петербургские ведомости», 6 декабря 1870 г. (Недельные очерки и картинки); 9 декабря 1870 г. (Журналистика).

Корреспонденции «Санкт-Петербургских ведомостей» по вопросу образования Германской империи имеют иной тон, чем сообщения «Голоса».

Стоит привести характерную для газеты выдержку: «Ближайшая всем понятная и сочувственная задача, с которой шла на эту войну Германия, была разрешена ею при Седане. С тех пор тянется изо дня в день томительное для всей Европы взаимное истребление двух национальностей, которому не предвидится конца... Германия обращается в военный стан, где нет более места свободе и спокойствию мысли»[35].

«Санкт-Петербургские ведомости» не поднимают вопроса о перспективах развития монархии Габсбургов и ее славянского населения. Но сочувствие и симпатии газеты совершенно очевидны. Она пишет главным образом о чехах[36], приветствует выдвигаемую последними программу федерализации Австрии.

На появление чешского меморандума газета прореагировала активно: напечатала выдержки из него и посвятила ему передовую[37]. Был также напечатан ответ Бейста, но почти без комментариев[38].

Газета положительно оценила меморандум, «простой, но красноречивый в своей безыскусственности протест», чехи вправе, по мнению газеты, требовать национального равноправия в «таком мозаичном государстве, как Австрия»[39].

Еще меньше материала по нашей проблеме в газете московских либералов «Русские ведомости»[40]. Эту газету тогда больше волновали внутриполитические события в самой России. Созданию Германской империи и славянам уделяется немного внимания, да и сам публикуемый материал часто мало интересен.

В одной из августовских корреспонденций ставится вопрос о том, что объединение и усиление немцев будет создавать угрозу для славян, особенно западных. Противопоставить этому можно, по мнению автора, сплочение славян, но «вопрос о славянской

[35] «Санкт-Петербургские ведомости», 9 декабря 1870 г. (Внешние известия).

[36] Помимо отдельных сообщений в рубрике «Внешние известия» встречаются также большие корреспонденции, например «Поездка в Прагу» («Санкт-Петербургские ведомости», 30 декабря 1870 г.).

[37] Там же, 5 декабря 1870 г.

[38] Там же, 8 декабря 1870 г.

[39] «Общие начала, поставленные в чешском меморандуме, безусловно верны и во всяком случае свидетельствуют о здравых политических взглядах вождей чешского народа» («Санкт-Петербургские ведомости», 5 декабря 1870 г.).

[40] «Русские ведомости», общественно-политическая газета, выходила в Москве с 1863 по 1918 г.; в скором времени газета сделалась органом либеральной профессуры и земских деятелей, противостоящим реакционным «Московским ведомостям». В «Русских ведомостях» в разное время сотрудничали Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие деятели демократического лагеря.

взаимности, об общей связи между всеми славянами еще не вполне выяснен и не согласован с местными стремлениями»[41].

В одной передовой[42], рассматривающей австро-русские отношения, среди прочих вопросов уделяется внимание внутриполитическому положению в монархии Габсбургов, где царит «совершенный хаос... совершенное бессилие справиться со своими домашними делами».

«Русские ведомости» опубликовали[43] текст чешского меморандума, но особого внимания ему не уделили. В передовой статье комментируется ответ Бейста[44] (что говорит о запоздании реакции на факт представления меморандума) да в одной из корреспонденций из Пешта[45] есть намек на меморандум в связи с рассуждениями корреспондента об усилении влияния русских на славян Австрии.

Другую линию русской общественной мысли по данному вопросу выражала прогрессивная пресса. К сожалению, материала здесь немного, но он красноречиво показывает, как правильно передовые люди России оценивали происходящие события, с какой симпатией они относились к национальной борьбе славянства Австрии.

Важным органом русской демократической печати на рубеже 60-х и 70-х годов XIX в. был журнал «Дело»[46].

Хотя содержание журнала из-за цензуры ограничивалось в основном вопросами науки и литературы, тем не менее на его страницах находили отражение актуальные вопросы современной общественно-политической жизни. В разделе «Современное обозрение», в котором отводилось место публицистике и литературной критике, имеется хотя и небольшой, но очень интересный материал, характеризующий позицию русских демократов по интересующим нас вопросам.

В большой статье «Немцы мысли и немцы дела» в ноябре 1870 г. Н. В. Шелгунов выступил по вопросу создания единой Германии[47]. С большим уважением говоря о немецкой науке и литературе XVIII—XIX вв., он с сожалением констатирует, что хотя «передовые немцы мечтают о скором разрешении вопроса

[41] «Русские ведомости», 8 августа 1870 г. (С берегов Дуная).
[42] Там же, 14 июля 1870 г.
[43] Там же, 13 декабря 1870 г. (Иностранные известия).
[44] Там же, 16 декабря 1870 г.
[45] Там же.
[46] «Дело» — литературно-политический ежемесячный журнал, издававшийся в 1866—1888 гг. в Петербурге. До 1880 г. фактическим редактором был Г. Е. Благосветлов, бывший редактор «Русского слова», закрытого в 1866 г. по распоряжению правительства. «Дело» — один из наиболее прогрессивных журналов того времени, жестоко преследовавшийся царской цензурой. Наибольшим репрессиям подвергались статьи видного революционного публициста Н. В. Шелгунова.
[47] «Дело», 1870, № 11, стр. 1—40.

о свободе...», объединение происходит «со старой тевтонской грубостью»[48]. Считая объединение Германии «как до Седана, так и после Седана — справедливым, необходимым и желательным»[49], Шелгунов вместе с тем, и это очень важно, обращает внимание читателя на то, что это положительное явление имеет и отрицательную сторону, таит в себе угрозу для мира в Европе. «Итак, Германия заключает в себе очень много данных, чтобы Европе смотреть с тревогой на свое будущее»[50].

Он предвидит, что взоры Бисмарка и других руководителей новой Германии устремятся прежде всего к Австро-Венгрии. Шелгунов ставит вопрос о необходимости преодоления разобщенности славян, о необходимости объединения[51].

Примерно через год, когда чешско-немецкие противоречия там достигли апогея, политика Гогенварта и судьба чешской буржуазной оппозиции стали предметом пристального внимания русской прессы.

«Дело» считает федерацию единственной государственной формой, которая может вывести из кризиса распадающуюся габсбургскую монархию: в этом смысле журнал одобряет планы чешской буржуазной оппозиции[52]. Вместе с тем Шелгунов подчеркивает, что попытка Гогенварта договориться с чехами явилась толчком для сплочения австрийских немцев с немцами Германской империи и показала, какое место Чехия занимает в планах не только Австро-Венгрии, но и Германии[53].

Чехия, как указывает дальше «Дело», первая из всех славянских земель может стать добычей Германии[54].

Единственным выходом для австрийских славян, по мнению Шелгунова, является сплочение на основе федерации. Они должны сплотиться и действовать вместе с чехами. Славяне Австрии, по словам Шелгунова, составляют «весьма почтенную силу, которая, опираясь на поддержку со стороны России и Франции, будет в состоянии противиться централизаторским стремлениям Германии и поддерживать свою национальную

[48] «Дело», 1870, № 11, стр. 38, 40.
[49] «Дело», 1871, № 9, стр. 47 (*Н. Ш.* Политическая и общественная хроника).
[50] «Дело», 1870, № 11, стр. 39.
[51] Там же, стр. 11, 39.
[52] *Ж. Лефрен* (псевдоним сотрудничавшего тогда в «Деле» Эли Реклю, брата известного французского географа и социолога). Политическая и общественная хроника («Дело», 1870, № 5, стр. 94). Здесь же высказывается мысль, что либерализм, «широким взмахом» которого австрийское правительство в то время удивило весь мир (речь идет о ряде буржуазных реформ, проводившихся с 1868 г. в Австрии.— *Н. Р.*), оказался «полезен разве для одних австрийских немцев и не совсем удобен для прочих национальностей, составляющих австрийскую империю».
[53] «Дело», 1871, № 9, стр. 47. (*Н. Ш.* Политическая и общественная хроника).
[54] «Дело», 1871, № 10, стр. 53—58 (Политическая и общественная хроника).

обособленность»[55]. Таким образом, здесь уже ставится вопрос о союзниках и намечаются ориентиры будущей политической линии.

На страницах «Дела» очень резкой критике подвергались планы русских панславистов. В очень злой, граничащей с сатирой рецензии на книгу Данилевского «Россия и Европа»[56] отмечалось, что «военные успехи Пруссии и образование империи еще более возбудили панславистскую мечту»[57]. Автор рецензии высказывает сомнение в том, захотят ли сами славяне «осуществления этих панславистских иллюзий»[58].

Полное несогласие с политическими концепциями панславистов не означало, что «Дело» выступает вообще против единства действий славянских народов. Нет, напротив, оно также призывает к единству, но на принципиально другой основе[59]. Это различие обнаруживает совершенно иное, принципиально отличное даже от умеренных либералов понимание «славянского вопроса» русской прогрессивной общественностью.

В «Отечественных записках»[60], самом популярном тогда среди прогрессивной демократической общественности журнале, в 1871 г. были опубликованы две большие статьи (без подписи), посвященные Дунайской монархии и славянским народам, ее населяющим[61]. Опубликование этих статей, без сомнения, было тесно связано с обострением национально-политической борьбы в Чехии, о которой говорилось выше. Основные положения статей близки позиции журнала «Дело». «Отечественные записки», может быть, в более резкой форме писали о «милитаристском» характере вновь созданной империи[62], больше останавливались на опасности германизации, которая, как они подчеркивали,

[55] «Дело», 1871, № 9, стр. 48 (*Н. Ш.* Политическая и общественная хроника).

[56] «Дело», 1871, № 4, стр. 99—106 (Новые книги: *Н. Я. Данилевский.* Россия и Европа. СПб., 1871).

[57] Там же, стр. 104.

[58] Не говоря уже о поляках, и чехи в лице их политических представителей Палацкого и Ригера, «всегда были против политического объединения славян в той форме, в какой оно обыкновенно проектируется нашими панславистами» (Там же, стр. 104—105).

[59] Характерно, что примером для австрийских славян, по мнению газеты, должна служить Швейцария («Дело», 1871, № 10, стр. 54).

[60] «Отечественные записки», 1839—1884 гг., ежемесячный журнал, сначала учено-литературный, с 1859 г.— учено-литературный и политический. Издатель А. А. Краевский. С 1868 г. журнал у Краевского взяли в аренду и фактически редактировали Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев. «Отечественные записки» являлись одним из наиболее влиятельных русских прогрессивных общественно-литературных журналов XIX в.

[61] «Отечественные записки», 1871, № 4, стр. 346—384 (Австрия); Там же, № 6, стр. 356—406; № 7, стр. 121—164 (Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста).

[62] «Отечественные записки», 1871, № 6, стр. 357.

угрожала всем славянам Австрии и в первую очередь чехам[63]. Спасение от захвата Германией австрийской половины монархии Габсбургов «Отечественные записки» видели в превращении Австрии в федеративное государство. Эта федерация должна была быть прежде всего свободной демократической федерацией, основанной на национальном равноправии. Примером подобного государственного образования «Отечественные записки», как и «Дело», считали Швейцарию. Всячески подчеркивалась мысль, что решение национального вопроса неотделимо от решения вопроса о демократии, свободе и прогрессе[64].

«Отечественные записки», как и «Дело», ведут острую полемику с русским реакционным лагерем панславистского и славянофильского толка в решении «славянского вопроса». Критика этих течений, зачастую просто осмеивание их планов, содержится в упомянутых статьях, а также в написанной в очень саркастическом тоне рецензии на брошюру известного генерала Фадеева[65].

В «Неделе»[66], газете, отражающей взгляды русской прогрессивной общественности, по интересующим нас вопросам писали очень немного.

«Неделя» с полным пониманием и сочувствием относилась к национально-политической борьбе чешского народа. Она всячески подчеркивала либерализм чешской оппозиции, по ее мнению, проявившийся в нескрываемой симпатии и поддержке республиканской Франции. Она даже преувеличивала «республиканские тенденции» чешских буржуазных политических деятелей как в то время, так и в оценке их позиции в 1848 г.[67]

Говоря о меморандуме чешских политических деятелей, «Неделя» прежде всего подчеркивала, что он проникнут действительно либеральным духом, а ответ на него канцлера Бейста

[63] «Отечественные записки», 1871, № 6, стр. 405 («Чехам в случае их поглощения Германией грозит судьба поляков Познани»).

[64] «Отечественные записки», 1871, № 4, стр. 349—350; № 6, стр. 369, 395. Только демократическая федерация может спасти славян, «а в Австрии нет даже правильной и разумной системы избирательства» (стр. 405).

[65] «Отечественные записки», 1870, № 5, стр. 61 (Мнение о восточном вопросе); см. также: «Отечественные записки», 1871, № 6, стр. 395, 403.

[66] «Неделя» — литературно-политическая еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге в 1866—1901 гг. В «Неделе» в 60-х — начале 70-х годов сотрудничали многие литераторы закрытых ранее журналов «Современник» и «Русское слово» (Н. А. Демерт, Н. С. и В. С. Курочкины, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, П. А. Гайдебуров и др.). До середины 70-х годов направление газеты было демократическим. С переходом «Недели» в ведение Гайдебурова (с осени 1870 г.— фактически, с 1876 г.— официально) «Неделя» постепенно превратилась в либерально-народнический орган.

[67] «Неделя», 1 ноября 1870 г., № 43—44, стр. 1424—1425 (Политическая хроника). Автор обращает внимание на то, «что те же республиканские тенденции и симпатии начинают проявляться среди рабочих, и немецких в том числе, во всех больших городах Австрии».

показывает, что «в Бейсте живет еще тот деспотический дух старой реакционной Австрии, та самая государственная теория, которая так часто злоупотребляла у нас в России словом «государственная измена»[68].

На страницах «Недели» мы находим резкую критику панславистской пропаганды. В статье «Вопрос национальностей в политике» разоблачалось лицемерие Каткова и ему подобных. «Между тем как в отношении славян, подпавших иноплеменному владычеству, у них нет достаточно слез, чтобы оплакивать угнетение чехов или сербов, нет достаточно громов против Австрии и Турции,— во внутренних вопросах они являются самыми ревностными отрицателями тех принципов, во имя которых они ратуют за славян, самыми сильными тормозами к развитию начал свободы и прогресса в пределах нашего отечества»[69].

Итак, в отношении перспектив национально-политического развития славянских народов Австрии все направления русской прессы начала 1870-х годов одобряли программу федеративного переустройства Австрии, выдвинутую славянскими буржуазными лидерами. Однако это единство позиций было лишь кажущимся. В то время как демократическая печать делала основной акцент на демократические принципы, которые должны были лечь в основу свободной федерации равноправных народов, на социальной проблематике, считая важнейшим осуществление принципов демократии, свободы и прогресса, для либералов «Голоса» основным был так называемый национальный вопрос, толкуемый с позиций общеславянского «племенного» единства, а федерация понималась лишь как первый этап будущего славянского объединения под эгидой царизма.

Равным образом русской демократической печати был чужд дух антигерманизма, которым была проникнута печать реакционного и либерального толка. «Дело» приветствовало отвечавшее интересам прогрессивного развития немецкого народа преодоление наследия феодальной раздробленности, но обоснованно отмечало, что методы, которыми было достигнуто объединение Германии, и те силы, которые стали в ней господствующими, опасны для будущего Европы и самого немецкого народа. Острая критика великогерманского шовинизма и милитаризма, продолженная вскоре Щедриным на страницах «Отечественных записок» и в его книге «За рубежом», не имела ничего общего с антибисмарковскими тирадами «Голоса» и подобных ему «радетелей» за интересы славянства. Русская демократическая печать 70-х годов и в проблематике, относящейся к славянам Австрийской монархии, достойно продолжала традиции, заложенные «Современником» Чернышевского.

[68] «Неделя», 13 декабря 1870, № 50, стр. 1666 (Политическая хроника).
[69] «Неделя», 27 декабря 1871, № 52, стр. 842.

Н. И. ХИТРОВА

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ЧЕРНОГОРИЯ В 60—70-е ГОДЫ XIX в.

Вопрос о развитии общественно-политических и культурных связей России с Черногорией рассматривался в некоторых трудах по черногорской истории и в исследованиях, посвященных русско-балканским связям [1]. Конкретному изучению этого вопроса посвящено также несколько работ [2].

В своем докладе автор поставил задачей показать отношение русского общества к Черногории в тот период, когда она играла видную роль в борьбе славян против турецкого господства на Балканах, что в свою очередь вызывало повышенный интерес к ней русской общественности (черногоро-турецкая война 1862 г. и Восточный кризис 1875—1878 гг.).

Россия установила с Черногорией политические связи в 1711 г. В XIX в. Черногория стала занимать значительное место в восточной политике русского правительства, которое стремилось использовать ее для укрепления своего влияния на Балканах. Положительным результатом этой политики была материальная и дипломатическая помощь, оказываемая Россией черногорскому народу. Дипломатическая поддержка России имела большое значение в деле защиты независимости Черногории, а за счет русских субсидий черногорское правительство покрывало значительную часть расходов на государственные нужды и в первую очередь — на оборону.

Черногорцы испытывали большой недостаток в денежных средствах и для развития просвещения. В 1833 г. в Цетинье была открыта при поддержке России первая светская начальная школа и вслед за ней типография (1834 г.). Однако Черногория все еще не имела ни одного среднего учебного заведения, не говоря

[1] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем, т. I, СПб., 1879; *С. А. Никитин.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970.

[2] *М. Драговић.* 1711—1911 (200 лет отношений между Россией и Черногорией). Цетиње, 1911; *И. Ю.* Россия и Черногория со времен императора Петра I. СПб., 1883; *П. Ровинский.* Двухсотлетие отношений России с Черногорией (1711—1911). «Журнал министерства народного просвещения», 1912, XLI, № 9, отд. 4; *Н. Л. Ширяев.* Россия и Черногория. Исторический очерк. 1485—1889. СПб., 1889; *Н. И. Хитрова.* Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX в.). «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957.

уже о высших. В 40-е годы в стране было всего шесть начальных школ. Образованных людей насчитывались единицы.

В 1837 г. русское правительство увеличило размер денежной субсидии Черногории до 23 тыс. руб., что составило почти две трети доходов ее бюджета. Из России были направлены учебники и книги для черногорских школ и церковная утварь. Такие эпизодические отправки делались обычно через русский синод.

Однако русская помощь лишь частично удовлетворяла государственные нужды. Черногорцы постоянно вели с Турцией борьбу за признание независимости и не имели условий для мирной жизни. После турецкого нападения в 1852 г. они были вынуждены переплавить на пули даже типографский шрифт.

В 1853 г. в ответ на просьбу о помощи черногорского князя Данилы русское правительство выразило готовность принять на казенный счет в русские учебные заведения пять черногорцев и в дальнейшем предоставлять возможность получать образование ежегодно трем человекам. В 1855 г. из Черногории в Россию для получения образования было направлено пять юношей, при этом князем было выражено пожелание, чтобы двух из них поместили в военное, одного — в инженерное, а остальных — в духовные учреждения [3].

В последующие годы отношения между Россией и Черногорией еще более укрепились. Среди русского общества наиболее тесные связи с ней установили славянофилы, которые объединяли в своих рядах представителей буржуазно-помещичьего класса, придерживавшихся умеренно либеральных взглядов. Славянофилы сыграли большую роль в укреплении русско-славянских связей, выступив в поддержку славянского национально-освободительного движения и оказав помощь культурному развитию славянских народов.

Созданный славянофилами в 1858 г. Московский славянский благотворительный комитет поставил своей основной задачей оказание помощи культурному развитию славянских народов [4]. Комитет стал заниматься учебно-благотворительной и церковно-просветительской деятельностью среди славян. Он содержал на средства благотворителей и за счет пособий от министерства народного просвещения славянских юношей, обучавшихся в русских учебных заведениях. В первое пятилетие комитет обратил свои заботы преимущественно на болгар [5], но и некоторым чер-

[3] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Славянский стол, 1855 г., д. 4177, лл. 1, 5—6 об., 11, 14—15.

[4] *С. А. Никитин.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, стр. 94.

[5] «Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве». I. «Первое пятилетие (1858—1862)». М., 1871, стр. 5, 120.

ногорским юношам, обучавшимся в России, также была оказана денежная поддержка [6].

Славянофилы ожидали обострения национально-освободительной борьбы на Балканах и освобождения славян от турецкого гнета. Председатель Московского комитета И. С. Аксаков в конце 50-х годов XIX в. собирался даже ехать на Балканы, чтобы принять непосредственное участие в борьбе герцеговинцев и боснийцев против турок, но его отговорили единомышленники [7].

В 1860 г. Аксаков совершил поездку в Вену и по Балканскому полуострову, во время которой он побывал также в Черногории. Свои впечатления от посещения Черногории он опубликовал позже в газете «День», которая стала выходить под его редакцией в октябре 1861 г. [8] Поскольку Аксаков являлся одним из идеологов славянофильства, то рассмотрим несколько подробнее его высказывания по черногорскому вопросу.

Аксаков высоко оценил роль Черногории в славянском национально-освободительном движении. Борьбу черногорского народа с Турцией он охарактеризовал как «четырехвековой протест всего славянского племени против мусульманской тирании в христианской Европе». Он называл Черногорию «убежищем непокоренных славян» и «вольным военным станом, мстителем славянских обид, аванпостом славянской свободы» [9].

С большой симпатией Аксаков отзывался о черногорцах, как о свободолюбивом и мужественном народе. Он считал, что в географическом отношении, кроме некоторых округов, Черногория представляла груду «неприступных голых утесов», куда под натиском турецкого нашествия бежало православное население, положив, таким образом, начало созданию «гнезда независимого славянства» [10]. Уже в этом есть доля примитивности. Этот примитивизм автора в изображении жизни и быта черногорцев создал представление у сербского демократа Живоина Жуёвича, что Аксаков считал черногорцев неспособными к государственному строю [11].

Идеолог славянофильства, придерживавшийся идеалистических взглядов в социологии, с подобных же позиций подошел к

[6] Ф. Ябучанину, Р. Поповичу, а в 70-е годы — Д. Анжусу, М. Врбице, И. Кнежевичу, С. Радоничу, И. Поповичу и др. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 1750, д. 67, лл. 21—21 об.; Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, (далее — ОРГБЛ), ф. 239, п. 2, № 2; п. 4, № 16; п. 16, № 34; п. 17, № 10.

[7] *С. А. Никитин.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в., стр. 213—214.

[8] Там же, стр. 214—216; *Б. П. Козьмин.* Журналистика шестидесятых годов XIX в. М., 1948, стр. 60.

[9] «День», 13 октября 1862 г.

[10] Там же.

[11] «Современник», 1863, т. XCVI, № 6, отд. II, стр. 266, 267.

рассмотрению черногорского общества и его истории. Его не только привели в восторг сохранившиеся в Черногории патриархальные пережитки, но он также непомерно преувеличил их значение в общественно-политической жизни. Так, у Аксакова возникло представление о Черногории, как о бесклассовом обществе, названном им «военным лагерем», в котором все воины равны. Поэтому он сделал и ошибочный вывод, что в Черногории нельзя установить правильного гражданского порядка, так как в ней отсутствовали условия для мирной жизни, а борьба с Турцией требовала сохранения «лагерного стана» во главе с духовным и военным предводителем. По его мнению, Данило, провозгласив в 1852 г. Черногорию княжеством, тем самым ослабил ее военный потенциал, так как вследствие бедности природных ресурсов страна была не в состоянии прокормить население и содержать свой государственный аппарат. Лишь в качестве «военного стана» Черногория могла противостоять Турции. В подтверждение этого заключения Аксаков восклицал: «Разгоните стан — он соберется вновь; а государству такого размера, как черногорское, потерпев поражение, трудно подняться. Стан может прятаться в ущельях и на утесах, а государству, заразившемуся притязаниями на внешний порядок, оставаться там невозможно» [12].

На основе вышеуказанных доводов Аксаков приходит к утверждению, что Черногории необходимо сначала освободиться от угрозы турецкой экспансии, а затем приступить к созданию государственного аппарата [13]. При этом он не учитывал того обстоятельства, что укрепление централизованной власти было необходимо Черногории для достижения ее окончательного освобождения от притязаний Турции.

В идеалистической схеме, примененной Аксаковым к черногорскому обществу, было рациональное зерно — это критика бюрократического управления установившегося в Черногории деспотического режима [14].

Таким образом, Аксаков выступал не против Черногории как государства, а ошибочно считал, что сохранение патриархального строя поможет черногорцам в борьбе с Турцией за достижение их требований. На страницах газеты «День» он высказывал пожелание, чтобы черногорский князь стал во главе всеобщего славянского восстания [15]. При этом Аксаков считал, что после территориального расширения Черногория, став государством в полном смысле слова, сможет поставить задачу объединения всех сербских земель [16].

[12] «День», 13 октября 1862 г.
[13] Там же.
[14] «День», 23 октября и 3 ноября 1862 г.
[15] «День», 2 июня и 23 октября 1862 г.
[16] «День», 23 октября 1862 г.

Путь решения югославянского вопроса на Балканах, предложенный славянофилами (словами их идеолога), был очень схож с политической программой, высказанной несколько позже лидером сербских либералов Владимиром Йовановичем, с той лишь разницей, что последний предназначал освободительную миссию сербской монархии [17]. Как славянофилы, так и сербские либералы не касались вопроса социальных преобразований. Обоим им диаметрально противостояла позиция, которую занимали в славянском вопросе демократы.

В России не одни славянофилы сочувствовали славянам. В начале 60-х годов русская прогрессивная общественность особенно интересовалась событиями в Италии в связи с ее борьбой за освобождение и объединение, а также судьбами славян, в числе которых не последнее место отводилось Черногории. Хотя в пореформенный период все усилия демократических кругов русского общества были поглощены борьбой за разрешение аграрного вопроса и в первую очередь — за отмену крепостного права, русские революционные демократы внимательно следили за развитием славянского национально-освободительного движения.

Большой интерес к славянскому вопросу проявлял А. И. Герцен, который являлся сторонником тесного единства балканских славян. Вместе с тем он выделял роль русского народа в будущей судьбе славянского мира. При этом Герцен указывал на историческую миссию России, которая, по его мнению, как самое могущественное славянское государство должна освободить славянские народы. Однако в отличие от славянофилов, связывавших освобождение славян с русским самодержавием, решение славянского вопроса он рассматривал в тесной связи с освободительной борьбой русского народа [18].

В издававшейся Герценом газете «Колокол» в первое время не было помещено никакой информации о Черногории. Впоследствии он объяснил свое молчание тем, что ему было нечего высказывать, кроме «искренней братской любви», а говорить об одной любви ему не хотелось.

В 1860 г. Герцен опубликовал в газете статью под названием «Сербы и черногорцы» [19]. Появление этой статьи было вызвано состоявшейся в Варшаве 22 октября того же года встречей трех монархов: русского, австрийского и прусского, которая вызвала у него опасение восстановления «смердящего в гробе священного союза, этого источника смерти для всего стремящегося к незави-

[17] *Vl. Iovanovics.* Les Serbes et la mission de la Serbie dans l'Europe d'Orient. Paris, 1870.

[18] *А. И. Герцен.* Русский народ и социализм. Избранные философские произведения, т. II. М., 1948, стр. 140—143.

[19] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. XIV (Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов). М., 1958, стр. 330—334.

симости». Герцена волновала судьба славян, поэтому в период ожидавшегося в начале 60-х годов XIX в. подъема национально-освободительного движения на Балканах он обратился к сербам и черногорцам [20].

Герцен подверг критике позицию венского кабинета и царизма в восточном вопросе. Ввиду наметившегося сближения между Россией и Австрией он стремился предостеречь сербов и черногорцев от надежд на австрийское и царское правительства. Герцен советовал славянам не доверять царизму, так как «петербургская дружба стоит турецкой вражды и австрийского коварства, только гораздо опаснее, потому что в нее верят» [21]. По его мнению, царская Россия при существовавшей системе правления, где отсутствовала даже какая-либо видимость свободы, не могла выступить в роли освободительницы народов.

Вместе с тем Герцен провел резкую грань между тираническим самодержавием и русским свободолюбивым народом. Он указал сербам и черногорцам, что пора им убедиться в том, что «в России нет ничего меньше русского, меньше славянского, как правительство. Зимний дворец — это какая-то немецкая слобода на Неве» [22].

На чью помощь должны были рассчитывать славяне? Во-первых, Герцен советовал пришедшему к власти в Черногории молодому князю Николаю проявить больше самостоятельности. Во-вторых, Герцен, поставив грань между двумя Россиями, предложил сербам и черногорцам поддержку русских революционных сил. Он писал: «Нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством... По счастью, Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург. Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет...

Другая Россия приветствует Вас своими братьями, протягивает Вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с Анной на шее...» [23]

Но как установить связь с революционной Россией? На этот вопрос по конспиративным причинам он не мог дать ответа. На первый случай в качестве связующего момента он предложил свой заграничный орган. По его утверждению, «Колокол», хотя и был слишком слаб, «чтоб служить мостом для легионов», но мог явиться «доской, брошенной через овраг, на которой могут встре-

[20] Нам неизвестна реакция на эту статью в Черногории. Удалось лишь установить, что об обращении Герцена знали сербские официальные круги, о чем свидетельствует хранящийся в рукописи перевод статьи на сербский язык в фонде бывшего премьер-министра Сербии Ильи Гарашанина. Архив НР Србије, ф. И. Г., д. 1135.

[21] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. XIV, стр. 331.

[22] Там же.

[23] Там же, стр. 331, 333.

титься два брата, потолковать о своих делах и пожать друг другу руки»[24].

Однако в Черногории при ее экономической отсталости с наличием патриархальных пережитков и слабой классовой дифференциацией еще не были созданы условия для возникновения демократических сил, которые смогли бы установить связь с русским революционным движением, как это предлагал Герцен.

Н. Г. Чернышевский как глава русской революционной демократии не мог оставить вне поля зрения борьбу славян за свое освобождение, поскольку это был вопрос, волновавший все русское общество. Он хорошо знал славянские языки, опубликовал ряд исследований по славянской филологии, выступив, таким образом, и в роли слависта. Чернышевского очень интересовали все стороны жизни славянских народов, в особенности развитие их национально-освободительного движения. Славянской проблеме он посвятил ряд статей в редактируемом им журнале «Современник» и, кроме того, выступал по этому вопросу в политических обзорах и рецензиях[25].

В 1854 г. через два года после нападения на Черногорию турецких войск, возглавляемых Омер-пашой, Чернышевский поместил в «Современнике» статью Е. П. Ковалевского «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события»[26]. В опубликованном им в «Отечественных записках» обзоре журналистики за 1854 г. он охарактеризовал вышеуказанную работу как лучшую из оригинальных статей «Современника». Чернышевский высоко оценил значение борьбы Черногории с Турцией, указав на то, что «геройское мужество черногорцев, которое в последнюю войну их с Омер-пашою проявилось едва ли не с большим блеском, нежели когда-нибудь, придает важность ничтожному клочку бесплодной земли, населенной горстью людей». Он также отметил, что во время войны с Турцией Черногория привлекла всеобщее внимание[27].

Восстание, возникшее в начале 1861 г. в южной Герцеговине и последовавшая вскоре черногоро-турецкая война 1862 г., снова усилили интерес русского общества к Черногории. По поводу этого в политическом обзоре «Современника» указывалось: «В нашей литературе выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу. Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания»[28].

[24] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. XIV, стр. 333—334.
[25] *Л. Ерихонов.* Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в. М., 1950, стр. 38, 39.
[26] «Современник», 1854, т. XLI, № 6, стр. 55—84.
[27] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. XVI. М., 1953, стр. 47.
[28] «Современник», 1861, т. LXXXVI, № 3, отд. II, стр. 2.

В это время Чернышевским была опубликована статья «Народная бестолковость», в которой он подверг критике панславистские взгляды, развивавшиеся славянофилами на страницах газеты «День», в особенности их концепцию поглощения славянских народов Россией, навязывания им русского языка и православной веры. В ответ на громкие фразы славянофилов о любви к славянам Чернышевский заявил, что он не меньше их сочувствует славянским народам.

Одновременно с разоблачением панславизма русский демократ поднял вопрос о праве славянских народов самим решать свою судьбу, выразив при этом уверенность в силу народных масс. Чернышевский считал, что только сами народы могут завоевать свободу путем упорной революционной борьбы. Он говорил, что славяне для своего освобождения от турецкого гнета не нуждаются в чьей-либо посторонней помощи, а им нужна только уверенность, что другие державы не будут препятствовать их борьбе. «Ведь турок в Европе только два миллиона, а славян — семь или восемь миллионов. Неужели не могли бы они справиться с турками?» [29]

Совершенно справедливо разоблачая внешнеполитические устремления царизма и его надежды на захват проливов, Чернышевский вместе с тем совсем сбросил со счета завоевательные планы Англии и Франции в восточной политике. Он ошибочно считал, что поддержка, оказывавшаяся Турции со стороны этих великих держав, была вызвана только опасением проникновения России на Балканы. В связи с этим Чернышевский заявил славянофилам: «...турецкие славяне освободятся без всяких пособий от нас; своими чувствительными рассуждениями о призвании русского орла покрыть славянские племена могущественными крыльями вы положительно вредите освобождению турецких славян, возбуждая тревогу в западных державах» [30].

Чернышевский переоценивал также возможности славянских народов и преуменьшал слабость Турецкой империи, которая все еще сохраняла довольно прочные позиции на Балканах. В этом отношении Герцен, находясь в Европе, был более осведомлен во внешнеполитической обстановке и сумел сделать правильный вывод об объективно прогрессивной роли России в Восточном вопросе, несмотря на ее своекорыстные цели.

При условиях, сложившихся в то время на Балканах, славяне были вынуждены искать помощи вовне. Многовековое турецкое господство давило народные силы и препятствовало объединению и освобождению славян. Попытка Черногории оказать помощь герцеговинцам в их стремлении сбросить турецкое иго привела к тому, что в апреле 1862 г. Турция снова

[29] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 837—838.
[30] Там же, стр. 838.

обрушила против Черногории 50-тысячную армию под командованием Омер-паши. В продолжение первых четырех месяцев ценой нечеловеческих усилий черногорцы не только успешно сопротивлялись, но и нанесли ряд поражений туркам. Только за счет больших жертв турецкой армии удалось продвинуться в глубь страны.

Независимость Черногории оказалась под угрозой турецкого завоевания. Энергичное дипломатическое вмешательство России совместно с Францией прекратило турецкое наступление и принудило Порту отозвать войска из Черногории. Помимо дипломатической поддержки страна, поля которой были вытоптаны, а селения разрушены турецкой армией, нуждалась в денежной помощи. Многие семьи остались без крова, а неурожайный год сулил им голодную зиму.

Во время войны Черногории с Турцией русское общество отнеслось с горячим сочувствием к героической борьбе черногорцев. Значительную роль в пробуждении общественного мнения в России сыграла пресса, которая энергично выступила в поддержку Черногории. Русские газеты много места отводили черногорской информации.

Среди русских периодических изданий в 1862 г. журналы «Современник» и «Русское слово» являлись единственными органами демократической печати. Внимание революционных демократов было поглощено борьбой с царизмом. Все же «Русское слово» поместило небольшое сообщение о Черногории, где указывалось, что участие черногорских добровольцев в герцеговинском восстании было использовано Портой в качестве повода для объявления войны Черногории. Вместе с тем редакция выразила свое осуждение действиям «англо-австрийско-турецкой коалиции» [31].

Значительное место освещению черногоро-турецкой войны стала отводить славянофильская газета «День». Роль этой газеты в освещении борьбы герцеговинцев и черногорцев против турецкого господства впоследствии была отмечена «Современником» в статье «Славянский юг», автором которой являлся Ж. Жуёвич, выступивший под псевдонимом Ж. Склав [32]. Однако с 1 июня 1862 г. в связи с запрещением цензурой издания газеты «День» на три месяца славянофилы были лишены возможности освещать развитие событий в Черногории.

Вопрос о необходимости оказания денежной помощи Черногории первым в России подняли западники на страницах газеты «Современное слово». Однако нужно заметить, что в начале 60-х годов XIX в. старый спор славянофилов с западниками, который в 40-х годах потряс русское общество, утра-

[31] «Русское слово», 1862, кн. 4, апрель, стр. 27—28.
[32] «Современник», 1863, т. XCVI, № 6, стр. 259.

тил свою злободневность. К этому времени в России произошло изменение в расстановке общественно-политических сил. После отмены в 1861 г. крепостного права обнаружилось резкое размежевание между революционно-демократическим и либеральным лагерями. В буржуазно-помещичьем лагере произошло сближение западников и славянофилов, и все же газета «Современное слово», которая начала выходить в середине 1862 г. на базе органа военного министерства «Русский инвалид», в какой-то степени продолжила традиции западников, выступив за буржуазные преобразования в России. С приходом на должность редактора Н. Г. Писаревского эта газета, несмотря на свое официальное назначение, заняла видное место среди прогрессивных органов русской печати. В ее политических обозрениях значительное место отводилось освещению итальянского национально-освободительного движения, а по мере нарастания антитурецкого движения на Балканах редакция стала уделять внимание рассмотрению восточного вопроса и борьбе славянских народов против Турции. Издание «Современного слова» было прекращено правительством 2 июня 1863 г.[33]

После нападения турецкой армии на Черногорию в «Современном слове» было помещено несколько информаций, проникнутых чувством солидарности с черногорским народом. Автор статьи «Вторжение Турции в Черногорию» дал следующую оценку характеру этой войны: «...нынешняя война Порты с черногорцами имеет теперь, с одной стороны, значение чисто завоевательной, с другой стороны, смысл чисто оборонительной войны, борьбы за независимость родины»[34].

15 августа 1862 г. «Современное слово» опубликовало обращение к русскому обществу с призывом оказать денежную помощь черногорцам. В обращении говорилось о тяжелом положении черногорцев, о том, что все мужское население, включая даже пятнадцатилетних юношей, поднялось на защиту отечества, что посевы уничтожены нашествием турецкой армии и в ближайшем будущем населению угрожает голод. Обращение заканчивалось словами: «Неужели мы, которые столько твердим о нашем сочувствии к славянам, которые признаем справедливость их дела, останемся сложа руки и не пожертвуем для помощи им хоть малой лепты?»[35].

В дальнейшем в газете трижды публиковались сообщения о необходимости продолжения сбора денежных средств в пользу черногорцев. Для привлечения к участию в сборе пожертвований возможно большего числа представителей русского обще-

[33] «Русская периодическая печать (1702—1894)». Справочник. М., 1959, стр. 147, 430—431.
[34] «Современное слово», 10 августа 1862 г.
[35] «Современное слово», 15 августа 1862 г.

ства 18 августа 1862 г. редакция обратилась с призывом ко всем русским периодическим изданиям начать агитацию по сбору денежных средств в пользу Черногории.

Почин газеты «Современное слово» был принят с горячим сочувствием русскими читателями. Петербургская интеллигенция организовала литературно-музыкальный вечер, сбор с которого внесли в пользу черногорцев [36]. На призыв «Современного слова» откликнулась как правительственная пресса («Journal de St. Pétérbourg»), так и различные либерально-буржуазные органы («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русской вестник», «Русский мир», «Одесский вестник» и др.) [37].

Славянофилы опоздали с публикацией объявления о сборе средств в пользу черногорского народа из-за приостановки издания газеты «День». После возобновления издания (1 сентября 1862 г.) редакция обратилась к читателям с призывом о помощи Черногории, в котором указывалось, что черногорцы одни приняли на себя всю тяжесть убийственной кровопролитной войны с громадными оттоманскими полчищами и без всякой помощи совершают «истинно изумительные» подвиги мужества и терпения. «Если Россия,— говорилось в призыве,— по разным без всякого сомнения уважительным причинам не может помочь православным славянам непосредственным участием в борьбе, то пошлем им денежное пособие, в котором они так нуждаются» [38].

Редакция «Современного слова» не только выступила инициатором в кампании по сбору денежных средств в пользу Черногории, но поставила под сомнение помощь славянофилов славянам и подвергла критике их панславистскую теорию. После этого между западниками («Современное слово») и славянофилами («День») разгорелась острая полемика [39]. Славянофилов поддержал редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, в прошлом принадлежавший к либерально-западническому течению, но после аграрной реформы 1861 г. перешедший в лагерь реакции.

Во время этой полемики был поднят вопрос: какую помощь должно оказывать русское общество Черногории? «Современное слово» заявило, что до сих пор в России раздавались только пустые фразы о любви к славянам, в том числе и к черногорцам, с которыми у русских существовали тесные исторические

[36] «Современное слово», 19 августа 1862 г.

[37] См.: *Н. И. Хитрова.* Реакция русской прессы на черногоро-турецкую войну 1862 г. «Россия и славяне». М., 1972, стр. 131—133.

[38] «День», 1 сентября 1862 г.

[39] См. об этой полемике: *Н. И. Хитрова.* Реакция русской прессы на черногоро-турецкую войну 1862 г., стр. 130—137.

связи. Русское общество на деле ничем не проявило своего «хвалебного сочувствия» к Черногории, так как все ее содействие ограничивалось пожертвованиями нескольких благочестивых лиц на строительство церквей и подаяниями приезжавшим монахам. В связи с этим «Современное слово» критиковало славянофилов, поскольку они пользовались монополией на помощь славянам. Редакция газеты охарактеризовала их деятельность, как «демонстрацию на словах». Основываясь на вышеуказанном утверждении, она спрашивала: это ли было нужно целому народу, терпящему разорение за свою любовь к свободе отечества? Одновременно с критикой славянофилов «Современное слово» выступило с предложением об оказании славянам более значительной денежной поддержки [40].

В ответ на обвинение славянофилов в бездеятельности выступивший в их защиту Катков, а вслед за ним и сам Аксаков стали ссылаться на деятельность Московского славянского комитета и его помощь в развитии просвещения и обучения славян [41]. После этого редакция «Современного слова» сделала оговорку, что ее критика относится преимущественно к славянофилам, а не к Московскому комитету, который объединял также лиц, сочувствовавших освобождению славян. В то же время газета заявила славянофилам, что нельзя ограничивать помощь религиозной пропагандой и поддержкой православия (т. е. только «жертвовать колокола»), а необходимо оказывать непосредственную помощь черногорскому народу в его борьбе за независимость [42].

В полемике принял участие журнал «Время», по своему направлению тесно примыкавший к славянофилам. На его страницах была опубликована статья без подписи «Славянофилы, черногорцы и западники, самая последняя перепалка». В статье указывалось, что черногорцам необходимо помочь: «Делом нельзя, так хоть деньгами» [43]. В заключение автор делал вывод, что в славянских государствах возникают национальные силы, которым предстоит решить вопрос о национальном освобождении. Что же касается задач русского общества, то оно должно оказать посильную поддержку черногорцам в их борьбе за независимость, а не растрачивать силы в беспредметной полемике западничества со славянофильством [44].

Полемика и материалы, опубликованные в 1862 г. в русской прессе, способствовали пробуждению внимания русского общества к героической борьбе черногорского народа, которое внесло свою посильную лепту в поддержку их справедливого дела.

[40] «Современное слово», 15 августа 1862 г.
[41] «Современная летопись», 1862, № 34; «День», 1 сентября 1862 г.
[42] «Современное слово», 19 сентября 1862 г.
[43] «Время», 1862, сентябрь, стр. 132.
[44] Там же, стр. 136.

Самая большая сумма денежных пожертвований поступила в адрес газеты «Современное слово» — около 4 тыс. руб.[45] Редакция славянофильского «Дня» собрала почти в два раза меньше — 2683 руб.[46] Поскольку славянофилы производили сбор денег под лозунгом оказания помощи всем славянам, отстаивающим свою независимость, то из вышеуказанной суммы Московский комитет только 1 тыс. руб. направил в Черногорию и Герцеговину[47]. Всего до октября 1862 г. Черногория получила из России 20 164 гульдена, собранных в виде пожертвований, и 166 331 — от правительства[48].

После того как Черногория была вынуждена подписать в августе 1862 г. тяжелые условия мирного договора, навязанные ей Турцией, русское общество выступило в поддержку ее внешнеполитических требований. На этот раз славянофилы и западники проявили полное единодушие. На страницах газет «День» и «Современное слово» был выражен протест против проведения военной дороги через черногорскую территорию и возведения на ней блокгаузов[49]. В это время Аксаков опубликовал статью «Договор Порты с Черногорией», основные положения которой нами уже были приведены при характеристике его взглядов. В этой статье он протестовал против действий дипломатии, допустившей возможность сильному напасть на слабого, и выразил сожаление, что Россия запоздала с протестом. Идеолог славянофильства призвал великие державы создать для Черногории «средства существования и гражданского развития, укрепив за ней пристань у моря и землю Герцеговины — и во всяком случае не дозволив туркам основаться укрепленными поселениями в единственном убежище славянской свободы»[50].

В 60-е годы XIX в. большую роль в ознакомлении русских читателей с положением Черногории сыграл сербский демократ Ж. Жуёвич, который за время пребывания в России активно сотрудничал в русской периодической печати. В 1863 г. он возглавлял отдел «Славянские земли» в демократической газете «Очерки», а в 1864—1866 гг. заведовал славянским отделом в «Санкт-Петербургских ведомостях». Кроме того, он опубликовал две статьи в «Современнике»[51].

[45] «Современное слово», 4 декабря 1862 г.

[46] «День», 29 декабря 1862 г.

[47] «Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858—1868) славянского благотворительного комитета в Москве, составленный секретарем его Н. А. Поповым». «Славянский съезд в Праге и годовщина сьезда в Москве». М., 1868, стр. II, 19.

[48] *Б. Павићевић.* Црна Гора крајем 1862 године. «Историски часопис», књ. IX—X. Београд, 1960, стр. 435.

[49] «День», 13, 20 и 27 октября, 10 и 17 ноября, 1 декабря 1862 г.; «Современное слово», 14 октября 1862 г.

[50] «День», 3 ноября 1862 г.

[51] *В. Г. Карасев.* Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике» (1863—1865). «Советское славяноведение», 1971, № 1, стр. 41—58.

Жуёвич, являясь последователем Чернышевского, придерживался мнения о необходимости революционной борьбы самих славянских народов за освобождение. На основании реального представления условий и обстановки, сложившейся в то время на Балканах, в отличие от своего учителя он сделал правильный вывод о неготовности славян к борьбе. Исключение Жуёвич сделал только для Черногории, отметив ее заслуги в антитурецком движении [52].

В статьях, опубликованных в русской прессе, сербский демократ выступил с критикой славянофильства и, в частности, против их идеализации черногорского общества. Он указал на социальное неравенство и установление деспотического режима, при котором существовало беззаконие. В противоположность Аксакову Жуёвич считал, что провозглашение Черногории княжеством было прогрессивным явлением, так как способствовало укреплению внешнеполитического положения страны. В то же время он отметил то положительное, что сделали славянофилы в деле содействия развитию просвещения и укрепления русско-черногорских связей.

В конце 60-х годов XIX в. Россия стала оказывать более действенную помощь Черногории в развитии ее просвещения. У последней установились на некоторое время (до 1875 г.) мирные отношения с Турцией, и черногорцы все свои усилия направили на то, чтобы достигнуть хотя бы некоторого благоустройства страны и развития культуры. Между тем состояние школьного образования в ней продолжало находиться на низком уровне из-за отсутствия необходимых материальных средств и недостатка подготовленных учителей. Из черногорцев, получивших образование в русских учебных заведениях, некоторые остались в России [53].

В 1863 г. в Черногории была открыта богословская школа — первое среднее учебное заведение в стране. Преподавателями ее были архимандрит Н. Дучич и Ф. Ябучанин, окончивший Петербургскую духовную академию [54]. Богословская школа была закрыта спустя полгода из-за недостатка средств.

В 1869 г. в Цетинье на средства России были открыты учительско-богословская семинария и Женский черногорский институт.

[52] *Ж. Склав.* Славянский юг. «Современник», 1863, т. XCVI, № 6, стр. 265—267.

[53] В 1859 г. в ответ на просьбу о помощи черногорца Михаила Стефановича Зоновича, окончившего в Кишиневе гимназию, Азиатский департамент выдал ему 150 руб. серебром для возвращения на родину. Однако он подыскал себе службу и остался в Бессарабии. АВПР, ф. Славянский стол, 1859—1860 гг., д. 4216, лл. 1, 4, 5 об.

[54] В 1862 г. Азиатский департамент оплатил путевые издержки в Черногорию Филиппа Ябучанина и предоставил ему возможность купить учебные пособия и книги. АВПР, ф. Славянский стол, 1862 г., д. 4247, л. 4.

На содержание семинарии отпускалось ежегодно 8 тыс. руб. (4 тыс. руб. из средств русского синода и 4 тыс.— министерства финансов)[55]. Ректором, по рекомендации протоиерея церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевского, был назначен серб из Воеводины Милан Костич, окончивший Киевскую духовную академию. В первый год приняли в семинарию 37 человек[56].

На содержание Женского института, который являлся первым в стране средним учебным заведением для девочек, министерство народного просвещения России переводило ежегодно по 5700 руб. Кроме того, оно периодически снабжало институт книгами и другими учебными пособиями. Первоначально институт был рассчитан на 30 воспитанниц, находившихся на полном пансионе[57]. Первой начальницей Женского института была русская учительница Н. П. Пацевич, которая приехала в Черногорию в феврале 1870 г., а затем в течение десяти лет руководила институтом и преподавала русский и французский языки, ее помощницей была сестра — А. Н. Пацевич. Сразу же после основания институт приобрел известность как образцовое женское учебное заведение. Сначала в нем почти все предметы вели две сербские учительницы, а через четыре года их заменили черногорки: окончившая институт А. Попович и М. Вукичевич, которая получила образование за границей[58].

Деятельность славянских комитетов стала принимать более широкое направление, выходя за рамки поддержки православия и развития просвещения. Когда в Боке Которской вспыхнуло в 1869 г. восстание против австрийского гнета, Московский комитет начал сбор пожертвований в пользу Черногории[59], которая предоставила убежище повстанцам, скрывавшимся от австрийских репрессий. 14 февраля 1870 г. комитет выслал в Черногорию вексель на 3 тыс. флоринов, предназначавшийся для оказания помощи «пострадавшим во время Которского восстания»[60]. Но наибольший размах это направление деятельности приняло в период Восточного кризиса, как об этом будет сказано далее.

Вместе с тем славянские комитеты увеличили помощь на культурное развитие Черногории, которая состояла в следующем: высылка бесплатно книг и газет («Голос»), предоставление де-

[55] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем., т. III, стр. 286.

[56] *М. Костич.* Школа и жизнь в Черногории. «Славянский ежегодник». Киев, 1877, стр. 212, 219.

[57] *П. А. Ровинский.* Девичий институт императрицы Марии в Цетинье. «Журнал министерства народного просвещения», 1890, ч. CCLXXI, октябрь, стр. 54; *Р. Драгићевић.* Djebojarku институт на Центињу. «Историски записи», 1950, св. 1—3, стр. 43.

[58] *П. А. Ровинский.* Девичий институт императрицы Марии в Цетинье, стр. 56, 59.

[59] Наиболее активно сбор денег происходил первоначально в Москве и Харькове, где в декабре было собрано 186 и 79 руб. ОРГБЛ, ф. 239, п. 2, № 2.

[60] ОРГБЛ, ф. 239, п. 9, № 42.

нежных средств для издания книг (Й. Сундечичу) и содействие в распространении в России черногорской газеты «Црногорка»[61]. В 1872 г., когда Петербургский комитет организовал юбилей по случаю 200-летия Петра Великого, с лекциями о развитии русско-черногорских связей выступили русские ученые — В. И. Ламанский и П. Н. Погодин[62].

Число черногорцев, обучавшихся в русских университетах и других высших и средних учебных заведениях, увеличилось. Русское правительство предоставляло им, как и всем уроженцам южнославянских стран, всевозможные льготы при поступлении в учебные заведения и оказывало материальную помощь во время обучения[63]. Так, в 1863 г. в Петербургском технологическом институте были учреждены две казенные вакансии, которые замещались преимущественно уроженцами Сербии и Черногории[64].

Большую работу по организации обучения славян стали проводить славянофилы, возможности которых увеличились в связи с созданием новых комитетов. Вслед за Московским в 1868 г. возник Петербургский, а затем Киевский и Одесский славянские комитеты (1869 и 1870 гг.). Петербургский комитет за время с 1868 по 1893 г. обучил 196 славян, из них 18 черногорцев[65]. Среди его стипендиатов был Д. Бакич, который, будучи студентом Петербургского университета, опубликовал в русских изданиях несколько статей по истории Черногории.

Судьба славян, в том числе и черногорцев, стала особенно сильно занимать умы русского общества в период Восточного кризиса.

Началом Восточного кризиса послужило возникшее весной 1875 г. восстание в Боснии и Герцеговине. Первоначально Черногория под давлением великих держав сохраняла нейтралитет. Однако она предоставила убежище раненым герцеговинским повстанцам и их семьям, бежавшим от преследований турецких властей. Число беженцев в Черногории исчислялось цифрой 50 тыс. человек (при общей численности черногорского населения 120 тыс.). Всем им надо было предоставить кров и питание[66].

В июне 1876 г. Черногория совместно с Сербией вступила в войну с Турцией, что вызвало дополнительные расходы на воен-

[61] «Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества». СПб., 1883, стр. 57, 154, 202; ОРГБЛ, ф. 239, п. 19, № 33.

[62] «Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества», стр. 153, 193.

[63] *Н. И. Хитрова.* Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XIX в.), стр. 173—178.

[64] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 733, оп. 158, 1863—1879 гг., д. 7, лл. 10, 99 (далее ЦГИАЛ).

[65] Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 400, оп. 1, д. 1а, л. 1—7.

[66] «Голос», 14 октября 1875 г.

ные нужды и осложнило ее положение. С началом военных действий прекратились полевые работы, и хлеб остался несобранным. Почти весь скот был пожертвован для нужд войска. Во время войны число переселенцев из Герцеговины увеличилось за счет выходцев из Старой Сербии и Албании и достигло почти 70 тыс. человек. К ним прибавилось еще 30 тыс. черногорцев, которые, израсходовав свои незначительные продовольственные запасы, оказались в таком же безвыходном положении, как и переселенцы [67]. Несмотря на трудности, черногорская армия вела в Герцеговине успешные бои с превосходящими силами противника. На албанском фронте черногорцы одержали победу над сорокатысячной турецкой армией (на Фундине) и освободили значительную территорию.

Подъем национально-освободительного движения на Балканах в период Восточного кризиса снова был встречен с большим сочувствием русской общественностью. В оказании помощи Черногории помимо официальной России участвовали различные слои русского общества [68].

Остановимся первоначально на помощи, оказанной официальной Россией, которая по-прежнему уделяла большое внимание Черногории для проведения своей политики в Восточном вопросе. Кроме выплаты ежегодной субсидии, русское правительство предоставило Черногории деньги на покупку хлеба для герцеговинских беженцев [69].

Большую активность в организации помощи Черногории проявил русский консул в Дубровнике А. С. Ионин. Он немедленно поставил в известность русское министерство иностранных дел о тяжелом экономическом положении, сложившемся в Черногории, и просил об увеличении выплаты ей денежных средств [70]. Вместе с тем русский консул предложил, чтобы в Черногорию были направлены также частные пожертвования и транспорты с хлебом [71]. Зачастую он лично закупал в Австро-Венгрии продовольствие, необходимые предметы и договаривался об их транспортировке в Черногорию. В ноябре 1876 г. он выехал в Россию, чтобы ходатайствовать о предоставлении Черногории средств на военные расходы.

В результате этого русское правительство согласилось отпустить Черногории 1 млн. руб. В конце 1876 г. было закуплено для

[67] *А. Васильев.* Среди народных страданий. СПб., 1905, стр. 4, 5.

[68] *Н. И. Хитрова.* О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970, стр. 194—210.

[69] Первоначально была ассигнована сумма 30 тыс. руб., в мае 1876 г. она была увеличена до 40 тыс., в сентябре 1876 г.—50 тыс., а в 1878 г.—68 тыс. руб. *А. Васильев.* Среди народных страданий, стр. 4, 5.

[70] АВПР, ф. Главный архив V — A_2, 1875 г., д. 748, л. 5.

[71] Там же, 1875 г., д. 747, лл. 279, об., 415.

нее 700 тыс. пудов муки (на 650 тыс. руб.), которая была переправлена в княжество на восьми пароходах[72]. В следующем году выдана ссуда для покупки 40 тыс. четвертей зерна[73].

Со вступлением Черногории в войну с Турцией русское правительство стало оплачивать ее военные расходы. За период 1876—1878 гг. помимо ежегодной субсидии на военные нужды черногорцам было предоставлено 3183 тыс. гульденов. Из них на 663 тыс. было закуплено продовольствие, на 265 тыс.— оружие и боеприпасы. В апреле и ноябре 1877 г. было снова передано 540 тыс. гульденов[74].

Русское правительство оказало также помощь Черногории в укреплении ее артиллерии и налаживании медицинского обслуживания среди населения и в армии. Еще в начале войны за счет русских субсидий было закуплено в Германии несколько тяжелых орудий для черногорской армии, которые Австро-Венгрия разрешила пропустить через свою территорию только весной 1877 г.[75] Вслед за этим в Черногорию были доставлены четыре пушки, переданные в дар русским правительством. Россия командировала также двух артиллерийских офицеров — капитанов Гейслера и Циклинского и с ними еще семь артиллеристов. Русские артиллеристы приняли активное участие в наступательных действиях в Герцеговине, пройдя с черногорцами весь боевой путь до окончания военной кампании[76].

Во время войны с Турцией в Черногории была организована литейная мастерская по изготовлению снарядов и ремонту оружия, производство которой наладил полковник И. Филипенко, прибывший из России в июле 1876 г. Сначала в ней работало два русских мастера и несколько итальянских рабочих. Затем Филипенко обучил литейному делу черногорцев[77].

Русским врачам принадлежит заслуга организации первых лечебных заведений в Черногории. 15 декабря 1875 г. в Черногорию был направлен русский санитарный отряд в составе четырех врачей, десяти медицинских работников и нескольких человек санитарного персонала.

С открытием военных действий в Черногорию прибыло еще несколько санитарных отрядов, снабженных всем необходимым

[72] «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I. М., 1961, стр. 566.
[73] «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II. М., 1964, стр. 301.
[74] АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1877—1878 гг., д. 1605, лл. 32 об.—33 об.
В. Ђорђевић. Црна Гора и Аустрија. 1814—1894. Београд, 1924, стр. 413, 414.
[76] *Н. И. Соловьев.* Очерк турецко-черногорской войны 1876 и 1877 гг. СПб., 1898, стр. 49, 50, 53; *А. В. Щербак.* Черногория и ее война с турками в 1877—1878 годах. СПб, 1879, ч. 1, стр. 154; ч. 2, 1880, стр. 50, 55, 67.
[77] *А. В. Щербак.* Черногория и ее война с турками в 1877—1878 гг., ч. 1, стр. 32, 33.

для деятельности в полевых условиях [78]. Больница была преобразована в госпиталь, а ее главным врачом назначен профессор Медико-хирургической академии Н. В. Склифосовский. Вслед за этим были открыты еще два лазарета. Армию обслуживало несколько подвижных санитарных отрядов [79]. Русские медики совместно с черногорцами делили все тяготы военного времени [80]. В общей сложности они оказали медицинскую помощь 40 тысячам раненых и больных. Черногорское правительство наградило орденом Данилы врачей Богоявленского, Ковалевского, Жужукина и Склифосовского [81].

Русское общество откликнулось на нужды славян, в том числе и черногорцев, добровольными пожертвованиями. Известие о начале восстания на Балканах в первую очередь вызвало отклик среди революционно-демократических кругов России. Осенью 1875 г. ими были созданы подпольные комитеты по сбору пожертвований (на Украине). В Одессе такой комитет возглавил выдающийся русский революционер Андрей Желябов. Комитет организовал сбор средств в пользу повстанцев, закупал оружие и помогал добровольцам в выезде на Балканы.

В кампании в поддержку герцеговинцев участвовали также члены «Южнороссийского союза рабочих» Одессы и Ростова. При этом же они сочетали благотворительную деятельность с пропагандой [82]. Украинский общественный деятель М. П. Драгоманов указывал впоследствии, что средства, собранные для повстанцев одесскими революционерами, были «первым пособием» от России [83]. Летом 1875 г. на Балканы отправилось несколько революционеров, в то время как основная масса добровольцев выехала из России только в 1876 г.[84]

Во время сербо-черногоро-турецкой войны с пропагандой о необходимости оказания помощи славянам выступил русский демократ и ученый-славист П. А. Ровинский. Сочувствие, возникшее в России к славянам, и отправку русских добровольцев в

[78] ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 359—369 об., 388—388 об.

[79] «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 308; ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 522—528.

[80] *А. В. Щербак.* Черногория и ее война с турками в 1877—1878 гг., ч. 1, стр. 47, 49.

[81] ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 577—578.

[82] *А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан.* Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах (1875—1877). «Славянский архив». М., 1962, стр. 247—249, 255; *Т. Г. Снытко.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875 г. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», стр. 88.

[83] *М. П. Драгоманов.* Автобиография. «Южнорусские рабочие союзы». М., 1925, стр. 38; *А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан.* Указ. соч., стр. 249.

[84] *В. М. Хевролина.* Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 64—65.

Сербию для участия в войне с Турцией Ровинский охарактеризовал как «народное движение». Он с гордостью констатировал, что «...вся Русь от мала до велика с замиранием сердца ждала известий оттуда, где решалась судьба наших братьев» [85].

Отношение русского революционного народничества к освободительной борьбе на Балканах не было единодушным. Из среды русской революционной эмиграции большой интерес к борьбе на Балканах начиная с 60-х годов проявлял М. А. Бакунин. Среди добровольцев из России многие были его сторонниками. В то же время для некоторых представителей революционной эмиграции (П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев) были характерны недооценка политической и национально-освободительной борьбы, а также преувеличение близости социальной революции. Так, П. Л. Лавров не одобрял участия в национально-освободительном движении и отрицательно отнесся к добровольческому движению. Эта часть революционной русской эмиграции полагала, что движение сочувствия славянам, охватившее различные слои русского общества, будет использовано правительством в целях усиления реакции внутри страны и может отрицательно сказаться на самих славянах.

После начала в 1876 г. войны Сербии и Черногории с Турцией почти все группы революционной эмиграции выступили против участия в национально-освободительном движении южных славян. Позднее, после открытия русской армией военных действий против Турции, многие представители революционного лагеря России стали сторонниками победы России, надеясь, что она не только принесет свободу славянам, но и повлияет на изменение политики царизма [86].

Когда в апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции, Ровинский приветствовал это событие следующими словами: «Наконец наши отношения к остальному славянству из платонических становятся реальными; наши мечты переходят в действительность» [87].

Благотворительное движение возглавили славянские комитеты. После того как в конце августа 1875 г. в ответ на ходатайство Петербургского комитета Александр II разрешил производить сборы по всей территории Русского государства, славянские комитеты, Главное управление общества Красного Креста и синод обратились к населению с призывом вносить денежные пожерт-

[85] *П. Ровинский.* Наши отношения к сербам (Поученье из прошлого и настоящего). «Древняя и новая Россия». СПб., 1877, т. I, № 2, стр. 188.

[86] *В. М. Хевролина.* Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг., стр. 70, 79.

[87] *П. Ровинский.* Битва у Каменицы, близ Ниша в мае 1809 года. (Эпизод из истории сербских войн за освобождение.) «Древняя и новая Россия». СПб., 1878, т. II, № 5, стр. 53.

вования [88–89]. В церквах были повешены кружки. Для привлечения средств в городах устраивались спектакли, вечера, читались лекции. Русская пресса осуществляла большую информационную и пропагандистскую работу.

Большой энтузиазм славянское движение вызвало также среди передовой украинской общественности. В начале 1876 г. украинский писатель И. Я. Франко опубликовал в львовском журнале «Друг» свое стихотворение «Задунайська писня». Поэт призвал сербов и черногорцев усилить борьбу против поработителей, напомнив им о героических традициях балканских славян [90].

Славянофилы приняли деятельное участие в организации снабжения хлебом и медицинского обслуживания Черногории. Помимо ассигнования денег Московский и Петербургский славянские комитеты командировали в 1876 г. в Черногорию 9 врачей, 19 фельдшеров и 2 медицинских сестер [91].

За период с конца 1875 по 1878 г. Россия оказала Черногории денежную помощь в размере 3390 тыс. гульденов, из которых 585 тыс. гульденов были собраны в качестве пожертвований [92]. Большая доля пожертвований была внесена крестьянами. Значение русской поддержки отметил член Международного комитета помощи герцеговинцам Г. Веселитский-Божидарович, заявивший, что наибольшее количество пожертвований прибыло из «единокровной великой славянской страны». Он отметил также мобилизующую роль русской общественности в организации сбора пожертвований: «Наконец, теплое сочувствие и деятельная помощь, проявившиеся в сильной степени прежде всего в России, сообщились и другим странам» [93].

В 1878 г. произошло международное признание независимости Черногории и некоторое расширение ее территории. После этого история поставила перед ней новые задачи. Но тесные контакты, возникшие у черногорцев с Россией во время их борьбы за независимость, укрепили дружеские чувства между русским и черногорским народами.

[88–89] «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 85.

[90] *М. Я. Гольберг.* Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах», стр. 215—216.

[91] ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 388—388 об.; ЦГИАЛ, ф. 651, д. 892, л. 7.

[92] АВПР ф. Турецкий стол (старый), 1877—1878 гг., д. 1605, лл. 23—24 об., 34—35 об.

[93] «Голос», 29 декабря 1875 г.

И. В. ЧУРКИНА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ, НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЛАВЯН АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ И РОССИИ В 60-е ГОДЫ XIX в.

60-е годы XIX в. характеризуются значительным ростом общественных, научных и культурных связей между славянами Австрийской монархии и Россией. Это было обусловлено усилением тяги к взаимному знакомству и сношениям как со стороны славянских национальных деятелей Австрии, так и со стороны некоторых русских общественных, даже ряда государственных деятелей. Такое взаимное тяготение имело свои политические причины.

Начало 60-х годов XIX в. явилось переломным периодом в истории Австрийской монархии. В результате поражения в войне с Италией и Францией австрийское правительство вынуждено было пойти на уступки либералам во внутренней политике. Октябрьский диплом 1860 г. и февральский патент 1861 г. ограничили абсолютистскую власть императора, дали народам Австрийской империи ряд буржуазных свобод, в том числе свободу печати, обществ и собраний, что благоприятствовало усилению славянских национальных движений.

Для 60-х годов XIX в. характерно развитие славянских национальных движений не только вглубь, но и вширь — многочисленные новые общества, особенно читальные, гимнастические, певческие, охватывали не только представителей узкого круга национальной интеллигенции, но и широкие слои городского и сельского населения, особенно молодежи. Эти общества способствовали росту национального самосознания славян, что в свою очередь увеличивало стремление к расширению национальных прав, прежде всего прав языка.

В борьбе за национальные права славянские национальные деятели искали себе союзников. 1848 год в значительной степени поколебал их надежды на возможность получения желанных свобод от австрийского правительства. Палацкий писал в июне 1863 г., что он с 1848 г. изменил свое мнение и не надеется более на то, что «освобожденные народы будут справедливее относительно друг друга» [1]. Среди сербских либеральных кругов в Воеводине все большую популярность приобретал Светозар Милетич, выступавший в начале 60-х годов с призывом навсегда порвать с политикой, ориентирующейся на австрийское правительство. Столь же ненавистны австрийские власти были хорватам. По

[1] «День», 1963, № 24, 15.VI, стр. 15.

Загребу распространялись антиправительственные плакаты, стихотворения; молодежь нередко выступала и открыто: так, в 1860 г. гимназисты пытались сорвать исполнение государственного гимна [2].

Поскольку надежды на австрийское правительство либеральных деятелей славян уменьшились, они обратили свои взоры к России. Николаевская крепостническая Россия вызывала у них не симпатии, а скорее наоборот — неприязнь и страх. Но в начале 60-х годов царское правительство, напуганное крестьянским движением и встревоженное поражением в Крымской войне, провело ряд либеральных реформ, главной из которых было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Эти реформы возбудили надежду славян на возможность опоры в своих национальных требованиях на «обновленную» Россию. Симпатии ко всему русскому, и прежде всего к русской культуре, росли. Среди всех чехов заметно усилилось внимание к изучению русского языка, появилось «желание познакомиться с русскою литературою. Все они с нетерпением ждут окончания крестьянского вопроса, надеясь, что тогда политика России будет более либеральною»,— писал русский демократ П. А. Ровинский своему отцу 4 ноября 1860 г. из Праги [3]. «Народные листы» — самая популярная в то время чешская газета — в ноябре 1862 г., рассказывая своим читателям о судебной реформе в России, выражала уверенность, что Россия скоро опередит Австрию, поскольку она уже вводит суд присяжных, которого еще нет у австрийцев [4]. И. С. Аксаков, путешествовавший весной 1860 г. по южнославянским землям, был поражен симпатиями хорватов к России. «Все меня приветствовали горячо,— писал он о своем посещении хорватской читальни в Риеке,— ...Многие подходили ко мне и говорили мне на ухо: «Мы русские, мы хотим единства славянского, хотим ввести кириллицу, готовы все сделаться православными. Знает ли царь Александр, как мы преданы России, думает ли он про нас?» Я был поражен и изумлен таким единодушным, смелым выражением мыслей» [5].

Русофильские симпатии нередко носили царистский оттенок: Александр II выглядел во мнении славянских либералов Австрийской монархии, боявшихся революции не меньше, чем абсолютизма, не как самодержец, а как либеральный и просвещенный монарх. Вождь чехов Ф. Палацкий писал летом 1863 г.: «...Я думаю, что государь, который еще недавно, невзирая на бесчисленные затруднения и препоны, возвратил двадцати с лишком миллионам своих подданных человеческие права, коих они были несправедливо лишены, что такой государь не есть угнетатель, а,

[2] *В. И. Фрейдзон.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, стр. 56, 57.
[3] ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 401, л. 1.
[4] «Современная летопись», 1862, № 47, стр. 11.
[5] «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. III. М., 1892, стр. 141.

напротив того, освободитель своего народа»[6]. В оценке реформ 60-х годов в России славянские либералы не отличались от русских.

Конец 50 — начало 60-х годов XIX в. ознаменовались не только ростом симпатии славян Австрии по отношению к России, но и повышением интереса русских общественных и правительственных кругов к зарубежным славянам. Крымская война показала, что Россия не имела верных союзников в Европе. В правящих кругах России произошла переоценка основ внешней политики государства. Нессельроде и его окружение, проводившие во внешней политике линию тесной дружбы с Австрией и Пруссией, были отстранены, весной 1856 г. министром иностранных дел России был назначен князь А. М. Горчаков. На важнейшие дипломатические посты он поставил людей, близких ему по взглядам, многие из которых сочувствовали славянам (в частности, новый директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский, выполнявший неоднократно в 50-х годах поручения русского правительства в Черногории, новый посол в Вене В. П. Балабин, Н. П. Игнатьев)[7].

Большее внимание русские правительственные круги уделяли славянам Османской империи. Что же касается национального движения славян в Австрийской монархии, то в конце 1869 г. Горчаков так определял отношение к нему правительства «Наше слишком явное проявление к ним симпатий им не поможет, но лишь затруднит их политическое развитие, подогревая недоверие, инспирируемое призраком панславизма во всей Европе... Но мы не имеем... ни желания, ни средств воспрепятствовать проявлению национальных русских чувств у нас», в особенности в области литературы и науки[8].

Таким образом, известные симпатии к славянам стали проявлять и русские правительственные, особенно дипломатические, сферы. Заигрывание русского правительства со славянскими деятелями проявилось, в частности, в 1862 г., когда в связи с празднованием тысячелетия России 30 славянских национальных деятелей, в том числе 28 австрийских, получили русские ордена[9].

С начала 60-х годов и русская журналистика стала оказывать повышенное внимание славянским народам Австрии и Турции. Открытому проявлению сочувствия к славянам способствовало значительное ослабление русской цензуры. Не только славянофильские издания («Русская беседа», «День», «Москва»), но и либеральные и демократические («Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Современная летопись», «Современник», «Очер-

[6] «День», 1863, № 24, 15.VI.
[7] *С. К. Бушуев.* А. М. Горчаков. М., 1961, стр. 73—75.
[8] *В. И. Фрейдзон.* Указ. соч., стр. 276.
[9] «День», 1862, № 38, стр. 14—15.

ки», зарубежный «Колокол» и др.) знакомили русскую общественность на своих страницах с положением славян, с литературой и историей славянских народов. «В нашей литературе выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу, — писал А. Н. Пыпин. — Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания» [10]

Для написания статей о славянах привлекались квалифицированные специалисты из числа русских славистов. Кроме того, в русской периодической печати выступали журналисты и национальные деятели зарубежных славянских народов. Так, сербский демократ Ж. Жуёвич в 60-е годы сотрудничал в демократических изданиях «Современник» и «Очерки» и в либеральных газетах «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» [11]. Хорватский публицист Имбро Ткалац, бывший редактор газеты «Ост унд Вест», в 1863—1865 гг. являлся сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей» [12]. Я. Головацкий писал в славянофильский «День» о положении украинского населения в Галиции [13].

Русская революционно-демократическая пресса с симпатией относилась к борьбе славян за свои национальные права. Это отмечал и Н. Г. Чернышевский, подчеркивая, что «все органы русской журналистики очень горячо сочувствуют славянским племенам». Полемизируя со славянофилами, которые хотели подчинить себе национальные движения славян, Чернышевский указывал на то, что «любовь к славянским племенам состоит в том, чтобы желать им добра». Это добро для славян великий русский революционер видел в пробуждении их революционной энергии [14]. Чернышевский призывал порабощенные славянские народы не опираться в своей борьбе за национальную независимость на царское правительство, а искать силы в самих себе и в союзе с революционным движением, в том числе и русским.

Национальному движению и судьбам славян в Габсбургской монархии из революционно-демократических изданий особое внимание уделял «Колокол». Основными авторами статей о них были М. А. Бакунин и А. И. Герцен. Еще в октябре 1861 г., возвращаясь из сибирской ссылки, Бакунин писал Герцену: «Буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который был моею idée fixe с 1846 г. и моею практическою специальностью в 48 и 49-х годах. Разрушение, полное разрушение Австрийской им-

[10] «Современник», 1861, т. XXXVI, № 3, стр. 2.
[11] *В. Г. Карасев.* Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике». «Советское славяноведение», 1971, № 1, стр. 41—56.
[12] *В. Г. Карасев, В. И. Фрейдзон.* Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1863—1865). «Славяне и Россия». М., 1972, стр. 171—188.
[13] ОПИ ГИМ, ф. 347, Щ. 570—634.
[14] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 829, 841.

перии будет моим последним словом»[15]. В послании «русским, польским и всем славянским друзьям» Бакунин выражал намерение всю свою остальную жизнь посвятить борьбе «за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян». Бакунин был уверен в скором развале Австрийской монархии, а вслед за ней — и Турецкой империи[16].

И Герцен, и Бакунин верили в возможность и необходимость создания всеславянской федерации, в которую бы вошли «все наши народности с равными правами самобытности и независимости». Эта федерация должна была быть основана на началах равноправного представительства каждого народа в общем собрании, на началах равенства и свободы без различия веры, происхождения и языка, на началах полной свободы мысли и слова, торговли и сношений. Для всей федерации предусматривались общая армия, общие монета, мера, вес, длина. Сословия уничтожались[17]. Фактически в 1862 г. «Колокол» повторял план славянской федерации, выдвинутый Бакуниным еще в 1848 г.[18] Создание такой федерации Бакунин не связывал с помощью царской России.

«Петербург связан неразрывно с немцами разделением и притеснением Польши, — указывал он. — Итак, пока мы, русские, подчиняемся этому правительству, пока не подадим руку примирения и братской любви восстановленному народу польскому, пока не пойдем дружно с поляками на освобождение славян, до тех пор ничего доброго не ждите от России». Только освобожденный от самодержавия русский народ сможет оказать славянам дружескую поддержку. Обращаясь к южным славянам, Бакунин призывал их надеяться «более всего на себя, на непреклонность несломленного духа вашего и на свою отважную решимость. Ищите силы в твердом и верном союзе всех соседних славянских племен, страдающих ныне равно с вами под гнетом турецким и австрийским. Булгары, босняки, черногорцы, сербы, хорваты, словены, далматы, сплотитесь в одну фалангу, да не сломит вас никакая турецкая сила и никакая австрийская подлость»[19]. Мысль, которую Чернышевский должен был в подцензурных изданиях выражать иносказательно, Бакунин провел на страницах «Колокола» четко и определенно.

Следует отметить, что Герцен и Огарев в отличие от Чернышевского и Бакунина допускали возможность того, что царская Россия может сыграть роль освободительницы славян. При этом они подчеркивали, что, воспользовавшись помощью царской Рос-

[15] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. Н. Огареву», т. IV. Женева, 1896, стр. 75—76.
[16] «Колокол», 1862, № 122—123, стр. 1021.
[17] «Колокол», 1862, № 141, стр. 1167.
[18] *М. А. Бакунин.* Избр. соч., т. I. Лондон, 1915, стр. 40—45.
[19] «Колокол», 1862, № 128, стр. 1068.

сии для освобождения, славяне потом порвут с ней, «если она к тому времени не осуществит у себя реформу» [20].

«Колокол» приветствовал развитие научных и культурных связей между славянскими народами. Герцен от всей души желал успеха Этнографической выставке в Москве, хотя и отмечал, что славяне едут в Москву не только ради этнографии, но и ради политики [21]. «Я не могу удержаться от улыбки,— писал он Бакунину, — читая наши стародавние мысли, разбавленные водой из Фонтанки и из Патриарших прудов, повторяемые на тысячи ладов на московских пирах, на петербургских обедах, на сходах и конференциях, в передовых статьях журналов и речах злейших врагов наших». То, что даже злейшие враги революции говорили о славянской взаимности и борьбе славян против национального гнета, Герцен считал знаменательным: «Природа и история, — продолжал он, — не отличаются особенной чистоплотностью, они словно любят грязными руками делать чистую работу... а дело-то просто в том, что чистых сил слишком мало под руками... А дело идет» [22]. Таким образом, несмотря на участие в Этнографической выставке в Москве представителей консервативных кругов, Герцен считал ее делом полезным, ибо даже провозглашенные грязными устами идеи дружбы славянских народов, их борьбы за свои национальные права должны были служить делу прогресса.

Интересно, что в оценке Этнографической выставки с Герценом был солидарен сербский демократ Жуёвич: «Да, Московская этнографическая выставка — важное историческое событие во всех отношениях, — писал он в «Санкт-Петербургских ведомостях». — Она важна потому, что дала возможность славянским чувствам сказаться во всей их полноте» [23].

Из русских демократов, писавших в подцензурной прессе, более других уделял внимание славянам Австрийской монархии П. А. Ровинский — образованный славист, с конца 50-х годов близкий к кругу Н. Г. Чернышевского. В начале 60-х годов он был членом тайной революционной организации «Земля и воля», после распада которой отошел от активной революционной деятельности. Однако до конца жизни Ровинский оставался по своим взглядам демократом [24]. В конце 1860 — первой половине 1861 г. Ровинский жил в чешских землях, откуда посылал корреспонденции в «Современную летопись». Во второй половине

[20] См. письмо Огарева к Бакунину от мая-июня 1867 г. «Литературное наследство», т. II («Герцен и Огарев»). М., 1956, стр. 156—157.

[21] «Колокол», 1867, № 241, стр. 1969.

[22] «Колокол», 1867, № 244—245, стр. 1992.

[23] *В. Г. Карасев.* Сербский демократ Живоин Жуёвич (докт. дисс.). М., 1971, стр. 563.

[24] *Н. И. Хитрова.* П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы. «Балканика», II. Београд, 1971, стр. 144—145.

1861 г. Ровинский, пожелавший вместе с чешской депутацией посетить в память Кирилла и Мефодия Велеград, был арестован в Моравии полицией и, обвиненный в распространении русской пропаганды, выслан за пределы Австрии[25]. После высылки Ровинский не прекращал внимательно следить за событиями в австрийских землях. В 1863 г. он вместе с Жуёвичем вел раздел «Славянские земли» в демократической газете «Очерки». В шести обозрениях, посвященных жизни славян в Австрийской империи, он на основании статей из периодической славянской печати дал краткую характеристику положения в чешских и хорватских землях. Наконец, в 1868 г. Ровинский вновь вернулся к австрийской тематике — летом этого года он как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» побывал в Воеводине и Хорватии. Таким образом, на протяжении почти всех 60-х годов Ровинский довольно подробно писал об Австрии.

Через все статьи Ровинского красной нитью проходит ненависть к австрийским правящим кругам, отрицание правомочности существования Австрии такой, какая она есть. В этом его взгляды полностью совпадали со взглядами на Австрию М. А. Бакунина. «Внутренней необходимости существования Австрийской империи никогда не было, — писал Ровинский в апреле 1861 г., — она всегда представляла соединение разнородных элементов, обусловливаемое только внешними обстоятельствами»[26]. Этими внешними обстоятельствами он считал прежде всего турецкую опасность, которая в XIX в. уже давно перестала существовать. «Из Австрии вышла какая-то полицейская мера, сводная администрация, связь нескольких народностей, основанная на перекрестном отвращении их друг от друга». В этом полицейском государстве правительство враждебно народу. «Правительство и народ,— замечал Ровинский,— стоят друг против друга настороже, как два неприятельские лагеря»[27]. В 1863 г. Ровинский обличал лживость австрийской конституции, которая давала возможность проводить жестокие репрессии против неугодной правительству печати. Отмечая, что в Вене в тюрьме сидят шесть редакторов за нарушение закона о печати, Ровинский подчеркивал: «Этот факт свидетельствует ясно, что Австрия с 1859 по 1863 г. недалеко подвинулась вперед, т. е. что и в конституционном государстве могут существовать нелитературные общества, заботящиеся об исправлении всех тех, кто имеет другой образ мыслей, отличный от их... Перемена формы не изменит самой сущности дела»[28].

Национальное движение славян Австрийской монархии вызывало горячие симпатии Ровинского. В 1860—1861 гг. он особенно

[25] «День», 1861, № 4, 4.XI. стр. 16.
[26] «Современная летопись», 1861, № 16, стр. 1.
[27] «Современная летопись», 1861, № 6, стр. 1.
[28] «Очерки», 1863, № 7, стр. 27.

подробно писал о национальной борьбе чешского народа, среди которого жил. Ровинскому импонировала демократическая направленность национальной деятельности чехов, забота чешских национальных деятелей о народных школах, обществах взаимопомощи, народных кассах, банках и пр.[29] За выступление против дворянства и его привилегий Ровинский горячо хвалил издателя «Посел з Праги» Беляка (Шимачека), отданного властями за это под суд. Описывая процесс Беляка, Ровинский в своей корреспонденции приводил такие высказывания из его издания, которые звучали для России еще более актуально, чем для Чехии: «Только честность и гражданская доблесть имеют значение в делах общественных, а никак не старые пергамены и предрассудки, которые идут от времен народного унижения»[30]. Ровинский отрицательно относился к намечавшемуся союзу между чешскими национальными деятелями и федералистским дворянством. Наблюдая за поведением дворянства на заседаниях чешского сейма, он замечал, что «народная сторона на его содействие полагаться не может»[31], ибо «все дворянство... помня 1848 г., помня, что народное движение ведет непременно к уравнению прав, так мало гармонирующему с его стремлением к приобретению привилегированного положения, дворянство невольно в каждом предложении народной стороны подозревало какие-нибудь намерения против него, какие-нибудь покушения на его права»[32].

Известное внимание в своих статьях Ровинский уделил и хорватскому национальному движению. В 1861 г. он полностью поддерживал требование хорватов о демилитаризации Военной Границы и присоединении ее к Хорватскому королевству[33]. Ровинский считал это необходимым для преодоления отсталости последней, ликвидации в ней феодальных пережитков, связанных с военной системой, при которой «земледелец не имеет права распоряжаться ни собой, ни землей, назначенною ему в пользование»[34].

Осенью 1868 г., по мнению Ровинского, хорватское национальное движение находилось в тупике из-за политического просчета Народно-либеральной партии Штросмайера, пошедшей на союз с мадьярами. В результате «через них ныне господствующая партия добралась до кормила и повела дела уже своим путем». Вместе с тем Ровинский с удовольствием отмечал успешную деятельность народняков в области науки и народного образования. «В отношении учено-литературном Загреб производит очень приятное впечатление»,— заключал он[35].

[29] «Современная летопись», 1861, № 10, стр. 29.
[30] «Современная летопись», 1861, № 9, стр. 7—8.
[31] «Современная летопись», 1861, № 20, стр. 1.
[32] «Современная летопись», 1861, № 21, стр. 5.
[33] «Современная летопись», 1861, № 12, стр. 1.
[34] «Современная летопись», 1861, № 23, стр. 5.
[35] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 255.

Описывая политическое положение в Воеводине, Ровинский решительно встал на сторону Народной партии, которая потребовала пересмотра правил выборов в сабор и избрания председателя сабора депутатами. Духовенство, особенно черное, он рисовал как консервативную массу, невежественную, грубую, безразличную к народному просвещению[36]. Большую симпатию Ровинского вызывала Омладина и ее цель — «из отдельных частей сербского племени создать целую нацию», не глядя на вероисповедание[37].

Национальные движения других славян в Габсбургской монархии, как более слабые, Ровинский в своих статьях затрагивал мало. Он только отмечал, что «несчастные словенцы и словаки едва в состоянии подавать голос о своем существовании. Первым должны, конечно, помочь хорваты, а последних никогда не оставлял и не оставит чех»[38].

Итак, Ровинский в своих статьях последовательно отстаивал демократическую линию развития национального движения славян Австрийской империи, поддерживая в нем либеральные течения, наиболее последовательно в 60-е годы выступавшие за национальные права славян, решительно осуждая стремление ряда национальных деятелей пойти на союз с федералистским дворянством.

Больше всего внимания славянам в Австрии уделяла славянофильская и близкая к славянофилам либеральная русская журналистика. В ней активно сотрудничали такие видные ученые-слависты, как А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский, Н. А. Попов, П. А. Лавровский, А. С. Будилович; журналисты А. Троянский, В. И. Губин, Андреев и др. Часть славянофилов выражала взгляды умеренно либерального русского дворянства и некоторых русских буржуазных кругов. Кое-кто из них в своей практической деятельности довольно близко соприкасался с русскими революционерами. Так, В. И. Губин, в конце 60-х годов XIX в. один из наиболее плодовитых заграничных корреспондентов славянофильских изданий, арестовывался в 1866 г. по делу Каракозова, так как некоторое время сотрудничал в просветительском обществе с лицами, близкими кружку Ишутина[39].

Славянофилы сочувствовали национальному движению славянских народов Австрии и отрицательно относились к Австрийской империи, хотя их оценки ее не носили столь резкого характера, как у демократов. Корреспондент «Современной летописи» Р. Н. писал в 1868 г., что австрийское правительство нежизне-

[36] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 218.
[37] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 291.
[38] «Современная летопись», 1861, № 13, стр. 12.
[39] *Э. С. Виленская.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, стр. 240—243.

способно, так как каждое министерство имеет свою программу, полностью разрушающую все, что делало предшествующее министерство[40]. В. И. Губин в свою очередь решительно осуждал цензуру в Австрийской монархии, указывая на то, что там «трудно встретить публициста, незнакомого с австрийским казематом или денежным штрафом»[41]. Славянофильский «День» перепечатал статью Ткалаца из журнала «Ост унд Вест», направленную против цензурных рогаток в Австрии[42].

Большинство славянофилов отрицательно относились к союзу славянских национальных деятелей с дворянскими автономистами. «Аристократизм — сомнительная почва для развития народных славянских идей»,— замечал А. С. Будилович в 1869 г.[43] Гильфердинг решительно выступал против исторического права, на основе которого объединялись интересы национальных деятелей Чехии и Хорватии и автономистского дворянства. «Перенесите этот принцип,— писал Гильфердинг,— из области отношений международных в сферу отношений гражданских, и вы прямо придете к праву человека над человеком, шляхтича над холопом». Историческое право поэтому — «ложь властолюбивого шляхетства, прикрывающегося личиною либерализма», ибо каждый народ, несмотря на свою историю, «имеет равные права на существование в своих пределах и на беспрепятственное развитие»[44]. Но если демократы выступали против союза славян с феодальными кругами с классовых позиций, подчеркивая несовместимость классовых интересов немецких феодалов и славянского крестьянства, то славянофилы исходили из национального момента: союз славян с феодалами для них был неприемлем прежде всего из-за немецкой национальности и безусловной лояльности последних к Габсбургам.

С симпатией корреспондент «Современной летописи» Губин писал об Омладине и ее собрании в Белграде в августе 1867 г. При этом особенно им был выделен русский революционер Бочкарев, призвавший к предоставлению равных прав в Омладине женщинам[45]. Корреспондент «Современной летописи» Н. Е. осуждал закрытие патриархом сабора в Карловцах, указывая на то, что «народ пожелал иметь свой голос в саборе и прежде всего высвободить школу из-под исключительного влияния духовенства». С этим стремлением воеводинских сербов Н. Е. был вполне солидарен и осуждал попытку партриарха повер-

[40] «Современная летопись», 1868, № 29, стр. 1.
[41] «Современная летопись», 1869, № 27, стр. 7.
[42] «День», 1863, № 43, стр. 18, 26.X.
[43] *А. С. Будилович.* Славянские матицы и ученые дружства. «Журнал министерства народного просвещения», 1869, ч. CXII, № 7—8, стр. 463.
[44] «День», 1861, № 7, стр. 16, 25.XI.
[45] «Современная летопись», 1867, № 31, стр. 10—11; № 32, стр. 8.

нуть вспять процесс развития [46]. Характерно, что в конце 60-х годов наибольшей симпатией русских славянофилов пользовались либеральные партии (в Чехии — младочехи, в Хорватии — народняки и т. д.). Эта симпатия обусловливалась не столько социальными взглядами славянских либералов, сколько их активным выступлением за сближение с Россией, их несогласием с политикой австрийского правительства.

По решающим вопросам славянской проблемы взгляды демократов и славянофилов были прямо противоположны. Прежде всего их разъединяло отношение к польскому восстанию.

А. И. Герцен, спасший, по словам В. И. Ленина, «честь русской демократии» [47], сразу же четко определил в «Колоколе» связь между восстанием в Польше и освобождением русского народа. «Мы с Польшей, — писал он, — потому что мы за Россию. Мы хотим независимости Польше, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих» [48]

Столь же решительно на сторону поляков встали М. Бакунин, А. А. Потебня и другие русские демократы. Они выступали за польское дело, хотя и ясно видели шляхетскую ограниченность программы повстанцев, выразившуюся прежде всего в крестьянском и национальном вопросах.

Славянофилы же во время польского восстания решительно поддержали царское правительство, их голоса полностью слились с голосами русских шовинистов различных мастей. И позднее, после подавления польского восстания, славянофилы выступали ярыми сторонниками русификации Польши.

Славянофилы и демократы с противоположных позиций подходили к вопросу о путях освобождения славян и о роли России в их национальном движении. Как уже было показано выше, демократы считали, что славяне (как в Австрийской, так и в Турецкой империях) являются самостоятельными народами и что они должны прежде всего полагаться на свои собственные силы и на помощь революционного движения в деле освобождения от власти иноземных правительств, а не на царскую Россию.

Славянофилы же верили в особую роль России в жизни и развитии славянских народов. «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного, духовного и, пожалуй, политического бытия под сению могущественных крыл русского орла,— писал И. С. Аксаков,— вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России» [49]. Но не только в освобождении славян видели

[46] «Современная летопись», 1869, № 27, стр. 9.
[47] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 260.
[48] «Колокол», 1863, № 160, стр. 1318.
[49] «День», 1861, № 1, стр. 15.

славянофилы историческую роль России, но и в возрождении у них исконных «славянских» начал. Гильфердинг считал, что Россия должна помочь славянам возродить «славянский строй общества» — общинно-демократического с монархическим правительством [50]. Аксаков полагал, что Россия должна нести славянам высшее духовное начало — «идею высшего духовного объединения в вере», т. е. в православии [51]. Ламанский был убежден, что славянам необходимо прежде всего сохранить свою культуру — язык, литературу, науку. «Единственное средство не захудать и не погибнуть в такой культурной борьбе... это иметь два славянских языка в своем употреблении,— подводил итоги Ламанский,— т. е. свое народное наречие для местной словесности, для домашнего и чисто народного обихода, а другой — язык русский, для общих дел, для сношений между собою и прочими соседями, славянскими и иноплеменными, для высшего образования и науки» [52].

Без различия, ставили ли во главу угла отдельные славянофилы в славянской самобытности общину, культуру или религию общим для них было одно: носителем этого главного в славянской самобытности в наиболее его чистом виде являлась Россия, и она призвана была возглавить славян в их борьбе за национальное возрождение.

Славянофилы 60-х годов не были панславистами в политическом отношении, но их теория о мессионизме царской России явилась теоретическим обоснованием русского панславизма, носившего реакционный, экспансионистский характер. В этом было главное отличие славянофилов от революционных демократов, стоявших за равноправное сотрудничество славянских народов, за избавление их как от чужеземного угнетения, так и от гнета собственного самодержавно-помещичьего строя.

Вместе с тем по ряду вопросов, касающихся национального движения славян в Австрийской монархии, взгляды славянофилов и демократов были довольно близкими, хотя исходили они в своих оценках с разных классовых позиций. Так, например, и те и другие отрицательно относились к австрийскому правительству, к попыткам сближения славянских национальных деятелей с феодальными кругами; и те и другие более сочувствовали либеральному крылу в национальном движении славян, чем консервативному.

Уже в конце 50-х годов славянофилы из преследуемой при Николае I группировки превратились в группировку, близкую по некоторым своим взглядам правительственным кругам (в особенности по вопросам внешней политики). В конце 1857 — начале

[50] «День», 1862, № 21, стр. 10—13, 3.III.
[51] «День», 1865, № 44, стр. 1037—1039, 13.XI.
[52] *В. И. Ламанский.* Непорешенный вопрос. «Журнал министерства народного просвещения», 1869, № 7—8, стр. 121, ч. CXII.

1858 г. по инициативе славянофильского кружка И. С. Аксакова, при активной поддержке болгарского Настоятельства в Одессе, выражавшего настроения эмигрантской болгарской буржуазии, а также при содействии правительственных кругов в Москве был основан Славянский благотворительный комитет. Он был утвержден императором 26 января 1858 г. по предоставлению князя Горчакова. В 60-х годах он неизменно пользовался финансовой правительственной поддержкой, которая составляла в среднем около 20% его бюджета [53]. Несмотря на близость во многих вопросах к точке зрения правительства, а также на присутствие в нем ряда видных государственных деятелей, Славянский комитет не являлся правительственной организацией и проводил свою политику, в некоторые моменты расходившуюся с правительственной.

Славянский комитет главную деятельность свою направил на помощь православным славянским народам, находившимся под властью Турции. Однако и славяне Австрийской империи уже с самого начала деятельности комитета попали в сферу его интересов. Об этом свидетельствует поездка И. С. Аксакова весной и летом 1860 г. по югославянским землям, в том числе по словенским и хорватским. Деятельность Славянского комитета в Австрии приобрела культурный характер, в то время как на Балканах она имела политический оттенок.

Славянофилы явились поборниками укрепления и развития общественных и культурных связей между русскими научными и общественными организациями и национальными обществами славян. Эти связи завязывались и укреплялись во время путешествий русских славянофилов по Австрии — И. С. Аксакова в 1860 г., В. И. Ламанского в 1862, 1868 и 1869 гг. и т. д. и наоборот — при путешествиях славян по России. Особенно в этом отношении была знаменательна поездка славян на Московскую этнографическую выставку в 1867 г. Но главным человеком, через которое не только Славянский комитет, но и все русские научные и культурные учреждения поддерживали контакты со славянами в Австрийской монархии, был протоиерей церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский, живший в Вене с 1843 г. По своим взглядам М. Ф. Раевский был близок славянофилам аксаковского направления.

В 1864 г. на основе указаний руководящих деятелей Славянского комитета М. Ф. Раевский разработал план распространения русского влияния на славян Австрии. Главный путь воздействия на них он видел в развитии «литературных сношений» и для улучшения их полагал необходимым: 1) заключить новую

[53] *С. А. Никитин.* Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 35, 40, 44, 59—60, 82.

почтово-литературную конвенцию с Австрией, которая бы облегчила славянам возможность получать русские книги, газеты, журналы по почте; 2) организовать лучше торговлю русскими книгами в Австрии; 3) посылать в Австрию книги частным путем в качестве пожертвований.

Кроме литературных связей средством «действовать на славян и направлять умы и сердца их по возможности в пользу России» Раевский считал издание в Австрии газет на русском и немецком языках «в русском направлении». Наконец, важное средство воздействия на славян Габсбургской монархии Раевский видел в материальной поддержке русскими национальных учреждений славян (школ, матиц, читален и пр.), а также в помощи бедным студентам и отдельным национальным деятелям. Только в Хорватии и Чехии, писал Раевский, национальные школы пользуются некоторой поддержкой правительства, в других местах оно их не поддерживает. Славяне на свои нищенские средства стараются создавать свои школы и матицы, но им это очень трудно сделать, ибо у них «аристократии нет, богатых людей нет, одни поселяне. Вот тут подать руку помощи русскому брату несчастным труженикам славянства» [54].

Таким образом, план Раевского предусматривал прежде всего установление культурных связей со славянами Австрии, материальную помощь последним. Направление деятельности, отраженное в плане Раевского, на протяжении 60-х годов было доминирующим у славянофилов по отношению к славянским народам Австрийской монархии.

В развитие научных и культурных связей между Россией и славянами Австрии был привнесен политический элемент только в период принятия дуалистической конституции в Австрийской монархии.

К середине 60-х годов стало ясно, что планы славян о федеративном переустройстве Австрийской империи не встречают сочувствия в правящих кругах, склонявшихся к компромиссу с венгерским дворянством и принятию дуалистической системы. Создатель теории автрославизма Ф. Палацкий выступил в 1865 г. в газете «Народ» с серией статей под заглавием «Идея Австрийского государства». В ней он доказывал, что единственная возможность сохранения Австрии — обеспечение полного равноправия ее народов, возможного только при федерализме. Палацкий заявлял, что чехи искренне желают сохранения Австрии, но при этом предупреждал: «День провозглашения дуализма вследствие неотразимой естественной необходимости будет и днем рождения панславизма в наименее желанной форме; что воспоследует потом — догадается каждый читатель. Мы, славяне,

[54] Отдел рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. 627, бумаги М. Ф. Раевского, 1864 г., лл. 7—18.

будем смотреть ему навстречу... без боязни. Мы были до Австрии, будем и после нее»[55]. Статья Палацкого отражала рост русофильских симпатий у чехов. Даже младочехи, решительно вставшие на сторону поляков в 1863 г., все более склонялись к опоре на Россию. «Но уж, конечно, господа немцы,— писала их газета «Глас»,— должны будут позволить нам, когда нам захочется топиться, утонуть с большею готовностью в русском море, нежели в немецком озере»[56]. Среди словенских национальных деятелей, особенно молодежи, очень популярным стал лозунг: «Лучше стать русским, чем пруссаком». Увлечение русофильскими настроениями характерно было и для Хорватии. В газете народняков «Новый Позор», начавшей выходить с 5 сентября 1867 г. в Вене, говорилось: «Мы можем уверить мадьяр, что охотнее согласимся слить свой ручей с великим славянским морем, нежели жертвовать собою и своей будущностью на алтаре мадьярской народности. Мы все-таки останемся славянами». «Новый Позор» прямо указывал на то, что именно политика Бейста и Андраши заставляет их обращать свои взоры в ту сторону, где живут славяне, пользующиеся своей независимостью[57].

Если в начале 60-х годов славяне интересовались прежде всего русской культурой и наукой, то во второй половине 60-х годов их интерес к России приобрел политическую окраску. При этом надо иметь в виду, что и скрытая угроза Палацкого о нарождении панславизма в его «наименее желанной форме», и намеки хорватской и словенской прессы о возможном «слиянии» хорватов и словенцев с русскими — все это имело своей главной целью припугнуть австрийское правительство, а также централистские и дуалистические круги возможностью ухода славян к России, возможностью, которая реально в то время и не существовала. Дело было не только в том, что сами славяне Австрии не желали этого, но и в том, что Россия после неудачной Крымской войны не занимала столь прочных и сильных позиций в Европе, как в первой половине XIX в., и была не в состоянии совершить объединение славян, даже если бы и хотела этого. Борьба с Австрией, Пруссией, Турцией для нее была не по силам. В этом не могли не отдавать себе отчета славяне. Но при росте угрозы германизации для одной части славян и мадьяризации — для другой пропаганда идеи политической опоры на Россию являлась своего рода орудием борьбы за национальное существование славян в Австрийской монархии, за усиление их сопротивления ассимиляции. Именно в это время (1867 г.) славяне отправились на Московскую этнографическую выставку.

[55] «День», 1865, № 28, стр. 662—668; № 30, стр. 717—721, 28.VIII и 4.IX.

[56] «Современная летопись», 1865, № 16.

[57] «Современная летопись», 1867, № 33, стр. 7; № 37, стр. 15.

Вопрос о русской этнографической выставке был поднят Обществом любителей естествознания при Московском университете. Был создан специальный комитет, который в 1865 г. принял предложение профессора Московского университета Н. А. Попова об организации на Этнографической выставке специального отдела зарубежных славян. Для сбора предметов быта и национальной одежды зарубежных славян решено было использовать Раевского, на что последний дал согласие. Редактор «Славише блаттес» Абель Лукшич по поручению Раевского в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры о посылке на Этнографическую выставку в Москву различной национальной одежды и предметов быта славян[58]. Кроме того, Раевский письменно обратился с этой же просьбой к ряду славянских национальных деятелей: у чехов — к Эрбену, у западных украинцев — к Головацкому, у хорватов — к Кукульевичу, у словаков — к Кузмани, у словенцев — к Томану и Блейвейсу. Успех превзошел все ожидания. Желая продемонстрировать симпатии к России, славяне послали на Этнографическую выставку богатые подарки. Костюмы, утварь, оружие и другие предметы быта пришли от матиц иллирской, сербской, словенской, галицко-русской, от Исторического общества в Праге, от галицко-русского Народного дома во Львове и т. д. Богатые подарки были сделаны отдельными славянскими национальными деятелями[59].

Русские славянофилы решили воспользоваться проведением Всероссийской этнографической выставки для созыва славянского съезда. По их рекомендации, на выставку были приглашены видные славянские деятели. В качестве демонстрации против введения дуализма многие из них, несмотря на угрозы дуалистической и централистской прессы, приехали в Москву. Всего на Этнографическую выставку прибыл 81 человек славянских гостей, из них: 27 чехов, 16 сербов из Воеводины, 10 хорватов, 4 украинца, 3 словака, 3 словенца. В основном это были деятели буржуазно-либерального направления. Из приехавших следует отметить: чехов — Палацкого, Ригера, Браунера, Вртятку, Патеру из лагеря старочехов и младочеха Ю. Грегра (издателя «Народных листов»); словаков — Есенского и Мудроня; словенца — М. Маяра; хорватов — Л. Гая, И. Данилу, А. Лукшича; украинцев — Я. Головацкого, И. Ливчака; воеводинских сербов — М. Полита, А. Вукашиновича, И. Суботича и др.[60]

Славянские гости были встречены торжественно не только славянофилами, но и широкими кругами русской либеральной

[58] Рукописный отдел ГБЛ, ф. 239, к. 17, ед. хр. 11, л. 3.
[59] «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г.». М., 1867, стр. 26, 49.
[60] *С. А. Никитин.* Славянские комитеты в России, стр. 175—180.

интеллигенции, дворянства, купечества, духовенства, официальной России. Они были приняты Александром II, великим князем Константином, Горчаковым, директором Азиатского департамента П. Н. Стремоуховым. Правительственные круги показывали свое расположение славянам, но никаких конкретных обещаний не давали.

Славянофилы же в отличие от правительства стремились придать съезду политическую окраску, Ламанский даже заявлял, что съезд «может стать поворотной точкой, открыть новую эпоху в истории славянского мира». Коротко он сформулировал задачи съезда так: укрепление и развитие славянского единства, принятие общеславянского языка [61].

Однако все случилось не так, как хотели славянофилы. Гости выступали с призывом к славянской взаимности, но большинство из них высказалось против принятия какого-либо общеславянского языка. На встречах со славянами был поставлен вопрос о периодическом созыве славянских съездов. Две трети из присутствовавших на съезде славян подписали документ, в котором говорилось о необходимости регулярно один раз в два года проводить славянские съезды с обсуждением на них научных, культурных и прочих вопросов, способствующих сближению славян [62].

Хотя славянские гости и не приняли предложений славянофилов, все же съезд носил антиавстрийский характер. Так хотели славяне из Австро-Венгрии, и в этом их поддерживали в известной степени русские славянофилы. «Говоря между нами, австрийское правительство вполне право,— писал по этому поводу Аксаков Погодину 3 июля 1867 г.— Не так же оно глупо, чтоб позволить себя уверять в том, что съезд в Москве не имеет политического значения. Разве не говорилось против мадьярского преобладания?.. А теперь это преобладание считается жизненным условием Австрийской империи» [63].

Решение славянских деятелей о созыве регулярных славянских съездов было проведено в жизнь только однажды. В мае 1868 г. по случаю закладки чешского национального театра в Прагу прибыл ряд видных славянских национальных деятелей. 4—5 мая было проведено секретное совещание в Стромовке, на котором присутствовали лидер старочехов Ригер, младочехи Ю. и Э. Грегры, Сладковский, русские славянофилы Ламанский, Наронович, Губин, сербы Суботич и Л. Костич, хорваты М. Мразович, Н. Крестич, украинцы А. Добрянский, Б. Дедицкий и др. На совещании обсуждался вопрос о создании Центрального сла-

[61] «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г.», стр. 71.
[62] Там же, стр. 410.
[63] ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 56, л. 9.

вянского комитета для координации всех действий славян. Эту мысль активно выдвигали русские представители при поддержке младочехов. Однако предложение было решительно отвергнуто старочехами и сербами[64]. Попытка Славянского комитета установить свой контроль над славянскими национальными движениями не удалась, что лишний раз подтверждало стремление славян Австрийской монархии только на словах, а не на деле припугнуть власти своим панславизмом.

После встречи в Праге русские представители поехали в Вену. Целью поездки было установление направления деятельности Славянского комитета среди славян Австро-Венгрии в создавшихся условиях. На совещании у Раевского присутствовали Ламанский, Наронович, Кудрявцев, западные украинцы А. И. Добрянский, О. Н. Ливчак и словак П. Кузмани. Обсуждался вопрос о едином плане действий Славянского благотворительного комитета в австрийских землях. Объектами помощи комитета было решено сделать прежде всего Вену, как главное средоточие славянской интеллигенции, затем западноукраинские земли, потом Словакию и, наконец, все остальные славянские земли. Интересно отметить, что в отношении очередности помощи славянам совещание в Вене придерживалось не религиозного, а национального принципа. Так, на первое место для оказания помощи были поставлены украинцы (униаты), на второе — словаки (протестанты и католики), а на третье — все остальные славяне, причем православные сербы наряду с католиками. В Вене предполагалось поддерживать славянскую газету на немецком языке «Цукунфт», а также образовать общество «Русская основа», объединявшее украинских студентов в Вене и должное стать центром распространения русской культуры среди студентов[65]. Раевский должен был заниматься главным образом благотворительной деятельностью по отношению к славянским просветительским обществам, газетам, отдельным национальным деятелям. Таким образом, после неудачной попытки славянофилов в 1867—1868 гг. взять в свои руки политическое руководство славянскими национальными движениями в Австрии они снова вернулись к прежней культурно-благотворительной деятельности среди славян.

Одной из главных форм культурных и научных связей между славянами Австро-Венгрии и русскими деятелями являлся книгообмен. Он в большинстве случаев велся через Раевского. Уже в 50-х годах Раевский выступал посредником между некоторыми славянскими и русскими научными учреждениями. Так, через него Общество истории и древностей южнославянских (Загреб) вело обмен литературой с Российской Академией наук,

[64] *С. А. Никитин.* Славянские комитеты в России, стр. 235—237.
[65] ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 24, л. 3, 3 об.

Ученым археологическим обществом. «Я Вас не мог дождаться,— писал глава загребского общества И. Кукульевич Раевскому 28 декабря 1859 г. по поводу возвращения последнего из России,— ибо, когда Вас нет в Вене, прекращаются все мои живые литературные связи с Россией»[66]. Еще с 50-х годов Раевский активно помогал изданию и распространению среди русских благотворителей «Сербско-далматинского магазина». Через В. Ганку Раевский посылал чехам, главным образом Чешскому музею, многие русские книги.

В 60-е годы деятельность Раевского по обмену книг между русскими и славянскими научными учреждениями увеличилась. Особенно много книг шло славянским матицам. Так, спустя всего два года после основания словенская матица в своей библиотеке насчитывала больше русских, чем всех других книг, вместе взятых. В 60-е годы словенская матица вела книгообмен через Раевского с шестью русскими научными учреждениями: Антропологическим обществом, Румянцевским музеем и библиотекой Славянского комитета в Москве, Академией наук и Русским географическим обществом в Петербурге, Обществом издания народных памятников в Вильно[67]. Матица сербская в Новом Саде в 1867—1868 гг. получала книги от Российской Академии наук, Русского географического общества, Общества любителей естествознания и Общества любителей российской словесности. Кроме того, как матице православного народа ей посылали издания Петербургская, Московская, Киевская, Казанская духовные академии[68].

После отделения в 1868 г. от Славянского комитета в Москве Славянского комитета в Петербурге обмен книгами со славянами Австро-Венгрии увеличился. Деятельность Петербургского славянского комитета носила преимущественно литературный характер. Одной из важных акций этого общества в первые годы существования было вступление его в качесте члена-основателя с соответствующими взносами во все славянские матицы Австрийской монархии, на что Раевский получил от него до конца 1871 г. около 600 руб.[69] Этим актом Петербургский славянский комитет не только помог материально славянским матицам, но и обеспечил для своей библиотеки регулярное поступление всех их изданий. В 1870 г., по инициативе Петербургского комитета, был составлен список всех славянских читален[70]. В 1871—1872 гг. славянские комитеты снабдили их русскими книгами и газетами.

[66] ОПИ ГИМ, ф. 347, Щ 570—634.
[67] *И. В. Чуркина.* Матица словенская и русские славянофилы. «Славяне и Россия». М., 1972, стр. 118.
[68] «Србски летопис», кн. 112. Нови Сад, 1871, стр. 499, 555—556.
[69] ОПИ ГИМ, ф. 347, Щ 530/8 письмо Будиловича от 22.XI 1871 г.
[70] Рукописный отдел ГБЛ, ф. Погодина, к. 2, д. 27.

Книгообмен наладился со многими другими славянскими просветительскими и научными обществами. Согласно отчету Раевского Славянскому комитету в Москве за 1870 г., им постоянно посылались книги в следующие места: Русской беседе и Народному дому во Львове; Русской беседе и Обществу св. Василия в Ужгороде; Обществу св. Иоанна в Пряшеве; Русской беседе в Черновицах; Русской беседе в Сигете; Матице словацкой в св. Мартине; словацким гимназиям в Ревуце и св. Мартине; Чешскому академическому сполеку и Чешскому музею в Праге; Матице далматинской в Задаре; Матице словенской в Любляне; Матице сербской в Новом Саде; Югославянской Академии в Загребе; Сербской препаранде в Сомборе; Славянской беседе и Русской основе в Вене; Славянской беседе в Граце; Черногорской семинарии[71]. Книги эти шли не только от славянских комитетов, но и от Российской Академии наук, университетов, различных русских научных обществ. Только за 1870—1872 гг. через Раевского славянам в Австро-Венгрии переслали более 15 тыс. русских книг, главным образом произведений русских классиков и сочинений по истории России и славян.

Кроме помощи славянским матицам и другим обществам деньгами и книгами славянские комитеты пытались будировать творческие национальные силы. Так, в связи с постройкой чешского театра в Праге Московский комитет назначил премию в 1000 руб. за лучшую чешскую трагедию или оперу к открытию театра[72].

Московский комитет на протяжении 60-х годов платил стипендию ряду славянских студентов в Австрии (по рекомендации Раевского), многим выдавал единовременные пособия.

В 1868—1869 гг. в Австрии было 22 стипендиата славянских комитетов: пять хорватов, четыре серба, четыре украинца, четыре словенца, три чеха, два словака. На них тратилось 1500 руб. в год. Позднее число славянских стипендиатов сократилось до 10—15 человек. Преимущественно это были украинцы и словаки[73].

Были и другие виды благотворительности: помощь отдельным славянским национальным деятелям, некоторым газетам, обществам. Из газет славянофилы материально поддерживали украинские «Слово», «Свет», словенскую «Славян», хорватскую «Позор» и некоторые другие. За 1868—1869 гг. комитетами была оказана помощь деньгами и ряду видных славянских деятелей: сербам Политу и Суботичу; словакам Гурбану и Кузмани; чеху Палацкому (как премия за сочинение о Гусе) и др.[74]

[71] ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 69, л. 12 об.
[72] «Современная летопись», 1869, № 35, стр. 15; 1868, № 17, стр. 6.
[73] *M. Tanty.* Panslawizm, carat, polacy. Warszawa, 1970, str. 237.
[74] Там же, стр. 240—241.

Своеобразным центром пропаганды русского языка и культуры стала в Вене «Русская основа», созданная в ноябре 1868 г. С самого начала в ней проводились доклады и лекции, знакомившие слушателей с достижениями культуры России. При этом использовались представители русской интеллигенции, жившие в Вене. Зимой 1868/69 и 1869/70 гг. известный русский литератор П. Д. Боборыкин регулярно дважды в неделю выступал там с лекциями о русской литературе; доктор Скоров читал комедии «Горе от ума» и «Женитьба», а доктор Насипов — комедию «Ревизор»; князь Енгалычев ознакомил членов общества с реформами в России: крестьянской, судебной и земской, — а также прочел курс лекций по истории русской литературы и театра [75]. В «Русской основе» Раевскому удалось уже в 1869 г. организовать изучение русского языка с помощью галичанина Кулянды.

Лекции в «Русской основе», уроки русского языка посещали не только западные украинцы, но и другие славяне. В начале 1870 г. Раевский отмечал, что особенно часто бывали в «Русской основе» словацкие и словенские студенты, а также чехи. ««Основа» при хорошем ходе сама может сделаться центром, около которого будут группироваться другие славянские студенты», — с гордостью заключал Раевский [76].

Сообщения Раевского о стремлении славянских студентов изучать русский язык подтверждались и корреспондентом «Современной летописи», который писал в марте 1869 г., что славянские студенты ждут и не дождутся, когда юношество «будет иметь возможность слушать университетский курс на общеславянском (русском.— *И. Ч.*) языке... В этом смысле работают все славянские кружки в Вене,— продолжал корреспондент,— все они приискали себе кое-кого из русских, которые преподают им практически русский язык. Изучение это идет сравнительно успешно, а за охотой и готовностью учиться дело не останавливается» [77]. Таким образом, русский язык изучался славянскими студентами не только в «Русской основе», но и в своих обществах. Так, Кулянда, преподававший в «Русской основе», вел русский язык также в Чешском академическом сполеке и словацком обществе Татран. Главными поборниками изучения русского языка в Вене среди студентов являлись словак Рогонь, галичанин Кулянда и хорват Томич, которые были «всецело преданы служению идее славянского единства» [78].

1 марта (17 февраля) 1869 г. в Вене произошло первое собрание студентов всех славянских студенческих обществ, кроме польского. Пришло более 500 человек. На собрании Боборыкин

[75] ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 24, л. 5.
[76] Там же, д. 13, л. 1—5.
[77] «Современная летопись», 1869, № 12, стр. 5.
[78] «Современная летопись», 1869, № 25, стр. 8.

прочел доклад о современном состоянии русской литературы и о ее влиянии на общество. Выступавшие студенты (Рогонь, Томич и др.) выражали надежду, что скоро все славянские студенты будут учиться в славянских университетах, призывали славян изучать русский язык, будущий дипломатический язык славян, и «установить программу для действия в пользу общеславянских интересов, дабы солидарно защищаться против общих врагов». Снова встал вопрос об организации славянской книжной торговли [79]. Летом того же года славянские студенческие общества собрались в окрестностях Вены — в Гринцинге. Здесь было решено, что в 1870 г. все речи на общеславянских сходках молодежи будут произноситься только на русском языке [80].

Такое широкое признание среди венских славянских студентов необходимости русского языка в качестве общеславянского объяснялось рядом причин. Во-первых, Вена являлась местом сосредоточения наиболее ярых немецких националистических сил и прессы, что вызывало ответную реакцию у венских славян. Во-вторых, в Вене представители разных славянских народов общались наиболее интенсивно и наиболее ощутимо чувствовали необходимость единого славянского разговорного языка. Им в известной степени пока являлся немецкий язык. Ненависть к германизации, чувство национального достоинства подводили славянскую молодежь к признанию необходимости «общеславянского» языка, который бы мог заменить им в общении немецкий язык.

Славянский благотворительный комитет всячески поддерживал стремление славянских студентов в Вене изучать русский язык, отпускал средства на «Русскую основу». В 1868 г. из Москвы переслали в Вену 500 руб. для четырех учителей русского языка среди славян [81].

Желание изучить русский язык было характерно не только для венских славян. Губин, путешествовавший осенью 1867 г. по южнославянским землям Австрии, писал Раевскому 14 октября из Любляны: «Скажу только, что везде, как в Песте, так в Загребе и Любляне, желали бы иметь хотя по одному экземпляру всех русских гимназических учебников, чтобы можно было извлечь русскую техническую терминологию и чрез то избегать иностранных названий... Желали бы иметь учителей русского языка из русских в Любляне и в Загребе... Звали меня учить их русскому языку» [82]. Интересно, что просьбы о посылке гимназических учебников и грамматик пришли в Славянский комитет

[79] «Современная летопись», 1869, № 9, стр. 10—11.
[80] «Современная летопись», 1869, № 25, стр. 9.
[81] «Современная летопись», 1867, № 44, стр. 1.
[82] ОПИ ГИМ, ф. 347, Щ 570—634.

в Москве за период от 9 декабря 1868 г. по 25 марта 1869 г. из Львова, Праги, Вены, Нового Сада, Белграда[83]. Все это говорит о том, что желание славян Австро-Венгрии изучать русский язык объяснялось помимо их симпатий к России еще конкретными нуждами национальной борьбы. Например, стремление заменить немецкую научную терминологию в гимназических учебниках русской, несомненно, диктовалось интересами борьбы с германизацией, которая особенно интенсивно проводилась именно в гимназиях.

Русский язык активно изучался в чешских землях, как отмечал летом 1867 г. корреспондент аксаковской газеты «Москва» в Праге. «Стремление учиться русскому языку в настоящее время сильно во всей Чехии,— писал он.—... Мало того, не в Праге, где есть все средства идти за потоком общественного мнения, а в отдаленных уголках Чехии обнаружилось самое ревностное стремление учиться по-русски... Профессор Коларж дает частные уроки русского языка и читает лекции о том же предмете (дважды в неделю) для купеческого общества «Меркурий», причем к нему собирается до 50 слушателей. В здешней «Чешской беседе» русская речь слышится тут и там из уст чистых чехов... Со мною говорили здесь довольно свободно по-русски чехи, никогда не бывавшие в России, из ученого сословия и купечества»[84]. Автор корреспонденции не случайно отмечал особый интерес к русскому языку чешского купечества. В южнославянских землях Австрии купечество также выражало желание изучать русский язык. В 1867 г. на средства риекского купца, словенца по происхождению, Грегора Блажа вышла «Грамматика русская для словенцев», написанная М. Маяром. В приложении к ней давались образцы деловых писем по торговым делам на русском языке. В обширном предисловии Блаж подчеркивал необходимость для людей, занимающихся международной торговлей, знания русского языка, поскольку он господствует над половиной Европы и такой же частью Азии[85]. Упомянутый выше корреспондент «Москвы», побывавший летом 1867 г. и в Любляне, отмечал, что «действительно настает насущная потребность утверждения прямых торговых сношений между Россией и западнославянскими племенами». В качестве примера он приводил тот факт, что одесский хлеб, потребляемый в Любляне, приходит сюда через руки немецких комиссионеров. «Как в Праге,— продолжал корреспондент,— представители одной купеческой фирмы, намеревающейся устроить магазин

[83] «Современная летопись», 1869, № 14, стр. 15.
[84] «Москва», 1867, № 99, 4.VIII.
[85] *И. В. Чуркина.* Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50—70-е годы XIX в. «Славянская историография и археография». М., 1969, стр. 161—162.

чешских произведений в Москве, сетовали на то, что русские покупают во Франции и Германии все, что в Чехии приготовляется хорошо и дешево, но что остается совершенно неизвестным в России потому лишь, что не существует прямой торговли между странами, так точно в Триесте, Риеке и Любляне нашлись бы фирмы, чтобы завести прямые сношения с Россией, если бы не было препятствий». Главное препятствие для установления прямой торговли между славянами Австро-Венгрии и Россией русский корреспондент видел в политике австрийских властей, не желавших допустить устранения немцев-посредников из славянской торговли [86].

Таким образом, каждая социальная группа среди славян бралась за изучение русского языка исходя из своих интересов. Никто из них не думал заменить свой язык русским, но они видели в русском языке инструмент общения друг с другом, инструмент развития торговли с Россией, инструмент борьбы с германизацией и становления своих собственных литературных национальных языков.

Все вышеперечисленные моменты будут неполны, если недобавить к ним и желание довольно широких кругов славянской интеллигенции глубже познакомиться с русской культурой и наукой. Помимо интереса к русскому языку это желание проявилось также в интересе к русскому искусству.

В Любляне осенью 1867 г. Губина просила прислать для театра русскую драму Островского, комедию, водевиль и оперу, «чтобы этим заинтересовать публику» [87]. Госпожа Е. Н-я, написавшая заметку о театральных постановках в Праге осенью-зимой 1869 г., сообщала, что в Праге с успехом идет «Доходное место» Островского и предполагается поставить еще «Фрола Скобеева» и «Василису Мелентьеву». О постановке русских опер она замечала, что «в Праге представление русских опер идет несравненно удачнее, чем в сердце России — в Москве». Русская опера имеет успех, и лучший солист чехов Палечка выбрал для своего бенефиса оперу Даргомыжского «Русалка». Е. Н-я советовала русским обратить внимание на оперу Сметаны «Проданная невеста» [88].

Приезд русских артистов воспринимался славянами с большим воодушевлением. Еще в 1862 г. с успехом выступал в славянских землях Австрийской монархии русский скрипач Свечин. В Любляне он появился на сцене в русском народном костюме. «Публика пришла просто в восторг, аплодисментам не было конца»,— писал об этом А. Троянский. Чехи тоже приняли сначала Свечина хорошо, однако его участие в торжестве в

[86] «Москва», 1867, № 111.
[87] ОПИ ГИМ, ф. 347, Щ 570—634.
[88] «Современная летопись», 1869, № 46, стр. 9—10.

честь Шиллера и включение в концерт немецких песен вызвало их неудовольствие [89]. В начале 1867 г. знаменитый русский композитор М. Балакирев ставил в Праге оперу Глинки «Руслан и Людмила». По словам русского музыкального критика Г. Лароша, опера была «исполнена в Праге с огромным успехом и, как кажется, с редким совершенством» [90]. Д. А. Агренев-Славянский, певец и создатель хора русских народных песен, в 1868 г. гастролировал со своим хором по южнославянским землям. Он дал концерты в Белграде, Новом Саде. Вместе с сербским поэтом Л. Костичем записывал по селам народные песни. В Сомборе и Вуковаре общества любителей пения нарочно разучили русские народные песни и исполняли их в честь русских гостей. Славянский намеревался посетить и Загреб, однако австрийские власти запретили ему это [91]. Связи Славянского с зарубежными славянами не ограничивались одними гастролями. В мае 1868 г. он вел переписку с Раевским о подыскании им для его хора чешских певцов. Наряду с этим Славянский просил прислать ему побольше южнославянских песен. Русский певец считал целью своей деятельности «ознакомлять публику со славянскими напевами, возбуждая народной песней и интерес к народной жизни» [92].

Развитие научных и культурных связей способствовало тому, что многие славянские ученые получили признание среди научных кругов России и наоборот. Так, членами Российской Академии наук, почетными профессорами русских университетов, членами различных научных обществ стали чехи Ф. Палацкий, Ф. Ригер, А. Патера, серб В. Караджич, словенец Ф. Миклошич, хорваты И. Кукульевич и Ф. Рачки, словак П. Кузмани и многие другие видные деятели славян. В свою очередь среди почетных членов славянских матиц, музеев и других научных и культурных обществ было немало русских ученых-славистов — А. Гильфердинг, М. Погодин, И. Срезневский и другие, а также наиболее видные практические деятели славянских комитетов, например М. Ф. Раевский.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что в 60-е годы XIX в. в связи с рядом политических факторов возрос интерес славянских народов Австрии к России и русской общественности к жизни славян. Этот интерес выразился как в увеличении внимания русской прессы к славянским делам, а славянской — к русским, так и в расширении культурных, научных и общественных связей между Россией и славянскими народами Австрии. Русская пресса, как демократическая, так либеральная и славя-

[89] «Современная летопись», 1862, № 49, стр. 8—9.
[90] «Современная летопись», 1868, № 4, стр. 3.
[91] «Кругозор», 1877, № 46, стр. 736.
[92] ОПИ ГИМ, ф. 347.

нофильская, освещая на своих страницах славянский вопрос в Австрии, резко критиковала австрийское правительство за угнетение славянских народов, с симпатией следила за развитием славянских национальных движений. Но в то время, как революционные демократы призывали славян искать себе главную опору в своей борьбе в самих себе и в революционном движении и не доверять России, пока она представляет собою самодержавно-помещичье государство, славянофилы считали, что без России славяне не смогут сохранить свою самобытность, призывали славян подчинить свою национальную культуру русской культуре, признать руководящую роль царской России над собой.

Основную непосредственную связь со славянами Австрийской монархии осуществляли в 60-е годы славянские комитеты. Московский славянский комитет был инициатором установления связей, прежде всего книгообмена, между русскими научными и культурными учреждениями и национально-просветительскими и научными обществами славян; он же собирал средства в помощь славянам и их организациям, был инициатором Славянского съезда в Москве в 1867 г. Такая активная и в известной степени плодотворная деятельность славянофилов стала возможна благодаря поддержке ее правительственными кругами. Стоит подчеркнуть, что, хотя доктрина славянофилов и предусматривала ведущую роль России среди славян, их практическая деятельность в Австрии в 60-е годы отступала от этого — она носила там среди славян культурно-просветительский и благотворительный характер. Попытка славянофилов в 1867—1868 гг. навязать славянам свое политическое руководство не имела успеха из-за отпора со стороны славянских национальных деятелей. Вместе с тем следует отметить, что уже с конца 60-х годов стала проявляться тенденция славянофилов к внесению в контакты со славянами Австро-Венгрии религиозного элемента. В 1868 г. была задумана постройка православной церкви в Праге, долженствующей стать центром распространения православия в чешских землях. Но славянофилы развернули православную агитацию только в 70-е годы. Религиозная политика славянофилов в дальнейшем значительно повредила развитию культурных и научных связей между Россией и славянами Габсбургской монархии.

В целом можно сказать, что славянофилы объективно сыграли определенную роль в развитии русско-славянских культурных и научных связей в 60-е годы XIX в.

Т. И. АЛЕКСЕЕВА, В. П. АЛЕКСЕЕВ

ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

До сих пор редко предпринимались сколько-нибудь обширные попытки осветить происхождение славянских народов в целом, опирающиеся на антропологические данные. Крупные исследования посвящены лишь отдельным народам, и требуется большая работа, чтобы свести их результаты в общую картину. Поэтому в кратком докладе можно очертить лишь самые общие контуры рассматриваемой темы, не касаясь деталей и не углубляясь в подробности собственно антропологического анализа. Иными словами, в данном сообщении речь пойдет не об этапах антропологического анализа, даже основных, а лишь о конечных выводах из него, имеющих этногенетическое значение.

Интерпретация основных сведений об антропологическом составе славянских народов прошла по мере их накопления через три этапа, связанных с общим развитием антропологической теории и уровнем разработки проблем этногенеза в смежных дисциплинах. Первый этап начался практически вместе с первыми шагами использования данных антропологии в этногенетическом исследовании и продолжался несколько десятилетий. Второй этап связан с деятельностью советских антропологов в 30—50-х годах, отказавшихся от традиций предшествующего периода и выдвинувших взамен им концепцию полного несовпадения расовых и историко-культурных явлений. Третий этап переживаем мы сейчас, и его характерной чертой является частичное, но на новом уровне знания и понимания возвращение к концепциям первого периода.

Сходство физических особенностей использовалось для восстановления происхождения народов уже в первых работах, посвященных изучению расовых типов земли. Усовершенствование методики позволяло находить все более важные признаки, отражающие не изменчивые внешние, а генетические особенности этнических групп и популяций. Отсюда вера в неразрывную связь физического типа, языковой принадлежности и культурно-исторической динамики, вера в параллельную дифференциацию этих на самом деле глубоко разнородных явлений. В своем крайнем проявлении такая вера приводила к расизму, но ее разделяли и полностью свободные от расизма исследователи. Каждый народ в соответствии с этой концепцией являлся носителем определенного комплекса расовых свойств, и, например, в одной из первых детальных классификаций человечества по физическим призна-

кам, принадлежащей перу И. Е. Деникера[1], фигурируют угорская раса, тюрко-татарская и т. д.

Неоднородность славянских народов по физическим признакам сразу же была замечена уже первыми исследователями, и, например, болгары были безоговорочно отнесены к южной ветви европеоидов, а западные и восточные славяне — к центральноевропейской или восточноевропейской расам, занимающим промежуточное место между южной и северной ветвями европеоидов. Этот бесспорный факт с самого начала подрывал веру в идею полного совпадения границ языка и расы. Но идея эта пробивала дорогу применительно к отдельным группам внутри славянских народов, и «светлый брахикефал», «темный долихокефал» или «темный брахикефал» дебатировались весьма оживленно на роль исходных прототипов для западнославянских и восточнославянских народов[2]. Дебаты прошли через несколько десятилетий, и в 30-х годах, например, В. В. Бунак рассматривал брахикранный компонент с нешироким лицевым скелетом как основной в составе средневековых восточнославянских серий, хотя и сопровождавшийся значительной примесью другого, долихокранного и узколицего компонента в северных районах[3]. В работе, посвященной антропологическому составу современного восточнославянского населения, он вскрыл на территории распространения этого брахикранного типа в эпоху средневековья большое локальное разнообразие[4].

Антропологические исследования второго периода сформировались под исключительным влиянием резкой реакции на индоевропейское языкознание со стороны Н. Я. Марра и его сотрудни-

[1] *I. Deniker.* Essai d'une classification des races humaines basés uniquement sur les caracteres physiques. «Bulletins de la sociéte d'anthropologie», ser. III, t. 12, 1889; *он же.* Les races de la terre. Paris, 1900; *И. Деникер.* Человеческие расы. СПб., 1902.

[2] Весьма поучительная дискуссия вокруг этой проблемы, связь ее с политическими тенденциями, существовавшими в разных странах, наконец, зависимость ее от теоретических взглядов и общественных симпатий участников не нашли в целом подробного изложения в антропологической историографии. О борьбе в России вокруг понятия проторас и совпадения их границ с границами народов см.: *Г. Ф. Дебец.* Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». II. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 85. М., 1963; *В. В. Бунак.* Очерк исследований по этнической антропологии русского населения, выполненных до 1950 г. «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным». «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 88, 1965; *Т. И. Алексеева.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. «Советская этнография», 1971, № 2.

[3] *V. Bunak.* The craniological types of the East slavic kurgans. «Antropologie», t. X. Praha, 1932.

[4] *V. Bunak.* Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd XXX, Heft 3, 1932.

ков. В основном она затронула лишь советскую литературу и представлена в антропологии работами Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой. Г. Ф. Дебец в статьях об антропологии современного русского и финноязычного населения, а также в сводной работе по палеоантропологии СССР[5], Т. А. Трофимова в специальных исследованиях, посвященных краниологии средневекового восточнославянского населения и сопоставлению его с западнославянским[6], защищали по форме разные, но теоретически тождественные тезисы о полном несовпадении границ расовых общностей с языковыми и этнокультурными. Г. Ф. Дебец писал о проявлении одних и тех же расовых комплексов в составе финских и восточнославянских народов, Т. А. Трофимова — об отсутствии исходного типа в составе западных и восточных славян и формировании их в местах их современного расселения.

Лежащее в основе этих конкретных выводов общее положение об отсутствии причинной связи между единицами расовой и языковой, расовой и историко-культурной классификации, в принципе совершенно правильное, получило и теоретическое обоснование, а также аргументацию на примерах, выходящих за рамки европейской антропологии[7]. Оно совпадало с пафосом «нового учения о языке», резко выступавшего против самой темы прародины в этногенетических исследованиях. В лингвистике это учение полностью преодолено; что касается смежных дисциплин, на которые оно оказало сильное влияние, то в них имеются лишь отдельные попытки его критического рассмотрения. В антропологической литературе такие попытки также единичны, нет и подробной критической оценки основанных на идеях Н. Я. Марра антропологических работ[8]. Может быть, именно воздействием этих идей объясняются абсолютизация теоретически бесспорного положения об отсутствии причинной связи расы с народом и языком и практи-

[5] *Г. Ф. Дебец.* Так называемый «восточный великорус» (к вопросу о пранародах и протораcах). «Антропологический журнал», 1933, № 1—2; *он же.* Рецензия на статью: *V. Bunak.* The craniological types of the East slavic kurgans. «Антропологический журнал», 1934, № 1—2; *он же.* Палеоантропология СССР. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. IV, 1948.

[6] *Т. А. Трофимова.* Черепа из Никольского кладбища (К вопросу об изменчивости типа во времени). «Материалы по антропологии Восточной Европы». «Уч. зап. МГУ», вып. 63, 1941; *она же.* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. «Советская этнография», 1946, № 1; *она же.* Краниологические данные к этногенезу западных славян (Славяне раннего средневековья на территории Германии и Польши). «Советская этнография», 1948, № 2; *она же.* Палеоантропологические материалы к разработке проблемы этногенеза славян. «Тезисы докладов и выступлений на совещании по методологии этногенетических исследований 1951 г.» М., 1951.

[7] *Г. Ф. Дебец.* Расы, языки, культуры. «Наука о расах и расизм». «Труды Научно-исследовательского ин-та антропологии МГУ», вып. IV. М.— Л., 1938.

[8] См., например: *М. Г. Левин.* Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «Советская этнография», 1951, № 3.

ческое забвение другого бесспорного положения о наличии между ними территориальной связи, особенно четко выраженной на ранних этапах истории человечества. Кстати сказать, теоретически Г. Ф. Дебец признавал это положение, о чем он недвусмысленно писал во вводной главе своей книги по палеоантропологии СССР.

Преодоление отмеченной абсолютизации составляет методологическое содержание работ третьего периода. Оно оказалось возможным в результате как накопления более полных материалов, охватывающих все локальные вариации в антропологическом составе славянских народов, так и формирования новой исходной теоретической позиции, согласно которой очаги глотто-, этно- и расогенеза географически совпадали на ранних этапах человеческой истории и это географическое совпадение либо частично сохраняется до современной эпохи, либо может быть восстановлено с достаточной определенностью[9]. В славянской антропологии параллелизм расовых комплексов и этнической принадлежности можно продемонстрировать рядом примеров. В. В. Седов показал своеобразие заведомо славянских и финских серий при изучении палеоантропологических материалов с территории Новгородской земли[10], М. С. Великанова продемонстрировала такую же этническую локализацию определенных краниологических комплексов при сопоставлении славянского населения Поднестровья с населением культуры полей погребений[11], В. Кочка выделил характерную для славян амплитуду межгрупповых вариаций указателей[12], В. В. Бунак очертил комплекс признаков при исследовании современного населения, который позволяет противопоставить в антропологическом отношении славянское население Восточной Европы народам Центральной и Западной Европы[13].

В итоге всех этих исследований и многих других накоплен громадный краниологический и соматологический материал, который дает возможность составить детальную характеристику современных славянских народов, проследить их генетические связи со средневековым населением и оценить степень сходства и различий их с окружающими родственными и неродственными народами. Соматологические материалы, собранные разными работниками, несут на себе печать их индивидуальности, и поэтому краниоло-

[9] *В. П. Алексеев.* Очаги расообразования: антропология и история. «Природа», 1973, № 5.

[10] *В. В. Седов.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», вып. XV, 1952.

[11] *М. С. Великанова.* К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. «Советская этнография», 1964, № 6.

[12] *W. Kócka.* Zagadnienia etnogenezy ludów Europy. «Materialy i prace antropologiczne», N 22. Wroclaw, 1958.

[13] *В. В. Бунак.* Вопросы расогенеза. «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным».

гические данные предпочтительнее для широкого межгруппового сопоставления. Полную ревизию краниологических материалов по средневековому восточнославянскому населению произвела Т. И. Алексеева[14]. Ею же осуществлена сводка данных и по западным и южным славянам в сравнении со средневековыми германскими, балтийскими и финскими этническими группами[15]. Средневековое население в большей мере, чем современное, сохранило незамутненным свой антропологический состав, и поэтому свойственный каждому народу или группе родственных народов антропологический комплекс выявляется в нем отчетливее.

Сразу же оговоримся, что при близости расовых вариантов человечества друг к другу, при неглубокой внутривидовой дифференциации современного человеческого вида этнически локализованные морфологические комплексы не являются замкнутыми образованиями, границы изменчивости которых не перекрещиваются друг с другом. Наоборот, нужно говорить в данном случае не об абсолютных морфологических рубежах, отделяющих одну группу народов от другой, а скорее о преобладающих тенденциях групповой изменчивости и преимущественном распространении того или иного сочетания признаков в рамках народа или совокупности народов, объединяемых общим языковым родством. С этой существенной оговоркой и следует воспринимать все дальнейшее изложение.

При сравнении всех находящихся в нашем распоряжении многочисленных средневековых серий по отдельным признакам трудно заметить какие-либо правильности в их географическом распределении[16]. Вариации признаков располагаются более или менее дисперсно, и накопление близких вариаций охватывает лишь территориально близкие племенные группы. Это означает, что из всех краниологических особенностей, которыми располагает современная программа измерений на черепе, нет ни одной однородной вариации, которая имела бы обширные ареалы, соответствующие ареалам расселения западных и восточных славян, германцев или финнов. Может быть, предыдущие многолетние попытки установить краниологическую типологию славян и гер-

[14] *Т. И. Алексеева.* Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья. «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; *она же.* Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра. «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961; *она же.* Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья. «Антропологический сборник», IV. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 82, 1963. *T. Aleksiejewa.* Wschodnioslowiánskie czaszki z kurhanów plemiennych. «Materialy i prace antropologiczne», N 72. Wroclaw, 1966.

[15] *Т. И. Алексеева.* Славяне и их соседи (по данным антропологии). «Anthropologie», IV/2, Brno, 1966.

[16] В работе, указанной в предыдущем примечании, опубликованы 15 карт распределения краниологических признаков у средневекового населения Европы.

манцев и окончились частично неудачей потому, что опирались на неформулированную, но интуитивно четко выраженную надежду найти именно отдельные маркирующие признаки или в крайнем случае их сочетания, состоящие из двух-трех таких признаков.

Для дальнейшего анализа исключаем признаки со сколько-нибудь высокой функциональной корреляцией. Это нетрудно сделать, так как существует много работ, посвященных внутригрупповым связям краниологических признаков, и поэтому хорошо известны стандартные величины таких функциональных корреляций. Из мало связанных между собой внутригрупповыми корреляциями признаков особенно четко дифференцирующее значение видно в четырех сочетаниях, отражающих соотношения двух или трех признаков: высоты черепной коробки к полусумме горизонтальных ее диаметров, высоты лицевого скелета к высоте черепной коробки, высоты орбит к высоте черепной коробки и ширины носа к ширине лицевого скелета. Именно эти четыре индекса, а не отдельные размеры обнаруживают групповые вариации, специфические для групп народов, объединяемых языковым родством,— славян, германцев, балтов и финнов [17]. Естественно, что параллельно они обнаруживают и более или менее закономерную географическую изменчивость: финскому ареалу свойственны высокоголовость, скорее низколицесть, низкоорбитность, скорее узконосость (все это в относительном выражении), славянскому — похожий комплекс, но широконосый, с несколько более высоким в целом лицом и чуть более высокими орбитами, для германского ареала характерны низкоголовость, высоколицесть, высокоорбитность и узколицесть, для балтийского — близкий к славянскому комплекс, но с более высоким в целом лицом. Таким образом, финские и германские народы являются наиболее контрастными в антропологическом отношении на территории Европы, что хорошо согласуется с историко-этнологическими и лингвистическими данными.

Важно отметить, что балты в соответствии с вариациями дифференцирующего комплекса ближе к славянам, чем германские племена. Такая степень близости свидетельствует в пользу гипотезы более тесного и более позднего балто-славянского единства, чем германо-балто-славянского. Хотя в языкознании сейчас преобладает именно такое понимание этапов дробления европейской подгруппы индоевропейских языков, есть и взгляды [18] противо-

[17] *Т. И. Алексеева.* Славяне и их соседи...

[18] Обзор и критическое рассмотрение соответствующих исследований см.: *В. Н. Топоров.* Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. «Вопросы славянского языкознания», вып. 3, 1958; *он же.* Очерк истории изучения древнейших балто-славянских отношений. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XVII, 1959; *он же.* Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIII, 1962.

положные, поэтому этот дополнительный аргумент от антропологии не является лишним.

Выделенный дифференцирующий комплекс позволяет наметить определенные морфологические группы и внутри славянских народов, соответствующие тройному подразделению славянских языков, и опять получить картину известного соответствия антропологической и лингвистической классификаций. При этом степень их близости между собой и с неславянскими народами неодинакова: западные и восточные славяне в целом значительно четче противопоставляются германцам, чем южные, которые как раз обнаруживают с последними большое сходство. Такое сходство видно в вариациях трех из перечисленных выше четырех индексов. Таким образом, если говорить о самостоятельной комбинации признаков, свойственной лишь славянским народам и больше никаким другим, то такой комбинацией в первую очередь следует считать комбинацию, представленную среди западных и восточных славян. В расовом отношении именно они испытали наименьшее влияние других народов и сохраняют в своем составе исходный праславянский комплекс признаков.

Сопоставление краниологических особенностей современных народов Центральной и Восточной Европы ни разу не было произведено в таком объеме, как по отношению к эпохе средневековья, хотя очень обширные краниологические материалы из близких к современности могильников уже опубликованы и подготовлены для такого сопоставления. В принципе чрезвычайно интересно, что даст такое сопоставление и подтвердит ли оно выводы, полученные при сравнении данных по средневековым этническим группам. Но пока оно не осуществлено, остается обратиться к соматологическим материалам. По восточнославянским народам они собраны в 50-х — начале 60-х годов силами всего нескольких работников, что обеспечивает удовлетворительную сравнимость этих материалов [19]. По западнославянским народам таких хорошо сравнимых материалов, охватывающих к тому же все основные локальные и этнографические группы, нет, и поэтому приходится удовлетвориться суммарной характеристикой. Комбинируя разные данные, В. В. Бунак убедительно продемонстрировал своеобразие восточноевропейской расы в целом по сравнению с типологическими вариантами, представленными в населении Центральной и Западной Европы [20], что подтверждает результаты краниологических сопоставлений для эпохи средневековья.

Итак, в результате всего сказанного мы приходим к выводу, что итоги антропологического анализа, нацеленного на выявле-

[19] *В. Д. Дяченко.* Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965; «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным».

[20] *В. В. Бунак.* Вопросы расогенеза.

ние морфологической типологии славянских народов, состоят в выделении трех специфических комбинаций признаков, характерных для южных, западных и восточных славян, и позволяют рассмотреть вопросы происхождения каждой группы в свете антропологических данных отдельно. Только после этого можно будет свести все частные выводы в единую синтетическую картину.

Говоря о южных славянах, следует иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство — географическую приуроченность находящихся в нашем распоряжении краниологических материалов по средневековому населению. Они происходят из могильников на территории Болгарии и Хорватии[21]. Ни ближайшие предки словенцев, ни предки черногорцев не представлены в этих материалах. Поэтому одну из проблем, рассмотренных в последующем докладе В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлея, специально посвященном этногенезу южнославянских народов,— проблему автохтонного субстрата верхнепалеолитического происхождения в высокогорных районах западной части Балканского полуострова — нет смысла повторно обсуждать. Но другая проблема — происхождение южнославянского населения равнин и предгорий — требует такого обсуждения: отмеченный выше факт сходства южнославянского населения с германскими племенами является кардинальным в этногенетическом отношении и заслуживает самой тщательной оценки в сравнении с данными смежных дисциплин.

Напомним один из выводов доклада В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлея — основной антропологический компонент в составе болгар принесен не славянами, а восходит к местному населению, по-видимому, еще неолитического времени. Частично этот компонент представлен и в Хорватии. Он-то, как уже отмечалось выше, и сходен с краниологическим типом германских племен. Т. И. Алексеева, установившая это сходство в работе, на которую уже неоднократно делались ссылки, истолковала его как выражение особого субстрата в составе и германского, и южнославянского населения, восходящего по времени к эпохе до распространения германских и славянских языков[22].

В общем виде такое предположение не вызывает возражений. Наличие заведомо доиндоевропейского субстрата на территории Европы не вызывает сомнений и доказывается в первую очередь хотя бы современными носителями кельтских языков — остатками когда-то многочисленного и широко распространенного кельт-

[21] *V. Lebzelter*. Rasse und Volk in Südosteuropa. «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd LIX, 1929; *I. Schwidetzky*. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938; *F. Ivaniček*. Staroslavenska nekropola u Ptuju. Rezultati antropološkin istraživanja. Ljubljana, 1951. Сводку данных см.: *Т. И. Алексеева*. Славяне и их соседи...

[22] См. также: *Т. И. Алексеева*. Этногенез восточных славян по данным антропологии.

ского населения[23]. Свидетельствуют об этом субстрате и результаты изучения древнейшей языковой ситуации на юге Европы и вообще в Средиземноморье[24]. Но возможно думать и другое — догерманский и дославянский субстрат необязательно должен относиться к неиндоевропейскому населению, он мог быть представлен, например, носителями анатолийской ветви индоевропейских языков[25]. Можно, наконец, высказать и третье предположение — комплекс признаков, представленный в составе средневековых германцев и южных славян, является исходным для германцев, наличие его в составе южных, а в отдельных случаях и западных славян представляет собой результат ассимиляции последними части германцев. Неотличимость этого исходного германского комплекса от комбинации признаков автохтонного населения юга Европы объясняется ограниченными возможностями краниологических данных: судя по географии антропологических признаков у современного населения Европы, протогерманцы должны были отличаться от своих южных соседей в первую очередь некоторым посветлением пигментации, что, естественно, не фиксируется на черепе. Современная тенденция постепенно отодвигать вглубь основные этапы распада индоевропейской общности и время образования отдельных ветвей индоевропейских языков также увеличивает вероятность такого предположения.

Влияние другого по происхождению субстрата ощутимо чувствуется и на восточных, и на северо-восточных окраинах ареала расселения славянских народов, там, где восточнославянские народы сталкивались на протяжении своей истории с балтийскими и финскими. Еще Т. А. Трофимова в цитированной выше работе писала о своеобразии краниологического типа вятичей и объясняла его участием антропологического компонента, свойственного восточным финнам. Позже это финское влияние в своем восточнофинском варианте демонстрировалось не раз разнообразными палеоантропологическими исследованиями: выделением в составе восточнославянских племен отдельных групп, отличающихся от остальных сходством с восточнофинскими сериями[26], выделением восточнофинского компонента в составе

[23] Его широкое распространение бесспорно в свете археологических данных. См., например: *Я. Филип.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

[24] Литература в этой области растет с исключительной быстротой. Частично она приведена: *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958; *А. А. Гиндин.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.

[25] Изучение этих языков и их истории делает сейчас большие успехи. См., например: *В. В. Иванов.* Хеттский язык. М., 1963; *он же.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965.

[26] См. об этом: *Т. И. Алексеева.* Антропологические материалы к этногенезу восточных славян. «Советская археология», 1964, № 3. Там же и библиография.

новгородских словен[27] и т. д. Не вызывает сомнений и наличие балтийского субстрата в составе восточных славян в районах соприкосновения их с балтами, т. е. в составе северных русских и белорусов[28].

Взаимодействие славянского и субстратного населения на востоке отличается, однако, принципиально от той этнической ситуации, которая сложилась на юге и которую мы рассмотрели раньше. Удельный вес субстратного населения был на востоке значительно меньше, чем на юге, и оно сыграло подчиненную роль в формировании антропологического состава восточнославянских народов, сказавшись лишь на небольших сдвигах в вариациях отдельных признаков, да и то далеко не по всей территории расселения восточнославянских народов. Дополнительный аргумент в пользу наличия субстрата порождает сопоставление краниологических материалов по близкому к современности периоду с территории Белоруссии и Восточно-Европейской равнины и краниологических серий эпохи средневековья оттуда же[29]. Последние отличаются от всех без исключения современных серий приближением к тому комплексу краниологических признаков, который представлен в составе восточнофинских народов. С одной стороны, это лишнее указание на наличие местного субстрата у белорусов и русских, с другой — показатель дополнительного притока славянского населения в период от средневековья до современности. По всем основным индексам, о которых говорилось выше, этот дополнительный компонент в современном населении сближается с комбинациями признаков, зафиксированными в краниологических сериях эпохи средневековья с территории нынешних Польши и Чехословакии[30]. Оттуда он и проникал, очевидно, в Восточную Европу.

В. В. Бунак уводил в цитированной выше работе, посвященной обоснованию своеобразия восточноевропейской расы, проис-

[27] *В. В. Седов.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.

[28] *Н. Н. Чебоксаров.* Ильменские поозеры. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 1, 1947; *Р. Я. Денисова.* Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев. Автореф. дисс. М., 1958; *она же.* К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев. «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2; *Т. И. Алексеева.* Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья.

[29] Весь материал по краниологии близкого к современности населения опубликован: *В. П. Алексеев.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969. Дополнительно см.: *И. И. Саливон.* Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов. «Советская этнография», 1969, № 4.

[30] *В. П. Алексеев.* Происхождение народов Восточной Европы.

хождение ее в местный неолит[31]. Предшествующее изложение не дает оснований для поддержки этой гипотезы. Скорее, финское население, вошедшее в восточнославянское в качестве субстрата, может рассматриваться как потомок части неолитических племен, отличавшихся, кстати сказать, большим разнообразием антропологических особенностей. Археологические данные, выявляющие многочисленные отличающиеся одна от другой культуры, преемственно не связанные друг с другом в эпохи неолита, бронзы и раннего железа, также свидетельствуют против генетической преемственности древнего и славянского населения Восточной Европы.

Обращаясь к центральным районам славянского ареала и антропологическому типу западнославянских народов, можно теперь дать ему законченную характеристику как в краниологическом, так и в соматологическом отношениях. Это относительно широколицее население со сравнительно высокой и крупной долихокранной или мезокранной черепной коробкой, скорее широким носом и довольно низкими орбитами, характеризующееся умеренной пигментацией, т. е. преобладанием смешанных оттенков волос и глаз и небольшой лишь примесью темных оттенков. По-видимому, это исходный для антропологического состава славян комплекс признаков, с прародиной которого географически совмещается зона формирования славянских языков и выделение славянских народов. Пигментация неопределима на палеоантропологическом материале, но, судя по антропологическим особенностям современного населения и их развитию во времени, формирование славянских народов происходило в зоне контакта представителей южной и северной ветвей европеоидной расы.

Среди серий черепов эпохи неолита и бронзы трипольская серия и серия культуры ленточной керамики отличаются крайней узколицестью и поэтому не могут рассматриваться как исходные для славянского комплекса[32]. Более вероятна его связь с антропологическим составом населения, проживавшего к северу от этнических групп, оставивших перечисленные культуры, и известного нам по могильникам культуры шнуровой керамики на территории ГДР и Польши[33], по могильникам на территории Венг-

[31] См. также: *В. В. Бунак.* Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», вып. XXXVI, 1962.

[32] Сводка старых данных: *C. Coon.* The races of Europe. New York, 1939. Новые данные по трипольской культуре: *K. Stojanowski.* Antropologia przehistoryczna Polski. «Prace i materialy antropologiczne», t. II, N 1. Krakow, 1948; *М. С. Великанова.* Антропологический материал Выхватинского могильника. В кн.: *Т. С. Пассек.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Приднестровья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1961.

[33] *A. Schlitz.* Die vorgeschichtlichen Schädeltypen der deutschen Länder in ihrer Beziehung zu den einzelnen Kulturkreisen der Urgeschichte. «Archiv für Anthropologie», Bd VII, 1908; *S. Czortkower.* Lebky z Ulwowka. «Anthropologie», t. X. Praha, 1932.

рии[34] и культуры колоколовидных рубков на территории Чехословакии и Прирейнской области[35]. По-видимому, здесь, в тяготеющих к югу и центральных районах Средней Европы, и произошло, насколько можно судить по палеоантропологическим данным, выделение того антропологического варианта, который является основным в антропологическом составе славянских народов. Во всяком случае, этот вариант фиксируется здесь и в эпоху раннего железа[36].

Итак, очевидно, в эпоху бронзы на территории Центральной Европы произошло выделение двух групп племен — германской и балто-славянской. Прародина первой группы располагалась к западу от прародины второй, и обе они тяготели больше к южным и центральным, а не к северным районам центральноевропейской области. Расселение славян в южном направлении повело к передаче славянской речи многочисленному автохтонному населению, говорившему на неславянских языках. Процесс этногенеза южнославянских народов есть процесс непрерывной генетической преемственности с местным населением, восходящим к эпохе неолита и даже, вероятно, более ранней, и перехода на славянскую речь в эпоху раннего средневековья под влиянием сравнительно немногочисленных славяноязычных пришельцев. Расселение славян в восточном и северо-восточном направлениях привело к формированию восточнославянских народов. В этногенезе этих народов финский и балтийский субстраты играли подчиненную роль и оказали не большее влияние на складывание физических особенностей, чем на формирование их культуры и языка.

[34] *I. Nemeskeri.* Anthropologische Untersuchung der Skelettfunde von Alsonemedi. «Acta archaeologica Akademiae Scientiarum Hungaricae», e. I, 1952, N 1-2.

[35] *I. Chochol, M. Blajerova.* Lid skultarou xvonkovityeh poharu. Antropologicke poznatky o populaci v Cechán. «Pamatky archeologicke», t. LV, 1964; *K. Gerhardt.* Die Glockenbecherleute in Mittel- und Westdeutschland. Stuttgart, 1953.

[36] Указания на соответствующую литературу см.: *Т. И. Алексеева.* Этногенез восточных славян по данным антропологии, стр. 54.

В. П. АЛЕКСЕЕВ, Ю. В. БРОМЛЕЙ

К ВОПРОСУ О РОЛИ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОГЕНЕЗЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

В современном славяноведении широко распространено мнение, что после переселения южных славян на Балканы аборигены быстро растворились в монолитной славянской среде. При этом, как правило, подчеркивается немногочисленность населения, обитавшего на занятой южными славянами обширной территории от Восточных Альп до Пелопоннеса [1].

Между тем современные антропологические данные позволяют критически отнестись к этой точке зрения. Нам уже приходилось отмечать данное обстоятельство. Однако это было сделано в самой общей форме всего лишь в целях иллюстрации одного из распространенных типов взаимодействия этносов в процессе этногенеза [2]. Это и заставляет авторов настоящего доклада вновь вернуться к вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян.

В выявлении и оценке роли субстрата всегда существенна роль антропологических и палеоантропологических исследований. Это обстоятельство объясняется рядом присущих антропологическому материалу моментов, делающих его эффективным индикатором смешения и его масштабов. Речь идет о стабильности тех признаков, с помощью которых обычно характеризуются расовые комплексы, и относительной независимости их от средовых воздействий. В этнографической литературе в последнее время высказывались сомнения в этом факте [3], объясняющиеся, очевидно, тем, что этногенетические выводы из сопоставления палеоантропологических и антропологических материалов не вполне совпадают в ряде случаев с итогами антропологических изысканий. Сомнения иллюстрировались указанием на совпадение вариаций отдельных признаков в заведомо далеких по происхождению этнических группах. Такое указание, само по себе бесспорное, может рассматриваться как критическое лишь по от-

[1] См., например: «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 48; «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 33; *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, стр. 111. Несколько иную точку зрения см. в кн.: «История на България», т. I. София, 1954, стр. 57.

[2] *В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1968, № 2, стр. 36—38.

[3] *Л. И. Лавров.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. «Кавказский этнографический сборник», IV. М., 1969.

ношению к антропологическим работам многолетней давности скажем, конца прошлого — начала нашего столетия. Уже более полувека все сравнения групп в антропологии осуществляются не по отдельным признакам, а по их комплексам; последние же характеризуются большой стойкостью.

Не имея возможности говорить об этом подробно, приведем отдельные примеры сохранения почти неизменными комбинаций расовых признаков на протяжении тысячелетий. Свойственный северным китайцам комплекс расовых черт фиксируется в палеоантропологических материалах культуры Янь-шао, отделенных от современности пятью тысячелетиями[4]. Население древнего Египта сохраняло без заметных изменений свои отличительные расовые особенности на протяжении четырех-пяти тысяч лет, от эпохи додинастического Египта до рубежа нашей эры[5]. Если же учесть, что эти же особенности проявляются и в современном населении, несмотря на распространение ислама и переход на арабский язык[6], то период стабильного существования расового комплекса в данном случае удлинится на два тысячелетия. Характерные признаки так называемого кавкасионского типа, преобладающего в составе населения Центрального Кавказа, уходят вглубь на четыре тысячелетия и фиксируются в палеоантропологических материалах конца III — начала II тысячелетия до н. э.[7]

Утверждению относительной стабильности расовых типов противоречит как будто бесспорно установленный факт направленного изменения признаков во времени, однако это противоречие кажущееся. Пока такие направленные изменения фиксируются лишь для двух признаков — черепного указателя[8] и скуловой ширины[9]. Оба признака входят обычно в тех или иных сочетаниях в характеристику разнообразных расовых комплексов, но ни в коем случае не исчерпывают ее. Поэтому правильное положение об изменчивости признаков во времени нисколько не противоре-

[4] *D. Black.* A study of Kansu and Honan aeneolithic skulls and specimens from later Kansu prehistoric sites in comparison with North China and other recent crania. «Palaeontologia Sinica», v. VI. Peking, 1928, fasc. 1.

[5] *G. Morant.* A study of Egyptian craniology from prehistoric to Roman times. «Biometrica», v. XVIII, 1925, part I—II.

[6] *A. Batrawi.* The racial history of Egypt and Nubia, part II. The racial relationships of the ancient and modern populations of Egypt and Nubia. «Journal of the anthropological institute of Great Britian and Ireland», v. LXXVI, 1946, part II.

[7] Неопубликованные материалы В. П. Алексеева.

[8] *F. Weidenreich.* The brachycephalization of recent mankind. «Southwestern journal of anthropology», v. 1, 1945, N 1. Перепечатано: «Anthropological papers of Franz Weidenreich 1939—1948». New York, 1949.

[9] *Г. Ф. Дебец.* Брюнн-Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы. «Антропологический журнал», 1936, № 3; *он же.* Палеоантропология СССР. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. IV, 1948; *он же.* О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. «Советская этнография», 1961, № 2.

чит правильному же положению о стойкости их сочетаний во времени, хотя оба утверждения и не имеют абсолютного значения. Так, скуловая ширина сохраняется на одном уровне у населения многих областей на протяжении тысячелетий [10].

Помимо стойкости антропологических сочетаний они отличаются еще промежуточным наследованием. Расовые комплексы представляют собой в первую очередь морфологические образования, характеризуемые признаками с трансгрессивной изменчивостью. Даже так называемые описательные признаки, отражающие строение мягких тканей лица, подразделяются на условные категории и маркируются баллами в значительной степени из соображений удобства. При значительном разнобое во взглядах на характер наследования трансгрессивных признаков общим для всех генетических гипотез является исходное положение о полимерном или полифакториальном наследовании. Множественность определяющих признак генов и приводит к промежуточному наследованию на популяционном уровне, при котором антропологический тип метисной популяции занимает место между двумя родительскими и пропорционально доле участия каждой из них в процессе смешения. Этот вывод был неоднократно доказан исследованием заведомо метисных групп [11].

Последнее, что нужно отметить,— исключительное место антропологических данных как индикаторов миграции среди всех других дисциплин, имеющих отношение к изучению этногенеза. Диффузия культурных элементов играла огромную роль в культурной истории человечества, общеизвестны многочисленные случаи усвоения нового языка в результате заимствования. Антропологические же особенности — неотъемлемое свойство людей, и появление новых антропологических особенностей за немногими исключениями всегда свидетельствует о притоке нового населения [12]. Эти исключения падают на признаки с простой наследственной структурой, которые могут переходить в скрытую рецессивную форму и распространяться диффузно в процессе контактных браков. Яркий пример тому — единичное появление группы крови Диего в Польше (вернее сказать, в польской семье в США), хотя эта группа строго локализована только в монголоидных популяциях [13].

[10] Примеры: *М. Г. Абдушелишвили.* Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», вып. XXXIII, 1960.

[11] Сводка данных: *I. Trevor.* Race crossing in man. «Eugenics laboratory memoires», v. XXXVI. Cambridge, 1953. В работе, правда, не учтены результаты русских и советских исследований.

[12] На эту специфику антропологического материала впервые указано: *Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. «Советская этнография», 1952, № 1.

[13] *O. Prokop.* Die menschlichen Blut- und Serumgruppen. «Genetik. Grundlagen, Ergebnisse und Probleme in Einzeldarstellungen», Beitrag 2. Jena, 1963.

После этих необходимых разъяснений все результаты антропологических исследований, свидетельствующие о роли субстрата в этногенезе южнославянских народов, приобретают дополнительную убедительность. Начнем с рассмотрения имеющейся антропологической информации о болгарах.

Последние подвергались антропологическому обследованию несколько раз. Особенно полная антропологическая съемка территории Болгарии была произведена под руководством и при участии М. Попова, который изложил результаты в специальной обширной монографии[14]. Недостатком этой работы является то обстоятельство, что измерения производились не одним работником, а несколькими, что вносит в конечные групповые характеристики субъективный момент. Поскольку они, однако, работали вперемежку, постольку при территориальном сопоставлении этим моментом можно с известным основанием пренебречь. После появления монографии М. Попова антропологические данные обо всех основных территориальных группах в составе болгарского народа были собраны А. Пуляносом единолично, но итоги этого повторного исчерпывающего исследования болгар были опубликованы лишь в кратких тезисах[15].

Что же представляют собой болгары в антропологическом отношении? Это среднерослое или высокорослое население, отличающееся сильно выраженными европеоидными особенностями (резко профилированным лицом, слабо развитыми скулами, сильно выступающим носом с высоким переносьем, широко открытыми глазами, гладким веком), умеренными размерами лица, очень темной пигментацией волос и глаз, смуглым тоном кожи, сильно развитым волосяным покровом на теле и на лице у мужчин. Налицо, следовательно, европеоидная темнопигментированная группа, в состав которой, правда, входят локальные комбинации признаков, но комбинации эти имеют второстепенное значение. В целом же болгар на основании пигментации можно включить в южную, или, как принято ее еще называть, средиземноморскую, ветвь европеоидной расы, объединяющую население Средиземноморского бассейна, Передней, частично Средней и Южной Азии и противопоставляющуюся северной, или балтийской, ветви, представленной в населении Скандинавии, Финляндии, северных районов СССР.

Хотя не все ясно в происхождении южных европейцев, но основные этапы их формирования реконструируются на основе палеоантропологических материалов с известной определен-

[14] *М. Попов* (в сотрудничество с *Г. Марков*). Антропология на българския народ, т. I. Физически облик на българите. София, 1959.

[15] *A. Poulianos*. Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем. «1-er Congrès international des études Balkaniques et Sudeuropéennes. Resumés des communications. Ethnographie et arts». Sofia, 1966.

ностью. Формирование их произошло, очевидно, на базе верхнепалеолитических вариантов Пшедмости, Комб-Капелль и Ментона, уходящих в свою очередь корнями к прогрессивным западным неандертальцам. Есть веские основания, чтобы считать, как это делает М. Г. Абдушелишвили[16], средиземноморцев древнейшей формацией европеоидной расы вообще. Основания эти — теоретически восстанавливаемая темная пигментация предкового для средиземноморской ветви населения Южной Европы, Северной Африки и Передней Азии, восходящего в своих глубинных истоках к среднему палеолиту, тогда как депигментация населения на севере Европы произошла самое раннее в мезолите, а то и в неолите. К этому же времени относится, по-видимому, судя по палеоантропологическим находкам, и распад южной ветви европеоидов на локальные группы.

Болгары относятся к средиземноморской локальной расе в узком смысле слова, противопоставляющейся другим локальным группам в составе южных европеоидов. Однако этногенетически гораздо важнее самый факт принадлежности болгар к южной ветви европеоидной расы. Она не представлена среди западных и восточных славян (среди последних представлена лишь в виде слабых позднейших примесей), и, следовательно, они формировались в иной антропологической среде. В-то же время известно, что славянский элемент появился на территории нынешней Болгарии с севера. Полная сводка краниологических материалов по средневековому славянскому населению показывает, что оно также не имело в своем составе ощутимых южных включений, как и современное. Таким образом, чтобы объяснить одновременную принадлежность болгар к славянской языковой семье и южной ветви европеоидов, необходимо прибегнуть к гипотезе сложения их языка и культуры, с одной стороны, физического типа — с другой, на разной основе. Последний восходит к древнейшему автохтонному населению, язык же и в значительной степени культура принесены славянским населением. А это в свою очередь означает, что удельный вес славян в количественном отношении был несравнимо меньше удельного веса местного дославянского населения, говорившего, возможно, и на фракийских языках, но генетически непосредственно связанного с населением эпохи неолита, а вероятно, и более раннего времени.

Теоретически можно предполагать в противовес изложенным соображениям, что все характерные особенности южных европейцев болгары получили в процессе брачных контактов с турками и что в эпоху средневековья, до турецкого владычества, они

[16] *M. G. Abdushelishvili.* The genesis of the aboriginal population of the Caucasus in the light of anthropological data. «Proceedings of VIII International congress of anthropological and ethnological sciences», v. I. «Anthropology». Tokyo, 1968.

были носителями иного комплекса признаков, сближавшего их с западными и восточными славянами. Однако помимо исторически засвидетельствованной относительной редкости браков между турками-завоевателями и местным населением [17] два антропологических наблюдения опровергают эту странную гипотезу. Первое из них — исключительное физическое сходство болгар-мусульман и болгар-христиан: в случае справедливости гипотезы следовало бы ожидать, что болгары-мусульмане являются более типичными представителями южной ветви европеоидной расы, чем болгары-христиане. Второе наблюдение — сходство современного и средневекового населения Болгарии, установленное сравнением палеоантропологических материалов из средневековых могильников с близкими к современности краниологическими сериями [18].

Из локальных вариантов, представленных в составе болгар, основной интерес для нашей темы имеют морфологические особенности населения горной области Родоп. Для него характерно сочетание относительной долихокефалии с посветлением глаз и даже волос. Интерес физического типа этой группы для нашей темы объясняется тем, что М. Попов видел в нем проявление фракийского или особенно резко выраженного славянского влияния в области Родоп. При этом он ссылается на античные свидетельства о фракийцах, рисовавшие их светлопигментированным народом. При использовании таких свидетельств всегда следует иметь в виду, что все без исключения древние авторы были, увы, плохими антропологами и единственным масштабом для оценки внешнего облика народов, о которых они писали, был физический тип собственного народа. И греки, и римляне — темнопигментированные группы, поэтому даже небольшую тенденцию к депигментации они могли преувеличивать и специально подчеркивать, что лишает их сообщения о фракийцах необходимой убедительности, а значит, лишает убедительности и объяснение депигментации современного населения Родоп ролью фракийского субстрата

Подобным образом китайские хронисты писали о динлинах в Центральной Азии и Алтае-Саянском нагорье как о народе с рыжими волосами и голубыми глазами. Антропологическое обследование непосредственных потомков динлинов — хакасов показало, что по отношению к ним можно говорить лишь о некоторой, очень слабой тенденции к депигментации [19]. Китайцы явно пре-

[17] *Н. Тодоров.* Турската колонизация и демографските промени в българските земи. «Етногенезис и културно наследство на българския народ». София, 1971.

[18] Первая публикация данных по средневековому населению: *I. Schwidetzky.* Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938. Поздняя сводка: *Н. М. Постникова.* Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья. Автореф. дисс. М., 1967.

[19] *А. И. Ярхо.* Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947.

увеличивали эту тенденцию, отталкиваясь от своих собственных антропологических особенностей, т. е. поступали так же, как поступали, очевидно, и античные авторы. Все это лишает убедительности объяснение депигментации современного населения Родоп ролью фракийского субстрата или во всяком случае заставляет относиться к нему с большой осторожностью.

Что касается славянского влияния, проявившегося особо в этой области, то вопрос о нем остается открытым. Славяне, появившиеся на территории Болгарии с севера, действительно отличались, по-видимому, более светлой пигментацией. Однако нельзя забывать и другого: цвет волос и особенно цвет глаз ведут себя в условиях изоляции как признаки с простой наследственной структурой, хотя характер их наследственной обусловленности точно неизвестен. Иными словами, в изолированных популяциях часто наблюдается автоматическое увеличение индивидуумов со светлыми волосами и глазами, происходит так называемая изогаметация, т. е. выщепление рецессивных форм. Примерами могут служить нуристанцы, народы Северного Кавказа, лесные ненцы и многие другие народы. Население Родоп живет и, очевидно, жило на протяжении столетий в относительной изоляции, и поэтому генетико-автоматические процессы, теоретически говоря, могли сыграть известную роль в формировании антропологических особенностей родопского населения. Гипотеза о славянском влиянии делается в этом случае излишней.

Д. Ангелов писал недавно о том, что пришлые славяне были более многочисленны, чем местное фракийское население [20]. Преобладание темной пигментации в составе болгар он объясняет, если перевести его рассуждение на генетический язык, генетико-автоматическими процессами в условиях изоляции. Однако эти процессы, как мы только что отмечали, могли привести лишь к преобладанию светлопигментированных, а не темнопигментированных индивидуумов.

Антропологические особенности сербов и хорватов исследовались неоднократно начиная с первых десятилетий XX в. [21] Как и на территории Болгарии, исследования эти производились разными работниками, и результаты их поэтому недостаточно хорошо сравнимы между собой. Все они позволяют составить общее представление о географических вариациях антропологических признаков. В целом это высокорослое и брахикефальное население с большими размерами лица и сильным развитием третичного волосяного покрова. Пигментация темная, и в этом отношении сербы и хорваты являются типичными представителями южной ветви европеоидной расы, как и болгары. Этот вывод из ан-

[20] *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. София, 1971, стр. 190.
[21] Обзор: *С. Coon.* The races of Europe. New York, 1939. Есть несколько более поздних работ.

тропологических исследований позволяет автоматически перенести на них все, что сказано выше о роли древнейшего балканского субстрата в этногенезе болгарского народа, и полагать, что принесшее язык славянское население быстро смешалось с местным населением. Однако это общее заключение не исчерпывает всей особенности этногенеза на территории нынешней Югославии, которая состоит в специфике и древности самого субстрата и локальности его влияния в разных районах.

Уже в первых работах, посвященных антропологии Югославии, характерная для ее населения комбинация признаков получила наименование динарского типа, занявшего наряду с другими типами свое место в рамках южных европеоидов. В дополнение к перечисленным признакам характерной особенностью представителей этого типа является исключительно высокое переносье и преобладание выпуклых форм спинки носа над вогнутыми. Именно форма носа и рост в первую очередь служат для отделения динарской комбинации признаков от другой брахикефальной комбинации в составе южных европеоидов — альпийской, представленной в некоторых районах Австрии, Швейцарии, отдельных районах Северной Италии [22]. Но сама выраженность динарской комбинации в разных районах Югославии неодинакова. В высокогорных районах все свойственные динарскому типу признаки достигают максимального выражения, в предгорных районах и на равнине они несколько смягчены. Наиболее типичные представители динарского типа — сербоязычные черногорцы [23] и албанцы высокогорных районов [24].

Форма носа, высокий рост, размеры лица сближают представителей динарского типа с населением центральных предгорий Главного Кавказского хребта и позволяют выделить балкано-кавказскую локальную расу в составе южных европеоидов. Она фигурирует в расовых классификациях как равноценная средиземноморской в узком смысле слова. Но формирование ее относится, по-видимому, к более раннему времени. Размеры лица и общая массивность скелета сближают представителей балкано-кавказской расовой общности с верхнепалеолитическим населением Европы. В труднодоступных высокогорных районах Балкан и Кавказа отличительные особенности верхнепалеолитического населения законсервировались и сохранились до современности вследствие изоляции [25].

[22] Реальность последней получила недавно дополнительное подтверждение: *I. Schwidetzky.* Die alpine Rasse: Beitrag zu einem Existenzbeweis. «Homo», Bd 3, 1952, Heft 2.

[23] *C. Coon.* The races of Europe.

[24] *C. Coon.* The mountains of giants. Cambridge, Massachusetts, 1950.

[25] *В. П. Алексеев.* Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. «Антропологический сборник», IV. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 82, 1963; *он же.* Антропологические типы. «Народы зарубежной Европы», т. I. М., 1964.

Таким образом, автохтонный субстрат в составе славяноязычного населения западных районов Балканского полуострова восходит к эпохе древнейшего населения Европы, по отношению к которому нельзя еще на основе известной сейчас информации говорить определенно о языковой принадлежности. Датировка формирования этого субстратного населения эпохой верхнего палеолита в свете результатов антропологических исследований весьма вероятна.

Остается сказать о локальном влиянии субстратного населения на отдельные этнические группы населения нынешней Югославии. Исключительная выраженность особенностей динарского типа в Черногории позволяет видеть в черногорцах прямых потомков древнейшего субстратного населения.

В предгорных районах и на равнине, где местное население проживало не в условиях изоляции, влияние пришлого славянского населения было более активным, осуществлялось в процессе смешанных браков, что находит выражение в ослаблении характерных особенностей динарского типа. Такой процесс смешения находит подтверждение и в палеоантропологических материалах: серии из обширных средневековых могильников в равнинных районах Югославии обнаруживают весь свойственный славянам комплекс краниологических признаков [26].

С этими антропологическими материалами перекликаются свидетельства и других источников. В первую очередь мы имеем в виду данные о сохранении на Балканах после переселения славян автохтонного населения. Это прежде всего иллирийцы и фракийцы. Часть из них, подвергшаяся романизации, фигурирует в средневековых письменных источниках под именами «влахи, куцовлахи, моровлахи, арумыны» и т. д. [27] (некоторые из них еще в XVI в. предпочитали называть себя «romani») [28]. Это население, основным занятием которого было пастушество, еще в конце прошлого века насчитывало примерно 150 тыс. человек [29]. Потомками дославянского населения являются нынешние албанцы, число которых в пределах современного расселения славян (прежде всего в пределах Югославии) достигает нескольких сот тысяч че-

[26] Сводка данных: *Т. И. Алексеева.* Славяне и их соседи (по данным антропологии). «Anthropologie», IV/2. Brno, 1966.

[27] *C. Jireček.* Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa. «Sitzungsberichte der Königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften». Prag, 1879; см. также: *К. Јиречек.* Власи и мавровласи у Дубровачким споменицима. «Зборник Константина Јиречека». Српска Академија наука. Отдељење друштвених наука, нова серија, књ. 33. Београд, 1959, стр. 191—205.

[28] *Nigri Veneti.* Geografia. Basel, 1557, p. 103 (цит. по кн.: *К. Јиречек.* Историја срба. Прва књ. Београд, 1952, стр. 86).

[29] *М. Барјактаревић.* О етничкој структури Балканског полуострова. Посебан отисак из Цвијићевог зборника. Београд, 1968, стр. 233.

ловек[30]. Наконец, особую этническую группу в средние века на Балканах составляло романское население — главным образом жители далматинских городов и островов[31].

Имеются также разнообразные свидетельства о влиянии местного дославянского населения на культуру южнославянских народов. Это влияние прослеживается в сфере языка (как грамматического строя, так и словарного фонда, прежде всего ономастики), в материальной культуре, в обрядах и обычаях и даже в традиционных социальных институтах. Обо всем этом уже не раз писалось[32]. Однако, видимо, самих по себе свидетельств такого рода явно недостаточно, чтобы определенно ответить на вопрос о соотношении переселившихся на Балканы славян с местными жителями. Во всяком случае, эти свидетельства оставляют открытым вопрос о причинах широкого распространения в литературе мнения, согласно которому в интересующий нас период славяне застали весьма малочисленное аборигенное население.

Судя по всему, мнение это базируется главным образом на свидетельствах письменных источников о нашествиях «варваров» на Балканы в период так называемого великого переселения народов.

Действительно, от почти четырехсотлетнего периода (от середины III до начала VII в.) сохранилось немало письменных известий о многочисленных вторжениях различных народов на Балканы, сопровождавшихся не только расселением этих народов в пределах византийских владений, но и разорением местного населения, а также угоном его в плен.

Все эти вторжения условно могут быть разделены на два периода: «дославянский» (III—V вв.) и «славянский» (VI — начало VII в.)[33].

Прелюдией к первому из этих периодов[34] был набег вестготов

[30] По переписи 1961 г. в Югославии насчитывалось 914 тыс. албанцев («Statistički bilten», N 250. Beograd, 1962).

[31] *K. Jireček.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens wärend des Mittelalters, I—II. Wien, 1901—1904 («Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», Bd. 48, 49).

[32] См., например: *P. Skok.* Slovenstvo i romanstvo na jadranskim otolcima. Zagreb, 1950; *В. Георгиев.* Генезисът на балканските народи. «Етногенезис и културно наследство на българския народ». София, 1971; *М. Велева.* Народните носии като свидетелство за културно-битовата общност и историко-културните области по българските земи. Там же; *В. Маринов.* За етнокултурните приноси на българското животновъдство. Там же; *Т. Д. Златковская.* О происхождении некоторых элементов кукурского обряда у болгар (к вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы). «Советская этнография», 1967, № 3; *S. Kulišić.* Tragovi archaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze. Beograd, 1963.

[33] Это деление условно хотя бы уже потому, что, по мнению большинства специалистов, проникновение славян на Балканы началось еще до VI в.

[34] Небольшое число варварских поселенцев, принятых на службу в римское войско, зафиксировано во Фракии уже незадолго до 70-х годов II в. (воз-

в 251 г., когда они, перейдя Дунай, захватили Пловдив [35]; в 268—270 гг. засвидетельствованы опять столкновения между ними и римлянами [36]. Мощная волна вестготских нашествий приходится на 376—378 гг., когда, теснимые гуннами, они перешли Дунай, а затем были поселены византийскими правителями в северной части Фракии и Мезии [37]. В 396 г. во владения Византии вторгаются вестготы, вождь которых Аларих, используя противоречия между правителями Восточной и Западной империй, жестоко опустошил южную часть Далмации, Македонию и Грецию (406—407 гг.) [38].

В середине V в. Балканский полуостров подвергся опустошительному вторжению полчищ кочевников-гуннов [39]. В 441 г. под руководством Атиллы гунны разорили иллирийские города от Сирмиума до Наиссуса (Ниша), а затем во время похода в Италию (452 г.) — ряд городов в западной части Балканского полуострова (Петовио, Целию, Эмону и др.) [40]. После смерти Атиллы в Паннонию вторгаются остготы, которые в 70—80-х годах V в. постоянно совершают грабительские набеги в византийские владения [41]. После того как остготы завоевали Италию (493 г.) и создали там свое государство, в их руках оказалась также Далмация, которой они владели вплоть до середины VI в.

О губительных последствиях для местного населения всех этих вторжений сохранилось немало свидетельств. Так, по сообщению Приска (448 г.), после войны с Атиллой территория от Сердики (София) до Дуная представляла пустыню, а Наиссус (Ниш) был до основания разрушен [42].

можно, во времена правления императора Марка): *О. В. Кудрявцев.* К вопросу о поселении варваров на территории провинции Фракии. «Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, стр. 253.

35 *Y. B. Bury.* The invasions of Europe by the barbarians. London, 1928, p. 21; *F. Lot.* Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du Monde barbare et du monde Romain. Paris, 1935, p. 35. По мнению Ю. Кулаковского, начало нашествий готов на Балканский полуостров произошло в 248 г.; Филиппополь был захвачен ими в 250 г. (*Ю. Кулаковский.* История Византии, т. I. Киев, 1913, стр. 130, 139).

36 *F. Lot.* Les invasions germaniques..., p. 36.

37 Там же, стр. 62; *L. Halphen.* Les Barbares. Des grandes invasions aux conquetes turques du XV-e siecle. Paris, 1940, p. 16; *J. Haller.* Der Eintritt der Germanen in die Geschichte. Berlin, 1957, S. 39—40.

38 *Y. B. Bury.* The invasions of Europe..., p. 70; ср.: *F. Lot.* Les invaisions germaniques..., p. 66; Л. Хальфен полагает, что Аларих начал свой поход в 396 г. (*L. Halphen.* Les Barbares..., p. 15).

39 *F. Altheim.* Geschichte der Hunnen, Bd IV. Berlin, 1962, S. 289.

40 Л. Хальфен считает, что было разрушено около 70 городов (*L. Halphen.* Les barbares..., p. 31).

41 *A. Nils.* Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1922, S. 4.

42 «Византийски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955, стр. 13.

Вместе с тем правители Римской империи широко практиковали поселение в ее пределах отдельных племен варваров, стремясь использовать их в борьбе со своими противниками. Так, на протяжении III в. в зоне Дунайского пограничья были предоставлены земли дакийскому племени карпов, бастарнам, гепидам и вандалам, а также сарматам.

Отдельные группы варваров оседали в пределах восточной части Римской империи и в III в., а в первой половине IV в. (в 334 г.) 300 тыс. готов были поселены в различных районах Фракии, Добруджи и Македонии. На протяжении всего V в. готы продолжали заселение территории империи. На V в. приходится оседание здесь отдельных подразделений гуннского союза племен [43].

Разумеется, все это не могло не привести к некоторому сокращению численности автохтонного населения Балканского полуострова. Однако, насколько нам известно, ни у кого из исследователей не возникало сомнений в том, что основная масса этого населения все же сохранилась. В данном отношении весьма показательно, в частности, мнение авторов первого тома «Истории народов Югославии», согласно которому в начале VI в. балканские провинции в основном оправились от опустошений, причиненных им прежде всего нашествиями гуннов [44]. По заключению В. Тыпковой-Заимовой, недавно опубликовавшей специальное исследование по истории варварских нашествий на Балканы, после вторжений III—V вв. «несмотря на то, что местное население в некоторых местах поредело, оно в это время все еще составляло основную массу жителей Восточной империи» [45].

По-иному обычно оцениваются последствия вторжений «варваров» на Балканы в VI— начале VII в., основная роль в которых принадлежала славянам [46].

Действительно, последствия этих вторжений имели свои существенные особенности. Прежде всего иными были масштабы оседания «варваров» в пределах балканских провинций Византии. Особенно это относится к славянам.

Уже с середины VI в. вторжения славян на Балканский полуостров начинают сопровождаться поселением их отдельных групп в различных его частях. В результате дальнейшую борьбу за новые владения часто теперь вели не пришельцы из далекого Задунавья, а новые насельники. Сирийский историк Иоанн

[43] *В. Тъпкова-Заимова.* «Варварски» етнически наслоения в българските земи до заселването на славяните. «Етногенезис и културно наследство на българския народ». София, 1971, стр. 45—47.

[44] «Historja naroda Jugoslavije», I. Zagreb, 1953, str. 56.

[45] *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, стр. 52—53.

[46] Сами перипетии этих вторжений уже неоднократно освещались в литературе, и мы не видим необходимости их вновь излагать.

Эфесский писал в 80-х годах VI в.: «До сего дня... они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев... Они осели на ней (земле.— *Ю. Б.*) господами, как на своей, без страха»[47].

В конце VI в. славяне проникают в долины Восточных Альп. В начале VII в. они овладевают рядом городов в Далмации. Ко второй четверти VII в. процесс расселения славян на Балканском полуострове, видимо, в основном закончился. Позднее имели место лишь отдельные небольшие перемещения.

При знакомстве со свидетельствами раннесредневековых авторов (преимущественно византийских) легко может сложиться впечатление о почти повсеместном полном преобладании славян. Однако, используя эти свидетельства, прежде всего следует учитывать, что славяне, как правило, занимали господствующее положение на занятой ими территории. Между тем для раннесредневековых авторов весьма характерно не только однозначное определение этнической принадлежности смешанного по своему происхождению населения той или иной территории, но и отнесение этого населения не к наиболее многочисленной, а к господствующей этнической группе. В частности, византийские авторы, имея в виду фактически совместные аваро-славянские вторжения в пределы империи, нередко называют лишь аваров[48]. Но особенно показателен в этом отношении тот факт, что вскоре же после подчинения юго-восточной ветви балканских славян так называемыми протоболгарами (конец VII в.) византийские авторы начинают именовать находившуюся под их властью территорию Болгарией, а затем и все ее население болгарами[49].

Нельзя не учитывать и склонности византийских авторов, описывающих вторжения варваров, к явным преувеличениям. Одним из примеров подобной гиперболизации может служить сообщение Константина Багрянородного, что после взятия Салоны (Солина) славяне уничтожили местное романизированное население[50]. Между тем о сохранении здесь этого населения вплоть до конца средневековья имеется немало свидетельств[51]. Не менее наглядно подобные преувеличения византийских авторов характеризует утверждение Прокопия, что каждое вторжение славян сопровождалось уничтожением и пленением более 200 тыс. византийцев[52].

[47] *А. Дьяконов.* Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков. «Вестник древней истории», 1946, № 1, стр. 32.

[48] См., например, сообщение Александра о событиях 579 г. («Византийски извори...», т. I, стр. 92—93) и Феофилата Симокаты от 585—586 гг. (там же, стр. 108).

[49] По крайней мере с IX в. имеет место наименование всего населения Болгарии — болгарами (*Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 84).

[50] «Византийски извори...», т. II. Београд, 1955, стр. 12.

[51] Там же, стр. 12, прим. 12.

[52] Там же, т. I, стр. 52 (см. также, прим. 109).

Рассматривая вопрос о последствиях славянских вторжений для местного населения, следует также учитывать, что славяне, как и все другие «варвары», продвигались почти исключительно вдоль дорог[53] и, следовательно, заселяли преимущественно их окрестности. Необходимо иметь в виду и то, что вообще в различных частях Балкан новые насельники расселялись на занятой ими территории неравномерно[54].

В совокупности все приведенные факты и соображения позволяют, на наш взгляд, усомниться в правомерности основанного преимущественно на свидетельствах письменных источников мнения, что повсеместно на территории своего расселения на Балканах славяне сразу же составили подавляющее большинство жителей. Одним словом, эти свидетельства и показания рассмотренных выше антропологических материалов не являются несовместимыми.

[53] *К. Јиречек.* Романи у градовима Далмације током средњега века. Посебни издање, кн. CCCLVI. Отделение друштвених наука, нова серија, књ. 42, стр. 39.

[54] *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия..., стр. 79; ср.: *В. Георгиев.* Генезисът на балканските народи. «Етногенезис...», стр. 19.

С. А. ТОКАРЕВ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

1

Первые письменные известия о славянских народах появляются еще в раннее средневековье: Иордан, Прокопий и др., VI в.; Константин Багрянородный, Титмар Мерзебургский, Адам Бременский и др., X—XIII вв.; мусульманские писатели IX—XIV вв. С началом славянской письменности в ней тоже отмечаются сведения о славянских племенах; особенно содержательна в этом отношении Киевская начальная летопись. Некоторые средневековые писатели — особенно в более позднее время — пытались ставить и вопрос о происхождении и исторических связях славянских народов (Альберт Кранц, Мартин Кромер, XVI в.; Ян Иордан, Карл Антон, XVIII в.).

Но настоящий научный интерес к славянским народам — в частности, к западным и южным славянам — зарождается лишь в самом конце XVIII и в начале XIX в. и почти одновременно в разных славянских странах. Начало серьезного изучения славянства связано с именами крупнейших деятелей славяноведения: Иосифа Добровского и его последователей в Чехии, Ернея Копитара и Вука Караджича у южных славян, Александра Востокова в России. В этот первоначальный свой период славяноведение становится на прочные научные основы, но преимущественно еще только на филологические. Этнографическое изучение славян еще не выделяется в особую специальность: оно вплетается в славянскую филологию — изучение языков, литературы, отчасти истории славян. И не мудрено: этнографии как самостоятельной науки тогда еще вообще не существовало.

Причины пробуждения научного интереса к славянству были различны и по преимуществу связаны с конкретно-историческими условиями эпохи. У западных и южных славян, угнетенных тогда иноземным владычеством, главным фактором был рост национально-освободительного движения, то «национальное возрождение», которое таким пышным цветом распустилось особенно в Чехии и у югославян. Немалую роль сыграли и те освободительные идеи, которые распространились тогда в Европе главным образом из революционной Франции, и еще больше — гуманно-просветительные идеи Гердера, проповедовавшего уважение к народному духу и к самобытному художественному творчеству каждой нации. В России же начало научного славяноведения было связано с общим ростом культуры, а в дальнейшем — с расширением международного культурного общения.

2

Впереди шли наряду с русскими чехи, у которых с конца XVIII в. началось патриотическое движение за национальную культуру и язык. Это было время, когда еще чувствовались последствия гонения на чешский язык и чешскую самобытность — гонения, возникшие еще в начале 30-летней войны со стороны немецких феодалов, империи и католической церкви. Чешский язык был изгнан из литературы и официального употребления, низведен до положения мужицкого наречия. Задачей чешских патриотов стало восстановление в правах родного языка, возрождение народной культуры. С этим была связана и другая задача — возродить и укрепить культурные связи с другими славянскими народами. Борьба за родной язык неминуемо вела к зарождению общеславянских научных интересов.

«Патриархом славяноведения» по заслугам слывет Иосиф Добровский (1753—1829), ученый аббат, крупнейший знаток славянских языков и литератур. Он немало путешествовал, был и в России. Хотя он сам писал больше по-латыни и по-немецки и не верил в практические перспективы развития чешского языка, но своими учеными трудами он помог пробуждению интереса и к этому языку, и к национальной и общеславянской старине. Предметом интереса Добровского были наряду с памятниками древней литературы также и произведения народной словесности, и не только чешской, но и других славянских народов. В изданных им альманахах «Славин» (1806—1807) и «Слованка» (1814—1815) он печатал русские и сербские пословицы, сведения об обычаях хорватов, иллирийцев, морлаков, резьян, краинцев, болгар, граничар, лужичан и других этнических славянских групп. Добровскому принадлежат ценные критические замечания по поводу циркулировавших тогда фантастических теорий происхождения славянских народов (письмо к Копитару, 1810). Во 2-м издании своей «Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur» (1818 г.; 1-ое издание вышло еще в 1792 г.) Добровский впервые в истории науки дает классификацию славянских языков, деля их на две группы: западную и восточно-южную; это деление было вскоре исправлено Востоковым.

Научная добросовестность и беспристрастие Добровского, его огромная эрудиция, его общеславянские интересы, его гуманизм создали ему большой авторитет в славянском мире.

Друзья и последователи Добровского шли по его стопам. Но они соединяли научный интерес к славянству с практической борьбой за возрождение родного языка и литературы, укрепляя притом связи с другими славянскими странами. В числе учеников Добровского особенно выделяются Юнгман, Ганка, Коллар, Шафарик, Палацкий, Челаковский — целая плеяда деятелей чешского национального возрождения, «властенцев»-

патриотов. Подобно Добровскому, они были в большинстве филологами — лингвистами и литературоведами. Й. Юнгман прославил себя монументальным словарем чешского языка (1834—1839), Вацлав Ганка — неутомимым собиранием и публикацией памятников древней письменности (хотя он подчас выдавал свои собственные искусно стилизованные сочинения за такие памятники — «Краледворская» и «Зеленогорская» рукописи, введшие многих ученых в заблуждение). Каллар был поэтом, Палацкий — историком. Наибольшее же значение для становления славянской этнографии имели работы Челаковского и Шафарика.

Франтишек Ладислав Челаковский (1799—1852), сын столяра, широко образованный исследователь, собирал образцы народного творчества разных славянских стран. Ему принадлежит издание «Славянских народных песен» (т. 1—3, 1822—1827) на языках подлинников, но с чешским переводом; сборник пословиц славянских народов; «Отголоски русских песен», очень удачно передававшие на чешском языке дух русской народной поэзии и имевшие большой успех (1829). Павел Шафарик (1795—1861), родом словак, долго живший и учительствовавший в сербском городе Нови-Сад, посвятил большую часть своей жизни изучению общеславянской этнографии и древней истории. Его «Славянские древности», вышедшие в 1837 г., были крупным научным событием и составили эпоху в истории славяноведения. Шафарик доказал в этой работе, вопреки шовинистическим утверждениям некоторых немецких авторов, древность обитания славян в Европе. В 1842 г. вышла в свет другая важная книга Шафарика — «Slovanský Národopis», с общим обозрением славянских народов и с первой этнографической картой славянства. Обе книги были переведены на русский язык. Как Челаковский, так и Шафарик пользовались большой известностью в славянских странах, в частности в России, куда их, хотя и безрезультатно, приглашали на работу.

3

Иные исторические условия сложились у поляков. В конце XVIII в. Польское государство, ослабленное длительными распрями крупных магнатов и своеволием шляхты, перестало существовать. Однако национальное самосознание и патриотизм продолжали существовать и развиваться в разделенной на три части Польше. Вспышка патриотических чувств не смогла помешать гибели государства, но она вызвала интерес к национальной, а отчасти и общеславянской старине. Выдвигаются польские историки — Адам Нарушевич, Ян Потоцкий, Александр Сапега, касающиеся в своих работах и вопросов происхождения, и взаимных связей славянских народов. Позже к ним присоеди-

няются Вавжинец, Суровецкий, Иоахим Лелевель (известный деятель восстания 1830—1831 гг.), не малы заслуги лингвиста Самуэля Линде, автора большого словаря польского языка.

Положительную роль в славянских исследованиях сыграло варшавское «Общество друзей науки» (1800—1832), поощрявшее разносторонние исследования польского края.

В те годы польские ученые не чуждались общеславянских интересов, хотя их связи с деятелями других славянских стран были слабее. Широкую известность тогда получила неутомимая деятельность Зориана Доленга-Ходаковского (настоящая фамилия — Чарноцкий, 1784—1825), талантливого самоучки и непоседливого путешественника, любителя древностей — украинско-белорусских, русских, польских и общеславянских. Другой яркий пример — научные поездки по славянским странам Анджея Кухарского (1825—1830) и его добросовестные труды по сравнительному славяноведению. Впрочем, обширный материал, собранный Кухарским, остался, из-за неблагоприятных политических обстоятельств, почти неиспользованным.

4

У южных славян пробуждение национального самосознания, а вместе с тем зарождение интереса к народной старине и быту, происходило тоже в обстановке подъема национально-освободительного движения. Это движение или принимало формы борьбы за родной язык и самобытную культуру, или сопровождалось вооруженной борьбой против султанско-турецкого гнета.

Еще в 1762 г. болгарский монах Паисий (из Хилендарского монастыря) написал свою знаменитую «Историю славяно-болгарскую», где горячо призывал своих соотечественников болгар не стыдиться своего родного языка, своей национальности, не ставить себя ниже турок и греков. Однако круг читателей этой рукописи тогда был очень узок, и большого отклика это патриотическое сочинение тогда не получило. Уже в самом конце XVIII в., в 1794—1795 гг., в Вене было напечатано сочинение сербского священника Иована Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» в четырех томах на немецком языке (1-й том одновременно был издан в Петербурге на русском языке). В последние десятилетия XVIII в. выходят в свет разнообразные литературные труды Досифея Обрадовича, основоположника сербской светской письменности. Очень много сделал для изучения славянства Ерней (Бартоломей) Копитар (1780—1844), словенец, один из столпов сравнительной славянской филологии. Хотя он несколько грешил узконационалистической точкой зрения, считая Паннонию прародиной славян, а язык современных словенцев — прямым потомком старославянского языка Кирилла и Мефодия и этим вызвал

резкие возражения других славянских ученых, и хотя в своих работах он ограничивался лишь чисто филологическими темами, однако труды Копитара составили солидную основу для дальнейшего развития славистики.

В числе учеников Копитара был серб Вук Караджич (1787—1864), знаменитый реформатор сербской письменности и литературы, неутомимый собиратель фольклора. В деятельности Вука особенно ярко проявилось культурное взаимообщение славянских народов, их солидарность в общем деле культурного прогресса. Вук, воспитанный словенцем Копитаром, постоянно общался с чехом Добровским, был под сильным влиянием русской науки. Он побывал в России (1818), от которой получал как моральную, так и материальную поддержку. Одну из своих научных поездок (1841) он совершил совместно с русскими учеными Княжевичем и Надеждиным. Работы Караджича находили живой отклик и в других странах. Его замечательные сборники сербских народных песен — «Песнарица» и др. (с 1814 г.) познакомили Европу с богатейшим сербским эпосом, они произвели сильное впечатление на крупных поэтов и ученых в разных европейских странах — на Гёте, Гриммов, Мериме, Пушкина. На своей родине, однако, Караджич долго не встречал признания, даже подвергался преследованиям со стороны реакционных кругов. Лишь позже он был признан основоположником национальной школы фольклористов и этнографов.

У болгар, находившихся под особенно тяжелым гнетом султанской Турции и греческого духовенства, национальное возрождение началось позже. Культурных сил было мало, и об изучении народного быта и культуры некому было и подумать. Призыв Паисия Хилендарского долго оставался без отклика. Толчок к изучению болгарского народа пришел извне — от восточнославянских ученых. Карпато-русс (украинец) Юрий Гуца-Венелин, заинтересовавшись прошлым болгар, напечатал в 1829 г. книгу «Древние и нынешние болгары»; книга эта, хотя в ней было немало исторической фантазии, содействовала пробуждению в среде самих болгар интереса к родной старине — пробуждению национального самосознания. Болгарские друзья и последователи Венелина — Априлов, Палаузов и др.— были и первыми деятелями болгарского просвещения и пионерами болгарской этнографии. В одном из писем к Априлову (1837) Венелин сам набросал широкую программу фольклорно-этнографических исследований. В этой программе указаны как предмет изучения народные песни, «разные костюмы, преимущественно женские, с их названиями», различные обряды, «поверия и суеверия», и пр. Вообще программа эта была очень серьезно по тому времени продумана.

Иные исторические условия и иные корни питали научный интерес к западным и южным славянским народам среди ученых России. Интерес этот был связан с общим подъемом культуры в послепетровскую эпоху, с нараставшим общением России с зарубежными европейскими странами.

Еще В. Н. Татищев, ставя в своих историко-географических трудах вопрос о происхождении народов, выделял славянские народы как отдельную, исторически родственную группу народов. М. В. Ломоносов в своей «Древней российской истории» (напечатана посмертно в 1766 г.) поставил широко вопрос о происхождении славян и высказал по этому поводу ряд важных соображений. Зародившийся интерес к верованиям древних славян проявился в первых публикациях материалов по славянской «мифологии» — в сборниках М. В. Попова «Краткое описание славянского баснословия» (1768), М. Д. Чулкова «Словарь русских суеверий» (1780), Гр. Глинки «Древняя религия славян» (1804), А. С. Кайсарова «Славянская и российская мифология» (1804), П. Строева «Краткое обозрение мифологии славян российских (1815). Впрочем, за исключением последнего сочинения, все остальные содержали больше досужей фантазии и романтического любительства, чем подлинно научных данных.

О зарубежных славянах в то время в России было известно очень мало. В «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» Георги (1776; изд. 2 — 1799) из славянских народов описаны наряду с русскими и украинцами только поляки. В годы наполеоновских войн в России начали распространяться сведения о западных и южных славянах. Они имеются в небольшой книжке Д. Бантыш-Каменского «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810), а особенно — в сочинениях В. Броневского «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море...» (т. 1—4, 1818—1819) и «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г.» (т. 1—2, 1828), где рассказывается много интересного о быте черногорцев, далматинских славян и др.

Что касается собственно научного славяноведения, то основателем его в России, но лишь как чисто филологической науки, был А. Х. Востоков. Изучая славянские языки еще с 1802 г., он завершил свои исследования знаменитым трудом «Рассуждение о славянском языке» (1820); там он, между прочим, впервые высказал мысль о самостоятельности восточной ветви славянских языков, которую Добровский, как мы знаем, не отделял от южной ветви. Эта мысль легла позже в основу общепринятой классификации славянских языков — деления их на западную, южную и восточную группы.

Научный авторитет Востокова был так велик, что к нему не раз обращались как к арбитру в своих ученых спорах крупнейшие деятели зарубежной славянской науки: Копитар, Шафарик и др.

Впрочем, в непосредственно этнографическом изучении славянских народов труды Востокова не составили какого-либо вклада.

6

В эти ранние годы развития славяноведения видная роль принадлежала культурно-просветительным и издательским организациям — так называемым матицам, которые начали создаваться с 1820-х годов по почину сербов в разных славянских странах: в 1826 г. была организована Сербская матица (в Пеште), в 1831 г.— Чешская (в Праге), в 1842 г.— Хорватская (Загреб) в 1845 г.— Лужицко-сербская (Бауцен), в 1848 г.— Галицко-русская (Львов), в 1852 г.— Моравская (Брно); позже, в 60-х годах, появились: в 1863 г. Словенская, т. е. Словацкая матица (Св. Мартин), в 1862 г. Далматинская (Задар), в 1864 г. Словенская (Любляна), в 1867 г. «Матица лиду» (Прага). Все эти матицы деятельно издавали и распространяли литературу, создавали школы и пр.; они занимались также и собиранием и публикацией фольклорно-этнографических материалов.

7

В 1840-е годы молодая славяноведческая наука прочно утверждается во всех славянских странах. И если собственно этнографическое изучение славян еще не выделяется в особую отрасль знания, то этнографические материалы, сведения о быте, обычаях, культуре, истории славянских народов становились все более и более обширными и разносторонними.

У чехов и словаков в 40-х годах родиноведческие исследования все более расширялись и, как правило, вдохновлялись тем же духом демократического патриотизма, стремлением помочь культурному прогрессу народа; у многих этот патриотизм сочетался с той же идеей славянской «взаимности» — солидарности славянских народов в их борьбе за родной язык и культуру. Главными деятелями этого культурного движения были выходцы из народа, демократическая интеллигенция, продолжатели дела «властенцев» начала XIX в. Им уже не приходилось доказывать, что чешский, словацкий и другие славянские народы и их языки имеют право на научный интерес.

В эти годы среди чехов действовали энергичные собиратели фольклора и народных обычаев: Сушил, Шембера, Эрбен, Божена Немцова и др. Старшим из них был Фр. Сушил, моравaнин родом, начавший собирать народные песни еще в 20-х годах и издавший их в больших сборниках: 1-е издание в 1835 г., дальнейшие, все более расширявшиеся издания — в 1840—1872 гг. Алоис Шембера, литератор, историк и языковед, издал, между прочим, первую этнографическую карту Моравии и Силезии. Особенно плодотворна была деятельность Карела Яромира Эрбена. Он издал «Prostonárodné české písné a řikadla» — (I—III, 1842—1845) и «Nápěvy» к ним (I—IV, 1844—1860) — 2200 песен с нотами, не считая вариантов. Большой интерес представляет его исследование легенд о людях, замурованных в стене («Obětováni zemi», 1848), а также сочинение «О двоице и троице в славянской мифологии» (1857). Его «Описание традиционного костюма чехов-ходов («Popis krojú lidu selského tak zvanych Chodú neb Buláků z okoli města Domažlice v Čechach») было одним из первых этнографических сочинений, посвященных материальной культуре. Эрбен публиковал фольклор и других славянских народов: «Sbornik sto prostonárodnich pohádek a pověsti slovanských v nárečich púvodnich» (в оригинальных текстах, 1864), «Vybrané baje a pověsti narodni jinych vetvi slovanskych» (в чешском переводе, 1869). Божена Немцова, горячая патриотка и собирательница фольклора, особенно известна своими бытовыми народными повестями. Ее повесть «Бабушка», рисующая величавый образ старой крестьянки, хранительницы народных традиций, воспитательницы молодых патриотов, переведена на многие языки. Но Немцова публиковала и подлинные фольклорные тексты. Богатый моравский фольклор собрал и опубликовал моравaнин Кульда.

Передовая роль чехов в области культурной и научной работы сказалась в организации известного Славянского конгресса в Праге (148). Этот конгресс был политически безрезультатным тем более что вскоре был разогнан реакционным австрийским правительством, но он содействовал делу культурного сближения славян и еще более оживил интерес к их научному изучению.

8

Среди словаков движение за национальное возрождение началось позже. Правда, еще в конце XVIII в. (1790) католический священник Ант. Бернолак разработал литературные нормы для словацкого языка, основываясь на западнословацких говорах, близких к чешскому языку. Но эти говоры были мало понятны большинству словаков, и вообще «бернолачина» успеха не имела.

В 1840-х годах, в связи с общим подъемом национального движения в Центральной Европе, отозвалось это движение и в Словакии. Но оно было ослаблено разногласиями: одна группа интеллигентов-патриотов во главе с поэтом Яном Колларом стояла за сближение с чехами и за введение чешского литературного языка; другая отстаивала самостоятельность словацкого национального языка и необходимость создания своей словацкой литературы. Во главе этого самостоятельного национального движения стояли Людовит Штур, Иозеф Гурбан, Михал Годжа. Полемика между обеими группами была горячей.

Национальное движение породило интерес к народному творчеству, к собиранию и публикации его памятников. В 40-х годах в Братиславе образовался кружок патриотической молодежи под руководством евангелического пастора Самуэля Реуса. Молодые энтузиасты начали записывать и издавать фольклорные тексты, прежде всего сказки. В 1845 г. вышел в свет первый печатный сборник словацких сказок, изданный Янко Римавским (Ян Францисци),— «Slovenské povesti». В предисловии издатель высказывал свои теоретические взгляды по этому предмету, подчеркивая значение народных сказок как выразителей народного духа. Собирание и издание сказок продолжалось и далее: например, «Slovenské povesti» Шкультетого и Добжинского (6 выпусков, 64 текста, 1858—1861). Обширное исследование о словацких сказках напечатал Павол Добжинский в 1871 г.: «Uvahy o slovenských povestiach». Впоследствии словацкий сказочный фольклор был признан ценнейшим источником для изучения истории народа (Иржи Поливка).

Другие жанры словацкого фольклора изучались меньше. Образцы народных лиро-эпических песен и преданий приведены в книге Людовита Штура: «O národnich pisnich a povestech plemen slovanskych» (1853).

Позже тот же Добжинский опубликовал интересный материал об общинных традициях в словацкой деревне: «Prostonárodnie obyčaje, povery a hry slovenské» (1880).

Из кружка Реуса вышли и другие собиратели фольклора: Само Халупка, Ян Ботто, Ст. Декснер и др.

9

Крупным явлением в научной жизни южных славян был Франц Миклошич (1813—1891), славянский лингвист и филолог, словенец родом, ученик и продолжатель Копитара. Миклошич был общепризнанным международным авторитетом в вопросах сравнительной грамматики и лексики славянских языков, авто-

ром классических работ по этим вопросам, учителем целой плеяды исследователей в разных странах. Для этнографии представляют особый интерес работы Миклошича, посвященные культурному влиянию славян на соседние народы; в специальных монографиях и статьях он показывал многочисленные заимствования из славянских языков в румынском, албанском, новогреческом, венгерском языках и языке цыган. Он интересовался также народной поэзией и мифологией славян. Большой интерес представляет, например, его исследование происхождения образа русалки в народных верованиях: «Die Rusalien. Ein Beitrag zur slawischen Mythologie» (1864).

Взгляды Миклошича на происхождение и взаимоотношения славянских народов — он стоял здесь на позициях своего учителя Копитара — были предметом больших споров.

У сербов выдвинулся в эти годы собиратель-фольклорист Сима Милутинович, издавший в 1833 г. сборник черногорских и герцеговинских песен (полнее — в 1837 г.), впрочем, довольно беспорядочный. Дилетантом-самоучкой был Вук Врчевич, печатавший с 50-х годов материалы по сербским обычаям и по народной словесности. Но особенно велики заслуги Милана Миличевича, который собрал и издал ценные материалы по сербской этнографии: «Живот срба сељака» (1867—1877), «Слава у срба», «Задружна кућа на селу», а особенно — капитальные сочинения: «Кнежевина Србија» (1876) и «Краљевина Србија» 1884). На русском языке Миличевич еще раньше напечатал: «Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги» («Русская беседа», 1858, III, кн. IX) — одно из самых ранних описаний задруги; «Сербская община» (там же, 1859, VI, кн. XVIII) — одно из очень немногих исследований о территориальной общине у южных славян.

После Венелина большую роль в изучении языка и быта болгар сыграл русский ученый В. Григорович, который во время своего путешествия по Болгарии и Македонии в 1844—1845 гг. впервые установил наречия болгарского языка, описал их, указал их географические границы.

Подъем национального движения болгарского народа скоро привел и к оживлению интереса молодой болгарской интеллигенции к изучению своего народа. Из среды деятелей болгарского национального возрождения вышли первые собиратели этнографических и фольклорных материалов. Георгий Раковский, революционер и просветитель, тесно связанный в своей деятельности с Россией, издал в Одессе в 1859 г. «Показалец, или ръководство», где рядом с фантастическими рассуждениями есть и много ценных сведений о болгарском народном быте. Петко Славейков, поэт-сатирик, бичевавший в своих произведениях султанско-турецкую администрацию, издатель национальных газет, собирал народные обычаи, песни, старину; он напечатал ценное

географическое описание Болгарии. Любен Каравелов, писатель-патриот и революционер, напечатал в Москве в 1861 г. «Памятники народного быта болгар». В том же году вышел в Загребе сборник «Болгарские народные песни», составленный братьями Миладиновыми. Авторы, горячо преданные своему народу и научным исследованиям, поплатились жизнью за свою патриотическую деятельность: оба погибли в константинопольской тюрьме.

10

В первой половине XIX в. польская славяноведческая мысль сосредоточила свое внимание на соседних западноукраинских землях: там продолжала развертываться фольклорно-собирательская деятельность.

В 1830-х годах действовали, преимущественно в Галиции, энергичные собиратели украинского и польского фольклора: Вацлав Залесский (огромное собрание песен с хорошей вводной статьей); Жегота Паули (польские песни); Северин Гощинский, странствовавший по Татрам среди гуралей (его материалы впервые изданы в 1853 г. в Петербурге).

В 1850-х годах в польском славяноведении наметился новый подъем, ознаменовавшийся деятельностью Винцентия Поля и Рышарда Бервинского — первых исследователей, пытавшихся ставить на этнографическом материале некоторые теоретические вопросы.

Но настоящую основу польской этнографии заложил своими огромными трудами Оскар Кольберг (1814—1890). Этот любитель-самоучка, первоначально банковский служащий, под влиянием писателя Бродзинского и композитора Шопена заинтересовался народной музыкой и поэзией и с 1839 г. начал записывать народные мелодии. Его сборник «Piésni ludu polskiego» (Варшава, 1857) стал первым томом обширного издания, которое затем выходило книга за книгой до самой смерти Кольберга под общим названием: «Lud, jego swyczaje, sposób życja, mowa, podania, przys łowia...» Отдельные тома этого издания, содержащие разнообразные этнографические и фольклорные материалы, посвящены разным местностям и этнографическим группам польского народа: Сандомир, куявы, краковяки, Познань, Люблин, Кельце, Радом, Ленчица, Калиш, Покутье, Холмщина... Своим неутомимым собирательским трудом Кольберг охватил почти всю Польшу. «Люд» Кольберга стал важнейшим компендиумом, основой для всей последующей польской этнографии. В настоящее время этот труд переиздается.

В России 1840-е годы тоже ознаменовались тем, что славяноведение прочно стало на ноги и в нем заметное место заняли этнографические исследования, хотя еще и не осознававшиеся как особая дисциплина.

В четырех русских университетах были открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». Их заняли молодые ученые, которых для подготовки к этой деятельности заранее командировали за границу в славянские страны. Это были О. М. Бодянский (1808—1877), И. И. Срезневский (1812—1880), В. И. Григорович (1815—1876), а также П. И. Прейсс,— скоро, однако, умерший. Григорович путешествовал по Балканскому полуострову, остальные — по западнославянским землям. По окончании поездок трое ученых, составившие «первое поколение русских славистов», долго и успешно занимались и научной и преподавательской деятельностью: Бодянский — в Московском университете (1842 — 1870), Срезневский — в Харьковском (1842—1847) и в Петербургском (1847—1880), Григорович — в Казанском (1847—1863) и в Новороссийском (1865—1876). За эти годы они воспитали и подготовили многочисленные кадры ученых, составивших «второе поколение русских славистов». Из учеников Бодянского надо назвать позднейших видных деятелей славяноведения, оставивших след и в этнографической науке,— Л. Майкова, А. Котляревского, А. Гильфердинга; из учеников Срезневского — П. Лавровского, В. Макушева, А. Пыпина, В. Ламанского.

В собственных научных трудах названных трех ученых «первого поколения» этнография не занимала самостоятельного места, однако многие из их работ представляют немалый интерес для этнографа. Особенно интересна ранняя работа О. М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен» (1837): это едва ли не первая в науке попытка систематического сопоставления отдельных элементов культуры у разных славянских народов. В итоге своего исследования Бодянский приходит к выводу о возможности дать сжатую характеристику особенностям поэтическо-песенного творчества у каждого отдельного народа: у чехов и мораван преобладает-де лирический дух поэзии; у словаков — идиллический; у «северных русских» — повествовательно-описательный (т. е. эпический), у «южных русских» (украинцев) — драматический, у сербов — героический и т. д. Характеристики эти представляются нам теперь, конечно, слишком упрощенными, но сама постановка проблемы знаменательна.

Бодянским был выполнен перевод обоих главных этнографических трудов Павла Шафарика: «Славянские древности» (1842, изд. 2—1847) и «Славянское народописание» (1843).

Из многочисленных сочинений Измаила Срезневского — выдающегося слависта-филолога, историка языка и литературы — здесь следует назвать те, которые касаются этнографических тем, в частности его исследования о древних верованиях славян: это «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» (докторская диссертация, 1846), «Исследование об языческом богослужении древних славян» (1847), «Об обожании солнца у древних славян» (1846), «Роженицы у славян и других языческих народов» (1852) и др.

Большая часть произведений «первого поколения русских славистов» проникнута духом господствовавшего тогда романтического славянофильства. В них нет ни следа того воинствующего шовинизма, которым были отравлены сочинения некоторых других авторов, занимавшихся собственно русской этнографией (Сахаров, Терещенко и др.), и который в более поздние годы проник и в собственно славистику (Риттих, Будилович и др.). Преобладал дух романтического любования народной стариной. На многих сочинениях Срезневского отразилось и влияние шедших из Германии идей «мифологической школы». Более полное свое выражение эти идеи нашли в трудах А. Н. Афанасьева (особенно в «Поэтических воззрениях славян на природу», I—III, 1865—1869), а также Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера, Афанасия Потебни.

Под знаком этих различных идей и в непрекращавшемся общении и содружестве славистов разных стран складывались основы той отрасли знания, которая позже, в последние десятилетия XIX в., выросла в самостоятельную дисциплину — славянскую этнографию.

А. И. РОГОВ

РОССИЯ В ПОЛЬСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVII в.

В истории межславянских связей русско-польские культурные отношения XVII в. являются одной из самых ярких страниц. Они давно и неизменно привлекают к себе внимание славистов. Поток переводной исторической, географической, художественной литературы с польского языка, хлынувшей в XVII в. в русскую культуру,— бесспорно значительное явление. Меньшее влияние, но все же весьма заметное, оказывала польская культура на русскую живопись и архитектуру; очень значительно оно в музыке. Это и определило довольно односторонний подход многих исследователей к проблеме русско-польских культурных связей в XVII в. Все сводилось в той или иной степени к вопросу не о культурных взаимосвязях, а к вопросу о культурном влиянии Польши на Россию. Гораздо меньше привлекал внимание вопрос о Польше как передатчике западноевропейской культуры, соответственно трансформированной в Польше. Что же касается знания России и ее культуры в Польше, т. е. второй необходимейшей стороны культурных взаимоотношений двух стран, то это не только не рассматривалось в науке, но и сам вопрос о необходимости ее изучения не был даже поставлен.

Это не означает, конечно, что польские сочинения XVII в. о России не использовались историками. В качестве источников по истории русско-польских отношений этого периода, особенно Смутного времени, они привлекались широко, но все, что выходило за пределы таких сведений, в особенности значение этих сочинений в историко-культурном плане, просто не рассматривалось либо оценивалось весьма низко. Здесь не было принципиальных расхождений между польской и русской историографией. В вышедшем в Варшаве обобщающем труде «Польша, ее история и культура» (1927 г.) прямо говорится: «Бывали неоднократно поляки в Московии, но приносили оттуда известия немногочисленные и несущественные»[1]. В русской же историографии в широком смысле оценки польских сочинений о России мы вообще не найдем, если не считать странного вывода, к которому пришел И. Ивакин, заметивший в своем обзоре «Описание Москвы в сочинениях иностранцев», что поляки всегда

[1] «Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej», t. II. Warszawa, 1927, str. 374.

«только повторяли своих предшественников», имея в виду других иноземцев[2].

Между тем непосредственное и многовековое соседство, теснейшее переплетение исторических судеб Польши и России не могли не вызвать взаимного интереса у каждой из этих стран. Отношения между ними не всегда были мирными, и это, конечно, не могло не отражаться на окраске и настроенности как польских высказываний о России, так и русских о Польше. Разница в религии, в культуре, в самом укладе жизни нередко затрудняла взаимопонимание, но нисколько не более, чем это было во взаимоотношениях России с западноевропейскими странами. Скорее можно говорить о больших возможностях взаимопонимания между Польшей и Россией. К ним в первую очередь относятся близость языка, принадлежность к славянству, появление общего врага в лице Турции.

Первые два фактора очень четко звучат в польской литературе конца XV—XVI в., т. е. эпохи Возрождения. Длугош[3], Меховский, Бельский[4], Стрыйковский[5] просто не представляли себе историю Польши, особенно ее древнейший период, в отрыве от Руси. Они постоянно обращались к русским источникам, интересовались русскими преданиями и легендами. Хроники этих авторов по справедливости являются источниками и по истории России. При всей ненаучности сарматской теории она подталкивала интерес польских хронистов к московитам, как наиболее сохранившим некий праславянский облик и язык[6].

Эти особенности при обращении к России, ее истории и ее культуре в той или иной мере польские авторы сохраняли и в XVII в. Как бы на границе двух веков и вместе с тем двух периодов в развитии польской историографии стоит труд Бартоша Папроцкого «Королевский сад», вышедший на польском языке

[2] *И. Ивакин.* Описание Москвы в сочинениях иностранцев. Опубликовано в приложении к переводу соч. Б. Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.» «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1891, кн. 3, отд. III, стр. 131. Здесь необходимо заметить, что Б. Таннер хотя и входил в состав польского посольства, но не являлся поляком, а был чехом-иезуитом на польской службе. Его сочинение не имеет ничего общего с аналогичными польскими книгами и потому в данном сообщении не рассматривается.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша. «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». М., 1969, стр. 226—237; *Ю. А. Лимонов.* Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси. «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 76—81.

[4] *А. И. Рогов.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 123—133.

[5] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

[6] *T. Ulewicz.* Sarmacja. Kraków, 1950, str. 120.

в Праге в 1599 г.[7] Известный поэт и историк, Папроцкий всегда проявлял большой интерес к геральдике и генеалогии. «Королевский сад» в значительной мере является трудом в этой области, но значение его гораздо шире. Живя с 1598 г. в Праге, Папроцкий усердно собирал материал по истории императоров, польских и чешских королей, русских, литовских и прусских князей. О русских князьях Папроцкий пишет, только ограничиваясь XIII в. Далее его интересует лишь судьба потомков тех из них, которые оказались в польских, литовских и чешских владениях. Древнейший период Киевской Руси Папроцкий излагает, опираясь на хроники Меховского и Кромера, прямо ссылаясь на них, но под рукой его были, видимо, и какие-то русские летописи. Во всяком случае, описывая Золотые ворота в Киеве как «медные, но наполовину из золота»[8], Папроцкий ссылается на хроники не только польские, но и русские. Описание этих ворот у польских хронистов, которыми пользовался Папроцкий, не сопровождается ссылками на русские летописи. Нам пока не известны и русские летописи, где было бы так написано о киевских Золотых воротах[9]. Видимо, у польского писателя в руках был какой-то позднейший русский или украинский летописный источник, содержащий такие сведения. У Папроцкого вообще заметен интерес к историческим документам, реликвиям тех или иных событий. В этом он следует излюбленной манере повествования Стрыйковского, для которого такие предметы были свидетельством истинности сообщаемых сведений, связывали прошлое с настоящим осязаемо[10]. У Папроцкого, в частности, есть упоминание о том, что в Кафедральном костеле в Гнезно показывают памятники похода Болеслава Храброго на Киев (вслед за Длугошем и Меховским он датирует его 999 г.). К сожалению, Папроцкий не говорит, какие конкретно это были памятники. Никаких же других упоминаний о них в источниках найти не удалось.

Непропорционально много, на первый взгляд, внимания Папроцкий уделяет киевскому князю Ярополку Святославичу. Объясняется это тем (как он пишет), что сын Ярополка по прозвищу Враг был отослан отцом в Чехию, так как последний опасался своего брата (т. е. Владимира Святославича). В Чехии Ярополк стал якобы основоположником двух знатных чешских родов — Враговцев и Зеротинцев (или Плихтов). Свои сведения Папроцкий подтверждает ссылкой на чешские хроники. Едва ли, одна-

[7] *B. Paprocki.* Ogród królewski, w którem o początku cesarzów rzymskich, arcyxięząt rakuskich, królów polskich, czeskych, xiązat sląskich, ruskich, litewskich, pruskich. Praha, 1599.

[8] Там же, л. 204b.

[9] *Н. Закревский.* Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 324.

[10] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения, стр. 257.

ко, он имел в своих руках что-либо иное, кроме поздних чешских родословцев, в которых в XVI—XVII вв. упорно проводится идея о происхождении чешской знати из других стран и чаще всего — из Руси[11].

Сходными причинами объясняется и то обстоятельство, что Папроцкий уделяет внимание малоизвестному волынскому князю Давыду Григорьевичу: от него якобы пошли князья Острожские[12]. Впрочем, это был один из двух вариантов их родословия, имевшихся в распоряжении Папроцкого. Согласно другому, они вели свой род от Даниила Галицкого, через его сына Романа[13]. О Данииле и его другом сыне Льве Папроцкий пишет довольно подробно. Особенно интересны и оригинальны его сведения о Льве Даниловиче. Этот князь, как сообщает Папроцкий, «имел в сенате ученых людей, которых добывал таким образом: если он видел где-либо мальчика, склонного к наукам, он на свои деньги учил его в том случае, когда его образование было недостаточным»[14]. Вполне возможно, что эти сведения Папроцкий мог почерпнуть из каких-то родовых летописцев Острожских, типа того, который был открыт и опубликован М. Н. Тихомировым[15]. Существование же школы у галицко-волынского князя вполне правдоподобно. Высокий уровень развития культуры и образованности Галицко-Волынской Руси никем не подвергается сомнению.

Одним из крупнейших польских хронистов XVII в., писавших о России, был Павел Пясецкий. Получивший образование в Праге и Риме, многие годы работавший королевским секретарем, а затем ставший епископом (последовательно Каменецким, Хелмским и Перемышльским), Пясецкий обладал широкими интересами. Он решил написать историю Польши конца XVI — первой половины XVII в. на фоне европейской истории[16]. Пясецкий имел для этого и достаточные знания, и соответствующие возможности. Завершенный к 1639 г. и вышедший в свет в 1645 г. его труд носил название «Chronica gestarum in Europa», т. е. «Хроника событий в Европе». «Хроника» была написана на латинском языке, хотя к этому времени польский язык вполне вступил в свои права во всех сферах литературы и науки, в том числе и в историографии (в особенности после трудов Бельского и Стрыйковского). Несомненно, Пясецкий хотел с помощью

[11] *А. В. Фроловский.* Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 71—72
[12] *B. Paprocki.* Указ. соч., л. 205в.
[13] Там же, л. 205а.
[14] Там же, л. 205с.
[15] *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники. «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 236—253.
[16] О деятельности Пясецкого и его трудах см.: *A. Szelągowski.* Pawel Piasecki, historyk Polski XVII wieku. «Przewodnik naukowy i literacki». Rocznik XXVI. Lwów, 1898.

латинского языка познакомить европейский мир с историей как Польши, так и Восточной Европы. Знакомая же на Западе канва европейских событий не случайно была сжатой. Она преследовала цель скорее облегчить европейскому читателю восприятие восточноевропейских событий через соотношение их с западноевропейскими, чем знакомила с последними поляков. Это, впрочем, не мешало тому, что «Хроника» уже через два года была в Польше переиздана (1648 г.), а через год ее издание было повторено еще раз, хотя вплоть до 1870 г. она и не переводилась на польский язык[17]. На русский же язык она была переведена уже в последней четверти XVII в.[18] и являлась одним из немногих переводных польских исторических произведений XVII в. на Руси. В это время в России скорее обращали внимание на польские хроники эпохи Возрождения, так как в них шире был представлен материал по ранним периодам истории, а его, как известно, усердно разыскивали в иностранных сочинениях русские переводчики, руководимые специально созданным Записным приказом, ведавшим делами официальной историографии[19].

В «Хронике» Пясецкого ранней истории уделено мало внимания. В нее скорее введены экскурсы, хотя и довольно пространные. В одном из них перечисляются сарматские народы: «чехи, мораване, поляки, русины, или руссы, либо роксоляне, болгары, рагузы, далматинцы и все рассеянные московиты или москали»[20] В этом перечне, хотя московиты и отделены от руссов, как это было в традициях польской историографии, сознательно отделявшей руссов, живших на территории Речи Посполитой, от московитов, которые никогда не назывались русскими, но все же содержится намек на их родство. Он легко улавливался современниками, придерживавшимися теории, самой по себе достаточно характерной для этимологических упражнений этого времени, о том, что название «русские» происходит от их рассеяния. Такими объяснениями наполнены польские хроники XVI и даже XVII в. (см., например, далее С. Нейгебауэр в книге «Moscovia», изданной в Гданьске в 1611 г.) и многие русские исторические сочинения XVII в. Весьма отрицательно относившийся к

[17] «Kronika Pawla Piaseckiego, biskupa przemyślskiego». Kraków, 1870 (далее: *Piasecki*).

[18] Пока известен только один список перевода (Гос. Публичная библиотека им. Н. Е. Салтыкова-Щедрина, F, IV, 163). Краткое описание его см.: «Описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого». М., 1825, стр. 9—10. Отрывок из перевода издан архим. Леонидом под заглавием: «Смутное время и московско-польская война». СПб., б. г. (в серии «Памятники древней письменности и искусства»).

[19] *А. И. Рогов*. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения, стр. 264—267.

[20] *Piasecki*, str. 47.

иезуитам перемышльский епископ не только не проявлял какой-либо отчужденности и нетерпимости по отношению к православным народам, но и с высочайшей похвалой отзывался о них. «Люди, живущие в Московии, Руси, Молдавии, Валахии и Болгарии, при совершении религиозных обрядов держатся богобоязненно»,— писал он[21]. Все это не мешает польскому хронисту трактовать «русские земли» Речи Посполитой как исконные «польские провинции», захваченные «московитом» у Литвы, ни единым словом не упоминая об их принадлежности Древней Руси[22]. И в этом, конечно, проявляются гораздо большая предвзятость и ограниченность хрониста XVII в. по сравнению с его предшественниками в XVI в. Они, как известно, всегда писали об этих землях как части Киевской Руси, наследницей которой, однако, целиком и полностью они почитали Литву.

Впрочем, Пясецкий в своих экскурсах в далекое прошлое всегда ограничивается скорее общими характеристиками, рассматривая вопрос происхождения или степени родства между различными народами. В основном же его «Хроника» представляет собой погодное изложение событий. Они начинаются с разгара Ливонской войны, с 1579 г. Военные действия описаны почти так же, как в прославленном труде Р. Гейденштейна «Записки о московской войне»[23]. На него как на авторитет по вопросу истории Ливонской войны у Пясецкого имеется прямая ссылка в словах: «Так закончилась эта московская война, о которой точнейшие подробности можно прочитать у Рейнгольда Генденштейна»[24].

Пясецкий прибегает к значительным сокращениям своего основного источника. В то же время в его «Хронике» можно найти и интересные оригинальные сведения. Касаются они не хода военных действий, а русских городов и крепостей. О Великих Луках, например, Пясецкий пишет как о городе, населенном купцами, которые ведут большую торговлю с немцами, живущими по другую сторону Балтийского моря, тогда как обычно источники упоминают Великие Луки как город, через который идет торговый путь из Новгорода на запад. Так как Пясецкий говорит об этом в настоящем времени, то можно сделать предположение, что он слышал это от самих польских купцов. Вероятно, им же хронист был обязан и подробным описанием Великолукского и Невельского замков. Впрочем, возможен и другой источник этих сведений у Пясецкого — военные донесения, к которым он как королевский секретарь в свое вре-

[21] Там же, стр. 48—49.
[22] Там же, стр. 8.
[23] Ср.: *Piasecki*, str. 8—18 и *Р. Гейденштейн*. Записки о Московской войне. СПб., 1889.
[24] *Piasecki*, str. 17—18.

мя мог легко получить доступ. В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что если о Пскове, который не был взят Баторием, Пясецкий пишет очень обще («окружен кирпичной стеной и валами»), то, напротив, о замках в Великих Луках и Невеле, занятых польскими войсками, знает детальные подробности. Замок в Великих Луках, согласно его описанию. «опоясан глубоким мощным рвом, а стены его вместо каменных состоят из огромных мощных и высоких навалов связанных дубовых бревен, которые подпирает равной им высоты земляной вал, в верхней части закрепленный кирпичом»[25]. Невельский замок, по мнению Пясецкого, мало уступает Великолукскому. Интересно сочетание в Невеле природных условий с искусственными укреплениями. Оно заключалось в том, что замок со всех сторон омывало озеро с единственным узким проходом в южной части. Этот проход укреплялся валом, рвом и стеной, состоящей из коробов, набитых землей. Такие подробности при описании крепостей чаще можно встретить именно в военных донесениях[26].

События на Руси конца XVI в. П. Пясецкий излагает более сжато, чем период Ливонской войны. Главное внимание он сосредоточивает на русско-шведской войне 1590—1593 гг., подчеркивая успехи русских войск, когда ими была после длительной осады взята Нарва и много других «знаменитых городов»[27]. Относительно Нарвы Пясецкий допустил какую-то путаницу, видимо, приняв за нее Ивангород. Что же касается других «знаменитых городов», то под ними подразумевались Копорье, Корела, Ям.

Войну между Россией и Швецией Пясецкий рассматривает как продолжение Ливонской со стороны Русского государства, но вполне безразличную для Речи Посполитой. Более того, Пясецкий подчеркивает складывание в это время предпосылок для союза между Польшей и Россией и потому специально останавливается на посольстве Льва Сапеги в Москву «для объединения двух народов, о чем, — по словам Пясецкого, — между московитами было много разговоров». Особенно интересно последнее замечание Пясецкого, поскольку о реакции русского общества на знаменитое посольство Сапеги сведений сохранилось очень мало. Со своей стороны Пясецкий явно сочувствует идее Сапеги. Это вполне отвечало бы общей историографической концепции Пясецкого о ближайшем родстве двух народов. Но хронист воздерживается от пояснения, как он представлял

[25] *Piasecki*, str. 11—12.

[26] С. Герберштейн, у которого, как правило, черпали свои сведения о русских землях и городах иностранцы, не только не бывавшие, но даже и посетившие Россию, вообще не говорит ни слова об этих замках (*Piasecki*, str. 13).

[27] *Piasecki*, str. 100.

себе это единое государство. Во всяком случае, в «Хронике» не содержится ни малейшего намека на то, что польское вторжение в Москву было реализацией этого плана. Отрицательно относясь к иезуитам, Пясецкий не одобряет поддержку поляками Лжедмитрия I. Он с крайним недоверием относится к его рассказам о своем происхождении, резко осуждает разбазаривание им казны, введение в России польских обычаев и одежд. Описывая военные действия в 1605—1613 гг., Пясецкий пользуется той обширной и многообразной литературой, которая в Польше существовала в его время, и потому особо оригинальных известий по данному вопросу в его «Хронике» мы не найдем. В описании сражений объективности нет. У поляков, как правило, оказываются мизерные жертвы по сравнению с русскими, а о Минине и Пожарском в «Хронике» вообще нет ни единого слова.

Из событий, о которых Пясецкий пишет в конце своей «Хроники», особо интересно сообщение об азовском походе 1637 г. Очень подробно Пясецкий говорит о турецкой армии, ее вооружении, сборах. Его сочувствие целиком на стороне казаков[28]. Вообще интерес к Турции как к сильному и опасному врагу Польши и России, действия России против Турции и совместный союз с ней — это одни из все более настойчиво звучащих тем в польских исторических сочинениях XVII в., в особенности второй половины его. Их можно найти в «Московии» Павла Потоцкого, изданной в Гданьске в 1670 г.[29], и особенно у Н. Свирского в его «Правде старопольской» 1668 г.[30] Давая в стихотворной форме краткий обзор всей польской истории, он вообще во многом сближается с Пясецким. Для Свирского Смоленское и Северское княжества принадлежат Польше, как и литовские земли[31], и он внимательно, несмотря на небольшие размеры своего произведения, следит за их судьбой. К «русским» как в Речи Посполитой, так и «московитам», у Свирского проскальзывают нередко неприязнь и недоверие (в связи с рассказом о женитьбе королевича Александра на дочери Ивана III Елене и в связи с потерей в 1514 г. Смоленска[32]). Все это, однако, ни в коей мере не мешает автору в заключительной части «Правды старопольской» обратиться с горячим призывом к заключению союза Польши с Москвой, «дабы удержать отвратительного язычника»[33], т. е. совместно обороняться от турецкой агрессии. Этот призыв, по убеждению Свирского, идет «от бога». В нем

[28] Там же, стр. 418—419.
[29] *P. Potocki.* Moscovia sive brevis narratio de moribus magnae Russorum monarchiae. Gdańsk, 1670; *он же.* Opera omnia. Warszawa, 1747.
[30] *M. Świrski.* Prawda staropolska hystoryczną relacją wsparta. Zamość, 1668.
[31] Там же, стр. 12, 22.
[32] Там же, стр. 13, 16.
[33] Там же, стр. 32.

нельзя не увидеть непосредственной реакции на заключенный годом ранее Андруссовский договор, положивший конец русско-польским столкновениям и предусматривавший совместные русско-польские действия против Турции и Крымского ханства[34].

Интерес к России в Польше XVII в. проявился не только в плане ее истории, что, как мы видели, в значительной мере объяснялось переплетением в прошлом и настоящем исторических судеб двух стран. Все более возрастает, вызывает интерес и география России. Труды, посвященные ей в XVII в., весьма неравноценны. Некоторые из них ограничиваются пересказом классического в своем роде труда Герберштейна, несколько приправляя его сведениями из других иностранных источников. Такова в основной своей части упоминавшаяся выше книга Павла Потоцкого «Московия». Интереснее и насыщеннее сведениями книга С. Нейгебауэра, вышедшая в Гданьске в 1612 г. «Московия, как она есть»[35]. Правда, Нейгебауэр большинство своих сведений черпает все у того же Герберштейна, ни разу на него при этом не сославшись. Нейгебауэр в значительной мере активно подходит к своему источнику. Он старается собрать в одном месте, руководствуясь географическим принципом, все известия Герберштейна о русских землях, княжествах и отдельных городах, которые рассеяны у него в исторической части «Записок». Таково, например, описание у Нейгебауэра Тверской земли[36].

Но Герберштейн не был единственным источником автора гданьской книги. Вполне возможно, что, живя в городе, населенном в значительной мере купцами, он расспрашивал их о русских городах и о торговле в них. Таков, вероятно, источник его сведений о Ярославле. «Город сей,— пишет Нейгебауэр,— славится кожевенными, мыльными заводами и огородными овощами, которых привозится в Москву такое множество, что иногда утренним временем видеть можно от 70 до 80 повозок, разъезжающих по Москве с огородными плодами и солониною»[37].

Возможно, устными рассказами и преданиями Нейгебауэр вообще старался пополнить сведения Герберштейна. Полусказочный характер среди таких оригинальных известий Нейгебауэра имеет рассказ о причинах отделения северских князей от Польши. Северские князья якобы обиделись на дерзость королев-

[34] *Z. Wojcik.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego genęza. Warszawa, 1959, str. 256.

[35] *S. Neygebauer.* Moscovia hoc est, de origine, situ, regionibus, moribus, religione ac Republica Moscoviae Commentarius. Gedani, 1612. Перевод на русский язык глав, посвященных географии России, см.: «Журнал министерства народного просвещения», 1836, № 9 (ниже ссылки даются на это издание).

[36] Ср. у С. Нейгебауэра (указ. соч., стр. 616) и у С. Герберштейна («Записки о московитских делах». СПб., 1908, стр. 88 и 115).

[37] *С. Нейгебауэр.* Указ. соч., стр. 623.

ского слуги в Вильне, защемившего им пальцы в дверях, и решили отойти к Московскому государству [38]. Такое предание могло только подчеркнуть несерьезность причин, вызвавших отделение северских земель от Польши в годы, когда во время интервенции эти земли вновь перешли к Речи Посполитой.

Нейгебауэр иногда восполнял недостаток сведений своими домыслами. Их он строит на аналогии. Так, если польские историки XVI в. реконструировали религиозную систему язычества в Литве, опираясь на сведения об античном пантеоне богов, то Нейгебауэр в свою очередь пишет о русском язычестве то, что он мог вычитать в польских хрониках о литовском язычестве. Об идоле Перуна в Новгороде и о его жрецах он рассказывает совершенно так же, как Стрыйковский о литовских языческих капищах. Особенно бросается в глаза в этом отношении рассказ о том, что в честь Перуна «беспрестанно, как днем, так и ночью, горел огонь из дубовых дерев; если же, по нерадению жреца, приставленного к отправлению сей должности, огонь угасал, то жрец наказываем был смертью» [39].

Стараясь описать все Русские земли, Нейгебауэр делает это, однако, крайне неравномерно. Наиболее поверхностно и кратко им описаны Урал и Сибирь. Не колеблясь, Нейгебауэр поспешно заявляет, что в Сибири нет крепостей и городов [40]. Видимо, и это мнение у него сложилось после чтения Герберштейна, который, однако, писал в начале XVI столетия, т. е. за сто лет до Нейгебауэра, и к тому же заметил более осторожно, что о городах и крепостях в Сибири — «не знаю достовернее, имеет ли она» [41].

Плохое знание восточных земель Русского государства иностранцами — общее явление для XVI—XVII вв. Но именно поляку во второй половине XVII в. было суждено дать первое и очень подробное описание Сибири и Дальнего Востока. Им был Адам Длужик-Каменский. Во время русско-польской войны в октябре 1657 г. он был взят в плен под Басей, неподалеку от Могилева, отправлен в Москву, а оттуда проделал долгий путь до Амура. Во время своего вынужденного путешествия Каменский не только внимательно относился ко всему, что видел, но и тщательно записывал свои впечатления. Вернувшись в Польшу, он написал воспоминания. По неизвестным причинам они в свое время не были опубликованы и распространялись в списках. Один из них, к сожалению довольно плохо сохранившийся список, был издан

[38] Там же, стр. 611.

[39] Ср. у С. Нейгебауэра (указ. соч., стр. 618) и у М. Стрыйковского (*M. Stryjkowski.* Kronika Polska Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1866, ks. IV, gl. IV).

[40] *С. Нейгебауэр.* Указ соч., стр. 627.

[41] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 136.

А. Марианским в сборнике «Варта» в 1874 г.[42] До сих пор, однако, этот драгоценный памятник, если не считать кратких упоминаний о нем[43] или небольших цитат из него[44], по сути дела не вошел в научный оборот. Между тем едва ли можно указать вплоть до конца XVIII в. столь обстоятельное описание Сибири.

С самого начала «Дневника» Длужика-Каменского бросается в глаза точная фиксация расстояний от одного, пусть и малозначительного, пункта Сибири до другого. Но точность автора сочетается с живостью и яркостью рассказа. Занятия многочисленных народов Сибири, их облик и одежда, устройство и убранство жилища, верования и ритуалы — все это. описано Каменским. Польский писатель не только четко различает каждый народ Сибири, указывая место его расселения, но старается наметить даже какие-то группы в одном и том же народе. Так, он разделяет сибирских татар на земледельцев и охотников. Татары-земледельцы сеют полбу, пшеницу и овес. Каменский обратил внимание при этом, что рожь культивируют в Сибири только русские («московиты»)[45]. Особую группу составляют, по наблюдению польского путешественника, татары-охотники. Они охотятся с кречетами, которых кормят рыбой.

«Невиданным народом» показались Каменскому остяки (ханты), которые совсем не знают земледелия и питаются дикой птицей и рыбой. В «Дневнике» подробно рассказывается, как эта рыба приготовляется[46].

Подробность, с которой Каменский описывает тот или иной народ, позволяет даже судить об определенном этапе его развития. Например, рассказывая о поселениях вогул (манси), он отмечает, что их жилища сооружены из дерева, имеют одно низкое окно, в очаге день и ночь горит огонь, нет ни печей, ни дверей, а только дыра вместо двери[47]. Перед нами — явное описание юрты, а не более архаичного чума, в котором не было всех этих особенностей[48]. Между тем и в XIX в. у манси продолжали параллельно существовать оба вида построек.

Особенно захватывали воображение Каменского религиозные ритуалы сибирских народов. В нем при их описании пробуждается тот живой интерес к языческим обычаям, который мы видим у историков и писателей периода польского Возрождения. Об обычаях он подробно рассказывает, при этом всегда

[42] *A. Dłużyk-Kamieński.* Dyaryusz więzienia moskiewskiego «Warta». Książka zbiorowa. Poznań, 1874, str. 378—388.
[43] *А. Н. Пыпин.* История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 316.
[44] *Sh. Kałuzyński.* Polskie badania nad jakutami i ich kulturą, «Szkice z dziejów polskiej orientalistyki». Warszawa, 1966, str. 172—173.
[45] *A. Dłużyk-Kamieński.* Указ. соч., стр. 382.
[46] Там же.
[47] Там же, стр. 381.
[48] *В. Павловский.* Вогулы. Казань, 1907, стр. 23.

не забывает упомянуть, что эти народы не знают ни бога, ни веры. По сути дела Каменским впервые были подробно описаны идолы вогулов, «которые собираются в скрытых местах и там устраивают богослужения» [49]. Видимо, польский путешественник сумел внушить доверие к себе, если ему была предоставлена возможность наблюдать эти «скрытые» ритуалы. Их описания известны в печатной литературе только с конца XVIII в.[50]

Для этнографов особый интерес представляет описание медвежьего культа у вогулов, зафиксированного на двести лет ранее первых известных его описаний [51]. «Когда они убьют медведя, то плачут над ним, говоря, что не мы тебе принесли смерть, а наш лук,— пишет Каменский.— Потом его съедают и молятся его голове, которая всегда стоит в углу жилища, накрытая посудой и увешанная различными одеяниями» [52].

Длужик-Каменский с большим интересом отнесся к постройкам в сибирских городах. Его интересовали крепости, храмы, жилые дома, устройство соляных варниц. Целый ряд построек в Сибири Каменский видел до их переделок и нередко сообщает о них важные данные, которые отсутствуют в отечественных источниках. Так, он пишет о том, что в Тобольске в 1658 г. он видел «мало каменных построек» [53]. Между тем во всех дошедших до нас источниках первые каменные постройки (Успенский и Преображенский соборы и каменная ограда Софийского собора) датируются 80—90-ми годами XVII в.[54]

О тюменском остроге Каменский сообщает (1658 г.), что он имел двое ворот [55], тогда как согласно дозорной книге 1624 г.— источника, в котором содержатся сведения об этом остроге до его перестройки в конце XVII в., говорится всего лишь об одних воротах [56].

Многие города Сибири и особенно их местоположение поражали польского путешественника своей красотой. О Соли Вычегодской он пишет как о «красивом городе» [57], а о Якутске, что он стоит «над самой Леной на великолепном и веселом месте» [58].

[49] *A. Dłużyk-Kamieński.* Указ. соч., стр. 381.
[50] *В. Павловский.* Указ. соч., стр. 185.
[51] *Н. М. Ядринцев.* О культе медведя преимущественно у северных инородцев. «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 101—133; *Г. М. Василевич.* О культе медведя у эвенков. «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в.» Л., 1971.
[52] *A. Dłużyk-Kamieński.* Указ. соч., стр. 381.
[53] Там же.
[54] *О. Н. Вилков.* К истории застройки Тобольска конца XVI—XVII в. «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1969, № 6, стр. 76; *В. И. Кочедамов.* Тобольск, 1963, стр. 30.
[55] *A. Dłużyk-Kamieński.* Указ. соч., стр. 382.
[56] «Тюмень в XVII столетии. Собрание материалов для истории города». М., 1903, стр. 18.
[57] *A. Dłużyk-Kamieński.* Указ. соч., стр. 380.
[58] Там же, стр. 385.

Особый интерес и внимание к произведениям архитектуры в русских городах, проявленные Каменским, далеко не единственный случай в сочинениях поляков о России в XVII в. В первую очередь здесь следует назвать записки поляков, побывавших в Москве в начале XVII в., хотя немало ценных описаний можно найти и в воспоминаниях поляков, посетивших Москву в середине и во второй половине XVII в. Несмотря на то что многие авторы участвовали в завоевательных походах на Россию, они не только с интересом, но и с восхищением пишут о русской архитектуре. Никакой отчужденности, «полной обособленности культур», о которой твердила польская буржуазная историография[59], мы в них не чувствуем. Внимательное изучение их сведений, несомненно, прольет свет на многие неясные стороны в истории древнерусской, в частности московской, архитектуры, так бурно обновлявшейся и перестраивавшейся во второй половине XVII в.

В первую очередь и неизменно воображение поляков покорял Московский Кремль. О его величине и древности его стен («по стародавнему») специально пишет Станислав Немоевский. Особое внимание Немоевского привлекла Кутафья башня и мост к ней через р. Неглинку. Если принять во внимание, что Кутафья неоднократно реконструировалась, то ее описание Немоевским приобретает особый интерес. «Через Неглинную две каменные стены, одна возле другой, вдоль от основания выделенные о 12 сводах, тонкие, высокие; по сторонам большие окна; вероятно, они были выведены так высоко для кровли. Между стен — деревянный мост, пропущенный в кирпичную, умеренной толщины стену; он идет от Кремля с довольно частыми башнями наподобие бастионов»[60]. Можно только пожалеть, что М. Г. Рабинович, использовавший большой археологический и письменный материал для реконструкции Кутафьи в ее историческом развитии, не привлек данных Немоевского. В результате большие и высокие окна, о которых сообщает польский автор, отсутствуют на предложенных вариантах реконструкции памятника[61].

Интересные сведения о кремлевских стенах сообщает и находившийся с 1660 по 1662 г. в русском плену Михаил Обухович. Описывая вторую и третью кремлевские стены со стороны Москвы-реки, он говорит о довольно большом пространстве между ними, позволяющем «ходить и ездить свободно». Оказывается, что вторая стена использовалась как своеобразная три-

[59] См., например: *T. Parnicki.* Rosja i rosjanie w literaturze polskiej. «Kuryer literacko-naukowy», 1934, N 3, str. VII.
[60] «Записки Станислава Немоевского». М., 1907, стр. 37.
[61] *М. Г. Рабинович.* О древней Москве. М., 1964, стр. 40—49.

буна, с которой иностранцы наблюдали за торжествами, происходившими на реке [62].

В польских описаниях Кремля внимание историка в первую очередь, естественно, привлекают также сведения о недошедших в первоначальном виде или тем более не сохранившихся зданиях. Так, поляки, побывавшие в Москве в начале XVII в., еще застали комплекс годуновских дворцовых построек. Немоевский сообщает о церкви, построенной «недурно» Борисом Годуновым при своем дворце [63], о котором ничего не говорит ни Новый летописец, ни Арсений Элассонский. Им же подробно описаны «открытый каменный переход» и «открытая зала на высокой стене», т. е., по-видимому, Верхний набережный сад (или его предшественник), о котором русские источники пишут начиная с конца XVII в. [64]

Не дошедшие до нас палаты Самозванца казались Немоевскому «мелкими и низкими... но с веселым видом из них на Москву» [65]. Иное впечатление производил дворец Самозванца на Самуила Маскевича, который считал его «самым красивым зданием» и видел черты сходства с польскими постройками [66], что не может казаться особенно странным, если мы вспомним о воспитании и вкусах Лжедмитрия I. Александр Диаментовский также считал дворец «красивым и даже великолепным». Он описывает детали убранства здания: «замки в нем вызолочены червонным золотом, а некоторые обведены серебряными решетками» [67].

Подобно дворцу Самозванца, никаких следов не осталось в Кремле и от зверинца, который видел С. Маскевич. «В том же замке,— пишет он,— содержалась во рву, обнесенном оградой, львица, которая потом издохла во время осады» [68]. Русские источники упоминают о первом зверинце в Москве в Измайловской усадьбе лишь в правление Алексея Михайловича.

В некоторых польских описаниях Кремля поражает обстоятельность и точность сведений. Всегда точно указывается число глав в той или иной церкви. С. Маскевич подсчитал число окон в Грановитой палате, описал сюжеты росписей ее стены из Ветхого

[62] *М. Обухович.* Дневник стражника Великого княжества литовского, писанный в плену в Москве с 1660 (по 1662 г.). Киев, 1862, стр. 40.
[63] «Записки Станислава Немоевского», стр. 53.
[64] *Н. А. Скворцов.* Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 435.
[65] «Записки Станислава Немоевского», стр. 53.
[66] «Дневник Самуила Маскевича». «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. V. СПб., 1834, стр. 68.
[67] «Дневник Марины Мнишек». «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. IV. СПб., 1834, стр. 23. Автором сочинения, известного под этим названием, в действительности был член свиты Марины Мнишек Диаментовский.
[68] «Дневник Самуила Маскевича», стр. 72.

завета, изображения всех князей и царей, что вполне соответствует знаменитой описи стенописей палаты, сделанной в 1668 г. Ушаковым, может быть, только за небольшими исключениями[69].

За пределами Кремля польских авторов, как, впрочем, и всех иностранных путешественников, неизменно привлекал Покровский собор. Чаще всего его называют Троицкой церковью. Многоглавие ее иногда рождает несколько преувеличенные представления о числе приделов. Маскевич их насчитывает 30, хотя в действительности их число не превышало десяти. Как можно думать, Маскевича ввели в заблуждение малые главки (ныне несохранившиеся), стоявшие в основании центрального шатра храма, а поскольку каждая из больших глав строго соответствует приделу, то Маскевич легко мог принять и малые главки за обозначение приделов.

С большим вниманием к архитектуре Покровского собора отнесся Жолкевский. Он первым определил схему общей планировки и соотношения глав церкви, сказав, что она «весьма искусно построена квадратом». (Z kwadratu robiona)[70]. Жолкевский имел в виду два пересекающихся квадрата, образуемых в плане большими и меньшими главами. Нельзя не отметить, что и для некоторых весьма ученых иностранных искусствоведов XIX в., писавших о Покровском соборе, таких, как Карл Верман, он оставался всего лишь «грядкой отливающих всеми цветами радуги гигантских грибов»[71].

Менее удачными, хотя сами по себе свидетельствующими об интересе поляков к произведениям русской архитектуры, были их попытки датировать Покровский собор. М. Обухович писал о нем как о церкви, «древнейшей из всех в Москве, как можно далее заключить по самому виду ее»[72]. Видимо, Обуховичу, видевшему новые, преимущественно пятиглавые или одноглавые, но никак не столпообразные и шатровые постройки, в стиле которых сооружен собор и которые в 50-е годы XVII в. были запрещены патриархом Никоном[73], многоглавая столпообразная постройка представлялась древнейшей.

Китай-город поражал поляков своей плотной застроенностью, множеством торговых лавок, с особыми рядами для каждого вида ремесла. «Было на что посмотреть и чему подивиться»,— восклицает Маскевич[74]. Польские дипломаты, попадавшие в

[69] Ср.: «Дневник Самуила Маскевича», стр. 68—69 и *И. Е. Забелин*. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стр. 1255—1271.
[70] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». СПб., 1871, стр. 124.
[71] *К. Верман*. История искусства всех времен и народов, т. I. СПб., б. г., стр. 855.
[72] *М. Обухович*. Указ. соч., стр. 12.
[73] «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 164.
[74] «Дневник Самуила Маскевича», стр. 88.

пределы Китай-города через его Воскресенские ворота, почти всегда пишут о них в своих донесениях. К. Гжимултовский, приезжавший в Москву для заключения Вечного мира в 1685—1686 гг., называет башни ворот «великолепно построенными»[75]. Яна Оборского в 1637 г. в большей мере заинтересовал каменный мост через р. Неглинную около этих ворот и каменные лавки, «поставленные до ворот»[76].

Ряд интересных сведений сообщает С. Маскевич о Белом городе. Прежде всего обращает на себя внимание наименование его Ивангородом, не зафиксированное в других источниках. Оно появилось потому, что, по Пискаревскому летописцу, строительство Белого города началось еще при жизни Ивана Грозного в 1584 г.[77] (хотя полностью развернулось уже при Федоре Ивановиче в 1591 г.). Маскевич обратил внимание на пятиглавую башню Белого города[78]. В XVII в. эта башня, находившаяся неподалеку от Алексеевского монастыря на берегу Москвы-реки, была дополнена двумя башнями и потому известна под названием семиверхой. Маскевич видел ее до перестройки, и потому его сведения приобретают особое значение. Они подтверждаются и изобразительным материалом — рисунком той же башни на знаменитом Сигизмундовом плане 1610 г.

Поляки сумели увидеть и понять красоту и гармоничность русских храмов, совершенство русских оборонительных сооружений. С. Маскевич называл Москву «великолепным городом»[79], ее храмы — «красотой». Жолкевский отмечал невиданную в Европе его величину. «Ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу»,— восклицает Жолкевский[80].

Жолкевский не только оставил описание Москвы, но, возможно, способствовал и появлению в польской живописи XVII в. ее изображения. В епископском дворце в Кельцах среди фресок можно видеть въезд гетмана в Москву и пожар русской столицы[81]. На первой из них явно различается колокольня Ивана Великого, хотя другие постройки Москвы весьма условны и скорее походят на готические здания. Время создания келецких росписей определяется промежутком с 1635 по 1642 г., поскольку на одном из них изображен прием Владиславом IV шведских

[75] «Zródła do dziejów Polskich». Wydawane przez Mikolaja Malinowskiego, Alexandra Pzedzieckiego, t. II. Wilno, 1844, str. 44.
[76] «Dyaryusz Poselstwa do Cara... Jana z Obor Oborskiego». Kraków. Zbiory Czartoryjskich, N 133, str. 451.
[77] *В. В. Косточкин.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964, стр. 45—46.
[78] «Дневник Самуила Маскевича», стр. 95.
[79] Там же, стр. 74.
[80] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 123.
[81] О них см.: *W. Tomkiewicz.* Aktualizm i aktualizacja w malarstwie polskim XVII w. «Biuletyn Historii sztuki», R. XIII, 1951, N 1, str. 80—83.

послов 5 августа 1635 г., а владелец дворца, при котором он и был построен,— Якуб Заджик умер в 1642 г. Росписи были выполнены мастерами из мастерской Долябелли. Итальянский живописец, проведший значительную часть своей жизни в Польше, неоднократно обращался к русским сюжетам или изображал русские одежды. Подобно тому как в келецкой росписи он точно нарисовал колокольню Ивана Великого, несколько ранее в одном из своих гнезненских полотен, изображающих Станислава Щепановского на суде у Болеслава Храброго, Долябелля показал княжеское платье, точно воспроизведя русский царский костюм [82].

* * *

Как можно было видеть, для польских авторов XVII в. Россия, ее история и ее культура не были чем-то чуждым и непонятным. В ее древней истории они находили много точек соприкосновения со своей. В XVII в., впрочем, очень немногие из польских историков специально обращаются к истории России, имея возможность черпать из богатого материала, накопленного польскими хронистами XVI в. В XVII в. возрастает интерес к событиям в России того времени, к ее городам и областям. Во второй половине века явно начинает преобладать взгляд на Россию не как на какого-то врага в прошлом, а как на союзника в совместной борьбе с турецкой агрессией в настоящем и будущем. Во многом сближению двух народов способствовал интенсивный культурный обмен. Важно отметить, что он выразился не только в широком использовании в России достижений польской культуры, но и в живом интересе поляков к явлениям русской культуры того времени.

[82] *А. И. Рогов.* Станислав Щепановский на королевском суде. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 79.

К. И. РОВДА

СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

В буржуазных концепциях мировой литературы игнорируются труды советских ученых и ученых других социалистических стран [1]. В лучшем случае они бегло рассматриваются как несамостоятельные образования, как спутники крупных западных литератур [2]. Историки литератур малых народов часто искали «объяснения тех или иных поворотов литературного развития в литературах больших наций, иногда полностью упуская инициативность отечественной литературы» [3], спонтанность, самостоятельность ее развития, и тем грешили против истины.

Марксистское литературоведение понимает мировую литературу не как литературу великих наций, а как целостный организм, состоящий «из множества национальных и местных литератур» [4], и не как сумму отобранных из каждой литературы духовных ценностей, а как живую, непрерывно развивающуюся систему художественного мышления человечества в единстве общего и особенного, интернационального и национального, где последнее выступает как часть целого [5].

Славянским литературам, как и славянским народам, в истории мировой художественной мысли принадлежит большая роль, выяснению которой в последнее время посвящается много усилий как со стороны ученых-славистов социалистических стран, так и со стороны славистов всего мира [6]. На последнем Между-

[1] «Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы». М., 1967.

[2] *Н. И. Кравцов*. Концепции истории славянских литератур в работах зарубежных литературоведов. «Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы», стр. 92 — 106.

[3] *Ян Мукаржовский*. О современных задачах исследования межлитературных отношений. «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения». М., 1968, стр. 11.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 428.

[5] *И. Г. Неупокоева*. Методологические вопросы построения «Истории всемирной литературы». «Вестник АН СССР», 1965, № 7, стр. 59—62; *Р. М. Самарин*. О некоторых проблемах работы над историей всемирной литературы. «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1962, т. XXI, вып. 5, стр. 389 — 400; *А. Чичерин*. Соответствия в истории разных литератур. «Вопросы литературы», 1965, № 10, стр. 171 — 179; *Н. И. Конрад*. О некоторых вопросах мировой литературы. В кн.: *Н. И. Конрад*. Запад и Восток. Статьи. М., 1966, стр. 446 — 465.

[6] *М. П. Алексеев*. Славянские литературы и их роль в истории мировой культуры. (Тезисы доклада.) «IV Международный съезд славистов». М., 1958; *F. Wollman*. Historickosrovnávací zkoumání slovanských literatur, výsledky a úkoly. «Československé přednašky pro V. mezinárodní zjezd sla-

народном съезде славистов в Праге (1968 г.) на первом месте стояли методологические проблемы сравнительного изучения славянских литератур и, в частности, вопрос о месте и роли славянских литератур в мировом художественном развитии [7].

Представляют ли славянские литературы действительно нечто специфическое, особенное в рамках мировой художественной культуры, что требовало бы отдельного изучения? Задаваясь вопросом о роли славянских литератур в истории мировой культуры и указывая на трудности решения этой проблематики, М. П. Алексеев отмечал, что попытки «достигнуть решения этой проблемы путем определения общности славянских литератур, раскрытия специфических особенностей, присущих им одним, при исторически сложившихся их различиях и тех изменениях, которые претерпевали они на своем пути, далеки от завершения и могут быть оправданы как конечный результат только при полном учете всех исторических и социальных причин, обусловивших становление, формирование и развитие этих литератур». Считая более важной в то время (1958 г.) задачу определения «конкретного индивидуального вклада, внесенного в мировую культуру каждой славянской литературой в различные эпохи их существования», ученый полагал, что результаты того и другого пути изучения «во многом совпадут» [8].

Тогда же прозвучал голос, предостерегающий против попыток синтетического изучения славянских литератур как целостной системы. «Попытки создания синтеза славянской культуры,— заявил С. Кольбушевский (Польша),— были бы философской спекуляцией; история литератур показыват также, что идея славянской общности в этой области не имеет оснований... Нужно освободить науку от мифа о единстве, общности славянских литератур, мифа абсолютно ненужного, лишнего в эпоху фактического единства славянских народов в едином демократическом лагере» [9].

vistů v Sofii». Praha, 1963, str. 165—180; *Е. Георгиев*. Общи закономерности в развитието на славянските литератури. «Славянска филология», т. IV. Доклади, съобщения и статии по литературознание. София, 1963, стр. 5—24.

[7] *J. Dolanský*. Specifičnost slovanských literatur v literaturach vychodní Evropy. «Československé přednašky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1969, str. 189—196; *R. Parolek*. Poznamky k neravnoměrnosti vyvoje slovanských literatur. Ibid., str. 205—210; *Е. Георгиев*. Принципи на общото славянско литературознание. «Славянска филология». т. XI. Доклади и статии за IV Международен конгрес на славистите, Литературознание. София, 1968, стр. 5—34.

[8] *М. П. Алексеев*. Указ. соч., стр. 3.

[9] *С. Кольбушевский*. К вопросу о понимании термина «славянская литература» в науке XIX и XX вв. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., 1962, стр. 365, 367.

Против этого взгляда выступили представители чехословацкой литературной науки[10]. И все же вопрос, поставленный на повестку дня, привлекает внимание исследователей: славянская общность и ее проявления в искусстве — миф, выдумка или живая реальность?

В связи с этим следует заметить, что интенсивное изучение взаимосвязей славянских литератур и систематические съезды славистов в послевоенный период используются некоторыми нашими идейными противниками как повод для антикоммунистической пропаганды. Раздаются голоса о якобы начавшемся возрождении на новой основе панславизма и об угрозе с его стороны европейской цивилизации[11].

На самом деле внимание к славянским литературам в наши дни не имеет ничего общего с тем реакционным учением панславизма, которое когда-то распространяли русские славянофилы[12]. Научный интерес к ним в наше время — явление всемирного порядка, и ни о какой исключительности в их изучении и развитии не может быть и речи. Это изучение становится законным явлением на международных съездах компаративистов в ряду других литератур мира[13]. Решающее влияние на этот факт оказали всемирно-историческая победа над фашизмом во второй мировой войне, в которой славянские народы во главе с Советским Союзом сыграли первостепенную роль, и успешное продвижение этих народов вместе с другими по пути социализма и коммунизма.

Общность духовной культуры славян — не единичное и не исключительное явление в истории мировой цивилизации. Подобная общность, основанная на сходстве исторических условий, географической близости, этническом и языковом родстве, существует у многих европейских, американских и азиатских народов и представляет собой одну из объективных сторон развития человеческой культуры.

Мы привыкли говорить о том, что мировая литература состоит из множества национальных литератур, и рассматриваем

[10] *Ю. Доланский, К. Крейчи.* В сб.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. «Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики», стр. 370—372.

[11] *M. B. Petrovich.* The Emergence of Russian Panslavism. 1856—1870. New York, 1958; *F. Dvornik.* Les Slaves. Histoire et civilisation de l'Antiquité aux débats de l'époque contemporaine. Paris, 1970.

[12] *Й. Колейка.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964; *F. Wollman.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968.

[13] На V Международном конгрессе компаративистов (Белград, 1967), где участвовали также ученые из социалистических стран, из 88 докладов 28 было посвящено славянским литературам. См.: «Actes du V-e Congrès de l'Association Internacionale de Littérature Comparée. Belgrade 1967». Amsterdam, 1969, p. 539—771.

каждую литературу как единство национального и общечеловеческого. Но мировой литературный процесс — явление настолько сложное, что при его изучении нельзя удовлетвориться этим представлением. В. И. Ленин находил прекрасной формулировку Гегеля о всеобщем, которое воплощает в себе богатство особенного. Всеобщее не только абстрактно, писал Ленин, оно «воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного...»[14] Общее и особенное связаны между собой тысячами переходов, и ум человека не должен брать их «за мертвые, застывшие» противоположности, «а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую...»[15]

Мировая литература как общность непостижима без уяснения множества промежуточных звеньев, абстракций, понятий, которые ведут от понимания конкретных фактов национальных литератур к уразумению закономерностей мирового художественного развития, и наоборот. Разумеется, «богаче всего *самое конкретное* и самое *субъективное*»[16], т. е. непосредственно данная национальная литература и даже более того — отдельное художественное создание. Но человек не может отразить в своем сознании всю художественную культуру полностью в ее непосредственной цельности, он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, открывая законы и т. д. Эти абстракции являются средствами нашего познания и в области литературоведения и помогают нам воссоздать научную картину мира, отраженного во всем богатстве и многообразии в искусстве и литературе.

Между отдельными литературными произведениями национальной литературы и такой общностью, как мировая литература, существует целая система бо́льших и меньших общностей или структур, являющихся ступенями, скрепами или узлами в развитии мировой художественной культуры и выступающих в одно и то же время то как особенное и отдельное, то как общее. Без изучения этих узлов нет типологии как науки. Литературное произведение — явление отдельное и особенное, но по сути дела и оно ведь представляет собой общность по отношению к отдельным элементам, из которых состоит. Дальше идут такие общности, как группа произведений, составляющих этап в творчестве писателя, творчество писателя в целом, группа литератур, близких по времени, географическому положению, этническим признакам, языку и т. д., и, наконец, общемировой литературный процесс.

Подобное построение не является надуманным. Это лишь схематическое представление о всеобщих связях литературных

[14] *В. И. Ленин.* Философские тетради. М., 1947, стр. 73.
[15] Там же, стр. 83.
[16] Там же, стр. 203.

явлений, без изучения которых невозможно постичь закономерности литературного процесса в целом и отдельно взятого произведения искусства. Восходя от конкретного художественного явления ко все большим и большим обобщениям, научное мышление не удаляется от него, а, наоборот, приближается к пониманию его сущности, раскрывает его зависимости и связи со всем мировым литературным процессом и затем возвращается к реальной практике, обогащенное целой спиралью научных абстракций, являющихся ступенями все углубляющегося познания [17].

В. Г. Белинский отлично понимал суть дела, приводя при анализе литературных явлений пример из естественного мира: «Роды и виды в органических явлениях природы от минералов, чрез растения и животных, доходя до человека, суть не иное что, как необходимые моменты ее развития, те ступени, на которых она, так сказать, отдыхала и успокоивалась в своем творческом стремлении к осязанию себя через индивидуализирование» [18].

Писать историю данной национальной литературы или просто историю данной страны невозможно без учета сложного мирового развития, не рискуя впасть в грубую ошибку. Нельзя смотреть на всякий народ, «как на что-то отдельно, без живой связи с человечеством существующее», и «гораздо лучше разуметь под «частною» историею не историю одного какого-нибудь народа, а историю одного из множества элементов, из которых слагается жизнь человечества и жизнь всякого народа» [19].

* * *

Возникает вопрос: изменяется ли категория общности в искусстве на протяжении истории? Да, понятие общности — категория историческая. «Чем дальше мы уходим в глубь истории,— писал Ф. Энгельс,— тем больше стираются признаки отличия между народами одного и того же происхождения. Это объясняется, с одной стороны, природой самих источников, которые, когда имеешь дело с глубокой древностью, становятся все более скудными и охватывают лишь самое существенное, но, с другой стороны, это определяется и развитием самих народов. Отдельные ответвления одного племени тем ближе стояли друг к другу и обладали тем большим сходством, чем меньше были удалены от своего первоначального корня» [20].

Если взять славян, то временем, когда можно говорить о наибольшей общности в их образе жизни, быте, языке и культуре,

[17] Там же, стр. 146—147.
[18] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 311.
[19] Там же, т. VII, стр. 51.
[20] *Ф. Энгельс.* Рукописи по истории Англии и Ирландии. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 98.

было раннее средневековье. Славяне занимали обширную территорию от верховьев Волги до Чешского леса и от Балтики до Адриатического моря. Центральная Европа, писал Энгельс, «в эпоху раннего средневековья была страной, населенной исключительно славянами», которые «по языку и обычаям принадлежат к той же народности», что и южные славяне[21].

Затем в эту компактную массу вклинились с запада немцы, а с востока — мадьяры. Славянские племена были поставлены в самые различные условия: чехи оказались отрезанными от южных славян, огромные территории заняли мадьяры, отделив словаков и русин от сербов и хорватов. Восточные славяне приняли христианство в форме православия, а западные (поляки, чехи), в том числе хорваты и словинцы,— в форме католичества. Эти две формы феодальной идеологии, враждовавшие друг с другом, накладывали сильнейший отпечаток на жизнь и культуру разных групп славян и разъединяли их.

Турецкое нашествие XV и XVI столетий, доходившее до Вены и венгерской равнины, кончилось покорением славян к югу от Дуная и Савы[22]. Поражение чехов в Белогорской битве (1620 г.) повергло чешский народ во тьму и задержало его развитие почти на два века. Дальнейшие перипетии приводят к тому, что к середине XIX в. отдельные славянские народы находились «на самых различных ступенях цивилизации, начиная с довольно высоко развитой... современной промышленности и культуры Богемии и кончая почти кочевым варварством хорватов и болгар», и имели «самые противоположные интересы»[23].

Эти условия существенным образом нарушали духовную общность славян. Но если бы с ходом развития человечества происходила только дифференциация и отсутствовала интеграция, то люди в конце концов превратились бы в разрозненных одиночек, не понимающих друг друга. И тут следует сказать, что наряду с исчезновением некоторых племенных признаков в ходе истории могут возникать и возникают новые признаки, присущие народам и группам народов на основе государственных и общественных интересов. В ходе исторического развития, например в эпоху социализма, «в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ»**[24] и на ее основе такая общность, как советская многонациональная литература с весьма характерными признаками.

[21] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 179.
[22] «Всемирная история в десяти томах», т. III. М., 1957, гл. XIV — XVI, стр. 232 — 274.
[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 182.
[24] «Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева». «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 76.

Переход на позиции социализма ряда восточноевропейских народов приводит к возникновению у них общих признаков в развитии духовной культуры с культурой народов СССР. В развитии литератур и искусств социалистических стран Восточной Европы — славянских и неславянских — наблюдаются сходные литературные явления, характерные для всех социалистических наций: утверждение метода социалистического реализма, нового героя, сходная трансформация жанров и т. п. Впрочем, общность в развитии восточноевропейских литератур существовала и прежде, но теперь она усиливается в связи с общностью задач всех этих народов по строительству социализма и коммунизма и защите их завоеваний, общностью эстетического идеала [25].

На наших глазах происходит «процесс сближения наций, постепенно ведущий ко все более полному их единству в сферах экономики, политики, культуры, идеологии и психологии». Ученые подчеркивают, что к слиянию наций, отмиранию национальных различий народы придут через «всесторонний расцвет и сближение наций в период после победы и упрочения коммунизма во всем мире» [26].

Но исчезают ли бесследно прежние признаки общности духовной культуры у народов, связанных общностью происхождения? Нет, не исчезают. Новые формы художественного мышления не возникают на пустом месте. Литература, как и философия, «располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит». Хотя развивающаяся экономика и воздействует на идеологические формы, но она делает это по большей части косвенным образом и «ничего не создает заново», а определяет лишь «вид изменения... имеющегося налицо мыслительного материала» [27].

Традиции в художественном мышлении народов обладают большой устойчивостью и продолжают действовать при всех исторических изменениях. Гегель в «Эстетике» отмечает общность

[25] Академия наук Венгерской Народной Республики, основываясь на этом, работает над синтетической историей литератур Восточной Европы. Этому были посвящены специальные доклады Ю. Доланского, Б. Кёпеци и Т. Кланицаи на Международной конференции по сравнительному изучению литератур в Будапеште (1962 г.), показавшие, что хотя в художественном развитии восточноевропейских народов много национального своеобразия, но много и сходных моментов, и это не только позволяет изучать их литературное наследие комплексно, но и делает необходимым. См.: *И. Г. Неупокоева.* Международная конференция в Будапеште. «Вопросы литературы», 1963, № 3, стр. 98 — 90; *П. Р. Заборов.* Сравнительное литературоведение в Восточной Европе. «Русская литература», 1964, № 2, стр. 203.

[26] *Э. Баграмов.* Развитие и сближение социалистических наций. «Правда», 16 июня 1971 г.

[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 37, стр. 419, 420.

художественного мышления у древних греков, у восточных и европейских народов соответственно в виде классической, символической и романтической форм художественного мышления. И ведь фактом является то, что, несмотря на возникновение в наше время у некоторых восточных народов социализма, формы их художественного мышления отличны от подобных форм у европейских народов. Накопленный веками мыслительный материал в виде традиций оказывает здесь большое влияние на развитие современных форм и жанров искусства.

У славянских народов, связанных общностью происхождения, были общая мифология [28], общий язык [29], общие идиоматические выражения, пословицы, песни, сказки и весь тот традиционный мыслительный материал, который лег в основу их художественного метафорического мышления в период формирования наций, подвергаясь различным модификациям [30]. Изучая национальную образность в искусстве слова, Л. С. Кишкин замечает, что «национальное образное мышление имеет свою историю, более древнюю, чем история национальной литературы» [31], т. е. корни ее уходят в далекое прошлое, когда общность славянских племен была явным фактом и отражалась в их мышлении. «Потебне принадлежит заслуга выявления общего для славян круга образов-представлений, в развитии и варьировании которых отражались процессы народного мышления» пишет Б. Н. Путилов, а Миклошич «систематизировал обширный материал, наглядно свидетельствовавший о художественной общности эпоса славянских народов...» [32]

Можно утверждать, что наряду с зональной общностью восточноевропейских народов — не только славянских — существует также общность славянских народов и их духовной культуры, берущая свое начало в древности и объясняющаяся помимо географической близости, благоприятствовавшей взаимообщению, общностью происхождения, этническим и языковым родством. Ю. Доланский прав, когда утверждает, что «язык играет в каждой литературе исключительно важную роль... Ни одно другое искусство не связано так лишь с языком, как именно

[28] *А. Н. Афанасьев.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865 — 1869; *К. Я. Эрбен.* О славянской мифологии. «Русская беседа», 1857, т. 4, кн. 8, стр. 71 — 28; *Г. Крек.* Славянская мифология (из кн.: «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte», 1874). «Славянский ежегодник», вып. I. Киев, 1876, стр. 91 — 113.

[29] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951; *К. И. Ходова.* Языковое родство славянских народов. М., 1960.

[30] *А. Н. Веселовский.* Историческая поэтика. Л., 1937.

[31] *Л. С. Кишкин.* Об изучении национальной образности в литературе. «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)», стр. 76.

[32] *Б. Н. Путилов.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971, стр. 7.

литература, являющаяся искусством слова»[33]. Литературные связи между народами, родственными по языку, могут развиваться интенсивнее и шире, нежели между другими народами, для которых языковые барьеры составляют большое препятствие при взаимном культурном обмене. Национальное и языковое родство способствует развитию литературного общения народов даже и тогда, когда нарушается их географическая близость[34].

Хотя условия, в которых развивались славянские племена и народы на протяжении веков, и нарушали их племенную общность, что приводило к существенным различиям в культуре этих народов, они все же не смогли уничтожить эту общность.

* * *

Следует отличать славянскую общность как историческую реальность от идеи славянской общности, возникающей в нашем сознании как отражение этой реальности, т. е. не путать, по словам К. Маркса, идеи и вещи. Всякая идея имеет прогрессивное значение, если выражает тенденции исторического развития. Она становится материальной силой, когда овладевает сознанием людских масс, готовых бороться за ее осуществление. Идея может оказаться ложной, по выражению Г. В. Плеханова, не отвечающей ходу истории, иллюзорной, уводящей в сторону от действительных задач, которые стоят перед обществом.

Развитие идеи славянской общности имеет длинную историю от едва пробивающегося сознания этнической близости различных славянских племен у автора «Повести временных лет» к ясно осознанной цели борьбы славянских народов против угрожающей им опасности со стороны турецких завоевателей в XVI—XVII вв. и до идеи панславизма, порожденной вожделениями господствовавших классов наций, претендовавших на гегемонию среди славян.

На протяжении XII—XV вв. идея славянского единства высказывалась многими западнославянскими и южнославянскими писателями. Но мысль о славянской общности не становится у них поначалу призывом к единству славян в борьбе с иноземными стихиями, «не порождает в то время практических планов сплочения славян для совместных действий»[35]. Свой действенный характер она обнаруживает в пору созревания и становления буржуазных наций и усиливается в те периоды, когда славянским племенам угрожает опасность со стороны турецких завоева-

[33] *J. Dolanský.* Specifičnost slovanských literatur v literaturach vychodní Evropy. «Československé přednašky pro VI Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1968, str. 193.

[34] Там же.

[35] *А. А. Гольдберг.* «Идея славянского единства» у Юрия Крижанича. «Труды Отдела древнерусской литературы», вып. 19. Л.— М., 1963, стр. 375.

телей и немецких националистов. В Хотинской войне (1621 г.) идея славянского единства проявляется в совместной борьбе поляков и украинцев против турецкого нашествия, угрожавшего Европе[36], «Турецкая опасность стала важнейшим катализатором в процессе складывания идеи славянской взаимности»[37].

На протяжении истории идея славянского единства, вытекающая из славянской общности, играла различную роль в зависимости от того, какие социальные силы выступали под ее знаменем. Она могла быть и была прогрессивной, когда собирала под свое знамя угнетенные народы и объединяла их усилия против общего врага, и, наоборот, становилась реакционной, когда командующие классы крупных наций стремились стать во главе славян и объединить их под эгидой папы римского, польского короля или самодержца всея Руси. Доведенная до крайности мысль о единстве славян переходила в свою противоположность. Возникшая в борьбе за утверждение национальной свободы, она доходила до отрицания независимости малых народностей и утверждения единой верховной власти и единого языка, т. е. требовала отказа от собственной национальности.

Славянское самосознание и идея славянского единства, о которых писали в своих трактатах деятели эпохи Возрождения, были использованы в своих целях католической церковью, Ватиканом. Они приобрели «те черты, которые укладывались в требования «католическо-контрреформационных панславистов» (З. Неедлый). Католицизм игнорировал национальные проблемы в славянстве и «вносил в культуру славян элемент космополитизма». В руках идеологов католицизма идея славянской общности становилась «орудием римской экспансии». И это отразилось на произведениях так называемого «барочного славизма», который обнаруживается в сочинениях М. Орбини, Ю. Крижанича, В. Потоцкого, И. Гундулича и др. «Барочный славизм» был подготовлен, по словам советского исследователя, историческими трудами целой плеяды ученых-католиков (М. Меховский, М. Кромер, В. Прибоевич, В. Гаек, М. Стрыйковский), созданными в эпоху Возрождения. «Славянская тематика, связанная с актуальной действительностью века, поднятая в художественных сочинениях ренессансных авторов, постепенно вытесняется и заменяется тематикой космополитической в духе проповеди конфессионального единства»[38].

К началу XIX в., как указывалось выше, отдельные славянские народы оказались на разных ступенях экономического,

[36] *М. А. Алекберли.* Хотинская война (1621). Черновцы, 1957.
[37] *А. А. Гольдберг.* Указ. соч., стр. 376.
[38] *В. К. Зайцев.* Идейный комплекс «Гуманизм — реформация — контрреформация» в его единстве и противоречиях (по литературам Чехии, Польши и Белоруссии). «Научная конференция. Сравнительное изучение славянских литератур». (Тезисы докладов и сообщений.) М., 1971, стр. 59.

политического и культурного развития. Это был период бурного роста капитализма и формирования буржуазных наций. Слабость сил у некоторых славянских народов, пробуждавшихся к национальной жизни, вновь заставила их обратиться к идее славянского единства, выводившейся из племенной общности. И с новой силой обнаружились противоречия этой идеи, отражавшие объективные противоречия, существовавшие между разными славянскими и неславянскими народами. Понятая в демократическом смысле и пропагандируемая Герценом и чешскими радикальными демократами в виде федерации равноправных народов, она оказывала положительное влияние на освободительное движение славян [39]. Взятая же в своей абстрактной форме на вооружение либеральной буржуазией, которая была руководящей силой в национальных движениях, эта идея заключала в себе много иллюзорного и, будучи утопичной, приводила к прямо реакционным умозаключениям о существовании фантастической славянской национальности [40], т. е. к политическому панславизму в различных модификациях.

Так возник чешский панславизм или австрославизм. Используемые буржуазией массы «лепились около племенного родства, узел которого затягивался туже», и «отдалялись от общих требований улучшения своего быта», т. е. от социальных, демократических требований [41]. Австрийское правительство было радо этому. Чешский панславизм «подзадорил славянские сочувствия в России» [42], и русские императорские панслависты прививали «русицизм западным славянам», натравливая их на немцев и мадьяр. Не признавая их учения официально, русское правительство оплачивало им издержки и посылало их друзьям — «чехам и хорватам — голштинские кресты св. Анны, уготовляя им те же братские объятия, в которых задушило Польшу» [43]. Вот разные аспекты и полюсы идеи славянской взаимности, опирающейся на понятие славянской общности.

Но и так называемый «демократический панславизм», глашатаем которого был М. Бакунин, оказался перед неразрешимыми противоречиями, так как не учитывал различного уровня развития славянских народов, и «теория всеобщего братского союза народов, которая, не обращая внимания на историческое положение и ступени общественного развития отдельных народов,— писал Ф. Энгельс,— хочет во что бы то ни стало объединить их, еще задолго до революции (1848 г.— *К. Р.*) подвергалась критике со стороны редакторов «Neue Rheinische Zeitung» [44]. Отсюда

[39] *Z. Urban.* Pozapomenutá tvař Boženy Němcové. Praha, 1970.
[40] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 305.
[41] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. IX. М., 1956, стр. 135.
[42] Там же.
[43] Там же, т. VII, стр. 239.
[44] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 293.

неудачи «демократического панславизма» в период революции 1848 г., отсюда крушение идеи славянского единства, которое опиралось на общность славянских народов только в прошлом.

* * *

Идея славянского единства нашла отражение в литературе. Более того, в период национальных движений она оказывала влияние на развитие искусства у славян, в особенности на искусство слова.

Первые проблески идеи славянского единства связаны с возникновением национального сознания в период Возрождения, когда в городах на побережье Адриатики, в городах Чехии и Польши появляется национальная буржуазия и у славян. Оттесненная командующими классами крупных наций, она апеллирует к родственным народам, ищет у них опоры для утверждения национальной независимости своих народов.

Славянская проблематика становится модной у польских, хорватских и отчасти у чешских ученых, а также у поэтов. «Славянская муза» часто вдохновляла одного из первых великих поэтов Польши — Яна Кохановского (1530—1584 гг.) [45]. Но особенно сильно идея славянской общности звучала у южнославянских писателей [46].

На протяжении XVI и XVII вв. развитие славянской идеи связано с пропагандой совместной борьбы славянских народов против турецкой экспансии. Призывы к сплочению сил для борьбы с турецкими захватчиками звучат в стихах многих польских и хорватских поэтов. Наиболее знаменательным явлением в области литературы, отразившей борьбу против турецкого владычества, была эпическая поэма хорватского поэта Ивана Гундулича «Осман», созданная по следам Хотинской битвы и воспевающая победу поляков и запорожских казаков над турками [47].

И. Первольф отмечает такое различие: польские поэты «воодушевляются величием своего племени» и «мечтают о первенстве своего народа в славянстве, о полете польского орла на славянский запад, юг и восток; хорватско-далматинские поэты ждут освобождения южных славян от польского орла, но, убедившись в недостатке сил для такой задачи, взирают к сильной и мудрой русской Севернице, ожидая от нее спасения» [48].

За этими наблюдениями стоит большое историческое содер-

[45] *T. Ulewicz.* Świadomość słowiańska Jana Kochanovskiego. Kraków, 1948, 196 str.

[46] *И. Первольф.* Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. «Славянская идея в литературе до XVIII в.» Варшава, 1888; *А. А. Гольдберг.* Указ. соч., стр. 373 — 390.

[47] *И. Гундулич.* Осман. Минск, 1969.

[48] *И. Первольф.* Указ. соч., стр. 9.

жание. В XVI—XVII вв. Польша и Россия были двумя самостоятельными славянскими государствами. Польша пережила перед этим большой экономический и культурный подъем и в начале XVI в. была одной из сильнейших держав в Центральной и Юго-Восточной Европе, но к концу века уже клонилась к упадку, который завершился в XVIII в. ее гибелью как государства. Превратившись в шляхетскую республику, Польша стала достоянием произвола и анархии и не утвердилась как мощное централизованное государство. Во второй половине XVI в. в Польше берет верх католическая реакция, возглавлявшаяся иезуитами. Польские феодалы игнорировали национальные интересы страны на Западе, делали одну за другой уступки немецким феодалам и проводили агрессивную политику на востоке. Национальная политика в Польше постепенно заменялась конфессионализмом.

Московская Русь, только в конце XV в. освободившаяся от татаро-монгольского ига, складывалась как многонациональное централизованное государство. Она собирала отторгнутые поляками и Ливонским орденом земли и, отражая агрессию польских феодалов, утверждалась как сильное славянское государство, ставшее затем надеждой всех угнетенных славян в их борьбе за национальное освобождение[49]. Идея объединения славян для совместных политических действий, как правильно полагает А. А. Гольдберг, вышла не из пределов Московской Руси, а появилась впервые у небольших славянских народов на юго-западе Европы и прежде всего — у южных славян, откуда в XVII столетии вышел крупный мыслитель и выдающийся глашатай идеи славянского единения — Ю. Крижанич, не встретивший понимания в России и поплатившийся ссылкой в Сибирь[50].

В Польше же славянская идея находила много адептов как среди ученых, так и среди поэтов, мечтавших о первенстве своего народа среди славян, о «полете польского орла на славянский запад, юг и восток». Шляхетская Польша выступала с претензиями объединения славян и стремилась овладеть Русским государством, навязать другим славянам католическую веру и свой язык[51].

Славянская идея, подразумевающая государственное объединение славян в одно целое, никогда не имела под собой почвы и всегда была утопией. Если нация — это исторически сложив-

[49] «Всеобщая история», т. III, IV и V. М., 1957—1958; «История Польши в трех томах», т. I, 1954.

[50] *А. А. Гольдберг.* Указ. соч., стр. 376.

[51] По словам Тадеуша Улевича, Польша в XVI в. стояла «во главе государств Восточной Европы и стала первоклассной державой, сознательно выступающей в роли корифея славянских народов. Польша выступала как руководительница и щит славян, как государство, которое свой язык как язык высших слоев навязывала на долгие времена своим соседям, даже тем, с которыми воевала» (указ. соч., стр. 181).

шаяся устойчивая общность людей, возникшая на основе общности языка, территории, экономики и психического склада, проявляющегося в общности специфических черт культуры, то такая славянская общность никогда не существовала: «Нет и в историческое время никогда не было единого, цельного «славянского народа»,—писал И. Первольф,—а имеются «народы» славянского племени: русские, поляки, чехи, болгары, сербы, хорваты и др.; нет и в историческое время не было «славянского языка», а есть язык русский, польский, чешский, болгарский, сербский и наречия этих языков; нет «славянской литературы»... а есть литературы славянских народов» [52].

Какое же воздействие славянская идея оказывала на искусство, на поэтов, на писателей? Вопрос этот нельзя считать праздным, так как на поэтическом материале легче проследить ее силу и плодотворность. Об отражении идеи славянского единства в поэзии XVII—XVIII вв. писали И. Первольф, Т. Улевич и другие, но для них связь этой идеи с поэтической сущностью литературных творений не имела значения, хотя у Первольфа в его обширной монографии имеются специальные разделы: «Славянская идея у польских поэтов» (стр. 159—257) и «Славянская идея у словинских (хорватско-далматинских) поэтов» (стр. 351—394). Здесь собран большой фактический материал, но ученый одинаково относится и к произведениям выдающихся поэтов, и к ремесленным изделиям заурядных стихотворцев: для него все это — в равной мере свидетельства отражения славянской идеи, факты славянского сознания их авторов.

Исследователь вопроса о славянском самосознании Яна Кохановского заявляет, что «художественная ценность того или иного произведения» для него — «вещь второстепенная» и существенно важным является лишь его «содержание», которое он рассматривает вне связи с формой, с мастерством. Между тем вопрос о славянском самосознании художника, на наш взгляд, не может быть решен при таком подходе. Славянское сознание у поэта — это прежде всего его художественное сознание, его эстетическое мышление, развивающееся по своим специфическим законам и имеющее свои особые измерения в его отношении к действительности. Не учитывая этого факта, нельзя решать вопрос о роли и значении данного славянского поэта в мировой литературе.

Гениальный польский поэт Ян Кохановский осознавал себя славянским поэтом и понимал, что его народ является частью большого племени славян, у которого великое прошлое и которого ожидает великое будущее. Это вне сомнения. Поэт испытал влияние передовых идей своего времени, влияние свободомыслия

[52] *Ч. (И. Первольф).* Чешско-русские недоразумения. «Русская мысль», 1884, № 10, стр. 78.

реформации, критиковал некоторые стороны католицизма и видел пороки польского шляхетского государства. Он отказался от карьеры священника, когда ему предлагали духовный сан [53]. Но вместе с тем он не избежал влияния тех настроений, какие царили при королевском дворе Сигизмунда II Августа и Стефана Батория. По словам Т. Улевича, Кохановский был «искренне и сильно убежден в руководящей роли Польши среди славян», т. е. искренне разделял взгляды тех идеологов шляхетской Польши, которые отождествляли Польшу со Славией и считали, что славянское — это прежде всего польское, что Польша как «руководительница и щит Славии» должна навязывать свой язык и свою веру всем славянам и сделать их поляками, в том числе русских [54].

Но когда вчитываешься в произведения великого поэта, то приписываемая ему Улевичем «искренность» вызывает сомнение. Мы замечаем, что произведения, в которых, по мнению ученого, в наибольшей степени выразилось славянское самосознание Яна Кохановского («Знамя», «Поход на Москву», латинские элегии на славянские темы и др.), не принадлежат к лучшим образцам творчества поэта. Эпические поэмы «Знамя» и «Поход на Москву», воспевающие величие Польши как славянской державы и утверждающие ее первенство среди славян, написаны по заказу двора и являются слабыми произведениями. Улевич пишет: «Знамя» («Proporzec albo Hołd pruski») не имеет особой художественной ценности. Это одно из слабейших произведений поэта, правда, оно лучше, чем «Поход на Москву» («Jezda do Moskwy»), но стоит далеко от лучших творений автора «Тренов» [55]. Улевич объясняет причину этого тем, что по своему дарованию Я. Кохановский лирик, и эпика ему не давалась. На это можно возразить: по славянской тематике он мог выступать и с лирическими произведениями, однако едва ли не единственное лирическое произведение, посвященное славянской теме, «Предсказание» («Omen»), осталось в отрывке и не было опубликовано при жизни поэта [56].

Что касается «Святоянской песни о собутке» («Pieśń świętojańska o sobótce»), то в ней поэт использует общий для всех славян обычай обрядности, связанный с играми в ночь на Ивана Купалы, лишь как повод к раскрытию душевных переживаний современной ему молодой польской крестьянки. Тут дело заключается вовсе не в «славянскости» проблематики, а в националь-

[53] *Н. Э. Глокке.* Ян Кохановский и его значение в истории польской образованности XVI века. Киев, 1898, стр. 114 — 116.
[54] *T. Ulewicz.* Указ. соч., стр. 181.
[55] Там же, стр. 49.
[56] Здесь, по мнению Н. Глокке, поэт выражает «национальное славянское самосознание», и данное стихотворение «является лозунгом для истинных поборников всеславянской идеи», т. е. для панславистов (*Н. Э. Глокке.* Указ. соч., стр. 197).

ном подходе к ее решению. Это произведение является славянским именно потому, что в нем проявляется польский национальный характер и в персонажах, и в поэтике. Это произведение в высшей степени народное.

При внимательном анализе творчества поэта оказывается, что величие его как славянского художника состоит не в утверждении идеи господства Польши над прочими славянскими народами, распространявшейся шляхетскими идеологами, а в том, что в лучших своих произведениях он выступал как великий народный польский поэт, как выразитель национального самосознания польского народа — одного из народов великой семьи славян. Он действительно «первый великий славянский поэт... европейского масштаба», но не потому, что в своих произведениях, кстати наименее удачных, выражал «славянскую идею» и утверждал, что «Польша как великая держава является естественной руководительницей славян», а потому, что был великим национальным польским поэтом.

Поэма Ивана Гундулича (1589—1638 гг.) «Осман», посвященная событиям, связанным с разгромом турок польскими и украинскими войсками в битве при Хотине (1621 гг.), является произведением большой художественной силы. Но основная идея ее состоит не в поэтизации Польши как будущей объединительницы славянских народов в одно государство, а в показе угнетенного положения южных славян и в поэтическом раскрытии протеста против него и героизма поляков и украинцев в их общей борьбе против турецкого владычества. На современном нам языке, пишет В. К. Зайцев, «речь идет о справедливой, освободительной войне славян против турок, вызвавшей к себе сочувствие всего европейского мира, тем более что турецкая угроза Европе в эпоху Гундулича оставалась реальной опасностью»[57].

Идея славянской общности воплощается здесь в совместной борьбе славян за национальную свободу! Что же касается вопроса о «славянской общности и необходимости объединения славянских народов, то Гундулич нигде не говорит о всеславянском государстве. Объединение он мыслит как средство для достижения победы, как согласие, единство действий против турок»[58].

Политическая романтика славянских демократов и утопичность славянской идеи накладывали свой отпечаток на развитие западных и южных славян в первой половине XIX в. и много позд-

[57] *В. К. Зайцев.* Между львом и драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман». Минск, 1969, стр. 90.

[58] Там же, стр. 98. Можно не согласиться с В. К. Зайцевым, который слова о том, что для польского короля Владислава «сто корон златых куется» и что он будет «новым царем в царстве новом», считает ничего не значащей гиперболой. Это все-таки родимое пятно того католического панславизма, о каком В. К. Зайцев говорит в докладе на конференции «Сравнительное изучение славянских литератур». Но этот мотив во всей поэме носит все же мимолетный характер, он не стал идеей всего произведения в целом и не повредил ей.

нее. Их искусство той поры было романтическим, возвышенным, патетическим. В литературах преобладали лирические жанры. Естественно, что в этих условиях наряду с идеей национальности выдвигалась также идея «славянскости» в искусстве. Противоречивость славянской идеи приводила к тому, что она и способствовала развитию литератур у славян, и задерживала его.

Я. Неруде чешская национальная специфика мыслилась поначалу в контексте славянского характера, славянского своеобразия культуры. «Если чешская литература должна стать такой, чтобы ее признали и другие народы, — писал он, — необходимо ориентироваться и на чисто славянские стихии» [59].

И все же «идея славянской взаимности, которая во многих отношениях принесла много пользы, — пишет З. Неедлый, — усложнила наше представление о национальности до такой степени, что в пору, когда Сметана начал у нас свое дело реформы, «национальное» и «славянское» было одно и то же. Понятие национальности было неясным, оно могло быть узким (чешским) или более широким (славянским). В искусстве это был принципиальный вопрос, который надо было решать. Идея славянской взаимности в своей крайности таила в себе много романтических элементов, так что реальные люди никогда не переставали предостерегать против ее переоценки» [60]. Это относится не только к чешскому искусству, но и к искусству других славянских национальностей и в первую очередь к литературе.

В искусстве вся суть — в индивидуальности. В нем, как и в жизни, общее существует лишь в отдельном, через отдельное. И потому славянская, как и всякая, общность может проявляться только через национальное, через конкретное изображение каждого отдельного народа, будь то в формах самой жизни или в условных формах. Идея славянской общности, понимаемая как «фантастическая славянская национальность», отвлекала деятелей искусства от конкретных явлений национальной и социальной жизни. С этим, как нам кажется, связаны трудности и противоречия в формировании реализма в литературах малых славянских народов: национальные особенности и различия этих народов делали невозможным конкретное славянское искусство.

Гавличек всегда говорил, что он славянин, но прежде всего чех. Сметана был принципиальным сторонником конкретности в искусстве. Различия национальной жизни славян, а также «различия языка (разнообразие интонаций и, следовательно, мелодии речи) делают невозможной конкретную славянскую музыку, — пишет З. Неедлый. — То, что называлось у нас до Сметаны «славянской музыкой», было для него эклектическим искусством без здорового ядра, чистая абстракция без определенного основания

[59] *Jan Neruda.* O umění. Praha, 1950, str. 24.
[60] *Z. Nejedlý.* O literatuře. Praha, 1953, str. 435.

в реальной жизни. Поэтому Сметана не мог писать «Славянские танцы», а писал «Чешские танцы»... [61]

Славянская общность проявляется в национальной форме каждой литературы этого племени, у каждого художника независимо от того, сознает он это или нет. Она обнаруживается в общих традициях, общих и близких формах и методах художественного мышления, в языковой близости, что всегда давало и дает «возможности для больших взаимодействий в сравнении с отдаленными в языковом отношении литературами» [62]. И потому славянская общность наиболее полно проявляется у тех художников, которые талантливо отражают национальную жизнь своих народов во всей ее социальной сложности и противоречивости. Те же поэты, которые стремились воплотить в своих произведениях прежде всего так называемую славянскую идею, впадали в отвлеченность и риторичность. С этим связаны и недостатки лучшего произведения в этом духе — «Дочери Славы» Яна Коллара. Стоит лишь сравнить его поэму с послужившей ему образцом «Божественной Комедией» Данте, глубоко национальным произведением, чтобы увидеть преимущества итальянского поэта. Теми же недостатками отличается поэзия русских славянофилов, посвященная славянской проблематике (Ф. Тютчев, А. Хомяков), и других славянских поэтов. Славянская душа Ф. Тютчева во всей силе и оригинальности проявилась в его лирике на темы русской природы, в русских философских раздумьях, а вовсе не в надуманных стихах, вызванных к жизни славянской идеей.

Не к лучшим произведениям в творческом наследии чешского поэта Сватоплука Чеха принадлежит его аллегорическая поэма «Славия» (1882 г.), в которой он попытался дать ответ на современные ему вопросы взаимоотношений славянских народов на основе их племенной общности. Не поняв смысла западноевропейского революционного движения рабочих (см. поэму «Европа», 1878 г.), С. Чех обращает свои взоры к России и ищет пути примирения поляков и русских. Веря, что освобождение западных славян из-под инонационального гнета немыслимо без участия России, автор поэмы не видит конкретных путей борьбы за это освобождение, и потому замысел поэмы остался неясен, а основные образы оказались противоречивыми и расплывчатыми [63].

Чешский писатель Я. Арбес в шутливой форме высмеивал идею славянскости искусства. В одной из статей, опубликованных в 1865 г. в журнале «Čech», он свое славянское национальное лицо рисует следующим образом: глаза — польские, брови — сербские, нос — русский, губы — хорватские, зубы — русинские, а усы — лужицкие. Какую роль играет славянская общность в

[61] *Z. Nejedlý.* O literatuře, str. 436.
[62] *Е. Георгиев.* Принцип общего и сравнительного славянского литературоведения. «VI Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1968, str. 170.
[63] *Л. С. Кишкин.* Сватоплук Чех. Очерк жизни и творчества. М., 1959, стр. 56.

условиях социализма? Она не только не противоречит зональной или мировой общности, т. е. интернационализму, а, напротив, является проявлением интернационализма с учетом специфических особенностей, свойственных славянам[64].

Как видим, понятие общности исторически изменчиво. В наши дни на основе социализма происходит сближение наций, наблюдаются сложные процессы во взаимоотношениях народов и возникает целый комплекс новых теоретических проблем, требующих глубокого изучения, которое только начинается. Самая большая ошибка, которая подстерегает здесь исследователей и которая временами действительно встречается у некоторых из них, состоит в стремлении приписать исключительно славянам положительные качества, встречающиеся и у других народов и отличающиеся лишь формами и, может быть, мерой проявления, а не своей сущностью, свойственной человеку вообще.

В последнее время в нашей филологической науке усилилось изучение славянской общности в устном народном творчестве. В этой области искусства слова, относящейся к древнейшим временам, по-видимому, общность легче обнаруживается. Начинают появляться работы, трактующие проблемы славянской общности в современных литературах[65]. Этот путь изучения фольклорной и литературоведческой проблематики, на наш взгляд, оправдан и может принести плодотворные результаты в разработке вопроса о специфичности вклада славянских литератур в мировую художественную культуру и не противоречит тому пути, который был намечен в выступлении М. П. Алексеева на IV Международном съезде славистов как более важный тогда.

Изучение общих закономерностей развития славянских литератур в системе мировой литературы и в комплексе с соседствующими неславянскими восточноевропейскими литературами является необходимым как для создания наиболее полной и истинной картины славянских национальных литератур в отдельности, так и их совокупности и мировой литературы в целом. Оно особенно актуально в свете современной идеологической борьбы, когда реакционная наука на Западе и в США все еще принижает славянскую художественную культуру.

[64] *Б. Н. Путилов.* Славянская историческая баллада. М., 1963; *М. Гайдай, В. Скрипка, Н. Шумада, В. Юзвенко.* Історико-типологічні і генетичні зв'язки в епічній пісенній творчости слов'ян (XVII — XIX ст.) «VI Міжнародний з'їзд славістів». Київ, 1968; *В. М. Скрипка.* Українська, чеська та словацька народа лірика. Київ, 1970; *Б. Н. Путилов.* Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

[65] *А. Р. Волков.* До проблеми порівняльного дослідження слов'янських літератур соціалістичного реалізму. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 2. Київ, 1966, стор. 3—26; *Д. Ф. Марков.* Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур. М., 1970; «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении». М., 1971.

В. М. ГАЦАК

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Для правильного понимания поэтических приемов фольклора важно учитывать их распространение у народов различных языковых групп, не обрывая изоглосс, ведущих в иную среду. Внимания к себе требуют не только общие, но и специфические признаки, часто обусловленные контекстом. В методологическом плане совершенно особое, ключевое значение принадлежит, во-первых, освещению изучаемых явлений в их *отношении к действительности,* что коренным образом противостоит посылкам формалистической поэтики; во-вторых, уяснению исторической перспективы рассматриваемых поэтических явлений. Как подчеркивал В. И. Ленин, говоря об исследовании «истории культуры», необходимо сравнивать факты, которые бы «представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития»; таким образом, должен быть исследован «весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития» [1].

Изложенные соображения определили характер и направление настоящего доклада.

Поэтический прием, которому посвящен доклад, играет большую художественно-изобразительную роль в устной поэзии славянских народов. И, что менее известно, он существует также в песенном творчестве ряда других народов, в Юго-Восточной Европе и за ее пределами.

Впервые на него обратил внимание Н. И. Гнедич, отождествив, однако, с «отрицательным сравнением». Он привел в качестве примера начало одной новогреческой песни («Не быков ли то бьют, не зверей ли травят //Нет, то бьют не быков, не зверей то травят, // То сражается с турками клефт Буковалл») и нашел, что это начало «поразительно сходствует» с русскими отрицательными сравнениями типа «Не сокол летает по поднебесью, // Что ходил, гулял добрый молодец...» [2] Во второй своей части отрывок из греческой песни («то бьют не быков» и т. д.) действительно аналогичен приведенной русской фразе — из этого и исходил Гнедич. Но при таком подходе отключается вся первая

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167.
[2] *Н. Гнедич.* Простонародные песни нынешних греков. СПб., 1825, стр. XXXIII — XXXIV.

часть (до отрицания), определяющая специфику данного поэтического приема.

В дальнейшем многие исследователи стремились подчеркнуть своеобразие структуры этого приема и найти для него адекватное терминологическое обозначение. Как правило, они оперировали южнославянскими, чаще всего сербскохорватскими, текстами.

А. А. Потебня выделил интересующий нас поэтический прием в качестве *особой формы отрицательного сравнения:* «предпосылается символ в виде положения или вопроса, и вслед за тем отрицается, а на место его ставится обозначаемый предмет»[3]. Эта характеристика не только была самой первой, она остается одной из наиболее емких и верных (хотя слово «символ» в данном случае не является самым точным; современные авторы предпочитают говорить о метафоре).

Франц Миклошич отличал рассматриваемую нами поэтическую фигуру и от положительного, и от отрицательного сравнения (последнее он считал особенно частым в русском народном эпосе, приводя из былин типичные примеры отрицательного сопоставления без утвердительной преамбулы: «Не гром гремит, не стук стучит, // — Говорит тут Ильюшка свому батюшке», и др.). Исходя из того, что начало этой фигуры выглядит по-разному (ср. у Потебни: «предпосылается символ в виде *положения* или *вопроса*»), Миклошич различал: а) «сравнения, в которых сообщаются некоторые данные о каком-либо предмете и вслед за тем указывается, что в данном случае мы имеем дело не с указанным предметом, а с другим»[4]; б) сравнения, которые «представляют вопрос»[5]. Миклошич продемонстрировал оба типа сравнений на примерах из довольно большого числа сербскохорватских песен разных жанров (включая эпические), а для «сравнения с вопросом» привел, помимо того, отдельные болгарские, украинские, моравские образцы и один новогреческий.

Болгарский материал шире изучил Н. Бобчев. Он отметил бо́льшую употребительность утвердительно-отрицательного сочетания[6]. (Бобчев называл его «отрицательной формой сравне-

[3] *А. Потебня.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860, стр. 4. Потебня цитирует сербскохорватские свадебные песни.

[4] *Фр. Миклошич.* Изобразительные средства славянского эпоса (читано в заседании Венской академии наук 3 июля 1889 г.) М., 1895, стр. 30.

[5] «Задается вопрос, откуда происходит то или иное явление, и потом дается ответ, поясняющий дело. Иногда ответ указывает лишь возможное объяснение, вслед за которым дается окончательное, действительное» (*Фр. Миклошич.* Изобразительные средства славянского эпоса, стр. 31). Подобное описание не является точным. Так, в нем пропущено очень важное звено: отрицание в ответе первоначального, иллюзорного объяснения.

[6] «А; не е А, най В» (*Н. Бобчев.* Изображението в българската народна епика. СбНУ, кн. X. София, 1894, стр. 219).

ния» в отличие от Миклошича, которому это понятие было необходимо для обозначения известной самостоятельной фигуры, предстающей, например, в русской народной поэзии) в лирических песнях, а «вопросительной формы сравнения» — в болгарской эпике[7]. С работой Бобчева в болгарской науке утвердилось деление сравнений на положительные, отрицательные (они всегда с утвердительной преамбулой) и вопросительные. Два последних термина имеют как раз в виду поэтический прием, интересующий нас[8].

А. Н. Веселовский в своем широком исследовании различных типов «психологического параллелизма» (1898) выделял «схему» отрицательного параллелизма «не то, а это»[9], утвердительно- (или вопросительно-) отрицательный поэтический оборот представал как частный (по Веселовскому — эволюционный) случай «загадки, построенной на выключении»[10]: «Формула ⟨отрицательного параллелизма⟩ начинается с отрицания *либо и с положения, которое вводится нередко со знаком вопроса*»[11].

Что касается работ последующих авторов, то в них по-прежнему изучаемая нами фигура чаще именовалась сравнением, с тем или иным (не всегда достаточным) пояснением (Т. Маретич[12], С. К. Шамбинаго[13], Д. Петропулос[14], Ю. Кшижановский[15] и др.)

[7] *Н. Бобчев.* Указ. соч., стр. 220.

[8] Академик Йордан Иванов выразительно показал последовательность слагаемых в каждом из них: 1) «термин сравнения» (соответственно: «вопрос, включающий термин сравнения»), 2) отрицание его и, наконец, 3) сам «предмет сравнения» (*Й. Иванов.* Българските народни песни. София, 1959, стр. 88).

Существенную конкретизацию внесли другие болгарские ученые. См.: *Л. Андрейчин.* Основни черти в езика и стила на народната песен. «Българско народно творчество». София, 1950, стр. 258, 260; *Цв. Романска.* Българска народна песен. София, 1965, стр. 163 — 164. Ср.: *Л. Георгиев, Л. Джамбазки, Л. Ницолов, С. Спасов,* Речник на литературните термини. София, 1969, стр. 659.

[9] *А. Н. Веселовский.* Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 404.

[10] Там же, стр. 185.

[11] Там же (курсив наш.— *В. Г.*).

[12] *T. Maretić.* Naša narodna epika. Beograd, 1966 (1 изд. 1909), s. 78: «Особый вид представляет сравнение в начале некоторых песен, где сравнивается и посредством вопроса определяется сходство между предметами».

[13] *С. К. Шамбинаго.* Введение в народную словесность. М., 1910, стр. 140 («трехчленная формула отрицательного сравнения»: утверждение — отрицание — утверждение).

[14] *D. Pétropoulos.* La comparaison dans la chanson populaire grecque. Athènes, 1954, p. 120. «В прологе некоторых новогреческих песен сравнение принимает вопросительную форму».

[15] *J. Krzyżanowski.* Nauka o literaturze. Wyd. II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 104. Автор выделяет в сербскохорватской и русской поэзии «отменяющее или отрицательное» («odwołane lub zaprzeczone») сравнение: «Состоит оно в показе модели в свете ошибочной интерпретации, опровергаемой указанием предмета»

Реальную структуру наиболее верно отражают обозначения, предложенные К. Мошиньским: «утвердительно-отрицательное» (twierdząco-przeczącą) и «вопросительно-отрицательное» (pytająco-pizeczącą) сравнения. Схема первого, по Мошиньскому: «Oto jest A; nie, to nie jest A, to jest B». Схема второго: «Czy to jest A? Nie, to nie jest A. to jest B» [16]. Но в одном отношении термины Мошиньского все-таки уязвимы: они недостаточно явственно оттеняют художественное содержание поэтического приема. В этом смысле ближе к поэтической сути (и отчасти перекликается с толкованием А. Н. Веселовского) П. Г. Богатырев; в его описательной характеристике указывалось, что данная фигура включает в себя отрицательный параллелизм. Что касается ее обозначения, то первоначально (в докладе 1955 г.) П. Г. Богатырев принял слово «сравнение» [17], а в докладе на IV съезде славистов (Москва, 1958 г.), в работе широкого славистического плана, пожалуй, впервые, он применил термин «славянская антитеза» [18], по поводу которого мы позволим себе ограничиться указанием на его употребление в югославской науке [19].

М. Брэтулеску, учитывая работу П. Г. Богатырева, склонна даже отождествлять «славянскую антитезу» с отрицательным параллелизмом. В этом приравнивании родственных, но все же не идентичных приемов румынская исследовательница идет и дальше. Опираясь на описание отрицательного параллелизма, даваемое Р. Якобсоном («отрицание метафорического состояния в пользу реального») [20], она заключает: «Славянская антитеза или отрицательный параллелизм фактически является отрицаемой метафорой (Metaforă infirmată), сопровождаемой отгадкой

[16] *K. Moszyński.* Kultura ludowa słowian, t. II. «Kultura duchowa», część. Wyd. 2. Warszawa, 1968, s. 703. Надо иметь в виду, что самое отрицание иногда включает в себя мотивировку (*Н. Бобчев.* Изображението в българската народна епика, стр. 220).

[17] *П. Г. Богатырев.* Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян. В кн.: «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., 1958, стр. 331.

[18] *П. Г. Богатырев.* Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 14 и след. См. также: *И. Н. Голенищев-Кутузов.* Эпос сербского народа. «Эпос сербского народа». М., 1963, стр. 294.

[19] *В. Бурић.* О јуначкој поезији. «Антологија народних јуначких песама». Београд, 1954, стр. LXIX — LXXI; *он же.* Српскохрватска народна епика. Сарајево, 1955, стр. 122—123; *M. Ibrovac.* Les affinités de la poésie populaire serbe et néo-grecque. «Balkanološki institut. Godišnjak», kn. I. Sarajevo, 1956, str. 446; *он же.* Claude Fauriel et la fortune européenne des poésies populaires grecque et serbe. Paris, 1966, p. 395.

[20] Заметим попутно, что М. Брэтулеску и вслед за ней итальянский автор Л. Ренци считают «отрицательный параллелизм» термином Якобсона, видимо, потому, что в работе Якобсона, которую цитирует Брэтулеску, А. Н. Веселовский не назван.

ее»[21]. Уместное акцентирование метафоричности следует, вероятно, отделить от некорректного сведения всей антитезы к отрицаемой метафоре (в приведенном определении отключается, как в свое время у Гнедича, утвердительная или вопросительная преамбула[22]).

Учитывая имеющийся классификационный опыт и реальные структурно-эстетические свойства, мы вправе говорить о «славянской антитезе» как о самостоятельном *утвердительно-* (или *вопросительно-*) *отрицательном приеме поэтического изображения, включающем в себя отрицательный параллелизм.* Выходя за пределы славянского материала, будем называть этот прием *метафорической антитезой*, не считая, однако, этот термин единственно возможным.

Автор стремится расширить представление о распространенности данного приема и осветить, по мере возможности, идейно-художественную роль его, неодинаковую композиционную функцию в песнях разных народов, чему еще не уделялось необходимого внимания. Сама природа метафорической антитезы требует изучения ее как факта эстетического отношения к действительности — вне этого поэтическая сущность приема неуяснима. В центре доклада — метафорическая антитеза как средство героико-эпического повествования. Такое уточнение обусловлено не только необходимостью ограничить привлекаемый материал, но и тем обстоятельством, что в сфере избранного жанра историческая перспектива кажется нам более уловимой.

* * *

Представление о том, будто «славянская антитеза» — непременно *зачин* песни, не отражает всех реальных функций этого поэтического приема в героико-эпических песнях.

Так, во всех 90 текстах представительной антологии *болгарских* юнацких песен[23] «славянская антитеза» ни разу не высту-

[21] *M. Brătulescu.* Cîteva tipuri de metaforă în folclor. «Studii de poetică şi stilistică. Bucureşti, 1966, p. 83.

Определение М. Брэтулеску принимает Л. Ренци. См.: *L. Renzi.* Canti narrativi tradizionali romeni. Firenze. MCMLXIX, p. 66 («la metafora confutata»).

[22] Примеры с такой преамбулой М. Брэтулеску в дальнейшем внимательно учитывает, но видит в них лишь более полный тип «отрицаемой метафоры» по сравнению с «усеченным», (стр. 84).

[23] «Юнашки песни». Отобрал и редактировал И. Бурин. «Българско народно творчество в дванадесет тома», т. I. София, 1961. В фундаментальном издании новых записей юнацкого эпоса на 642 текста приходится лишь около десяти с антитезой в начале. См.: «Български юнашки епос». «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. LIII. София, 1971, № 142, 282, 396 и № 430, 431, 433—437, 439—440 (восемь версий одного произведения), причем все они скорее бытового плана.

пает в роли зачина. Образцы ее в этих песнях великолепны, но появляются они по ходу повествования, а не в начале его и, к сожалению, еще не приводились исследователями. Помимо необычной позиции, они, как правило, выражены не в «авторской речи», а в диалоге эпических персонажей (на что тоже не обращалось внимания).

В известной песне «Крали Марко освобождава три синджира рабов» «славянскую антитезу» составляет знаменитый разговор Марко с лесом[24], стихи 32—46 (всего в цитируемом тексте 108 строк). Нашествие врагов, угоняющих людей в рабство, сопоставлено с пожаром и секирой, опустошающими лес.

А гора йе рано повехнала[25],
А Марко си на гора говори:
— Е, горице, горице зелена,
Що си, горо, рано повехнала?
Дали те йе слана попарила,
Или те йе секира посекла? —
А гора си на Марко говори:
— Фала тебе, Марко добър юнак,
Нито ме йе слана попарила,
Нито ме йе секира посекла,
Нел' минаа туре яничаре,
Прокараа три синджира робье...[26]

Примечательна роль антитезы как своеобразного изобразительного средства героической песни. Вилип Маджарино видит — запад озарился чем-то, и спрашивает, что это: «дзвезда Вечерница», «пльоча пещерница» или «локва дъждовница» сверкнула на солнце; его конь отрицает все три предположения (весьма типичное устроение) и поясняет: «Нело ми е Марко Кральевино, // С

[24] Ср.: *И. С. Ястребов*. Обычаи и песни турецких сербов. СПб., 1886, стр. 95, 253 — 254. Следует учесть, что встречаемость сербскохорватских записей с антитезой в той же роли, какая специфична для болгарских эпических песен (и наоборот), не отменяет большей типичности и преобладания в них антитезы, выступающей в иной функции (см. ниже, стр. 292—294).

[25] Данная строка по-своему примечательна: еще *до* вопроса называется непонятное явление (почему-то увял лес). Краткая «загадка» предпосылается антитезе и в других болгарских примерах.

[26] «Юнашки песни», стр. 299 (варианты см. на стр. 303—304, 309); «Българска народни песни». Собрани от братя Маладиновци, Дим. и Конст. София, 1961, № 148, стр. 288. «Български юнашки епос», № 1, стр. 183 — 184; № 2, стр. 185; № 3, стр. 186; № 4, стр. 187; № 6, стр. 190; № 7, стр. 191; № 8, стр.192 — 193; № 9, стр. 194; № 10, стр. 195; № 18, стр. 202; № 26, стр. 206; № 31, стр. 208. Все они подтверждают устойчивость применения антитезы в диалоге. Ср. близкий по вопросам диалог в песне «Петко Кехая и самодиви»: Митически песни. Отбрал и редактирал М. Арнаудов. «Българско народно творчество в дванадесет тома», т. 4. София, 1961, стр. 134. См. также: «Юнашки песни», стр. 143 («Марко Крале и Вида самовила»).

него води Огнянчо детенце»[27]. Не менее выразительным является характеризующее уподобление, как бы взятое из противоположного «регистра»: на вопрос янычара: «Що ми се магла замаглила?» — его слуга отвечает, что «мгла» — это мать Марко[28].

Но в болгарском песенном фольклоре в изобилии и такие произведения, в которых «славянская антитеза» служит началом текста и имеет вид «авторской» речи. Именно их многократно называли исследователи. Однако обратим внимание, какова жанровая принадлежность подобных произведений. Возьмем для этого примеры из сборника Миладиновых, приводимые Миклошичем, Бобчевым, Ивановым, Богатыревым. Часто цитируемая «Яна Кукавица» («Що белеи, що лелеи...») — это по существу баллада (девушка превращается в кукушку и разыскивает своего больного брата). В том же ряду — «Еден син и майка» (черная чума погубила сына, мать похоронила его и горестно вопрошает, мягко ли ему в могиле). Балладно-новеллистический характер присущ песне о Райко Бошкоике (узника выручает из темницы Райковица, переодетая в делибаша), хотя она и помещена среди юнацких[29], а еще одно цитируемое произведение представляет собой свадебную песню «Кога побратимите държат невестата» («Изникнала йе чубрица...»[30]. В согласии с жанровой сущностью таких песен (а их число легко увеличить)[31] антитеза подчеркивает трагизм ситуации, служит выражению эмоций, символических обрядовых иносказаний и т. д.[32]

* * *

Характерная позиция «славянской антитезы» в *сербскохорватском* эпосе (включая юнацкие песни) — в *начале* песни; это своеобразная эпическая заставка — она всегда в «авторской» речи. Такой вывод подтверждают все песни, в которых находит «славянскую антитезу» В. Джурич: «Марко Краљевић и Вуча ше

[27] «Юнашки песни», стр. 341. Ср. сходную антитезу в песне «Марко Кралевичи и Воинка девойка» (с «авторским» ответом после вопроса Момчила — не солнце сияет, не месяц, не звезда, не огонь, а «перо воиново»). «Юнашки песни», стр. 451.

[28] Там же, стр. 519 («Марко, окован от турци, освободен от майка си»). Ср. в песне «Момчил юнак и Айкуна девойка»: Айкуна трижды спрашивает — темнеет ли темное облако или движется войско, а Момчил успокаивает ее — это их встречают его сестра, дядя, брат (там же, стр. 474—475).

[29] «Български народни песни», № 189 («Що йе плюскот во гора зелена?» (ср. № 89 и 354).

[30] Там же, № 547, стр. 578.

[31] Там же, № 261, 437, 528, 542, 543, 629.

[32] Из аналогичных (т. е. не юнацких) песен взяты для сопоставления с былинными описаниями почти все болгарские зачины типа «реакция природы на рождение или появление героя» и др., когда они составляют «славянскую антитезу» (у автора — «отрицательное сравнение») в интересной работе Ю. И. Смирнова «Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение» («Славянский и балканский фольклор». М., 1971, стр. 101 — 110).

нерал», «Пропаст царства српскога», «Мали Радојица», «Перович Батрић», «Хасанаганица»[33]. Прибавим другие песни из II—IV книг сборника Караджича: «Јуришић Јанко», «Смрт Илије Смиљанића», «Женитба Плетикосе Павла», «ћирјак и Грчић Манојло», «Милош Стојићевић и Мехо Оругџић», «Бој на Кукутници», «Спомен од боја на Кукутници»[34]. Много песен начинается «славянской антитезой» в Ерлангенской рукописи[35].

По наблюдению В. Джурича, каждая антитеза находится «в полной гармонии с содержанием песни, которую открывает»[36]. Частота появления одной и той же антитезы с одной и той же метафорой неодинакова. В перечисленных песнях из сборника Караджича на первом месте — антитеза, варьирующая в своей вопросительной части следующий образ:

(1) Или грми, ил' се земља тресе? (ВСК, II, 239)

(2) Jali грми, јал' се земља тресе?
Jä се бије море о мраморје,
Jä се бију на Попина виле? (ВСК, III, 364)

(3) Или грми, ил'се земља тресе? (ВСК, III, 512)

(4) Да ли грми, да л' се земља тресе,
Да ли пуца Крњо и Зеленко
На Зворнику, на бијелу граду,
Те се јека на далеко чује? (ВСК, IV, 268).

Песни с аналогичным началом встречаются, например, в Ерлангенской рукописи:

(5) Или кр'ми иль се зем'лю трезе
Иль се море био ѡ бьрекове
Иль се бие море о мраморі'е. (Ерл., рук., 176).

(6) Іли кр'ми иль се землю трезе
Или се бие море о мраморі'е. (Ерл., рук., 252).

Сравним, наконец, с одной из бугарштиц (приводим и вторую часть антитезы):

(7) Али грми, ал' се земља трезе
Ал' удара море у мраморје,
Али се ори Оринац планина,
Ал' пуцају са Задра лумбарде?
Нити грми ни се земља тресе,

[33] *В. Ђурић*. Српскохрватска народна епика, стр. 122—123.
[34] *В. С. Караџић*. Српске народни пјесме, кн. II—VI. Београд, 1953—1954 (далее: ВСК).
[35] «Ерлангенски рукопис старих српскохрватских народних песама». Ср. Карловци, 1925 (далее: Ерл. рук.), № 8, 29, 80, 118, 120, 123, 131, 152, 163, 172, 177, 216.
[36] *В. Ђурић*. Српскохрватска народна епика, стр. 123.

Нит удара море у браморе (мраморје? — *В. Г.*),
Нит пуцају на Задру лумбарде,
Него војска испод Беча иде [37].

Гиперболическое уподобление грому, землетрясению, бушеванию моря и т. д. характеризует движение армий, «бой двух сильных войск» (4, 6, 7), или же веселье, торжество с орудийной пальбой (1, 2, 3, 5).

Вторая по частоте у Караджича антитеза — это антитеза, сравнивающая стонущих от ран [38] юнаков Юришича Янко, Илие Смилянича, Перовича Батрича с «гуями и вилами» (ВСК, II, 311; ВСК, III, 231; ВСК, IV, 3) [39]. За нею по употребительности в песнях того же сборника — антитеза, которая уподобляет женский плач (матери Оругжича Меха, трех «Старовлашанок») кукованию кукушки (ВСК, IV, 207, 480) [40]. Кстати, это единственный у Караджича образец утвердительно-отрицательной антитезы (в отличие от вопросительно-отрицательных) в эпических песнях.

Что касается знаменитого зачина «Хасанаганицы» («Шта се бјели у гори зеленој?//Ал' је снијег, ал' су лабудови?» и т. д.), то любопытно, что у Караджича в эпических песнях он в единственном числе [41]; но именно для него П. Г. Богатырев обнаружил близкие параллели в болгарской песне «Яна Кукавица», в моравской, словацкой, украинской балладных песнях [42].

* * *

Из богатырских песен других народов только *греческие* довольно постоянно, в повествовании о нескольких героях, применяют метафорическую антитезу в качестве *зачина* или «в прологе», как пишет Д. Петропулос [43]. К его примерам (песням о Ко-

[37] «Народне пјесме из старијих, највише приморских записа». Собрао и на свијет издао В. Богишић, књ. I. Београд, 1878, № 114, стр. 314 («Од Беча краљ разби турке под Бечом»). См. также: *И. С. Ястребов*. Обычаи и песни турецких сербов, стр. 207.

[38] Целесообразно отметить, что иногда еще до вопроса кратко говорится о звуке, привлекающем внимание, но эта часть не получает развития: «Нешто цвили у Стамболу граду» (ВСК, II, 311); «Нешто пишти у зелено трави» (ВСК, III, 231).

[39] В последнем случае отрицание имеет мотивировку, о которой мы уже говорили: «Да је вила, навише би била, // Да је гуја, под камен би била».

[40] Ср.: Ерл. рук., № 29, стр. 34; «Hrvatske narodne piesme, knjiga deveta». Zagreb, 1940, s. 11; «Srpsko-hrvatske junačke piesme. Skupio M. Parry, kn. 2. Beograd i Kembridž, 1953, s. 117, 158.

[41] Ср., впрочем: Ерл. рук., № 180, стр. 111; *M. Murko*. Tragom srpsko-hrvatske narodne epike, kn. II. Zagreb, 1951, str. 892.

[42] *П. Г. Богатырев*. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, стр. 15 — 17.

[43] *D. Pétropoulos*. Указ. соч., стр. 120.

локотронисе[44] и Буковалласе[45]) можно прибавить: «Битву сулиотов» («Деспо»)[46], «Смерть Дьякоса»[47] и др.[48] Причем есть случаи, когда антитезой исчерпывается содержание песни — весь (или почти весь) его текст. Так, образ клефта Кондояннниса вырисовывается уже из одного уподобления его ненастью, которое потрясает окрестности:

Как содрогаются они, седые скалы Гуры —
Не град ли тяжкий их сечет иль бьет мороз жестокий?
Нет, тяжкий град их не сечет, не бьет мороз жестокий,
Там Кандояннис турок бьет и летом и зимою[49].

Но в греческих песнях вопросительно-отрицательную антитезу встречаем не только в зачине. На это указывает и Петропулос, отсылая к акритским песням[50], где антитеза бывает в середине текста, причем не только в «авторской» речи, но и в диалоге. См. отрывок из «Песни о Хароне и Дигенисе»:

А был недалече город, и раздался в нем тот удар (Дигенис ударил Саракина.— *В. Г.*).
— Видно, где-то молонья, гром, видно, градом бьет, где-то богу стало угодно город провалить (в виде прямой речи здесь передана реакция в городе.— *В. Г.*).
Как случился тут дедка сердечный, из старинных людей:
— Ни молоньи нету, говорит, ни граду, ни богу не стало угодно город провалить, а это,— говорит, удар Дигена...[51]

Но диалогическая форма антитезы не ограничивается акритским циклом, что видно из песен других циклов: «Смерть Георга-

[44] Там же, стр. 121 (ссылки на текст 53-В у Политиса и варианты — точнее, версии с именем Контояннниса: *C. Fauriel.* Chants populaires de la Grece moderne, t. I. Paris, 1824, p. 92>93 — фр. пер.>; *C-te de Marcellus.* Chants populaires de la Grèce moderne. Paris, 1860, p. 10).
[45] Там же, ср.: *C. Fauriel.* Указ. соч., т. I, стр. 12—13 (см. русские переводы: *Н. Гнедич.* Указ. соч., № III; «Греческие народные песни». Выбрал и перевел Вл. Нейштадт. М., 1957, стр. 63); *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 6.
[46] *C. Fauriel.* Указ. соч., т. I, стр. 301 — 302 (с фр. пер.); *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 45. Ср. «Греческие народные песни», стр. 39.
[47] *C. Fauriel.* Указ. соч., т. II (1825), стр. 34—35 (с фр. пер.); *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 69; ср. «Греческие народные песни», стр. 43.
[48] Ср.: *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 13 («Куцохристос», без отрицательной связки). М. Ибровац называет еще песни о Хароне (*C. Fauriel.* Указ. соч., т. II, стр. 228—229; ср. *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 173).
[49] «Греческие народные песни», стр. 65. Ср.: *C. Fauriel.* Указ. соч., т. I, стр. 92.
[50] *D. Pétropoulos.* Указ. соч., стр. 122.
[51] *Г. Дестунис.* Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Опыт переводного и объяснительного сборника. Сб. ОРЯС АН, т. XXXIV, № 1. СПб., 1883, стр. 37.

киса и Формакиса»[52]. «Храбрый Георге»[53], «Голос из могилы»[54] и др.

Еще одна неотмеченная черта антитезы в греческих песнях состоит в том, что *до предположения* («это А?») называется загадочное явление, подлежащее объяснению. Например, в «авторской» антитезе (см. приведенную песню о Кондояннисе): «Как содрогаются они, седые горы Гуры». То же бывает при диалогическом построении. В песне о Георгакисе и Фармакисе дозорные восклицают, что «туча черная ползет, все горы потемнели», и спрашивают: «Не наши ли идут сюда?» (ответ: «Не наши-то идут сюда ...Идут турецкие войска...»).

Предварение антитезы «загадкой» отчасти представлено, как мы видели, и в сербском эпосе, несколько шире — в болгарском; в греческих же песнях оно повторяется больше всего.

* * *

Диалогическое строение метафорической антитезы, приуроченность к изображению положительных персонажей и расположение ее не вначале, а по ходу рассказа[55] полностью преобладают в *албанских* эпических песнях, которые с этой стороны еще не изучались (см. «Муйи ⟨Муйо?— *В. Г.*⟩ и Бехури», «Муйи у султана», «Женитьба Халиля», «Имер, сын Муйи», «Дьердь Элес Алия» и др.[56]).

Иногда в них тоже бывает «загадка», идущая раньше антитезы. Так, в песне «Муйи и Бехури» антитезе предшествует описание внезапного грохота, подобного грому или шуму прибоя. Капедан Бехури удивлен («Гром гремит, а в небе солнце светит»). Ему отвечает Муйи: это *не гром, не прибой*, это взорвали дом Капедана[57].

Но в ряде случаев, составляющих основную особенность

[52] *C. Fauriel.* Указ. соч., т. I, стр. 48 (49); *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 71. Ср.: «Греческие народные песни», стр. 48.

[53] *C-te de Marcellus.* Указ. соч., стр. 78.

[54] *C. Fauriel.* Указ. соч., т. II, стр. 402 (403). Ср. «Греческие народные песни», стр. 106.

[55] Ср. аналогичную роль антитезы в мусульманских эпических песнях Краины («Junačke narodne pjesme muslimanske». Zagreb, 1969, s. 62 и др. Впрочем, примеры не часты). Вопрос о том, сказалось ли на особенностях антитезы в албанских песнях влияние Краинской эпики, подлежит специальному изучению.

[56] «Старинные албанские сказания». М., 1971 (далее: САС). ср.: «Këngë popullore legjendare». Tiranë, 1955 (далее: KPL).

[57] САС, стр. 23 (ср.: KPL, стр. 150, ст. 392—402). Весьма сходная композиция антитезы — в песнях «Муйи у султана» (САС, стр. 26 — 27. Ср. KPL, стр. 198); «Люле Франгу» (САС, стр. 143 — 144. Ср. KPL, стр. 266); «Халиль убивает чудище...» (САС, стр. 82). Ср. KPL, стр. 200); «Тридцать девушек собрались поболтать» (САС, стр. 47. Ср. KPL, стр. 234 В двух последних — в прологе).

албанских песен, антитезе в авторской речи предпосылается не загадка, а *подлинное объяснение* происходящего. Таким образом, слушателю как бы заранее известен ответ, загадки для него нет. Недоумение, неведение, неоправданное предположение словно по контрасту с осведомленностью слушателя звучит лишь в речи персонажа, задающего вопрос. Подчеркивается недогадливость, непонятливость спрашивающего или же, как в приводимом примере, наивное незнание кем-то из врагов грозных «примет» могучих народных героев.

Гикнули, что было у них мочи, Понеслись вперед, дробя каменья, Из-под ног снопами искры Вылетают вместе с черным дымом, Горный дуб охватывает пламя, Раздается эхо по ущельям!	Непосредственное «авторское» описание происходящего

Сыновья султана объяты страхом: «Не пушки ли это?» Им отвечает султан: «То не пушки», «не бой», «не гроза ночная», то «Халиль и Муйи едут»[58].

* * *

В *восточнороманском* героическом эпосе метафорическая, иносказательная антитеза встречается в ограниченном числе произведений (более распространенной является она в колядах). Отличительная ее особенность: она всегда служит для изображения врага и не применяется при показе героя.

Единичный пример употребления антитезы в «авторском» прологе — вступление в песню «Войник и змей»; начало не имеет здесь формы вопроса (см. *молдавский* вариант):

Жос ын вале ынтр' о грэдинэ Рэсаре о луминэ. Ши ну-й раза соарелуй, Да-й окюл балаурулуй[59].	Внизу в долине, в огороде, Виднеется свет, А это не солнечный луч, Это змéев глаз.

В остальных случаях антитеза строится в виде диалога. Песня о богатыре и трех вереницах рабов, близкая к соответст-

[58] «Муйи у султана» (САС, стр. 27 — 28. Ср. KPL, стр. 198, ст. 51 — 63). Сходное построение см. в песнях: «Муйи и Бехури» (САС, стр. 25. Ср. KPL, стр. 152. Вторая антитеза в одной и той же песне); «Имер, сын Муйи» (САС, стр. 67, KPL, стр. 214); «Дьердь Элез Алия» (САС, стр. 114. Ср. KPL, стр. 123).

[59] Записали в 1963 г. А. С. Хынку, В. Цуркан и Е. Тарлапан в с. Кышлица-Прут Вулканештского р-на Молд. ССР (Фольклорный архив АН Молд. ССР). Сходно: *В. Александри.* Поезий попорале. Баладе (Кынтече бэтрынешть), партя I. Яший, 1852, п. 32; *Gr. Tocilescu.* Materialuri folcloristice, vol. I, part. II. Bucureşti, 1900, p. 1068, и др.

вующей болгарской песне, содержит знакомый нам разговор героя с лесом:

D'alei codre, frate codre,—	Эй ты лес, брат мой лес,
...Eu în tine c'am crescut,	—...Я в тебе вырос,
Şi-aşa trist nu te-am văzut...	Но таким печальным не видел...
Ori vre-un pîrjol te-a călcat?	Иль пожар по тебе прошел?
— D'alei Stane, frate Stane..	—Эй ты, Стан, брат мой Стан,..
Nici pîrjol nu m-a călcat,..	И не пожар по мне прошел,..
Să vezi trei singiri de robi [60]	А три вереницы рабов.

В финальной части песни «Груя, сын Новака, и дочь кади» враг, преследующий героя, уподоблен «красному зареву»:

Vezi ce pară roşie	Гляди, какое зарево красное нас
ne-ajunge!	настигает! (восклицание Груи.— *В. Г.*)
— Nu e para roşie,	Это не зарево красное,
Ci-i tăicuţa	Это батенька
Pe Şărguţa... [61]	На Шаргуце... (ответ девушки.— *В. Г.*)

Чаще других встречается метафорическая антитеза, говорящая о нашествии. Войско врага сопоставляется с грозовыми тучами, мглой и т. д., чем подчеркивается нависшая опасность.

Gruia, frăţiorul meu,	Груя, мой братец,
Cum se' voalbă norul greu!..	Какая тяжелая туча идет!..
...Nu e nor ce tu priveşti.	...То не туча, что ты видишь,
Ci că-s turcii cei păgîni [62].	А те турки неверные.
	(«Груя на пахоте»)

[60] «*Ion Creangă*», 1915, N 5, p. 150 («Vişina»). Характерно, что в других версиях («Молдовян Доброджян», «Георге Витязу») диалог героя с лесом не составляет антитезы (речь героя не содержит вопросительных предположений, а ответ — отрицания их). Те же образы поданы как сравнения, не требующие ответа: герой видит, что лес оголен, «Словно огонь его обжег» — «Parcă focul l-a pîrlit» (*N. Păsculescu.* Literatura populară românească. Bucureşti, 1910, p. 265), и говорит ему об этом или же спрашивает: «Отчего твои листья пожелтели?» — «Фрунза че-ай ынгэлбенит?» (*В. М. Гацак.* Документе фолклориче ши фолкористиче. «Студий ши материале де фолклор». Кишинэу, 1971, п. 164). Лес в своем ответе объясняет причину.

Подробнее о соотношении восточнороманской и болгарской песен см.: *В. М. Гацак.* Эпос и героические коляды. «Специфика фольклорных жанров». М., 1973.

[61] *Gr. Tocilescu.* Указ. соч., т. I, стр. 734. Сходно: *Gr. Tocilescu.* Указ. соч., т. II, стр. 1240. Ср. в историко-эволюционном плане с одной из версий песни о змее (диалог героя и коня):

Calule, căluţu meu...	Конь, конечек мой,..
O rază de foc mă arde!	Огненный луч меня жжет!
— Nu e raza focului,	— Это не огненный луч,
Ci e o chiu şarpelui!	Это глаз змея!»

A. I. Popescu. Cîntece bătrîneşti din Oltenia, vol. II. Craiova, 1970, p. 37.

[62] *A. T. Marienescu.* Poezii populare din Transilvania. Bucureşti, 1971, p. 54 —

Сравним редкий случай антитезы в монологе — Новак рассказывает свой сон и толкует его по «книге снов»:

Văzui ceaţa neguratră,	Я видел мглистый туман,
Nu e ceaţa neguratră,	Это не мглистый туман,
Şi-i puterea' mpărătească.	А государево войско,
Pe Gruia să prăpădească [63].	(Идет оно) Грую губить.

Своеобразно варьируется уподобление вражеского войска туману в песне о юном Романе. Роман спрашивает, что видно вдали — туман или пыль над дорогой. Братья ему отвечают:

Nu-mi este ceaţă pe cer,..	Это не туман в небе,..
Ci e pulbere de drum,	А пыль над дорóтой,
De război să ne gătim [64].	Надо к битве готовиться.

Обратим еще внимание на то, что в песне о гайдуке Корбе тоже налицо своего рода антитеза, основанная на иносказании «свадьба-казнь». Мать говорит Корбе, что его «обручили», и описывает (со слов господаря) «невесту». Гайдук в ответ восклицает: «Это не невеста, а кол, //Хотят меня казнить» [65].

* * *

После славянских и неславянских народов Юго-Восточной Европы обратимся к восточным славянам.

В литературе вопроса часты указания, что в *русском* эпосе «славянской антитезе» соответствует отрицательное сравнение (Миклошич, Мареţич, Мошиньский и др.). Эти указания дополняются выводом, что антитеза как таковая в *былинах отсутствует* [66]. Роль отрицательного сравнения (вернее — параллелизма) в былинах неоспорима. Но это не значит, что «славянская антитеза» совершенно неизвестна русскому эпосу. Ее можно найти, хотя в классических сюжетах и текстах совсем редко.

Характерное для антитезы развитие диалога просматривает-

55. Ср.: *N. Păsculescu.* Указ. соч., стр. 165. См. также в молдавской коляде исторического содержания: «Folclor basarabean». Bălţi, 1938, p. 68.

[63] «Izvoraşul», Turnu-Severin, 1927, N 4, p. 143.

[64] *N. Păsculescu.* Указ. соч., стр. 223. Сходно: *C. Rădulescu-Codin.* Din Muscel. Bucureşti, 1896, p. 229.

[65] *I. Diaconu.* Ţinutul Vrancei. Bucureşti, 1930, p. 213.

[66] *С. К. Шамбинаго.* Введение в народную словесность, стр. 140; *П. Г. Богатырев.* Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, стр. 17.

ся в «Турах». Приведем с сокращениями отрывок, начинающийся с рассказа «малых туров» о том, что они видели в Киеве.

А и начавали мы у той стяны у славною у Киевськой...
А и выходила тут девиця вот красавиця,..
А мы не знаем, мати, кака́ вона́ королевна-та»,..
А и говорила тут тури́ца-та одношорстная...
— А и расскажу-то я ведь и вам, туры малые,
А и не стена была, скажу я, городо́вая —
А это киевськой собор же, че́рков божая;
А не королевисня была же тут ведь кня́жина,—
...А и сама-то она, цариця-то все небесная... [67]

Отрицание фантастического объяснения находим, например, в пересказе былины об Илье Муромце (XVIII в.):

«Гои еси ты, государь мои батюшко, Илья Муромец сын Иванович. *Идет сила великая звериная* на святую Русь. Наперед *идет страшен и люты зверь...*» Ответ Ильи: «Гои еси ты, слуга мои верной Тороп!.. Ведет, идет тута в поле Тухман царь со своею силою босурьманскою, *а не стадо звериное*» [68].

Более явственно выступает антитеза в следующем примере из былины о первой поездке Ильи Муромца:

Он прибил, притоптал всю силу великую.
Говорят-то мужики черни́горцы,
Они говорят да таковы речи:
— Уж как с нёба нам послал господь-от аньгела,
А други-ти: — Нет, не аньгела господь послал,
А нам послал бог-то руського могучего бога́тыря [69].

Конечно, в уподоблении «аньгелу» можно предположить влияние стихов типа «Аники-воина», содержащего, кстати, диалог, родственный по структуре, но совсем иной по смыслу [70].

[67] «Былины М. С. Крюковой». Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, т. II. М., 1941, стр. 150. Ср.: *А. Д. Григорьев.* Архангельские былины, т. I. М., 1904, стр. 117 — 118 (в ответе: «Не башня стояла да наугольная, стояла тут церковь соборная» и т. д.). Несколько в ином плане (беря только объяснение матери-турицы), но тоже в качестве «оборота. весьма типичного для славянского песенного творчества», сопоставил «запев о турах» с польской песней М. М. Плисецкий в книге «Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса» (М., 1963, стр. 65).

[68] «Былины в записях и пересказах XVII — XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.— Л., 1960, стр. 103 (курсив наш.— *В. Г.*).

[69] *А. В. Марков.* Беломорские былины. М., 1901, стр. 346. Ср.: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. III. М.— Л., 1951, стр. 432, ст. 146 — 152.

[70] А навстречу является ему чуди́лищо...
Испроговорит Оника во́юн:

Как более аутентичные привлекают внимание два момента из былины о Дюке. Во-первых, утвердительно-отрицательная антитеза в описании города «Галиця»:

Был и де́ницек да был вить ясненной.
Показался им да добрым молодцам,
Што горит-горит да город Галиця,
А как остоялисе да осмотрелисе,
А не горит-то веть да город Галиця,
А великое-то есте да сияньицо:
Как вить крыши-то да золоцёныи [71].

Во-вторых, разговор с девушками в городе Дюка. Предположение гостей и отрицательный ответ показывают, что антитеза может строиться на тонкой психологической игре.

А как идет толпа красных девушек.
— А уж вы здравствуйте-ко, красные девушки,
А не идет ли ме́жу вами Дюкова матушка?
— А не идет ли ме́жду намы Дюкова матушка,
А эти Дюковы ведь мы портомойницы... [72]

Совсем непривычна для эпической антитезы, но вполне отвечает сюжету и шутливая иносказательность былины о Чуриле

В тот день выпадала пороха снегу белова,
И нашли оне свежей след.
Сами они дивуются:
Либо зайка скакал, либо бел горносталь,
А иныя тут усмехаются, сами говорят:
«Знать это не зайко скокал, не бел горносталь —
Это шел Чурила Пленкович к старому Бермяке Васильевичу,
К ево молодой жене Катерине прекрасныя» [73].

— Кто же ты еси чудилищо?
Ангел ли ты али дья́вол ты...?
— Я еси не а́нгёл,
Я еси не дьявол,
Я еси смерть твоя прекрасная.
(«Онежские былины, записанные Гильфердингом...», т. I, стр. 700. Ср.: *А. Д. Григорьев*. Указ. соч., т. I, стр. 38.

[71] «Сказитель Ф. А. Конашков». Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948, стр. 154. Сходно — в более ранней записи от него же: «Онежские былины». Подбор былин и научное редактирование текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948, стр. 394.

[72] «Онежские былины», стр. 394. Ср.: «Онежские былины, записанные Гильфердингом...», т. I, стр. 207.

[73] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.— Л., 1958, стр. 116.

* * *

Что касается *украинского* фольклора, то здесь «славянскую антитезу» находили в исторических балладах типа «Теща в плену у зятя» (Ф. Миклошич, П. Г. Богатырев). Но, полагаем, она не чужда и думам (при большей роли в них, как и в былинах, отрицательного параллелизма). В думе «Сокол и соколенок», которую мы имеем возможность цитировать теперь по фундаментальному изданию Б. П. Кирдана в серии «Эпос народов СССР», обнаруживается характерный образный диалог, предваренный «загадкой».

То сокіл прилітає —
Аж його соколяти немає,
То сокол літає
Та орла питає:
— Орле-брате, чи не бачив ти мого соколяти,
Безродного, бездольного дитяти?
Чи його сильні дощі затопили,
Чи буйні вітри заносили?
— Соколе-брате, твого соколяти
Ні сильні дощі не затопили,
Ні буйні вітри не заносили:
А йшли стрільці-булахівці,
Та взяли твоє соколя, бездольне, безродне дитя...[74]

У *западных славян* «славянская антитеза» (утвердительно-отрицательный тип) является принадлежностью лиро-эпических и лирических песен, о чем свидетельствуют моравские, словацкие примеры у Миклошича, Веселовского и особенно у Богатырева. Отмечается она и в польской песне[75]. Выходя за пределы славянского фольклора, Веселовский приводил примеры из немецкой и латышской лирики[76]; к ним можно добавить литовские[77].

[74] «Украинские народные думы». Издание подготовил Б. П. Кирдан. М., 1972, стр. 114. Отметим еще, что в думе о трех самарских братьях составляют антитезу следующие фразы из речей двух братьев (хотя эти фразы — на удалении одна от другой):

(1) «Чи не один нас меч рубав,
Чи не одні яничарські кулі постріляли?
(2) То не єсть, то нас, братця, яничарські кулі в чистим полі постріляли,
Єсть то нас отцевські й матчині сльози в чистім полі побивали».

Там же, стр. 91— и 92).

[75] *М. М. Плисецкий.* Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса, стр. 65. Ср.: «Польские песни». М., 1954, стр. 55, 58.

[76] *А. Н. Веселовский.* Историческая поэтика, стр. 187.

[77] «Дайны Литовские народные песни». Вильнюс. 1965. стр. 51, 66, 99, 147.

Но вернемся к эпосу, чтобы учесть новые факты применения метафорической антитезы у неславянских народов. В привлекаемых памятниках они, быть может, единичны и не принадлежат к числу главных поэтических средств, но представляют немалый интерес. Заметим, что они появляются по ходу повествования и обычно представляют собою *диалог*.

Иносказательная, метафорическая антитеза, подчиненная образному строю и стилю каждого народного памятника, встречается в эпосе ряда народов Кавказа.

В *адыгейском* пшинатле (песне) о Саусаруке:

— Кажется, я настиг
Загнанную дикую козу! — сказал он.
— Это не загнанная лесная коза,
Это тур могучий,
Это витязь отважный... [78]

В *армянском* героическом сказании о Мгере:

— Где же ваш хлеб?— Мгер вопросил —
Ветер унес? Град ли побил?
Солнце ли сожгло?
И старец ответил: — Нет!..
...Хлеб нам возили Шам и Алеп,
Но отрезал дороги огромный лев [79].

В *чеченском* героическом сказании:

— Что это за туман так быстро расстилается?
— Это не туман расстилается, а пар бьет из ноздрей коня Гезама Али [80]

* * *

С привлечением дополнительных данных славянского фольклора, а также аналогий из поэтического творчества других народов, вплоть до кавказских, значительно обогащается пред-

[78] Перевод А. И. Алиевой.
[79] *Давид Сасунский*. Армянский народный эпос. М., 1957, стр. 132—133.
[80] *А. О. Мальсагов*. Нарт-ортсхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970, стр. 170. Ср. в *ингушской* эпической песне:

«Олень кричит, чувствуя лесных ланей,
Сокол поет, чувствуя голубок Солсы.
Это не олень кричал лесным ланям,
Это не сокол пел голубкам Солсы —
За добычей устремившиеся храбрые канты метались».

(Там же, стр. 165. В обоих случаях перевод А. О. Мальсагова).

ставление о распространенности метафорической антитезы в конкретно-национальных ее воплощениях. Это первый наш вывод.

Однако географическая перспектива должна быть дополнена перспективой исторической. Собственно, ее по-своему намечали еще А. А. Потебня (согласно его точке зрения, отрицательное сравнение с символом в виде положения или вопроса является более старым, чем просто отрицательное сравнение[81]) и А. Н. Веселовский (он выявлял психологические факторы «воспитания и обобщения» отрицательной формулы из положительной[82]). Но сейчас открываются совсем новые, более широкие аспекты проблемы.

В рассмотренных антитезах особенно частыми являются косвенные уподобления действий героев или их врагов ненастью, бушеванию моря, туче и т. д. Любопытные соответствия — в ином качестве и контексте — находим в эпических памятниках более раннего типа, высокоразвитые и богатые образцы которых имеются у народов Сибири.

Выделим для сравнения: описание богатыря, его врага и битвы между ними. Принципиальная их особенность состоит в том, что обо всех «потрясениях природы» говорится не в иносказательном, а в прямом смысле,—таков художественный взгляд на мир.

Появление богатыря в *якутском олонхо:*

«Спутником его были яростные молнии. Вестником его стали раскаты грома. Так он ехал, говорят»[83].

[81] *А. А. Потебня.* О некоторых символах в славянской народной поэзии, стр. 5; ср. у М. Брэтулеску: славянская антитеза — «начальный этап в складывании понятия метафоры», когда в одном контексте — подлинный и фигуральный термины (*M. Brătulescu.* Указ. соч., стр. 82—83).

[82] *А. Н. Веселовский.* Историческая поэтика, стр. 189.

[83] «Нюргун-Боотур Стремительный». Текст К. Г. Оросина, ред. текста, вступит. статья, перевод и комм. Г. У. Эргиса. Якутск, 1947, стр. 120. В другом олонхо: «От стремительности бега заволновалось, забушевало море, вьюга настала, поднялся ветер и непогода, зарыкал лев, пурга забушевала, крепкие деревья ломались» («Якутский фольклор». М.— Л., 1936, стр. 77. Сходно: там же, стр. 46, 61, 80, 81). Ср. в изложении, отчасти напоминающем антитезу: *С. В. Ястремский.* Образцы народной литературы якутов («Труды комиссии по изучению Як. АССР», т. VII). Л., 1929, стр. 83 (вопрос: «Что за шум?» Ответ: «Этот шум — Агыя-богатыря поездки шум...»).

См. в *шорском* эпосе: «...белые хребты опрокинулись; море в обратную сторону хлынуло. Вершины великой тайги откололись, вершины низкой тайги ⟨*к земле*⟩ пригнулись... Верхом на черно-сером коне потомок богатырей едет» («Шорский фольклор». Записи, перевод, вступит. статья и примеч. Н. П. Дыренковой. М.— Л., 1940, стр. 117. Сходно: там же, стр. 75, 135 и др.).

О появлении противника в *олонхо* говорится:

Налетала волна шумного ветра,
Белые облака сгрудились и сбились в кучу,
В средине неба соединились черные облака,..
Крепкие деревья полегли,
Средняя страна заколебалась
Байкальские волны взбушевались;
На противоположной стороне долины
Повалились вершины утесов;
Вся долина запылала огнем молний... [84]

Появление врагов в эпическом сказании *эвенков*:

«Потом со всех сторон сгустились черные тучи, стали умножаться белые тучи, стали бегать взад-вперед красные тучи, в мгновение ока подул ветер, полил ливень, повалил густой снег, закружился вихрь, загремел гром, засверкала молния... Коколдон выскочил наружу, думая: «Что же случилось?» Оказалось, с нижней земли идут два богатыря авахов» [35].

Описание поединка в *якутском олонхо*:

Как будто две горы сшиблись друг с другом.
Раздался оглушительный шум...
От бурь буря страшная поднялась,..
Поднялся сильный ураган [86].

В эпическом сказании *эвенков:*

«Во время их боя туман подымается, ночью искры ⟨от мечей⟩ сверкают. Чащи в гладкое поле <они> превращают, а поляну — в чащу, холмистое место — в овраги, а овраги — в холмы...» [87]

Легко заметить, что приведенные описания весьма напоминают те картины, которые в первой части метафорической анти-

[84] «Нюргун-Боотур Стремительный», стр. 111 — 113.

[85] *А. В. Романова* и *А. Н. Мыреева.* Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971, стр. 239. Ср. в сказании эвенков Хабаровского края: «Хорошенько прислушался — земля гремит. «Это гром прогремел,— говорит Отани-мата,— значит чужой (приближается)». См.: «Исторический фольклор эвенков». Запись текстов, перевод и комм. Т. М. Василевич. М.— Л., 1955, стр. 225. Сходно: там же, стр. 181, 259.
В *ненецком* эпосе сама «песня» разъясняет, что речь идет именно о враге: «На хвосте облаков один плывущий. Он просто летит над головой Сия Ноеця. Два его железных крыла, как огонь. Песни сказали: «Хозяин Есь Тота, наверное, будет»». «Эпические песни ненцев». Составитель, автор вступит. статьи и комм. З. Н. Куприянова. М., 1965, стр. 85. Ср. стр. 83, 84, 122 и др.

[86] «Нюргун-Боотур Стремительный», стр. 259 и 261.

[87] «Исторический фольклор эвенков», стр. 252. Сходно: там же, стр. 182, 194, 226, 248.

тезы подаются в виде *предполагаемых* объяснений происходящего. И это не случайно.

В свете привлеченных примеров вырисовывается отдаленная ретроспектива метафорической антитезы. Выясняется, что исторически ей предшествовало иное эстетическое состояние, когда «потрясения природы» мыслились непосредственным свойством эпических персонажей, непременным эффектом их появления, боя между ними и т. д. Таковы были их «атрибуты» [88]. Частичное, пережиточное проявление таких свойств есть и в эпосе Юго-Восточной Европы (улавливается оно и в отдельных образцах антитезы [89]), но в принципе преобладает другой тип изображения [90]: в составе метафорической антитезы «потрясения природы» служат для художественно-сравнительной характеристики совсем иных действий и проявлений героев, причем в виде *отрицаемого* предположения (т. е. как бы *«от противного»*). Иначе говоря, перед нами уже другое, более позднее эстетическое состояние: то, что когда-то утверждалось, теперь отрицается, причем чем дальше, тем явственнее.

Дальнейшими приметами и «моментами развития» нам представляются следующие: появление антитез, фактура которых не имеет аналогий в прошлом (уподобление пушечным выстрелам и др.); «вытеснение» метафорической антитезы из повествования в зачин (см. сербохорватский эпос, в отличие от болгарского, албанского, отчасти новогреческого и восточнороманского, а также от эпоса народов Кавказа); исчезновение утвердительной или вопросительной преамбулы и утверждение в эпосе отрицательного параллелизма как такового (см. замечательные былинные зачины типа «А й не сине море всколыбалоси,// А й взволновался да ведь Калин царь»); перенесение некоторых антитез в песни лирического характера (см., в частности, болгарские свадебные песни).

Пример с метафорической антитезой убеждает в перспективности сопоставительного изучения разноэтапных памятников славянских и неславянских народов для исторического освещения поэтики эпоса, при котором каждое из *последовательных* эстетических *состояний* предстает в своей непреходящей ценности.

[88] *В. Я. Пропп.* Морфология сказки. М., 1969, стр. 80.

[89] Например, в албанской песне, где герои скачут так, что идет дым и горят деревья (см. выше, стр. 297), или восточнороманской, где Груе видится «заревом красным» отец увозимой им девушки (см. выше, стр. 298). См. также объяснение болгарской песни: «та мгла, что виднеется,— это мать Марко» (см. стр. 292).

[90] В этом, между прочим, одна из важных причин выявленного Ю. И. Смирновым (в работе, на которую мы уже ссылались) интенсивного процесса утраты первоначальной атрибутивности повторяющимися описаниями в болгарском и особенно русском эпосе (чего совсем не видно в приведенных примерах из эпоса народов Сибири).

В. Е. ГУСЕВ

РОМАНТИЗМ В ПОЛЬШЕ И КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Борьба за национальную драматургию — одна из составных частей эстетической программы славянских романтиков. Между тем они не были удовлетворены состоянием современного им театра и испытывали, пожалуй, наибольшие трудности в создании подлинно национального репертуара. В этой области, как и в других сферах культуры, романтики искали опору в народных традициях, чем и обусловлено их внимание к народному кукольному театру (яселки, или шопка, в Польше, яслички, или бетлеем, в Чехословакии, вертеп на Украине и в России, батлейка в Белоруссии), а также к связанным с ним другим формам драматургии и народной поэзии (мистерии, диалоги, интермедии, коленды, пасторальки).

Примечательно, что славянские романтики, мечтая о национальном искусстве, обращаются к традициям не только своего, но и других, прежде всего родственных, народов. В этом отношении характерен польский романтизм, во многом использовавший опыт чешского и русского романтизма, обильно черпавший из сокровищницы украинского и белорусского фольклора. Принципиальное значение для польских романтиков имело сформулированное молодым С. Гощиньским общее понятие «славянства» и «славянской народной поэзии»; в статье «Новая эпоха в польской поэзии» (1835 г.) он призвал соотечественников обратиться к фольклору славянских народов, поскольку благодаря родству и общности истории, языков, обычаев и фантазии «поэзия каждого из них — есть наша» [1]. Применительно к драматургии аналогичную мысль особенно полно развил А. Мицкевич. Великий поэт в лекциях по славянской литературе, читанных в Париже в 1842/43г., утверждал, что «драма — наисильнейшая реализация художественной поэзии» в целом и должна вобрать в себя *«все стихии поэзии подлинно национальной»* [2]. Однако, обращаясь к предшествующей эпохе и к современности, Мицкевич дает беспощадную характеристику отечественной драматургии и сознает, что «очень трудно создать славянскую драму, которая бы соединила все стихии национальной поэзии» [3]. По мысли Мицкевича, национальная славянская драма должна быть одновременно и лиричной (напо-

[1] *S. Goszczyński.* Dzieła zbiorowe, t. III. Lwów, 1911, str. 308.
[2] *A. Mickiewicz.* Dzieła, t. XI. Warszawa, 1955, str. 116, 117.
[3] Там же, стр. 119.

миная прекрасные народные песни), и эпичной (по образцу сербского и черногорского юнацкого эпоса), она должна заиграть «на всех, самых различных струнах, пробежать все ступеньки поэзии, от *песенки* до *эпопеи*», а также использовать опыт народных рассказчиков и сказочников, которые умеют изобразить своих персонажей в действии [4]. В широкой программе создания синтетической драмы, вбирающей различные элементы славянского фольклора, Мицкевич, на первый взгляд, как будто пренебрег собственно драматической народной традицией. Однако автору «Дзядов» хорошо были известны и драматические элементы в народных обрядах, и повсеместно распространенные в Польше рождественские народные представления.

Анализируя лекции Мицкевича, академик Ю. Кшижановский отметил, что поэт в курсе 1840/41 г. «первый в истории культуры нашей обратил внимание на коленды» и дал им высокую эстетическую оценку [5]. Известно, что коленды весьма часто сопровождали народные представления. Не случайно сам Мицкевич вслед за колендами вспоминает и эти представления, дает им выразительное определение: «краткие мистерии». Передав в немногих словах их содержание, Мицкевич сообщает деталь, свидетельствующую о его непосредственных наблюдениях над народной природой яселек: «Почти везде появляются мазовецкие пастухи, разговаривающие на своем наречии». Краткое, но весьма сочувственное описание представления Мицкевич заключает важным выводом: «Это — малые драмы, созданные для народа и разыгрываемые по сей день во многих частях Польши» [6]. Мицкевич предполагал посвятить яселкам специальный разговор в своих лекциях, о чем свидетельствует его замечание: «Возвратимся к ним позднее, когда будем говорить об истории драмы в славянских странах» [7], однако по неизвестным причинам поэт не исполнил своего намерения. Во всяком случае, сам факт обращения Мицкевича в парижских лекциях к народному театру знаменателен. И не случайно почти век спустя об этом вспомнит и смело прокомментирует мысли Мицкевича известный польский режиссер, осуществивший замечательный опыт воссоздания народного театра: «Трехэтажная шопка, ее драматургия, охватывающая в себе

[4] *A. Mickiewicz.* Dzieła, t. XI, стр. 120, 123. Сходные мысли одновременно высказывал Э. Дембовский в статье «Несколько слов о самородной драматической поэме» (1943 г.): «Драма — венец поэзии», однако современная польская драматургия «весьма убога», каждый «хотел бы увидеть самородную драму», которая возникнет из народных истоков (песенных диалогов) и проникнется «высшей любовью народа» (*E. Dembowski.* Pisma, t. III. Warszawa, 1955, str. 314—324).

[5] *J. Krzyżanowski.* W świecie romantycznym. Kraków, 1961, str. 104.

[6] *A. Mickiewicz.* Dzieła, t. IX, str. 65—66.

[7] Там же, стр. 66.

всю совокупность народной поэзии и кончающаяся великим пророчеством,—разве не о таком театре мечтал Мицкевич в Collège de France!» [8]

Более непосредственно о значении кукольного театра (на этот раз украинского вертепа!) для своего творчества свидетельствовал создатель польской романтической драмы Ю. Словацкий. В письме к матери из Флоренции от 2 января 1838 г. он признавался: «...пришла мне на мысль большая бабушкина пекарня — челядь, поющая коленды, потом кременецкий вертеп, которому, быть может, я обязан своим шекспировским энтузиазмом...» [9]

Каково же было состояние шопки и вертепа во времена Мицкевича и Словацкого, какую роль сыграл польский романтизм в истории изучения кукольного театра братских народов, какое воздействие оказал он на творчество романтиков?

Часто цитируемое описание краковской шопки, появившееся в сборнике песен Ю. Конопки (1840 г.),— не первое свидетельство о кукольном театре в Польше. Ему предшествовали другие упоминания шопки как явления народной культуры. Так, Л. Голембовский указывал на обычай показывать «подвижные яселки» в XVIII в. Наряду со сценой рождества и «трех королей» он называет сцены, в которых действовали солдаты и где изображались их походы, забавы, любовные приключения и танцы, а также сцены с шинкаркой, евреем и дьяволом, с дедом и другими, которые в зрителях вызывали «смех, радостное возбуждение и крики», а это приводило к тому, что «собравшихся и показывающих разгоняли костельные слуги». После запрета епископом Чарторыжским кукольных представлений в монастырях яселки «перенесли в частные дома и в шинки» [10]. Хождение с шопкой и пение коленд учениками иезуитской школы в Познани отметил Й. Лукашевич, сопроводив свое известие замечанием, что этот обычай «хотя в определенном смысле обряд религиозный, но по существу относится к забавам карнавальным» [11]. Особенно же знаменательно, что на шопку обратил внимание уже в своем песенном сборнике К. Вуйцицкий. В примечании к старинной коленде он указал, что польские коленды чаще всего имеют религиозное содержание, так как старинные исчезли, а заменили их песни иные, сопровождающие яселку, «при которых разыгрывались диалоги» [12]. Позднее, описывая варшавские обычаи первой трети

[8] *L. Schiller*. Pastoralka. Warszawa, 1931, str. 204.
[9] «Pamiętnik Teatralny». Warszawa, 1960, z. 3—4, str. 415.
[10] *Ł. Gołębowski*. Lud polski, jego zwyczaje, zabobony... Warszawa, 1830, str. 280.
[11] *J. Łukaszewicz*. Obraz miasta Poznania, t. I. Poznań, 1838, str. 129.
[12] *K. Wł. Wójcicki*. Pieśni ludu Biało-Chrobatów, Mazurów i Rusi znad Buga..., t. I. Warszawa, 1836, str. 212.

XIX в., Вуйцицкий свидетельствовал, что в то время в польской столице было много шопок, причем «они имели в большей степени, чем теперь, национально-народный характер», изображая всегда одних и тех же персонажей, «как велела давняя традиция». Представление начиналось колендой, затем выступали краковские или мазовецкие парубки со своими «девахами», Малгожатка с гусаром, казачок-теорбанист (теорба — щипковый музыкальный инструмент), еврей-арендатор, колдунья, сбивающая масло, затем шли сцены с Иродом, смертью и дьяволом, а после них появлялись «венгр-словак», солдат с Андриховой, стройный гураль; завершал представление старый дед с торбой, собирающий вознаграждение у зрителей [13].

Интересно сопоставить с описанием Вуйцицкого характеристику варшавской шопки по воспоминаниям поэта и драматурга В. Шимановского, также относящимся к первым десятилетиям XIX в. Он подробно пересказал некоторые сцены и содержание традиционных песен, сопровождавших кукольное представление, заметив, что «во всех тех старых колендах и яселках... была видна история бедной народной жизни». В заключение к своей статье он дал общую восторженную оценку народному театру: «Как же там выразительно выступают и ярко рисуются разные сословия общества, разные пороки и добродетели!» [14] Так двумя старыми романтиками был воссоздан облик традиционной варшавской шопки [15].

Однако сказанное отнюдь не умаляет значения известного описания Конопки [16]. Более того, думается, что значение это по-настоящему до сих пор не оценено. Молодой собиратель народных песен находился под влиянием романтических увлечений фольклором, и его сборник краковских песен был одним из первых и ярких проявлений романтического фольклоризма. В предисловии издателя (Ю. Чех) повторяются характерные для той эпохи признания исключительной песенности славян и содержится призыв к собиранию их народных песен: «Теперь пришло время их тщательной записи, пока при высшей культуре, к которой все стремятся, их (славян.— *В. Г.*) облик и искон-

[13] *K. Wł. Wójcicki.* Społeczność Warszawy w początkach naszego stulecia (1800—1830). Warszawa, 1877, str. 146.

[14] *W. Szymanowski.* Szopka. «Tygodnik Illustrowany». Warszawa, 1860, t. I, N 15, str. 115/III, 116/I.

[15] В достоверности некоторых сцен в описании Вуйцицкого, как нехарактерных для Варшавы начала XIX в., усомнился К. Эстрейхер (Малгожатка и гусар, солдат и Андрихова, венгр-словак) (*J. Krupski.* Szopka Krakowska. Kraków, 1904, str. 93. Ян Крупский — псевдоним К. Эстрейхера, известного библиографа, библиотекаря Ягеллонского университета). В. Шимановский также относил сцену с Малгожаткой к новым, однако вспоминал о венгре «с маслами и славной помадой» как о фигуре, характерной для традиционной варшавской шопки (*W. Szymanowski.* Szopka, str. 115/III, 116/I).

[16] *J. K*[*onopka*]. Pieśni ludu krakowskiego. Kraków, 1840, str. 85—86.

ные черты еще не стерлись»[17]. Вместе с тем в предисловии делается попытка выделить среди всех славянских песен, преимущественно грустного характера, песни краковские, которые отличаются «веселостью».

Нет необходимости ни говорить о сборнике Конопки в целом, ни приводить целиком известное описание краковской шопки. Отметим лишь те мысли самого Конопки, которые забыты в научной литературе. Обычай показывать шопки Конопка определял как принадлежащий «к главным обрядам» польского народа. Хотя Конопка разделяет господствовавшее тогда мнение, что шопка вышла из монастырских стен, он делает сильный акцент на народность шопки, которая «в народе нашла бессмертный приют». Особенно важно подчеркнуть впервые высказанное предположение, что именно в шопке «были, быть может, начала драматического искусства» в Польше. Конопка первый также обратил внимание на различия между городской и сельской шопкой («Есть два рода яселек, один — городской, другой — сельский») и отметил основное — «при сельской шопке хлопцы поют коленды, в городе же каждая фигурка особо говорит и поет». Замечательно также, что, описывая сценарий кукольного представления, Конопка на первый план выставляет не религиозный сюжет, а бытовые комические сцены, которым и уделяет основное внимание. Среди перечисленных им фигур — украинец со своей «сударыней», немец и немка, еврей и еврейка, краковяк с подругой, шумный Копеняк с толстой палицей, самоотверженный солдат, ведьма, сбивающая масло, дьявол, выпивающий у нее сметану, и, наконец, завершающий представление дед с торбой[18].

Анализ сцен краковской шопки произвел К. Эстрейхер, выделив из описания Конопки и из воспоминаний драматурга В. Анчица эпизоды, не сохранившиеся в середине XIX в. (вентр с маслом, немец и немка, цыган с медведем, ведьма, сбивающая масло), а также сцены, бытовавшие ранее, вероятно, не в Кракове, а в подкраковских деревнях (бродячий работник, похищение еврея и еврейки дьяволом)[19]. Первый текст, записанный самим Эстрейхером в Кракове около 1848 г. и переданный позже для публикации В. Анчицу[20], позволяет установить некоторые другие изменения в системе образов краковской шопки приблизительно за десятилетие, отделяющее эту запись от опи-

[17] *J. K.*[*onopka*]. Pieśni ludu krakowskiego, str. III.
[18] Там же, стр. 86.
[19] *J. Krupski.* Szopka Krakowska, str. 92. Отметим как курьез предположение Эстрейхера, будто Конопка собирал свои песни в 20-е годы (там же, стр. 91). Это было невозможно по той причине, что Конопка родился в 1818 г.! Следовательно, записывал он их в конце 30-х годов.
[20] Там же, стр. 8 — 9. Текст опубликован В. Анчицем в изд.: «Tygodnik Illustrowany». Warszawa, 1862, t. V, N 135, str. 166 — 170.

сания Конопки: исчезла характерная фигура Копеняка, появились новые персонажи (Твардовский, гурали, улан, сапер, офицер, гетман, раввин). Однако некоторые сцены, отмеченные Эстрейхером как несохранившиеся, встречаются в тексте шопки, бытовавшей в сельской местности под Краковом (цыган с медведем, колдунья, сбивающая масло, венгр) [21].

Сопоставляя приведенные описания польской (варшавской и краковской) шопки первой половины XIX в., можно заметить, в частности, одну характерную особенность ее, которая не могла не привлечь внимания романтиков,— ее своеобразный этнографизм, обилие сцен, где выступали персонажи, представляющие разные народы с характерными для них занятиями и исполнявшие свои национальные танцы. В этом социально-этнографическом калейдоскопе особый интерес вызывают фигуры украинцев или казаков, говорящих по-украински и поющих украинские песни (вспомним в связи с этим увлеченность польских романтиков украинской тематикой). Позволю себе высказать предположение, что эти фигуры в польской шопке появились, возможно, как следствие взаимодействия ее с украинским вертепом (о котором далее). Другим характерным персонажем был так называемый венгр (мадьяр), продающий обычно ароматические или целебные масла. Облик, занятие и реплики этого персонажа не оставляют сомнения, что под именем венгра выступал словак (словаки проживали тогда на территории Австро-Венгрии, и имелась в виду не этническая, а государственная принадлежность этого персонажа). Не случайно Вуйцицкий в своем описании именовал его «венгром-словаком». Является ли эта фигура непосредственным воспроизведением типа бродячего торговца-словака или появилась в результате взаимодействия польской шопки и словацкого бетлеема — ответ на этот вопрос требует специального изыскания [22]. Из национальных типов польской шопки выделим постоянно фигурирующего в приведенных описаниях деда с торбой, завершающего представле-

[21] *O. Kolberg*. Lud. Serya V. Kraków, 1871, str. 200 — 205. Кольберг, близко знавший Конопку и его описание, принял деление шопки на городскую и сельскую и наряду с перепечаткой текста Эстрейхера поместил текст шопки из сельской местности под Краковом.

[22] Косвенным доводом в пользу второго предположения может служить тот факт, что словацкие бродячие ремесленники сами представляли рождественские пастушьи сценки во время своих странствований и передавали свой репертуар соседним славянским народам (*O. Sirovatka*. Pastýrské koledný hry na Valašsku. «Naše Valašsko», 14 (1951), str. 116—117, 122; *он же*. Česka lidová slovesnost a její mezinárodní vztahy. «Rozpravy Československé Akademie věd», 1967, r. 77, sešit 15, str. 21—22; *R. Žatko*. Príspevky k študiu slovenských bethlehemských hier. «Slovenský národopis», 1956, N 4, str. 39, 43). О самих словаках — бродячих ремесленниках и их занятиях, объясняющих образ «словака-венгра», продающего масла, см.: *R. Žatko*. Postavy slovakov v polskich a bieloruskich ludovych bábkovych hrách. «Slovenský národopis». Bratislava, 1962, N 10, str. 31 — 66.

ние. Это — характерный для народной жизни тип бродячего нищего, привлекавший внимание польских романтиков; ему посвятил специальный очерк Ю. Крашевский, рассказавший о его образе жизни, о месте и роли его в народном быту, об особом отношении к нему народа [23].

Как следует из всех описаний шопки (а также из приведенных в начале доклада высказываний Мицкевича и Словацкого), от нее были неотделимы коленды. Интерес к последним в первой половине XIX в. был весьма значительным, и связь яселек с ними хорошо осознавалась деятелями эпохи романтизма. Коленды получили высокую эстетическую оценку в некоторых статьях, опубликованных в журнале «Друг народа», издававшемся в Лешно и бывшем первым фольклорно-этнографическим изданием романтиков. В нем вслед за программной статьей «Нечто о духе простонародной поэзии» (1837, № 10) была опубликована статья «Отрывок о великопольской музыке», где кантычкам (сборникам коленд) отводилось первое место среди памятников отечественной музыки и где отмечалась их «давняя наивная веселая простота» [24]. Колендам уделено было большое внимание в статье «Несколько слов о музыке костельной и народной в Польше», где возникновение коленд относится к XVI в. и где они характеризуются как «безусловно народные» и противопоставляются лишенным оригинальности песням, возникшим под влиянием «злоупотребления латынщиной» [25].

Я. Майоркевич, воспринимая фольклор в целом как выражение «духа народного», особо выделил те религиозные песни, которые «полны веселости», и утверждал: «Наш народ привнес воодушевляющие его чувства даже в религиозные песни» (в эстетическом отношении колендам он отдавал предпочтение перед старинными колядками и пасторальками) [26]. А. Грабовский, проявлявший интерес к истокам театра, указывал обычай обходов домов с колендами, музыкой, песнями и считал, что именно этот обычай дал начало диалогам, а затем и сценическим представлениям [27].

Наиболее полным и классическим собранием коленд оказался сборник М. Миодушевского, существенно дополнявший описание Конопки и давший впоследствии обильный материал собирателям и исследователям шопки для комментариев соответ-

[23] *J. I. Kraszewski.* Dziady i baby. «Tygodnik Petersburski», 1839, N 85, str. 482 — 484. Выразительное описание традиционного шопкового деда оставил В. Шимановский (*W. Szymanowski.* Szopka, str. 115/III).

[24] «Przyjaciel Ludu». Lieszno, 1837, N 23, str. 178.

[25] Там же, 1838, № 42, стр. 331.

[26] *J. Majorkiewicz.* Hystorya, literatura i krytyka. Warszawa, 1847, str. 39, 78—80, 99, 106—109.

[27] *A. Grabowski.* Starożytności Historyczne Polskie... Kraków, 1840, str. 100—101.

ствующих текстов[28]. К. Эстрейхер, указавший, в частности, на большое число схождений между этим сборником и текстом краковской шопки конца 40-х годов, не без основания предполагал, что некоторые эпизоды кукольных представлений появились как инсценировки текста коленд[29].

Характерно, что в польской печати публиковались не только польские коленды, но и украинские и белорусские коляды, сюжетно повторяющие кукольные представления у восточных славян. Так, среди фольклорных материалов, публиковавшихся в «Агенеуме» Ю. Крашевского, приводится и пространная коляда о рождестве, явно иллюстрирующая соответствующие сцены украинского вертепа[30]. Среди песен белорусов-полещуков находим целый раздел песен колядных, в том числе и типично батлеечные, например «Максим стары, бородаты испужаўся, уцек з хаты», где фигурируют два пастуха-белоруса из Дивин (местечко возле Кобрина в Брестском воеводстве)[31].

Что касается самих вертепа и батлейки, то описаний и упоминаний о них, непосредственно относящихся к первой половине XIX в., значительно меньше. Тем больший интерес представляют эти немногие материалы. Среди них выделяются сведения об украинском вертепе, сообщенные Э. Изопольским. Появление их в «Атенеуме» Крашевского нельзя считать случайным. Сам издатель, известный писатель-романтик, проявлял особый интерес к фольклору украинцев и белорусов. Еще в «Воспоминаниях о Волыни, Полесье и Литве» он восторженно отзывался о народных песнях полещуков: «Какая в них поэзия! Какое простое и сильное выражение... из сердца вырывали (они) веселье или печаль, ибо их пели, а не писали, родили, а не сочиняли»; здесь же Крашевский заметил, что многие образы местного фольклора имеют общий источник для всех славян и большая часть образов и сюжетов известна и другим славянским народам, в них лишь вносился местный колорит[32]. Крашевский щедро предоставлял страницы своего издания фольклорно-этнографическим материалам,

[28] «Kolędy z melodyjami czyli piosenki wesołe ludu w czasie świąt Bożego narodzenia po domach śpiewane a przez MMM [ioduszewskiego] zebrane». Kraków, 1843. Любопытно, что сам Конопка, указавший на сопровождение шопки колендами, вслед за описанием шопки опубликовал 18 текстов, никак тематически не связанных с представлением.

[29] *J. Krupski.* Szopka Krakowska, str. 94 — 96.

[30] «Athenaeum». Wilno, 1843, N 5, str. 49.

[31] «Piosenki gminne ludu Pińskiego». Zbierał i przykładał R. Zieńkiewicz. Kowno, 1851, str. 6—10. Характерно, что издатель различает эту и другие коляды от песен собственно религиозного содержания, которые выделяет в другой раздел. Ср. коляду «Стары Восип бородаты...» в сб. П. Бессонова «Белорусские песни» (М., 1871, стр. 77).

[32] *J. I. Kraszewski.* Wspomnienia Wolynia, Polesia i Litwy, t. I. Wilno, 1840, str. 177 — 179.

в частности по украинскому фольклору. Одновременно обращает на себя внимание и интерес Крашевского к драматургии. В четвертом номере он опубликовал свою пьесу о Яне Непомуцком, там же, помещая свою рецензию на книгу Вуйцицкого «Старые повести и картины» (1840 г.), упрекнул автора в том, что тот пренебрег старопольской драмой, и считал, что материал «следовало расширить и некоторыми картинами, которые мы там и сям видели в интермедиях и диалогах»[33]. О взглядах самого Крашевского на судьбы театра в Польше скажем ниже, сейчас же обратимся к статье Изопольского, вызвавшей позднее научную дискуссию.

Сведениями Изопольского доверчиво пользовались крупнейшие исследователи XIX—начала XX в. Впервые свидетельство Изопольского о том, что он видел вертеп, датированный 1591 г., назвал неправдоподобным Эстрейхер[34]. Но особенно резкой критике подверг Изопольского И. Франко, усомнившийся в достоверности буквально всех сообщаемых сведений, категорически заявив, что необходимо «раз и навсегда вычеркнуть фантазии Изопольского из материалов к истории украинского вертепа»[35]. Однако столь суровый приговор нельзя считать справедливым. Более объективной представляется оценка Е. Марковского. Разделяя сомнения в датировке старейшего вертепа и соглашаясь с И. Франко в том, что приводимый Изопольским польский текст нельзя считать фольклористическим документом, Марковский убедительно защищает Изопольского от остальных обвинений (в частности, в свете других материалов доказывает достоверность описания устройства вертепа)[36]. Подлинную ценность в очерке Изопольского представляет, разумеется, не его стихотворное переложение, а пересказ основных эпизодов вертепной драмы и в первую очередь эпизода о богаче и Смерти. Но и переложением этого эпизода не следует пренебрегать, если подойти к нему не как к фольклористическому материалу, а как к одному из первых опытов обращения к народному театру в истории польской поэзии (независимо от литературной ценности этого опыта) и в этом смысле рассматривать его как факт, характеризующий то влияние, какое имела «украинская школа» в польском романтизме. Сам Изопольский, собственно, и не выдавал свое переложение за подлинный текст и тут же, вслед за своим сочинением, сообщил и пересказ соответствующего эпизода вертепной драмы: «Богач пляшет и вызывает Смерть, чтобы та взяла у него выкуп за жизнь; Смерть трижды ему отказывает; после первых двух

[33] «Athenaeum». Wilno, 1841, N 4, str. 196.
[34] *J. Krupski.* Szopka Krakowska, str. 4, примечание.
[35] *Ів. Франко.* До історії українського вертепу XVII—XVIII віку. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. LXXII, кн. IV. Львів, 1906, стр. 17.
[36] *Є. Марковський.* Український вертеп, вип. I. Київ, 1929, стр. 3—5.

раз только предостерегает, чтобы он исправился, на третий сечет ему косой голову. Сцена кончается борьбой Ангела с чертями за душу богача, в которой побеждают черти. В этом представлении разговор ведется целиком прозой, содержание и последовательность мыслей я верно сохранил в прилагаемой вертепной драме» (в стихах) [37]. Не представляется возможным установить, насколько стихи Изопольского действительно точно соответствовали украинскому подлиннику, но и приведенный краткий пересказ сцены считаем достаточно достоверным и важным для истории народного театра. Примечательно, что даже Франко, ссылаясь на В. Гнатюка, не подверг сомнению то, что такая сцена в украинском вертепе существовала [38]. Марковский приводит другую параллель, ссылаясь на эпизод в драме про богача и Лазаря, опубликованной И. Франко и В. Перетцом [39].

Сцена о богаче и Смерти имеет несколько драматических параллелей. В польской интермедии старец просит бога послать ему смерть, приходит сама Смерть с косой, но старец умоляет отложить казнь, выпрашивая время для молитвы; Смерть разрешает ему сказать слово, но старец оттягивает роковую минуту «бесконечным» монологом [40]. Ю. Кшижановский установил, что этот диалог восходит к средневековому моралите, основанному на басне Эзопа и осложненному народным мотивом [41]. Реминисценции этого диалога встречаются в «Разговоре магистра со Смертью» и позднее — в «Купце» М. Рея [42]. Как отмечает Ю. Леваньский, непосредственным источником интермедии «Старец и Смерть» было народное польское моралите XVI в., в видоизмененном виде известное в карнавальных представлениях XVII и XVIII вв.[43] В кукольном народном театре славянских народов этот мотив претерпел существенные изменения. Религиозная мораль здесь является лишь оболочкой для выражения социально-утопических чаяний народа. Появление этого сюжета в «Атенеуме» следует признать важным фактом в истории фольклористики и характерным эпизодом для польского романтизма. В польском и русском кукольном театре (и в позднейших украинских текстах) фигура богача слилась с образом Ирода и соответствующий текст был перенесен в кульминационный эпизод вертепной драмы. В польском вертепе Ирод торгуется со Смертью,

[37] *E. Izopolski.* Dramat wertepowy o śmierci. «Athenaeum». Wilno, 1843, N 3, str. 65 — 66.
[38] *Ів. Франко.* Указ. соч., стр. 13.
[39] *Є. Марковський.* Указ. соч., стр. 3.
[40] «Dramaty staropolskie. Antologia». Opracował J. Lewański, t. I. Warszawa, 1959, str. 639 — 646.
[41] *J. Krzyżanowski.* W wieku Reja i Stańczyca. Warszawa, 1958, str. 91.
[42] Там же, стр. 193.
[43] *J. Lewański.* Studia nad dramatem Polskiego Odrodzenia. Wrocław, 1956, str. 180 — 181.

пытаясь откупиться и отсрочить казнь, но Смерть неумолима[44]. Подобный диалог Ирода и Смерти (торг об отсрочке казни) в опубликованных текстах украинского и белорусского кукольных представлений отсутствует (он известен лишь более позднему украинскому «живому вертепу»), но встречается в русском вертепе[45], где появился независимо от польской шопки (с которой русский театр непосредственно не связан) и от украинского вертепа в результате воздействия на русский кукольный театр русского народного диалога «Аника и Смерть»[46]. Сходство польской шопки и русского вертепа в данном случае оказалось явлением вторичного порядка и итогом сходного параллельного развития двух национальных традиций, восходящих, однако, к одному источнику — средневековому латинскому диалогу.

Возвращаясь к статье Изопольского, следует заметить, что она была в сущности единственным современным польскому романтизму описанием украинского вертепа, появившимся на польском языке[47]. Однако само состояние вертепной драмы первой половины XIX в. может быть воссоздано на основании более полных описаний и текстов украинских этнографов и фольклористов. Польским романтикам мог быть известен текст украинского вертепа, опубликованный Н. Маркевичем в 1860 г. и существовавший в рукописи уже в 40-х годах XIX в., как это доказал Е. Марковский[48]. Другой текст, опубликованный П. Галаганом в 1882 г., восходит к устойчивой традиции в с. Сокиренцы, идущей от XVIII в.[49]; журнальная публикация была неполным воспроизведением рукописи, причем сохранившаяся запись 1843 г. дает особенно достоверное представление об облике украинской вертепной драмы в 30—40-е годы XIX в., а также содержит ценные свидетельства о существовании других вариантов и других сцен[50]. Сопоставление трех источников — публикации Маркевича и двух рукописных текстов сокиренского вертепа — позволяет установить характер украинского кукольного театра в рассматриваемую эпоху и отличие вертепной драмы от польской шопки. Наряду со сценами и персонажами, общими для той и другой,

[44] См. текст К. Эстрейхера, опубликованный Анчицем, а также: *M. Janczyk*. Szopka w Kornicy. «Wisła», 1888, t. II, str. 739.

[45] «Известия Отделения русского языка и словесности». СПб., 1908, т. XIII, кн. 2, стр. 71 — 75.

[46] См. об этом в нашей работе «Взаимосвязи русской вертепной драмы с белорусской и украинской» (сб. «Славянский фольклор». М., 1972).

[47] Описанию Изопольского предшествовали лишь редкие упоминания об украинском вертепе (см., например: «Tygodnik Petersburski», 1839, N 67, str. 385).

[48] *Н. Маркевич*. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860, стр. 27—64; датировку см.: *Є. Марковський*. Указ. соч., стр. 29.

[49] *П. Галаган*. Малорусский вертеп... «Киевская старина», 1882, X, стр. 9.

[50] *Є. Марковський*. Указ. соч., стр. 21—22, 40—111.

в вертепе появляются иные — украинские дед и баба, поляк и его жена-полтавка, хлопчик, запорожец, Феська-шинкарка, Клим и его жена, дьяк и его ученик Иванец, артиллерист и мужик, русский солдат и красавица, поп-униат, а также представители мира животных — коняка, гадюки, свинья, коза. Яркое своеобразие украинского вертепа проявилось не только в оригинальной системе персонажей, но и в том, что религиозная и светская части оказались четко разграниченными, составившими два самостоятельных акта, в отличие от интермедийного характера бытовых сцен польской шопки. Польские романтики, проявившие обостренный интерес к украинскому фольклору, имели возможность познакомиться с национальной традицией братского народа в области кукольного театра, и описанный выше его тип дает косвенное представление о том вертепе, какой видел юный Словацкий в Кременце.

Беднее, хотя тоже поддается реконструкции, картина, иллюстрирующая состояние белорусской батлейки. Сведения о ней появляются в печати с 1840-х годов [51]. Первое наиболее обстоятельное описание ее оставил И. Еремич, упомянувший и сцену с «тщеславным богачом», которого казнит Смерть, — сцену, аналогичную той, что была пересказана Э. Изопольским [52]. Описание Еремича интересно тем, что в нем наибольшее место занимают бытовые комические сцены, которые предшествуют немногим религиозным эпизодам (бегство в Египет, сцена Ирода и Рахили) и которыми завершается все представление (такая композиция отличает батлейку и от польской шопки, и от украинского вертепа). Особенно ценно свидетельство П. Бессонова: «До последнего польского восстания (1863 г.— *В. Г.*) не было на Белой Руси порядочного околодка, на который не приходилось бы хоть по одному... ящику, наследованному исстари, починенному или вновь сколоченному... нет почти местности, особенно в деревне и селе, где хоть раз в Коляду не было отправлено описанное нами представление в том или другом виде». В своем подробном описании кукольных представлений в Белоруссии, относящемся, таким образом, к середине XIX в., Бессонов выделяет народные сцены, в которых действуют белорусский хлоп и пан, еврей, доктор, учитель, литвин, цыган с лошадью, сцены с журавлем и медведем, а также апокрифическую, сильно переработанную сцену о Соломоне и Марольфе [53]. Все это позволяет сделать вывод, что национальное своеобразие белорусского кукольного театра

[51] «Могилевские губернские ведомости», 1842, № 2, приложение; *П. Шпилевский*. Белорусы в характерных описаниях. «Пантеон», 1856, № 4, стр. 306.
[52] *И. Еремич*. Очерки Белорусского Полесья. «Вестник Западной России», 1867, т. IV, кн. 10, отд. IV, стр. 8 — 9.
[53] *П. Бессонов*. Белорусские песни, стр. 79 — 80, 99, 105.

обозначилось уже в первой половине XIX в.[54] Непосредственными свидетельствами о знакомстве польских романтиков с батлейкой мы пока не располагаем, но трудно представить, чтобы при столь большой ее популярности, о какой писал Бессонов, деятели польской культуры, тесно связанные с Белоруссией, не знали бы о ее существовании.

Для полноты картины напомним, что в первой половине XIX в. появились и первые описания русского вертепа в Сибири, занесенного сюда украинскими семинаристами в начале XVIII в. Польским романтикам во всяком случае могли быть известны опубликованные в годы их увлечения народным театром воспоминания К. Авдеевой и Н. Полевого о судьбах вертепа и о его большой популярности в Иркутске в конце XVIII — начале XIX в.[55] Позднее появившиеся в печати описания Н. Щукина и И. Калашникова также относились к началу XIX в.[56] В своей совокупности все эти свидетельства позволяют воссоздать процесс постепенного обрусения вертепа в Сибири и вместе с тем установить сохранившиеся в нем украинские и польские элементы (Щукин писал о «комедии... из малороссийского или польского быта», Калашников — об исполнении польских песен).

На основании приведенных данных можно утверждать, что в первой половине XIX в. кукольный театр в Польше, на Украине и в Белоруссии был весьма распространенным и живым явлением народного быта и что уже тогда определились черты его национального своеобразия у каждого из братских народов. В эпоху романтизма появились первые описания кукольного театра и публикации текстов, он стал объектом пристального внимания интеллигенции, воспринимавшей его не только как исторический памятник, но и как явление современной народной культуры, как один из истоков национального искусства[57].

[54] См. также: *Г. І. Барышаў, А. К. Саннікаў.* Беларускі народны театр «батлейка» і яго ўзаемасувязі з рускім «вяртэпам» і польскай «шопкай». Мінск, 1963.

[55] [*Е. А. Авдеева*]. Записки и замечания о Сибири, с приложением старинных русских песен. М., 1837, стр. 57 — 59; *Н. А. Полевой.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии. «Репертуар», 1840, кн. II, стр. 2 — 3.

[56] *Н. Щукин.* Вертеп. «Вестник императорского Русского географического общества», 1860, т. 29, отдел «Смесь», стр. 35; *И. Т. Калашников.* Записки иркутского жителя. «Русская старина», 1905, № 7, стр. 204 — 205; см. также: *В. Н. Перетц.* Кукольный театр на Руси. «Ежегодник императорских театров на 1894 — 1895 гг.» СПб., 1895.

[57] Это подтверждает и дополняет ту общую характеристику, какую дал романтической фольклористике Р. Гурский (*R. Górski.* Ludoznawstwo epoki Mickiewicza. «Ludowość u Mickiewicza». Warszawa. 1958, str. 31).

* * *

В эпоху польского романтизма, особенно на последнем его этапе (50-е — начало 60-х годов), ставятся важные для науки проблемы происхождения и развития народного театра, которые будут занимать не одно поколение исследователей и которые не могут считаться вполне выясненными до сих пор. Некоторыми романтиками была принята версия Е. Китовича о возникновении шопки из неподвижных костельных яселек после запрещения кукольных представлений в монастырях, причем этот переход относился к XVIII в. (Голембовский, Конопка и др.) [58]. Такой взгляд был усвоен и большинством польских исследователей второй половины XIX — начала XX в.[59], его разделяли К. Эстрейхер и А. Фишер [60]. Однако наряду с этой гипотезой в эпоху романтизма возникла и другая — о более раннем происхождении шопки и о непосредственной связи ее со средневековыми мистериями. Еще Вуйцицкий приурочил описание шопки как сложившегося явления народного театра к середине XVII в. и утверждал, что «в шопках... наидавнейшие следы наших диалогов... Кто внимательно послушает песни, тот найдет старые, трехсотлетней давности напевы» [61]. Из последних слов можно предположить, что Вуйцицкий склонен был относить возникновение шопки даже к XVI в., хотя пока об этом он прямо и не говорит. Со средневековыми мистериями, связывал шопку и Ц. Норвид (ссылаясь, кстати, на исследование Вуйцицкого): «Кто хочет иметь о них (мистериях.— *В. Г.*) представление более живое, пусть разыщет их характер в наших яселках, которые являются последним отражением той же старой драматической конценции...» [62]

С традициями первой половины XVII в. связывал шопку и Крашевский. Он полагал, что в Польше драматическая литература переживает с середины XVII в. «полный упадок, из которого она не может подняться до сих пор» [63]. Выясняя причины этого упадка (что он сам определил как «важный вопрос»), Крашевский ищет их в условиях общественной жизни Польши XVII—XVIII вв., указывает на отрицательную роль церкви, на слабое

[58] *J. Kitowicz.* Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. Poznań, 1840—1841. Ср.: *Ł. Gołębowski.* Lud polski, jego zwyczaje, zabobony..., str. 280. Голембовский был знаком с воспоминаниями Китовича до их опубликования (*G. Korbut.* Literatura Polska od początków do wojny światowej, t. II. Warszawa, 1929, str. 144).

[59] См.: *H. Jurkowski.* Dzieje teatru lalek. Warszawa, 1970, str. 74—75.

[60] *J. Krupski.* Szopka Krakowska, str. 6, 124; *A. Fischer.* Polskie widowisko ludowe. «Lud», t. XIX. Lwów, 1919, str. 34. Из современных авторов см.: *R. Reinfuss.* Szopke krakowskie. Kraków, 1958, str. 5—6.

[61] *K. Wł. Wójcicki.* Teatr starożytny w Polsce, t. I. Warszawa, 1841, str. 44—45.

[62] *C. K. Norwid.* Pisma wybrane, t. 4. Warszawa, 1968, str. 319.

[63] *J. I. Kraszewski.* Gawędy o literaturze i sztuce. Ciąg pierwszy. Lwów, 1857 str. 123.

развитие городской культуры и т. п.[64] Известный исследователь истории польской драматургии Л. Леваньский ставит в упрек Крашевскому недооценку народного театра[65]. Он прав, когда отмечает критическое отношение Крашевского к старому польскому театру и дифференцированный подход Крашевского к театру придворному и «популярному» (по терминологии исследователя)[66], однако, думается, не вполне точен, когда пишет, что Крашевский «высоко оценил наивный реализм религиозного диалога»[67]. Отметить лишь это — недостаточно. У Крашевского речь идет не только и не столько о религиозном диалоге, сколько о собственно шопке, о народном театре в целом. Он связывал последний со «старым обычаем драматических представлений», от которых «остались лишь шопка и яселки... маленький народный театрик...»[68] Шопка, по Крашевскому, «одновременно зародыш большой драмы и комедии». Обращая внимание на упадок театра в шляхетской Польше, Крашевский вместе с тем считает, что «живой театр» развивался в Сечи, в степи, на границе польского государства, на сеймах и сеймиках и т. п.[69] Крашевский дал обстоятельное описание шопки, пересказал содержание представления, охарактеризовал персонажей. Высоко оценил он сопровождающие представления диалоги, где «сильная народная фантазия изображала злоупотребления и злодеяния выразительными чертами», а также мастерство кукольников, которые «с подлинным воодушевлением исполняли свое дело и возбуждали искренний смех остроумием, не лишенным легких намеков на современность»[70]. Критически относясь к придворному театру, к школьной драме, Крашевский выделил «неуклюжую, но живую народную, или простонародную, комедию»[71]. Все это бесспорно свидетельствует не о недооценке Крашевским народного театра, а, напротив, о том, что только в народном театре он видел продолжение подлинно национальной традиции, идущей от первой половины XVII в.

Особый интерес представляет забытая оригинальная концепция Вуйцицкого, на которую позднейшие исследователи не обратили должного внимания. В специальной статье, посвященной кукольному театру, он утверждает, что шопка — «один из наиболее старых памятников прошлого», что в XVI в. сложился ее «древнейший тип»; более того, теперь Вуйцицкий не выводит

[64] Там же, стр. 126, 136.
[65] *J. Lewański.* Popularny dramat i teatr Polskiego Odrodzenia. «Odrodzenie w Polsce». Warszawa, 1956, str. 329, 462.
[66] *J. Lewański.* Studia nad dramatem Polskiego Odrodzenia. Wrocław, 1956, str. 67—68.
[67] Там же, стр. 69.
[68] *J. I. Kraszewski.* Gawędy of literaturze i sztuce, str. 127.
[69] Там же, стр. 139.
[70] Там же, стр. 127—128.
[71] Там же, стр. 198.

шопку из мистерии, как он это делал в своем «Старинном театре в Польше», а, наоборот, полагает, что кукольные представления «предшествовали... не только мистериям, но и всяким религиозным диалогам», что именно «шопка дала им начало»[72]. Вуйцицкий настойчиво повторяет свое заключение и утверждает, что шопка оказалась более близким народу и потому более жизнеспособным явлением, чем мистерии и религиозные диалоги. «Поскольку шопка соединилась с жизнью народа, — развивал свою мысль Вуйцицкий, — это и служит лучшим доводом тому, что она существовала наряду (параллельно.— *В. Г.*) с позднейшими мистериями и диалогами, но что оба эти вида продержались лишь некоторое время»[73].

Сколь ни парадоксальным кажется такое предположение, однако им нельзя просто пренебречь, если принять во внимание близкую гипотезу И. Франко, высказанную и обоснованную им независимо от Вуйцицкого, согласно которой кукольный театр у славянских народов развивался первоначально как светское кукольное представление, независимо от церковных представлений, и только позже, в эпоху Реформации XVI—XVII вв., происходит слияние светской кукольной игры и религиозной рождественской драмы[74].

Вуйцицкий предпринимает первую попытку воссоздать историю шопки, в которой он различает несколько периодов: а) древнейший тип XVI в., когда сложились основная часть шопки и система ее персонажей (два пастуха, три короля, Ирод, избиение младенцев, среди которых оказывается и сын Ирода, призыв Иродом Смерти, которая сечет ему голову, а черт уносит Ирода в пекло); б) появление в начале XVII в. интермедийных сцен и новых образов — ведьмы, еврея и еврейки, словака, деда с торбой и др.; в) насыщение в конце XVII в. воинскими сценами и военно-патриотическими мотивами (появление Яна III, гусара и конников, рассказа о победе над турками; три короля уступают место Яну III, королевская дружина марширует с песнями и т. п.). В последующий период сельская шопка сохранила основные черты и «всю простоту» представлений XVII в., в провинции также удержала первоначальные черты и типичные образы. В больших городах, в частности в Варшаве, шопка утратила свой традиционной характер (привнесение сцен и персонажей из театральных представлений, появ-

[72] *K. Wł. Wójcicki.* Szopka. «Kłosy», 1866, t. II, N 30, str. 351/III.

[73] Там же, стр. 352/III.

[74] *Ів. Франко.* Указ. соч. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1906, т. LXXI, кн. III, стр. 35, 39, 42; т. LXXII, кн. IV, стр. 13. Ранее Вуйцицкого взгляд на кукольный театр как на древнейшее явление славянской культуры высказал Ю. Сикорский, который различал «две категории яселек — религиозную и светскую» и предполагал, что уже краковские «римарии» в середине XIV в. могли давать кукольные представления (*J. Sikorski.* Jasełka. «Pamiętnik muzyczny i teatralny». Warszawa, 1862, N 4, str. 54—55).

ление декораций и т. п.)[75]. Позже Вуйцицкий воссоздал облик традиционной варшавской шопки начала XIX в.[76]

Несмотря на очевидную гипотетичность построения Вуйцицкого, заслуживает внимания сама по себе идея исторической эволюции шопки. Что же касается идеи молодого Вуйцицкого, Норвида и Крашевского о связях шопки не с костельными яселками XVIII в., а с более ранними мистериями, то она не была беспочвенной. Во всяком случае, некоторые современные исследователи кукольного театра снова склоняются к этой мысли, ее особенно настойчиво отстаивает в своей монографии Г. Юрковский, также датирующий появление шопки XVI в., а ее расцвет относящий к XVII в.[77] Таким образом, проблема, поставленная романтиками, остается актуальной и поныне, тем более если учесть, что вопрос об истоках и истории шопки до сих пор остается спорным и современные исследователи осознают трудности разрешения проблемы[78].

Романтики первые заметили происходящую на их глазах эволюцию традиционной шопки, отнесясь, впрочем, к этому поразному. Об изменениях в шопке во второй половине XIX в. сравнительно с первыми десятилетиями писал не только Вуйцицкий. Об этом же сокрушался и В. Шимановский: он указал на ряд новых сцен, заимствованных из театра и книг (разбойник с панной, краковская свадьба, бедный рыбак, распевающий варшавские песенки, кустарь-проволочник с репертуаром из новогоднего календаря), и отметил исчезновение некоторых традиционных сцен (поклонение Христу), изменение облика Ирода, ставшего похожим на карточного короля. Шимановский сожалел, что в Варшаве угасает традиция шопковских песен, что не везде сохранился дед с торбой (его показывают лишь на окраинах, в «цивилизованной» же шопке его заменил монах), а с дедом исчезают и старые шутки[79]. Большую эволюцию в кукольных представлениях отметил и Анчиц. Он апеллирует к памяти читателей-сверстников и приглашает их вспомнить то время, «когда яселки занимали юное воображение сильнее, чем теперь лучшие драматические шедевры». Анчиц исходит из того, что шопка существовала уже в XVI и XVII вв., но считает, что шопки XIX в. очень отличаются от традиционных: исчез ряд персонажей — конфедерат, шляхтич, церковник

[75] *K. Wł. Wójcicki.* Szopka, str. 352/I—352/III.
[76] *K. Wł. Wójcicki.* Społeczność Warszawy..., str. 146.
[77] *H. Jurkowski.* Dzieje teatru lalek, str. 65, 76—77.
[78] См.: *R. Wierzbowski.* Z zagadnień polskiej szopki kolędowej i satyrycznej. «Zeszyty naukowe Universytetu Lódzkiego». Serja I, z. 41. Lódz, 1965, str. 47; *H. Kapeluś.* Jasełka. «Słownik Folkloru Polskiego». Warszawa, 1965, str. 149—151.
[79] *W. Szymanowski.* Szopka. «Tygodnik Illustrowany», 1860, t. I, N 15, str. 115/III.

(klecha), а также несколько сцен, которые он видел еще в детстве, но «прибавилось много новых сцен, появились события, совсем недавно происшедшие, новые фигуры заменили прежние». Анчиц воспринимает эволюцию шопки как естественный процесс, поскольку представление «с течением времени изменилось в устной традиции, и народ, дорабатывая к ним сцены, дал опыты своего драматического творчества» [80].

Из некоторых заявлений Вуйцицкого, Крашевского и других можно предположить, что романтики воспринимали шопку первых десятилетий XIX в. как еще вполне устойчивое представление и все изменения относили к середине века. Между тем ряд свидетельств и материалов позволяет заметить, что процесс актуализации шопки и воздействия на нее литературы и профессионального театра начался уже тогда, когда романтики только обратили на нее внимание. Так, А. Грабовский в своих воспоминаниях отметил, что в 1830—1831 гг., в период польского восстания, в краковской шопке уже фигурировали новые сцены и персонажи, актуальные для того времени [81]. По воспоминаниям К. Эстрейхера, его отец свидетельствовал, что в 1835—1840 гг. в шопку включались сцены, «соответствующие обстоятельствам» тех лет, в частности сцена вешания предателей [82]. Да и Крашевский в приведенной выше статье о «злодеяниях и злоупотреблениях» и о «намеках на современность» писал в прошедшем времени. Примечательно, что Шимановский, неодобрительно отзывавшийся о позднейших новшествах в шопке, вместе с тем вполне положительно воспринимал те привнесения, которые появлялись в ее тексте во времена его молодости: «Переделывали ее хлопцы как умели, изменяя и применяя часто к соответствующим обстоятельствам, однако всегда это выходило складно, ибо имели они своих поэтов, истинных поэтов, которые им часто компоновали и сочиняли целые сцены» [83]. Отзывчивость шопки на современные события, а также на местные темы как раз и делала ее живым, развивающимся явлением народной культуры, и это было вполне в духе фольклора вообще и в духе традиции самих кукольных представлений (вспомним наблюдение Вуйцицкого о включении в шопку актуальных политических сцен уже в конце XVII в.!). Потому вряд ли можно согласиться с Р. Вежбовским, когда он пишет: «Неизвестно, с какой интенсивностью вторгались в шопку соответствующие обстоятельствам актуально-политические сцены и сцены локально-сатирические, ясно только, что это

[80] [*Wł. L. Anczyc*]. Obrazy krakowskie. Szopka czyli jasełka i gwiazdka w Krakowie. «Tygodnik Illustrowany», 1862, t. V, N 135, str. 166, 169.
[81] *A. Grabowski*. Wspomnienia, t. I. Kraków, 1909, str. 248.
[82] *J. Krupski*. Szopka Krakowska, str. 93, примечание.
[83] *W. Szymanowski*. Szopka, str. 115/II.

были утраты для традиционной шопки»[84]. Другое дело, что не все такие случаи были удачны, но сама тенденция не противоречила природе шопки.

Одновременно с процессом актуализации кукольных представлений происходил и процесс ассимиляции народной шопкой произведений литературы и драматургии. Характерен в этом отношении уже текст краковский шопки 40-х годов, опубликованный Анчицем, где ощущаются следы творчества неизвестных авторов и в который включены стихи (в устной редакции) поэтессы А. Либеры «Краковянки», а также реминисценции из оперы Ф. Дуткевича (с текстом драматурга К. Майерановского) «Костюшко под Секвеной» (1821) и песня Твардовского из анонимной мелодрамы «Твардовский на Кшеменках»[85].

Популярность шопки, ее способность к актуализации, ассимиляция ею литературных источников — все это подсказало некоторым романтикам, а также последующим писателям (под влиянием опыта романтиков) мысль о литературной обработке шопки и создании новых текстов с актуальным содержанием политического и сатирического характера. Однако в подходе к традициям народного театра у романтиков проявились разные, подчас прямо противоположные тенденции, в зависимости от понимания ими народности[86].

Шопка привлекала романтиков тем, что в ней органически слились наивные народные религиозные представления со свободолюбивыми, социально-утопическими устремлениями, неразрывно сочетались религиозные, бытовые и сатирические элементы. На истинный смысл религиозной части шопки в свое время намекнул А. Фишер: «Народ, радуясь смерти Ирода, утешался не только тем, что погибал враг Христа и большой грешник, но и потому, что это была кара богачу»[87]. Советский историк театра более определенно говорит о тираноборческой направленности некоторых, особенно позднейших, вариантов рассматриваемого типа кукольного театра[88].

[84] *R. Wierzbowski.* Указ. соч., стр. 57.

[85] Позже, во второй половине XIX в., в шопку включался большой эпизод из пьесы самого Анчица «Костюшко под Рацлавицами», а также стихи поэтов-романтиков Е. Василевского, Р. Суходольского, Й. Н. Каминського, Я. Ясковского, Г. Эренберга. См., например, текст, записанный К. Эстрейхером в конце XIX в. от известных краковских кукольников Л. и М. Эзенекеров, и текст Велецкой шопки (*J. Krupski.* Szopka Krakowska, str. 13, 63, 65—68, 115).

[86] Об отношении романтиков к народности см.: *S. Morawski.* Program sztuki narodowej w polskiej krytyce artystycznej okresu romantyzmu. «Myśl filozoficzna», 1956, N 3, str. 103—104, 111.

[87] *A. Fischer.* Polskie widowisko ludowe. «Lud», t. XIX, Lwów, 1919, str. 46.

[88] *В. Н. Всеволодский-Гернгросс.* Русская устная народная драма. М., 1959, стр. 80, 89.

В зависимости от своих идейных позиций одни романтики делали акцент на религиозной тенденции шопки, другие вскрывали и усиливали ее демократический и социальный пафос. Так, Вуйцицкий многозначительно указывал на то, что шопку в народе играют на второй день рождественских праздников, и писал, что «этот день является наиважнейшим в деревенской жизни», поскольку по обычаю крестьянин свободен и никому не служит (Вуйцицкий приводит мазурскую пословицу на местном диалекте: «Na świety Sceporı kazdy se porı» — «В день святого Степана каждый себе господин»), и появление именно в этот день шопки, «возвещающей рождение избавителя», воспринималось «в тесной связи» с народными ожиданиями [89].

Различия в интерпретации шопки проявились и в литературе и в драматургии эпохи романтизма. Выше было уже обращено внимание на стихотворный опыт переложения одного из эпизодов украинского вертепа Э. Изопольским. Самый выбор эпизода (наказание богача за его развратный образ жизни) свидетельствовал об определенном интересе автора и издателя «Атенеума» к социальной проблематике народного театра, хотя в данном случае и преобладала религиозно-дидактическая окраска. Более характерным для романтизма было обращение к традициям шопки молодого В. Поля и особенно Т. Ленартовича, чьи опыты имели уже подлино художественную ценность [90]. Интерес Ленартовича к шопке не был случайным. Известно его увлечение народной поэзией. Он был в близких отношениях с Вуйцицким, который знакомил его с материалами по фольклору [91] и публиковал первые произведения поэта в «Библиотеке Варшавской». Общение Ленартовича с Вуйцицким, проявлявшим в те годы особое внимание к шопке, сыграло, очевидно, определенную роль в пробуждении интереса молодого поэта к народному театру. Но непосредственным толчком к созданию «Шопки» были краковские встречи и впечатления поэта, совпавшие с его занятиями в то время драматургией (именно тогда были созданы монодрама «Тиртей» и диалог «Воскрешение»). Знаменитая краковская шопка, описанная Конопкой и продолжавшая интересовать местную интеллигенцию (напомню, что именно в 1848 г. произвел свою запись Эстрейхер), была хорошо известна поэту и послужила первоисточником его смелого опыта. Немаловажную роль сыграл и пример Поля, которому Ленартович посвятил свою

[89] *K. Wł. Wójcicki.* Szopka, str. 353/II.

[90] *T. Lenartowicz.* Szopka («Poezya». Wrocław, 1849). «Szajne-Katarynka» В. Поля создавалась между 1835 и 1846 гг., но, подготовленная к печати, в 1847 г. пропала. Сохранившуюся в рукописи часть позднее Поль включил в сборник «Pieśni Janusza» (Lwów, 1863). Произведение Поля, строго говоря, восходит к народному театру-панораме и представляет собой стилизацию монологов-объяснений к картинкам.

[91] *W. Grochowski.* Teofil Lenartowicz. «Tygodnik Illustrowany», 1861, N 116.

«Шопку». Сохранив народный характер кукольного представления, Ленартович создал вполне оригинальное произведение, насытив его актуальным общественно-политическим смыслом.

Пример Поля и Ленартовича побуждал и других прогрессивно настроенных романтиков обратиться к шопке. Долгие годы вынашивал такой замысел драматург Ю. Коженевский, автор народной драмы из жизни гуцулов «Карпатские гуралы» (1844) и популярных в 40—50-е годы комедий. Вуйцицкий после смерти Коженевского вспоминал, что тот имел намерение воссоздать первоначальный облик и содержание традиционной шопки, «не раз об этом со мной говорил, составил целый план, но болезнь помешала ему это сделать»[92]. Можно пожалеть, что Коженевскому не удалось осуществить свое намерение. Такую же задачу поставила и исполнила известная в то время писательница, участница восстания 1863 г., С. Прушакова (Духиньска), сотрудница «Библиотеки Варшавской», редактировавшейся Вуйцицким, где она печатала романтическую прозу, очерки и статьи (в их числе «Несколько слов о поэзии мазовецкого народа, сохранившейся в обрядах», 1854). В 1857 г. вышел в свет сборник ее драматических опытов, среди которых была и «Шопка»[93], высоко оцененная Вуйцицким[94]. Прушакова воссоздала в стихотворных диалогах основные эпизоды шопки, включая и такие, которые уже не бытовали в городах (например, сцену черта с ведьмой, сбивающей масло), воскресила некоторые полузабытые образы — шляхтича, клеху, кметка, но не ограничилась поэтическим переложением традиционного сюжета, а увенчала свое произведение образом слепого певца-лирника и вложила в его уста большой вдохновенный монолог в духе романтической народности. В этом смысле «Шопка» Прушаковой — романтический апофеоз народного поэта, отзывающегося на все радости и горести народа, взмывающего в своем творчестве «на крыльях надежды и веры». В эпилоге Прушакова с искренним чувством воссоздала картину самого представления, длившегося до полуночи, и передала поэтическую атмосферу восприятия народного театра юными зрителями. Не лишенная религиозного настроения, «Шопка» Прушаковой проникнута демократическим пафосом утверждения нравственной и эстетической ценности народного искусства.

Опыт романтиков был возрожден в начале XX в., когда появился ряд реминисценций («Свадьба» С. Выспяньского) и литературных переработок шопки как для театра живого актера («Яселка» М. Конопницкой, «Бетлеем польский» Л. Рыдля, «Пастораль-ка» Л. Шиллера), так и для театра кукол («Варшавская шопка»

[92] *K. Wł. Wójcicki.* Szopka, str. 352/II.
[93] *S. Pruszakowa.* Obrazki dramatyczne. Warszawa, 1857, str. 137—214. См. также ее «Коленду» («Czytelnia niedzielna», 1858, N 1).
[94] *K. Wł. Wójcicki.* Szopka, str. 352/II.

А. Оппмана). Особенно плодотворной оказалась аллюзийная манера Ленартовича, вызвавшая к жизни целый поток сатирических или политических шопок, ставших характерным явлением культурной жизни Польши конца XIX—XX в.[95]

Наряду с прогрессивной, демократической тенденцией в обращении к традициям народной шопки следует отметить и прямо противоположную. Так, неизвестный сентиментально-религиозно настроенный автор статьи, опубликованной в журнале «Заря», сетовал, что благодаря обращению шопки в народной среде «религиозный обычай стал наихудшим зрелищем», ибо «неосторожные и несознательные» люди внесли в нее «множество смешных и неприличных выдумок»[96]. В связи с этим автор рекомендует очистить шопку от всяких привнесений и призывает сочинять новые тексты «соответствующими стихами», рассчитывая, что благопристойные сочинения вытеснят из шопки «нелепые фигуры» и тем самым авторы новых шопок спасут старый религиозный обычай. Эту программу пытались осуществить некоторые писатели. Так в издании, предназначенном для ремесленников и крестьян, была опубликована религиозно-нравоучительная драма в стихах некоего Вацлавского «Шопка», в которой традиционные образы были введены в новый сюжет, где активная роль отведена божьей матери и нищим[97].

Особое место в истории польского романтизма в интересующем нас плане занимает Ю. Словацкий. Отзвуки его отроческих впечатлений от украинского вертепа, вынесенных из Кременца, весьма заметны в драмах начала 40-х годов: это и «Ксендз Марек», и Шавел в «Золотом черепе», зарабатывающий деньги вертепными представлениями, и казак Сава из «Сна серебряного Саломеи», переодетый в украинского бурсака, «с вертепом на плечах...»[98]. Обращение к вертепу в цикле драматических произведений Словацкого начала 40-х годов отнюдь не случайно — оно было обусловлено общим мировоззрением и настроением поэта в тот период, когда его представления о народности и религиозность составляли неразрывное целое. Особенно пристального внимания заслуживает пасторальная (вторая) сцена из неопубликованной при жизни поэта мистерии (1842)[99]. Традиционная для польской шопки сцена возвещения пастухов, перенесенная Словацким в мистерию, наполнена настроением тревожно-радостного ожидания перемен в жизни народа:

[95] Обстоятельную характеристику сатирических шопок см. в работе Р. Вежбовского (*R. Wierzbowski.* Указ. соч., стр. 58—64).
[96] *K. P.* Szopki. «Zorza». Warszawa, 1844, t. V, str. 56.
[97] «Szytelnia niedzielna». Warszawa, 1861, N 4—10. Имя Вацлавского отсутствует в «Библиографии» Г. Корбута.
[98] См. подборку материалов Е. Тимошевича («Pamiętnik Teatralny», 1960, z. 3—4, str. 414—415).
[99] Там же, стр. 413.

Вставай! пойдем с пастушьими песнями
Приветствовать дитя... весь мир в волнении,
Весь двор в огне...

Под религиозно-мистической оболочкой, характерной для произведений Словацкого начала 40-х годов, в сцене с пастухами кроется мятежный дух. К пастораль ке Словацкого может быть отнесена общая характеристика его драматургии того периода, явившаяся итогом усилий польских и советских марксистских литературоведов [100]. В творчестве Словацкого как бы слились обе тенденции польского романтизма, своеобразно сочетались религиозные чувства и бунтарские настроения, что явилось специфическим отражением того реального противоречия, какое было характерно для крестьянских масс, страдавших от царистско-феодального гнета и выражавших свой протест в религиозно-утопической форме. Что же касается обращения Словацкого к украинскому вертепу и польской шопке, то приведенные факты подтверждают справедливость мысли Е. Тимошевича: «Это еще один довод в доказательство связи романтического театра со старопольским наследием, еще один пример жизненности шопки — наиболее оригинальной формы старого польского театра» [101].

Итак, эпоха романтизма в Польше имела большое, основополагающее значение для выявления живых традиций народного кукольного театра братских народов, дала мощный толчок для научных изысканий и творческих опытов в этой области, которые широко осуществлялись уже в последующие периоды истории культуры Польши, Белоруссии, Украины и России. Однако наследие эпохи романтизма представляет отнюдь не только историографический интерес. Не подлежит сомнению источниковедческая ценность материалов, добытых в ту эпоху, а ряд проблем, поставленных польскими романтиками, ждет еще своего окончательного решения. Вместе с тем очевидна и невольная ограниченность взглядов польских романтиков (они имели дело лишь с одним типом кукольного театра, и им остался не известным сатирический театр типа русского «Петрушки»), а также односторонность самого подхода к шопке, проявившаяся в недостаточном внимании к специфике кукольного театра. Лишь на исходе эпохи польского романтизма одним Ю. Сикорским была отмечена синтетическая природа шопки — соединение в ней поэтического, изобразительного, музыкального и хореографического элементов, а также признана важность изучения шопки для постижения общих законов театрального искусства в целом [102]. Тем самым наметился переход к принципиально иному, собственно театроведческому изучению народного кукольного театра. Но это стало возможным уже в последующую эпоху в истории науки.

[100] См.: «История польской литературы», т. I. М., 1968, стр. 332.
[101] *J. T[imoszewicz]*. Notatka bibliograficzna. «Pamiętnik Teatralny», 1960, z. 3—4, str. 414.
[102] *J. Sikorski*. Jasełka. «Pamiętnik muzyczny i teatralny», 1862, N 2, str. 19.

В. И. ЗЛЫДНЕВ, И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ, Е. П. ЛЬВОВА

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

С конца XVIII в. южнославянские народы вступали в период национального подъема, выразившегося в развитии национальной идеологии освободительной борьбы. Он был обусловлен становлением капиталистических отношений и формированием наций в условиях феодализма или его серьезных пережитков и иноационального господства.

Национально-освободительные движения южнославянских народов имели разные формы проявления, выражаясь, в частности, в защите и развитии национальных культур. Именно в области культуры раньше всего заявили о своей жизнеспособности рождавшиеся южнославянские нации. Деятельность, направленная на создание и развитие национальных культур, заключала в себе протест против давления, насильственной денационализации, государственных привилегий угнетающих наций, чужеземного произвола. Она была обоснованием права этих народов на национальное существование и свободу. Созидательная деятельность национальных сил в области культуры, являвшаяся одной из форм выражения национальных движений, в свою очередь прямо и непосредственно зависела от хода, масштабов и результатов освободительной борьбы.

Проблема взаимодействия и взаимопроникновения национально-освободительных движений и культур южнославянских народов чрезвычайно сложная и многоплановая. Настоящий доклад ограничивается лишь постановкой вопроса о том, как в процессе становления национальных культур при всех различиях его проявления у отдельных народов решались задачи освободительной борьбы и каков был вклад культуры в дело самоутверждения южнославянских наций.

Формирование национальных культур у южнославянских народов было обусловлено глубинными потребностями рождавшегося буржуазного общества и наций. Возросший уровень производства, новый характер общественных отношений поставили на повестку дня вопрос о распространении грамотности и вообще о просвещении широких слоев населения. Рост духовных потребностей и складывание национального единства народа вызвали кардинальные перемены в художественной мысли и творчестве, выразившиеся в появлении современной общенациональной художественной культуры южнославянских народов. В идеологии и

практике национального Возрождения этих народов были представлены и действовали социальные силы различного сословно-классового характера.

С развитием социально-экономических и культурных отношений города Загреб, Любляна, Нови Сад и Белград превращаются в крупные национальные центры. Достаточно вспомнить при этом разностороннюю деятельность Матицы Сербской в Нови Саде, Матицы Хорватской в Загребе, Словенского общества и других объединений. Для балканских провинций Турции важную роль в этом играла эмиграция, находившая убежище в России (с центрами в Одессе и Москве), в Румынии (с центрами в Бухаресте и Галаце), в Австрийской империи. Развитие капиталистических отношений обусловило складывание особого социального слоя—интеллигенции (учителя, адвокаты, литераторы, журналисты и т. д.). Благодаря своему общественному положению и характеру деятельности, образованию и связям она была способна подняться над узкоместными интересами и традициями и придать культуре общенациональное содержание. Интеллигенция играла главную, но не исключительную роль в создании и развитии национальной культуры.

Национальные культуры южнославянских народов в условиях феодализма или серьезнейших феодальных пережитков, давления абсолютистского режима в Австрийской империи, турецкого произвола явились мощным фактором в борьбе за преодоление препятствий на пути развития молодых буржуазных наций.

Теснейшим образом с освободительной борьбой южнославянских народов была связана публицистика. Ее появление сыграло важную роль в развитии национальных движений, а в ходе борьбы она сама становится составной частью национального процесса. Каждый новый этап развития национальных движений сопровождался подъемом общественно-политической литературы. Она отражала идейно-политическую дифференциацию национальных выступлений. В 60—70-х годах XIX в. основные прогрессивные направления в национальных движениях южных славян имели свою прессу — либеральную, демократическую или революционную.

Публицистика выполняла не только идеологическую, но и организационную роль в национальной борьбе. Газеты и журналы становились центрами сплочения патриотических и революционных сил общества. Так, с выходом в 1835 г. газеты Л. Гая «Новине хорватске» («Илирске народне новине») с литературным приложением «Даница хорватска, славонска и далматинска» («Даница илирска») иллиризм развернулся как относительно массовое и целенаправленное движение. Издававшиеся в 60—70-х годах газеты «Пóзор» и «Хрватска» способствовали оформлению народняков и правашей в самостоятельные политические группировки. Складывание воеводинской Национально-либеральной

партии было непосредственно связано с газетой Св. Милетича «Застава». Важнейшими изданиями болгарских революционных демократов были выходившие в Бухаресте газеты под редакцией Л. Каравелова «Свобода», «Независимость» и газета под редакцией Х. Ботева «Знамя». В разных политических центрах пресса сплачивала способные к национальной и революционной борьбе слои общества в рамках соответствующих политических течений, идейно направляла их деятельность. Различные политические течения в общественной жизни и печати отражали различные тенденции в складывающейся национальной культуре. На первом этапе преобладали внутринациональные объединительные тенденции. С развитием буржуазных отношений углублялась дифференциация в каждой из национальных культур.

Газеты, журналы, брошюры патриотического содержания, публицистические трактаты, воззвания и листовки имели важное значение в расширении и становлении национального самосознания. С начала славянского Возрождения прогрессивные деятели сформулировали и начали пропагандировать новую концепцию национального единства народа независимо от сословных разграничений, областных наименований и прочих региональных особенностей. В «Истории славяно-болгарской» (1762 г.) болгарин Паисий Хилендарский выдвинул идею возрождения родного болгарского языка, болгарской государственности, независимой церкви. В конце XVIII в. серб Досифей Обрадович в своих философско-этических сочинениях (в соответствии с просветительскими взглядами) положил в основу национального единства народа в противовес региональным и конфессиональным воззрениям «язык и кровное родство». Представители разных политических направлений — хорваты Л. Гай, В. Вежич, Э. Кватерник — пытались в свое время раскрыть содержание понятия «народ» (нация). Хотя эти определения, естественно, были далеки от научного понимания нации, они остались свидетельством поисков публицистами ответа на насущный вопрос времени. Теоретические выступления по вопросу о нации концентрировали внимание общественности на национальной проблеме.

Национальные идеологи-публицисты пытались на заре национального Возрождения и особенно позднее очертить территориальные границы «своих» наций. Однако в этом вопросе, как правило, допускались искажения или преувеличения, вызванные, с одной стороны, недостаточным проявлением объективного процесса национального размежевания на славянском юге, а с другой — националистическими претензиями молодой буржуазии.

Проявляя внимание к судьбам наций, ставя насущные вопросы развития в общенациональном масштабе, прогрессивная публицистика самим фактом своего существования стимулировала рост и укрепление сознания национального единства народа.

Все ее содержание, ее дыхание и пафос были направлены на пробуждение национальных чувств, национальной гордости и гражданского патриотизма.

Публицистике принадлежала важная роль в разработке теоретических основ национально-освободительных движений. С конца XVIII в. в кругах славянской общественности, в том числе и южнославянской, получила широкое распространение идея «всеславянства» — идея этнического родства, культурно-языковой близости и единства исторических судеб всех славянских народов. Это теоретическое положение, имевшее большую историческую традицию, как нельзя лучше отвечало интересам национально-освободительных движений угнетенных славянских народов, нуждавшихся во взаимной поддержке и опоре. Сознание принадлежности к многочисленным и славным своим историческим прошлым славянским народам придавало силу в национальной борьбе и вселяло уверенность в победе.

В устах южнославянских национальных идеологов теория славянского единства была обоснованием всестороннего сотрудничества славян во имя и с целью освобождения от чужеземного гнета и общественного прогресса. В первой половине XIX в. внутренние противоречия в общественной жизни не достигли высокой степени остроты. Лозунг всеславянства был свободен еще от той классовой корысти, которая находится в противоречии с интересами трудящихся масс.

Но во второй половине XIX в., с углублением политической дифференциации в южнославянской среде и выходом на общественную арену революционной демократии, степень прогрессивности идеи «всеславянства», хотя она оставалась важным теоретическим оружием национальной угнетенной буржуазии в борьбе за свободу, постепенно падала. Революционная демократия провозгласила лозунг единения демократических и революционных сил.

Еще на заре национального Возрождения Досифей Обрадович выдвинул тезис о естественном праве каждого человека и народа на просвещение и прогресс. Естественно-правовая доктрина, перенесенная в область национальных отношений, широко пропагандировалась прогрессивной хорватской, сербской и словенской публицистикой в качестве теоретической основы освободительных движений. В рассматриваемое время «национальный принцип», хотя его содержание не было лишено буржуазного эгоизма, находился в соответствии с интересами прогресса и служил делу борьбы угнетенных народов за национальное равноправие и свободу.

В газетах, журналах и брошюрах иллиризма, в печати народняков, изданиях правашей развивалась также историко-правовая аргументация. Каждое из политических течений подчиняло ее содержание своим задачам и целям.

С периодической печатью и публицистической литературой было связано идеологическое оформление национально-освободительных движений. Важным идейным явлением в рассматриваемое время была теория единства южных славян. Среди различных ее форм (панхорватизм, великосербство, югославизм) только югославистская идеология, предусматривавшая равноправие сербов, хорватов, словенцев и болгар, заключала в себе некоторые возможности для сближения, сотрудничества и дружбы южных славян. По существу в 60-х годах XIX в. югославизм представлял собой идейно-политическое построение наднациональной южнославянской общности.

Теория единого народа, зародившись в 30-х годах XIX в., широко пропагандировалась печатью Возрождения. Наибольшее распространение югославизм получил в Хорватии, сохранив свои позиции вплоть до распада Габсбургской монархии. Самыми видными поборниками этой идеологии были лидеры Национально-либеральной партии — Й. Штросмайер и Ф. Рачкий. Югославистские настроения выражала печать словенских либералов и национально-радикального течения в Воеводине. Проникнутая идеями югославизма, периодическая печать, несмотря на ошибочность теоретической основы этой концепции, вела к ослаблению противоречий между южными славянами и содействовала сближению национально-освободительных движений этих народов, особенно сербов, хорватов и словенцев.

Разные политические направления в национальных движениях, особенно на раннем этапе, не имели обстоятельно разработанных и официально принятых программ действий. Их роль выполняли публицистические выступления идеологов и лидеров этих направлений. Так, программные положения буржуазно-дворянского течения в иллиризме были сформулированы в газетных и журнальных статьях Л. Гая, Л. Вукотиновича, Б. Шулека, И. Кукулевича-Сакцинского, в брошюрах Д. Раковаца, Б. Шулека и др. Идеи и программа болгарского четнического движения были изложены Г. Раковским в газете «Дунавски лебед». То же касается прогрессивных группировок 60—70-х годов в сербском, хорватском и словенском движениях.

Однако публицистика не всегда была в состоянии воспроизвести подлинные цели и устремления национальных деятелей. Ее содержание ограничивалось цензурными строгостями, а также тактическими соображениями. Планы идеологов южнославянской буржуазии в 1848 г. и позднее по вопросу образования независимого южнославянского государства и предпринимаемые в этом направлении шаги не нашли отражения в печати.

Вершиной общественной мысли на Балканах в рассматриваемое время была публицистика революционной демократии, выразившая наиболее глубокое понимание назревших общественных потребностей и показавшая пути их последовательного и

радикального решения. С. Маркович, В, Пелаги., Х. Ботев пропагандировали в своих сочинениях идеи совместной революционной борьбы южнославянских народов против чужеземных поработителей, идеи южнославянской национальной революции, федерации республик балканских славян, решительной демократизации политической и социальной жизни, утопического социализма. Принципиальное значение имел выход в 1871 г. в Сербии социалистической газеты «Раденик» С. Марковича. В том же году Х. Ботев выступает со своим «Символом веры болгарской коммуны», в котором провозглашает «пробуждение народов и коммунистического будущего строя во всем мире» (*Х. Ботев.* Избранное. М., 1948, стр. 27). Революционная демократия связала дело национального освобождения с коренными интересами трудящихся масс и с европейским революционным движением, что явилось необходимым условием для подлинной массовости и масштабов национальной борьбы.

Нельзя не учитывать вклад публицистики в развитие связей между прогрессивными направлениями национальных движений. Газеты и журналы, издававшиеся в разных центрах, широко информировали общественность о ходе и успехах освободительной борьбы в южнославянских землях. Революционная периодика содержала сведения о классовой борьбе пролетариев в европейских странах. Публицистика содействовала расширению связей южных славян между собой, а также с другими народами.

Изложенным не ограничивалось значение прогрессивной публицистики в развитии национально-освободительных движений южнославянских народов. Она расширяла общественный кругозор, распространяла политические знания, воспитывала патриотизм, содействовала складыванию нового мировоззрения, свободного от конфессионализма, т. е. создавала условия для прогресса и самоутверждения формировавшихся южнославянских наций.

Художественная литература XIX в. у болгар, сербов, хорватов и словенцев была также в значительной степени охвачена единым стремлением к национальному освобождению славянских народов. Отличаясь специфическими национальными особенностями, связанными с народными традициями, поэзия, проза и эстетическая мысль славянских народов имеют много общего в тех художественных явлениях, формах выражения, которые позволяют говорить об их типологическом сходстве. Вызванные к жизни подъемом национального самосознания и патриотических чувств, новые литературы носили светский характер, обращались к жгучим вопросам современности. Поэтому они выполняли не только эстетические, социальные, но и национально-объединительные функции.

Писатели, просветители и филологи сыграли решающую роль

в становлении и утверждении национальных литературных языков южнославянских народов, что явилось необходимым условием развития буржуазного общества и наций. Само формирование литературных языков протекало неизбежно в борьбе, принимавшей различные формы. В Хорватии разработка основ и становление общенационального литературного языка хорватов, основанного на штокавском диалекте, проходили в ожесточенной борьбе писателей иллиризма с существовавшими традициями и с оппозицией внутри Хорватии и за ее пределами. Только в середине века сторонники языковой реформы Вука Караджича одержали победу, что, несомненно, способствовало сближению сербов, живших в разных областях,— в Австро-Венгрии и в Османской империи. В Болгарии национальный язык развивался в противоборстве с эллинистическими тенденциями, насаждавшимися греческим духовенством. Создание национальных литературных языков и борьба за их утверждение были составной частью деятельности, направленной на преобразование общества в соответствии с требованиями эпохи.

Для утверждения самобытности и народности складывавшихся южнославянских литератур имело важное значение обращение поэтов и прозаиков к устному народному творчеству. Поэты широко вводили в свои произведения специфические народные образы, использовали богатство художественных средств, а прозаики обогащали письменную речь народными выражениями, прибегали к описанию традиционных обычаев, сложившихся обрядов. Активное и разнообразное введение фольклора в художественную литературу способствовало большему проявлению национального колорита, изображению национальных характеров в их привычной, естественной среде. Особенно интересны художественные завоевания в этом плане у таких поэтов, как П. Негош, Д. Якшич, Ф. Прешерн, Х. Ботев и др. Использование народно-песенной традиции вело к обогащению революционно-романтической поэзии и в то же время сближало литературу с народной жизнью.

Южнославянские писатели и сами нередко выступали собирателями, издателями и ревностными популяризаторами устного народного творчества в своих странах. У словенцев таким поэтом был В. Водник, у болгар собирателем и толкователем фольклора был Г. Раковский; в народных песнях и изречениях он видел национальную самобытность, основу развития родного языка. Первое крупное собрание болгарских пословиц и поговорок было осуществлено на основе собирательской деятельности поэта Петко Славейкова. Другой писатель — Л. Каравелов издал в Москве собранные им фольклорные материалы в книге «Памятники народного быта болгар» (1861 г.).

По мере развития национального самосознания у южных славян возрастает интерес к собиранию и публикации произведений

народного творчества. Они появляются в периодической печати, входят в народные календари, составляют самостоятельные сборники. К числу наиболее значительных публикаций относятся вышедшие в Вене в 1814 и 1815 гг. «Славяно-сербские песенники» Вука Караджича, которые положили начало широкому распространению сербского героического эпоса. У болгар очень важную роль сыграл сборник братьев Д. и К. Миладиновых «Болгарские народные песни», изданный в 1861 г. в Загребе. Эти публикации раскрывали перед широкой общественностью духовное и эстетическое богатство славянских народов.

Получив широкое общественное признание, устное народное творчество стало одним из важнейших источников развития и обогащения национальной культуры. Интерес к народному творчеству со стороны передовых деятелей повлек за собой усиление внимания к положению народных масс.

Художественная литература южных славян с конца XVIII в. и до конца 70-х годов XIX в. была теснейшим образом связана с национально-освободительным движением. Это выразилось прежде всего в том, что многие поэты и прозаики эпохи национального Возрождения были одновременно деятелями, а нередко и идеологами национальной борьбы. На свое творчество они смотрели как на средство выражения не только эстетических, этических, но и политических идеалов. Сама литература, вбирая в себя проблематику национально-освободительной борьбы, росла в идейном и художественном отношении, она становилась важным фактором общественно-культурного процесса своего времени.

Интересно в этой связи проследить эволюцию тем, мотивов и образов у разных писателей, обращавшихся к современной им действительности и изображавших человека в условиях чужеземного гнета. В начале XIX в. в Болгарии Софроний Врачанский создает волнующую автобиографию «Житие и страдание грешного Софрония». Это произведение, сохранявшее еще старую форму агиографической литературы, представляло собой непринужденный рассказ о бесправной и поруганной человеческой личности. Это был крик души исстрадавшегося человека. Полвека спустя В. Друмев в повести «Несчастное семейство» воспроизводит картины страданий и борьбы многих болгар за свою честь, за своих близких и за свою отчизну. Образы героев даются им в контрастных тонах: возвышенными, идеальными, но бесправными предстают болгары, а в самом неприглядном виде выведены турки. В те же 60-е и в 70-е годы Л. Каравелов создает такие рассказы и повести, которые отличаются большей жизненной достоверностью не только в описании окружающей среды, но и в изображении человеческих характеров. У него мы находим дифференциацию социальных типов болгар, представителей разных социальных слоев, людей с индивидуальными особенностями и

типическими характерами. Это было уже завоевание реалистической литературы, складывавшейся в период подъема национально-освободительного движения.

Разные роды и жанры литературы у южных славян претерпевают идейно-художественные изменения в 30—70-е годы XIX в. и развиваются вместе с ростом национального самосознания. Функция литературы как фактора воспитания гражданских и патриотических чувств заметно усиливается. В силу разных причин и, в частности, благодаря высокой эмоциональности, соответствовавшей общественной атмосфере, оперативности и художественной емкости, наибольшее распространение приобретает поэзия.

Значительными оказываются художественные завоевания черногорца П. Негоша, сербских поэтов Б. Радичевича и Д. Якшича, болгарских поэтов П. Славейкова и Х. Ботева, хорватских — И. Мажуранича, П. Прерадовича и др.

В литературе, и в особенности в поэзии, все более широкое развитие приобретают идеи славянской общности. Поэты и писатели иллиризма — И. Мажуранич, И. Кукулевич-Сакцинский, Л. Вукотинович, Д. Раковац, М. Богович и другие — проводили идею сотрудничества и дружбы славян, выражали веру в их светлое будущее. Они воспевали героизм и мужество славян в борьбе с угнетателями. Новая хорватская литература несла идеи братства и единства южнославянских народов. В песнях славилось их свободолюбие. Увлеченный объединительными идеями иллиризма словенец Станко Враз стал крупным поэтом-лириком хорватской литературы.

Идеи патриотизма и гражданственности нашли широкое распространение в лирике и эпосе южнославянских авторов. В первую очередь поэтов привлекали характеры людей мужественных, героических, готовых служить делу освобождения всего народа и родины. Поэты сознательно берут образы своих героев из реальной действительности, но стремятся их обобщить до общенационального масштаба. В качестве примера можно сослаться на опыт болгарского поэта Х. Ботева. Своему погибшему другу, выдающемуся революционеру В. Левскому, он посвятил стихотворение «Казнь Васила Левского». В нем поэт намеренно не говорит о своих личных отношениях, о большой их дружбе. В то же время образ революционера предстает как образ патриота всей страны, всего народа: «О мать Болгария! . . Сын твой казнен был. Рыдай в отчаянии!» В балладе «Хаджи Димитр» Ботев также рассказывает о гибели близкого ему человека. И снова отвлекается от конкретного ради образа общенационального масштаба. С этой целью он вводит картины родного пейзажа, дает образы из славянской мифологии, чтобы затем прийти к высшему обобщению: «Кто в грозной битве пал за свободу, тот не погибнет...»

Так героические характеры и образы в революционной поэзии органически сочетаются с эпическим воспеванием гражданского долга, поднимаясь до высокого драматического накала. Такой же подход поэтов мы обнаружим и в трактовке образов природы, выступающей не фоном, а активной, конкретной средой, передающей общее настроение и помогающей пониманию изображенных событий.

В условиях утверждения исконно самобытного славянские народы естественно обращаются к далекому или недавнему героическому прошлому. Вот почему в прозе и особенно в драматургии популярными становятся произведения на историческую тему. Жанр историко-патриотического характера перекликается с живописью и графикой. Он был порождением эпохи, требовавшей утверждения высоких идеалов. Воспевая народных героев прошлого и их борьбу за независимость, их мужество, проявленное в битвах и сражениях, современные прозаики и драматурги вели патриотическую пропаганду идей современности, поднимали своих сограждан на борьбу за национальное освобождение.

Для дела национального освобождения необходимо было не только внести и воспитать национальное самосознание в народе, но и поднять его общий культурный уровень. В этом отношении важной была роль художественной литературы и театра, который складывался у южнославянских народов в первой половине XIX в. Значительным представляется вклад в основание словенского театра А. Линхардта, сербского — Й. Вуйича, болгарского — Д. Войникова. С возникновением национальных театров складывается свой репертуар, который имел огромное значение в культурной жизни. Достаточно вспомнить при этом произведения хорватского драматурга Д. Деметера, сербские комедии и сатиры Й. С. Поповича, болгарскую историческую драму В. Друмева.

Процессы, протекавшие в национальной жизни сербского, болгарского, хорватского, словенского народов, своеобразно преломились в сознании и творчестве художников, обусловив особенности формирования национальных художественных школ южных славян.

Масштабы национальных движений определили темпы развития художественной культуры и пройденные ею этапы. Если конец XVIII — первые десятилетия XIX в. были характерны просветительскими тенденциями, которые в области изобразительного искусства выразились в тесной связи художников с развитием книгопечатания на языках южных славян, оформлении книг различного характера (сначала — богослужебных, поучительных, затем — учебной и художественной литературы), то вскоре, к середине XIX в., судьба монументальной живописи, станковой графики, портрета и исторической картины все определеннее связываются с борьбой за национальное освобождение.

Установившаяся связь художественной культуры с национально-освободительным движением, с чаяниями широких народных масс определила одну из основных черт южнославянской культуры XIX в.— ее демократизм, проявившийся во всех жанрах искусства. А общение с народом, выходцами из которого были лучшие представители складывавшейся художественной интеллигенции, определило и ту проникновенность, глубокое знание жизни народа, его традиций, фольклора, которые нашли воплощение в произведениях болгарских художников. Быть полезным, нужным народу являлось творческой потребностью педагогов, писателей, журналистов, художников, драматургов, обращавшихся в своем творчестве к патриотическим чувствам читателей и зрителей, будивших ненависть к деспотизму и угнетению.

Почва, на которой вырастало искусство южнославянских народов, требовали переосмысления, переработки и возрождения народных традиций, утверждения образов представителей народа со всеми особенностями его психологического склада. В этом отношении характерно выделение двух жанров в изобразительном искусстве — портрета и исторической картины, хотя и пейзажи, и бытовые сцены также имели свое значение.

Сдвиги, происходившие в национальной жизни, новая художественная атмосфера оказали непосредственное влияние на судьбы художников, формирование личности живописцев. Вплоть до конца XVIII в. в Сербии и до середины XIX в. в Болгарии живописцы входили, как правило, в ремесленные артели, получая первоначальное образование в иконописных мастерских. Постепенно в их иконы и церковные росписи все чаще и чаще проникают чисто светские мотивы, разрушавшие вековые каноны и представления. В Словении, где те же явления можно отнести к более раннему периоду, монументальные росписи также утрачивают религиозный смысл, обретая живую связь с реальным миром и человеком. Совсем недавно художник оставался безымянным исполнителем церковного заказа. Теперь он гордится своим творением, подписывает свое имя, указывает свою национальность. Некоторые художники принимают непосредственное участие в национально-освободительной борьбе. Порой они выступают одновременно педагогами и общественными деятелями, поэтами и создателями первых очагов культуры нового времени — школ, читален, театральных коллективов.

Портрет — сложнейший вид искусства, требующий от художника в первую очередь психологического обобщения,— явился одним из ведущих жанров искусства XIX в. В портрете этого времени нашли выражение и национальные особенности различных школ, и их типологическая общность. В силу сложившихся исторических условий портрет принял на себя первоначально функции тех жанров искусства, которые прошли несколько этапов разви-

тия в других странах уже несколькими столетиями ранее. Но, появившись в сербском, болгарском или хорватском искусстве, портрет сумел вместить в себя большое разнообразие характеров, непосредственных наблюдений, размышлений художников о судьбах своих народов.

Одним из самых ярких представителей сербской художественной культуры XIX в. был Джура Якшич. Он был не только талантливым живописцем, прозаиком и поэтом, но и борцом-революционером. Как живописец, Якшич прославился картинами, исполненными сильного драматического звучания («На страже», «Смерть Карагеоргия»), а также портретами своих современников. Темы рассказов Якшича перекликаются с темами его живописных произведений. Став сознательным борцом за народное дело, брошенный в тюрьму, этот художник и поэт-революционер создал произведения, воспевавшие народных героев, их мужество и патриотизм. В одном из своих стихотворений он призывал: «Верен будь народу своему». Эта мысль может служить эпиграфом ко всему творческому наследию Д. Якшича.

Болгарские художники также были тесно связаны с жизнью своего времени. С. Доспевский и Г. Данчов принимали непосредственное участие в революционной борьбе. Оба они восприняли опыт русской художественной школы и на болгарской почве развивали ее прогрессивные традиции.

Идейно, а во многих случаях и практически связанные с национальным движением, передовые художники ставили свое творчество на службу освободительной борьбе, что нашло отражение и в живописи, и в графике. Изобразительное искусство южных славян сыграло значительную роль в активизации национально-освободительного движения XIX в.

Портреты сербских живописцев А. Теодоровича, П. Джурковича, К. Данилы, болгар — С. Доспевского, Х. Цокева, Н. Павловича, хорвата В. Караса воплощают образы людей своего времени как активных представителей народа. Не богатство и не сословные привилегии интересуют этих художников. В центре их внимания — значительность и глубина характера, внутренний мир человека. Художники стремятся не только объективно, правдиво и точно воспроизвести внешнее физическое сходство портрета с живыми людьми, но в первую очередь они стремятся показать цельных и мужественных людей, замечательных представителей формирующейся нации: таковы образы поэта Лукиана Мушицкого и выдающегося сербского филолога и просветителя Вука Караджича у П. Джурковича, портрет Станко Враза у В. Караса, портреты Н. Герова и Ст. Захариева у С. Доспевского, а также значительная портретная галерея образов современников, созданная сербскими, болгарскими, хорватскими и словенскими живописцами. Их объединяет не только интерес к выдающимся национальным деятелям, но и строгая манера изо-

бражения человеческих характеров. Гармония цвета, четкость построения композиции подчинены основному замыслу — передаче внутренней жизни человека.

В этих портретах, отличающихся общим стремлением к жизненной правде, можно отметить и романтическую, возвышенную приподнятость, порой классицистически ясные, четкие формы композиции; однако на почве южнославянского искусства они преломляются очень своеобразно.

Портреты, созданные Доспевским и Данчовым, сближает не только родственная живописная манера изображения, но прежде всего трактовка характеров, отношение к своим современникам, сходные переживания, возникшие в одной социальной среде. Важным моментом следует считать и единый эстетический принцип болгарских и сербских художников в самом их подходе к человеку: в портретах деятелей национального Возрождения подчеркивается гражданственность, мужественная решимость, готовность к свершению подвига. В автопортретах Доспевского и Данчова, в портрете Васила Левского органически сливаются романтический порыв и жизненная правдивость в обрисовке характера. Здесь можно говорить о прямой перекличке этого жанра искусства с болгарской революционной поэзией.

Как для южнославянских литератур, так и для изобразительного искусства тех лет характерны героические и эпические тенденции, проявившиеся с особенной силой в исторических картинах времени подъема национально-освободительной борьбы. Особенно ярко эта национально-патриотическая тенденция проявилась в исторических полотнах и литографиях сербских, болгарских и хорватских живописцев. Они пришли на смену недавним настенным росписям в церквах и монастырях, где народные мастера изображали определенные моменты исторического прошлого, героев, живших несколько веков назад, пейзажи родины.

Утверждая героическое прошлое, живописцы XIX в. своими произведениями стремились пробудить патриотические чувства современников, утвердить их свободолюбивые чаяния. Историческая картина явилась следующим этапом в развитии сербского, болгарского и хорватского искусства. Чаще всего в полотнах XIX в. преобладает романтическое настроение — таковы по своему звучанию картины сербских живописцев Дмитрия Аврамовича, Джуры Якшича, Новака Радонича, отмеченные драматическим напряжением, более уравновешенные или классицистичные исторические литографии и полотна болгарского художника Николая Павловича, хорватского живописца Фердо Кикереза. Эти живописцы заложили основы национальной исторической картины. Различные по уровню исполнения и художественной манере выражения, эти произведения объединены единым патриотическим порывом, стремлением служить народному делу.

Начиная с середины XIX в. все яснее проявляется интерес

художников южнославянских народов к быту и нравам крестьянства, ремесленников; все чаще пишутся картины бытового характера. Здесь профессиональные художники со всей полнотой использовали богатейшее наследие народного творчества, которое глубоко волновало в тот период сербских и болгарских литераторов, ученых. Художники пока еще не поднялись до высот значительного художественного обобщения, но они явно наметили начало этой тенденции, получившей свое развитие в последующий период.

Передовые деятели культуры Сербии, Болгарии, Словении и Хорватии, связывая свои судьбы с национальным подъемом, заложили основы национальных художественных школ нового времени. В короткий срок они проделали сложный путь освобождения от средневековых канонов и своими произведениями способствовали приобщению искусства южнославянских народов к европейскому прогрессивному искусству. Это было завоевание на пути становления южнославянских наций и утверждения их как равноправных членов среди европейских народов. Высшие достижения южнославянских народов в области художественного творчества явились определенным вкладом в общую сокровищницу мировой культуры.

Б. П. КИРДАН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ СВЯЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

В устном репертуаре восточных и западных славян налицо большое число близких между собой фольклорных произведений. Одни из них, возможно, восходят к периоду славянской общности, другие возникли самостоятельно вследствие одинаковых или сходных условий труда и борьбы, третьи появились в результате совместного творчества представителей различных народов, которые жили и работали на одной территории. Часть произведений (словесных и музыкальных) была усвоена одним народом у другого или возникла в результате взаимодействия их фольклора.

Взаимосвязи и взаимодействие устной поэзии восточных и западных славян начались в глубокой древности и никогда не прекращались. Фольклорные связи обогащали репертуар народов, способствовали развитию их устной поэзии, улучшению взаимопонимания между ними.

Изучением фольклорных связей, в том числе восточных и западных славян, занимались многие ученые XIX в. Ими накоплен значительный материал, в ряде случаев сделаны интересные наблюдения и выводы. Вместе с тем в их работах было немало ошибочных положений и суждений, и среди них — попытка объяснить все сходные явления в фольклоре только заимствованием. Фольклористы прошлого не учитывали, что отдельные мотивы, сюжеты, эпизоды художественного повествования могли возникнуть у различных народов независимо друг от друга. Объяснение всех, даже мельчайших, совпадений заимствованием объективно приводило к умалению творческих возможностей народов, что неоднократно отмечалось в печати.

В XX в. изучение фольклорных связей поднялось на новую ступень. Исследователи, как правило, пытались разграничить то, что возникло самостоятельно, и то, что было создано в результате сотворчества народов или было заимствовано.

Ощутимый вклад в изучение интересующей нас проблемы внесли Ф. Колесса, К. Квитка, П. Богатырев, И. Горак (работы их широко известны), А. Мелихерчик[1] и другие ученые.

Плодотворно исследуют проблемы фольклорных взаимосвязей в Советском Союзе Н. Кравцов, С. Никольский, Б. Путилов,

[1] *A. Melicherčik.* Slovensko-ukrajinské vzťahy v zbojníckom folklóre. «Z dejín československo-ukrajinských vzťahóv. Slovanské štúdie I». Bratislava, 1957, str. 539—548.

М. Гайдай, В. Скрипка, В. Юзвенко [2]; в Чехословакии — В. Гашпарикова [3], О. Зилынский [4], К. Горалек [5]; в Польше — Ю. Кшижановский (многие работы) [6] и др.

Над изучением взаимосвязей восточных и западных славян в области музыкального фольклора в настоящее время работают С. Грица [7], В. Гошовский [8], О. Мельник [9], С. Бурласова [10].

Исследования фольклорных связей восточных и западных славян (чаще двусторонних) публиковались отдельными книгами, в сборниках, а также в периодической печати (см. журналы: «Советская этнография», «Советское славяноведение», «Народна творчість та етнографія», Слов'янське літературознавство і фольклористика», «Slavia orientalis», «Literatura ludova», «Slovenský národopis», «Český lid»).

Исследователями было установлено, что взаимосвязям и взаимовлияниям способствовали близкие или одинаковые социальные условия жизни народов, совместная национально-освободительная и классовая борьба, экономические связи, проживание на одной и той же или на соседних территориях, переселения на новые земли, отхожие промыслы, служба в армии, смешанные браки, работа на заводах и фабриках (рабочий класс, как известно, редко бывает однонациональным по своему составу) [11].

[2] За недостатком места не называем всех работ, в которых освещалась проблема фольклорных связей восточных и западных славян. Сравнительно обширную библиографию см. в журнале «Slavia orientalis» (Warszawa, 1971, N 2, str. 203—212), а также в библиографическом указателе С. Мельц. «Русский фольклор».

[3] *V. Gašparíková.* Slovenská l'udová rozprávka z etnického a interetnického hl'adiska. «Slavistika. Národopis». Bratislava, 1970, str. 184—229.

[4] *O. Zilinskyi.* O vzàjemnych vztazich ukrajinskych českych, a slovenskych lidovych pisni. «Z dejin československo-ukrajinských...» str. 203—247.

[5] *K. Horálek.* Studie o slovanské lidové poezii. Praha, 1962; *он же.* Взаимосвязи в области славянской народной баллады. «Русский фольклор», VIII. «Народная поэзия славян». М.—Л., 1963.

[6] *Z. Krzyżanowska.* Bibliografia prac J. Krzyżanowskiego. «Pamiętnik literacki». Warszawa-Wrocław, 1954, z. 1; *J. Krzyżanowski.* Polska bajka ludowa w ukladze systematycznym, t. I—II. Wrocław, 1962—1963.

[7] Ее исследования напечатаны во многих украинских и чехословацких изданиях. См., например: *S. Grica.* K otázke intonačnej jednoty slovanských baladických piesní a romancí karpatskej oblasti. «Slovenský národopis». Roč. XIV. Bratislava, 1966, číslo 2, str. 344—351.

[8] *В. Л. Гошовский* Украинские песни Закарпатья. М., 1968; *он же.* У истоков народной музыки славян. М., 1971.

[9] *О. Мельник.* Словацько-українські пісенні зв'язки. Видавництво Львівського університету, 1970.

[10] *S. Burlasová.* K charakteristike melódií slovenských l'udových balád. «Slavistika. Národopis», str. 273—298.

[11] М. М. Гайдай высказал интересную мысль о том, что взаимообмен фольклорными произведениями украинцев и западных славян в XVI—XVII вв. мог происходить на турецких невольничьих рынках (*М. М. Гайдай.* Західнослов'янська та українська балада про турецький полон. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 3. Київ, 1967, стр. 112).

От одного народа к другому переходили и переходят отдельные сюжеты, мотивы и даже целые произведения. При этом, как показал В. Гацак, происходят творческое усвоение, историческая и географическая локализация одним народом песенных произведений другого, что служит дальнейшему развитию и обогащению. Создается определенная идейно-тематическая и художественная общность в песенной поэзии разных народов, происходит «интернационализация» многих песен [12].

В результате взаимодействия происходило взаимообогащение тематики, художественно-изобразительных средств и приемов, иногда появлялись новые жанры. Так, например, польские исследователи отмечали, что украинские народные думы были одним из источников польской романтической баллады [13].

Разыскания фольклористов убеждают в том, что в прошлом между восточными и западными славянами существовал сравнительно большой взаимообмен устно-поэтическими произведениями, происходили взаимовлияние и взаимодействие.

Вместе с тем исследователи, к сожалению, не располагали и не располагают достаточным материалом (при кажущемся его обилии), чтобы во всей полноте показать, какими были фольклорные связи даже в недалеком прошлом, чтобы определить место и роль иноязычных произведений в культуре того или иного народа.

Ознакомление с публикациями XIX—начала XX в. убеждает, что наряду с такими книгами, как «Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» Вацлава из Олеска (Львов, 1833), в которой напечатаны украинские и польские песни из Западной Украины (б. Галиции), издавались одноязычные сборники и большие собрания (русские, украинские, белорусские, польские, чешские и т. д.). В них не указывалась национальная принадлежность исполнителей (а без этого нельзя судить о заимствовании). В предисловиях нередко даже не упоминалось о бытовании среди того или иного народа иноязычных произведений. А если и упоминалось, то иногда с тенденциозной, националистической трактовкой.

Примером может служить предисловие П. А. Лукашевича к сборнику «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни». В нем сказано: «Вероятно, это может быть последнее их издание, заимствованное прямо из Малороссии,—там народные песни давным-давно уже не существуют; все они исключительно заменены солдатскими или великороссийскими песнями. Малороссийский парубок за стыд почитает петь другие». И несколько

[12] *В. Гацак.* Песенная поэзия социальных битв и проблема взаимодействия литератур. «Пути развития советской многонациональной литературы». М., 1967, стр. 245.

[13] «Duma». «Wielka encyklopedia powszechna PWN», t. 3, Warszawa, 1964, str. 179.

дальше: «Проезжайте всю Малороссию вдоль и впоперек, и я ручаюсь вам, что вы не услышите ни одной национальной песни» [14]. П. Лукашевич безусловно был неправ, когда писал, что украинцы перестали петь свои национальные песни — они их поют и сейчас, через сто с лишним лет после выхода его сборника.

Отметив факт исполнения украинцами русских песен, П. Лукашевич, однако, не назвал ни одной из них. Не поместил он этих песен и в своем сборнике. Совершенно очевидно, что публикация П. Лукашевича ничего не дает для изучения устного репертуара начала XIX в., для исследования проблемы русско-украинских фольклорных связей.

Подобные факты имели место и в более позднее время.

Представление о фольклорных связях, существовавших в прошлом, могла бы дать регистрация всех произведений, которые исполнял тот или иной народ в определенные периоды истории. Однако такой регистрации не было, да и не могло быть, на том уровне развития науки. Мы бесконечно благодарны собирателям прошлого и за то, что они записали и сохранили для потомства огромное число превосходных образцов национального фольклора каждого народа.

Фольклорные связи между восточными и западными славянами были значительными даже тогда, когда правительства царской России, Австро-Венгрии, шляхетской Польши стремились вызвать национальную рознь, противопоставить один народ другому. Связи эти значительно усилились, когда народы свергли царизм и буржуазные правительства, завоевали национальную и социальную свободу. В новых условиях все народы стали равноправными, активными строителями социализма и коммунизма. В СССР усиливается идейное единство наций и народностей, происходит сближение их культур.

Исследователи пришли к выводу, что без взаимодействия невозможным было бы развитие современных национальных культур. «Никогда еще не было так очевидно, что развитие национальных художественных культур невозможно без самого активного их общения,— писала И. Г. Неупокоева.— Никогда еще не было так очевидно, что подлинно национальная культура может найти за пределами своей страны, у демократического читателя или зрителя другой нации отклик гораздо более глубокий, чем чуждые ему по своей идее и художественному воплощению произведения «своей» национальной культуры» [15].

Сказанное применимо и к народной поэзии, что подкрепляется наблюдениями фольклористов.

[14] *П. Лукашевич.* Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836, стр. 5, 6.

[15] *И. Г. Неупокоева.* Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963, стр. 14.

Так, В. Гашпарикова, исследуя збойницкий фольклор, писала, что на Карпатах издавна были тесные отношения между словаками, поляками и украинцами, в результате чего между этими народами «существовал богатый культурный обмен ценностями и они взаимно обогащались» [16].

К. П. Кабашников, который изучал проблемы белорусской народной поэзии, отмечал, что рабочий фольклор в Белоруссии развивался в одном русле с рабочей поэзией русского и украинского народов. Это способствовало взаимопроникновению и взаимообогащению устно-поэтического творчества, придавало ему интернациональный характер. Черты интернационализма проявлялись не только в усвоении и широком бытовании русских или украинских произведений, но и в общности идей, свойственных рабочей поэзии разных народов [17].

Известно, что несколько польских революционных песен было переведено на русский язык и они заняли достойное место в репертуаре трудящихся России, Украины и Белоруссии, послужив образцом для создания новых произведений. В свою очередь песни русского пролетариата стали любимыми песнями поляков, чехов, словаков и других народов. Советские песни оказали определенное воздействие на чешскую рабочую песню [18].

Фольклорные связи заметно усилились в годы второй мировой войны. Этому способствовали общая цель борьбы с фашизмом, а также личные контакты представителей различных народов в ходе этой борьбы. Чехословацкая бригада генерала Л. Свободы и польская добровольческая дивизия им. Т. Костюшко, а затем Польская армия были созданы и начинали свой боевой путь на территории СССР. В партизанских отрядах и соединениях, действовавших на временно оккупированных фашистскими захватчиками землях России, Украины и Белоруссии, вместе с советскими людьми сражались поляки, чехи, словаки, а в чехословацких и польских отрядах — граждане Страны Советов. После того как в славянских странах трудящиеся взяли власть в свои руки, исчезли национальная рознь и недоверие, значительно усилились экономические связи, контакты населения, несравненно увеличилось число гастрольных поездок артистов, народных ансамблей, коллективов художественной самодеятельности, передач по радио и телевидению песен и музыки братских народов. Все это, несомненно, оказало и оказывает влияние на устный репертуар населения: в него значительно чаще и несравненно быстрее входят песни других народов. Словацкий журналист Евгений Мытник

[16] *V. Gašparíková.* Zbojník Michal Vdovec v histórii a folklóre gemerského ľudu. Bratislava, 1964, str. 128. Резюме на русском языке на 278 стр.

[17] «Беларуская народная вусна-поэтычная творчасць. Гісторыка-тэарэтычная даследаванне». Мінск, 1967, стр. 235.

[18] *V. Karbusický.* Naše dělnická píseň. Orbis Praha, 1953.

так рассказывал о бытовании в Словакии украинских и русских песен:

«А сколько есть (в Словакии — *Б. К.*) песен, которые все с радостью поют. И не только свои, а и песни самых близких наших друзей. Особенно те, которые еще пели в сопровождении гармошки в 1945 году,—«Калинка», «Смуглянка», «Верховино, світку ти наш...», «Катюша», «Через річеньку», «Взяв би я бандуру» и т. д. И те песни, которые мы выучили позже,— они навсегда пленили наши сердца. Вспомним хотя бы «Кажуть люди, кажуть», «Верховино, мати моя», «Ой на плаю вівці пасу», «Гуцулка», «Нова Верховина», «Співаю, співаю», «Посадила'м черешеньку». Е. Мытник писал, что многие из этих песен были выучены на ежегодных смотрах украинской песни в Свиднике от закарпатских художественных коллективов из Ужгорода, Свалявы, Раховщины и др. Песни названных коллективов в Словакии записаны на патефонные пластинки. «Есть здесь и много песен из Москвы, с Урала, из всех братских республик Советского Союза. Все это драгоценные сокровища, подаренные друзьями» [19].

Процессу взаимообогащения и взаимодействия на современном этапе в значительной степени способствует то, что у славянских народов сейчас одни цели — построение социализма и коммунизма, борьба за мир,— одно мировоззрение.

Жизнь настоятельно ставит перед исследователями задачу изучать не только связи, которые имели место в далеком прошлом, хотя и это важно, но и фольклорные взаимосвязи и взаимовлияния в современную эпоху.

Проблема фольклорных связей восточных и западных славян — составная часть другой, более обширной проблемы связей этих народов: в области экономики, культуры и искусства. Поэтому она не может быть решена на основании одного лишь выявления песен, сказок, эпических поэм, заимствованных одним народом у другого. Необходимо учитывать также характер и интенсивность экономических связей, укрепление дружбы народов, их взаимосвязи в области культуры вообще, их философское и эстетическое мышление, принципы создания поэтических образов.

Надо больше внимания уделять фиксации и изучению современного репертуара народных масс отдельных предприятий, сел, городов, районов, областей, республик.

В. И. Ленин писал, что для объективного и всестороннего исследования явления «необходимо брать не отдельные факты, а

[19] *Є. Митник.* Добрий день, пісне! «Пісня дружби». Ужгород, 1964, стр. 42. Дальше Е. Мытник рассказал о словацких песнях, в которых славится дружба народов, высказывается благодарность советским людям за их помощь («Поход Советской Армии», «На гармонике заиграю», «Любовь за любовь» и много других).

всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...»[20]. Только учет всех фактов даст возможность правильно и объективно осветить процессы, происходящие в современном фольклоре, определить роль и место в устном репертуаре того или иного народа заимствованных произведений. Известно, что с изменением конкретно-исторической обстановки, возникновением новых обстоятельств, демонстрацией кинофильмов или появлением новых грампластинок с записью народных песен или песен профессиональных композиторов происходит большее или меньшее изменение устного репертуара. Важно своевременно зафиксировать эти изменения и выяснить, чем они были вызваны.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на VI съезде Польской объединенной рабочей партии говорил: «Живое, непосредственное общение десятков, сотен тысяч людей, строителей социализма и коммунизма стало для нас обычным делом. Но и в этой кажущейся обыденности скрыт глубокий исторический смысл: так закладывается фундамент будущего всемирного братства народов»[21].

Фольклор — искусство миллионных масс трудящихся — играет далеко не последнюю роль в закладывании фундамента братства народов.

В последние десятилетия во всех восточно- и западнославянских республиках было издано немало академических собраний фольклора, антологий и областных сборников. Материал, включенный в областные сборники или в сборники отдельных районов, должен отражать состояние устного репертуара той или иной местности, показать соотношение в нем традиционных и вновь созданных произведений, своих и заимствованных. К сожалению, как правильно писала Н. И. Савушкина, областные сборники представляют современный репертуар очень выборочно, в них включаются тексты, извлеченные из архивов; нечетки границы между живыми, бытующими, и восстановленными в памяти старейших исполнителей произведениями, т. е. в областных сборниках недостаточно показано современное состояние фольклора, его бытование[22]. К этому замечанию следует добавить, что в областных сборниках, за весьма редкими исключениями, не фигури-

[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351.
[21] «Правда», 8 декабря 1971 г.
[22] *Н. И. Савушкина.* Фольклорный быт одного колхоза (по материалам экспедиции в колхоз «Прожектор» Уренского района Горьковской области). «Современный русский фольклор». М., 1966, стр. 54.

руют песни инонационального фольклора, бытующие среди населения того или иного района, не говорится о них и во вступительных статьях[23].

Бывают даже случаи, когда в сборники фольклора местностей, где живет смешанное население, включаются произведения лишь одной национальности[24]. Так, в сборнике «Народное творчество Дона» напечатаны лишь русские песни[25].

Аналогичным образом поступили и составители сборников фольклора Курской и Белгородской областей РСФСР, в которых бытуют русские и украинские устные произведения. Так, в сборники песен и частушек Белгородской области, изданные в 1958, 1960 и 1970 гг., включены только русские песни и частушки, к тому же лишенные украинизмов. Во вступительных статьях не упомянуто, что на территории Белгородской области, наряду с русскими живут и трудятся украинцы, что сказалось на устном репертуаре и фольклоре как русских, так и украинцев[26].

Несколько по-иному поступили издатели песен Курской области А. Руднева[27] и особенно П. Бульбанюк и П. Лебедев[28], которые хотя и не поместили в своих сборниках украинских песен, но отметили их влияние на устную поэзию русского населения области.

Недостатки можно отметить и при публикации областных сборников на Украине. Сошлемся лишь на один пример — «Пісні з Волині»[29]. Наш выбор пал на эту книгу потому, что, как и в предыдущих случаях, мы располагаем свидетельствами собирателей и исследователей XIX в. об устном репертуаре населения Западной Украины (б. Галиции) и, в частности, Волыни.

В 1833 г. Вацлав из Олеска издал «Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego». В предисловии составитель отметил, что в Гали-

[23] См., например: «Фольклор Саратовской области», кн. первая. Составление Т. М. Акимовой, Саратов, 1946; «Сказки и песни Вологодской области». Составители С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955; «Народная поэзия Горьковской области», вып. 1. Составитель и редактор В. Потявин. Горький, 1960.

[24] Издание однонациональных сборников закономерно, однако их содержание должно быть отражено в названии. См., например: *В. Е. Гусев.* Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957; «Русское народное творчество в Башкирии». Составители С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.

[25] «Народное творчество Дона», кн. I. Редакция текстов, вступительная статья и комментарии П. Т. Громова. Ростов-на-Дону, 1952.

[26] «Песни Белгородской области». Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. М. Элиаш. Белгород, 1958; «Белгородские частушки». Составил П. Ф. Лебедев. Белгород, 1960; «Народные песни Белгородской области». Составитель Н. М. Элиаш. Воронеж, 1970.

[27] *А. Руднева.* Народные песни Курской области. М., 1957.

[28] «Курские народные песни». Составители П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск, 1962.

[29] «Пісні з Волині». Упорядкування текстів та примітки О. Ф. Ошуркевича. Упорядкування нотних матеріалів М. С. Стефанишина. Київ, 1970.

ции живут украинцы и поляки, поэтому их песни он поместил в одном сборнике как песни населения определенной территории[30]. В монографии «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» Н. И. Костомаров писал, что на Волыни есть песни, «сочиненные в полупольском тоне и до некоторой степени приобревшие популярность»; в местах же, где украинцы соприкасаются с русскими, возникают песни с более или менее сильным русским влиянием[31].

Следовательно, даже в 40-х годах XIX в. в устном репертуаре Волыни сочетались украинские, русские и польские песни. Удельный вес русских песен заметно увеличился после 1939 г., когда Волынь воссоединилась с Советской Украиной и ее население стало жить и трудиться в единой семье советских народов. Однако процесс взаимовлияния и взаимообогащения не нашел отражения в сборнике «Пісні з Волині». В заметке «От составителей» сказано, что в книгу «включены лучшие песенные произведения, которые своим происхождением или бытованием тесно связаны с Волынью». Однако в сборнике нет ни одной русской или польской песни. Более того, о бытовании этих песен не сказано ни в одной из двух вступительных статей[32].

Произведения одной или преимущественно одной национальности опубликованы также в ряде местных фольклорных сборников, изданных в Польше и Чехословакии[33].

Сказанное о современных публикациях отнюдь не значит, что инонациональный фольклор совершенно не находит места на страницах сборников. Он публиковался, однако, крайне редко[34].

Подобная выборочная публикация очень затрудняет, а иногда делает просто невозможным изучение устного репертуара той или иной местности, а также исследование фольклорных связей народов.

Из отчетов о фольклорных экспедициях, отдельных статей и книг известно, что исследователи располагают иногда значитель-

[30] *W. z Oleska.* Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. We Lwowie, 1833, str. XLII.

[31] «Беседа», кн. IV. М., 1872, стр. 13—14.

[32] См.: *О. Ошуркевич.* Пісенна творчість Волинського краю. «Пісні з Волині», стр. 7—17; *М. Стефанишин.* Музично-стильові риси пісень Волині. Там же, стр. 18—25.

[33] См., например: *A. Oleszczuk.* Pieśni ludowe z Podlasia. Wrocław, 1965; «Písně lidu pražského». Sestavili Václav Pletka, Vladimír Karbusický. [Praha], 1966.

[34] См., например: «Pieśni Podhala. Antologia». Kraków, 1957. В этом сборнике отражены польско-словацкие фольклорные связи. Украинские и русские песни помещены в сборниках: «Пісні, записані на Кіровоградщині». Упорядкування та передмова Г. Самаріна. Кіровоград, 1958; «Песни казаков Кубани». Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966.

ным материалом, который характеризует взаимосвязи восточных и западных славян в области народной поэзии в современную эпоху. Собрали они его сами. К сожалению, этот материал не всегда становится достоянием широкого круга научных сотрудников, преподавателей высших учебных заведений, студентов, а также многочисленных любителей фольклора[35].

В 1960 г. мы высказывали в печати мысль о необходимости записывать и публиковать весь репертуар, независимо от национальной принадлежности исполняемых произведений[36], повторяем ее и сейчас, ибо сама жизнь требует изучения процессов, свидетелем которых является наше поколение.

Так, в Закарпатской области УССР совместно живут и трудятся украинцы, русские, чехи, словаки, другие народы, в Словакии — словаки, чехи, украинцы, в Польше — поляки, украинцы и представители других народов. Это, конечно, способствует контактным связям и взаимообмену фольклорными произведениями, что находит отражение в исследованиях отдельных собирателей. Так, книга О. Мельник «Словацько-українські пісенні зв'язки» во многом написана на непосредственных наблюдениях автора и отражает те процессы, которые происходят в современности.

Весьма интересные наблюдения над бытованием украинского фольклора в Воронежской области РСФСР приведены в статье Я. И. Гудошникова «Традиции и новаторство в советском песенном фольклоре»[37].

Автор констатировал, что русские поют украинские песни в оригинале или с незначительными отклонениями от него, песни на смешанном русско-украинском языке, русские народные переводы украинских песен, песни, которые возникли в результате контаминации русских текстов с украинскими[38].

Весьма желательно, чтобы научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения одной из задач своей собирательской работы поставили выявление заимствованных произведений, бытующих на языке оригинала и в переводе, выяснение, когда и каким путем они попали в устный репертуар, какое идейное и эстетическое воздействие оказывают на слушателей и исполнителей, как эти последние к ним относятся, почему их поют и рассказывают, влияние их на создание новых песен и припевок.

[35] С. И. Грица нам рассказывала, что она собрала довольно значительное число песен, которые свидетельствуют об украинско-польских, словацких, чешских и других взаимосвязях. Судя по исследованиям, В. Гашпарикова располагает большим числом песен, характеризующих фольклорные связи словаков и чехов с украинцами и поляками.

[36] *Б. П. Кирдан.* Про пісенний репертуар широких мас трудящих СРСР. «Народна творчість та етнографія», кн. IV. Київ, 1960, стр. 31—39.

[37] «Современный русский фольклор», стр. 101—105.

[38] В свое время Бэла Барток проследил, как мелодии народных песен переходили от венгров к украинцам и словакам и наоборот.

Если подобная работа будет регулярно проводиться во всех странах и республиках, тогда можно будет нарисовать полную и объективную картину современного состояния фольклора, определить, какой вклад внес тот или иной народ в развитие современной устной поэзии. Наконец, можно будет выявить своеобразие и общие закономерности перехода произведений от одного славянского народа к другому на современном этапе их развития.

В Советском Союзе, где русский язык стал языком межнационального общения, вследствие близости восточнославянских языков нет острой необходимости переводить песни с русского языка на украинский и белорусский. Наблюдения показывают, что русские песни на Украине и в Белоруссии бытуют, как правило, на языке оригинала, без изменений или с весьма незначительными изменениями.

Сказанное особенно относится к песням времени Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны и последующих лет.

В Чехословакии, насколько можно судить по сборнику «Umění bojující», русские песни исполнялись в переводе и на языке оригинала (в сборнике песня «Дубинушка» напечатана на чешском языке, а «Славное море, священный Байкал» — на русском [39]). Болгарские антифашисты русские песни также исполняли на языке оригинала и в переводе, создавали на их мелодии новые произведения [40]. Мы, к сожалению, не располагаем достаточными данными о бытовании русских песен в Польше. В сборнике «Polska poezja rewolucyjna. 1878—1945» напечатано несколько произведений, которые были переведены на польский язык или созданы на мотивы русских песен [41]. Интересно проследить судьбы русских песен в Польше и Чехословакии, а польских и чешских — в России, Белоруссии, на Украине; польских — в Чехии и Словакии и, наоборот, чешских и словацких — в Польше.

Совершенно очевидно, что наибольшее количество материала, характеризующего переход песен, сказок и других жанров от одного народа к другому, дадут районы и населенные пункты со смешанным населением, а также промышленные предприятия, где, как правило, трудятся представители нескольких национальностей. На эти места следует обратить особое внимание, так как нередко отсюда заимствованные песни распространяются среди остальной части населения.

[39] «Umění bojující. Sborník revoluční poezie, hudby a dramatických scén z českého a slovenského umění». Praha, 1971, str. 97—100.

[40] Об этом неоднократно говорится в кн.: *Т. Живков*. Български антифашистки песенен фолклор. София, 1970.

[41] «Polska poezja rewolucyjna. 1878—1945». Wybór i opracowanie Stefan Klonowski. Warszawa, 1966.

Особого внимания заслуживают также многоязычные носители фольклора: их исполнение песен или сказок различных национальностей является связующим звеном между устной поэзией разных народов, способствует переходу произведений от одного народа к другому.

Многоязычные исполнители есть во многих местах, особенно со смешанным населением, как, например, в Закарпатской области УССР, в пограничных районах Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии. Имеют место случаи, когда талантливый сказочник или певец из своей республики переезжает в другую, увозя с собой произведения своего народа. На новом месте жизни и работы он рассказывает сказки или исполняет песни вначале на своем родном языке, затем постепенно начинает переходить на другой язык, усваивая и используя традиции населения, среди которого живет [42].

Большую работу по пропаганде фольклорных произведений проводят коллективы художественной самодеятельности, которые объединяют миллионы наиболее талантливых народных певцов и музыкантов. Эти коллективы исполняют песни своей местности и общенародные, в их репертуаре находят место и песни других национальностей, в том числе и зарубежных дружественных стран [43].

Исполнение коллективами художественной самодеятельности инонациональных произведений — тоже одно из проявлений фольклорных связей. Однако на него, к сожалению, специалисты по народной поэзии обращают слишком мало внимания [44].

Нам представляется весьма важным проанализировать репертуар коллективов художественной самодеятельности и полупрофессиональных ансамблей и хоров с целью выяснения, какое место в нем занимают произведения братских народов. Необходимо изучить роль этих коллективов в пропаганде и распространении в России, Белоруссии и на Украине польских, чешских и словацких

[42] Сказочник Ф. П. Господарев родился в Белоруссии. Здесь прошли его детство и молодость. За участие в крестьянском восстании в 1903 г. был осужден, посажен в тюрьму, а затем пожизненно сослан в Олонецкую губернию. Здесь он рассказывал белорусские и русские сказки (см.: «Сказки Филиппа Павловича Господарева». Запись текста, вступительная статья, примечания Н. В. Новикова. Общая редакция и предисловие М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941).

[43] Об этом очень живо и интересно рассказано в очерках украинских, чешских, словацких и венгерских журналистов, опубликованных в книге «Пісня дружби» (Ужгород, 1964).

[44] *Б. П. Кирдан.* Об общественно-воспитательном значении фронтовой поэзии (1941—1945). «Вопросы народнопоэтического творчества». М., 1960, стр. 146—170; *Л. Г. Бараг.* О роли художественной самодеятельности во взаимодействии русского и нерусского фольклора. «Фольклор и художественная самодеятельность». Л., 1968.

песен[45], а в Польше и Чехословакии — русских, украинских и белорусских.

Настало время нацелить фольклористов на документированное, глубокое и всестороннее исследование фольклорных связей восточных и западных славян. В нем должны принимать участие ученые — словесники и музыковеды славянских стран и республик, хорошо знающие историю, культуру и фольклор своих народов. Совместная работа будет способствовать дальнейшему объединению и сплочению научных сил социалистических стран. Не исключено, конечно, участие в ней и других крупных специалистов-славистов.

В виде первого опыта коллективного труда можно было бы написать исследование о фольклорных взаимосвязях в годы совместной борьбы с фашизмом и издать его к 30-й годовщине великой победы. Выявить произведения, входившие в устный репертуар солдат, офицеров и партизан, помогут воспоминания ветеранов войны, периодическая печать тех лет, мемуарная литература.

Началу коллективного изучения должна предшествовать выработка единой методики исследования, определение структуры будущего труда. Для этого нужен центр, который координировал бы работу ученых, созывал конференции и совещания. Таким центром могла бы стать специальная комиссия при Международном комитете славистов.

Весьма желательно, далее, создание славистического фольклорного журнала, в котором публиковались бы исследования по народной поэзии, материалы дискуссий, рецензии и т. п. Об этом говорил проф. П. Г. Богатырев на IV Международном съезде славистов[46]. Однако журнал не появился и мы снова поднимаем вопрос о его создании. Потребность в журнале очевидна: он позволит оперативнее откликаться на проблемы науки, быстрее вводить в нучный оборот новые наблюдения и материалы. Естественно, что в журнале, если он будет создан, надо отвести значительное место для исследований по проблеме взаимосвязей и взаимовлияния славянских народов в области народной поэзии, особенно на современном этапе ее развития.

Важным и необходимым представляется проведение конференций и совещаний по проблемам взаимосвязи и взаимовлия-

[45] Роль коллективов художественной самодеятельности в собирании, пропаганде традиционных песен и создании новых произведений частично освещена в статьях: *Б. П. Кирдан.* Художня самодіяльність у роки Великої Вітчизняної війни. Ж. «Народна творчість та етнографія», кн. III. Київ, 1959, стр. 11—20; *он же:* Художня самодіяльність і сучасна народна поетична творчість. Там же, кн. III, 1960, стр. 20—29.

[46] *П. Г. Богатырев.* Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. М., 1958, стр. 50.

ния восточных и западных славян в области народной поэзии, что даст возможность устанавливать личные контакты, обмениваться опытом работы, вырабатывать единую методику исследования при написании коллективного труда, выносить на обсуждение специалистов итоги своих разысканий. Совершенно очевидно, что подобные конференции должны тщательно готовиться и созываться тогда, когда появятся какие-то новые результаты исследований, интересные наблюдения и выводы. Полагаем, что названные конференции можно было бы созывать раз в два-три года.

Проблем изучения взаимосвязей и взаимодействия фольклора восточных и западных славян много. Мы остановились лишь на тех из них, без решения которых нельзя ответить на многие вопросы бытования фольклора в современную эпоху, его роли в общественной жизни народов, в воспитании у людей художественных вкусов, в процессе консолидации народов.

Н. И. КРАВЦОВ

РОМАНТИЗМ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ И ФОЛЬКЛОР

1

Вопрос об отношении романтизма к фольклору в известной степени изучен в литературоведении и в общем теоретическом плане и в историческом, и на материале западноевропейских литератур и на материале славянских литератур. И тем не менее его необходимо поставить вновь.

Это вызвано тем, что 1) сравнительно-историческое изучение романтизма и фольклора в славянских странах почти отсутствует, проблема чаще всего рассматривается лишь на материале отдельных литератур без сопоставления общих явлений и без выяснения своеобразия литератур; 2) как правило, не выделяются основные моменты и не охватывается достаточно широкий круг явлений, что не позволяет прийти к общим выводам и убедительно их обосновать; 3) отношение романтизма к фольклору освещается недостаточно конкретно, без должного внимания к художественному методу, жанрам и стилю, а это не дает возможности выяснить формы творческого использования фольклора в романтической литературе; 4) обычно не раскрываются причины обращения романтизма к фольклору и значение этого в литературном развитии.

Важность вопроса «романтизм в славянских литературах и фольклор» и целесообразность его изучения подтверждаются также тем, что романтизм и фольклор в славянских странах были тесно связаны с большими общественными явлениями и историческими событиями; романтизм был весьма устойчивым, жил длительное время, а фольклорные традиции у славян в значительной степени сохраняются и до наших дней.

Изучение проблемы «романтизм и фольклор» требует систематизации накопленных материалов, теоретического их осмысления и раскрытия той роли, которую обращение к народному творчеству играло в период романтизма. Материалы, находящиеся в распоряжении фольклористики и литературоведения, а также задачи изучения проблемы «романтизм и фольклор» вызывают необходимость рассмотреть следующие вопросы: широкий и многосторонний интерес романтиков к фольклору; общественно-исторические факторы их обращения к народному творчеству и идейное значение этого; литературно-эстетические факторы обращения романтиков к фольклору и художественное значение этого; использование романтиками фольклорных жан-

ров и введение их в литературу; сказка, баллада и песня в творчестве романтиков; разработка романтиками новых жанров с использованием фольклорных сюжетов, мотивов, образов и выразительных средств; фантастика в творчестве романтиков и ее связь с фантастикой устного народного творчества; изображение романтиками природы; система художественных средств в романтизме и фольклоре; художественный метод романтизма и фольклора; отличие славянского романтизма от западноевропейского в отношении к фольклору; роль фольклора, и особенно народного эпоса, в обогащении славянских литератур.

2

Писатели-романтики славянских стран в 20-е годы XIX в. приступили к широкому собиранию, изданию, а затем и изучению фольклора. Это было фактом большого идейно-эстетического значения. Изданные ими сборники народнопоэтических произведений имели исключительную ценность: у русских это сборники Сахарова, Киреевского, у украинцев — Максимовича, Костомарова, Кулиша, Вагилевича, у сербов и хорватов — Караджича, Враза, Негоша, Милутиновича, у поляков — Залеского, Жеготы Паули, Вуйцицкого, Семеньского, у чехов и словаков — Шафарика, Коллара, Челаковского, Эрбена, у болгар — Славейкова, Каравелова, братьев Миладиновых. Романтики положили начало и изучению фольклора (труды Шафарика, Венелина, Бодянского, Штура).

Их деятельностью в собирании, издании и изучении произведений фольклора в значительной степени двигали творческие интересы, даже ученые-филологи Бодянский и Срезневский использовали фольклор в своих стихах. Романтики проявили большой интерес не только к творчеству своих народов, но и к творчеству других народов, особенно славянских. В своих теоретических трудах о романтизме они связывали это литературное направление с эстетическими принципами народного творчества. Все отмеченные выше явления были общими для славянских литератур, отличаясь, естественно, национальным своеобразием; например, сербские романтики особенно интересовались эпосом, героическими песнями, чешские и польские — народными балладами.

Эта деятельность романтиков способствовала мировой известности славянского фольклора.

3

Широкое обращение романтиков к фольклору имело свои общественно-исторические основы: начало развития капитализма в условиях национального угнетения, формирование наций и

подъем освободительного движения, в том числе разгром наполеоновских войск на полях России. Ф. Л. Челаковский говорил: «Пламя Москвы озарило всю Россию». Новые жизненные условия ставили перед литературой новые задачи. Катенин отмечал появление новых форм в литературе в связи с ее новым жизненным содержанием, а польский критик Маурицкий Мохнацкий в статье «Романтизм и революция» (1831) обнаружил явную связь общественных явлений и искусства. В предисловии к первому номеру хорватского журнала «Коло» (1842) Драгутин Раковац писал, что славяне поднялись на борьбу против угнетателей и это ставит перед литературой новые задачи.

Новые социальные процессы и исторические явления определили развитие в славянских литературах героического начала, патриотических идей, стремление создать образ героя, связанного с народом, и образ самого народа, прямое обращение к народу. Все это для своего художественного воплощения потребовало обращения к фольклору.

Но подход романтиков к фольклору был различным. Это определялось сложностью и противоречивостью романтизма как художественного метода и литературного направления, противоречивостью творчества отдельных писателей, постепенной идейно-художественной дифференциацией романтизма, изменением общественных и эстетических позиций некоторых писателей. Вместе с тем в романтизме господствовало прогрессивное течение, которое более глубоко понимало и народное творчество. Это относится более всего к писателям, которые вышли из среды крестьянства, основного слоя населения того времени, и участвовали в освободительной борьбе (русские декабристы, Т. Шевченко, П. Р. Славейков, Х. Ботев).

Обращение романтиков к фольклору имело большое идейное значение: оно помогло литературе показать народную жизнь, раскрыть положительные ее стороны, а также лучшие моральные качества народа, углубляло демократизм литературы и ее революционный дух.

4

Обращение романтиков к устно-поэтическому народному творчеству имело и свои литературно-эстетические основы. Необычайное богатство славянского фольклора, который жил тогда полнокровной жизнью, не могло не привлечь к себе их внимания. Многие писатели были связаны с крестьянством, встречали талантливых певцов и сказителей, сами исполняли народные произведения, как П. Негош, Т. Шевченко или А. Кольцов.

В духовной культуре славян фольклор занимал значительно большее место, нежели в духовной культуре западноевропейских народов. Это объясняется их историческими судьбами.

В славянских странах с древних времен сложились традиции связи письменности и литературы с фольклором. Их продолжили непосредственные предшественники романтиков — сентименталисты: Карамзин («богатырская сказка» «Илья Муромец»), польские поэты Карпиньский, Немцевич, Бродзиньский. Романтики еще шире и многообразнее стали использовать фольклор.

В борьбе против классицизма романтизм противопоставил нормативности — свободу творчества, условности — конкретность местного или национального материала, рационализму — культ чувства, ориентации на античность и французскую культуру — ориентацию на творчество своего народа.

Основные эстетические идеи романтизма — народность и национальная самобытность искусства — требовали использования фольклора в целях творческого их воплощения. Проблему народности и национальной самобытности романтики связывали с эстетическими принципами народного искусства. Об этом говорили Сомов, Бестужев, Кюхельбекер, Вяземский, молодой Пушкин, Бродзиньский, Мицкевич, Мохнацкий, Челаковский, Эрбен, Штур и многие другие.

Конкретное ходожественное воплощение принцип народности и национальной самобытности получил в творчестве романтиков в изображении истории и нравов народа, его освободительной борьбы, в создании образа героя, которому свойственны черты национального характера, в передаче национального колорита.

Тема народной жизни у писателей-романтиков стала одной из основных. В своих произведениях они показали в народной жизни то, что содействовало историческому прогрессу общества. В связи с этим в их творчестве рождался принцип историзма как передача своеобразия событий времени, как раскрытие движения истории и противоречий общественной жизни (творчество декабристов, «Гайдамаки» Шевченко, лирика Ботева и Якшича, героические поэмы сербских романтиков, «Каневский замок» Гощиньского). Все это опять-таки заставляло писателей обращаться к художественному опыту фольклора. Но тот же принцип историзма вел их от прошлого к современности, к отказу от идеализации патриархальности и пониманию некоторых противоречий общественной жизни. Романтическое искусство становилось все более реалистическим и социально насыщенным.

Используя народное творчество в целях изображения истории, романтики поставили проблему историзма фольклора, которая до сих пор является одной из наиболее важных проблем фольклористики.

Так как романтизм в славянских литературах развился позже, нежели в западных, то он испытал некоторое влияние западного романтизма, однако отличался большой самостоятель-

ностью и своеобразием как в жизненном содержании, так и в художественных формах, благодаря, в частности, тесной связи с народным творчеством. Пушкин в статье «О французской словесности» (1822) подчеркивал необходимость самостоятельного пути русской литературы: «Есть у нас свой язык: смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.»[1]

5

Обращение романтиков к фольклору значительно обогащало литературу. Прежде всего они расширили систему жанров, введя в нее народнопоэтические формы: сказку, балладу, думу, песню, гавенду. Они создали стихотворную сказку (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин), что весьма показательно, так как поэтика романтизма более всего раскрывалась в поэтических формах. Популярной стала форма народного рассказа — гавенды, широко использованная К. В. Вуйцицким, А. Мицкевичем (в рассказе войского в «Пане Тадеуше» и рассказе старого капрала в третьей части «Дзядов»), А. С. Пушкиным (в «Гусаре»). Исторические события воплощались обычно в форме думы, украинского жанра по происхождению, о чем свидетельствуют К. Ф. Рылеев и современный польский исследователь Ч. Згоржельский. Думы Ю. У. Немцевича, Т. Заборовского, К. Ф. Рылеева, различные по своему типу, восходят тем не менее к народной форме.

Исключительное значение для разработки жанра исторической героической поэмы имели эпические народные песни: былины, юнацкие и гайдуцкие песни, думы, исторические песни. Романтики создавали и большие эпические поэмы, как «Горный венец» П. П. Негоша, «Смерть Смаил аги Ченгича» И. Мажуранича, «Болеслав Храбрый» Т. Заборовского. В целях возвеличения национальной истории и культуры они иногда становились и на путь подделок, как В. Ганка и Й. Линда в «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописях. Впрочем, новые исследования дают основание полагать, что некоторые формы эпоса существовали и у чехов, и у словаков, и у поляков. Жанр исторической героической поэмы более широко разрабатывался сербскими романтиками, менее хорватскими и болгарскими.

В других славянских литературах художественный опыт фольклора использовался в основном для разработки жанров баллады и лирической песни. В России баллады Жуковского, а в Польше Мицкевича положили начало популярности этого жанра, хотя и ранее создавались такие произведения. Мицкевич считал, что в балладе ясно воплощаются эстетические принципы

[1] *А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М.— Л., 1951, стр. 533.

романтизма. Формирование этого жанра в славянских литературах происходило под влиянием фольклора, немецкого романтизма и межславянских связей. Основу баллад обычно составляли народные поверья, как в «Лешем» П. Катенина, «Землянике» Й. Шафарика, и трагические сюжеты. В «Лилиях» Мицкевича использована народная песня «Пани пана убила».

В истории литературы жанр баллады сыграл важную роль: он давал возможность показать картины народной жизни и ее трагические противоречия, утверждал высокие моральные идеалы и право молодых на свободное чувство, он способствовал развитию поэтической фантазии и достижению национальной самобытности литературы; благодаря драматизму сюжетов и ясности моральной оценки поведения героев баллада содействовала углублению психологического изображения и эмоциональной стороны повествования.

В южнославянских литературах баллада имела героический оттенок и была связана с гайдуцкими песнями, в западнославянских носила более бытовой характер; особенно популярен этот жанр был у словаков и украинцев, у которых он, пожалуй, и более близок к фольклору. Видными мастерами этого жанра были Жуковский, Катенин, Пушкин, Шевченко, Мицкевич, Эрбен, Ботто, Калинчак.

Наиболее важным и популярным жанром романтической поэзии, возникшим под влиянием фольклора, стала песня. Лирическая песня — значительное художественное достижение славянских литератур, где выступали талантливые ее творцы: Дельвиг, Кольцов, Боровиковский, Гребенка, Забила, Шевченко, Витвицкий, Гославский, Василевский, Ленартович, Враз, Радичевич.

Литературная песня усвоила основные особенности народной лирической песни: небольшой размер, простоту строения, краткость выражения, сюжетность, типичные сюжетные ситуации, связанные чаще всего с темой любви, композиционные приемы (зачин, сужение образов, цепочную связь), поэтику (сравнения, параллелизм, символику, постоянные эпитеты). В песнях действуют девушка и молодец. Повествование идет в объективированной форме от третьего лица.

Народная песня помогла славянским поэтам создать любовную и пейзажную лирику. Она входила в литературу не только через песни поэтов, но и в виде вставных номеров в драматических произведениях, и в виде цитации песен в прозаических жанрах, где изображался народный быт.

Сюжеты, образы и поэтика фольклора широко вошли в драматургию. Сербская, болгарская, а в некоторой степени и украинская драматургия нередко использовали фольклорный материал. Пьесы строились на основе сюжетов эпических, балладных и даже лирических песен. Господствовали патриотические темы.

6

В творчестве романтиков большое место занимает фантастика как результат характерной для них активности поэтического воображения. Но источником фантастического в их произведениях нередко служит фольклор: мотивы чудесного и волшебного, мифологические и фантастические образы (русалки, вилы, лешие).

Романтики внесли в литературу изображение природы, расширили ее место в произведении и сделали более многообразными ее выразительные функции. Они стали изображать человека среди природы, в философском и в патриотическом плане поставили вопрос об отношении человека к природе. Поэтичность, красоту природы романтики нередко раскрывали в связи с образом родной земли; они придали картинам природы национальный характер (южнорусские степи у русских и украинских романтиков, балканские планины у сербских и болгарских поэтов, Карпаты и Татры у чешских и словацких авторов). Природа в их произведениях стала средством усиления эмоциональности и лиричности и средством передачи переживаний и настроений героев. Романтики широко ввели в литературу народнопоэтическую символику: образы сокола, кукушки, калины, явора, которые часто у них выступают в психологическом параллелизме.

Писатели взяли из фольклора не только типичные мотивы и образы (образ доли, образ вещей птицы, мотив предсказания), но и многие выразительные средства: сравнения, эпитеты, гиперболы, параллелизмы, использовали народный стих и ритмико-интонационные средства фольклора.

Все это создало в романтизме особую разновидность стиля — народнопоэтический стиль, средства которого вошли в литературу, сначала в романтическую, а затем остались в ней и после романтизма.

7

Наблюдения над отношением романтизма к фольклору позволяют считать, что связь романтизма с фольклором была прогрессивным явлением, содействовала развитию в литературе ее ценнейших качеств — народности и национальной самобытности, обогащала выразительные средства литературы, способствовала созданию произведений большой идейно-художественной ценности, вела к возникновению новых жанров, обнаруживала внутреннее сходство творческого метода романтизма и фольклора; художественный метод фольклора времени романтизма был методом романтического типа, и романтизм как метод мог возникнуть лишь при обращении художников слова к фольклору, недаром именно романтики стали широко его собирать и творчески использовать.

К. В. ЧИСТОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Настоящий доклад не может исчерпать многочисленных фольклористических проблем, имеющих этнический аспект. Мы не ставим перед собой и историографической задачи — исторический обзор возникновения и разработки этих проблем мог бы составить целую книгу. Да, пожалуй, и не одну книгу, так как с первых десятилетий существования фольклористика в славянских странах (как и во всей Европе) разрабатывала в сущности всегда два основных вопроса: 1) причины и закономерности возникновения сходных явлений в различных этнических средах и 2) национальные отличия и национальное своеобразие фольклорной традиции и ее роль в развитии национальной культуры в целом [1].

Не будем предпринимать и библиографический обзор разработки этих проблем в последние десятилетия, хотя он и был бы несомненно полезен. Наша задача, как мы ее понимаем, и значительно проще, и сложней — поделиться с фольклористами-славистами некоторыми теоретическими размышлениями, связанными с темой, которая представляется наиболее актуальной.

Послевоенные десятилетия войдут в историю как период интенсивного сближения славянских стран. Естественно, что в этих условиях популярными стали исследования различных проблем, связанных с взаимоотношениями славянских народов,— их языков, культуры, истории, художественного творчества, политических, культурных, научных и творческих связей. В этом смысле наши дни можно было бы сравнить с первыми десятилетиями XIX в., когда идея славянской взаимности сыграла чрезвычайно важную роль в развитии изучения как отдельных славянских народов, так и общеславянских проблем. Разумеется, сближение это условно, так как в увлечениях ученых того времени было много романтического. Широта открывшихся перспектив и

[1] Из недавних обзоров укажем на «Введение» к книге Б. Н. Путилова «Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование» (М., 1971, стр. 5—30) и статьи Ю. И. Смирнова «Славянская этническая общность (изменчивость уровней эпики)» («Советское славяноведение», 1967, № 6, 27—30) и «Проблемы изучения межславянской фольклорной общности» (там же, 1967, № 1, стр. 32—41). См. также статью Н. И. Кравцова «Южнославянский эпос (к вопросу о терминологии)» («История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 240—247).

научный энтузиазм были в явном противоречии с состоянием фактических знаний, которые еще только добывались.

Современное развитие славяноведения как комплексной науки не снимает, а скорее всего именно предполагает необходимость периодического обсуждения элементарного вопроса — имеют ли теоретическое обоснование и свой строго очерченный и хотя бы относительно однородный предмет изучения и славяноведение в целом, и славянская фольклористика в частности?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы представляем себе общность славянских народов, насколько понятие общности закономерно распространять на такие разнородные области, как язык, фольклор, обряды, верования, материальная культура, народное и профессиональное искусство, литература, экономическая и политическая история славянских народов, их наука, социальная организация, этническое самосознание и т. д.

В приложении к фольклористике подобный вопрос можно сформулировать так: какова мера общности и как проявляется эта общность в сфере фольклора, представляет ли собой фольклор славянских народов некое единство, имеющее единую историю и подчиняющееся единым закономерностям?

Известно, что романтическая фольклористика отвечала на этот вопрос безоговорочно утвердительно. Она понимала славянский фольклор именно как единое явление, пусть и в разной степени сохранившееся в различных районах расселения славянских народов. Поэтому считалось естественным выяснять те или иные конкретные проблемы развития фольклора какого-нибудь из славянских народов путем привлечения записей фольклора любого другого славянского народа, говорить о славянском фольклоре и мифологии славян в целом и т. п.

Современная фольклористика не может отвечать на этот вопрос однозначно. История славян была длительна и сложна. Территория, ими занимаемая, обширна — от крайнего северо-востока Европы до Балканского полуострова и от Центральной Европы и Адриатики до Тихого океана. Славяне в ходе истории входили в контакты самого различного типа (взаимообмен, ассимиляция, интеграция, завоевание, обтекание этнической территории, вытеснение, чересполосное расселение и т. д.) с народами самых разнообразных языковых семей и их ветвей (германской, романской, балтской, финно-угорской, тюркской, монгольской, иберийской, палеоазиатской и т. д.), находившихся на различных уровнях развития (от родового строя до развитого капитализма и социализма).

Если бы мы ничего не знали о фольклоре славянских народов, мы имели бы право, учитывая все эти обстоятельства, теоретически предположить, что он не может быть во всех отношениях единым и однородным. Как бы ни было сильно, особенно в некоторые исторические периоды, взаимное тяготение славян, отдель-

ные племена, а потом народы, по крайней мере с VII—IX вв., переживали в той или иной мере самостоятельную политическую историю, свои социальные, национальные, культурные и иные проблемы.

Все сказанное, однако, не означает также и отрицания общности фольклора славянских народов. Несомненно, что общность сочетается с различиями, причем эти сочетания неодинаковы (точнее — не однотипны) в разных хронологических и жанровых слоях фольклора (ср., например, обрядовый фольклор и песни рабочих, волшебные сказки и поздние анекдоты, ранний героический эпос и исторические песни XVIII—XIX вв., пословицы и народный театр и т. д.). Теоретически мы могли бы ожидать наибольшую общность (близость) в наиболее архаических слоях и наибольшее расхождение — в поздних. Однако это не вполне так. Например, близость обнаруживается в таких поздних явлениях, как партизанские песни периода второй мировой войны (см. работы В. Е. Гусева) [2].

Определение типов, форм и меры общности и различий в фольклоре отдельных славянских народов (восточных, западных, южных) и одновременно меры общности славян и других народов Европы и Азии (особенно непосредственных соседей) — одна из наиболее актуальных задач славянской фольклористики. Думается, что эта обширная и сложная задача не может быть решена без теснейшего союза фольклористики с другими славистическими дисциплинами, и особенно этнографией, изучающей этническую историю славянских народов и их культуру на бытовом уровне. Полезен в этом смысле был бы и опыт других комплексных наук, подобных славистике, — романистики, германистики, тюркологии, финно-угроведения и т. д.

Разумеется, учет опыта этих наук не упростит ситуации, скорее, наоборот, он поможет нам яснее отдать себе отчет в ее сложности. Так, если при изучении архаических слоев фольклора германоязычных народов признается необходимость существования единой фольклористической германистики [3], то при изучении более поздних слоев фольклористы обращаются не столько к общегерманскому материалу, сколько к фольклору соседей, принадлежащих к иным языковым семьям, — народам романским, славянским, балтским, финно-угорским (венгры) и т. д.[4] Что же касается романистики, то она существует почти исключительно как

[2] Впрочем, окончательное суждение о характере общности славянского фольклора в этой сфере может быть выработано только после сопоставления с фольклором партизан других европейских народов (французских маки, итальянских, голландских, бельгийских, норвежских и других партизан).

[3] См., например, предисловие В. М. Жирмунского к книге А. Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах» (М., 1960).

[4] См., например: *K. Ranke*. Folktales of Germany. Chicago, 1966; *Leander Petzold*. Deutsche Volkssagen. München, 1970; *R. Wossidlo — G. Henssen*. Mecklenburger Erzählen. Berlin, 1957.

лингвистическая дисциплина. Относительно поздняя романизация самых различных этнических общностей (германских, кельтских, дако-иллирийских и т. д.) сделала их носителями романских языков, но это далеко не означало перенесения в эти группы всех культурных традиций романского происхождения. Тем более нет основания говорить об общности поздних слоев культуры (например, об общности португальской и молдавской литературы).

Еще сложнее решается аналогичный вопрос в современном финно-угроведении. В 1948—1949 гг. он возник в дискуссии, получившей свое печатное отражение в статьях Н. Н. Чебоксарова и Д. В. Бубриха в журнале «Советская этнография» [5], а в 1960 г. снова был поднят финским академиком К. Вилкуна в докладе на конгрессе финно-угроведов в Будапеште [6]. Финно-угроведы, если миновать частности и некоторые расхождения во мнениях, пришли к следующему выводу: языковое родство финно-угорских народов несомненно, поэтому существование финно-угроведения как лингвистической дисциплины обоснованно. Вместе с тем народы, говорящие на финно-угорских языках, расселились столь широко в Европе и отчасти Азии, переживали столь различные исторические судьбы, что их культуры формировались не только под воздействием собственно финно-угорских традиций, но и в результате адаптации в весьма различных географических условиях и в контакте с весьма различными соседями. Они не составляют единого типа. Поэтому в конечном счете можно говорить только об относительном единстве отдельных территориально близких и не терявших контакта друг с другом групп финно-угорских народов — прибалтийской, поволжской и др. Особенно выразительно сказалось все это в формах культуры, относительно поздних по возникновению. Так, например, финская, венгерская, мордовская и мансийская литературы имеют между собой очень мало общего, или, вернее, они имеют столько же общего, как любые другие произвольно выбранные европейские или азиатские литературы. Финно-угорские связи, влияния и традиции не имеют для них специального значения.

Обсуждение этого вопроса сыграло положительную роль в современном финно-угроведении. Оно способствовало преодолению так называемых панфинских настроений и тенденций, более объективному и внимательному изучению связей финно-угров с народами других языковых семей.

Разумеется, было бы большой ошибкой механически переносить то или иное решение, сложившееся у германистов, романи-

[5] *Н. Н. Чебоксаров.* Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185; *Д. В. Бубрих.* О советском финно-угроведении. Там же, 1949, № 2, стр. 189—196.

[6] *K. Vilkuna.* Die finnisch-ugrische Ethnologie heute. В сб.: «Nemzetözi finnugor Kongresszus». Budapest, 1960, 1—17 old.

стов или финно-угроведов на славянские народы. Семьи языков, т. е. надэтнические языковые общности, формировались в разное время и в разных условиях. Нет также оснований считать, что степень их исходной («стартовой») однородности была одинакова. И тем более различна их судьба в последующее время, и это определило меру современной близости и расхождения языков.

Славянские языки не только по общим чертам своего грамматического строя, но и морфологически, фонетически и лексически несравнимо ближе друг другу, чем, например, принадлежащие одной индоиранской ветви индоевропейских языков осетинский и таджикский языки или принадлежащие одной группе финно-угорских языков хантыйский и венгерский. Известно, что родственность двух последних названных пар может быть установлена только путем специальных научных изысканий. Славяне же не потеряли возможности договориться между собой без помощи третьего языка [7].

Не будем повторять всем известные подсчеты соотношений лексических совпадений, произведенные в свое время Т. Лер-Сплавиньским [8]. Им можно придать не только (и, может быть, даже не столько!) генетическое значение. Они характеризуют коммуникативные возможности при контакте представителей разных языковых семей и славян. Разумеется, они условны и приблизительны хотя бы потому, что не учитывают особых ситуаций, возникающих при контакте маргинальных диалектов в районах этнических встреч и тем более механизма современных надконтактных взаимодействий и некоторых других усложняющих обстоятельств [9].

Но дело не только в этом. Важно то, что переход того или иного фольклорного явления в иноэтническую среду совершается в определенных случаях при преодолении языкового барьера (славяне — неславяне), главным образом при посредстве двуязычия, в других случаях барьер этот или вовсе не существует, или не играет заметной роли (славяне — славяне).

Кроме языковых, значительную роль играют так называемые психологические барьеры [10], представляющие собой сложное про-

[7] Несомненно, что пресловутая формула, по которой немецкий язык — это «allgemeine slawische Umgangssprache» — преувеличение, порожденное языковой ситуацией Австро-Венгрии с ее характерным славяно-немецким двуязычием.

[8] *T. Lehr-Splawiński.* O pochodzeniu i praojczysne Słowian. Posnań, 1946.

[9] Отметим, что в современной лингвистике изучаются не только семьи языков, но и так называемые «языковые союзы», т. е. группы языков (не обязательно родственных и, более того, чаще именно неродственных), длительное время развивавшихся в контакте.

[10] «Kontakt und Grenzen». Göttingen, 1970; *O. Sirovátka.* Die zwischenslawischen Beziehungen in der Volksdichtung und die Kontaktzone. «Ethnologia slavica», vol. I, 1969; *K. Ranke.* Grenzsituationen des volkstümlichen Erzählgutes. «Europa et Hungaria». Budapest, 1965.

изводное от сочетания этнических традиций и конкретной социально-культурной ситуации, характерной для каждого народа в определенный период его исторического развития. В каждый хронологический момент существуют некие культурно-психологические общности, границы которых могут не совпадать с этническими границами. Возникновение их стимулируется языковым родством, родством этнических традиций, общностью исторических судеб, сходностью социально-культурной ситуации и т. д. Для славян же важно еще одно обстоятельство.

Кроме генетической общности и теснейшей родственности языков, славянам на протяжении всей их истории было свойственно славянское самосознание. Несмотря на все обстоятельства, о которых говорилось выше, им удалось все-таки не потерять контакта и сознания своего сродства.

Мы не можем в рамках настоящего доклада анализировать причины этого замечательного явления. Скажем только, что в нем нет ничего мистического и оно может быть объяснено вполне рационально. Важную роль в этом процессе сыграли политические и культурные контакты, непрерывность территории расселения славян, связь восточнославянской и южнославянской (на раннем этапе и западнославянской) письменности, длительная борьба южных славян против византийской и турецкой, западных славян — против австро-немецкой и венгерской, восточных славян — против татарской и немецкой экспансии, наконец, социалистическое развитие славянских народов в последние десятилетия. Периоды обострения и ослабления общеславянского самосознания чередовались, в XIX и XX в. оно оказывалось сильнее, чем в некоторые предшествующие периоды.

Эпизоды притяжения сменялись эпизодами отталкивания, однако факт сохранения общеславянского самосознания в различных формах и при всех ситуациях несомненен. В докладе В. Д. Королюка на предыдущем съезде славистов была очень убедительно показана несостоятельность попыток утверждать, что общеславянского сознания не существовало уже якобы даже в средневековье [11].

Несомненно, что, например, православие имело для Киевской Руси привлекательность не только потому, что это была государственная религия Византии,— оно имело в южнославянской среде свой славянский вариант, и существовала славянская письменность, обслуживавшая как религиозно-обрядовые, так и светские нужды. Политическая и культурная ориентация южных и западных славян на Россию в XVIII и XIX вв. находила свое обо-

[11] *В. Д. Королюк.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. В сб.: «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 98—113.

снование в том, что это была страна, населенная славянами — русскими, украинцами, белорусами. Вместе с тем несомненно и то, что в различных жизненных сферах и на различных уровнях — государственном, религиозном, социальном, научном, литературном, бытовом, фольклорном, обрядовом и т. д. общность славян и проявлялась, и осознавалась по-разному.

Развитие отдельных народов нельзя мыслить как движение однажды и навсегда сформированного железнодорожного состава по заранее проложенным рельсам. Процессы дифференциации сопровождались перегруппировками, интеграцией, перемещением во времени и в пространстве. Периоды размывания границ сменялись периодами их стабилизации, вместе с тем на различных этапах очень по-разному действовали факторы экономические, политические, социальные, идеологические и т. д. Если прибегать к метафоре, то развитие народов и их культуры можно представить как переплетение корней, стволов и ветвей в джунглях.

Не удивительно, что и традиционная бытовая материальная культура славян при некоторых общих чертах представляет собой весьма относительное единство. Так, например, невозможно говорить о какой-либо общности севернорусского жилища и черногорских домов-башен (кула) или словенского каркасного жилища.

Границы бытования основных типов традиционного жилища у славян не совпадают с границами расселения отдельных славянских народов. Внутри отдельных регионов они связаны с типом хозяйства, уровнем развития, особенностями социального строя, специфическими природными условиями и т. п. Так, севернорусское жилище сходно с жилищем карел и коми; дома-кулы объединяют черногорцев с албанцами и некоторыми другими народами на Балканах и на Кавказе, для которых в недавнем прошлом были характерны пережитки военно-племенного быта; каркасные дома словенцев сходны с жилищем, бытующим у венгров и сербов. Совершенно так же и традиционные сельскохозяйственные орудия, бытовавшие и частично бытующие у славян, как правило, сходны с орудиями их соседей по региону (север Европейской части СССР, Поволжье, Карпаты, Балканы и т. д.) [12].

Ограничимся приведенными примерами. Они ясно свидетельствуют о том, что языковая общность славян, несмотря на устой-

[12] См. переиздание книги К. Мошиньского («Kultura ludowa Słowian», t. I—III, 1965), тома серии «Народы мира» («Народы Европейской части СССР», т. I. М., 1964 и «Народы Зарубежной Европы», т. I—II. М., 1964—1965), «Очерки общей этнографии» («Европейская часть СССР». М., 1968 и «Зарубежная Европа». М., 1966), а также книги: *Б. Дробнаковиħ.* Етнологија народа Југославије, deo I. Београд, 1960; *T. Wróblewsky.* Wspólne elementy w ludowych kulturach środkowei Europy. Posnań, 1961; *Chr. Vakarelski.* Etnografia Bulgarii. Wrocław, 1965; «Lidová kultura» в серии «Československá vlastivěda», díl. III. Praha, 1968.

чивость славянского самосознания, не влечет за собой равномерной общности культуры этих народов.

Различные элементы культуры славянских народов требуют специфического и дифференцированного подхода. Изучение этого вопроса представляет значительные трудности и для этнографов, и для фольклористов. Близкая по своему характеру задача поставлена в настоящее время перед коллективным трехтомником, над которым начали работать этнографические учреждения славянских стран при участии славистов-этнографов ГДР (Институт лужицко-сербской этнографии в Будышине). В нем будет предпринята попытка сравнительного изучения культуры и быта славянских народов в общеславянских масштабах, в масштабах отдельных групп славянских народов (восточные, западные и южные славяне) и в их связях с народами их историко-этнографических регионов (Восточная и Центральная Европа, Балканы). Задуманный трехтомник должен будет ответить на поставленный вопрос — о характере и мере общности и различий славянских народов в целом и в отдельных сферах традиционной бытовой культуры.

Если можно было бы выработать единый для различных сфер критерий общности, то, вероятно, интересно было бы составить своеобразную шкалу, на одном конце которой был бы язык (максимальная общность), а на другом — какие-то элементы материальной культуры, особенно тесно связанные с типом хозяйства, уровнем его развития и природными условиями, например — сельскохозяйственные орудия (минимальная общность). Между этими крайностями разместились бы все остальные элементы и формы культуры. Где же расположился бы на этой шкале фольклор?

Вопрос этот требует не только систематического изучения, но и выработки специальной методики, которая позволила бы сделать достоверные выводы как в отношении отдельных жанров фольклора (они явно будут неодинаковы [13]) и отдельных групп фольклорных произведений, так и всего фольклорного массива в целом. Сейчас же можно говорить лишь о некоторых общих моментах подхода к решению этой проблемы. И все же нам кажется, что полезно обменяться предварительными соображениями.

1. Фольклор — совокупность традиционных художественных форм (явлений, структур), связанных с языком и функционирую-

[13] Ср. выводы В. М. Жирмунского об относительной «непроницаемости» героического эпоса для иноэтнических влияний и значительно большей общности для них сказки, устной романтической повести и баллады (*В. М. Жирмунский.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.— Л., 1962). Ср. также работы О. Сироватки, В. Гашпариковой, Э. В. Померанцевой, Б. Н. Путилова и других о механизме влияний и заимствований, опубликованные в последние годы.

щих в народном быту[14]. В этом предварительном определении, не претендующем на полноту, все же отражены некоторые качества фольклора, которые мы должны иметь в виду при выработке метода решения поставленной проблемы.

Фольклор — явление бытовое и традиционное. В отличие от некоторых современных профессиональных форм (книги, кинофильма, радио- и телеспектакля) фольклор, оставаясь фольклором, может распространяться только при непосредственных контактах его носителей, т. е. от человека к человеку. Именно поэтому для фольклористики важны затронутые уже выше проблемы родства языков, двуязычия, психологических барьеров и т. д.

Разумеется, в наши дни фольклорный по происхождению текст можно прочитать в книге, услышать по радио, увидеть и услышать в кино и т. д. Однако все это примеры функционирования не фольклорного типа. Они для фольклора случайны и не могут быть признаны нормальными.

Для функционирования фольклорного типа характерен естественный (т. е. при использовании первичной знаковой системы — речи) и контактный (т. е. обеспечивающий одномоментность воспроизведения и восприятия) тип коммуникаций[15].

Это определяет сравнительную медленность распространения фольклорных текстов, повышенную роль языковых и психологических барьеров и локальной вариативности текста в пределах даже сравнительно замкнутой и небольшой социально-психологической общности, принявшей его (т. е. усвоившей его, превратившей его из достояния одного лица в достояние коллектива и приспособившей к своим потребностям и вкусам). Именно поэтому фольклор несмотря на свою эстетическую ценность не может в полной мере соответствовать современному тяготению национальных структур к внутренней бытовой и культурной однородности. Впрочем, к этому вопросу в другом аспекте мы вернемся несколько позже.

С другой стороны, фольклор — форма бытовой традиционной культуры, связанная с языком. Важно при этом то, что язык — не просто система речевых знаков, безразличная к информации, которую она передает. В языке накапливается и сказывается исторический опыт его носителей. Поэтому язык — не просто коммуникативное средство, но и одна из форм духовной культуры.

Язык фольклора — это всегда и форма, и материал, из которого строится художественное произведение. Он — накопитель семантических, психологических, стилистических, идеологических и других традиций.

[14] См. нашу статью «О взаимоотношении фольклористики и этнографии» («Советская этнография», 1971, № 5).

[15] Подробнее см. в нашей статье «Специфика фольклора в свете теории коммуникации» («Вопросы философии», 1972, № 6).

Поэтому родственные языки могут не только создавать сходные поэтические системы, но и хранить их очень долго, включая и те, которые, может быть, восходят к глубокой древности.

Это не значит, разумеется, что выявить эти древнейшие черты стиля или, шире, поэтики фольклора славянских народов — легко. Фольклористика занята этой проблемой давно (от работ Ф. Миклошича до исследований последних лет) [16], но не все добытые результаты считаются в равной степени надежными, прежде всего потому, что не всегда учитывались и сходные явления у неславянских народов, и возможность их параллельного и самостоятельного возникновения у отдельных славянских народов.

Вместе с тем для нас сейчас важна и другая сторона дела. Языковая общность славян предопределяла возможность близости фольклорных явлений, однако она не всегда реализовалась. Поэтому, учитывая ее важность, не следует преувеличивать ее значение [17].

2. Вопрос о славянской фольклорной общности тесным образом связан с проблемой национального своеобразия фольклора. Эта проблема тоже возникла в романтический период развития фольклористики и славянских литератур. Фольклор не только подтверждал идею славянской взаимности, но воспринимался как естественный фундамент, на котором можно и должно строить здание новой национальной культуры (литературы, музыки, театра и т. д.) [18]. Это вполне закономерно. Если мы обратимся к любому европейскому национально-романтическому движению XVIII—XIX вв. или национально-романтическому движению XX в. в Азии и Африке, мы можем наблюдать сходные явления: столь же страстное обращение к фольклору своих народов, собирание, изучение и публикация его, использование его во всех видах и формах молодого национального искусства и литературы.

Романтическая фольклористика еще не знала, что этнические традиции в фольклоре, так же как и в других сферах народной культуры, неизбежно сочетаются с проявлением более общих закономерностей, характерных для определенной стадии социально-экономического развития, конкретного хозяйственно-культурного типа, типичной этнокультурной ситуации, определенных регионов и т. д.

[16] *П. Г. Богатырев.* Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. М., 1958.

[17] Уже И. Поливка, как недавно напомнил об этом О. Сироватка, упрекал финскую школу в том, что она преувеличивает значение родственных языков в процессе распространения фольклорных произведений (*J. Polívka.* Rybář a zlatá rybka. «Národopisný sborník československý», 1897, N 1, str. 63; Ср.: *O. Sirovátka.* Die zwischenslawischen Beziehungen in der Volksdichtung und die Kontaktzonen. «Ethnologia slavica», t. I, 1969, str. 157.

[18] Третья основная линия развития фольклористики славянских народов — социальная, т. е. постижение социальной природы фольклора и его роли в жизни трудовых масс села и города,— здесь нами не обсуждается.

Напомню о хорошо известном всем фольклористам классическом парадоксе, который сыграл значительную роль в истории европейской фольклористики. Знаменитый сборник братьев Гримм «Детские и домашние сказки» по замыслу составителей должен был продемонстрировать прежде всего немецкие национальные фольклорные традиции, их ценность и своеобразие как проявление древнегерманского духа. Ныне же в сознании каждого фольклориста сборник братьев Гримм неотделим от пятитомного комментария к нему, составленного И. Больте и И. Поливкой[19]. Он представляет собой свод международных параллелей к сюжетам сказок, вошедших в сборник братьев Гримм. Выяснилось, что подавляющее большинство их имеют близкие аналогии в сказочной традиции других европейских народов, а подчас и народов, расселенных в других районах земного шара.

Вообще, как это ни показалось бы странным современникам братьев Гримм, международная фольклористика сейчас значительно лучше оснащена инструментарием, помогающим учесть фольклорные элементы (мотивы) или комплексы элементов (сюжеты), имеющие не национальный, а именно международный характер или распространение в пределах какого-либо региона (ареала, историко-этнографической области).

Наряду с многочисленными национальными указателями сюжетов возник международный каталог, составленный С. Томпсоном по системе А. Аарне[20].

В настоящее время ведется работа над подобным же указателем народных преданий и легенд в европейских масштабах. Известно, что большинство преданий, бытующих в той или иной этнической среде, имеет очень конкретные приуроченья — хронологические, локальные, персональные. И тем не менее для их сюжетов есть поразительные аналогии в фольклоре других народов, иной раз совсем не родственных и не общавшихся друг с другом.

Не объединены в указатели, но по существу тоже выявлены и учтены сюжеты повествовательных песен — героико-эпических, исторических и баллад. Одновременно создан международный внежанровый указатель мотивов («Указатель фольклорных мотивов» С. Томпсона[21]).

Можно спорить о том, каким образом в фольклоре различных народов сформировались сходные сюжеты и мотивы (сравни, на-

[19] «Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», Bd. I—V. Leipzig, 1913—1931.

[20] «The Types of Folktale». Helsinki, 1964. В Советском Союзе начата работа по созданию сводного указателя сказочных сюжетов восточных славян (Н. В. Новиков, Л. Г. Бараг, К. П. Кабашников, И. П. Березовский) на основе русского и украинского указателей Н. П. Андреева, составленных по системе А. Аарне.

[21] *S. Thompson.* Motiv-Index of Folk-Literatur. Copenhagen, 1959.

пример, дискуссионные статьи последних лет К. Горалека, Б. Н. Путилова, Э. В. Померанцевой, К. В. Чистова и др.). Несомненно, что монистические решения рискованны. История мирового фольклора знала и самостоятельное, независимое возникновение сходных сюжетов, и заимствование, и параллельное развитие архаического наследства родственных народов[22]. Сейчас же нам важно, что современная фольклористика располагает большим запасом наблюдений, подтверждающих повторяемость сходных фольклорных явлений в разных этнических средах.

Значит ли это, что все в фольклоре интернационально и никаких этнических особенностей фольклорной традиции не существует? Разумеется, нет! Утверждать это было бы так же рискованно и односторонне, как и утверждать прямо противоположное.

История европейской фольклористики с первых десятилетий своего формирования как самостоятельной науки представляет собой смену и вместе с тем сосуществование направлений, одни из которых стремились выяснить закономерности и механизм возникновения повторяющихся сходных явлений, другие—объяснить фольклорную традицию того или иного народа в связи с особенностями его собственной истории, культуры, психологии. Направления эти обычно противоборствовали, причем подчас очень непримиримо. Каждое из этих направлений возникало по определенным историческим, социальным, политическим или другим причинам и имело свои достоинства и недостатки. Анализировать их не входит в задачу настоящего доклада. Важно подчеркнуть, что они могли бы сотрудничать, так как разрабатывали разные стороны единого процесса, в котором диалектически сочетается этническое и межэтническое, национальное и интернациональное.

Для того чтобы изучение конкретных обстоятельств и условий сочетания этнического и межэтнического (или интерэтнического) приобрело более ясную историческую перспективу, необходимо ввести в наши теоретические рассуждения по крайней мере три момента.

Во-первых, этническое и интерэтническое очень часто нерасчленимо на отдельные элементы, которые можно было бы со всей определенностью отнести к той или другой категории. Совершенно так же, как отдельный человек может чувствовать себя, например, помором[23], русским и европейцем одновременно, или ходом[24], чехом и европейцем, или кашубом[25], поляком и европей-

[22] См. теоретическое рассмотрение этих вопросов в докладе академика В. М. Жирмунского на IV съезде славистов в 1958 г. в Москве (*В. М. Жирмунский.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958).

[23] Группа русского населения на побережье Белого моря.

[24] Чешская группа на границе с Баварией.

[25] Северопольская этнографическая группа.

цем, любой фольклорный элемент (мотив, стилистический стереотип, метафора и т. д.) и тем более любой фольклорный комплекс теоретически может одновременно принадлежать какой-нибудь локальной группе и целому народу, и группе народов, и всем народам Европы вместе. Нам хорошо известны не только отдельные сюжеты сказок или баллад, популярных у многих народов Европы, но и целые группы сюжетов, образующие хронологические пласты, и целые группы жанров, принадлежащие одновременно нескольким народам (например, эпические песни о Марко Кралевиче или, если выходить за пределы славян, нартский эпос, принадлежащий в равной мере ряду народов Северного Кавказа и абхазам, отдельные циклы рун, принадлежащие разным группам карелов (ливвикам, людикам и собственно карелам), ижорцам и финнам Карельского перешейка, эпос «Кер-Оглы» («Гюругли»), бытующий у многих тюркоязычных народов (туркмен, узбеков, казахов, азербайджанцев, каракалпаков, грузин, армян и среднеазиатских арабов). Версии этих эпосов, с одной стороны, как правило, совпадают в своих основных сюжетных линиях, с другой стороны, отличаются своеобразием и оригинальностью. Принадлежность всех этих явлений какой-либо группе народов совершенно не противоречит их локальной вариативности, тому, что определенные тексты в конечном счете всегда принадлежат определенной местности, т. е. определенному этническому подразделению какого-то народа, и определенным исполнителям.

Если не держаться догматических теорий заимствования или, точнее, если не считать, что в основе любого сходства лежит обязательно заимствование, то повторяемость фольклорных явлений в каждом конкретном случае может быть объяснена своеобразным комплексом причин, действовавших примерно одинаково в разных этнических средах на примерно одинаковых исторических и культурных этапах их развития.

Вопрос о происхождении того или иного фольклорного явления не может заслонять проблемы закономерностей его бытования в той или иной среде. Создал ли конкретный народ изучаемый нами сюжет совершенно заново или воспользовался чем-то готовым — и первое, и второе в равной степени говорит о том, что бытование этого сюжета отвечало потребности, имевшей свои исторические причины и основания.

Высказанная нами точка зрения не нова. Развитие ее приводит к пониманию возможностей параллельного возникновения сходных явлений в различных этнических средах, сравнительное изучение — к историко-типологической методике, в центре которой оказываются не просто судьбы отдельных сюжетов или мотивов, но общие закономерности фольклорного процесса у разных народов как имевших, так и не имевших прямых культурных контактов.

Во-вторых, чтобы теоретическое понимание соотношения этнического и межэтнического, национального и интернационального развивалось успешно, необходимо отказаться от предубеждения, в равной степени распространенного как среди фольклористов, так и среди этнографов. Нам уже приходилось писать о нем[26]. В его основе — неправильная оценка этнического своеобразия культуры народов как явления, будто бы обязательно состоящего только из уникальных элементов или черт, абсолютно неповторимых, даже непредставимых у других народов. Между тем теоретически таких элементов не может быть, любой из них может с таким же успехом возникнуть в другой этнической среде.

Вместе с тем сходные явления, как бы они ни возникали, бытуя в системе разных этнических традиций, не могут не приобретать своеобразные черты или значение. На примере обрядов и верований это хорошо показано в ряде работ П. Г. Богатырева[27]. Из сравнительно недавних фольклористических работ упомяну книгу Б. Н. Путилова «Славянская историческая баллада», в которой показано, какие конкретные различия приобретали типологически близкие сюжеты баллад у разных славянских народов[28], монографию М. Бошкович-Стулли о сюжете «уши Мидаса» у ряда европейских, в том числе и славянских, народов[29], книгу М. Матичетова о сюжете «сожженный и возродившийся человек»[30].

В-третьих, теоретическое рассмотрение проблемы соотношения этнического и межэтнического, национального и интернационального (в том числе и общеславянского) могло бы заметно продвинуться и приобрести бо́льшую определенность, если бы мы использовали в наших исследованиях и методических рассуждениях один из основных приемов современных системных исследований. Я имею в виду различение уровней сопоставления.

Опыт этнографического и фольклористического изучения культуры и быта славян убедительно говорит о том, что своеобразие духовной культуры отдельных народов может быть выявлено не на уровне элементов (в фольклоре — мотивов), которые очень сходны и особенности которых у отдельных народов трудно различимы, и даже в большинстве случаев не на уровне «комплекс элементов» (в фольклоре — сюжетов), а на уровне фольклористической абстракции более высокой либо более

[26] *К. В. Чистов.* О взаимоотношении фольклористики и этнографии. «Советская этнография», 1971, № 5, стр. 23—24.
[27] *П. Г. Богатырев.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
[28] *Б. Н. Путилов.* Славянская историческая баллада. Л., 1965.
[29] *M. Bošković-Stulli.* Narodna predaja o vladarevoj tajni. Zagreb, 1967.
[30] *M. Matičetov.* Sežgani in prerojeni človek. Ljubljana, 1961.

низкой [31]. Более высокие уровни для фольклора — это общие закономерности его развития у изучаемого народа, соотношения и границы жанров в определенный исторический период, время формирования основных жанров, степень их развития и длительность продуктивного периода, соотношение локальных и общенациональных вариантов явлений и т. д. Более низкие уровни, чем «элемент» и «комплекс элементов»,— это национальные и локальные разработки сюжетов, устойчивые контаминации, вошедшие в этническую традицию именно этого народа [32], своеобразие образов действующих лиц, конкретные черты художественной среды, изображенной в сказках, эпических песнях, балладах и т. д.

И, наконец, еще одна группа уровней, тесно связанных с языком и его особенностями,— поэтика, стилистика, стихосложение, запас отработанных стереотипных формул и т. п.

Рассмотрение фольклорных явлений на каждом из этих уровней выявит свое сочетание этнического и межэтнического (или, может быть, надэтнического). Для славянских народов, говорящих на близко родственных языках, в отличие от народов, говорящих на далеких друг от друга языках, характерно (как это неоднократно было показано исследователями) возрастание общности на языковых уровнях по сравнению с уровнями, условно говоря, «предметными» или конкретно-историческими.

3. Наконец, еще одно соображение. Говоря о своеобразии фольклорных явлений, бытующих у разных народов, мы употребляли наряду с терминами «национальное своеобразие» и «интернациональная общность» термины «этнические особенности» и «межэтническая» или «надэтническая общность». Термин «этнический» употреблен нами и в названии доклада. Он представляется нам необходимым по следующим причинам.

Нации — сравнительно поздний продукт человеческой истории. Им предшествовали другие типы общностей — род, племя, союз племен, народность. Этнические общности, предшествовавшие нациям, обладали у славян разной степенью однородности

[31] Уровни «элемент» и «комплекс элементов» являются такого рода фольклористическими абстракциями, которые обобщают закономерности структурного построения текста. В этом смысле сюжет понимается не как конкретный тип воплощения фабулы в тексте, а как общая закономерность развития действия в группе текстов данного жанра. Отсюда — возможность «повторения» сходных сюжетов в репертуаре одного сказителя. Наблюдения смотри в нашем докладе «О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (Методологические вопросы)» (в сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 320—324).

[32] См. интереснейшее приложение к указателю сюжетов польской сказки Ю. Кшижановского «Konkordancja wątków skrzyżowanych» (*J. Krzyżanowski.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. II. Warszawa — Kraków, 1963, str. 267—278) или главу «Контаминация народноэпических текстов» в книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения» (М., 1952, стр. 177—200).

и развития этнического самосознания. Современные этнонимы возникали у них на разных этапах развития и обладали различной устойчивостью (ср. очень давнее и устойчивое самоназвание болгар и сравнительно позднее белорусов). Три восточнославянских народа осознавали себя таковыми постепенно на протяжении XIV—XIX вв., а до этого они чувствовали себя «русью», которая делилась первоначально на племенные, а потом на территориальные общности (новгородцы, куряне, суздальцы, тверичи и т. д.). Современные сербы, хорваты и черногорцы приобрели современное самосознание только после формирования этих народов из сложного конгломерата южнославянских племен.

Даже на поздних этапах своей истории — в период развитого капитализма и социализма — большинство европейских, в том числе и славянских, наций не отличаются абсолютной однородностью. В их составе обычно выделяются этнографические группы и зоны различной интенсивности распространения отдельных культурно-бытовых явлений, совпадающие или не совпадающие с зонами распространения отдельных диалектов, т. е. тоже являющиеся этнокультурными общностями другого порядка. Поэтому, говоря об этнических особенностях, обычно имеют в виду явления, свойственные той или иной части этноса (т. е. не обязательно распространенные на всей этнической территории) и относительно устойчивые (но все-таки исторически изменчивые).

Термины «национальное своеобразие» или «национальная специфика» должны были бы применяться к фольклорным явлениям с известной осторожностью. Как правило, наибольшим своеобразием отличаются архаические слои фольклора (обрядовые песни, волшебные сказки, ранние слои героического эпоса), но они в своей большей части созданы не в национальный, а в донациональный период развития этноса. Следовало бы обратить внимание на различие, которое придается терминам «национальная литература» и «национальный фольклор». В первом случае имеется в виду литература, возникшая в пору формирования и существования наций, во втором — все известное в фольклоре того или иного народа. Так, например, признается, что «Слово о полку Игореве» и современные ему литературные памятники принадлежат не русской, украинской или белорусской нации, а древнерусской народности, которая им исторически предшествовала. Фольклорные же явления, о которых мы только что упоминали, старше, чем «Слово», однако это, как это ни странно, не мешает включать их безоговорочно в состав национального фольклора и прибегать к ним в ходе рассуждения о его национальном своеобразии [33].

[33] См., например, главу Н. И. Кравцова «Национальное своеобразие русского фольклора» в учебнике «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1971, стр. 362—363).

Разумеется, национальное самосознание, формируясь и вызревая, опирается на традиции, созданные в предшествующие эпохи, и придает им общенациональное значение (такова история сборников братьев Гримм, В. Караджича, П. В. Киреевского). Однако не следует забывать о том, в какой сфере это происходит — литературной или бытовой, фольклорной.

Рассмотрим этот вопрос в приложении к русскому эпосу. В XIX в. после опубликования сборника Кирши Данилова, а потом сборников П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга былины были не только «открыты», но и осознаны, как они этого и заслуживали, как органическая и чрезвычайно значительная и в идеологическом и в эстетическом отношении составная часть русской национальной культуры. Образы богатырей к середине XIX в. и во второй половине XIX в. становятся достоянием русской литературы (баллады А. К. Толстого и др.), живописи (картины М. А. Врубеля и Н. К. Рериха), музыки («Богатырская» симфония А. П. Бородина, опера «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, позже «Фантазия на темы былин Рябининых» А. С. Аренского и др.). Былины изучаются в школах и университетах, издаются во множестве популярных изданий [34]. Однако все это не означает, что в бытовой сфере тоже вырабатывалась общенациональная форма эпоса или эпос получил общенациональное распространение в бытовой традиции.

Исследователи неоднократно обращались к выяснению географии бытования русских былин в XIX—XX вв., и результаты были примерно одинаковы — северные районы европейской части СССР, Дон, некоторые районы Сибири, отчасти Поволжье. Остальным районам центральной, западной и южной России «принадлежат,— как писала А. М. Астахова,— только единичные и довольно плохие варианты, относящиеся еще ко времени собирательской работы П. В. Киреевского, а также отдельные случайные записи более позднего времени». Исследовательница заключает: «Неравномерность в распределении былинной традиции на территории, населенной русской народностью, была отмечена еще учеными XIX века» [35]. Известно также, что эта неравномерность заключается не только в различной интенсивности былинной традиции, но и в различии ареалов бытования отдельных

[34] Перечисление некоторых из них см.: *А. М. Астахова.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 284—285. Особенной популярностью пользовались свод былин В. П. Авенариуса («Книга о киевских богатырях». СПб., 1876), сб. «Русские народные былины» В. и Л. Р-н (М., 1890), сборники, изданные журналом «Родина» (1894, 1895 гг.). Значительную роль в изучении былин, как отмечает А. М. Астахова, сыграла хрестоматия для начальных училищ и школьных библиотек А. В. Оксенова «Народная поэзия», издававшаяся много раз.

[35] *А. М. Астахова.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.— Л., 1960, стр. 217. А. М. Астахова упоминает В. Ф. Миллера и А. М. Лободу.

былинных сюжетов и даже целых групп былин. Так, например, былины о таких важных для понимания национального значения русского эпоса богатырях, как Василий Буслаев или Садко, были распространены только в сравнительно ограниченных районах русского Севера [36].

Итак, былины, бытовавшие лишь в некоторых районах расселения русских, были открыты наукой, осознаны как общенациональное достояние и затем через школу и книгу получили относительно равномерное распространение по всей этнической территории.

Обзор географического распространения русских исторических песен совершенно так же показал, что отдельные сюжеты и циклы (даже такие популярные, как, например, песни о Степане Разине) распространены в различных русских районах очень неравномерно [37]. Обзор географического распространения русских колядок показал, что существуют три зоны, в которых бытуют три различных типа колядных песен — собственно колядка, овсень и виноградье [38].

Подобные явления известны у всех славянских народов. Очень важный для национального самосознания сербов эпос распространен далеко не во всех районах их расселения. Кроме того, он не слился воедино с эпическими песнями югославянских мусульман [39]. В приложении к книге Х. Вакарелского «Этнография Болгарии» обращает на себя внимание карта, на которой нанесены ареалы бытования юнацкого и гайдуцкого эпоса. Если гайдуцкий эпос распространен не на всей этнической территории болгар, но все-таки на большей его части, то юнацкий — в основном в центральных районах западной Болгарии [40]. Весьма сложна и география распространения отдельных сюжетов чешских и словацких народных баллад [41].

Число примеров можно не умножать. Большинство фольклорных произведений, за исключением поздних или распространявшихся нефольклорным путем, имеет свою неповторимую географию распространения, весьма редко совпадающую с границами расселения народа. При этом нет оснований предполагать, что неравномерность эта — результат частичного изживания фольклор-

[36] Обзор распространения вариантов этих былин см. *А. М. Астахова.* Былины Севера. М.— Л., 1938.

[37] См. главу «Распространение и областные типы исторических песен XVI — начала XVIII в.» в книге В. К. Соколовой «Русские исторические песни XVI—XVIII вв.» (М., 1960, стр. 309—323).

[38] *В. И. Чичеров.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, стр. 115—165.

[39] *И. Н. Голенищев-Кутузов.* Эпос сербского народа. В кн. того же названия в сер. «Литературные памятники». М., 1963, стр. 263 и др.

[40] *Christo Vakarelski.* Etnografia Bulgarii. Wrocław, 1965, mapa XIX.

[41] *J. Horák.* Slovenské l'udové balady. Bratislava, 1958; «Lidová kultura», Praha, 1968, str. 301—350, 636—664.

ной традиции. Наиболее архаическое состояние — это наибольшая пестрота и неравномерность распространения отдельных элементов традиции. Следует сказать, что фольклор в этом отношении дает такую же картину, как и любое другое явление народной бытовой культуры [42].

Так, например, русская народная одежда, сформировавшаяся в донациональный период, или, попросту говоря, традиционная крестьянская одежда, известная по этнографическим источникам XIX — начала XX в., осмысляется в пору созревания национального сознания как общенациональная. С другой стороны, традиционная одежда любого этноса, за исключением, может быть, очень немногочисленных и расселенных на небольшой территории, обычно имеет несколько более или менее отличающихся друг от друга вариантов. По существу ни один из них не может быть признан за общенациональный — они равноправны, как равноправны диалекты в условиях, когда литературный язык еще не существует. Так, русский сарафан осмысляется как русская национальная женская одежда, однако реальная область распространения его была ограничена территорией, по своей конфигурации сходной с ареалом бытования севернорусских диалектов. Распространился он сравнительно поздно — около XV—XVI вв. В других регионах мы находим поневу, андарак, кубелек и другие разновидности русской крестьянской женской одежды [43]. По определенным причинам, анализировать которые здесь не место, сарафан приобрел в глазах некрестьянских слоев населения, художников, театральных деятелей, иностранцев и т. д. значение национальной одежды. В крестьянском же быту подобного осмысления и обобщения не произошло. Сарафан с течением времени несколько расширил ареал своего бытования [44], однако он остался только одним из типов бытовой традиционной женской одежды, так же как и другие типы, отступавшие уже во

[42] Вместе с тем несомненно и то, что это общее представление и конкретные, но разрозненные сведения о географическом распространении отдельных жанров, сюжетов, стилистических особенностей и т. д. должны быть уточнены и расширены путем картографирования отдельных явлений. Актуальным становится вопрос создания продуманной серии карт (атласов) для выяснения общих закономерностей формирования и развития ареалов бытования фольклорных явлений и их соотношения с этническими границами, границами этнических групп и языковыми изоглоссами как в масштабах отдельных народов, так и в региональных масштабах. В этом смысле фольклористы заметно отстают от диалектологов и от этнографов. Подробнее см.: *К. В. Чистов.* Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд. В сб.: «Проблемы картографирования в лингвистике и этнографии». Л.— М., 1973.

[43] «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (середина XIX — начало XX в.)». М., 1967. См главу Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой «Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.», стр. 193—267 и карты № 38—46.

[44] Там же, ср. карты 38 и 39, 41 и 42.

второй половине XIX—начале XX в. перед новыми формами одежды, шедшими из городов. Обобщение произошло вне бытовой сферы, под влиянием формировавшегося самосознания буржуазной нации.

Еще в меньшей степени можно говорить о национальном типе дома и крестьянского двора или сельскохозяйственных орудий.

Это не значит, разумеется, что варьирующие типы одежды или жилых построек не имели некоторых общерусских черт (например, тип рубахи, наличие русской печи, общие черты в планировке жилища и т. д.), однако границы их распространения часто не вписываются в пределы этнической территории русских (например, рубаха с поликами, т. е. со вставками на плечах, была распространена у всех восточных славян и некоторых соседних народов (например, карел), западнорусский план дома известен у украинцев и белорусов и т. д.).

Фольклористами подобные вопросы изучены недостаточно. Предварительно же можно было бы сказать следующее: несомненно, что в период формирования нации в процессе ее этнической и культурной консолидации, так же как в других сферах традиционной бытовой культуры, в фольклоре происходит выработка общенациональных черт и форм. Однако возможности этого процесса все-таки ограничены. Совершенно так же как общенациональные (наддиалектные) формы языка вырабатываются не в сфере бытовой речи и не путем генерализации одного из диалектов, а, как правило, в сфере литературного языка [45], так и в фольклоре процесс выработки общенациональных форм и их относительно равномерного распространения на всей территории и во всех социальных слоях может начаться, но не может зайти достаточно далеко. Он продолжается и получает завершение только в сфере литературы и профессионального искусства (например, вторичное бытование сказок, прочитанных в книгах, или вторичное бытование традиционных песен, исполненных профессиональным хором, и другие формы так называемого вторичного фольклоризма [46]) — в книге, кино, телеспектакле, в массовой песне, созданной поэтами и композиторами, и т. д.

Именно все это и дает нам основание считать, что осмотрительнее говорить об этническом своеобразии фольклора, а не об его национальном своеобразии, о межэтнических и надэтнических, а не интернациональных формах.

[45] Обзор современного состояния проблемы см.: *А. В. Десницкая.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. М., 1970.

[46] Ср. интересный обзор в статье Г. Баузингера «Фольклоризм в Европе. Опыт опроса» (*H. Bausinger.* Folklorismus in Europa. Eine Umfrage. «Zeitschrift für Volkskunde», 1969, N 1, S. 1—8); см. также: *H. Moser.* Vom Folklorismus in unserer Zeit. Там же, 1962, № 2, стр. 177—209; «Der Folklorismus als Forschungsproblem der Volkskunde». «Hessische Blätter für Volkskunde», 55, 1964, S. 9—57.

Таким образом, обе коренные проблемы этнического аспекта славянской фольклористики — славянская общность и национальное своеобразие — до сих пор не сняты с повестки дня. Более того, их разработка в послевоенные десятилетия показала что они сложнее, чем это ранее предполагалось.

Славянская общность, которая воспринимается нами как замечательное явление в европейской истории и явно имеет перспективу расширяться и укрепляться, при внимательном рассмотрении оказывается явлением сложным, тесно переплетенным с общеевропейской, региональной общностью и т. д. В различных сферах традиционной культуры эти начала вступают в весьма разнообразные соотношения. Это выдвигает проблемы разработки методов дифференцированного рассмотрения общности и различий отдельных компонентов культуры и в то же время — установления общих критериев для сопоставления полученных результатов.

Как мы говорили, у каждой языковой семьи или ветви исторически сложилась своя этнокультурная ситуация. В этом смысле славяне не представляют исключения. Однако близкая родственность языков и активность общеславянского самосознания обусловливают постоянную актуальность этих проблем для ученых славянских стран.

Не менее сложна, как мы показали, и проблема национального (или, точнее, этнического) своеобразия фольклора. Она должна решаться во всеоружии знаний о фольклоре других народов Европы и современных представлений о закономерностях его развития. И в этой области, видимо, предстоит в ближайшие годы разработать методику более совершенного изучения проблемы (картографирование в этнических, региональных и общеевропейских масштабах, историко-типологическая методика, методика дифференцированного сопоставления на разных уровнях на фоне общих закономерностей развития других сфер традиционной бытовой культуры).

Решая эти проблемы, фольклористика должна сохранять интенсивные контакты с лингвистической, литературоведческой и этнографической славистикой. Они помогут выработать правильную оценку перспектив разработки затронутых нами проблем.

13 Заказ 5303

У. Б. ДАЛГАТ

ПРОБЛЕМА ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО (КАВКАЗСКОГО) ФОЛЬКЛОРА В ЭСТЕТИКЕ РУССКОГО РОМАНТИЗМА

Постановка проблемы инонационального фольклора в романтизме вполне оправдана той позицией, которую занимали представители романтизма в отношении к народной поэтической и национальной старине. Б. Л. Сучков в своей книге «Исторические судьбы реализма», характеризуя немецких романтиков, указывает на то, что они «огромное внимание уделяли народному творчеству, его собиранию и обработке, усматривая в фольклоре наиболее полное выражение национального духа», что «сказки братьев Гримм были выражением повышенного интереса романтизма к фольклору», изучение которого «шло рука об руку с изучением быта и жизненного уклада эпох, отразившихся в народных сказаниях и легендах...» [1].

Известно, что временем расцвета романтизма на Западе признаются 1795—1830 гг., период революции и национально-освободительных движений [2]. Исторические условия общественной и политической жизни России первых десятилетий XIX в. тоже благоприятствовали развитию романтического направления в русской литературе, которое, как известно, не было однородным. Начало русского романтизма связывают с поэзией Жуковского, Батюшкова, молодого Пушкина, а за ними Лермонтова, некоторых декабристов — Рылеева, Одоевского, Кюхельбекера и в особенности А. Бестужева-Марлинского.

Одним из важных проявлений романтических интересов было представление о герое. Романтическим героем могла быть только сильная, гордая, протестующая личность, борющаяся за свое индивидуальное право свободы, но преимущественно личности, разобщенной с обществом и углубленной в себя. Вместе с тем, как пишет Б. Сучков, «революционные романтики рассматривали индивидуальное деяние человека как основной импульс общественного развития», и в этом смысле «Байрон преодолевал индивидуалистически-романтический характер своего творчества» [3]. Жуковский, создавший чувствительного и мечтательного героя, не понял и не принял протестующего, насыщенного идеей борьбы сильной личности творчества великого английского романтика Байрона. Однако в 20-х годах влияние Байрона было творче-

[1] *Б. Л. Сучков.* Исторические судьбы реализма. М., 1970, стр. 85.
[2] «Философская энциклопедия», т. IV. М., 1967, стр. 522.
[3] *Б. Л. Сучков.* Указ. соч., стр. 88.

ски использовано поэтами-декабристами и близким к ним Пушкиным, а в 30-х годах — Лермонтовым. Декабристы, Пушкин и Лермонтов преимущественно выдвигают героя индивидуалиста-бунтаря, борющегося за свободу.

В первой половине XIX в. Кавказ, ставший ареной кавказской войны, приковывал внимание многих русских писателей. Лучшие представители русской романтической (а впоследствии и реалистической) литературы изображали Кавказ с демократических позиций, проявляли большое внимание к кавказским народам. Они интересовались их историей, жизнью и бытом, изучали их фольклор.

Повышенный интерес к устному народному творчеству горцев со стороны русских романтиков находился в русле общего внимания представителей романтизма к национальной старине и тенденции к воспроизведению в литературных произведениях так называемого couleur local (местного колорита). Романтический же термин «местный колорит» заключался в манере рисовать отдаленные эпохи и чужие народности красками, соответствующими описываемому времени и месту. Утверждая без преувеличения, что Кавказ стал одной из основных тем русского романтизма, следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что лучшие представители русской литературы в своих произведениях воспевали свободолюбие, храбрость, непреклонность горцев и сочувствовали их борьбе за свободу и независимость. Своим вниманием к горским народам они вызывали у них большое чувство дружбы и симпатии к русскому народу, что способствовало приобщению горцев к передовой русской культуре.

В условиях русской действительности XIX в. романтическая литература в ее демократическом проявлении уже давала все основания говорить о ее национальной устремленности, определяемой прогрессивными позициями гуманизма и интернационализма.

Следует сказать, что тема Кавказа в русской литературе уже была предметом внимания советских литературоведов [4], мы же

[4] См., например: *И. Е. Ениколопов*. Пушкин и Грузия. Тбилиси, 1950; *Н. Джусоев*. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова. Изд-во Юго-Осетии, 1955; *С. А. Андреев-Кривич*. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949; *И. Андроников*. Лермонтов в Грузии в 1837 г. Тбилиси, 1958; *Л. П. Семенов*. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939; *он же*. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941; *К. Г. Черный*. Пушкин и Кавказ. Ставрополь, 1950; *А. В. Попов*. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954; *В. Шадури*. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958; *У. Б. Далгат*. Лев Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960; «Дагестан в русской литературе». Составление, вступительная статья и комментарии У. Далгат и Б. Кирдана. Махачкала, 1960; *Б. С. Виноградов*. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. Грозный, 1966; *Р. Юсупов*. Дагестан и русская литература. М., 1964; *он же*. Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М., 1970.

постараемся в возможных рамках доклада придать ей некоторые новые методологические и теоретические акценты.

В целях выяснения каких-либо художественных соответствий двух эстетических систем — фольклорной и литературной,— рассматриваемых с точки зрения фольклорно-литературных реминисценций на кавказском материале, постараемся определить те наиболее характерные идейно-эстетические принципы горской народной поэзии, которые так или иначе отвечали творческим задачам прогрессивных представителей русского романтического направления. В качестве первого эстетического принципа северокавказского фольклора нами признается культ героизма, культ энергической активной личности. В качестве второго и основного — антифеодальная и антиколониальная его сущность.

В своих рассуждениях по поводу горской эпико-героической песенной поэзии (нами берется именно этот жанр как наиболее показательный в интересующем отношении) мы будем обращаться к отдельным примерам, исходя при этом из ее общекавказской типологической характеристики. Известный ученый В. И. Абаев писал об осетинских песнях то, что можно отнести и к песням других кавказских народов: «На героях этих песен молодежь училась тем качествам, которые составляют идеал свободолюбивого горца: любви к вольности и независимости, сознанию своего человеческого достоинства, протесту против всякой несправедливости, угнетения и насилия, мужеству, смелости и отваге, тому подлинно героическому духу, который всегда и без колебаний предпочитает славную смерть позору и унижению» [5]. Воспевание героизма как типическое явление горского фольклора воплощено во многих песнях осетин, чеченцев, ингушей, народов Дагестана и др. Исторические песни зарегистрировали острую социальную, антифеодальную и антиколониальную борьбу.

В центре внимания эпико-героических песен осетин, чеченцев, аварцев, даргинцев, лаков, кумыков, адыгов и других кавказских горцев — всегда выдающаяся личность. Ее идеализация обычно сводится к восхвалению героизма [6], храбрости, смелости, удальства, стойкости и непреклонности характера, мужества, энергичности, бесстрашия в бою и презрения к смерти.

П. К. Услар, записавший многие образцы северокавказского фольклора, справедливо заметил: «Как ни высоко ценят горцы

[5] «Осетинские народные песни». М., 1967, стр. 21.

[6] О героической сущности поэтических образов см., например: «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та истории, языка и литературы», т. II, вып. III. Литература. Грозный, 1959, стр. 3—42; *У. Б. Далгат.* Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962, стр. 128, 135, 136, 139, 146, 150, 151, 154; *В. И. Абаев.* Осетинская традиционная героическая песня. «Осетинские народные песни», стр. 22.

мужество в бою, но несравненно выше еще ценится ими хладнокровие ввиду гибели неизбежной, когда исчезла всякая надежда на спасение»[7]. Само понятие героичности получало относительное значение, так как было обусловлено эпохой, конкретными историческими условиями, в которых рождались или продолжали жить те или иные песни.

Великолепный образец дагестанских народных героических песен антифеодальной направленности представляет песня о Хочбаре. Хочбар предстает бесстрашным героем, мужественно принявшим вызов противника. Он — «богатырь сабли», гордо и смело заявляет о своей ненависти к хану, выражая народную антифеодальную позицию. Хочбар, сгорающий на костре,— не обреченная на смерть жертва, а народный мститель, восхваляющий свои подвиги; он угонял ханские «табуны кобылиц», стада коров и овец и раздавал их беднякам («тысячам бедняков давал... по сто»). Даже в последние минуты жизни он мстит ненавистному тирану, увлекая с собой в огонь его детей. Традиционен и финал песни о Хочбаре (в аварском варианте[8]), когда герой обращается перед смертью к матери: «Пусть не плачет мать моя; не даром погиб ее молодец. Пусть не тоскуют сестры мои: умер я со славою». В этой песне, как и многих других, наблюдается тот своеобразный симбиоз героизма двух выдающихся сильных натур, сына и матери, который был не случайно подмечен и в русской литературе на кавказскую тему. Следует подчеркнуть, что женщина в песнях дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин и других народов Кавказа довольно часто оказывается в числе сильных духом и мужественных героев. В аварской песне «Герги и Панус»[9] мать видит еле живого сына, который возвращается после трагического для него исхода битвы:

Молодец идет, вместо шашки на палку опираясь;
На нем андийская бурка, приобретенная за корову,
На подоле ее висят кровавые капли.
Змеиные дыры на серебряной груди Герги...

Умирающий от смертельных ран Герги запрещает матери рыдать над ним. Он просит ее надеть его одежду вместе с «серебряным оружием» и назло врагам проплясать на крыше. Мать выполняет его просьбу, поражая врагов необычайным мужеством. В чеченской песне «О Мадиеве Жанмирзе и Таймиеве Бей-

[7] *П. К. Услар.* Этнография Кавказа. Языкознание, т. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 115.
[8] См. публикацию песни П. К. Усларом («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1868, стр. 42).
[9] «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. IV. Тифлис, 1884, стр. 23, 24.

булате»[10] героическая женщина, мать Бейбулата, не только оповещает тяжело раненного сына о том, что «идет бой». Силой своего могучего духа она поднимает сына с постели, перевязывает ему раны, одевает в доспехи, сажает на коня и отправляет на помощь погибающим товарищам. Не менее героичен и образ Зазы в песне «Про взятие Дадай-Юрта»[11], в которой женщина танцует на площади (подобно матери дагестанского героя Герги) перед врагами, воодушевляя своих соплеменников на битву. Враг не может одолеть защитников до тех пор, пока не погибает героическая женщина.

В 20—30-е годы прошлого столетия в жанре историко-героических песен чеченцев об удальстве бытовали песни об Умахане, Хамзате, Эль-Мурзе, Бейбулате Таймиеве и других отчаянных предводителях, зачастую устремлявших свою удаль против князей-поработителей либо жестоких колониальных завоевателей; у осетин — песни о Чермене, Ботасе, Акиме Тотиеве, Асланбеге, Антоне и т. д. В числе таких героев были и знаменитые «благородные разбойники», которых А. М. Горький называл «разбойниками-рыцарями» в отличие от жестоких убийц, «зверски любивших кровь». В своем очерке «Разбойники на Кавказе» А. М. Горький подметил такое явление, когда и реальные разбойники попадали в легенду; он указывал и на «поклонение культу героев», которое «лежит очень глубоко в натуре человека». В названном очерке А. М. Горький пишет о явлении, имевшем место на Кавказе: «Романтические разбойники, громадные шайки, задающие правильные сражения не только населению аулов, но и казацким командам,— все это странно на заре XX века, не правда ли?»[12] Тут же писатель отмечает, что «героическое, как и таинственное, в большом спросе на Кавказе; это объясняется и темпераментом и историей горцев...»[13].

К числу «благородных разбойников» вполне можно отнести знаменитого героя чеченских песен Бейбулата Таймиева. Угоняя табуны у вражеской стороны, отбивая обозы с богатыми товарами, он раздавал все это беднякам. И таких песен очень много.

В характеристике фольклорной героической личности необходимо подчеркнуть еще одну особенность — ее общественную солидарность. На это в свое время обратил внимание еще А. Бестужев-Марлинский, который писал в рецензии на роман Н. Полевого «Клятва при гробе господнем»[14], что в аварских героических «песнях самовосхваления» — «вечная вариация местоиме-

[10] См.: «Нохчийы иллеш, эшарш», т. I. Нохч-ГIалгIайн книжни издательство, 1959, стр. 213—220.
[11] Там же, стр. 185—186.
[12] *М. Горький.* Забытые произведения (1895—1901 гг.). Горький, 1959, стр. 84.
[13] Там же.
[14] «Московский телеграф», 1833, № 52—53.

ний «я» или «мы», а «мы» значило у них мой род, моя деревня, моя дружина»[15]. В горских песнях поведение героической личности всегда регулируется теми или иными этнопсихологическими и общественными условиями, определенными народными понятиями о чести, мужестве и других качествах героя, что в древнегреческом эпосе хорошо выражается словом «aidos». Выдающаяся личность в горских эпико-героических песнях к тому же не замкнута в себе и в значительной степени лишена субъективно-эмоционального выражения, что вполне закономерно с точки зрения эпической природы героического образа вообще.

Не случайно и Б. Л. Сучков считает, что «субъективный элемент, неизбежно вторгавшийся... в эпическое повествование... неизбежно разрывал в нем связь индивида и общества»[16]. Солидарность выдающейся личности с коллективом, составляющая в горских песнях об удальцах преимущество ее героического поведения, наглядно иллюстрируется в чеченских песнях. Так, в песне «Об Эль-Мурзе» герой, будучи тяжело раненным, не только продолжает сражаться, но затем увозит трупы своих товарищей, хоронит их в родном краю, а потом идет в свой дом и умирает[17]. Тот же эпизод повторяется и во многих других песнях, например «О Мадиеве Жанмирзе и Таймиеве Бейбулате»[18] и др.

Содружество героической личности с коллективом проявляется не только в оказании помощи товарищам в бою, но и в разделении их судьбы, если она оказывается трагической. Так, в чеченской песне «Про алхистинского Алху»[19] Алха, мужественная и сильная личность, оставшись один после гибели товарищей, сначала принимает бой с князем Тупсурко, срубает ему голову, а затем возвращается к павшему другу, ставит рукоять кинжала на его грудь и закалывает себя.

Еще более ярко отношение между личностью предводителя похода и его товарищами отражено в песне «Про аккинского Жанхота». Молодцы, возвращаясь домой, замечают, что среди них нет их бояччи — вожака. Считая, что он убитый или раненый остался в стане врагов и нечаянно брошен ими на произвол судьбы, они не могут перенести такого позора, не могут показаться людям на глаза. Молодцы решают, разбившись на две группы, изрубить друг друга. Но Жанхот нагоняет свой отряд и таким образом предотвращает гибель товарищей[20].

[15] Вопрос о взаимоотношении выдающейся личности с обществом затрагивался в различных работах, в частности в книге А. Г. Цейтлина «Творчество Рылеева» (М., 1955), где речь шла об отношении героя поэмы Рылеева «Наливайко» к украинскому казачеству.

[16] *Б. Л. Сучков.* Указ. соч., стр. 169.

[17] Упомянутая песня впервые зафиксирована И. Ипполитовым в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. I, стр. 31—35.

[18] «Нохчийы иллеш, эшарш», т. I, стр. 213—220.

[19] Там же, стр. 221—232.

[20] Песню «Про аккинского Жанхота» см. там же, стр. 80—100.

Следует сказать, что вся эстетическая система песен об удальстве содержит, так сказать, определенный героический максимум выразительных средств, служащих характеристике выдающихся героев: их стойкости, мужества, непреклонности и т. п. Например, в фольклоре дагестанских народов, чеченцев и ингушей довольно часто встречается такое изображение состояния героя после сражения: герой победил врага, но, возвратившись домой, «расстегивает свой пояс, сжимавший до того времени тяжелые раны, и кровь, ничем более не сдерживаемая, течет из них, как горный ручей» (из чеченской песни об Эль-Мурзе) [21]. Примерно то же встречаем и в дагестанской песне (лакской) «Об отправившихся в Айзани на войну» [22], где герой, тяжело раненный, после боя возвращается домой вместе со своим конем, «...собственный живот, кишки седлом удерживая, коня живот, кишки сбруей удерживая».

Героический оптимизм и стойкость в бою выражаются традиционным диалогом храбрецов, попавших в окружение врагов. Обычно враги, которых «столько, сколько травы на земле» и «сколько звезд на небе», спрашивают горцев: «Чтобы уползти под землю, ведь вы же не змеи. Теперь куда удерете, эй, отважные храбрецы? Чтобы над нами полететь, вы же не птицы и не имеете крыльев!» И отвечают храбрецы: «Чтобы над вами взлететь, не довольно ли нам таких крыльев, как наши мисринские [23] шашки в ладонь шириною?

Чтобы проползти под землею, не довольно ли таких змей, как имеющиеся у нас крымские мажары, разукрашенные, как кожа змей?» [24]

Поэтические достоинства горской героической поэзии не случайно восхищали замечательного русского поэта А. Фета, который писал Л. Толстому: «Какая светлая и могучая прелесть Ваши кавказские песни» [25].

Героическая направленность горского фольклора была подмечена и усвоена, как мы уже отмечали, многими представителями русской романтической, и не только романтической, литературы. Последнее замечание относится и к Л. Н. Толстому, который уделял особое внимание и «смертным песням абреков», и таким произведениям народного творчества горцев, как песни «Высох-

[21] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, стр. 35.

[22] См.: *У. Б. Далгат.* Фольклор и литература народов Дагестана, стр. 149.

[23] Египетские.

[24] Из лакской песни «О Нажмуддине» (Рукописный фонд Дагестанского Научно-исследовательского института языка и литературы, д. 268). То же и в аварской песне «О Ражбадине» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, стр. 40).

[25] О письме А. Фета от 4 ноября 1875 см.: *Л. Н. Толстой.* Полн. собр. соч., т. 35. М., 1953, стр. 217.

нет земля на могиле моей», «О Хамзате», предание горцев «О Тарасе русском, который стоял мертвым»[26].

Теперь остановимся на литературной части нашего сообщения, в контексте которого невозможно обойтись без конкретного обращения к отдельным писателям и их произведениям[27], испытавшим определенное прямое или косвенное воздействие горской народной поэзии.

О событиях на Северном Кавказе, в Чечне и Дагестане первой половины XIX в. хорошо знали многие русские писатели. В 1820 г. на Северном Кавказе впервые побывал великий русский поэт А. С. Пушкин. Кавказ произвел на Пушкина сильное впечатление и вдохновил на создание великолепной романтической поэмы «Кавказский пленник». В. Г. Белинский писал об этой поэме, что «грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русской поэзией...»[28]. Не касаясь общей характеристики «Кавказского пленника», уже достаточно хорошо изученного, обратим внимание лишь на некоторые интересующие нас моменты. Прежде всего отметим, что вся общественно-эстетическая ситуация поэтического произведения Пушкина говорит не только в пользу его романтической принадлежности, но и того, что художественные особенности поэмы определены с помощью кавказского материала. Прежде всего поэт отдает должное изображению местного колорита. Читатель узнает об обычаях горцев — гостеприимстве и куначе́стве, о «светлом» празднике Байрама, об одежде и воинских доспехах «сынов Кавказа», их нравах, отваге, смелости и мужестве. Поэма также иллюстрирована чудесной «Черкесской песней», созданной поэтом по народным мотивам, а в строках, посвященных описанию приготовления горцев к набегу, улавливается ритм горских боевых песен об удальцах, отправляющихся в набег:

В табун, в табун! Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов...[29]

(стр. 93).

А что можно сказать в пользу романтической интерпретации поэтических образов?

[26] См. в кн.: *У. Б. Далгат.* Лев Толстой и Дагестан, стр. 102—147.
[27] Следует подчеркнуть, что в условиях доклада мы исключаем исчерпывающее рассмотрение поставленного вопроса.
[28] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, стр. 372.
[29] Все цитаты из Пушкина даются по изданию: *А. С. Пушкин.* Сочинения в трех томах, т. II. М., 1971.

Пленник, разумеется, подлинно романтический герой, разочарованный в окружающей его действительности:

Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашел измену.
Отступник света, друг природы
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.
Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
(стр. 81)

Пленник ищет свободы в «пустынном мире». Представление о свободе и вольности ассоциировалось в русской литературе (начиная с Пушкина, у Лермонтова, Марлинского и др.) именно с Кавказом. Образ Пленника, несмотря на его свободолюбие, смелость и страстность, проявляется в лирическом, а не героическом выражении. Вместе с тем другой романтический персонаж поэмы — Черкешенка, — на наш взгляд, значительно более героичен. Если вникнуть в глубину этого образа (который введен в поэму не только ради иллюстрации романтической коллизии: постоянного сюжета о любви людей разных национальностей), то перед нами независимая, волевая и бесстрашная женская натура, во многом совпадающая с романтическим идеалом сильной личности. Черкешенка не только не раба суровых неписанных законов своего племени, но по-своему протестует против судьбы женщины, которая уготовлена ей:

...отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата.

Этому она противопоставляет свою настойчивость и волю:

Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжал иль яд.
(стр. 89)

Одновременно с лирической глубиной и вдохновенностью образа Черкешенки поэт подчеркивает внутреннюю силу женской натуры, что вполне соответствовало характеру героических женских образов кавказского фольклора, и в финале своей поэмы рисует ее эпическими красками:

В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный.
(стр. 94)

Все это не дает оснований сомневаться, что в поэме Пушкина романтическая концепция сильной, активной личности осуществляется на примере уже в достаточной степени героического женского характера, изображение которого еще более углубляется впоследствии в кавказских произведениях Лермонтова, Марлинского. И все это прямо или косвенно находит аналогию и в эстетике героических женских образов горского фольклора.

Поэма «Тазит» уже подвергалась всестороннему изучению многих литературоведов. В свое время В. Г. Белинский обратил на нее внимание. Подчеркивая, что поэт изобразил в своей поэме подлинные нравы и обычаи черкесов, особое внимание критик уделил образу молодого горца. Белинский писал о Тазите: «Без образования, без всякого знакомства с другими идеями или другими формами общественной жизни, но единственно инстинктом своей натуры юный Тазит вышел из стихии своего родного племени, своего родного общества» [30]. Примерно на то же указывал и Н. Г. Чернышевский, усмотревший «существенную мысль поэта» в том, чтобы «изобразить, как Тазит, по нравственному развитию ставший выше сурового, беспощадного дикарства своего племени... принимается гуманным обществом христианского мира» [31].

Существуют и другие объяснения нравственно-этического поведения горца Тазита [32], отказавшегося выполнить свой долг кровной мести. Кстати, в трехтомной «Истории русской литературы» мы читаем: «...в поэме глубоко показан конфликт между Тазитом и его средой, развертываемый в плане столкновения примитивной рабовладельческой культуры и этики с иной, более высокой этикой и культурой, с идеями, привнесенными христианством» [33].

Совершенно очевидно, что нравственно-психологическая антитеза образов Тазита и Гасуба составляет идейно-эстетическую кульминацию поэмы Пушкина. Но есть ли здесь достаточные основания к противопоставлению двух общественных и этических культур —«рабовладельческой» и «христианской»? Приведем некоторые наши соображения по этому поводу. Тазит не отказывается выполнить свой долг кровомщения и отомстить за брата. Однако по ходу развития сюжета о кровомщении герой Пушкина оказывается в исключительной обстановке. Когда он «около станиц Кубани, близ лесных границ» встречает «супостата», «убийцу брата» своего, этот убийца предстает перед ним «один, изранен, безоружен...». Тазит не может поднять руку на беззащитного и жалкого человека, хотя и его кровника, поэтому и оставляет его.

[30] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. VII, стр. 548.
[31] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 310—339.
[32] См. об этом: *Б. С. Виноградов.* Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века, стр. 38—41.
[33] «История русской литературы», т. 2. М.— Л., 1963, стр. 461.

Образ Тазита у Пушкина несомненно идеализирован. Однако следует сказать, что нравственно-психологические критерии идеализации героя у Пушкина не отличаются от того, что показывает нам фольклор горцев, запечатлевший многие их жизненные принципы. С точки зрения понятия горской чести и доблести всегда считалось позором убивать слабого, беспомощного или молящегося человека, даже кровного врага. Расправа же с безоружным и больным врагом унижала достоинство горцев, в жизни которых, помимо обычая кровной мести, связанной с родовым устройством общества, культ героизма был серьезным нравственно-психологическим фактором их поведения и жизни.

В произведениях горского фольклора воспевается культ героизма (в особенности в эпосе и историко-героических песнях северокавказских и дагестанских горцев) и запечатлены многие принципы общественной этики. В эпических произведениях нередко встречается такая же психологическая ситуация, как и в поэме Пушкина «Тазит».

Приведу один из многих подобных примеров — древнее ингушское сказание «Бятар и Солса», в котором отразились не христианские, а древнеязыческие представления народа. В сказании идет речь о посещении двумя героями — Бятаром и Солсой — царства мертвых. Повелитель царства мертвых Элда (как и любой предок, возведенный в культ древнерелигиозного поклонения) имеет высшее понятие о нравственном поведении людей и руководит ими. Именно поэтому к нему и обращаются герои, чтобы разрешить их спор: кто из них лучший (кто мужественней). Для разрешения этого вопроса Элда, по сказанию, предлагает спорящим своеобразный этико-психологический тест, в составе которого имеется и такой сюжет: «Один юноша возвращался домой, он встретил в пустынном месте убийцу своего отца. Его кровник был слаб, голоден, умирал от жажды и был безоружен. Скажите,— спрашивает повелитель мертвых,— как бы вы поступили на месте этого человека?»

Солса отвечает: «А с кровником я поступил бы так, как должно... Но не имей он оружия, я дал бы ему свое — лишнее». Бятар же ответил: «Трудно пройти мимо кровного врага. И все-таки, встретив его в таком жалком виде, я отпустил бы его, поделившись своим хлебом-солью. Да и мало чести убивать беспомощного. Но в другое время я непременно бы взял свой долг крови. Да и будь он здоров, труднее было бы ему расстаться с жизнью». По сказанию, Элда отдает предпочтение Бятару, а не Солсе. Бятар в данном сказании воплощает идеал народа и отвечает лучшим его представлениям о героизме, мужестве и благородстве [34].

[34] Оригинал сказания на ингушском языке см. в альманахе «Утро гор», № 1. Грозный, 1965, стр. 55.

Идеализированный Пушкиным Тазит не является антиподом представлений кавказских горцев об идеальном народном герое. Вполне возможно, что Пушкин знал подобные произведения горского фольклора и ориентировался в нравственно-этических представлениях горской народной поэзии. Следует обратить внимание и на элементы народно-эпического стиля поэмы, улавливаемые в описании Пушкиным трехкратности действий его героя Тазита:

1. Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дня в ауле нет его,
На третий он домой приходит.
(стр. 212)

2. Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.
(стр. 213)

3. Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой.
(стр. 214)

Поэма Пушкина «Тазит», по нашему мнению, подтверждает справедливое наблюдение советского литературоведа А. Н. Соколова, заметившего, что прогрессивному романтизму свойственна поэма, развивающая эпические тенденции этого жанра, отчетливо проявившиеся в декабристской поэзии. Консервативный же романтизм склонен более к поэме с преобладанием лирических черт[35].

Любопытно привести еще один пример аналогии, наблюдаемой в стихотворении Пушкина «Делибаш» и одном горском фольклорном произведении.

В названном стихотворении Пушкина поэтический акцент делается на описании поединка между казаком и Делибашем. Описание это весьма лапидарно, но в высшей степени эмоционально и передано поэтом мужественными эпическими мазками:

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А козак без головы.

[35] *А. Н. Соколов.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955.

Подобный эпический сюжет удивительно совпадает с тем изображением эпической битвы, которое зафиксировано, например, в одном из вариантов чеченской песни «О храбром Умахане». Здесь идет речь о том, как храбрый Умахан, отправившийся с товарищами в набег, встретил наступавший со стороны Майр-Тупа (родина знаменитого Бейбулата Таймиева, упоминаемого и Пушкиным) царский отряд. Истратив все боеприпасы, Умахан с обнаженной саблей в руке пошел на врага. В схватке он был поднят на штыки и все-таки нашел в себе силы обезглавить своих противников, «длинные ружья которых,— говорится в песне,— упершись прикладами в землю, стали ложем героя, удерживая богатырское тело этого железного человека на своих остриях» [36].

«Кавказский пленник» Пушкина, как и другие его кавказские произведения («Кавказ», «Обвал», «Делибаш», «Тазит» и др.), вызвал к жизни в русской романтической литературе первых десятилетий XIX в. многие произведения подражательного характера разного художественного достоинства и идеологического содержания. В их числе произведение А. Шишкова «Дагестанская узница», изданное в 1824 г. по инициативе Пушкина.

Шишков, сосланный на Кавказ за связь с декабристами, написал свою поэму в стиле сентиментальной романтики с привнесением в сюжет трагических коллизий «восточного предания». Вместе с тем Кавказ для него —«жилище дикой свободы», где каждый горец

И в детских приучен годах
На быстрых, как стрела, конях
Летать вослед любви и славы [37].

Поэты-декабристы в поисках сюжетов и образов свободолюбивых людей, борцов за свободу обращались к истории и народной поэзии многих народов, в том числе и кавказских. С этим намерением, вероятно, был связан и замысел К. Ф. Рылеева (оставшийся неосуществленным) написать поэму о Дагестане и Северном Кавказе, о чем свидетельствуют его «Наброски поэмы из кавказского военного быта» (1825 г.). Представитель прогрессивного лагеря русских романтиков писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский рассматривал «быт и этнографию Кавказа в свете общих идей декабризма» [38]. Романтические повести, очерки, письма, написанные о Дагестане, содержали еще не известный русскому читателю материал о дагестанских гор-

[36] «Песню о храбром Умахане» см. в записи и публикации П. К. Услара («Этнография Кавказа. Языкознание», т. II, стр. 130). Упомянутый нами вариант песни записан С. Гацаевым в ноябре 1961 г. в сел. Ведено Чечено-Ингушской АССР у С. М. Хасиева, не публиковался.

[37] *А. Шишков*. Восточная лютня. М., 1824, стр. 3—28.

[38] *В. Базанов*. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Критика. М., 1953, стр. 453.

цах, сведения об их истории, жизни, обычаях и нравах, народной поэзии.

Кавказские произведения А. Марлинского выражали общую прогрессивную тенденцию русского романтизма, которая характеризовалась интернационалистическим универсализмом, отсутствием идеи национальной исключительности одного народа перед другими.

В произведениях Марлинского из кавказской (дагестанской) жизни — «Аммалат-Бек», «Мулла-Нур», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» и других — внимание автора было приковано к изображению сильных, волевых личностей. Образы горцев, нарисованные Марлинским, в большинстве случаев явились результатом художественного обобщения его непосредственных жизненных наблюдений, а также знания им горской народной поэзии, о которой писатель неоднократно высказывал свои суждения, подчеркивая ее героический характер.

Посредством своих персонажей-горцев Марлинский создает культ героических натур в несколько возвышенно романтизированном стиле. Его горцы — это страстные, иногда излишне экзальтированные, но смелые и независимые индивидуальности. Основным импульсом их поведения является протест против внешнего насилия и духовного закрепощения человека. Горец Аммалат-Бек отличается удальством, смелостью, храбростью, благородством, хотя это натура неровная в своих настроениях и чувствах, экзальтированная и вспыльчивая. В «Мулла-Нуре» показан мятежный образ благородного разбойника, который по-своему был носителем общественно-социального протеста и олицетворял вольнолюбие титанической натуры, не терпящей насилия власти. Мулла-Нур помогал многим своим землякам в нужде и выручал их из беды. В представлении Марлинского именно сильные, свободолюбивые натуры среди горцев (в числе которых и «благородные разбойники») были потенциальными борцами против общественно-социального гнета.

А. Марлинский хорошо знал воинственные героические песни горцев, в которых воспевались не только безудержная удаль, но и мужественная смерть, овеянная славой. Не случайно поэтому так удались и стали знаменитыми «Смертные песни» из «Аммалат-Бека», о которых высоко отзывался В. Г. Белинский: «...мне перевод его песен горцев в «Аммалат-Беке» кажется лучше всей повести: в них так много чувства, так много оригинальности, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими» [39]. Песни, приведенные Марлинским в «Аммалат-Беке», по своему строению и стилю (образности и фразеологии) очень близки к

[39] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, стр. 85.

дагестанским народным песням. В «Аммалат-Беке» горцы поют:

Слава нам, смерть врагу,
Аллага, Алла-гу!
. . . . . .
Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас,
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.
Здесь не цевница к ночному покою,
Нас убаюкает гром;
Очи не милая черной косою —
Ворон закроет крылом! [40]

«Не плачьте, красавицы, о нас» — обычный припев горской боевой песни. Марлинский же начинает несколько иначе: «Плачьте, красавицы, в горном ауле». «Не сестры будут плакать над нами, а голодные шакалы, не милая заглянет в наши очи, а черный ворон, который будет их клевать»,—поется в аварской героической песне. У Марлинского: «Очи не милая черной косою — ворон закроет крылом».

Как мы уже отмечали, для горских народных песен весьма характерно не только обращение героя к матери в момент его гибели, но и подчеркивание героической натуры женщины, родившей храбрецов. В «Смертных песнях» Марлинского этот идейно-эстетический акцент горской поэзии воспроизведен полностью:

Не плачь, о мать! Твоей любовью
Мне билось сердце высоко,
И в нем кипело львиной кровью
Родимой груди молоко,
И никогда нагорной воле
Удалый сын не изменял;
Он в грозной битве, в чуждом поле,
Настигнут Азраилом, пал...

О том, что сочинения Марлинского на кавказскую тему, несмотря на их витиеватость и романтическую экзальтацию, остались «любопытным памятником» литературной эпохи, свидетельствуют, в частности, и отклики современной писателю чешской и польской критики, а также переводы его преимущественно кавказских произведений на польский и чешский языки. На это

[40] Текст песни цитируется по изданию: *А. Марлинский.* Избранные повести. Л., 1937, стр. 209, 210.

указывают, например, «Словарь» С. А. Венгерова, а также И. И. Замотин [41].

С Кавказом тесно связана и судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, для которого он, по образному выражению В. Г. Белинского, стал «колыбелью» и «поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас» [42].

Еще в юношеские годы Лермонтов бывал на Северном Кавказе, общался с горцами, слушал их песни, предания, легенды. Его воображение поражали рассказы о сражениях, в которых участвовали горцы, об их удали, о кровной мести. Эти впечатления легли в основу ранних кавказских произведений, овеянных поэтической романтикой,— «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», стихотворений «Кавказ», «Кавказу», «Люблю я цепи синих гор» и др. Ранние стихи Лермонтова дышат свободолюбием, симпатией к горцам, любовью к Кавказу. Они противостоят тем произведениям так называемой массовой романтической литературы о Кавказе, которые в основном прославляли колониальную, захватническую политику царизма и представляли кавказские народы в виде устрашающих хищников. Кавказ у Лермонтова — «суровый край свободы», «жилище вольности простой», а его снежные вершины — «свободы вечные твердыни». В поэме «Измаил-Бей» выражено сочувствие вольнолюбивым горцам, погибающим в борьбе за свою свободу. В ранних романтических произведениях Лермонтов осуждает убийства и губительный для кавказских горцев обычай кровной мести (например, в поэме «Каллы»).

В 1837 г. Лермонтов вновь попадает на Северный Кавказ и в Дагестан, принимая участие в сражениях против Шамиля и горцев. В «Измаил-Бее» поэтом был создан трогательно-поэтический и вместе с тем достаточно героический образ молодой лезгинки Зары — Селима, наделенной типическими для женщины-горянки чертами: беззаветной преданностью своему избраннику, храбростью и стойкостью характера. Особенно близка к горскому песенному фольклору поэма Лермонтова «Беглец», не случайно названная им «Горской легендой». Основной пафос этого произведения состоит в поэтизации героизма, но это осуществляется с помощью женских образов, которые являются носителями героического начала. Не найдя пристанища у своего умирающего друга, который гонит прочь презренного труса, Гарун хочет укрыться у своей любимой, но как бы в ответ слышит

[41] *И. И. Замотин.* Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30 годов 19 столетия. СПб., 1907, стр. 265. Здесь названы: «Rysy Kaukazu, z ross, Bozm.» Lwów, 1935; «Obrazu Kaukazu». «Panorama literatury krajowej i zagranicznej», 1838; «Wyjatki z Dziennika Ammalat-Beka». «Echo», 1841, N 3; «Mulla-Nur, z ross, Rozm.» Lwów, 1842.

[42] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, стр. 543, 544.

песню, превозносящую храбрость и мужество героя. При этом девушка предостерегает «юношу-воина» от трусости и измены:

...Своим изменивший
Изменой кровавой
. . . . . .
Погибнет без славы.
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароют [43].

И, наконец, кульминация нравственной силы женского героического характера достигается в образе матери, в ее словах и поступках. Мать говорит сыну-трусу:

Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын [44].

А впоследствии отворачивается от хладного тела самоубийцы, которое «никто к кладбищу не отнес». На все это способна только исключительная личность!

В дагестанском фольклоре известны песни, напоминающие по сюжету, идее и композиции лермонтовского «Беглеца». Обычно в центре внимания таких песен воин, по тем или иным причинам отступивший в бою, которого сурово осуждают мать, жена, сестра, возлюбленная и т. д. К этому циклу песен относятся: «Об отправившихся в Айзани на войну», «Мать и сын», «Нижбулат и Бекбулат» и др. Так, например, в последней мать посылает сына отомстить кровнику Бекбулату. Нижбулат геройски сражается со своим кровным врагом и ранит его. Но и Бекбулат тяжело ранит Нижбулата. Сын возвращается к матери, стучит в дверь ее дома и произносит следующие слова: «Открой, мать, как вывороченная волчья шкура полна соломой, так я полон пулями». Мать не открывает ему двери, она упрекает Нижбулата в трусости: «Сладкий сон свой полуночный не могу прервать». Не впускают его ни сестра, ни друг; лишь любимая девушка принимает милого, который и умирает у нее на руках.

В решении проблемы инонационального, кавказского фольклора в эстетике русского романтизма необходимо поставить вопрос и о степени соприкосновения двух идейно-эстетических систем. Как уже отмечалось нами, общей «сквозной» идеей,

[43] *М. Ю. Лермонтов*. Собр. соч. в четырех томах, т. 2. М.— Л., 1962, стр. 464.
[44] Там же, стр. 465.

пронизывающей и горскую героическую поэзию, и прогрессивные романтические произведения русской литературы на кавказскую тему, была идея борьбы за свободу личности, конфликтующей с окружающей действительностью, личности стойкой, волевой и бесстрашной. В этом смысле аналогии такого рода достаточно убедительны на примере творчества Пушкина, Бестужева-Марлинского, Лермонтова и других русских писателей, хорошо знакомых с национальным (фольклорным и этнографическим) кавказским материалом. При этом важно иметь в виду не только конкретные аналогии горской поэзии в творчестве русских писателей, но и более широкий идейно-эстетический аспект этой связи, определяемой духом эпохи и потребностями русской прогрессивной романтической литературы XIX в.

Подчеркивая бесспорный интерес русских прогрессивных романтиков к героическим образам горского фольклора (например, в «Смертных песнях» Аммалат-Бека Марлинского), что вполне соответствовало романтической концепции сильной личности, нельзя не задуматься над тем, насколько подобные эстетические эквиваленты правомерны. При наличии определенного сходства в изображении сильных, мужественных, активных героических образов в романтической литературе и в горской поэзии имеется и существенное различие: исключительная личность романтического героя психологически и субъективно эмоционально гипертрофирована, оторвана от народа. В горском же фольклоре героическая личность, хотя она и в высшей степени идеализирована, является носителем общенародного героизма. Следует при этом отметить и ее ограниченное эмоционально-субъективное и психологическое проявление, отсутствие чувства внутреннего смятения, самоуглубленности, приувеличенной чувствительности, т. е. всего того, что было присуще романтической трактовке героев. Помимо этого, необходимо отметить и существующую разницу в лексико-фразеологических средствах — отсутствие в горской эпико-героической поэзии (исключая лирику) тех вычурных выражений, тропов и фигур, которыми с легкой руки Бестужева-Марлинского насыщались многие произведения русской романтической литературы о Кавказе. Следует при этом сказать, что восточная романтика проникала в Дагестан (начиная с появления арабов в VIII в.) и на Северный Кавказ вместе с арабской и иранской классической лирикой. Ее влиянию в особенности были подвержены в Дагестане и народные лирические песенно-поэтические жанры, и творчество дореволюционных поэтов-певцов (например, Махмуда, Эмина, Батырая и др.). В данном случае для Дагестана, но не для всего Северного Кавказа отчасти приемлемо наблюдение знатока восточной классики Э. Бертельса, который писал относительно распространенности любовного сюжета Лейлы и Меджнуна: «Образ Меджнуна вошел в ряды любимых образов Переднего Востока,

пробил рамки письменности и, перебравшись в фольклор, приобрел вечную жизнь»[45].

Что же касается народов Северного Кавказа (осетин, адыгов, чеченцев и ингушей), то здесь стойкая эпико-героическая традиция, так сказать, «не размывалась» утонченной классической восточной лирикой, представляющей уже вторичное явление, проникавшее на Кавказ преимущественно вместе с распространением мусульманства (в Дагестане — с VIII в., у чеченцев — в XVI—XVII вв., а у ингушей еще позднее).

Сами горские эпико-героические песни дагестанцев, осетин, адыгов, чеченцев и ингушей не имели романтической основы и представляли поэзию сурового мужества. Другое дело, что эта народная поэзия (с ее культом героизма, воспеванием свободолюбивой личности) была по-своему использована в русской дореволюционной литературе. Однако это было не только в романтических, но и в реалистических произведениях, если вспомнить, например, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова или еще более выразительную в смысле литературно-кавказских фольклорных связей повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

Поэтому нам представляется недостаточно аргументированным мнение некоторых современных литературоведов, например Р. Юсуфова[46], о том, будто фольклор способствовал романтической тенденции развития советских младописьменных литератур народов Северного Кавказа и Дагестана, с чем нельзя согласиться. Героико-эпическая фактура северокавказского фольклора, о которой шла речь и в нашем сообщении, определяла реалистическую, а не романтическую ориентацию названных литератур, особенно явственно проявившуюся в условиях метода социалистического реализма.

[45] *Э. Бертельс.* Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, стр. 79.
[46] См. «История дагестанской советской литературы», т. I. Махачкала, 1967, стр. 18—19.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

РУССКО-СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI в И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИИ

Цель настоящего доклада — подвести некоторые итоги изучения славяно-русских отношений конца XV — начала XVI в. во всех их формах — экономической, политической и культурной, определить их своеобразие по сравнению с другими русско-европейскими связями этого же времени и наметить некоторые перспективы дальнейших исследований русско-славянских связей.

За пределами сообщения остается изучение самого национального самосознания, т. е. осознания всех признаков, которые присущи народности (применительно к изучаемому периоду можно говорить только о народности) [1]: общности языка, территории, социально-экономической жизни. В связи с этим не рассматриваются вопросы происхождения и общности славян и славянских языков, как и трактовка этих проблем в славянской историографии конца XV — начала XVI в.[2] Тем не менее важность этих вопросов очевидна, все они приобрели особую остроту в условиях борьбы за восстановление национальной независимости южных славян, страдавших под игом Османской империи, или ее сохранения и развития у центральных, западных и восточных славян.

* * *

Отдельные регионы славянского мира, еще ранее разделенного по конфессиональному признаку, в конце XV — начале XVI в. оказались в различных политических условиях. Южные славяне, потеряв свою государственную самостоятельность, вынуждены были подчиниться Османской империи, западные и восточные сохранили свою независимость: чехи, постоянно отстаивая ее от притязаний Габсбургов и угрозы со стороны турок; поляки и русские, собирая свои земли, входившие в состав иных политических образований.

В соответствии с политическим положением каждого из регионов славянского мира отношения России с ними отличались

[1] «Вопросы формирования русской народности и нации». М.— Л., 1958, стр. 7—105.

[2] См. подробнее: *И. И. Первольф.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века. СПб., 1874; *он же.* Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. 2—3. Варшава. 1888—1890.

некоторыми особенностями: в сношениях с западными славянами преобладали вопросы экономические и политические, в сношениях с южными — культурные.

В результате захвата турками Константинополя и Каффы[3] в 1475 г. русско-славянские связи по Черному морю были почти полностью прекращены. Все порты на нем принадлежали туркам, которые упорно сопротивлялись участию болгар в черноморской торговле.

Впрочем, в свете последних материалов о русской торговле в Константинополе-Стамбуле[4], ранее изученной по посольским книгам В. Е. Сыроечковским[5], можно говорить о возможности русско-болгарских контактов через порты Черного моря. Однако этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании турецкой таможенной документации[6].

В изучаемое время только экономические отношения России с Польшей, а также с Великим княжеством Литовским имели, как показали исследования последних лет (А. Вавжинчик[7], А. Керстена[8], М. Маловиста[9]), значительные размеры.

Русский экспорт, по мнению А. Вавжинчик, составлял $^1/_3$ — $^1/_2$ всего товарооборота Литвы и Польши и намного превышал русский экспорт на Балтику[10].

Изменение направления торговых путей в результате упадка южной торговли, как морской, так и сухопутной, с одной стороны, а также в результате падения ганзейских городов, с другой, привело к расцвету среднеевропейских городов, таких как Вильно, Люблин, Познань, Лейпциг, Нюрнберг[11].

[3] О роли Каффы как торгового центра см.: *M. Malowist.* Kaffa-kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475. Warszawa, 1947. Рец.: *В. В. Стоклицкая-Терешкович.* Византийский временник, т. IV, 1951, стр. 201—206.

[4] *Ш. Верлинден.* Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 году. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970, стр. 7—8.

[5] *В. Е. Сыроечковский.* Гости-сурожане. «Труды ГИМ», вып. 127. М., 1935.

[6] Издание и изучение ее начато как болгарскими, так и турецкими исследователями. Особенно важно для данной темы издание стамбульских таможенных книг конца XV в., подготавливаемое профессором Анкарского университета Инальджиком.

[7] *A. Wawrzyńczyk.* Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim a Rosią w XVI wieku. Warszawa, 1956.

[8] *A. Kersten.* Kontakty gospodarcze Wielkiego Nowogrodu z Litwą, Polską i miastami południowoniemieckimi w XV wieku.— «Slavia orientalis», r. VII, N 1. Warszawa, 1959, S. 130—166.

[9] *M. Malowist.* Poland, Russia and Western Trade in the 15-th and 16-th Centuries. «Past and Present», 1958, N 13, p. 27 — 39.

[10] *A. Wawrzyńczyk.* Указ. соч., стр. 73 — 74.

[11] Это оказалось не в пользу Чехии, так как основные пути крупной оптовой торговли, переместившись севернее, миновали ее. Непосредственная южнорусско-чешская торговля сменилась русско-польской. *A. V. Florowskij.* Českoruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století). Praha, 1954, str. 46—68.

Состав русского экспорта в Литву и Польшу в конце XV—начале XVI в. не очень изменился. По-прежнему первое место занимали русские меха (один из главных товаров на рынках Люблина и Познани[12]), которые высоко ценились на польском и общеевропейском рынках[13]. Не случайно русские соболи входили обычно в состав подарков польских послов иностранным государям[14].

Русь ввозила различные товары как польского, так и другого происхождения (сукна, в том числе и польские, металлы цветные и драгоценные и т. д.).

Польско-русские экономические отношения развертывались на основе полной взаимности. Русские купцы появлялись на рынках процветавших тогда Люблина[15] и Познани, а польские купцы стали приезжать в Россию. Еще в 70—80-е гг. XV в. в торговлю с Русью включились гданьские купцы. Гданьчане приезжали в Москву и в начале XVI в.[16].

Частые войны России с Великим княжеством Литовским (1490—1494, 1500—1503, 1507—1508, 1517—1518 гг.) ставили серьезные препятствия для развития русско-польской торговли, но она тотчас возобновлялась по окончании этих войн и имела большое значение, особенно для России.

Для развития политических связей России со славянскими странами в конце XV—начале XVI в. было очень много препятствий.

Королевство Польское, находившееся в личной унии с Великим княжеством Литовским, невольно вовлекалось во враждебные отношения с Россией в периоды войн последней с Литвой, южные славяне, потерявшие свою государственность в результате подчинения их Османской империи, почти не могли поддерживать политических отношений с Россией.

Поэтому история русско-славянских политических отношений не привлекла к себе такого внимания историков, как экономические или культурные связи. Только в работах М. Н.

[12] «Inwentarze mieszczańskie z lat 1528—1635 z ksiąg miejskich Poznania». Poznań, 1961, str. 18, 32, 34.

[13] На этот факт обратил внимание А. Вычаньский («Polska służba dyplomatyczna XVI—XVIII wieku». Warszawa, 1966, str. 64).

[14] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 160—318.

[15] *H. Samsonowicz.* Handel Lublina na przelomie XIV i XVI w. «Przegląd historyczny», t. LIX, z. 4, 1968, str. 618; *K. Myśliński.* Lublin a handel Wrocławia z Rusią w XIV i XV w. «Rocznik lubelski», t. III, str. 21.

[16] *A. Wawrzyńczyk.* Указ. соч., 5, 10—11; *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 115—116. Сб. Русского исторического общества, т. 35, СПб., 1892, № 74, стр. 363 (упомянут «Готселак Тимерман из Гдана»).

Тихомирова [17] и Ф. Конечного [18] содержатся некоторые сведения по интересующему нас вопросу.

Тем не менее, как ни скудны или противоречивы были политические взаимоотношения России с другими славянскими странами, но и они должны подвергнуться рассмотрению.

Попытка восстановить отношения с сербским правящим домом была предпринята Иваном III в самом начале XVI в., когда он просил свою дочь Елену Ивановну, жену Александра, великого князя литовского, а с 1501 г. короля польского, узнать, нет ли в Сербии подходящей невесты для Василия Ивановича, с тем, чтобы устроить брак наследника русского престола с какой-нибудь представительницей дома сербских деспотов. «Сказывали, в Угорской земле у деспотов, у сербских дочери... и ты бы, госпоже, послала в Угорскую землю, а велела еси отведати о деспотовых дочерях» [19],— наказывал Иван III дочери. Однако эта попытка в 1503 г. оказалась неудачной. «Сказывала королева Губе (Моклокову — великокняжескому дьяку), что про Стефановы дети деспота сербьского пытала, да не могла ся их допытати» [20],— отвечала Елена Ивановна.

Только в 1525 г. Василий III породнился с сербским домом. Его вторая жена — Елена Васильевна Глинская — по матери (Анне Якшич) восходила к последнему сербскому деспоту Стефану [21].

Тем самым московские князья и цари получали некоторое основание выступать [22] в роли хранителей славянского право-

[17] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», М., 1947.

[18] Работы Ф. Конечного преимущественно посвящены истории Литвы, однако изредка он касается и русско-польских отношений. См.: *F. Koneczny.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej. «Ateneum wileńskie», r. 3, r. 9, str. 194—264; это же касается и трудов О. Бакуса, В. Беловейской, Х. Яблоновского и др.

[19] Сб. РИО, т. 35, № 76, стр. 426, № 77, стр. 443, май, ноябрь 1503 г.

[20] Там же, № 77, стр. 452—453, ноябрь 1503 г.

[21] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 83—87; Ђ. *Сп. Радојићић.* Јужнословенско-руске културне свезе до почетка XVIII века. Нови Сад, 1965. Род Якшичей был очень влиятелен и популярен в Сербии не только в XVI в., но и в последующих веках. *Ст. Новаковић.* Последњи Бранковићи у историји и у народном певању 1456—1502. Нови Сад, 1886, стр., 66, 67, стр. 83—91 и далее до 135. *J. Wasilewski.* Pryczynki źródeowe do stosunków Polski ze Słowiańszczyzna południową w wiekach XIII—XVI. «Studia źródłoznawcze», t. VIII. Warszawa, 1963, s. 120—122; *H. Rüß.* Elena Vasil'ievna Glinskaja. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», N. F.Bd. 19, Hf. 4, 1971, S. 486—488.

[22] Не случаен интерес Ивана Грозного к основателям Сербского государства — Симеону, Савве, выразившийся в помещении их портретов в Архангельском соборе. См.: *Е. С. Сизов.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 264—271.

славия или, вернее, быть рассматриваемыми[23] наследниками сербского правящего дома.

О существовании русско-чешских политических отношений можно говорить лишь с некоторой оговоркой, поскольку они являлись дополнением к русско-польско-литовским. Владислав Ягеллон, занимавший чешский трон с 1490 (номинально с 1471 г.) по 1516 г., дважды выступал в роли посредника между Россией и Польско-Литовским государством[24]. Самостоятельного же значения русско-чешские политические отношения в конце XV — начале XVI в. не имели.

На политические отношения с Польшей отрицательно действовали войны, которые вела с Великим княжеством Литовским Россия в конце XV— начале XVI в. за воссоединение Русских земель[25]. Польское королевство непосредственно не участвовало в этих войнах, за исключением конца второго десятилетия — начала третьего десятилетия XVI в., когда Россия, вступив в союз с Тевтонским орденом, пыталась сломить сопротивление объединенного Польско-Литовского государства[26].

Этими уродливыми формами русско-польские отношения обязаны личной унии Польского королевства с Великим княжеством Литовским, факт которой в новейшей польской историографии рассматривается как отрицательный для дальнейшего экономического и политического развития Польши[27].

Неприязненные отношения Польско-Литовского государства и России порождали попытки заключения династического союза с Россией со стороны отдельных польских князей. Так, Конрад Мазовецкий, надеясь на поддержку Россией его сепаратистских устремлений, предлагал Ивану III выдать за него одну из русских великих княжен. Хотя в Москве его посольство было принято очень тепло[28], до заключения брачного союза дело не дошло.

Более удачно завершился другой проект брачного союза — великой княжны Елены Ивановны и великого князя Александра, в 1501—1506 гг. польского короля. Однако и этот брак не способствовал стабилизации русско-польских отношений, в особенности после смерти Александра, а затем и Елены, так как

[23] См. подробнее: *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией, стр. 83 — 84; *В. И. Ламанский.* Сербия и южнославянские провинции Австрии. «Из записок о славянских землях». СПб., 1864, стр. 49 — 50.

[24] Сб. РИО, т. 35, № 65, № 72, стр. 300 — 307, 341 — 361, январь 1501 г., декабрь 1502 г.

[25] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952; *А. А. Зимин.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.

[26] *А. А. Зимин.* Указ. соч.; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466 — 1525 годах. М., 1963 (канд. дисс.).

[27] *H. Samsonowicz.* Złota jesień polskiego średniowiecza. Warszawa, 1971.

[28] Сб. РИО, т. 35, № 21, стр. 97, май 1493 г.

Василий III использовал замужество своей сестры в качестве предлога для предъявления территориальных требований к Польско-Литовскому государству [29].

В ходе русско-литовских отношений, в которые поневоле оказалась вовлечена и Польша, формировались представления о территории России и ее названии [30]. Приняв титул великих князей «всея Руси», русские князья поставили перед собой задачу собирания всех русских земель в единое государство.

Русские государственные деятели имели четкие представления о границах и пределах Руси. Она должна была, по их мнению, включать всю Русскую землю, т. е. все земли, населенные восточными славянами, составлявшими в эпоху Древнерусского государства этническое единство, из которого в изучаемое время уже выделялись великорусы (просто русские), белорусы и украинцы, все земли, населенные православными.

Это представление о некогда существовавшем этническом и культурном единстве легло в основу политических теорий и практики Русского государства на протяжении XVI—XVII вв.

В ходе сношений с Польско-Литовским государством появилось и название, которым стали называть Россию за ее пределами в XVI—XVII вв. — Московия. Оно обязано своим возникновением мнению польских общественных деятелей, которые считали, будто Россией имеет право называться только та часть Русских земель, которая входила в состав Великого княжества Литовского. Той же России, которая оказывалась за пределами Литвы, присваивалось название Московии. Термин «Московия» появился в ходе русско-литовской войны 1500—1503 гг. и быстро распространился во всех тех странах, которые получали информацию из Польши, в частности в Италии. Однако сами русские его не употребляли [31].

Таким образом, в ходе политических сношений России с западными славянами и Великим княжеством Литовским формировалось представление о русской территории.

[29] Сб. РИО, т. 35, № 85, стр. 509, 1517 г.

[30] К сожалению, вопрос о политическом содержании польских этнографо-географических представлений и идей конца XV — начала XVI в. не привлекал внимания историков, исследовавших так называемую сарматскую теорию. *T. Mańkowski.* Genealogia sarmatyzma. Warszawa, 1946, cz. II; *T. Ulewicz.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV—XVI w. Kraków, 1950.

[31] *М. Н. Тихомиров.* О происхождении названия «Россия». «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 93—96; *он же.* Происхождение названия «Россия» и «Русская земля». «Советская этнография», т. VI—VII, М.— Л., стр. 62—68. Во втором десятилетии и начале 20-х годов XVI в. литовские и польские дипломаты стремились закрепить это название и среди русских. Они упорно титуловали великого князя Василия III просто «князем Московским», что отнюдь не способствовало урегулированию отношений России с Польско-Литовским государством. См. Сб. РИО, т. 35, № 85, стр. 505, сентябрь 1517 г., и др.

Наибольшее значение для становления национального самосознания имели культурные отношения. Именно они и привлекали внимание историографов XIX и XX вв. Они же остаются в центре внимания и современных исследователей; при этом главным образом изучаются литературные и языковые связи России с южными славянами [32].

Культурные отношения с западными славянами значительно отставали от связей с южными. Как неоднократно отмечалось советскими литературоведами, на Руси совсем не было переводных произведений с чешского или польского языков.

По-видимому, поляки и белорусы активно участвовали в строительстве государственного аппарата России в 80-е годы XV в. Уже Я. С. Лурье отметил, что «польская и западнорусская (белорусская) лексика обильно отражена в русских «Посольских делах» конца XV в. [33] Действительно, в них часто встречаются полонизмы: «краль», «жадный», «велеможный», «скарбы» и т. д. [34]

Важность участия поляков в деятельности формировавшегося в то время Посольского приказа совершенно очевидна. Выход России на международную арену в качестве активной силы заставил вырабатывать не только новые формы дипломатической переписки, но и совершенствовать саму терминологию, обозначавшую различное положение высоких корреспондентов великого князя, и уточнять свои собственные титулы, используя опыт соседних славянских держав [35].

Культурным связям России с Польско-Литовским государством первая обязана знакомством с «Тайная тайных» или «Аристо-

[32] *М. Н. Сперанский.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; *Д. С. Лихачев.* Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). М., 1946; *он же.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; *И. Снегаров.* Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X — XV). София, 1950; *он же.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI — XVIII в. София, 1953; *Б. Ангелов.* Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII вв.). «Известия на института за българска история», т. VI. София, 1956. стр. 291 — 325; *он же.* Из старата българска, руска и сръбска литература, т. I — II. София, 1958, 1967; *П. Динеков.* Из истории русско-болгарских литературных связей XVI — XVIII вв. «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР» (далее: ТОДРЛ), т. XIX, 1963, стр. 318—329; *В. А. Мошин.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. ТОДРЛ, т. XIX, М.— Л., 1963.

[33] *Я. С. Лурье.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV — XVI вв. ТОДРЛ, т. XIX. М.— Л., 1963, стр. 267.

[34] «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными», т. I, СПб., 1851, стр. 2 — 3.

[35] *Ф. П. Сергеев.* Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971, стр. 201.

телевыми вратами»[36], переведенными с еврейского языка на западнорусский либо в Вильне, либо где-нибудь еще в пределах Польско-Литовского государства[37]. Эти произведения появились на Руси уже в первой половине XVI в. и в середине этого века попали в список отреченных книг. Не исключена возможность, что они были переведены в кругах, близких к Авраму Езофовичу Ребичковичу, в начале XVI в. принявшего крещение и сделавшего быструю карьеру при дворе великого князя и польского короля Александра, а затем его брата Жигимонта — от мытника к подскарбему Великого княжества Литовского. Язык перевода, в котором употребляются слова, вошедшие в оборот в Великом княжестве Литовском только в начале XVI в., выдает человека, хорошо знакомого с государственными делами и прекрасно владеющего литературным языком своего времени. Интерес к государственной тематике в «Тайная тайных» ясно показывает, что переводчика или хотя бы заказчика перевода следует искать среди государственных деятелей Великого княжества. Скорее всего это был Аврам Езофович, член рады великого княжества[38].

Перевод же мог попасть на Русь с другим государственным деятелем — Михаилом Львовичем Глинским, перешедшим в 1508 г. на сторону России. Один из крупнейших военачальников в Великом княжестве Литовском князь М. Л. Глинский интересовался и теорией государственной власти.

К сожалению, недостаточно изучен вопрос о распространении в Польше русских книг. Если для более раннего времени этот факт нашел отражение в знаменитом письме «От друга к другу», то от конца XV — начала XVI в. не сохранилось таких свидетельств. Можно предполагать, что не только Великое княжество Литовское, но и Польша были знакомы с русскими рукописными книгами, доносившими в Польшу болгарские и сербские оригинальные и переводные сочинения[39].

[36] *М. Н. Сперанский.* Тайная тайных, или Аристотелевы врата. Из истории отреченных книг. СПб., 1908; *W. F. Ryan.* A Russian version of the secreta secretorum in the Bodleian library.— «Oxford Slavonic papers», v. XII, 1965, p. 40 — 48; *В. Райен.* Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского. «Slavia», г. XXXVII, 1968, № 2, стр. 349—355.

[37] В Польше этого времени хорошо знали еврейский язык, в начале XVI в. началось его преподавание в Краковском университете; *B. Baranowski.* Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Lódź, 1950, str. 48—49.

[38] *С. А. Бершадский.* Аврам Езофович Ребичкович, подскарбий земский, член рады Великого княжества Литовского. Киев, 1888.

[39] Для Литовского княжества факт распространения богослужебных русских книг, восходящих к болгарским и сербским оригиналам, зафиксирован. См.: *П. А. Лавров.* Библейские книги 1504 г. «Славия», 1933, № 6, стр. 85 — 111 (Послесловие Б. Ляпунова см. на стр. 112). Известно, что Елене Ивановне, великой княжне литовской и королеве польской, Иван III высылал книги из Москвы. С Микулой Ангеловым ей было отправлено 13 книг (Сб. РИО, т. 35, № 49, стр. 239, сентябрь 1497 г.).

Вероятно, в основу изданий Фиоля были положены книги из центральной Руси. Состав книг Фиоля, их язык и шрифт ведут или в центр России — в Москву, или на ее северо-западную окраину — в Новгород и Псков [40].

Загадке типографии, возникшей в 1491 г. в столице Польского королевства Кракове, посвящен не один десяток работ польских, русских, немецких историков [41].

Заказчиков книг искали в самых разных районах и в самой разной среде. До сих пор поиски не увенчались успехом. Хотя главная масса книг, изданных Фиолем, была предназначена для сбыта в пределах Великого княжества Литовского, нельзя отрицать возможности того, что некоторая часть их поступала и в Россию. Организаторами типографии, финансировавшими ее, были горнопромышленники Турзоны [42], тесно связанные деловыми и родственными узами с Фуггерами, которые и в это время, и несколько десятилетий позднее были инициаторами экономических связей с Россией. Именно Фуггерам в начале XVI в. приписывали инициативу организации русско-датской компании, которая должна была монополизировать торговлю на Балтике.

Закрытие типографии совпало с началом русско-литовской войны, неблагоприятно отразившейся на положении православных в Литве и Польше. Война 1491—1494 гг., как и другие войны России с Великим княжеством Литовским, прервали культурные связи России с западными славянами почти на четверть столетия. Их возобновление связано со стабилизацией политических отношений России с Польско-Литовским государством. В 1525—1526 гг. в Москву прибыл кто-то из окружения Франциска Скорины [43], по мнению Е. Л. Немировского, виленский купец Богдан Онков с грузом книг из его типографии [44].

Однако в России, где в это время велась борьба по искоренению уже не ереси — этим занимались в самом начале XVI в.,— но самых малейших отклонений от православия, книги, издан-

[40] *Е. Л. Немировский.* Начало славянского книгопечатания. М., 1972, стр. 88, 105, 137, 138 и др.

[41] Краткий обзор литературы см.: *Е. Л. Немировский.* Начало славянского книгопечатания, стр. 3 — 7.

[42] Эта догадка была высказана нами в докладе на заседании сектора истории СССР периода феодализма в 1965 г. Подробнее см.: *Е. Л. Немировский.* Начало славянского книгопечатания, стр. 65, 72, 181 — 185 и др.

[43] *И. И. Первольф.* Славяне. Их взаимоотношения и связи, т. 2, стр. 596—597, прим. 1; *А. В. Флоровский.* Франциск Скорина и Москва. ТОДРЛ, т. XXIV. М.— Л., 1969, стр. 155—158; *A. Florovsky.* Skoryna et son activité parmi les slaves.— «Bulletin d'information des sciences hisoriques en Europe orientale». Varsovie, v. IX, N 1—2, 1939, p. 9—10.

[44] *Е. Л. Немировский.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 65.

ные в католической стране, были сожжены [45]. Попытки Скорины установить контакты с Россией на этом и закончились.

Иной характер носили связи России с южными славянами.

Мощный поток второго южнославянского влияния в течение второй половины XIV— первой половины XV в. принес на Русь многочисленные произведения южнославянской оригинальной и переводной литературы, познакомил Россию с реформой правописания, произведенной Евфимием Тырновским, и образцами нового стиля, оказал воздействие на русскую иконопись и миниатюру [46]. Все эти формы второго южнославянского влияния систематически исследовались и изучаются учеными.

К концу XV в. волны второго южнославянского влияния ослабевают. Последние десятилетия XV— начала XVI в. представлялись глухим временем в истории русско-болгарских и русско-сербских культурных отношений даже такому их знатоку, каким был М. Н. Сперанский [47]. Это и понятно. После бурного развития этих отношений в предшествующее время, нашедших отражение и в литературе, и в искусстве, этот период ослабления может показаться периодом их полного прекращения.

Турецкое иго, затормозившее культурное развитие южных славян, все же не смогло окончательно прервать русско-южнославянских культурных связей. Сохранялись старые формы этих связей. По-прежнему переселялись на Русь болгары и сербы, хотя последняя волна эмиграции из Болгарии и Сербии шла не непосредственно из этих стран, а из Афона [48] или из Молдавии [49], унаследовавшей достижения славянской культуры и ставшей прибежищем южных славян. По-прежнему из Афона периодически приходили на Русь за милостыней монахи [50], по-прежнему, если не в большей степени, поддерживали русские великие

[45] *Jos. Fidler.* Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Romischen Kirche im XVI Jahrhundert. «Sitzungsberichte der Philos-hist. Classe der kaiser Akad. der Wissenschaften», Bd. XL. Wien, 1860, S. 110.

[46] Общую его характеристику см.: *Д. С. Лихачев.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России, стр. 3—65.

[47] *М. Н. Сперанский.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; *В. П. Адрианова-Перетц.* Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. ТОДРЛ, т. XIX. И.— Л., 1963, стр. 3—18.

[48] Только в окружении Максима Грека было несколько сербов. «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». Изд. подг. Н. Н. Покровский. М., 1971, стр. 109, 112.

[49] Южные славяне внесли некоторый вклад и в развитие русского прикладного искусства, в частности шитья. См.: *А. Т. Николаева.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971, стр. 7; *Н. А. Маясова.* Древнерусское шитье. М., 1971, стр. 24.

[50] *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, стр. 156; *Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей. «Византийский временник», т. XXVI, 1965, стр. 113—121.

князья монастыри на Афоне, ставшие средоточием славянской культуры [51].

Паломникам из Афона Русь обязана знакомством не только с традиционными богословскими сочинениями, но и с новыми произведениями славянской литературы, созданными в условиях турецкого ига и имевшими ярко выраженную антитурецкую направленность. Зашедшие в Новгород афонские монахи Митрофан и Прохор рассказывали о положении христиан под владычеством турок, а также о мученической смерти св. Георгия Болгарского. Новгородский архиепископ Макарий велел записать их речи [52]. В 1539 г. на основании этой записи в Пскове неким Ильей было составлено житие Георгия, чрезвычайно популярное на Руси,— сохранилось свыше 15 списков его [53].

Вскоре после гибели Георгия (в 1515 г.) в самой Болгарии было составлено священником Пейо житие Георгия Нового [54].

Возможно, что Митрофан и Прохор в 1515 г. были в Софии и они читали житие Георгия Нового. Как бы то ни было, и в болгарской и в русской церковной литературе прозвучала тема разоблачения насилий турок и героического сопротивления болгарского народа попыткам омусульманить его. И русское и болгарское житие Георгия Нового писали в традициях Евфимия [55].

При составлении русской службы болгарскому мученику Георгию Новому автор ее, Василий [56], использовал некоторые болгарские книжные источники [57]. Житие Георгия Нового вполне следовало в общем русле ортодоксальной православной литературы.

Однако на территории южных славян во второй половине

[51] *И. Дуйчев.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. ТОДРЛ, т. XIX. М.— Л., 1963, стр. 107—129; *Г. А. Ильинский.* Значение Афона в истории славянской письменности. ЖМНП, 1908, № 11, стр. 1—41. Важно отметить близкие отношения русского монастыря св. Пантелеймона с другими. *Љ. Стојановић.* Стари српски записи и надписи, кн. IV; ср. Карловци, 1923, стр. 46, № 6243, 1535 г.

[52] *А. И. Яцимирский.* Из истории славянской проповеди в Молдавии ИДПИ, т. CLXIII. СПб., 1906, стр. 99—100.

[53] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 235.

[54] Опубликовано неоднократно. *Ст. Новакович.* Служба и живот светого ђурђа Кратовца.— «Гласник Српског ученог друштва», т. XXI. Београд, 1867, стр. 97—156; *А. Гильфердинг.* Болгарское житие Георгия Нового Софийскаго. ЛЗАК, 1862—1863, вып. III. СПб., 1864, стр. 1—24; *П. Динеков.* Софийски книжовници през XVI век. I. София, 1939, стр. 57—76.

[55] *П. Динеков.* Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв., стр. 323. См. также: *А. И. Яцимирский.* Указ. соч., стр. 108.

[56] *Б. Ст. Ангелов.* Стари славянски текстове. «Известия на Института за българска литература», VIII. София, 1959, стр. 247—286; *П. Динеков.* Софийски книжовници през XVI век, стр. 110.

[57] *П. Динеков.* Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв., стр. 324.

XV. создавались и чисто светские литературные произведения, а Россия быстро и чутко реагировала на их появление.

Особенностью конца XV в., как установили советские историки и литературоведы, в первую очередь Я. С. Лурье, был наплыв в Россию не богословских, а светских сочинений. Наряду с псевдокаллисфеновой Александрией, включенной в Хронограф русской редакции, в России получила распространение так называемая сербская Александрия, типичный светский роман, книга средневековых басен «Стефанит и Ихнилат», резко порывающая с христианской догмой и христианскими представлениями о морали [58]. Я. С. Лурье предположил, что эти произведения были созданы где-то в Далмации, которая не подчинялась туркам. О путях проникновения этих произведений на Русь можно только догадываться.

* * *

Есть еще одна сторона второго южнославянского влияния, которая, на наш взгляд, не привлекла должного внимания исследователей. Мы имеем в виду идейно-политическое воздействие произведений южнославянской литературы [59] на русскую политическую мысль и некоторые аналогии политической практики России конца XV— начала XVI в. и славянских независимых государств XI—XIV вв.

Памятники, распространявшиеся в России в результате второго южнославянского влияния, знакомили русского читателя с традициями идейного оформления государственной власти в Болгарии и Сербии времени их расцвета, I и II болгарского царства и времени княжения Стефана Первовенчанного и Стефана Дечанского.

Факт широкого обращения на Руси сербских житий и родословий был известен уже давно (см. работы А. Н. Попова, С. П. Розанова, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского и др.), но только в историографии последних лет выявляется непосредственная преемственность идеологии воинствующих церковников

[58] «Александрия» (роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.). М.— Л., 1965; *Стефанит и Ихнилат.* Средневековая книга басен по русским рукописям X—XVIII вв. Л., 1969.

[59] Задача изучения идейных течений была поставлена Д. С. Лихачевым в 1958 г. См.: *Д. С. Лихачев.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России, стр. 3. Для более раннего периода этот вопрос уже исследуется. См.: *Я. Н. Щапов.* Южнославянский политический опыт на службе у русских идеологов XV в. («Byzantinobulgarica», t. II. Sofia, 1966, S. 199—214). Для изучаемого периода чрезвычайно важны работы: *А. Н. Попов.* Обзор хронографов русской редакции, вып. II, М., 1869, стр. 22—25; *С. П. Розанов.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и русский хронограф. СПб., 1906 (Изв. отд. русск. яз. и словесности АН, т. XI, кн. 2, стр. 62—97); *V. Jagič.* Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung.— «Archiv für slavische Philologie», Bd. II, 1877, S. 1—109.

России от идеологии их сербских собратьев времени Стефана Дечанского (имеем в виду заимствования Иосифом Волоцким цитат из сербского жития Стефана Дечанского) и знакомство некоторых представителей русских оппозиционных кругов с сербской литературой конца XIV — начала XV в.

В «Послании» 1506—1523 гг. Спиридона Саввы, русского митрополита, одного из идеологов самодержавия в России, содержится буквальное, за исключением имен, заимствование из сербской хроники начала XV в. Исайи Серского[60]. Тот же текст читается и в русском хронографе[61], возможно, Спиридон Савва использовал его из вторых рук, т. е. из хронографа.

В истории сербской церкви и в ее борьбе за сохранение своих имуществ от посягательств светской власти[62] воинствующие церковники России черпали аргументы в защиту своей концепции. Так, Иосиф Волоцкий[63] использовал второе житие Стефана Дечанского (50—60-е годы XIV в.)[64], усилив его описание наказания покушающихся или только помышляющих о покушении на церковные имущества некоторыми устрашающими деталями[65].

Эти факты приобретают особое значение, если вспомнить, что именно в Иосифо-Волоколамском монастыре, как убедительно доказал Б. М. Клосс, в 1494 г. был составлен русский хронограф[66], один из важнейших памятников идеологии самодержавия,

[60] «Послание» см. в: «Сказанье о князьях Владимирских». М.— Л., 1955, стр. 166, 167. Хроника опубликована Й. Богданом в «Archiv für slavische Philologie». Bd. XIII, S. 526—536. *И. Иванов*. Старобългарски разкази. София, 1935, стр. 223—227.

О факте заимствования см.: *К. Мечев*. Българската хроника от началото на XV в. (историческо съдържание, идее и художествен облик, въ просът за негото авторство). «Известия на Института за история БАН, кн. 19, 1967, стр. 234, 235.

[61] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 410—411.

[62] Впрочем, Стефан Дечанский сам активно раздавал земли и людей церкви. *Т. Флоринский*. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1887, стр. 30—140.

[63] *В. Малинин*. Старец Елеазарова монастыря, стр. 130—132 (о неприкосновенности монастырских имений); «Послания Иосифа Волоцкого» (Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье). М.— Л., 1959, стр. 199—201 (Послания И. И. Третьякову).

[64] Опубликовано Я. Шафариком. «Живот краля Стефана Дечанскогъ» «Гласник Друштва српске словесности», св. XI. Београд, 1859, стр. 35—94.

[65] *Е. П. Наумов*. Из истории русско-сербских средневековых связей (второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). «Из истории межславянских культурных связей. К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова». Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 26, М., 1963, стр. 37—47.

Этот факт отмечали и раньше: *И. Хрущов*. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868, стр. 227; *А. Павлов*. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 57—58; *В. Жмакин*. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 82; *И. У. Будовниц*. Русская публицистика XVI века. М.— Л., 1947, стр. 95—96.

[66] *Б. М. Клосс*. О времени создания русского хронографа. ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 244—255.

памятник, весь пронизанный идеей преемственности русского самодержавия от славянских независимых государств. В нем ясно и четко прозвучали надежды на спасение славянских стран от турецкого ига с помощью России, а также высказываемые в Болгарии пожелания процветания России, которая «растеть и младееть и возвышается и распространяется, ей же, Христе милостиви, даждь расти и младети и разширати се и до скончания века» [67]. Это пожелание почти дословно повторяет соответствующее место из среднеболгарского перевода хроники Манассии [68]: «И сиа убо приключишу ся старому Риму, наш же новыи Цариград доит и растит, крепит ся и омлаждается. Буди же ему и до конца расти, ею цари въсеми царствууи» [69]. В русском хронографе несколько иная редакция: «Наша Российская земля божией милостью растет и младеет и возвышается, ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и разширятися и до скончания века» [70].

Созданием хронографа, широко использовавшего различные югославянские памятники, завершается первый этап формирования идеологии самодержавия в конце XV в., этап, который прошел под знаком второго южнославянского влияния в области политических теорий.

Подобно тому, как хронограф обобщил политический опыт славянских государств в теоретическом плане, русское самодержавие повторяло или следовало их опыту на практике.

В конце XV в. произошли крупные внутриполитические перемены. Укрепление великокняжеской власти оформлялось с помощью последовательной смены титулов — от «государя всея Руси» до «царя» и введения нового герба в виде двуглавого орла.

Многие поколения историков спорили о том, кому следует приписать эти перемены. Дореволюционная и следующая за ней современная буржуазная историография (М. А. Дьяконов, Х. Шедер, У. Мейдлин и др.) [71] объясняла их влиянием Византии, носи-

[67] *Б. Ангелов.* Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII вв.), стр. 313.

[68] Переведена на болгарский к 1331—1340 гг. *Ю. Трифонов.* Бележки върху среднобългарския превод на Манасиевата хроника. «Известия на Българския археологически институт», т. II, 1923—1924, стр. 137—173. См. также: *И. С. Дуйчев.* Одна цитата из Манассиевой хроники в среднеболгарском переводе. ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 647—649.

[69] *I. Bogdan.* Cronica lui Constantin Manasses. «Traducere mediobulgară făcultă pe la 1350». Bucureşti, 1922, p. 99—100.

[70] ПСРЛ, т. XXII, ч. I. СПб., 1911, стр. 440.

[71] *М. А. Дьяконов.* Власть московских государей. Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889; *он же.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб.; *В. Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916; *H. Schaeder,* Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slawischen Welt. Darmstadt, 1957; *W. K. Medlin.* Moscow and East Rome. «A political study of the relations of church and state in Muscovite Russia. Genève, 1952.

тельницей которого считали Софью Палеолог. Введение нового герба рассматривается как результат знакомства с традициями оформления императорской власти (Г. Алеф, Г. Штекль)[72], появление титула «царя» иногда объясняется усвоением примера восточных деспотий (М. Чернявский)[73]. При этом обе стороны оформления великокняжеской власти — титулатура и герб — разделяются: пример «царя» ищут на востоке или в Византии, в поисках прототипа русского герба отправляются на запад или в Византию. К сожалению, не выдерживает критики и теория современной советской науки (представленная точкой зрения Я. С. Лурье), будто в становлении великокняжеской идеологии большую роль сыграло русское реформационное движение и многие деятели из окружения Елены Волошанки, а примером, которому следовал Иван III, был политический опыт русских князей, в частности тверского князя Бориса Александровича[74].

Однако все формы, в которых нашло выражение укрепление великокняжеской власти, не являются особенностью России. В них выразилась присущая южнославянским государствам тенденция оформления политической власти по византийскому образцу[75]. На это указывает сам термин «царь» — сокращенное славянское слово «цесарь», т. е. император; императорское же достоинство в средневековье неизбежно сочеталось с символом этого достоинства — двуглавым орлом.

Эта традиция была общей для всей Европы. В ее пределах было два императора — Священной Римской империи и Византии. Оба императора пользовались одним и тем же гербом, правда, употребление двуглавого орла в Священной Римской империи не представляется такой постоянной традицией, как в Византии.

Традиционны все титулы, которые последовательно на протяжении 70—90-х годов XV в. носил великий князь Иван III. В его титуле появился термин «государь», указание на «божью милость» как источник власти, он расширялся и за счет включения новых русских земель, что было обобщено термином «всея Руси», наконец, в самом конце XV в. великий князь стал называться «царем» и «самодержцем». Особенно важны два последние термина: титул «царь» и «самодержец» носили болгарские и сербские государи времени независимости и расцвета этих держав (Асени и Неманичи). В южнославянских землях принятие титу-

[72] *G. Alef.* The Adoption of the Muscovite. Two-Headed Eagl: a Discordant View «Speculum», 1966, v. 41, N 1, p. 1—21.

[73] *M. Cherniavsky.* Khan or Basileus: an Aspect of Russian medieval Political Theory.— «Journal of the History of Ideas», 1959, v. 20, N 4, p. 459—476.

[74] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.— Л., 1960, стр. 391—406, 499.

[75] *V. Tăpkova-Zaimova.* L'idee byzantine de l'unité du monde et l'état Bulgare. 1-er Congress international des études Balkanique et Sud-est européennes. Resumes des communications, v. I. «Archeologie, histoire de l'antiquité, Moyen age (V-e — XV-es)». Sofia, 1966, p. 218—230.

ла царя сочеталось с представлением о власти над Византией и греками. Недаром Асени называли себя «царями болгар и греков»[76]. Еще дальше пошел Стефан Душан, ведший войну с Византией и претендовавший на власть в империи[77].

Традиционно и оформление царской власти венчанием. Хорошо известен «Чин венчания» Дмитрия-внука 1498 г., текст которого, как показал еще Е. В. Барсов, восходит к сербскому XIV в.[78] Однако в России акт первого венчания приобрел некоторые особенности. Венчая Дмитрия-внука на великое княжение Русское, Иван III во время его выступил в роли царя, венчающего своего наследника, и тем самым сделал попытку присвоить себе самому титул царя. Об этом недвусмысленно сообщают современники, описывающие венчание, в ходе которого Ивана III называли царем[79], а также позднейшие авторы, в частности С. Герберштейн[80].

Традиционно, наконец, и принятие герба в виде двуглавого орла, как символа царской власти, совпавшее по времени с венчанием Дмитрия-внука на царство (печать с двуглавым гербом впервые была употреблена в 1497 г.)[81]. Традиция соединения царского титула и герба в виде двуглавого орла жива была и на Русских землях. В середине XV в. тверской князь Борис Александрович, называвший себя царем[82], начал чеканку монет с изображением двуглавого орла[83]. Таким образом, Ивану III не нужно было искать предшественников где-то далеко.

Южнославянские традиции оформления великокняжеской власти были знакомы на Руси и раньше, о чем свидетельствует пример тверского князя Бориса Александровича. Однако только в конце XV в., в период создания мощного единого Русского государства, созрели условия для всестороннего усвоения этой традиции и претворения ее в жизнь.

[76] *Г. А. Ильинский.* Грамоты болгарских царей. М., 1911, стр. 13, 23, 25, 28, 29.

[77] *F. Miklosich.* Monumenta serbica. Vindobenensi, 1856, N 146; *А. В. Соловјев.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926, № 72, 75, 76.

[78] *Е. В. Барсов.* Древнерусские памятники священного венчания на царство. «Чтения ОИДР», 1883, ч. I, стр. 25, 26, 33—34.

[79] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 331.

[80] *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 28. Думается, сомнения Р. П. Дмитриевой в правильности слов Герберштейна необоснованны. См.: *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях Владимирских, стр. 106.

[81] Собрание государственных грамот и договоров, т. I. СПб., 1813, № 129, стр. 333. Впрочем, возможно, новая эмблема на печати появилась несколько раньше, в 1494 г., когда изготовлялась «золотая печать». Сб. РИО, т. 35, № 24, стр. 125, январь — февраль, 1494 г.

[82] *Н. П. Лихачев.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 11, 30.

[83] *А. В. Орешников.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 52—53, № 321—322.

В целом можно сказать, что византийская традиция, преломившаяся в практике болгарских и сербских царей, стала основой политических теорий и практической деятельности великих князей московских в конце XV в. На это время приходится несколько запоздалая волна второго южнославянского влияния в области политических теорий и политической практики русского самодержавия.

Нарисованная выше картина очень эскизна. В ней не хватает многих весьма существенных деталей, не всегда ясны пути проникновения произведений южнославянской литературы, ее носители и ее интерпретаторы на Руси. Однако уже и теперь можно предполагать, что роль еретиков была несколько меньше, чем считал Я. С. Лурье.

Многое предстоит еще сделать для изучения второго этапа становления великокняжеской идеологии самых последних лет XV в.—20-х годов XVI в. Совершенно неясно, каково было южнославянское влияние в это время. Эти годы — период усиленной работы над созданием кратких летописцев, новых сводов летописей, «Сказания о князьях Владимирских». Какова роль южных славян в этой работе, неясно. Можно предполагать, что один из кратких летописцев, написанный, как полагает М. Н. Тихомиров, в самом конце XV в., был составлен человеком, слишком хорошо знакомым с правилами тырновского правописания, что заставляет видеть в нем лицо южнославянского происхождения.

Уже в этих кратких летописцах прозвучала мысль о происхождении первых русских князей от Августа, а Рюриковичей из Пруссии; эта же мысль была положена в основу «Сказания о князьях Владимирских». Хотя идея о происхождении власти из Рима, от первых императоров, и была присуща южнославянским памятникам, думается, в России она появилась не только под влиянием этой литературы, но и под воздействием практики международных сношений России с такими европейскими государствами, как Польша и т. д. Мысль же о происхождении Рюрика из Пруссии должна была идеологически оправдать развязанную в защиту Тевтонского ордена войну второго десятилетия XVI в. Таким образом, в идеологии начала XVI в. перекрещивались две струи: одна восходила к южнославянским памятникам, вторая шла из практики политических сношений России, в особенности с Польшей в начале XVI в.

Детальное их изучение — задача будущего. Пока же можно подвести некоторые итоги рассмотрению русско-славянских отношений конца XV— начала XVI в. В славянских связях России этого времени (за исключением русско-польских) несомненно преобладали контакты в области культуры, политической и церковной идеологии, церковной и светской литературы и языка. Культурные сношения России с другими странами Европы имели более широкий диапазон — русские активно знакомились с дости-

жениями других европейских народов в области горного и металлообрабатывающего, ювелирного и денежного дела, в области естественных наук (медицины, географии, астрономии), искусства, архитектуры и даже идеологии.

Роль экономических и политических связей России со славянами была невелика. В общении славян друг с другом главная роль принадлежала ортодоксальным православным или политическим деятелям. Сохранились сведения о путешествии в Россию некоторых представителей чешских братьев, последователей гусизма, но, к сожалению, об их деятельности в России ничего не известно.

В целом русско-славянские связи способствовали формированию национального самосознания не только в России, но и у южных славян, способствовали сохранению своих языков и культуры. Это было особенно важно для южных славян, изнывавших под бременем турецкого ига.

Русско-славянские культурные отношения были той сферой, в которой формировались и политические доктрины русской великокняжеской власти.

В. К. СОКОЛОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕДАНИЙ

Чтобы глубже и всестороннее понять процессы, происходящие в современном устном поэтическом творчестве, необходимо изучить состояние и значение традиционных фольклорных жанров. Судьбы наиболее значительных из них (сказки, героический эпос и др.) исследованы достаточно обстоятельно. Большой материал, накопленный в последние годы по русским преданиям (особенно записи и наблюдения, сделанные экспедициями под руководством Л. Г. Барага, А. И. Лазарева, В. П. Кругляшовой, Н. И. Савушкиной, Ф. В. и Т. И. Тумилевичей, Л. С. Шептаева, Л. Е. Элиасова), дает основание для некоторых выводов и об их современном состоянии. Они во многом совпадают с наблюдениями, которые делаются фольклористами, занимающимися преданиями разных славянских народов, и помогут выяснить общие закономерности эволюции этого традиционного жанра в современных условиях [1].

Основная функция преданий всегда была познавательная. Для широких масс они были зачастую основным и даже единственным источником сведений о прошлом.

Это определяло отношение к ним, их специфику и особенности развития их как жанра.

Предания, которые можно считать собственно историческими, оформились (на основе более ранних родо-племенных сказаний) в период становления государственности и отразили зарождение и развитие национального самосознания. Как можно судить по пересказам преданий в летописях и других произведениях древней письменности, им с самого начала были присущи те основные черты, которые характерны и для преданий, записанных в XIX—начале XX в. Разумеется, фонд их все время пополнялся рассказами о новых событиях и лицах, менялась точка зрения на описываемые факты, но существо жанра сколько-нибудь существенно не менялось. Предания могли передаваться в разных формах — в виде краткого сообщения, без каких-либо деталей, или более развернутого фабульного повествования с художественными образами, но это объясняется не развитием жанра во времени, а

[1] В последнее время предания привлекают большое внимание. Можно назвать работы В. Гашпариковой, Я. Михалека, Д. Климовой, О. Сироватки по чешским и словацким преданиям; М. Бошкович-Стулли, О. Графенауэра, К. Пенушлиского по преданиям народов Югославии; Р. Ангеловой, Цв. Романской по болгарским преданиям и др.

содержанием преданий, характером их сюжета, мастерством, творческой манерой рассказчика и условиями, при которых сообщалось предание. Показательно, что в преданиях очень долго сохранялись традиционные мотивы и сюжеты, которые, соответственно переосмысленные, использовались для обрисовки новых событий и лиц.

Принципиально важный переломный момент в истории преданий как жанра наступает, когда начинает колебаться вера в их достоверность. С расширением связей с городом и распространением грамотности предания перестали быть основным источником исторической информации и к ним стало появляться критическое, а порой и прямо недоверчивое отношение, что сказалось на характере повествования. Если раньше, стараясь убедить в истинности своего рассказа, сообщавший предание уверял, что так именно говорили старики, которые все знали, что слышал это от деда (бабушки, отца), «так моя мать рассказала, а она от своего дедушки слышала» и т. п. (ссылки на предков — характерный жанровый признак преданий), то позже некоторые рассказчики сами начали выражать сомнение, а то и явное недоверие: «говорят», «будто бы», «кто знает», «болтают» и т. п.

Это приводило к тому, что появлялись разные версии, причем их иногда передавал один и тот же информатор, что, конечно, было невозможно, когда предание воспринималось как истина, идущая от предков, в которой нельзя усомниться. Такие случаи фиксировались еще в середине XIX в. Так, старик из Черниговской губернии, сообщивший П. И. Якушкину, что дорога около Стародуба называется царской потому, что ее проложил Петр I, когда «на Литву под Полтаву ходил», тут же добавил: «А другие болтают, что за Трубчевским был царский винокуренный завод, так, говорят, от того завода дорога стала царской»[2] (характерно здесь и отношение рассказчика — «болтают», «кто знает»). Но для XIX в. это случай все же редкий, большинство информаторов относилось к преданиям с полным доверием и передавало именно ту версию, которую считало истинной. Современные же рассказчики иногда сознательно сопоставляют разные версии, отмечая при этом, какую и почему они считают более правильной, или же стараются объяснить, почему об одном и том же говорят по-разному. Так, в Верхнем Тагиле рассказывают, что из дома управляющего был подземный ход. «Говорили, будто он... сделан для того, чтобы управляющий мог убежать в случае опасности, ведь на заводе часто были бунты рабочих. Другие говорили, что он сообщался с хромовыми рудниками, которые раньше были за Плешивой горой». Сообщив это, рассказчица тут же пояснила: «Почему люди сказать точно не могут, потому что делали этот ход каторжники. Их не выпускали из-под земли. Там они

[2] *П. И. Якушкин.* Сочинения. СПб., 1884, стр. 380.

работали всю жизнь и умирали там же. Все держалось в секрете»[3].

Особенно же характерны для современных рассказчиков преданий реплики, выражающие сомнение или недоверие. Правда, и сейчас еще можно встретить, особенно у стариков, традиционные ссылки на дедов и прадедов как хранителей преданий: «это старики рассказывали»; «деды рассказывали»; «мне моя не бабушка, а еще прабабушка рассказывала про него» [Пугачева] и т. п. (Примеры взяты из материалов фольклорных экспедиций Уральского государственного университета 60-х годов.) Обычно же рассказчики сейчас ограничиваются неопределенными замечаниями: «говорили», «будто» и т. п., как бы предоставляя слушателям самим решать, насколько достоверно предание.

Интересно отметить, что современные русские рассказчики порой называют предания легендой, употребляя этот термин в смысле «выдумка», «неправда». С таким употреблением слова «легенда» собиратели встречались на Урале, на Волге и в других местах, причем легендой называется не только фантастическое предание, но и реалистическое, в подлинности которого сомневаются. Так, один рассказчик назвал легендой то, что, по его мнению, было выдумано в насмешку: «Пушка-то у него [Пугачева] деревянная, говорят, была, стреляла картошкой. Но это уж смеются, конечно. Легенда это»[4]. Такое отношение к преданиям сейчас характерно.

Особое недоверие вызывают именно легендарные предания, основой сюжета которых служит чудо. Очень ценные наблюдения, показывающие отношение к ним, сделали студенты филологического факультета Московского университета, работавшие в 1969—1970 гг. под руководством Н. И. Савушкиной в составе комплексной Китежской экспедиции, организованной «Литературной газетой»[5]. Материалы собирались как о самом озере Светлояре, так и о близлежащих озерах, с которыми также связывали легенды о провалах. Встречаются еще люди, которые верят в эти легенды и утверждают, что из озера временами доносится звон колоколов затонувшей церкви, и пр. Но чаще в ответ на расспросы можно услышать: «про наше озеро говорили...»; «говорили, что в Нестиярах в озере церковь на дне и будто слышны колокола»; «будто бы было село или город, обвалилось, озеро стало, раньше слыхала от стариков»; «болтают, что давно, лет триста назад, был город и провалился» и т. п. Соответственно отношению к рассказываемому объясняют и причины провала. «Историческое» объяснение — город (церковь) провалился (стал невидимым), когда

[3] Фольклорный архив Уральского государственного университета. Записано в 1968 г. в г. Верхний Тагил от Е. Г. Яковлевой, 1913 г. р.
[4] Там же. Записано в 1960 г. в Катав-Ивановске от И. Самарина, 80 лет.
[5] Материалы эти были мне любезно предоставлены Н. И. Савушкиной.

его осадили враги,— сейчас забывается. Встречается еще объяснение, что церковь провалилась за грехи прихожан или священника, т. е. используются традиционные международные мотивы преданий о провалах. Чаще же, если допускают, что в далеком прошлом селение или церковь могли провалиться, объясняют это естественными причинами: «предание есть, тут была церковенка какая-то у первых людей, а потом провалилась — опустились берега»; «под землей пустота была»; «берега опустились, место было жидкое» и т. п. И, наконец, легенду о провале рассматривают как придуманную для того, чтобы объяснить, почему в селе Петров-день престольный праздник: «У нас в Петров-день — праздник, а нигде в округе нет такой церкви, то и говорят, что будто она провалилась». Приведенные примеры показывают, что с утратой веры легендарные предания теряют свой смысл и если о них вспоминают, то пытаются по-новому интерпретировать.

Как выдумку расценивают также рассказы о кладах, распространенные раньше повсеместно, и фантастические мотивы, встречающиеся в исторических преданиях, особенно в преданиях о «благородных разбойниках». «Про лодку с серебром, говорите, вам рассказывали, будто Ермак ее оставил. Волынка это одна. Вранье» [6],— говорил студентам Уральского университета М. А. Гилев из с. Илим (заклятый клад в форме лодки, наполненной золотом и серебром,— широко распространенный раньше мотив русских разбойничьих преданий, вошедший также в предания о Ермаке и Разине). «Молва шла по народу, что на реке Иструти клад у Пугачева заложен. Это так только поговорка была, а клад никто не находил» [7]. Резкую отповедь вызвал рассказ, будто Пугачев обратил убегавшего от него помещика вместе с каретой и лошадьми в слиток золота, который до сих пор лежит на дне озера Калачик. «...Это противоречит здравому рассудку» [8],— сказал один из информаторов, бухгалтер, и привел реалистическую версию — тройка вместе с каретой и помещиком в темноте свалилась в озеро.

По мнению некоторых, фантастические предания могли создаваться потому, что народ раньше был темный, верил в них по глупости. «Про пещеру — на станции есть, что там тоже во время Пугача спасались от преследования — и ушли далеко. И там клад оставили. Я молодой был, когда старик это рассказывал, я по своей глупости верил» [9]. «Это же люди темные были. Говорят:

[6] «Предания реки Чусовой». Составитель и автор статей В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961, стр. 45, № 18.

[7] Фольклорный архив Уральского государственного университета. Записано в 1960 г. в дер. Александровке от Н. И. Калашникова, 75 лет.

[8] «Песни и сказки Пензенской области». Составитель А. П. Анисимова. Пенза, 1953, стр. 32.

[9] Фольклорный архив Уральского государственного университета. Записано в 1960 г. в г. Сатке от И. А. Скорынина, 74 лет.

«сделал лодку из песку и уехал он в Москву». А я не верю, что Разин лодку из песку мог сделать»[10],— сказал жигулевский крестьянин студентам Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, собиравшим предания о Разине. Что Разин будто бы был колдун — «это выдумки буржуазии», говорили в Жигулях. Так относятся к легендарным мотивам не только молодые, но, как можно видеть из приведенных примеров, и пожилые люди.

Наряду с отрицанием фантастических мотивов у современных рассказчиков встречаются и попытки объяснить их реалистически. Кошма, на которой якобы плавал Разин, не тонула потому, что в середине ее были приделаны пробки, а люди не знали этого и удивлялись. На Пугачеве будто бы была железная рубашка, поэтому и пули его не брали и т. п. Уральский заводской «разбойник» Кривенков, боровшийся за социальную справедливость, исчезал на глазах преследовавшей его полиции, как сквозь землю проваливался. «А он и правда проваливался, только не через землю, а под пол. Полы были сделаны у пособников Кривенка на пружинах»[11]. Встречаются и такие объяснения: Разин был гипнотизер, вроде как теперь артисты есть, и т. п.

Отрицание фантастических элементов или же попытка объяснить их наметились уже в конце XIX в. Интересный материал в этом отношении дают предания о Чуркине. Они сложились в конце XIX в. и широко бытовали не только среди подмосковных крестьян, но и среди рабочих Орехова-Зуева, Богородска, Дулева и др. Эти предания вобрали многие сюжеты и мотивы «разбойничьих» преданий. В этом плане стал рисоваться и образ Чуркина: он неуязвим, исчезает, когда полицейские пытаются его поймать; уходит из тюрьмы — с дымом, нырнув в ковш с водой, нарисовав лодку и т. п. К традиционным мотивам преданий добавились и сказочные чудесные предметы: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, ковер-самолет; это показывает, что фантастика преданий не отличалась уже от сказочной. Находились даже люди, которые уверяли, что сами видели все эти предметы у Чуркина. Так, когда слушатели-рабочие рассмеялись, услышав, что Чуркина облетали пули и т. п., рассказчик Зайцев вспылил и стал уверять, что все это правда, что один его знакомый, бывший в шайке Чуркина, сам видел и шапку, и сапоги, и ковер, и даже Брюсов календарь (как видим, здесь все смешано): «Сапоги, говорит, с какими-то пружинами под каблуками, шапка тоже какая-то чудная, красная, а ковер, говорит, вроде не особенно боль-

[10] Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического инта им. А. И. Герцена, № 555/64.

[11] «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим)». Составитель В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, стр. 77, № 100.

шой, из толстой шали»[12]. Показательно, что при сохранявшейся еще вере в чудесные свойства этих предметов их стараются объяснить и реально (пружина под каблуками). Реально объясняли и многие казавшиеся необыкновенными свойства и способности Чуркина. Он всегда носил под рубашкой железный панцирь, который то ли украл, то ли купил у служителя музея, поэтому его не могли убить или ранить ножом («ну, а солдатская пуля, пожалуй, панцирь пробьет»); от преследователей он ускользал потому, что мог быстро переодеваться и изменять свою внешность: «А этой разной бутафории, париков там этих разных был у него цельный ящик. И рыжие, и седые, и черные, и пестрые. Ну, вообще всяких мастей с разных волостей...»[13]. Близкие же Чуркина решительно отвергали всякие разговоры о том, будто он был чародеем и знался с нечистой силой или ангелами, и давали простое объяснение: Чуркин и его приближенные подкупали начальство и стражу. «...Неужели ты не понимаешь, что золотой ключ не только отпирает тюрьмы и остроги, но и темные каторги»[14]. То же говорила и дочь Чуркина.

Но в конце XIX— начале XX в. критическое отношение к преданиям проявлялось лишь у отдельных лиц (особенно у рабочих, передававших предания о Чуркине). После же Великой Октябрьской социалистической революции оно сказалось уже очень отчетливо и определило дальнейшую судьбу их.

Сомнение или даже утрата веры в сообщаемое в преданиях не всегда приводят к их забвению и исчезновению, как то было с другими жанрами несказочной прозы, тоже основанными на вере,— быличками, религиозными легендами. Былички и легенды, повествовавшие о чудесном (о встречах с существами иного мира, о проявлениях божественной или демонической силы), могли передаваться и восприниматься только теми, кто верил во все это; с утратой веры они забывались, вызывали насмешки. В противовес им могли появляться рассказы, разоблачавшие «чудеса», «квазибылички» о том, как ловкий человек под видом лешего или домового дурачил простаков и т. п. (в отношении русских быличек этот процесс очень хорошо проследила в своих работах Э. В. Померанцева).

Предания благодаря своему содержанию такого отношения к себе вызывать не могли. В них действие развертывалось в реальной обстановке, нередко рассказывалось о действительных событиях и лицах, часто важных, общезначимых, о которых говорилось и в письменной литературе. Местных жителей всегда интересовала также история их села: когда и как оно основалось,

[12] *А. С. Крылов.* Правда о разбойнике Чуркине, стр. 236. Фольклорный архив Государственного литературного музея. Кп. 12434, инв. № 232.
[13] Там же, стр. 103.
[14] Там же, стр. 91.

почему так называется, какие значительные события здесь произошли, какие исторические лица бывали в этих местах и что здесь делали. И если факты в преданиях передавались не совсем верно или были вымышленными, они все равно вызывали интерес, конкретизировали представления о прошлом, а исторических деятелей представляли более живо и понятно, выражали отношение к ним.

Однако утрата преданиями их значения как основного источника исторической информации и критическое отношение к ним привели к тому, что традиционный фонд их все более сокращается, забываются их сюжеты и мотивы. Исчезают прежде всего предания с фантастическими и религиозными мотивами, те, которые оцениваются как «легенда», выдумка. Утрачиваются и отдельные исторические предания, когда они не согласуются со сведениями, полученными из других источников.

Правда, и сейчас еще фольклористы как у русских, так и у других славянских народов записывают многие традиционные предания, но чаще эти записи делаются от пожилых и старых людей. О живучести традиции свидетельствует то, что в ряде новых устных рассказов разных славянских народов, особенно в рассказах о героической борьбе партизан во время второй мировой войны, используются старые мотивы и сюжеты. Таков, например, мотив переодевания героя. Герой, за которым охотятся фашисты, переодевается пастухом, рыночным торговцем, священником или фашистским офицером, встречается с врагами, ускользает от них и т. п. В русских и особенно украинских рассказах о Ковпаке был популярен мотив «ковпаковских свадеб»: чтобы проникнуть в занятое врагами село или ускользнуть от фашистов, партизаны инсценировали свадьбы — мотив, аналогичный «гайдуцким свадьбам» в фольклоре южных славян. Можно привести и другие примеры, показывающие, что традиционные мотивы и сюжеты преданий до известной степени являются еще продуктивными и в соответствующих условиях воскресают. Но теперь все-таки бо́льшая часть новых устных рассказов создается на основе подлинных фактов и достаточно точно передает их.

Предания и легенды в их традиционной форме и функции сейчас не имеют перспектив для развития. Это отмечают многие исследователи, наблюдавшие современное состояние преданий у разных народов. Так, Я. Михалек в обстоятельной монографии о современной словацкой устной прозе констатирует, что живым и продуктивным жанром устной народной прозы сейчас являются рассказы-воспоминания. Старые же «классические» жанры, «как сказка, предание, легенда и другие, клонятся к упадку или совсем отмирают» [15]. Цв. Романска и Ст. Стойкова также считают

[15] *J. Michálek.* Spomienkové rozprávanie s historičkou tematikou. Bratislava, 1971, str. 100.

рассказы-воспоминания основным жанром устной партизанской болгарской прозы[16]. Р. Ангелова, изучившая современное состояние болгарской устной прозы, отмечает, что, хотя сказки, предания и легенды производят впечатление жанров, живущих еще полной жизнью, есть признаки, свидетельствующие, что народная проза идет к упадку: все меньше мастеров (главным образом пожилые), сокращается круг жанров и сюжетов, изменяется отношение к ним[17] и т. п. В районах же наиболее развитых, где произошло коренное социалистическое переустройство, сказки и предания не только не создают, но и перестают рассказывать.

Записи русских преданий, которых в последнее время сделано много, также показывают закат этого традиционного жанра. Сокращается не только число сюжетов и мотивов, но и объем отдельных преданий. Нередко в ответ на расспросы собирателей рассказчики припоминают только основные моменты сюжета, передают как бы его схему, из которой зачастую выпадают отдельные звенья; иногда же в памяти сохраняется только один эпизод, какая-то деталь, смысл которой не ясен самому информатору. Так, очень распространенное раньше на Урале предание о Петре I и Демидове от одного информатора из Висимского района было записано в таком виде: «Демидов и Петр силачи были. Петр I подкову разогнул, а Демидов золотой рубль как бумажный порвал, ну, наверно, силенка-то была у него»[18]. Внимание фиксируется лишь на том, что Петр и Демидов были силачи, а рассказы о силачах здесь широко бытуют; суть же предания забыта, и неизвестно, зачем Петру понадобилось разгибать подкову, а Демидову рвать рубль.

На Чусовой, где о Ермаке раньше знали все, сейчас некоторые могли сообщить только такие сведения: «Ермак был обыкновенный человек, только сильный, огромный»[19], или: «Погиб он в Иртыше. У него была кольчуга. Кольчуга его и потопила. Если бы сейчас кольчуги делали, они бы в десять раз легче были»[20].

Иногда рассказчик перечисляет общие, чаще других встречавшиеся мотивы и потому, вероятно, сохранившиеся в его памяти. Примером этого может служить предание о Пугачеве, записанное в 1961 г. в Белорецком районе Башкирии экспедицией Башкирского университета: «Пугачев проходил по этой дороге, вез

[16] *Цв. Вранска (Романска), Ст. Георгиева-Стойкова.* Принос към изучаването на българския партизански бит и фолклор (по материали от Плевенско и Ловешко). София, 1954.

[17] *Р. Ангелова.* Съвремено състояние на българските народни приказки, предания и легенди (живот, промени и нови моменти в тях). «Славянска филология. Материали за V международен конгресс на славистите», V. София, 1963, стр. 51.

[18] «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка...», стр. 57, № 50.

[19] «Предания реки Чусовой», стр. 44, № 17.

[20] Там же, стр. 47, № 26.

орудия и вел за собой народ. Его люди щупали у дворян руки — если мягкие и чистые — убивали. Дворяне марали руки, но им велели мыть руки и все равно узнавали. Пугачев кричал: «Сашки, Машки, выходите, Пугач ушел!» Те, кто прятались, выходили, и их хватали. Эта дорога не заросла и теперь»[21]. Здесь переданы наиболее часто встречающиеся мотивы пугачевских преданий, которые не только не развиты, но в сущности и не связаны между собой. Рассказчики путают мотивы, переносят их в предания о других лицах. Иногда в их памяти остается лишь имя или факт: «Говорят, что здесь был Разин», «Здесь проходил Пугачев (Ермак)» и т. п.

Как можно видеть из приведенных выше материалов Китежской экспедиции, многие из опрошенных собственно легенд о провалах уже не знают, а слышали только, что будто бы давно провалились церковь или село. «Все говорили, что была церковь и провалилась, но это, может быть, было тысячу лет назад».

Забвение преданий, передача их в нескольких словах, механические объединения разных мотивов встречались и раньше и сами по себе еще не могут служить свидетельством изменения или угасания жанра. Отдельные предания могли передаваться как развернутые сюжеты и как краткое хроникальное сообщение, это зависело от одаренности и склонности рассказчика, его памяти, условий рассказывания и пр. Но сейчас это стало массовым, общераспространенным явлением, характеризующим современное состояние преданий.

Вместе с этим наблюдается, казалось бы, прямо противоположный процесс: в некоторых случаях предания разрастаются в довольно обстоятельные повествования, включающие ряд эпизодов — традиционных и новых. Это обычно рассказы об исторических деятелях. Современные рассказчики стараются представить их такими, какими они рисуются в исторических сочинениях, согласовать и дополнить предания о них сведениями, почерпнутыми из других источников. Они порой сами говорят об этом, ссылаются на «историю»: «Пугачев, ведь он, по истории, казак яицкий»[22].

В преданиях все чаще появляются эпизоды из книг, прослушанной лекции, радиопередачи, увиденной кинокартины. Так, В. П. Кругляшова, характеризуя предания о Ермаке, записанные на Чусовой, отмечает: «Одним из источников, питающих ермаковские предания, служит кино. Фильм «Сказание о земле сибирской» привлекается рассказчиками при передаче обстоятельств гибели Ермака»[23]. Большое воздействие на эти предания оказала

[21] «Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг.». Подбор текстов, вступительная статья и примечания Л. Г. Барага. Уфа, 1969, стр. 104, № 39.

[22] Фольклорный архив Уральского государственного университета. Записано в 1960 г. в г. Сатке от И. А. Скорынина.

[23] «Предания реки Чусовой», стр. 39.

также «Дума о Ермаке» К. Ф. Рылеева. Один из уральских информаторов, рассказывая о Ермаке, показал вырезанную из «Огонька» репродукцию картины В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком»[24]. Крестьяне, сообщавшие предания о Разине, говорили, что «книжка была про Стеньку», видели картину с его изображением; о нем рассказывали учитель, священник и т. п. Для современных рассказчиков исторических преданий подобные ссылки характерны.

Некоторые рассказчики стараются сообщить все, что они знают о герое своего повествования, создают его полную биографию, в которой факты — действительные и вымышленные — излагаются в хронологической последовательности; традиционные предания составляют лишь части или эпизоды таких сводных произведений. Пространные повествования об отдельных деятелях прошлого, объединение нескольких преданий в один рассказ встречались иногда и раньше. Так, уральские казаки создали легендарную биографию Пугачева — Петра III, в которой факты пребывания Пугачева на Яике, воспоминания о нем, сохранявшиеся как предания, сочетались с традиционными мотивами легенд о самозванцах[25]. Но это, собственно, не предания, а другой жанр — утопическая легенда об ожидаемом избавителе. Сводное повествование о Разине записал П. И. Якушкин на волжском пароходе[26], но оно составлено из рассказов и реплик отдельных лиц. Подобные биографические повествования в XIX в. были новшеством, традиционные предания состояли, как правило, из одного эпизода. Сейчас же сводные рассказы встречаются довольно часто и записываются собирателями повсеместно; некоторые исследователи (например, Л. С. Шептаев) рассматривают их как новый, развивающийся сейчас жанр устной исторической прозы. По существу же такие произведения ничем принципиально не отличаются от пересказов содержания книги, кинокартины и свидетельствуют не о развитии преданий, а об их угасании.

Предания пополняются и за счет разных фольклорных жанров — быличек, сказок. Так, например, в Жигулях был записан рассказ, как рыбаки поймали в сети шедшего под водой Разина. Предание о том, как мордовская (мокшанская) княгиня Нарчатка, давшая имя городу Наровчат, боролась с татарами и бросилась с конем в реку, когда враги одолели ее войско, один информатор дополнил рассказом, что Нарчатка не умерла, а живет в р. Мокше и в жаркие летние дни выходит на берег сушить свои волосы. Он даже уверял, что сам видел ее: «Сидит себе на берегу и разбирает косы. А косы такие длинные. Сама смуглая, крупная

[24] «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка...», стр. 53, № 35.
[25] См.: *И. И. Железнов.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. III. Предания и песни. СПб., 1910, стр. 135—219.
[26] *П. И. Якушкин.* Указ. соч., стр. 406—413.

такая»[27]. Это уже настоящая быличка со всеми ее жанровыми особенностями и персонажем. Для современных преданий такое смешение с быличками не характерно: фантастика сейчас обычно отрицается (рассказ о Нарчатке был записан от старика в 1927 г.), но это показывает, что специфика преданий уже не ощущается, что они не отделяются от других видов устной прозы. И если раньше у каждого из прозаических жанров — у преданий, быличек и сказок — фантастические мотивы были свои и почти никогда не смешивались, так как отношение к ним было разное, то теперь они не различаются, все это считается выдумками.

Рассказчики преданий заимствуют эпизоды, а иногда полностью сюжеты и из песен. Исторические предания и исторические песни в какой-то мере всегда были взаимно связаны, так как в них часто говорилось об одних и тех же событиях и лицах. Русские рассказчики, особенно казаки, ссылались на песни для подтверждения достоверности рассказа, встречались иногда и прозаические пересказы песен. Довольно тесно связаны героические — юнацкие и гайдуцкие — песни и предания в южнославянском фольклоре. Сейчас связи преданий с песнями усиливаются. Песни формируют мотивы преданий, а иногда и полностью сюжеты; отдельные эпизоды этого жанра поддерживаются песнями и передаются в соответствии с ними, причем часто информаторы прямо указывают на песню как на свой источник. Так, дума К. Ф. Рылеева «Ермак», ставшая популярной песней, оказывает явное воздействие на эпизод гибели Ермака в уральских преданиях. Это не отрицают и сами рассказчики. В повествования вплетаются песенные строчки, а иногда и строфы, например, описывается, как Ермак «на диком бреге Иртыша писал письмо Ивану Грозному... Поют: сидел Ермак, объятый думой. Все уснули, а татары напали»[28]. Распространенные сейчас в Жигулях предания о Разине и персидской княжне явно навеяны песней Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень»: «Какая-то у него была крадена царевна или княгиня. Даже в песне поется»[29] (на песню ссылались многие, сообщавшие это предание). Сложенная в Поволжье песенка о «прехитром» Стеньке Разине, сделавшем лодку из песка и отправившемся на ней в Москву, стала составным мотивом местных преданий. Подобные примеры показывают, что песни служат одним из источников, питающих предания[30].

[27] «Песни и сказки Пензенской области», стр. 27.
[28] «Предания реки Чусовой», стр. 44, № 16.
[29] Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, № 2081/65.
[30] На усилившиеся взаимосвязи болгарских прозаических жанров с песенными и появление в этих связях новых моментов указывает Р. Ангелова, подробно исследовавшие эту проблему в работе «Към въпроса за съвременото състояние на българските народни приказки, предания и легенди» («Известия на Етнографския институт и музей», т. V, 1964).

Происходящее таким путем как будто бы обогащение преданий по существу мнимое. Это не новое творчество, говорящее о развитии преданий как жанра; пополнение их новыми мотивами и даже сюжетами идет исключительно за счет литературных и частично разных устных поэтических жанров. Оно свидетельствует о размывании жанра, утрате его специфики и в конечном счете об его угасании.

Современные рассказчики стремятся рассмотреть события и поступки героев с точки зрения сегодняшнего дня. Это проявляется прежде всего в прямых характеристиках и оценках героев. Такое «осовременение» составляет сейчас важную особенность преданий.

Прямые оценки и характеристики вытекают из основной установки преданий и должны помочь слушателям правильно понять и оценить рассказываемое, поэтому они встречались всегда. Особенно важное значение имели они в преданиях о Разине, Пугачеве и «разбойниках», так как в них народная точка зрения противопоставлялась оценкам, дававшимся господствовавшими классами. Поэтому в преданиях подчеркивалось, что «разбойники» грабили только богатых, бедным же помогали и защищали их от произвола господ. Иногда рассказчик сознательно противопоставлял свою точку зрения господской. Так, полемически заострены рассказы о Пугачеве старого уральского казака И. М. Бакирова, записанные И. И. Железновым. Он прямо заявлял, что враждебные слухи о Пугачеве распускали господа; они-то и назвали императора Петра Федоровича Пугачевым: пугал он их, вот и стал Пугач. Но для прошлого подобные примеры единичны. В послереволюционных же записях преданий критика распространявшихся раньше взглядов встречается значительно чаще.

Ф. В. Тумилевич, характеризуя современные донские предания о Разине, справедливо замечает: «Прозаический эпос в устах современных донских рассказчиков очень полемичен. Он, как правило, опровергает антиразинский взгляд, противопоставляя ему народное мнение. Усиленный критический акцент несомненно рожден нашей действительностью»[31]. Разные точки зрения на Разина отметил, например, старый донской казак Г. И. Назаров: «Родитель мой говорил: «Анафема Разину — пустое дело, придумали ее царь с боярами». А попы, домовитые, начальство войсковое говорили: «Стенька Разин — вор, душегуб, колдун, с Маринкой-безбожницей на ковре летал, его, чародея, ни пуля, ни сабля не брали. За все прегрешения его перед богом и людьми казнили». Такое мутили про него, слухаешь — кожа подымается»[32]. Здесь как направленные против Разина и пущенные

[31] *Ф. В. Тумилевич.* Донской эпос о Разине. «Литература советского Дона». Ростов-на-Дону, 1969, стр. 299.
[32] Там же, стр. 300.

зажиточными слоями расцениваются и такие традиционные мотивы, как неуязвимость. То же в современных записях преданий о Разине, сделанных в Жигулях студенческими экспедициями Педагогического института им. А. И. Герцена, руководимыми Л. С. Шептаевым: «Храбрый был, а не колдун... Шел против религии и правительства, поэтому и колдуном назвали»[33]. Так же говорят и о Ермаке: «Как рассказывают, Ермака считали раньше за разбойника. А сейчас мы говорим, что он шел за народ»[34].

Показывается и разное отношение к Пугачеву. Так, в одном предании говорится, что, когда его казнили, мужики пришли со всех концов: «Они были за него, считали, что он царь. А когда казнили, в толпе был Коля Демидов, Никиты Демидова сын. Он и говорит: „Пугачев мошенник, он грабил, людей убивал“»[35]. «Раньше ведь всякий народ был — и бедный, и богатый,— пояснял А. Я. Алпатов.— Победнее кто — приветствовал, побогаче — противился. В войске у Пугачева все были крестьяне, рабочих ведь тогда не было, а было, так мало. Крепостные-то не больно были довольны барами, вот как Пугачев объявился — к нему все и подались... Царская власть его за разбойника считала и голову ему снесла»[36]. Или: «...а народ относился кто как, одни за разбойника принимали и детей пугали. А сознательные старики понимали иначе, говорили, что он идет за людей»[37].

Такой же полемичностью отличаются и некоторые предания о разбойниках. В качестве примера можно привести рассказ о Чуркине: «Все-таки как хотите, а он делов много натворил,— сказал Колобков.— Долго он будет в памяти народной, хотя и не как Стенька Разин или Пугачев; а все же будут помнить, в особенности его будет помнить Гуслица. Крестьянство и рабочие будут его помнить за хорошие дела для них, ну а богачи, на которых он нагонял холод, понятно, долго будут проклинать как злодея и душегуба»[38] (рассказ услышан был в конце XIX в. и записан по памяти).

Современные информаторы модернизируют героев своих повествований, оценивают их иногда как сознательных классовых борцов, революционеров, выступавших против царизма. Оценки, даваемые деятелям прошлого, звучат порой наивно, особенно у стариков: «Он был революционером»[39],— говорится о Разине.

[33] Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, № 167/64.
[34] «Предания реки Чусовой», стр. 41, № 6.
[35] «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка...», стр. 56, № 46.
[36] Фольклорный архив Уральского государственного университета. Записано в 1960 г. в дер. Пороги.
[37] Там же. Записано в 1960 г. в дер. Александровке от Н. И. Калашникова, 75 лет.
[38] *А. С. Крылов*. Указ. соч., тетр. 1, лл. 60—61.
[39] Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, № 232/63.

«Пугачев против царя шел»[40], «за бедных, за низкий класс был»[41].

Предания о первых поселенцах, об основании поселений, о местных событиях и особенно топонимические изменяются меньше и меньше испытывают воздействие литературных источников, так как сведения, сообщаемые ими, зачастую нигде больше не зафиксированы, интерес же к таким преданиям неизменен. Но в них также наблюдается общий для преданий процесс. Изменившееся отношение к ним сказывается в появлении разных версий. В одном и том же поселении и даже от одного лица можно услышать разные объяснения как названия самого поселения, так и других топонимов. Образцы разных версий топонимических преданий приводят Л. Г. Бараг, В. П. Кругляшова и другие исследователи, Так, название горы Пугина (Висимский район Свердловской области) производят от фамилии местных жителей Пугиных, чьи покосы здесь были, связывают его с Пугачевым и, наконец, говорят, что на этой горе всегда пугало — отсюда и ее название. Соответственно с таким толкованием создается уже настоящая быличка о появлявшейся здесь женщине «сажени две ростом. В газовом платье... ноги у нее какие-то копыта, а руки обыкновенные»[42]. Таким образом, топонимические предания пополняются из тех же жанров, что и исторические.

При создании разных версий, объясняющих топонимы, преобладающей оказывается тенденция производить их от имен собственных. Так действительно произошли многие названия поселений и других мест. К именам реальных лиц, которые запомнили, прибавляются и вымышленные. Это можно проследить на ряде примеров. Например, название реки и поселка Висим объясняют физико-географическими условиями: «Висим потому так зовется, что когда он начинается ручейком, так этот ручеек падает струйкой с горы. Висит вроде»[43]. Говорят также, что название осталось от вогул: «это, по-ихнему, значит „быстрая“»[44]. К этому прибавилось и такое объяснение: «А первого человека звали Висим, а потому и название реки и поселка Висим»[45]. Так же осмыслили и название Валдай, о происхождении которого существовали разные версии исторического характера[46]. Теперь же наряду с этими объяснениями «утверждают, что оно

[40] «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка», стр. 55, № 45.
[41] Там же, № 46.
[42] Там же, стр. 49, № 20.
[43] Там же, стр. 43, № 12.
[44] Там же, стр. 42, № 11.
[45] Там же, стр. 43, № 14.
[46] Разные объяснения названия Валдай приведены в рукописи П. Введенского «Происхождение слова Валдай» (1850). Архив Географического общества, XXIV, 16.

(название Валдай) произошло от человека по имени Валда, который основался на берегу озера и создал первое поселение»[47].

Все отмеченные изменения в преданиях вызваны тем, что произведения этого жанра утратили свое первоначальное значение, перестали восприниматься как передаваемые от предков истины, т. е. перестали быть преданиями в том смысле, какой вкладывался ранее в этот термин. Исчезает основная установка, определявшая специфику преданий, и жанр распадается.

Но есть другая, очень важная сторона этого процесса. С ослаблением и затем утратой познавательной функции в преданиях все большую роль играет функция эстетическая, занимавшая раньше подчиненное положение и иногда совсем не ощущавшаяся. Предания начинают восприниматься как красивый вымысел, как интересный рассказ, связанный с определенными местными объектами, объясняющий их происхождение, названия и пр. Как художественные произведения, естественно, сохраняются прежде всего предания сюжетные — о борьбе за социальную справедливость, о трагической судьбе возлюбленных и т. п. Они и оформляются соответствующим образом. Рассказчик старается заинтересовать слушателя, сделать свое произведение художественным. Развивается фабула, в том числе и романтическая, подробнее раскрываются персонажи, усложняются возникающие между ними коллизии, более образным становится язык, вводятся диалоги. Поскольку к преданиям относятся как к вымыслу, сохраняются и некоторые фантастические легенды, восходящие иногда еще к первобытным представлениям о людях, обращенных в камни или реки, о ручьях и озерах, образовавшихся от пролитых слез, и т. п. В таких легендах говорится о мужестве и стойкости, о силе любви. Много художественных рассказов, связанных с различными местами, можно найти в сборнике, составленном Л. Г. Барагом, и в других изданиях. На усиление в преданиях художественной функции неоднократно обращали внимание А. И. Лазарев[48] и другие исследователи. Такие же процессы переживают и предания у других народов[49].

В новой функции, как художественные рассказы, предания продолжают жить, включаются в путеводители, краеведческие очерки и пр.

[47] *И. Виноградов*. Дар Валдая. «Правда», 5 июня 1970 г., стр. 6.
[48] *А. И. Лазарев*. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.
[49] См., например: «Легенди Карпат». Упорядкування, загальна редакція та подготовка текстів Г. Г. Игнатовича. Післяслово П. В. Лінтура. Ужгород, 1968.

Г. Н. МОИСЕЕВА

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ПОЛЬШИ КОНЦА XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII в.

Литература и общественная мысль Польши и России второй половины XVII — середины XVIII в. не могут быть в достаточной степени поняты и оценены без учета их контактов.

Полные военных тревог первые десятилетия XVII в. во второй половине века сменились стабилизацией внешнеполитических отношений, что привело к усилению взаимного влияния народов соседних славянских государств. В этот период в русской общественной мысли и литературе произошли значительные изменения, которые определили характер восприятия польской литературы и культуры XVI—XVII вв.

Исторический опыт Смутного времени, размышления над причиной событий, внимание к человеческой личности и характеру, впервые соотнесенному с последствиями поступков и их роли в истории,— все это (как уже указывал Д. С. Лихачев) сыграло громадную роль в складывании нового общественного сознания [1].

Важнейшим завоеванием XVII в. была эмансипация культуры. Церковная цензура, всевластная в XVI в., должна была искать новые формы идеологического влияния, что не замедлило сказаться на характере образования русских людей, на их отношении к странам Западной Европы.

Литературно-общественные и научные контакты России и Польши во второй половине XVII в. приобрели новый характер. Причиной этого послужила, с одной стороны, стабилизация внешнеполитических отношений, с другой — известная типологическая близость культур и родство языка.

Важнейшее место в Московском государстве XVII в. занимает Посольский приказ — тогдашнее министерство иностранных дел. Здесь были собраны толмачи, дьяки и подьячие — наиболее образованные и начитанные деятели из среды московской интеллигенции того времени. Большое значение, которое придавало правительство дипломатическим сношениям с иностранными государствами, ставило Посольский приказ в особое положение среди других приказов системы государственного управления России. Во главе его находились крупные государственные деятели того времени: И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин,

[1] *Д. С. Лихачев.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 107—126, 136—146.

А. С. Матвеев и др. В библиотеке Посольского приказа, складывание которой относится к середине XVI в.[2], было сосредоточено большое собрание книг и рукописей, в подавляющем большинстве иностранных, а из них значительную часть составляли книги на латинском и польском языках[3].

Книги на польском и латинском языках характеризуют различные стороны литературно-общественных и научных контактов России и Польши в XVII в. Эти связи значительно углубились во второй половине века. В Посольском приказе польские книги переводились, редактировались и «издавались»[4]. Список научных и исторических сочинений, литературных произведений, книг по домоводству, астрономии, земледелию, политике и этике, переведенных с польского языка, к настоящему времени значительно пополнен. Выяснилось, что в России XVII в. было известно значительное число польских книг XVI—XVII вв., а также сделанных в Польше переводов важнейших европейских географических, математических, астрономических, врачебных, политических и церковно-исторических сочинений.

В середине XVII в. появляется на Руси первое изложение взглядов Н. Коперника в переводном четырехтомном труде Блеу «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regionum» («Позорище всея вселенныя, или Атлас новый, в нем же начертания всея вселенные и описание всех ее частей»). Епифаний Славинецкий (переводчик труда Блеу) во вводной части первого тома поместил содержание взглядов Н. Коперника, не указывая при этом, что система Коперника была осуждена католической церковью. О системе Коперника в России знали и из работы данцигского астронома Иоганна Гевелия «Селенография» («Описание Луны»), изданной по-латыни в 1647 г. и переведенной в 70-х годах в Москве. В 50-х годах XVII в. был составлен перевод 76-й главы «Космографии») («Kosmografja») по Меркатору и Бельскому. В 60-е и 70-е годы был переведен ряд трудов с польского на русский язык, в том числе: труд Стефана Нивесского о кометах, «Herbarz» («Травник» — лечебник), «Алкоран», сборник астрологических трактатов пророка Даниила, польский планетник (оригинал которого в Польше до настоящего времени не обнаружен), «Музыкальная грамматика» Дылецкого, «Экономика» («Домостроение») и «Проблемата» Аристотеля, «Двор цезаря турецкого» С. Старовольского, политический трактат Моджевского «De emendande republica», названный в русском переводе «О исправ-

[2] *С. П. Луппов.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970, стр. 194—203.
[3] Там же, стр. 198, табл. 17.
[4] *И. М. Кудрявцев.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века.) «Книга. Исследования и материалы», сб. VIII. М., 1963, стр. 179—244.

лении гражданского жития», и др. Не сохранился, к сожалению, переведенный Епифанием Славинецким рассказ о казни английского короля Карла I.

Культурные контакты Польши и России второй половины XVII—XVIII в. нашли обстоятельное освещение в трудах польских историков. Важная роль здесь принадлежит сочинению М. Стрыйковского «Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi», дважды (в 1673—1679 и в 1688 гг.) переведенному на русский язык. «Хроника» Стрыйковского оказала значительное влияние на формирование украинской, белорусской и русской историографии конца XVII—XVIII в.[5] Достаточно напомнить, что материалы ее оказались включенными в «Синопсис» И. Гизеля — первый печатный труд по русской истории, в украинскую «Хронику» Сафоновича, в историческое сочинение, составлявшееся по поручению Федора Алексеевича, в «Скифскую историю» Лызлова. Материалы «Хроники» Стрыйковского и методика работы ее автора над историческими источниками повлияли на исторические труды Татищева и Ломоносова.

«Kronika świata» («Всемирная хроника») Бельского — польского историка и писателя конца XVI в.— также была переведена в России. Влияние ее сказалось не только в исторических трудах, но, как установлено исследователями, она послужила источником для некоторых повествовательных сочинений («Повести о Скандербеке»[6], «Истории о чешском королевиче Брунцвике»). Такую же примерно роль сыграла «Kronika Sarmacji europejskiej» Гваньини, давшая материал для составления «Повести о Бохеме»[7]. Переведены были в России исторические сочинения Горгина и Пясецкого, Длугоша и Кромера. «Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1196» («Церковные анналы») Цезаря Барония, изданные в Риме в 1588—1607 гг. и опубликованные в Кракове в 1603 г. в сокращенном переводе Петром Скаргой, были переведены на русский язык трижды: в начале XVII в., в 1678 г. Игнатием Лакрецким и в начале XVIII в. Андреем Матвеевым (последний перевод был издан в Санкт-Петербурге в 1719 г.).

Таким образом, сочинения польских историков эпохи Возрождения были хорошо известны в Московской Руси XVII в. Значительное число рукописных списков «Хроники» Стрыйковского раскрывает популярность этого сочинения, показывает, что русский читатель конца XVII — начала XVIII в. смог полностью понять и оценить труд как исторический источник с большей ответствен-

[5] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.

[6] «Повесть о Скандербеке». Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.— Л., 1957, стр. 131—147.

[7] *А. М. Панченко.* Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, стр. 46—83.

ностью, чем некоторые исследователи XIX в., обвинявшие польского историка в «выдумках» и «баснословии».

XVII век в русской литературе — время поисков новых литературных форм, новых средств художественного обобщения, нового героя — «бытового» человека с его земными чувствами и радостями. Именно в этот период создаются повествовательные сочинения, в которых с очевидностью выступают черты нового качества литературы. Повести о Савве Грудцыне и Карпе Сутулове, сатирические произведения, такие как Калязинская челобитная, повесть о Ерше Ершовиче или повесть о Куре и Лисе, охватывают совершенно иной круг жизненных явлений, чем это было в литературе предшествующего периода. Купцы, монашествующая братия, мелкие приказные стали героями литературных сочинений. Их бытовая жизнь интересовала многочисленных читателей.

Во второй половине XVII в. на Руси было переведено много разнообразных литературных произведений, бытовавших в Польше. В числе их европейский рыцарский любовно-авантюрный роман («Повесть о Петре Златых ключей», «Повесть о Бове-королевиче»), средневековая восточная повесть «История о семи мудрецах», переведенная в Польше с латинской обработки этого сюжета, отдельные «гистории», разрабатывавшие мировые сюжеты (повести о графине Альтдорфской, о цесаре Оттоне, о волшебнице Мелюзине). Судьба этих переводов, дошедших в большом числе списков и в нескольких редакциях, очень своеобразна [8]. На Руси, где не было культа служения даме, где не существовало рыцарских турниров, но были былинные и сказочные герои, преодолевавшие тягчайшие препятствия, любовно-авантюрный роман приобрел черты русского фольклора, с другой стороны, фольклорные сюжеты в известной степени трансформировались под влиянием переводного рыцарского романа [9]. Илья Муромец отчасти стал похож на королевича Петра Златых ключей, а Василий Буслаев — на французского принца Буово д'Антоне. Это сближение, взаимопроникновение литературных структур получило свое завершение в русских народных картинках. Лубок запечатлел этот контаминированный образ героев, нашедший выражение и в стилистической обработке переводного сюжета, помещенного под картинками, и в портретной характеристике героя и его окружения.

Переводные любовно-авантюрные романы, пришедшие в Россию в польском переводе, оказали значительное влияние на формирование повествовательных произведений начала XVIII в., в которых В. В. Сиповский видел предыстоки русского романа. Нам

[8] *В. Д. Кузьмина.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964.

[9] «Былины в записках и пересказах XVII—XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.— Л., 1960, стр. 7—75.

представляется более убедительной точка зрения академика В. Н. Перетца, полагавшего, что переводный роман способствовал появлению на русской почве повестей, в которых нашла выражение специфическая фразеология, порожденная «галантной» западноевропейской прециозной литературой: здесь и уподобление любви огню, пламени, и введение мифологических персонажей (Купидона, Фортуны), и повышенный эмоциональный стиль[10]. В русских повестях первых десятилетий XVIII в., таких как «История о российском матрозе Василии Кориотском», «История о российском дворянине Александре» и «История о некоем шляхецком сыне», воздействие переводного любовно-авантюрного романа очевидно. Но в то же время можно отметить в них и своеобразие. Так, например, автор «Истории» о матросе Василии, обрисовывая внезапно вспыхнувшую любовную страсть героя к королевне Ираклии, подчеркнул, что герой его «паде на землю», но не так, как Лодвиг — герой одной из новелл «Повести о семи мудрецах». Общественное сознание человека Петровского времени побуждает составителей повествовательных сочинений начала XVIII в. вводить отдельные элементы художественной структуры переводного романа и их особую фразеологию, которая в то время еще не была развита в русской литературе[11]. Характерен в этом отношении перевод на русский язык французского прециозного романа Поля Тальмана «Езда в остров любви», осуществленный молодым В. К. Тредиаковским и изданный в 1730 г. Как убедительно показал И. З. Серман, при переводе этого романа Тредиаковский широко использовал стилистические формулы, известные русскому читателю по польским адаптациям западноевропейских любовно-авантюрных романов.

Повести и новеллы, объединенные в сборнике «Римские Деяния», были переведены, судя по указанию одного из списков, с издания, напечатанного «в Кракове в типографии пана Войтеха Секеловича... в лето от Христова рождения 1663 году». Ранние списки этого произведения датируются началом 1680-х годов. Белорусский перевод «Римских Деяний» в 1688 г. готовился к печати в Могилевской типографии, но издан не был.

Рассказы «Римских Деяний» включают волшебную сказку, шутливый анекдот, своеобразный роман приключений, благочестивую притчу и даже жития святых. Каждый рассказ кончается «выкладом» — нравоучительной концовкой, в которой в духе церковной аскезы говорится о покаянии, посте, молитве, неизбежности смерти. Но, очевидно, не эта морализаторская сторона «Римских Деяний» привлекала читателей. Многие рассказы говорили

[10] *В. Н. Перетц.* Очерки по истории поэтического стиля в России (эпоха Петра Великого и начало XVIII в.). «Журнал министерства народного просвещения», 1906, июнь, ч. III, стр. 390—391.

[11] «Русские повести первой трети XVIII века». Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.— Л., 1965, стр. 160—188.

о земных радостях и утехах, повествовали о любви к женщине, побуждающей героя преодолевать препятствия, о подвигах, храбрости и забавных приключениях. Именно поэтому многие интересовавшие читателей истории переписывались и распространялись без морализаций. К этим сюжетам обращались и наши писатели XVIII—XIX вв.

Широкое распространение в России второй половины XVII в. получил сборник «Wielkie Zwierciadła» («Великое Зерцало»). Перевод его был осуществлен в 1677 г. протоиереем Андреем Постниковым по повелению царя Алексея Михайловича. Источником польского перевода послужил популярный в Западной Европе сборник «Speculum magnum», изданный в начале XVII в. в Кракове [12]. В русском переводе «Великого Зерцала» сделан ряд сознательных отступлений от польского издания 1633 г.: пропущен, например, список авторов (чем «стиралось» католическое происхождение сборника), опущены географические названия, изъято посвящение. Кроме того, можно увидеть стремление при переводе текста максимально приблизить изложение к литературному стилю русских сочинений XVII в. [13]

Уже в XVII в. к сюжетам «Великого Зерцала» обратился С. Полоцкий. В нескольких стихотворениях он передает новеллы «Зерцала», точно следуя за развитием их сюжета. Позднее С. Полоцкий включил эти стихотворения в сборник «Вертоград многоцветный».

Новеллистичность и сатирическая заостренность многих рассказов «Зерцала» создали ему большую популярность в XVIII—начале XIX в. Сумароков, Тредиаковский, Ломоносов, В. Майков, Хемницер, Хвостов и Крылов обрабатывали в басенном творчестве сюжеты «Великого Зерцала».

По-видимому, представляет интерес подумать о литературном воздействии «Великого Зерцала» на творчество протопопа Аввакума. Обличение недостатков духовенства и феодалов, возмущение недостойным поведением людей во многих новеллах «Зерцала» могли подсказать мятежному протопопу некоторые литературные ассоциации.

Дух критики и известная свобода, с которой в «Великом Зерцале» говорится о пороках феодального общества, как справедливо считают исследователи, позволяют считать этот сборник памятником эпохи Возрождения [14].

[12] *П. В. Владимиров.* «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.) М., 1884, стр. 11—13; *О. А. Державина.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, стр. 17—21.

[13] *О. А. Державина.* Указ. соч., стр. 30—57.

[14] *В. П. Зубов.* Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. «Труды Отделения древнерусской литературы», т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 433—439; *О. А. Державина.* Указ. соч., стр. 153—154.

Проявляя интерес к античности, польская литература конца XVI в. усвоила бытовавшие на Западе сборники «Апофегмат», которые заключали в себе подбор метких слов, остроумных ответов, извлечений из легендарных биографий Сократа, Платона, Аристотеля, Демокрита и других, пересказы анекдотов. Наибольший успех в Польше имели «Апофегмата» М. Рея из Нагловиц и Беняша Будного.

«Апофегмата» Беняша Будного, переведенная в России в конце XVII в., выдержала в XVIII в. восемь изданий, первое из которых было осуществлено в 1711 г. в Москве.

Темы, затронутые в «Апофегмате», привлекали русских читателей своей практической моралью, примерами поведения исторических (и псевдоисторических) лиц в сложных обстоятельствах. Интерес к человеческой личности, так живо проявившийся в русской литературе второй половины XVII в., удовлетворялся полуисторическими рассказами «Апофегмат». По характеру изложения материала краткие, сжатые формулировки «Апофегмат» напоминают пословичные обороты речи, афористичность их близка популярным изречениям. Не случайно поэтому «Апофегмата» пользовалась в России необычайной популярностью (кроме восьми изданий XVIII в. сохранилось множество рукописных списков).

Борьба с идеологией средневековья, провозглашенная Возрождением, интерес к человеческой личности, к его земной жизни привлекли внимание писателей Западной Европы к городской новелле, в значительной степени сатирической. Сборники новелл, в которых высмеивали духовенство и рыцарство, вышучивали доверчивых крестьян, обманутых ловкими мошенниками, недалеких мужей, пострадавших от хитрых женских уловок, получили латинское название фацеций (facetiae).

«Facecye, abo żartowne y krotofilne Powieści, z. rozmaitych Authorów zebrane» — так был назван сборник, изданный в Кракове в 1624 г. Неизвестный по имени составитель сборника воспользовался разнообразным материалом и включил ряд новелл Декамерона и Поджо, новеллы польского писателя XVI в. М. Рея и других авторов [15].

Подбор живых, занимательных сюжетов, меткий язык, пересыпанный народными пословицами и поговорками, рифмованные двустишия, обобщающие смысл отдельного рассказа,— все это делало фацеции легкодоступным и интересным чтением.

Русский перевод фацеций был сделан в 1680 г. и озаглавлен так: «Фрашки, сиречь издевки; Факецы, или жарты польски, издевки смехотворны московски; от пяти трактатов преложены, на словенск с полска языка споряжены». О. А. Державина указыва-

[15] *J. Krzyżanowski.* Historia literatury of średniowiecza do XIX w. Warszawa, 1953, str. 282.

ет, что русский переводчик предпринял самостоятельную работу: расположил фацеции по другому плану, исключил рассказы с резко католической направленностью, а также те, в которых высмеиваются русские. Кроме того, составитель-переводчик включил в сборник фацеций отрывки из «Апофегматы», а также некоторые рассказы, жившие в устной передаче [16]. «Для русского читателя,— справедливо пишет О. А. Державина,— фацеция не была только развлекательным чтением. Это была сатира на нравы своего времени, нравы XVII в. То, о чем рассказывалось в польских рассказах, находило живой отклик у русского читателя потому, что в образах новелл сборника он видел российскую действительность» [17]. И этими своими качествами переводные фацеции включались в русский литературный процесс. Они становились популярным чтением, быстро распространялись в рукописных списках, а в 30—40-х годах XVIII в. отдельные сюжеты вошли в печатное издание жартов [18].

Сатирический элемент, присущий фацециям, их лаконичная сюжетность обратили на них внимание баснописцев. Особенно повезло рассказу об утонувшей упрямой жене, которую муж ищет против течения реки. К этому популярному сюжету обращались Ломоносов, Сумароков, Измайлов. Мотивы фацеций обработаны в баснях Крылова. В юмористических сборниках, печатавшихся в России в 70—80-х годах XVIII в. («Спутник и собеседник веселых людей», «Рассказчик забавных и увеселительных повестей», «Старичок весельчак» и др.), наряду с древнерусскими повестями помещены и фацеции. Вошли они и в «Письмовник» Курганова.

Сходную с фацециями судьбу на русской почве имели и басни Эзопа, переведенные с польского. Осуществил перевод в 1675 г. симбирский помещик Каминский. Оригиналом послужило издание «Fabuly Aezopowe albo przypowiesci; Przypowiesci Gabryela Greka temu czasy na polski wyłożone; Przypowiesci Laurentego Abstemiusza z lacińskego na polski przełozone». В переводе Каминского содержится 260 басен. Для перевода он использовал разговорный язык с элементами просторечия, включил немало полонизмов [19]. Очевидно, Каминский твердо был уверен в том, что оставленные им не переведенными польские олва легко доступны

[16] *О. А. Державина.* Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, стр. 46—61.

[17] Там же, стр. 69.

[18] *В. П. Адрианова-Перетц.* Фольклорные сюжеты в стихотворных жартах XVIII века. «Сборник, посвященный проф. В. А. Десницкому». М.— Л., 1958; *А. В. Кокорев.* Русские стихотворные фацеции. «Старинная русская повесть». М.— Л., 1941, стр. 216—282.

[19] *В. П. Адрианова-Перетц.* Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. «Известия Отделения русского языка и словесности», 1929, т. II, кн. 2, стр. 370—400; *М. А. Полторацкая.* Язык переводов Петровской эпохи. Басни Эзопа. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону государственного педагогического ин-та. Факультет языка и литературы», 1939, т. 1, стр. 62—104.

читающей русской публике. И действительно, перевод басен Эзопа Каминского отличается от близких по времени переводов А. Винуса 1672 г. (с немецкого — «Зрелище жития человеческого») и Копиевича (первое печатное издание басен 1700 г.— перевод с латинского), ориентирующихся на книжные церковнославянские формы языка. Используя стилистику разговорной речи, Каминский сделал доступным и популярным свой перевод басен Эзопа. Не случайно поэтому составители подписей к лубочным картинкам на сюжеты басен Эзопа нередко прибегали к переводу Каминского.

В развитии культурных контактов Польши и России во второй половине XVII—начале XVIII в. значительную роль сыграла Киево-Могилянская академия. В последние годы изучению польского влияния в кругах писателей, связанных с Киево-Могилянской академией, посвящено всестороннее исследование Р. Лужного[20]. Ученый обобщил многочисленные факты и убедительно показал роль польских поэтик и риторик в формировании русских руководств, созданных преподавателями Киево-Могилянской академии. Значительное место отведено анализу конкретных произведений польской литературы, известных русским писателям. Факты, приведенные в исследовании Р. Лужного, убедительно раскрывают широкую картину творческого обращения к поэзии Яна Кохановского, Петра Кохановского — переводчика поэмы Торкватто Тассо «Освобожденный Иерусалим». Писатели, связанные с Киево-Могилянской академией, свободно владели польским языком[21] и хорошо знали произведения польских писателей.

В Киево-Могилянской академии получили образование многие писатели и церковно-общественные деятели, которые позднее в Москве играли видную роль в русской культуре: Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Дамаскин Прицкий и другие поборники просвещения.

Книги, издаваемые на Украине и в Белоруссии, ранее подвергавшиеся гонениям[22], в конце XVII в. получили в России большое распространение в различных кругах русского общества. Они расходились не только в подлинниках, но и в многочисленных списках и переводах[23].

Выше нам приходилось говорить о большой распространенности переводов польских книг («Великое Зерцало», «Апофегмата», «Римские Деяния», «Фацеции», повести о Петре Златых ключей,

[20] *R. Łużny.* Pisarse kręgu Akademii Kijowsko-mohylánskiej, a literatura polska. Z. dziejów związkow kulturalnych polsko-wschodniosłowiánskich XVII — XVIII w. Kraków, 1966, str. 5—165.

[21] Там же, стр. 109—128.

[22] *С. П. Луппов.* Указ. соч., стр. 16, 31—32.

[23] *И. А. Шляпкин.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). Исследование. СПб., 1891, стр. 117—134.

о Бове-королевиче, о цесаре Оттоне, о королевне Мелюзине и др.) среди широких слоев русского, украинского и белорусского населения. Польская культура и литература проникала и в среду знати. Польскому языку учились и читали польские книги А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев, А. С. Матвеев, сын которого воспитывался поляком Подборским. Учителем и наставником детей Алексея Михайловича был Симеон Полоцкий, прекрасно знавший польский язык и писавший на этом языке сочинения, поэтому дети царя Алексей, Федор и Софья свободно владели польским языком. В. В. Голицын проявлял большой интерес к польской литературе.

Анализ состава книжных собраний второй половины XVII—начала XVIII в., проведенный С. П. Лупповым, убедительно свидетельствует о подавляющем большинстве книг на польском языке по самым различным отраслям знаний [24].

Очевидно, что близость польской и русской культур ясно осознавалась и в правительственных кругах России второй половины XVII в., и среди деятелей просвещения.

В 1678 г. в Москве талантливый поэт, проповедник, переводчик и педагог Симеон Полоцкий подготовил к печати «рифмотворный» перевод «Псалтыри царя и пророка Давида». В предисловии к изданию 1680 г. Симеон Полоцкий объяснил причины, которые побудили его переложить стихами всю Псалтырь: 1) свидетельство ряда авторов, восточных и западных, о том, что древнееврейский оригинал Псалтыри был «вначале» составлен не в прозе, а «художеством стихотворения»; 2) желание явить Псалтырь, переложенную стихами, «и на нашем языце славенстем», ибо видел он стихотворные переложения псалмов на языки греческий и латинский, не раз видел, даже в самой Москве, печатные экземпляры стихотворного перевода Псалтыри и на язык польский; 3) стремление оказать посильное содействие тем, которые — и в Малой России, и в Белой и в Великой России, и даже в самом «царствующем и богоспасаемом граде» Москве — полюбили «сладкое и согласное пение» польской стихотворной Псалтыри и даже привыкли петь эти польские псалмы [25].

«Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого явилась результатом внимательного изучения стихотворного переложения псалмов Давида Яном Кохановским [26]. Великий польский поэт с большим мастерством передал целую гамму чувств человека кающегося, размышляющего, страдающего, обличающего, восхи-

[24] *С. П. Луппов.* Указ. соч., стр. 1—215.

[25] *И. П. Еремин.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург. В кн.: *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.— Л., 1953, стр. 238—239.

[26] *R. Łużny.* «Psałterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psałterz Dawidôw» Jana Kochanowskiego. «Slavia orientalis». Roc. XV, 1966, N 1, str. 3—27.

щенного. Ян Кохановский создал произведение, редкое по разнообразию ритмики и строфики. Псалмы, переложенные Кохановским, получили широкую популярность. Этому способствовали мелодии известного композитора Миколая Гомулки, написанные для музыкального распева псалмов.

В переложении псалмов Симеон Полоцкий, как и его польский предшественник, ярко раскрыл свое литературное мастерство. Он показал образцы силлабического стихотворства, основанные на комбинации различных размеров, что обеспечивало возможность исполнения псалмов разными напевами. Уже в 1680 г. выдающийся русский композитор певчий дьяк Василий Титов сочинил музыку ко всей «Псалтыри» Симеона Полоцкого.

Влияние Яна Кохановского на Симеона Полоцкого не ограничивается переводами псалмов. Можно думать, что благотворное воздействие великого польского поэта сказалось и в других поэтических произведениях Полоцкого.

В 1679 г. Симеон Полоцкий начал работу над сборником своих стихотворений «Рифмологион». Он включил сюда многочисленные поздравительные стихи, посвященные царю и некоторым представителям знати, а также траурные стихи по случаю смерти царицы Марии Ильиничны — «Френы, или Плачи всех санов и чинов православно-Российского царства».

В создании стихотворных «Френов» прямым предшественником Симеона Полоцкого был Ян Кохановский, автор цикла плачей-элегий «Трены», написанных на смерть маленькой дочери поэта Уршулы.

Творчество великого польского поэта Яна Кохановского ознаменовало вершину поэтической культуры Возрождения. Гуманистическая образованность, овладение культурными богатствами своей эпохи и древности, энциклопедизм позволили Кохановскому создать высокопоэтические произведения большого общественного назначения. Рациональное начало в творчестве Кохановского проявилось и эстетически.

Очевидно, что, воспринимая творческое наследие Яна Кохановского, Симеон Полоцкий вместе с тем испытывал воздействие и его эстетической системы. В поэзии Симеона Полоцкого можно видеть черты Ренессанса, проявляющиеся в просветительском пафосе его творчества, которое, по словам его крупнейшего исследователя И. П. Еремина, «многими сторонами своего содержания уже целиком повернуто к новой, Петровской эпохе»[27]. Вся литературная деятельность Симеона Полоцкого направлялась стремлением внести свой вклад в дело русского просвещения. Не случайно поэтому он принимал самое деятельное участие в организации первого в России внесословного высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии.

[27] *И. П. Еремин.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург, стр. 237.

Не меньшее просветительское значение придавал Симеон Полоцкий развитию в Русском государстве книгопечатания — одного из самых активных проводников «разума» и «науки». Он стремился также расширить известный в русской литературе репертуар повествовательных сюжетов новыми, античного или западноевропейского происхождения[28].

Общая направленность литературно-общественной деятельности Симеона Полоцкого как бы обобщает основные тенденции литературного развития России конца XVII в. с ее поисками нового гуманистического взгляда на человека, на оценку его личных качеств, на его стремление к постижению многообразия жизни. Ведь не случайно в этот период в Московском государстве читаются, переводятся и распространяются в многочисленных списках и естественнонаучные, и литературные, и исторические сочинения эпохи Возрождения («Апофегмата», «Фацеции», басни Эзопа, «Хроника» М. Стрыйковского, «Всемирная хроника» Бельского, политический трактат Моджевского и др.). Прав И. Н. Голенищев-Кутузов, утверждая, что «от берегов Адриатики до Балтики, от Праги до Вильно в XV—XVII вв. происходил процесс усвоения и переработки гуманистических идей, не менее значительный, чем в Западной Европе»[29].

По общему характеру своей деятельности и основной направленности поэтического творчества Симеон Полоцкий является видным представителем славянского Возрождения, прямым предшественником просветителей последующей эпохи.

Исторически закономерно и объяснимо, что в творчестве Симеона Полоцкого ренессансные принципы художественного обобщения сосуществуют с явлениями другого направления — барокко. «Раритетность», графические фокусы, цветистость внешнего оформления поэтических произведений Симеона Полоцкого, когда «книжица» представляла, как удачно сказал И. П. Еремин, «целое словесно-архитектурное сооружение»,— все рассчитано на внешний эффект, на безотказное зрительно-эмоциональное воздействие. Эти черты, несомненно, свойственны стилю барокко. Но являются ли они определяющими, или это скорее дань традиции «высокой» официальной литературы предшествующего периода? (Так определяет стиль барокко Д. С. Лихачев[30].)

Если подойти к литературному творчеству Симеона Полоцкого с учетом всех особенностей литературно-общественного движения XVII в., то соотнесение его творчества со стилем ба-

[28] *И. П. Еремин.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург, стр. 236.
[29] *И. Н. Голенищев-Кутузов.* Ренессансные литературы Западной и Восточной Европы (сопоставительный обзор). «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы». М., 1967, стр. 258.
[30] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 147—152.

рокко окажется в значительной степени внешним. Такая противоречивая связь ренессансных и барочных черт будет унаследована последующей эпохой (например, содержание текста и внешнее оформление триумфальных ворот во время Северной войны, школьный театр начала XVIII в.).

В Петровскую эпоху литературно-общественные и научные связи России и Польши продолжали развиваться в том направлении, которое было «задано» в предшествующий период. Рукописные списки переводных произведений переписывались и в начале XVIII в. Сохранившиеся до нашего времени списки «Римских Деяний», «Великого Зерцала», «Апофегмат», сборников фацеций, авантюрно-романтических «гисторий» за единичными исключениями переписаны в XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. были опубликованы «Деяния церковные и гражданские» (1719 г.) (перевод с сокращенного польского перевода П. Скарги), «Апофегматы» (1711 г.), «Метаморфозы» Овидия (с польского издания 1638 г.). Намечено было, как полагает А. И. Рогов, и издание «Хроники литовской, польской и жмудской и всея Руси» М. Стрыйковского.

Польский язык по-прежнему хорошо знали в самых широких кругах[31]. А. В. Позднеев обнародовал большое число польских песен, взятых из различных рукописных стихотворных сборников XVIII в.[32] В библиотеках видных государственных деятелей значительную часть собраний представляли книги по разным отраслям знаний на польском языке[33]. Особенно примечательна в этом отношении библиотека Д. М. Голицына. В библиотеке Петра I тоже есть книги на польском языке или переводы с польского (в числе их «Хроника» М. Стрыйковского и «Овидиуш»).

В 1709 г. после блестящей победы русских под Полтавой Феофан Прокопович, видный писатель и политический деятель Петровской эпохи, воспитанник Киево-Могилянской академии и впоследствии ее ректор, написал героическую поэму, посвященную этому событию,— «Эпиникион», опубликовав ее на русском, латинском и польском языках. Польские стихи пишут Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский.

Польская историография эпохи Возрождения (Я. Длугош, М. Стрыйковский, И. Бельский, М. Кромер) сыграла важную роль в формировании исторического повествования нового типа[34].

[31] *П. Н. Берков.* Русско-польские литературные связи в XVIII веке. «IV Международный съезд славистов». М., 1958, стр. 15—26.

[32] *N. Filippowa, A. Pozdniejew.* Piesni polskie w osiemnastowieczym rosyjskim zbiorze rekopismiennym. «Slavia orientalis». Warszawa, 1966, Rocz. XV, N 4, str. 419—428.

[33] *С. П. Луппов.* Книга в России в XVII и первой четверти XVIII в. (Из истории русской культуры.) Автореф. докт. дисс. Л., 1972, стр. 3—40.

[34] *А. Н. Робинсон.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. «V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 84—139.

Сочинения по русской истории В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова тесно связаны с трудами польских историков[35].

Феофан Прокопович, превосходно знакомый с польской литературой эпохи Возрождения[36], создает теоретические руководства по риторике и поэтике, в которых закладываются основы раннего русского классицизма[37]. Быстрое развитие нового литературного направления, достигшего больших успехов в 40-х годах XVIII в. в творчестве Ломоносова и Сумарокова, не могло бы так успешно осуществиться, если бы русская культура второй половины XVII в. не имела значительных литературно-эстетических завоеваний, явившихся результатом национально-исторического развития и отчасти взаимосвязи с польской культурой эпохи Возрождения.

[35] *Г. Н. Моисеева.* Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки. В кн.: «Польско-русские литературные связи». М., 1970, стр. 83—106.

[36] *R. Łyżny.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylánskiej..., str. 109—128.

[37] *В. И. Федоров.* «Поэтика» Феофана Прокоповича. (Из истории русской эстетической мысли кануна формирования классицизма.) «Вопросы русской литературы». «Уч. зап. Московского государственного педагогического ин-та им. В. И. Ленина», т. 455. М., 1971, стр. 302—311.

И. Ф. БЭЛЗА

РАЗВИТИЕ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЗМА

1

Век Просвещения в Польше ознаменовался возникновением идеологии, которая, восприняв и заново осмыслив философско-этические концепции польского гуманизма, вместе с тем определила прогрессивные стремления польского романтизма, о которых мы можем судить на основании не только художественных произведений, созданных в ту эпоху, но и такого историко-литературного обобщения, каким, бесспорно, явился «Курс славянских литератур» Мицкевича, и, наконец, огромного, все еще недостаточно изученного эпистолярного наследия польских романтиков.

Говоря о «Курсе славянских литератур», следует особо подчеркнуть, что все три тома этого труда, содержащие подготовленные самим автором к печати тексты 74 лекций, снабжены подзаголовком: «Histoire politique et littéraire». Не будем останавливаться здесь на вопросах текстологических, возникающих при сопоставлении французского издания с появившимися до него польским переводом записей лекций Мицкевича и немецким переводом с польского, выполненным его другом Густавом Зигфридом. Ограничимся лишь тем, что подчеркнем значение этого подзаголовка, указывающего на историко-этический аспект всего курса лекций, несомненно восходящий еще к наиболее прогрессивным традициям польского просветительского движения. Напомним, однако, что традиции эти зарождались в тот ранний период развития гуманизма в Польше, когда еще Миколай Рей создавал достаточно острые социально-экономические коллизии, которыми изобилует, в частности, его знаменитая «Krotka rozpráwá miedzy trzemi osobámi, Pánem, Wojtem, á Plebanem, ktorzy i swe i innych ludzi przygody wyczytáją A tákież i zbytki i pożytki dzisiejszego swiátá» [1].

В своем курсе лекций Мицкевич подробно говорил о Рее, сопоставляя его с Бальдессаро Кастильоне, но подчеркивал при этом, что Рей считал морально-этические нормы основой личной и общественной жизни, а также государственной власти («Tout les pouvoirs reposaient ainsi sur des idées morales») [2].

[1] Сохраняем транскрипцию титула первого издания 1543 г., положенного в основу первого тома академического Полного собрания сочинений Рея: *M. Rej.* Dzieła wszystkie, tom pierwszy. Wrocław, 1953.

[2] *A. Mickiewicz.* Cours de litterature slave. Paris, 1860, II, 160.

В свою очередь Рей прославил великого поэта-гуманиста Яна Кохановского, называя его «Kochanie wieku tego». Значение Кохановского определяется силой и красотой художественных образов, поэтической мощью польского языка, который он, вслед за Реем, избрал для своего творчества, а также этическими концепциями, подчеркнутыми также Мицкевичем («Il parle politique, économie et morale») [3]. В поэме-эпитафии, посвященной герою многих произведений польской литературы, воеводе бэлзскому Яну Тенчиньскому, Кохановский, как отметил еще Ян Карлович, особое внимание уделяет его моральному облику, который благодаря строфам «отца польских поэтов» запечатлелся и в знаменитом гербовнике Папроцкого (1584). Кохановский не раз обращался к народно-песенному творчеству, к обрядовой поэзии, и все то, что сказал о нем Мицкевич с кафедры Коллеж де Франс, следует считать выражением не только восхищения, но и признательности.

Еще до Мицкевича наиболее передовые деятели польского Просвещения придавали серьезное значение отношениям между классами и возникающими в связи с этим проблемами этического характера. Нельзя забывать, что проблемы эти приобрели особую остроту уже в конце XVIII в., когда над Польшей собирались тучи, предвещавшие близость гибели ее государственности. В своих «Повонзках» (так называлось расположенное под Варшавой имение Чарторыских, давшее название поэме) Станислав Трембецкий (1735—1811) обличал магнатов, строящих свое благополучие на безжалостной эксплуатации крестьянства, противопоставляя ему (в поэме «Полянка») великодушие Станислава Понятовского (племянника последнего польского короля, который собирался завещать ему свою корону), гораздо более умеренного в этом отношении и даже осуществившего в своих поместьях социальные реформы (о них пишет Марьян Брандыс в своей книге «Nieznany Książe Poniatowski». 1960). Такого рода реформы, как замена барщины оброком, наделение крепостных земельными участками и т. п., были прямым результатом обострения классовой борьбы, получившей, вне всякого сомнения, отражение в развитии этических концепций о неоспоримости элементарных человеческих прав.

Уже в изданной (анонимно) в 1787 г. книге Станислава Сташица «Размышления над жизнью Яна Замойского» появились важнейшие тезисы: «Моральная наука занимает первое место среди всех наук... Самая высшая добродетель — увеличить благо всех сограждан. Далее правила той же моральной науки должны объяснять, что общество представляет собой единое моральное существо, членами которого являются граждане... Вследствие этого в каждом обществе все граждане связаны

[3] *A. Mickiewicz.* Cours de littérature slave, II, стр. 179.

между собой так, что ни один не может нанести вред другому, не вредя этим всему обществу и не нанося ущерба самому себе. Эта последняя связь должна лечь в основу моральной науки...»[4]

Следовательно, рационалистическая этика XVII в., построенная more geometrico великим шлифовальщиком стекол, вступившим в полемику с Декартом, сменилась уже социально-этическими концепциями, включавшими просветительское понимание сущности общества и государства. И в знаменитых инвективах 21-го раздела трактата «Предостережения Польше», вышедшего в 1790 г., тот же Сташиц бесстрашно заявил: «Я поведаю, кто вредит моему отечеству. Именно магнаты-олигархи губят Польшу... В той стране, где закон служит орудием порока, республика граждан превращается в республику грабителей, предателей, клятвопреступников и наемников»[5]. В том же 1790 г. Гуго Коллонтай опубликовал брошюру (написанную, возможно, совместно с другим просветителем — Францишком Езерским), озаглавленную еще более зловеще — «Последнее предостережение Польше». И здесь говорилось о магнатах как о главных виновниках того положения, в котором очутилась Польша. 7 мая 1794 г. в Поланецком универсале Костюшко распорядился прежде всего «объявить простому народу, что согласно закону он находится под покровительством правительства страны»[6]. Но события показали, что было уже поздно. Consummatum est...

2

В годы, отделяющие события 1794—1795 гг. от возникновения романтического направления в польской литературе и искусстве, отчетливо определился главный аспект этических концепций, развивавшихся на протяжении всего последующего времени в стране, утратившей свою государственную самостоятельность. Этот аспект проще всего определить патриотической формулой Рима, столь охотно применявшейся польскими романтиками,— amor patriae. Разумеется, чувство патриотизма было в высокой степени присуще польскому народу и в прежние времена. Но после национальной катастрофы на рубеже XVIII и XIX столетий (а отчасти, как было сказано, и до нее) носителями этого чувства стали не магнатско-шляхетские круги, охотнее пользовавшиеся, кстати сказать, формулой honor patriae, а гораздо более широкие круги граждан (попутно следует напомнить, что

[4] Цит. по кн.: «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. 1. М., 1956, стр. 104—105.
[5] Там же, стр. 147.
[6] Там же, стр. 520.

уже в 1794 г. некоторые представители «гербовой элиты», в том числе Огиньский — herbu Brama, ввели в употребление слово «obywatel», которым нередко пользовались в своих философско-публицистических трудах польские просветители).

Чувство патриотического долга выступает на первый план в этических концепциях польского романтизма, сочетаясь с постепенным пересмотром «извечного» учения о социальном неравенстве людей. И в данном отношении век Просвещения явился связующим звеном между романтизмом, обратившимся к народному творчеству, в котором запечатлелся, в частности, протест против такого неравенства, и гуманистическими идеями прошлого, включая и осужденное Ватиканом учение «польских ариан». Чрезвычайно показательно также то, что в романе «Рукопись, найденная в Сарагосе» Яна Потоцкого (1761—1815)[7], наиболее прославленного «пилавита», но все еще мало изученного мыслителя и писателя, развивается концепция религиозной веротерпимости. Концепция эта, наиболее ясно выраженная в эпилоге романа, нашла, однако, отражение и во многих главах («днях»), в которых речь идет о различных религиях. Едва ли целесообразно пересказывать содержание статьи, которую автор этих строк написал в качестве послесловия к русскому изданию романа, хотя необходимо еще раз подчеркнуть, что это уникальное в своем роде произведение свидетельствует о напряженных исканиях польских мыслителей в области этики.

С этими исканиями был связан и энциклопедизм польского Просвещения, в особенности наиболее блистательного его представителя Игнация Красицкого, о котором выдающийся знаток эпохи Тадеуш Микульский писал: «Красицкий принадлежит эпохе, на протяжении которой писатели читают и пишут энциклопедии. И князь-епископ Вармии работает именно так, в библиотечном зале, до отказа наполненном книгами»[8]. И, перечисляя произведения Красицкого «ex regestro orientalismi», Микульский называет «Декана из Бадахоса» («Dziekan z Badajoz») — «сказку», сюжет которой заимствован из известного сборника французского вольнодумца Бланше[9]. В этой «сказке» некий чернокнижник вершит судьбами всех церковных инстанций — от деканата собора до папского престола. Но не только антиклерикальные мотивы, странные, казалось бы, в устах князя церкви, звучат в творчестве Красицкого. Он в острой сатирической форме обличал и социальную несправедливость и вместе с тем принимал деятельное участие в борьбе за национальную самобытность польской культуры.

[7] В русском переводе А. Голембы он был издан в 1968 г.
[8] *T. Mikulski.* Bajki wschodnie Krasickiego. Wrocław, 1948. Библиотека IBL, F 7523, экземпляр с автографом и правкой автора, стр. 1 (57).
[9] *F. Blanchet.* Apologues et contes orientaux. Paris, 1724.

Эта борьба, рожденная высокими патриотическими побуждениями, в значительной степени способствовала в дальнейшем развитию этико-эстетических концепций польского романтизма, который в сравнительно короткий срок завоевал мировое признание. Одним из важнейших аспектов деятельности польских писателей-романтиков была борьба за сохранение национального своеобразия культуры, языка и жизненного уклада. Тема этой борьбы ярко прозвучала еще в творчестве Рея и Кохановского, в «Приключениях Миколая Досвядчиньского» Игнация Красицкого, а затем и в музыкальном творчестве — от быстро завоевавшей популярность песенки книгопродавца («Pani, teraz taka moda») в «комедиопере» Эльснера «Семь раз один» (Siedem razy jeden) до арии-полонеза монюшковского Мечника.

1822 год ознаменовался выходом в свет первого тома поэтических произведений Мицкевича. Последовавший за этим томом второй содержал, как известно, две части «Дзядов» (так называемых виленско-ковенских). Программным стихотворением поэзии Мицкевича 20-х годов считается баллада «Romantyczność» с «традиционным», казалось бы, появлением мертвого жениха, поджидаемого верной возлюбленной, но с пламенным призывом обратиться от мира воображаемого к миру живых людей и создавать поэтические образы на основе их возвышенных чувств и переживаний.

Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce,
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
Miej serce i patrzaj w serce!

Это заключительное четверостишье баллады непосредственно перекликается с эпиграфом к ней:

Me thinks, I see ... where? — In my mind's eyes.	Я думаю, что вижу ... где? В глазах моей души.

Для данного периода развития романтической поэзии (баллада писалась в начале 1821 г.) шекспировская цитата — в данном случае из «Гамлета» — чрезвычайно типична. Но Мицкевич в своих «mind's eyes» увидел и богатство народного творчества, связь с которым не случайно становится столь характерной. В его произведениях появляются пометки: «Ze śpiewu gminnego» («Rybka»), «Myśl ze śpiewu litewskiego» («Kurhanek Maryli»), «Z pieśni gminnej» («Lilije»), «Myśl z pieśni gminnej» («Dudarz»). Все эти пометки (к сожалению, они отсутствуют в русском пятитомнике Мицкевича) свидетельствуют о стремлении поэта к народному творчеству, в котором он находит не толь-

ко художественные образы, но и достаточно разветвленную систему этических суждений.

На народно-национальной основе, привлекавшей внимание уже мастеров доклассического периода развития польской музыки, выросло творчество величайшего польского композитора Фридерика Францишка Шопена. Amor patriae в полной мере проявился у него в утверждении национальной самобытности отечественной музыкальной культуры, и именно патриотические чувства обусловили этико-эстетические критерии шопеновского творчества, оказавшегося высочайшей вершиной польской, а на протяжении длительного времени — и всей западноевропейской музыки. Импульсы создания «Монблана музыкальных Альп», как назвал А. В. Луначарский[10] Сонату с похоронным маршем Шопена, таились в той национальной трагедии, которая породила ее.

O Matko Polsko! Ty tak świeżo w grobie
Złożona — nie ma sił mówic o Tobie!

Эти горькие слова вырвались у Мицкевича в конце 30-х годов (в неопубликованном при жизни поэта эпилоге к «Пану Тадеушу»), именно тогда, когда Шопен писал Похоронный марш, а Словацкий в стихотворении, обращенном к матери, объяснял, почему он должен оставаться в эмиграции, сравнивая себя со сторожевым псом, охраняющим знамена восстания:

Że syn twój na sztandary jak pies się położył.

И постепенно место Шекспира в мыслях польских романтиков начал занимать Данте, поэт-пророк (vates, wieszcz), судья, создавший свои законы, из которых складывалась грандиозная этическая концепция, оказывавшаяся порой весьма далекой от официальных норм «церкви воинствующей и торжествующей»[11]. Эта концепция, выдержавшая испытание веков, не всегда справедливых к Данте, как можно предположить, сыграла исключительно важную роль в формировании этико-эстетических критериев польских романтиков.

[10] *А. В. Луначарский.* В мире музыки. Статьи и речи. М., 1958, стр. 41.
[11] Официальное наименование католической церкви: «Ecclesia militans atque trionfans».

3

Летом 1832 г. в столицу Франции прибыл Мицкевич. «У меня его рукописи, которых хватило бы на несколько толстых томов. Какой клад для польской литературы! Он только что отпечатал четвертый том своего парижского издания, но до сих пор не выпустил его в свет. На 280 страницах только кусок третьей части «Дзядов». «Дзяды» будут огромной оригинальной национальной поэмой, своего рода «Божественной комедией». Широкая по размерам, она охватит гибель польского народа и все миры поэзии и философии»[12],— писал Богдан Залеский Людвику Набеляку 3 июля 1832 г. из Парижа.

3 февраля 1833 г. престарелый Юльян Урсын Немцевич писал из Лондона автору «Дзядов», пославшему ему туда третью часть своей поэмы: «Я не вижу никого, кроме Мицкевича, кто мог бы написать эпическую поэму о нашем восстании в духе Данте»[13]. И на протяжении последующих лет имя Мицкевича очень часто сопоставлялось с именем Данте. В предисловии к своей поэме «Les exilés» («Изгнанники») поэт и драматург Жан Пьер Фелисьен Малефиль (1813 — 1868) описывал, как, прослушав балладу Шопена, Мицкевич, «вещему голосу которого мы внимали с почтительным восхищением, сидел, сложив руки и закрыв глаза, со лбом, прорезанным морщинами, и, казалось, вопрошал Данте, своего предка, о тайнах неба и судьбах мира»[14]. Даже граф Кавур, приближаясь к зениту своей политической славы, в речи, произнесенной в пьемонтской палате депутатов в Турине 20 октября 1848 г., сравнил Мицкевича с Гомером, Данте и Шекспиром. После смерти Шопена Лист в своей книге о нем описывает круг слушателей Шопена в 30-е годы и, приводя пророческие слова Каччагвиды, предка Данте, о том,

Как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням[15],

пишет, что эту терцину «Божественной комедии», должно быть, вспоминал «хмурый и безмолвный Мицкевич», которого венгерский мастер называет «северным Данте»[16].

Нет сомнения, что слова, вложенные великим флорентийцем в уста своего предка, не раз повторял и Шопен. Мало кто

[12] *А. Мицкевич.* Собрание сочинений в 5 томах, т. 5. М., 1954, стр. 652.
[13] Там же, стр. 655.
[14] «La Gazette Musicale de Paris», 9.IX 1838; *T. Syga.* Te księgi proste. Warszawa, 1956, str. 189.
[15] «Рай», XVII, 58—60. Перевод М. Лозинского.
[16] *Ф. Лист.* Ф. Шопен. Изд. 2. Перевод С. А. Семеновского. М., 1956, стр. 221.

сближал его с Данте, но в высшей степени знаменательно, что, долгие годы работая над «Гомеровским плафоном» Сенатской библиотеки, сюжетом которой Делакруа сделал эпизод, когда Вергилий приводит Данте к Гомеру, облику Данте, как известно (этим вопросом в наше время особенно подробно занимался академик Юльюш Стажиньский), великий французский мастер придал черты портретного сходства с Шопеном. Известны также многочисленные портреты Шопена работы Делакруа, причем на одном из них (видимо, наиболее позднем, — быть может, даже посмертном) Шопен также изображен в виде Данте, увенчанного лавровым венком (в действительности, как мы знаем, лавровый венок обвил голову автора «Божественной комедии» только тогда, когда он находился уже в гробу). Под этим торжественным и скорбным рисунком Делакруа написал «Cher Chopin» (милый Шопен). Чем больше мы вдумываемся в содержание этого рисунка и «Гомеровского плафона», чем глубже вникаем в дошедшие до нас записи Делакруа о Шопене, тем больше поражаемся чуткости и проницательности создателя «Ладьи Харона», возвестившей начало романтического периода воплощения дантовских образов в изобразительном искусстве [17].

В начале XIX в. Данте вновь становится «центральным человеком мира» не только в Италии, превращавшей его в символ освобождения и объединения родной страны, но и далеко за ее пределами. Уже в «Чайлд Гарольде» прозвучало осуждение Флоренции (Ingrateful Florence) [18], изгнавшей того, кого Пушкин называл «il gran padre Alighieri», чью «жизнь, славу и гробницу» вспоминал Байрон, создавший также поэму «Пророчество Данте». Еще в России (предположительно в 1827 г.) Мицкевич переводил на польский язык отрывки из «Божественной комедии» (фрагменты III песни, включая надпись на вратах ада, XXXII и XXXIII песни первой кантики), объединенные автором «Конрада Валленрода» под общим названием «Уголино». Но нет сомнения, что воздействие Данте на Мицкевича, на его поэтический и интеллектуальный облик сказалось гораздо раньше. К. Н. Державин в предисловии к первому полному русскому переводу «Дзядов», выполненному Л. Мартыновым и В. Левиком, пишет: «II часть «Дзядов» вводит читателя в таинственную и мрачную атмосферу поминального обряда, в которой возникают призраки обитателей потустороннего мира. Мицкевич придал обрядовому пережитку языческой старины и древ-

[17] *J. Starzyński.* Delacroix et Chopin. Academie Polonaise des Sciences. Centre scientifique à Paris. Conférences, fasc. 34. Warszawa, 1962; см. также: *J. Starzyński.* La Pensée orphique du Plafond d'Homère de Delacroix. «Revue du Louvre» (Paris), 1963, N 2.

[18] «Child Harold's Pilgrimage», IV, LVII.

него культа предков не только особую романтическую таинственность, но и особое значение приговора над земными делами людей»[19].

Эти слова невольно вызывают в памяти мудрое определение А. Н. Веселовского, охарактеризовавшего «Божественную комедию» как «народный суд над лицами и событиями»[20]. Виктор Кизеветтер, сопоставляя «Дзядов» с «Медным всадником», которого он считал — быть может, не без основания — «абсолютной вершиной» творчества Пушкина и «наиболее дантовским» его произведением («это — единственный всадник, которому, без сомнения, дано было бы промчаться по всем кругам дантовской преисподней»), писал: «Если призраки «Дзядов» восходили к потаеннейшим глубинам народной веры в справедливость или в непреложный закон судьбы человечества, то образ того великого произведения скульптурного искусства, которое в наших глазах неотделимо от образов стоявших перед ним Мицкевича и Пушкина, приобретает в поэме страшную, я бы сказал, апокалиптическую силу, не познанную никем с того времени, как Данте увидел в окружающем его мраке багровое пламя, излучавшееся Бертраном де Борном, высоко державшим в руке собственную пылающую голову»[21].

«Дзяды» были задуманы как многоплановое произведение, в котором «народный суд над лицами и событиями» играл, конечно, первенствующую роль. Пытаясь постичь «потаеннейшие глубины народной веры в справедливость», Мицкевич продолжал творить такой суд и в дрезденских «Дзядах», в той части поэмы (условно названной третьей), которая была написана уже в 1832 г. и в том же году (продажа началась 6 января 1833 г.) напечатана поэтом в столице Франции в качестве четвертого тома парижского Собрания его сочинений, начатого в 1828 г. Леонардом Ходзько[22]. В дрезденских «Дзядах» Мицкевич еще более отчетливо, чем в ранее опубликованных частях поэмы, заявил о восходящем к дантовской традиции праве поэта творить «суд над лицами и событиями», в данном случае над палачами польского народа, многие сыны которого выведены в поэме. Царь и его прислужники с поистине дантовской беспощадностью осуждены в «Дзядах», и Мицкевич считал неотъемлемым правом поэта-пророка (вспомним стихотворения Пушкина и Лермонтова!) определять, устанавливать и защищать социально-этические нормы человеческой жизни.

[19] *А. Мицкевич.* Собрание сочинений в 5 томах, т. 3. М., 1952, стр. 11.
[20] *А. Н. Веселовский.* Вилла Альберти. Собрание сочинений, т. 3. СПб. [Б. г.], стр. 436.
[21] *V. Kiesewetter.* Mes souvenirs. Paris, [s. a.], p. 302. Имеется в виду «Ад», XXVIII, 112—142.
[22] *T. Syga.* Te księgi proste, passim.

Однако размышляя об этих нормах, Мицкевич, к сожалению, не избежал религиозно-мистических концепций, о созревании которых свидетельствует уже письмо, посланное Лелевелю из Дрездена 23 марта 1832 г.: «Я возлагаю огромные надежды на наш народ и на ход событий, не предвиденный никакой дипломатией. Впрочем, ты более просвещен и опытен; решай и действуй, как сам сочтешь нужным. Я полагал бы только, что нашим стремлениям надлежит придать религиозно-нравственный характер, разнящийся от финансового либерализма французов, и что в основу надобно положить католицизм... Быть может, наш народ призван проповедовать народам евангелие народности, морали и религии...»[23] Видимо, Мицкевич решил изложить сущность этого «евангелия» в «Книгах народа польского» и в «Книгах паломничества польского»[24], появившихся в Париже уже в конце 1832 г., а вскоре получивших название «Евангелия Мицкевича» и разошедшихся в течение короткого времени тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров на польском, немецком, английском, французском, итальянском, латинском и новогреческом языках.

Так постепенно созревала опасная концепция польского мессианизма, концепция богоизбранного народа, страдающего за грехи всего человечества и ожидающего воскресения из мертвых. Папа Григорий XVI, осуждая аббата Ламеннэ, глашатая «христианского социализма», счел нужным применить выражение, позволявшее считать, что Ватикан отмежевывается от «Книг» (вернее, от предисловия Монталамбера к французскому переводу). Но римские монахи усердно переводили на разные языки «евангелие Мицкевича», которое получало распространение в некогда великой стране не потому, что содержало предсказание, что она никогда не воскреснет, а потому, что учило вере, любви и надежде. В этом отношении «северный Данте» существенно отличался от автора «Божественной комедии», который создал несравненно более суровые этические концепции. Но и в Польше, и в Италии (да и во Франции — достаточно вспомнить «Слова верующего» Ламеннэ) надежда на возрождение, провозглашенная в «Книгах», еще долгое время продолжала находить отклик.

Но каковы бы ни были религиозные постулаты «Книг», Мицкевич не терял связей с революционным крылом польской эмиграции, предпринимавшей попытки организации новых восстаний в Польше. Несмотря на противоречивость мировоззрения Мицкевича, на первый план в них выступает почерпнутая у Данте убежденность в праве поэта вершить суд над людьми и событиями и направлять эти события. Самые тяжелые десяти-

[23] *А. Мицкевич.* Собрание сочинений в 5 томах, т. 5, стр. 457.
[24] *A. Mickiewicz.* Dzieła (wydanie jubileuszowe), t. VI. Warszawa, str. 18 nn.

летия в истории Польши, ознаменовавшиеся полной потерей государственности страны, поражением «большого» (т. е. ноябрьского) и «малых» восстаний, все же принесли совершенно небывалый расцвет художественной культуры, прежде всего музыки и литературы. В области музыки этот расцвет символизировался именем Шопена, на протяжении каких-нибудь десяти-пятнадцати лет завоевавшего первое место среди западноевропейских композиторов. В области литературы расцвет этот был связан с именами Мицкевича, Словацкого и Красиньского, а несколько позже — и Норвида.

«Смысл прогрессивного романтического движения в польской литературе заключался в создании тех новых духовных ценностей, которые служили бы великому делу национального возрождения. Для польского народа, поделенного между тремя империями и закрепощенного его собственной феодальной знатью, польский романтизм воздвигал единую, но идеальную поэтическую родину, в которой мотивы реальной жизни сплетались с пророчествами и вещаниями, свидетельствовавшими о невозможности для романтического индивидуализма разрешить трагический вопрос народных судеб»[25],— пишет К. Н. Державин.

Величайшие польские поэты-романтики стремились в своих произведениях дать оценку событиям польской истории, включая восстание 1830—1831 гг. Если Мицкевич в дрезденских «Дзядах» творил суд над царизмом, то Словацкий в своей драме «Кордиан», написанной в 1833 г. в качестве первой части трилогии, замысел которой, к сожалению, остался неосуществленным, создал страшные образы не только царя-тирана, но и преступных вождей восстания, осужденных поэтом уже во вступлении (в русском переводе оно названо «Предуготовлением», в оригинале — «Przygotowanie») [26]. Несмотря на мистические идеи, не раз овладевавшие поэтом, все же он достаточно хорошо понимал «парадоксальную нереволюционность руководителей революции»[27]. Основной революционной силой, которая должна была возродить Польшу, по твердому убеждению Словацкого, был народ. Это достаточно отчетливо выражено даже в сложной системе образов поэмы в прозе «Ангелли» (1837), в эпилоге которой, после потрясающих картин Сибири, появляется рыцарь, несущий знамя с тремя огненными буквами. Эти буквы, по определению самого Словацкого, составляют слово «Lud» (народ) [28].

[25] *К. Н. Державин.* Юлиуш Словацкий. *Ю. Словацкий.* Избранные сочинения, т. 1. М., 1960, стр. 11.

[26] См. письма Словацкого к матери от 27 октября и 30 ноября 1833 г. *J. Słowacki.* Dzieła, t. XIII. Wrocław, 1959, str. 158—162.

[27] Письмо К. Гашиньскому от 22 мая 1839 г. Там же, т. XIV, стр. 127.

[28] Комментаторы Данте, известные Словацкому, трактовали пророчество «Чистилища» (XXXIII, 43) в соответствии с принципами числовой символики.

Нет сомнения, что такого рода зашифровка также восходит к Данте, чьи образы «Ада» своеобразно преломились не только в «Ангелли», но и в поэме «Рассказ Пяста Дантышка герба Лелива о путешествии в ад» (1839), навеянной, по словам самого Словацкого, «как бы далеким эхом Данте»[29]. «Дантышек должен был стать героем ада национального гнета польского народа, и поэма явилась политическим памфлетом на царизм»[30]. Именно поэтому Словацкий должен был задержать ее издание, ибо в том же году мать поэта вместе со своими родственниками, замешанными в дело Шимона Конарского, была арестована, и Словацкий понимал, что появление «Дантышка» в печати могло бы сыграть роковую роль в начавшемся следствии. Но именно пребывание во Флоренции, где писалась поэма, оказалось периодом наибольшего приближения Словацкого к Данте, периодом созревания поэтического гения автора «Дантышка» и осознания им своего права проявлять дантовское «всеведенье пророка» и судить людей, даже стоящих на самой вершине ими же созданной иерархической лестницы.

Уже в «Ангелли» дантовскими видениями людских мук были полны дикие леса сибирского изгнанничества. В поэме «Рассказ Пяста Дантышка о путешествии в ад» видения эти переносятся по прямым следам странствия итальянского поэта в загробный мир, населенный терпящими безжалостное возмездие врагами и мучителями польского народа, среди которых не последнее место занимают Екатерина II, Паскевич, Станислав Август Понятовский, папа Григорий XVI и вся сеймовая аристократия, повинная в грехе измены и предательства народному делу. Гневные строки поэмы были полны любви к отчизне и обличений царившего в Польше правительственного террора. «Глубокий интерес Словацкого к Данте, совпавший по времени с восторженным чтением флорентийского поэта Герценом, определялся существенными идейными предпосылками. Только что «Молодая Италия» провозгласила великого поэта политическим наставником своего народа и пророком его объединения. Пламенный патриотизм творца «Божественной комедии» и его враждебность к папству, непримиримая ненависть к насильникам и предателям национальной идеи роднили Данте со Словацким, так же как картины ада впечатляли молодого Герцена в условиях жестокой николаевской реакции», — подчеркивает К. Н. Державин[31].

Данте был незримым наставником не только Мицкевича и Словацкого, но и Красиньского, а впоследствии и Норвида. Нельзя сказать, чтобы все четыре творца польской романтиче-

[29] *Ю. Словацкий.* Избранные сочинения, т. 1, стр. 783.
[30] *P. Hertz.* Portret Słowackiego. Warszawa, 1955, str. 118.
[31] *К. Н. Державин.* Указ. соч., стр. 30.

ской литературы воспринимали одинаково откровения «Божественной комедии». Но, вне всякого сомнения, именно Данте оставался для них, так же как и для Гоголя (вспомним последние годы его жизни), воплощением «высшей мудрости» (la somma sapienza), заставлявшей их всех неустанно обращаться к этическим проблемам и решать их, проходя мимо того, о чем Данте говорил Вергилию «Guarda e passa»[32]. Нет никакого сомнения, что название «Небожественной комедии» Красиньского непосредственно связано с великим творением Данте, но, как давно уже заметил Конрад Гурский, в образах графа Генрика и Панкрация, который, по словам Мицкевича, «после своей победы убеждается, что был только орудием уничтожения»[33], Красиньский, возвестив в эпилоге «Правду Галилеянина», вместе с тем создал картину «ада наших дней без малейших перспектив выйти из него»[34]. Мария Яньон, вспоминая, что «Небожественная комедия» первоначально должна была называться «Человеческой комедией», но уже в первой редакции (1837, в настоящее время она печатается по тексту третьей редакции, относящейся к последнему году жизни писателя) получила окончательно оставшееся название, пишет: «Комедия, которая здесь разыгрывается вопреки богу и несмотря на бога, вместе с тем является ведь диалектической частью божественного плана мира. Поэтому в названии ее стоит «не», но и «божественная» комедия...»[35]

В наши задачи не может входить анализ «Небожественной комедии», оценка которой в работе проф. Яньон представляется нам в целом обоснованной, хотя польская исследовательница, видимо, не склонна учитывать громадное значение Данте в формировании творческого облика Красиньского, засвидетельствованное, в частности, обширнейшей корреспонденцией писателя, постепенно публикуемой Зб. Судольским. Но именно воздействие Данте было могучим стимулом творчества всех великих польских романтиков, исступленно искавших решения этических проблем, которые приобрели особенную остроту после поражения восстания 1830—1831 гг. Дело было не в ошибках или даже предательской тактике руководителей восстания, а прежде всего в трагической судьбе народа и государства польского.

В высшей степени показательна для польского романтизма органическая связь национально-патриотических чувств с общечеловеческими проблемами. В той или иной мере связь эта так-

[32] «Взгляни и (пройди) мимо» («Ад» III, 51). Ср.: *Z. Krasiński.* Listy do Jerzego Lubomirskiego. Warszawa, 1960, str. 61, 121.
[33] *A. Mickiewicz.* Dzieła, t. XI. Warszawa, 1955, str. 109.
[34] *K. Górski.* Stulecie «Nie Boskiej Komedii», «Literatura a prądy umysłowe». Warszawa, 1938, str. 209.
[35] *M. Janion.* Zygmunt Krasiński — debiut i dojrzałość. Warszawa, 1962, str. 229.

же восходит к Данте, творчество которого никогда не замыкалось в рамки, определившиеся той трагедией, которую переживала его родина. Это относится в полной мере к писателям-романтикам и к Шопену, который всем своим творчеством утверждал национальную самобытность польской культуры и право родного народа на жизнь, на веками складывавшееся своеобразие жизненного уклада, а вместе с тем создавал в своем искусстве грандиозные общечеловеческие обобщения. Будучи, вне всякого сомнения, первым из первых среди польской интеллектуальной элиты, Шопен иронически относился к мессианистским концепциям. Если у Словацкого увлечения ими были кратковременными, то у Шопена таких увлечений вообще никогда не было. Он осуждал их, как всегда, корректно, но категорически и безоговорочно. Романтическая исступленность, порой пугавшая даже Шумана, достаточно близкого в своем творчестве к Гофману, рождалась в музыке Шопена той крайней эмоциональной напряженностью, которая характеризует польский романтизм в целом, но, видимо, по-разному объясняется у различных ее представителей,— достаточно вспомнить укоры Мицкевичу, сделанные в некоторых письмах Шопена, или раздраженные отзывы о шопеновской музыке, порой допускавшиеся Словацким.

Мессианизм польских писателей-романтиков был непосредственно связан с идеалистическими концепциями польской философии того времени, причем считавшийся долгое время ее основоположником и известный также в качестве математика Юзеф Мария Гене-Вроньский (Hoene-Wroński, 1778—1853) в своих трудах, написанных по-французски («Пролегомены к мессианизму», «Мессианизм или абсолютная реформа человеческого знания»), отчетливо проявил тяготение к немецкому идеализму, хотя Бронислав Трентовский (1808—1869), участник ноябрьского восстания, и утверждал, что «в мессианизме Вроньского сильно веет славянский дух», а суждения Вроньского о России, которая якобы «держит в руках судьбы всего славянства», лишены оттенка русофильства, столь ненавистного «Великой эмиграции»[36]. С другой стороны, проф. Виктор Вонсик, сопоставляя деятельность Вроньского и Трентовского и не дав оценки воздействия Данте на романтизм, писал совсем недавно: «Все наши романтики подвергаются в разной степени очарованию немецкого идеализма, хотя все отклоняются от него, иногда даже в существенных элементах своих философских концепций»[37].

[36] *B. F. Trentowski.* Hoene-Wroński, chyli mesjanizm polsko-francuski, 1884, passim.
[37] *W. Wąsik.* Historia filozofii polskiej, t. II. Warszawa, 1966, str. 142.

Конечно, деятельность мастеров — создателей польского романтизма и их современников-философов нельзя отождествлять. Но приведенная фраза Вонсика может служить лишним доказательством того, насколько своеобразно было мировоззрение Шопена, занимавшего поистине особое место в истории развития отечественной культуры. Не исключена возможность, что на формирование интеллектуального облика «польского Моцарта» сильное влияние оказали «рыцарь розового креста» и его окружение, оказавшееся, в общем, далеким от концепций мессианизма, фактически затруднявшего объединение прогрессивных сил польской эмиграции. В самом начале сближения Мицкевича с Товяньским и другими фанатиками Шопен с надеждой писал Юльяну Фонтане: «Вернемся ли мы еще на родину!! Или уже совсем посходили с ума?! За Мицкевича и Собаньского я не боюсь, это — крепкие головы и могут выдержать еще несколько эмиграций, не растеряв ни разума, ни энергии»[38]. Но еще в Петербурге Мицкевич был близок с художником-мистиком Юзефом Олешкевичем и даже участвовал в его таинственных обрядах. Другой польский художник — Валентий Ванькович — сделал для «пророка» копию почитаемой как православной, так и католической церквами виленской иконы Богоматери Остробрамской, и Товяньский повесил эту копию в одном из парижских храмов, куда собирались десятки, а затем и сотни польских эмигрантов, все более и более погружавшихся в мистический туман и слепо веривших в «миссию» Товяньского. «Возможно ли большее безумие!»[39],— писал Шопен о сумасбродствах поклонников «пророка».

Но такого рода выражения крайне редко встречаются в письмах Шопена, в общем отличавшегося сдержанностью и замкнутостью.

Античный идеал «унивиры» оказался для Шопена иллюзорным, но он не был Вертером. Годы, когда Шопен считал себя женихом Марии Водзиньской, ознаменовались созданием цикла (или, во всяком случае, большей его части) Двадцати четырех прелюдий — одного из наиболее «дантовских» произведений польского мастера. Недаром в облике Данте Делакруа изобразил именно Шопена. Если образы двух последних сонат и фантазии фа-минор Шопена менее близки к «Аду», чем, скажем, «Ангелли» или «Рассказ о Пясте Дантышке», то цикл прелюдий вызывает более широкие ассоциации с «Божественной комедией». Действительно, крайне наивно было бы принимать, например, первую кантику дантовского творения попрос-

[38] *Ф. Шопен.* Письма. М., 1964, стр. 386. Упоминаемый здесь Изыдор Собаньский — участник ноябрьского восстания, примкнувший к кружку последователей Товяньского. В письме к Юльяну Фонтане от 18 сентября 1841 г. Шопен писал уже с нескрываемой тревогой: «Мицкевич плохо кончит, если только он не насмехается над нами» (там же, стр. 388).

[39] Там же, стр. 460.

ту за нагромождение ужасов. Тщательное исследование «Божественной комедии», с которой благодаря профессору Бенедетто Чьямпи Шопен знакомился еще в юные годы, показало, что Данте стремился установить этические законы и критерии на основании строго продуманной классификации человеческих чувств, побуждений и страстей, а отсюда уже — пороков и преступлений, рожденных этими страстями.

В прелюдиях необходимо прежде всего отметить новаторство Шопена, объясняющееся, так же как и во многих других случаях, наметившимся уже у его предшественников тяготением к поэмности. Искусство импровизационного «прелюдирования», которым Шопен владел уже тогда, когда играл на органе в приходском храме лицея (так называемом храме салезианок на Краковском предместье), несомненно, способствовало развитию у него искусства первоклассного импровизатора. Но, следуя тому же принципу, который был положен в основу полонезов, мазурок, ноктюрнов и этюдов, Шопен пересоздал жанр прелюдии, придав ему отчетливо выраженные черты поэмности. Каждая из них имеет самостоятельное эмоциональное содержание, каждая прелюдия представляет собой вполне законченное развитие музыкального образа, благодаря чему возникает формально подчиненный системе так называемого квартово-квинтового круга большой цикл, вызывающий воспоминание о дантовской классификации человеческих чувств и стремлений. Принцип чередования их вряд ли следует пытаться объяснить, но диапазон их огромен и устрашающ не в меньшей мере, чем образы, созданные Данте, хотя, проводя эту параллель, нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было программности.

Музыка прелюдий в целом лишена интимности, даже несмотря на обилие лирических страниц. Развивая параллель с «Божественной комедией», нужно вспомнить, что в ней, прежде всего в первой кантике, преобладают образы сосредоточенных раздумий и смятения, рожденные созерцанием всей разнородной гаммы человеческих чувств и страстей. Такое преобладание без труда можно отметить и в прелюдиях Шопена. Размышления эти приобретают порой мучительный характер, в особенности, например, во второй прелюдии, достигают вершин скорби, например в прелюдии № 20 (похоронный марш!), тогда как многие другие полны порывистого смятения, градации которого так же разнообразны, как у Данте. Ограничимся этим замечанием во избежание натяжек и сопоставлений, тем более что такого рода сопоставления естественнее воспринимаются при сравнении общего замысла обоих произведений, чем при попытках провести конкретные параллели и во что бы то ни стало навязать шопеновской музыке программность.

Помимо обширного, можно сказать «универсального», охвата круга человеческих эмоций, прелюдии Шопена знаменуют со-

бой начало нового периода в его творчестве, так как отличаются резким расширением диапазона средств выразительности. Уточняется и «адрес» этих произведений. Если, например, вполне можно представить себе звучание первых ноктюрнов Шопена в аристократических салонах, то прелюдии предназначены прежде всего для круга мыслителей и мастеров, приближающихся к рангу Делакруа, постигшего и концепцию «Божественной комедии» и образы шопеновской музыки.

Этика польского романтизма, история которого начинается ранними произведениями Шопена и Мицкевича и кончается смертью Норвида (потомка мальтийских рыцарей), в нищете окончившего свои дни, может безоговорочно считаться значительным этапом в истории развития польской общественной мысли и культуры. Каковы бы ни были мистические заблуждения (вплоть до метампсихоза Словацкого) мастеров польского романтизма, нет никакого сомнения, что в столь тяжелые для Польши годы именно эти мастера утверждали высокие гуманистические идеи патриотизма, единства народа и его морального совершенствования.

Глубоко восприняв наследие прошлого (о чем свидетельствуют, в частности, цитировавшиеся курсы лекций Мицкевича), польские романтики творчески развили столь близкую Пушкину и Герцену концепцию Данте о «сердце, делающем человека благородным» (cor gentile), о всемогуществе слова (сравни заклинание «Дзядов» Мицкевича с известным письмом Норвида к Юльяну Фонтане — «Jeszcze się nikomu nie śniło o Gramatyce, kiedy już były arcydzieła — *Homer był*»[40]), о праве поэта-пророка судить деяния людей, даже облеченных высокой властью, но не свободных от морально-этических норм, утверждаемых словом поэта, провозглашающего общественные идеалы.

Этика польского романтизма знаменовала собой полный отказ от концепций феодально-шляхетского строя, забота о привилегиях которого помешала руководителям ноябрьского восстания дать оружие в руки восставшего народа. Общечеловеческие критерии морально-этических концепций романтизма получили дальнейшее развитие в последующие годы, ознаменовавшиеся расцветом польской культуры и утверждением ее международного, общечеловеческого значения. В период этого расцвета непреходящую роль продолжали играть гуманистические идеалы польской культуры, формировавщиеся в романтический период ее развития и сохранившие значение на протяжении последнего столетия ее развития от Болеслава Пруса до Тадеуша Брезы.

[40] Письмо относится к весне 1866 г. (*C. Norwid*. Pisma wybrane. Wybrał i opracował J. W. Gomulicki, t. 5. Listy. Warszawa, 1968, str. 493). Перевод цитаты: «Никто еще и не думал о грамматике, когда уже существовали шедевры — Гомер существовал!»

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

О БОСНИЙСКО-АЛБАНСКИХ СВЯЗЯХ В ОБЛАСТИ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ (ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ БОСНИЙСКОГО И АЛБАНСКОГО ЭПИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ «МУЙО И ХАЛИЛЬ»)

Для сравнительного изучения эпоса балканских народов особую проблему составляет историческое соотношение южнославянской и албанской эпических традиций. Специальный интерес имеет вопрос об эпическом цикле «Муйо и Халиль», существующем в двух вариантах — боснийско-мусульманском (крайинском) и североалбанском.

Общность основных персонажей и географическая локализация их действий в пограничных районах Боснии, Далмации и Хорватии, некоторые стилистические сходства и в особенности десятисложный размер стиха, благодаря которому североалбанский эпос, несомненно, включается в западнобалканский ареал эпических традиций,— все это дало известные основания для постановки вопроса о генетической зависимости албанского эпического цикла «Муйо и Халиль» от соответствующего боснийского. Именно так поставили этот вопрос А. Шмаус и Ст. Скенди, предполагающие, что североалбанские горцы могли заимствовать у славян основные элементы своей эпической поэзии в условиях двуязычной среды пограничных с Албанией районов Югославии. А. Шмаус, рассматривая проблему взаимосвязей эпических традиций у народов Балканского полуострова, отметил в качестве очевидного, по его мнению, факта, что «североалбанский цикл песен о подвигах крешников [1], т. е. песни о боснийских по происхождению героических братьях Муйо и Халиле из Кладуши, об их боевых товарищах, а также песни о занимающем обособленное положение Дьердь Элез Али (алб. Djerdj Elez Ali, босн. Đjerzelez Alija) с их неавтохтонным десятисложным размером и с исполнением в сопровождении лахуты (соответствующей сербским гуслям), имеет своей родиной исламизованные области Боснии, преимущественно северо-западной ее части, и оттуда песни были лишь в XVIII в. (Ст. Скенди) переданы североалбанским горцам через посредство двуязычных певцов» [2]. Правда, Шмаус здесь же заметил, что исторические и психологические

[1] Алб. kreshnik «витязь», серб.-хорв.-крајишник — «воин, сражающийся на границе» — от серб.-хорв. крајина — «окраина, пограничная область».

[2] *A. Schmaus*. Die balkanische Volksepik. «Zeitschrift für Balkanologie», Jahrgang I, 1962, S. 141.

основания этого удивительного факта заимствования «во многом остаются загадочными» [3].

Ст. Скенди считает, что цикл песен о Муйо и Халиле был первоначально создан исламизованными славянами Боснии, распространился затем к югу в области Санджака и Метохии и там был заимствован албанцами. Доказательством славянского происхождения североалбанского эпоса являются, по его мнению, общие имена действующих лиц, югославская топонимика, сходство некоторых сюжетных мотивов, некоторые особенности языка и стиля албанских песен. Основным аргументом в пользу этой точки зрения Скенди считает характерное для сербской эпической традиции, а в Албании ограниченное лишь северным ареалом применение десятисложного стиха. Оригинальные сюжеты и мотивы, типичные для албанских песен, Скенди определяет как результат переработки боснийской традиции в новой этнической среде. «Боснийский цикл Муйо и Халиль, перейдя к горцам Северной Албании, подвергся существенным изменениям, так как он должен был приспособиться к албанским общественным и культурным условиям, к языку и к метрике. Поэтому он, несомненно, получил сильный отпечаток албанской среды. Будучи переработан, цикл Муйо и Халиль стал подлинно албанским циклом» [4].

Точка зрения Шмауса — Скенди прямо противоположна романтически окрашенной националистической концепции албанских фольклористов 30-х годов, которые, не учитывая вполне очевидную взаимосвязь албанской и боснийской эпической поэзии, пытались относить происхождение албанских песен о братьях Муйо и Халиле к периоду VI—VII вв. н. э. В соответствии с такой исторически не обоснованной архаизацией в основе сюжетов этих песен они усматривали отражение борьбы автохтонных иллирийских племен против расселявшихся на Балканах славян [5].

Современные албанские фольклористы с полным основанием отвергают эту наивную и тенденциозную концепцию [6]. Однако они не принимают и точки зрения о славянском происхождении албанского эпического цикла. Действительно, при более широком привлечении материалов боснийского и албанского фольклора обнаруживаются слабости этой точки зрения, связанные как с неучетом всей полноты фактов, так и с недостаточным вниманием

[3] *A. Schmaus.* Die balcanische Volksepik..., p. 142.
[4] *St. Skendi.* Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry. «Memoires of the American Folclore Society», v. 44. Philadelphia, 1954, p. 202.
[5] «Visaret e Kombit», IV. Kangë Kreshnikësh dhe Legenda. Mbledhë e redaktuem nga At Bernardin Palaj dhe At Donat Kurti. Tiranë, 1937, p. XIV.
[6] *Q. Haxhihasani.* Les recherches sur le cycle des Kreshnik (preux). «Studia Albanica», I. Tiranë, 1964, p. 216.

к теоретическому аспекту проблемы заимствования. Сторонники ее склонны несколько легко и упрощенно решать сложный вопрос о том, как в двух относительно удаленных один от другого географических ареалах образовались сходные в целом ряде конкретных моментов, но типологически очень различные (об этом ниже) эпические традиции.

Предлагались и другие, тоже пока гипотетические, решения. Так, М. Ламберц, автор единственного специального исследования об албанском эпосе, высказал предположение о том, что цикл «Муйо и Халиль» возник «на почве сербско-албанского симбиоза», что албанские песни не являются переводом сербских, что они создавались самими албанцами, хотя и при наличии славянского влияния, но что также наблюдалось и обратное влияние, о чем свидетельствует употребление в сербском глагола izkanditi (от алб. kndue, këndue, kandue — «петь») — в специальном значении «исполнять крайинские песни» [7]. Эти мысли Ламберца, изложенные им лишь попутно, в связи с описанием отраженных в албанском эпосе географических и исторических реалий, представляют определенный интерес.

Предварительный характер имела следующая гипотеза, предложенная мной в связи с рассмотрением вопроса о языке и стиле албанской эпической поэзии: песни о крайишниках (серб. крајишник) или крешниках (алб. kreshnik), бытующие одновременно на двух языках (сербскохорватском и албанском), «по-видимому, могли первоначально сложиться в смешанной среде мусульманских боснийско-герцеговинских и албанских чет, воевавших на горных окраинах турецких владений (область Лика) в северо-западной части Балканского полуострова. Этим обусловлены общность сюжетных схем, характерная для целого ряда сербских и албанских песен данного цикла, тождество многих персонажей и географических названий, наконец, общность такого формального признака, как десятисложный стих (этим эпические песни, бытующие только у северных албанцев, выделяются среди остальных поэтических жанров албанского фольклора, пользующихся, как правило, восьмисложным стихом). Относительно более новые сюжетные схемы, весь репертуар понятий и терминов, связанных с турецко-мусульманским военным бытом, а также географические названия, привязанные к определенному ареалу (Ютбина, Кладуша, Лика, Думлика, Сень, Задар и др.), наслоились на более старый материал эпической поэзии, бытовавшей среди воинов албанских и боснийско-герцеговинских чет. Результатом наслоения явились две очень сходные, но в то же время различные эпические традиции — мусульманско-боснийская и албанская. Тем самым в албанской дружинной поэзии

[7] *M. Lambertz.* Die Volksepik der Albaner. Halle (Saale), 1958, S. 146.

национальное своеобразие мифологических образов и бытовых деталей не является результатом позднейшего приспособления, но принадлежит к самой основе эпической традиции, которая в определенный период своего исторического развития получила сильнейший отпечаток взаимодействия со славянской средой — в условиях боевой службы отрядов исламизованных горцев на границе Турецкой империи.

Албанские эпические песни о подвигах крешников, первоначально сложившиеся (на албанском языке) в горах Боснии и Герцеговины, были занесены кочевавшими скотоводческими общинами (а возможно, и самими воинственными чётами) на север Албании. Там они оказались включенными в общее наследие поэтических традиций, бытовавших и развивавшихся в патриархально-родовой среде. Географическая отдаленность территории, на которой развертывались боевые действия крайишников-крешников, уже сама по себе усиливала ореол легендарности событий, воспевавшихся в песнях. Именно поэтому небольшое горное селение Удбина (алб. Jutbinë), лежащее к востоку от Задара, в котором, согласно эпическому преданию, возвышались кулы Муйо и его товарищей, стало эпическим центром, откуда в эпическое время отправлялись на подвиги эпические герои. Территориально отдаленное стало восприниматься как отдаленное во времени, и рассказы о событиях сравнительно поздней поры оказались включенными в общий фонд сюжетов, унаследованных от многовековой неписаной истории патриархально-родового общества» [8].

Албанские фольклористы, собравшие за последнее десятилетие много новых материалов, пока воздерживаются от выдвижения какой-то определенной концепции по вопросу о происхождении общих элементов в албанском и боснийском циклах «Муйо и Халиль». Однако ими подчеркивается наличие в сюжетах и мотивах албанской эпической поэзии определенного слоя, восходящего к эпохе позднего средневековья — к периоду, непосредственно предшествовавшему турецкому завоеванию [9].

Итак, в современной литературе вопроса имеются две гипотезы. Согласно одной из них, утверждается заимствованный характер албанской эпической традиции, ее односторонняя зависимость от боснийско-славянской. Согласно второй гипотезе, предполагаются параллелизм и взаимодействие в создании двух близких традиций, обусловленные тесными историческими контактами периода первых столетий турецкого владычества на Балканах.

[8] *А. В. Десницкая.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 56—57.

[9] *Q. Haxhihasani.* Les recherches sur le cycle des Kreshnïk, p. 219; *Z. Sako, Q. Haxhihasani.* Folklor shqiptar. II. Epika legjendare. I. Tiranë, 1966, p. 15. Ср. также *E. Çabej.* Për gjenezën e literaturës shqipe. Shkoder, 1939, p. 43.

Проверка этих гипотез и принятие одной из них могут быть осуществлены лишь в результате специальных исследований на материале полного корпуса имеющихся текстов, со всесторонним учетом как исторического, так и типологического аспектов проблемы.

До сих пор единственной работой, непосредственно посвященной теме взаимосвязи албанской и боснийской эпической поэзии, является книга Ст. Скенди «Албанская и южнославянская устная эпическая поэзия», вышедшая в 1954 г.[10] В ней содержится попытка обоснования гипотезы о боснийско-славянской основе албанского эпического цикла «Муйо и Халиль» и соответственно о вторичном характере традиций североалбанской эпической поэзии вообще.

В своем исследовании Скенди стремится выявить путем сравнения общие элементы двух эпических традиций, полагая, что наличие таких общих элементов должно само по себе свидетельствовать о заимствовании одной из них.

Было бы естественным ожидать прежде всего общности в разработке сюжетов. Однако именно этого в данном случае не наблюдается. При большом разнообразии сюжетов, характерном особенно для североалбанской поэзии, Скенди удалось обнаружить всего лишь два сюжета, разработка которых в боснийских и албанских эпических текстах более или менее совпадает. Это: 1) «Похождения юного Омера, сына Муйо» (алб. «Omeri prej Mujit».— Vis. e Kombit. II, N 26; серб. «Omer Hrnjičin izbavlja svog oca buljuk-bašu Muja i trideset sužanja».— Hörm., I, N XXXIX) и 2) «Халиль мстит за раненого Муйо» (алб. «Halili merr gjakun e Mujit.— Vis. e Kombit. II, N 23; серб. «Mujo ranjen».— Parry Collection I, N 656). Все остальные песенные сюжеты даже при наличии общей темы (похищение невесты, похищение коня и т. п.) оказываются совершенно различными в своих линиях развития. Видимо, именно поэтому Скенди акцентирует преимущественную значимость деталей по сравнению с общим сходством в разработке сюжетов. Он сосредоточивает внимание на тождестве эпических топонимов, отдельных персонажей, а также на совпадениях некоторых мотивов, по-разному переплетающихся при построении боснийских и албанских песенных сюжетов.

При начале анализа Скенди предупредил, что наличие «тождеств или сходств в деталях» должно ясно показать влияние, оказанное боснийскими песнями о «Муйо и Халиле» на албанские [11]. Представив затем набор обнаруженных им общих элементов, он заключает: «Все это дает нам полное основание считать, что цикл «о Муйо и Халиле» был первоначально боснийским

[10] См. выше.
[11] *St. Skendi.* Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry, p. 101.

Соответствующие герои, мотивы и топонимы албанского эпоса обязаны своим появлением боснийским песням»[12].

Различия, как таковые, не привлекли к себе внимания Скенди. Однако сам факт почти полного отсутствия совпадающих сюжетов и разнообразие вариантов переплетения отдельных мотивов он также склонен истолковать как аргумент в пользу своей гипотезы, утверждая, что случаи контаминации и анахронизмы должны быть неизбежны при заимствовании[13].

В какой степени исследователю удалось решить поставленную им перед собой задачу? К сожалению, в своем анализе он привел довольно ограниченный материал и далеко не осветил всех аспектов проблемы общих элементов и различий, определяющих соотношение сюжетов боснийской и албанской эпической поэзии. Характерных различий Скенди вообще не касается. Характерные сходства в деталях, на которые он направил основное внимание, сами по себе свидетельствуют только об исторической взаимосвязи двух эпических традиций. Вывод о заимствовании одной из них не является обязательным.

Специальный раздел в книге посвящен сравнению стилистических особенностей, эпических формул, строению стиха. Автору удалось сделать очень интересные наблюдения, свидетельствующие о тесной взаимосвязи боснийской и албанской эпических традиций в области поэтической техники.

Однако все это не дает ответа на вопрос: если действительно североалбанские горцы, в среде которых до сих пор бытует эпическая поэзия, заимствовали ее от боснийцев, то при каких исторических условиях это могло произойти и как на основе этого могла развиться богатая и во многом оригинальная албанская поэтическая традиция? Отсылка к двуязычию албанских поселенцев сербской области Санджак, утерявших связи с той патриархально-родовой средой, которая в горах Северной Албании упорно сохраняла и культивировала высокое искусство эпической поэзии, не может иметь доказательной силы. Как показывают материалы опроса, производившегося М. Парри в 30-е годы, двуязычные албанцы, проживавшие в Санджаке и исполнявшие боснийские эпические песни, не только не обогащали эпическую традицию Северной Албании, но, наоборот, в той или иной степени теряли или уже утеряли с ней связь. Характерны глухие ссылки Али Фулянина на бытование албанской эпической поэзии в далеких Ругове, Пече, Джяковице, в то время как в городах и селах Санджака по-албански не поют[14]. Другой албанец, Сулейман Макич, лишь слыхал о том, что в Ругове поют песни о Муйо и Халиле. Сам же он, хотя хорошо говорил

[12] *St. Skendi.* Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry, p. 115.
[13] Там же, стр. 116.
[14] «Serbocroatian Heroic Songs», v. I. Belgrade — Cambridge, 1953, p. 298.

по-албански, албанских песен не знал и исполнял только боснийские [15].

По всей видимости, албанское население Санджака не могло быть той творческой средой, которая воспринимала, перерабатывала и передавала дальше (уже на албанском языке) славянскую эпическую поэзию.

Необходимость решения вопроса об исторических условиях заимствования не снимается также введением диахронной схемы культурных моделей (cultural patterns) — а) боснийской, б) боснийско-албанской, в) албанской, отражение которых Скенди стремится обнаружить в содержании албанской эпической поэзии [16]. Без типологической характеристики каждой из сравниваемых эпических традиций историческая перспектива изменений, которым боснийские песенные сюжеты должны были подвергнуться в албанской среде, восстановлена быть не может.

* * *

Попытка обоснования второй гипотезы происхождения исторической общности боснийской и албанской эпических традиций также предполагает сравнение их сходных элементов и интерпретацию имеющихся различий. В качестве основы для сравнения берется характеристика боснийско-мусульманской и албанской эпической поэзии — каждой в отдельности.

Крайинская (боснийско-мусульманская) эпическая поэзия

Собирание и публикация эпических песен боснийских мусульман начались сравнительно поздно, лишь в 80—90-е годы прошлого столетия. Результатом собирательской работы, проводившейся одновременно фольклористами Запреба и Сараева, был выход двух больших сборников. Эти сборники, изданные Л. Марьяновичем [17] и К. Хёрманом [18], до сих пор составляют основной корпус опубликованных материалов и содержат в совокупности 125 текстов [19]. В коллекции Марьяновича представлены

[15] «Serbocroatian Heroic Songs», v. I, p. 256.

[16] *St. Skendi.* Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry, p. 119.

[17] «Hrvatske narodne pjesme». Skupila i izdala Matica Hrvatska, knj. III—IV: «Junačke pjesme (muhamedovske)». Zagreb, 1898—1899.

[18] «Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini». Sabrao Kosta Hörmann, knj. I—II. Sarajevo, 1888—1889.

[19] В издании «Matica Hrvatska» помещены лишь 50 из общего числа 290 эпических песен, собранных Л. Марьяновичем и его группой. Не опубликованные ранее материалы К. Хёрмана изданы недавно отдельной книгой: «Narodne pjesme Muslimana u Bosni i Hercegovini». Sarajevo, 1966.

песни, записанные в северо-западной Боснии; записи Хёрмана охватывают Боснию и Герцеговину.

В 30—50-е годы нашего столетия интенсивную собирательскую деятельность развернули американские исследователи М. Парри и А. Лорд. Из их богатой коллекции пока опубликованы только песни, записанные в Нови Пазаре (32 текста) [20].

В общих трудах по южнославянскому фольклору эпической поэзии югославских мусульман почти совсем не уделялось внимания. Уже в 1953 г. А. Шмаус отмечал, что «даже на славянском юге она не была предметом исчерпывающих исследований, не говоря уже о попытках синтеза... Не следует удивляться тому, что и до сих пор в общих обзорах народной поэзии и в историях литературы мусульманская эпика выступает в роли Золушки, отмечаемая лишь в качестве особого мусульманского цикла. При этом молчаливо предполагается ее идентичность с христианской эпикой» [21].

Начиная с исследований Л. Марьяновича [22], а затем в трудах М. Мурко изучение эпической поэзии боснийских и герцеговинских мусульман приобрело в значительной мере этнографический аспект. В центре внимания оказались не тексты песен как произведения устной народной поэзии, но социально-культурный характер бытования самой эпической традиции. И в этом отношении исследования дали замечательные результаты. Была поставлена проблема исполнителя и слушателей, зафиксированы биографии, социальное положение и характер творческой индивидуальности целого ряда певцов, подробно описана та общественная среда, в которой исполнение эпических песен сохранялось и культивировалось как живая традиция. В исследованиях М. Мурко [23] дана широкая картина бытования эпической поэзии в городах и селах Боснии и Герцеговины в первые десятилетия XX в.

По социальному положению и занятиям эпические певцы оказывались преимущественно крестьянами и ремесленниками

[20] «Srpskohrvatske Junačke pjesme», knj. II. Beograd i Kembridž, 1959.

[21] *A. Schmaus.* Studije o krajinskoj epici. «Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti», knj. 297. Zagreb, 1953, p. 89.

[22] См. обширное введение к III тому «Hrvatske narodne pjesme» в издании «Matica Hrvatska» (1898, стр. VII—LVI).

[23] *M. Murko.* Die Volksepik der bosnischen Mohammedaner. «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 19. Jahrgang». Berlin, 1909; *он же.* Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien und der angrenzenden Gebiete von Kroatien und Dalmatien behufs Erforschung der bosnischen Mohammedaner. «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Kl. 173, 3. Abh. Wien, 1913; *он же.* Bericht über eine Reise zum Studium der Volksepik in Bosnien und Herzegovina im Jahre 1913. Там же (Philos.-hist. Kl. 176. 2. Abh. Wien, 1915); *он же.* La poésie populaire epique au début du XXe siècle. Paris, 1929 (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves.— X); *он же.* Tragom srpsko-hrvatske narodne epike, I—II. Zagreb, 1951.

(портные, столяры, плотники, седельники и др.). Среди них были также владельцы кофеен, мелкие торговцы. Лишь немногие из певцов не имели определенных занятий, в том числе двое слепых. «Каждый певец может назвать своих учителей. В большинстве случаев это родственники, реже свойственники; часто искусство пения в семье передается от прадеда к деду, отцу, сыну. Многие усвоили свое искусство от певцов, посещавших гостеприимный дом семьи, другие — в базарном квартале (čaršija) и в кофейнях, где и опытные певцы обмениваются песнями» [24].

Певцы выступают «в народных кофейнях, которые распространены и в деревнях, летом также на открытом воздухе, в читальнях (islamska citaonica), в чаршии (базарная площадь с открытыми лавками и мастерскими), у богатых помещиков — бегов и ага — в их приемной комнате (ahar, baškaluk) или в специальных помещениях для приема (konak), также в домах обеспеченных людей, которые их приглашают, или у себя дома — для соседей и для собственного удовольствия, кроме того, в путешествиях» [25]. Лучшим временем для исполнения эпических песен являются долгие зимние вечера и особенно ночи в период Рамазана.

«Среди слушателей обычно бывают представлены многочисленные крестьяне, рабочие, торговцы, в том числе христиане, также беги и ага, а мимоходом также и христианские «господа» (учителя, духовные лица, чиновники, жандармы). Каждая местность гордится своими хорошими певцами» [26]. Певцы обычно получали какое-то вознаграждение, размеры которого бывали различны. Беги в свое время давали им зерно, скот, одежду, деньги. Хозяева кофеен обычно собирали с посетителей деньги для певцов.

«Продолжительность самой короткой песни составляет три четверти часа, короткими считаются песни, исполнение которых длится 2—3 часа. Но обычно исполнение длится дольше, иногда до 7—8 часов и более, естественно, с перерывами» [27]. Значительная длина песен боснийских мусульман, особенно в сравнении с песнями, исполняемыми в христианской среде различных краев Югославии, составляет одну из характерных особенностей этой поэзии, сразу же обратившей на себя внимание исследователей. Так, Л. Марьянович подсчитал, что из 320 песен его коллекции 103 имеют длину от 601 до 1000 стихов, 62 — от 1000 до 1500, 12 — от 1501 до 2000, 11 — от 2001 до 3000 и 4 — от 3000 до 4000

[24] *M. Murko.* Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien..., S. 17.
[25] Там же.
[26] Там же, стр. 18.
[27] Там же.

и более. Короче среднего уровня: 72 песни — от 301 до 600, 26 — от 100 до 300 и только 30 имеют менее 100 стихов[28].

Содержание песен привлекло к себе внимание первых исследователей только со стороны отражения в нем исторических реалий. Перечислялись такие моменты, как черты быта феодальной Боснии, пограничные стычки мусульманских юнаков-крайишников с ускоками, сватовство, похищение девушек, свадьбы, захват пленников, освобождение их или выкуп, поединки, конские состязания, виды старинного оружия и т. п. При этом утверждалось весьма спорное положение о том, что «каждая песня, конечно, имеет историческую основу»[29]. Тем самым в сущности снимался вопрос о сюжете, как об элементе художественного значения, и сюжеты подразделялись только по месту действия на «ликские» (lićke) и «ундюрские» (ungiurske, т. е. «венгерские»)[30].

Общий подход к вопросу о художественной стороне песен-боснийских мусульман характеризовался следующим высказыванием М. Мурко: «Хотя эти песни интересуют нас преимущественно с народоведческой точки зрения, допустим вопрос: а как обстоит дело с их поэтическими красотами? На это можно кратко ответить: как везде, и здесь бывают хорошие и плохие поэты и певцы. Можно говорить о том, что есть целые песни или по крайней мере их части, которые принадлежат к прекраснейшему из того, чем обладает художественно высоко развитая сербско-хорватская народная поэзия»[31]. Таким образом, вопрос о художественной специфике песен, созданных в мусульманской среде, никак не ставился.

Зато тем же исследователем было сформулировано важное положение о характере устной эпической традиции, основанное на живых наблюдениях: «Необходимо иметь в виду, что певцы не декламируют, как мы, твердо установленный текст, но до известной степени создают его заново. Многие из них утверждают, что они исполняют свои песни всегда одинаково, но это может относиться лишь к персонажам, мотивам и ходу действия, хотя и здесь бывают, что вполне естественно, изменения (так возникают варианты, контаминации); певец может произвольно сократить песню, «выпустить то, что слабее», «сказать только главное» или удлинить, если он имеет особенно благодарную публику и время»[32].

Этот аспект проблемы получил в дальнейшем специальное развитие в трудах американских исследователей М. Парри и

[28] «Hrvatske narodne pjesme», knj. III.
[29] *M. Murko.* Die Volksepic der bosnischen Mohammedaner, S. 24.
[30] «Hrvatske narodne pjesme», knj. III, p. XXXIV.
[31] *M. Murko.* Die Volksepik der bosnischen Mohammedaner, S. 28.
[32] *M. Murko.* Bericht über die Bereisung von Nordwestbosnien..., S. 22.

А. Лорда. Выяснение сущности творческого метода эпических певцов и характера применения ими формальных средств было целью их полевых занятий югославским эпическим фольклором вообще и творчеством мусульманских певцов в частности. Результатом этих занятий явилось богатое собрание записей, а также создание интересной теории об искусстве эпического певца, изложенной в широко известном труде А. Лорда [33]. Таким образом, эпические песни югославских мусульман оказались опытным материалом для обоснования теории о том, что возможность творческого воссоздания новых и новых вариантов эпических текстов определяется наличием в памяти певца запаса готовых формул-моделей.

Начало изучения художественной специфики песен боснийских мусульман положено работой А. Шмауса о композиционной структуре крайинской эпики [34]. Шмаус различает два типа мусульманских эпических песен: 1) крайинский и 2) герцеговинский, или южномусульманский. Песни крайинского типа отличаются от южномусульманских, а также от песен, бытующих в христианской среде, своей композиционной сложностью и соответственно большей длиной. Крайинская эпическая поэзия, ведущая свое происхождение из Крайины — области Лика на северо-западе Боснии, где в XVI—XVII вв. развертывались пограничные столкновения турецких и христианских отрядов,— наиболее отвечала «сословному сознанию мусульманских феодалов», отличалась богатым и занимательным содержанием, а также более «модерным» способом повествования («moderniji» način pri-kazivanja). Благодаря этому она широко распространилась в Боснии, Герцеговине и Санджаке [35].

Специфические особенности композиции сложных крайинских песен по сравнению с более простым построением южномусульманских и христианских Шмаус рассматривал в свете теории А. Хойслера, согласно которой процесс развития эпического жанра осуществляется путем развертывания, «разбухания» (Anschwellung) более краткой и сжатой песни, с превращением ее в эпическую поэму. «Историческое развитие и видоизменение краткой эпической песни христианского и южномусульманского типа в крайинскую песню представляет собой важную проблему не только для истории югославской эпики, но и для истории эпоса вообще» [36]. Исходя из этих положений, Шмаус подробно рассматривает структуру крайинских песен, композиционные приемы, с помощью которых осуществляется

[33] *A. B. Lord.* The Singer of Tales. Cambridge (Mass.), 1960 (ср. рец. Ю. И. Смирнова в журнале «Советское славяноведение», 1970, № 1).
[34] *A. Schmaus.* Studije o krajinskoj epici.
[35] Там же, стр. 96.
[36] Там же, стр. 126.

«распространение» (Anschwellung) более простых повествовательных схем в более сложные. Таким образом, формальные признаки «крайинского» типа разработки эпических сюжетов в работе Шмауса раскрыты с необходимой полнотой. Это дает одну из отправных точек для типологического сравнения «крайинских» песен не только с «южномусульманскими» и «христианскими», но так же, как увидим ниже, и с североалбанской поэзией, для которой характерен тип относительно более короткой и композиционно более простой эпической песни.

Вопросом сюжетов, с точки зрения их содержания и происхождения, Шмаус специально не занимался. Однако он дал общую классификацию основных тем, по которым распределяются сюжеты «крайинских» песен, опубликованных в сборниках Л. Марьяновича (изд. «Matica Hrvatska») и К. Хёрмана. Классификация включает следующие разделы и подразделы[37]: I. Султанские и везирские песни. Сюда входят: а) песни о «царских мейданджи», т. е. о витязях, которые выходят вместо султана на поединок (мейдан) и тем спасают его от грозящей опасности; б) песни о походах султана; в) песни о везире Чуприличе. В последних прославляются верность и доблесть боснийского везира, который расправляется с изменниками при дворе султана. II. Осады, захваты и освобождение городов III. Битвы, четования, поединки. IV. Захваты в плен, страдания в плену, освобождение пленников. V. Сватовство, похищения, похождение сватов. VI. Varia.

На основе этих общих тем строятся конкретные сюжеты, часто очень сложные.

Для типологической классификации эпических сюжетов интерес представляет двучленное деление, предложенное М. Брауном в его общей работе о сербскохорватской героической песне: «С одной стороны, перед нами темы, подчеркивающие внешний ход событий, с другой стороны, темы, выдвигающие на первый план душевное переживание. Темы первого рода могут быть обозначены как приключенческие, темы второго рода — как трагические темы»[38].

Мне кажется, что второй разряд тем должен получить несколько иное определение. Главным в нем является не само по себе душевное переживание, а проблема морально-этического характера, моральный конфликт, который может принимать трагический характер.

Идеологическая основа конфликтов, получающих отражение в эпической поэзии, определяется той общественной средой, которая создает и питает эпическую традицию. Так, например, в

[37] *A. Schmaus.* Studije o krajinskoj epici, p. 112—113.
[38] *M. Braun.* Das serbokroatische Heldenlied. Göttingen, 1961, S. 142.

эпической поэзии многих народов отражены трагические проблемы, возникавшие в условиях разложения родо-племенного строя, распада родовых связей. Как увидим ниже, именно такая проблематика морально-этического характера является особенно специфичной для североалбанской эпической поэзии, функции которой в условиях позднеродового общества горцев определялись задачами воспитания определенных моральных качеств и чувств у членов фиса (родо-племенного коллектива) через поэтическую сублимацию образов витязей старого времени, как выражение идеалов уходящего родового строя.

Применяя принцип двучленной классификации сюжетов (с учетом предложенной поправки) эпической традиции боснийских мусульман, мы ясно видим абсолютное преобладание сюжетов первого типа, т. е. авантюрных, с ярко выраженной установкой на занимательность, развлекательность. Феодальное общество Боснии XVI—XVIII вв. не ставило перед собой тех сложных этических проблем, какие возникали на грани перехода от родового строя к классовым формациям. Поэтому в боснийско-мусульманской эпической поэзии отсутствуют трагические коллизии морального характера; большая часть песен посвящена темам добывания невест, захвата и освобождения пленников. При этом песни обычно вырастают до очень больших размеров благодаря нанизыванию новых и новых приключений, усложнению сюжетных линий и развертыванию описаний деталей одежды, боевого вооружения, конской сбруи и т. п. Сама обстановка бытования этой поэзии в социально пестрой среде маленьких городков старой Боснии, исполнение ее на базарах, в кофейнях, а в прошлом также в конаках крупных и мелких мусульманских феодалов способствовала развитию именно авантюрно-развлекательной линии творчества певцов — профессионалов и полупрофессионалов.

Своего рода «проблемность», связанную с идеологией отуреченной верхушки феодального общества, можно найти только в некоторых песнях из разряда султанских и везирских, особенно в песнях, посвященных спасителям султанов — мейданджи, а также идеализированной фигуре боснийского везира, который доказывает свою вассальную верность султану и торжествует победу над изменниками-придворными. Характерно, что именно этого типа песни отличаются относительной простотой сюжета, а иногда и относительной краткостью.

Наибольшей сложностью чисто авантюрных сюжетов отличаются песни о сватовстве и похищениях девушек — обычно дочерей христианского краля, в которых основная линия действия складывается из множества эпизодов. Такого рода песни представляют собой как бы небольшие приключенческие романы в стихах, в которых мусульманские герои-крайишники проникают (чаще всего в переодетом виде) в прибрежные города Далма-

ции, обманывают христианского краля, наблюдают «дивно коло» девушек, сговариваются с дочерью краля и увозят ее, участвуют в состязаниях, сражаются в поединках, попадают в плен, страдают в страшных темницах, освобождаются из плена при помощи друзей, захватывают вражеские кулы, похищают заложников (обычно малолетних сыновей краля), спасаются от погони, попадают в засады, проявляют чудеса храбрости и побеждают в кровавых битвах, пируют на лондже (террасе) Мустайбега Ликского или в «пьяной механе» (корчме), хвастаются, вызывают друг друга на новые подвиги и т. п.

Характерно, что при всей авантюрности действие в этих песнях не выходит за пределы известной условной реалистичности, т. е. развивается в пределах теоретически возможного, хотя в целом и невероятного. Откровенной фантастики в песнях боснийских мусульман, особенно в текстах, опубликованных Л. Марьяновичем, почти не встречается, если не считать появления вил, призывы которых изредка используются в качестве формального средства оповещения героев о тревожных происшествиях.

К типу авантюрных песен со сложным развитием сюжета относятся и боснийские песни, посвященные похождениям членов семьи Хрньица — братьев Муйо, Халиля, Омера и их сестры Айки (Айкуны) [39]. Например, песни о добывании невест: «Женитьба Хрньицы Муйо на мальтийке» («Ženidba Hrnjice Muje s Malteškinjom».— Hrv. Nar. Pjesme, IV, 1030 стихов), «Женитьба Хрньицы Халиля на Смиляничевой Еле» (Ženidba Hrnjice Halila sa Jelom Smiljanića».— Hrv. Nar. Pjesme, IV, 1860 стихов), «Женитьба Хрньицы Халиля на двух девушках» («Ženidba Hrnjice Halila sa dvije djevojke».— Hrv. Nar. Pjesme, IV, 1234 стиха); о подвигах переодетой Айки: «Хрньицева Айка — Мустайбегов мейданджи» («Ajka Hrnjičina Mustajbegov mejdandžija».— Hrv. Nar. Pjesme, IV, 1176 стихов) и др. Из общего числа 50 песен, опубликованных Л. Марьяновичем, песни о Хрньицах составляют всего семь. Главные герои их — братья Муйо и Халиль — входят наравне с прочими в общий круг мусульманских рыцарей-крайишников, собирающихся вокруг своего феодального сюзерена — Мустайбега — главы области Лика (Крайина) на северо-западе Боснии («O Mustajbeg, od sve Like glavo!»). Они пируют вместе с ним в Удбине, на его «лондже» или в «беговской механе»: «Vino piju Udvinjani mladi /Na Udvini u begluk mehani,/ Medju njima i Mustajbeg Lika/ U vrh stola do topla pendžera» («Ajka Hrnjičina Mustajbegov meidandžija», стихи 1—4.— Hrv. Nar. Pjesme , IV, p. 242). Здесь они обсуждают все крайинские события, и отсюда они, по указаниям Мустайбега, направляются

[39] В албанской эпической поэзии Айкуна чаще не сестра, а жена Муйо, Омер — не брат, а сын. Что касается фамильного прозвища Hrnjica, то оно в албанских песнях не встречается.

в походы. Мустайбег сам организует многолюдные отряды сватов для осуществления пышных свадебных экспедиций, которые часто выливаются в кровавые столкновения, в случаях вражеских нападений он призывает к оружию всю Крайину, улаживает конфликты среди своих вассалов и т. п.

Кроме братьев Муйо и Халиля в качестве главных героев песен выступают и другие крайишники из окружения Мустайбега, например Диздаревич Мехо, Хаджагич-Муйага, Велагич-Ахмет, Бойчич-Делалия, грубиян Будалина Тале и др. Поэтому, собственно, нет оснований говорить применительно к боснийской эпической традиции об особом цикле «Муйо и Халиль». Скорее следует говорить о цикле, связанном с фигурой Мустайбега, в окружении которого выделяется целый ряд витязей-крайишников, причем одни и те же лица выступают то в качестве главных героев отдельных песен, то в качестве второстепенных персонажей. Песни этого цикла имеют яркий феодальный колорит, что выражается и в отношениях между действующими лицами, и в картинах быта, и в описаниях разного рода реалий.

Характерно, что образ Мустайбега является основой циклизации только в песнях из северо-западной Боснии, опубликованных Марьяновичем. В сборнике К. Хёрмана, охватывающем песни, записанные в различных районах Боснии и в Герцеговине, Мустайбег ведущей и объединяющей роли не играет. Зато сюжеты, связанные с Муйо и Халилем, занимают здесь несколько большее место.

Североалбанская эпическая поэзия

Североалбанские эпические песни отличаются от песен боснийских мусульман прежде всего своей краткостью. Средний размер песен — 200—300 стихов. Из опубликованных самой длинной является песня о женитьбе Халиля («Martesa e Halilit») — 674 стиха. Для албанской эпической традиции не характерна тенденция к распространению, «разбуханию» (Anschwellung) сюжетов, составляющая, согласно концепции А. Шмауса, определяющий признак крайинской эпики в Боснии.

С эпической поэзией народов Югославии вообще североалбанскую, несомненно, сближает применение десятисложного стиха. Здесь перед нами проходит важная балканская изоморфа, пересекающая албанский ареал, так как фольклор албанских областей, лежащих южнее р. Большой Дрин, не имеет этого размера (как не имеет и самого эпического жанра). Историческая связь сербскохорватской и албанской эпических традиций в этом отношении несомненна. Однако нет оснований датировать ее возникновение XVIII в., как это делает Ст. Скенди. Албанская традиция могла быть связана с сербской с довольно ранней поры,

о чем свидетельствует также общность некоторых сюжетных мотивов. Это могло иметь место еще до установления загадочных боснийских контактов. Такая гипотеза столь же правомерна, как и гипотеза о позднем заимствовании. Албанский эпический размер имеет свои особенности. Десятисложные строки часто перемежаются более краткими — восьмисложными и даже семисложными; цезура после четвертого стиха не выделяется так четко, как в сербском стихе.

Центральной областью бытования албанской эпической поэзии являются высокогорные районы к северу от Дрина — Дукаджин (территория фисов Шаля и Шош), Никай-Мертур. К западу от этого центра в ее ареал входят горные районы, спускающиеся к Шкодранскому (Скадарскому) озеру,— так называемая Большая Мальсия (Malsija e Madhe), на востоке — постепенно понижающаяся область Джяковской Мальсии (Красниче, Гаї, Бериша, Хас) с распространением далее в горные районы Метохии и Косова (в пределах Югославии).

Условия бытования определяются общественным укладом, характерным для указанной территории. В горах Северной Албании еще на протяжении всего XIX в. существовала система родоплеменных отношений, которая подверглась окончательному разложению лишь в первой половине XX в. Отдельные районы еще в относительно недалеком прошлом соответствовали территориям родо-племенных коллективов — фисов. Живя на склонах гор и в глубоких долинах, североалбанские мальсоры (горцы) веками пасли свои стада, возделывали клочки пахотной земли, хранили законы и обычаи родового строя и защищали свои горы от вторжения турецкой военной администрации. Необходимость сплочения населения горных районов для защиты своих стад, жилищ и древних вольностей патриархального быта от экспансии турецкого военно-феодального режима явилась предпосылкой не только сохранения элементов старой родо-племенной организации, но даже и ее частичной регенерации в новой социально-исторической ситуации.

Для воинственных горцев эпическая поэзия была не только общим культурным наследием, но и живой устно-литературной традицией, игравшей большую роль в их борьбе за сохранение унаследованных от прошлого социальных норм и независимого существования в труднодоступных горных районах. По идеологическому содержанию и функциям эпическая традиция, бытующая у католических горцев Большой Мальсии, Дукаджина и Никай-Мертура, а также у горцев-мусульман Джяковской Мальсии, Метохии, Косова, может служить образцом поэзии, сложившейся в обществе позднеродового строя, на грани становления классовых отношений, и переходящей от поколения к поколению в патриархальной среде, как память о доблести предков и в то же время как живой источник эстетического наслаж-

дения и морально-этического воспитания в духе героических канонов. С последним связано характерное для североалбанской эпической поэзии преобладание «проблемности» над развлекательностью.

Иными, чем в современной Югославии, социальными условиями определяется и состав исполнителей албанской эпической поэзии. Как указывают фольклористы, певцы, поющие старинные песни в сопровождении лахуты,— это «простые люди, встречающиеся в каждом фисе, в каждом горном селении. Они не являются профессионалами, они показывают свое мастерство не под влиянием материальных стимулов, но поют, когда представится случай, в семье или среди друзей, в своем фисе или в других фисах, которые они посещают по случаям семейных и народных праздников» [40]. Подчеркивается, что албанская эпическая поэзия не получила распространения в городах и не исполнялась при дворах феодалов. Исполнение ее не выходило за пределы скотоводческого общества горцев [41]. Все это создает картину, весьма отличную от картины бытования эпической поэзии в городской среде и в деревнях Боснии, Герцеговины, Сербии.

Собирание богатой и разнообразной эпической поэзии, сохранявшейся в горах Северной Албании, началось в 20—30-е годы XX в. Записи, публиковавшиеся вначале в журналах «Hylli i Drites», «Leka» и других, позднее были объединены в сборниках «Visaret e Kombit» («Сокровища нации»), тома I, II, IV (Tiranë, 1937, 1939). В настоящее время опубликованные в прошлые годы тексты помещены во II томе издания «Албанский фольклор» [42].

За последние два десятилетия албанские фольклористы собрали очень много новых материалов. Как указывает К. Хаджихасани, в настоящее время архив Института фольклора в Тиране располагает 400 песенными текстами [43]. Некоторые из новых записей помещены в сборнике «Легендарные народные песни» [44].

Корпус опубликованных к настоящему моменту песен составляет более 120 текстов. Это дает возможность характеризовать североалбанскую эпическую традицию со стороны ее содержания и формальных признаков [45].

Бо́льшая часть песенных сюжетов концентрируется вокруг фигуры Муйо, его брата Халиля и сына Омера, а также его

[40] «Folklor shqiptar», II. «Epika legjendare», p. 11 (*Z. Sako, Q. Haxhihasani*— Введение).
[41] Там же.
[42] «Folklor Shqiptar», II. Epika legjendare, I. Tiranë, 1966.
[43] *Q. Haxhihasani.* Les recherches sur le cycle des Kreshnik, p. 217.
[44] «Këngë popullore legjendare». Tiranë, 1955.
[45] О языке и стиле албанской эпической поэзии (проблема формул) см.: *А. В. Десницкая.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

дружины — чéты, состоящей из 30 агаларов. Поэтому в отношении албанского фольклора есть полное основание говорить об эпическом цикле «Муйо и Халиль». Но есть песни, не входящие в этот цикл.

В сюжетах проблемность явно преобладает над фабульностью. Повествовательные линии отличаются относительной простотой и обычно более или менее подчинены основной теме [46]. Усложнение фабулы путем нанизывания новых эпизодов, столь характерное для эпической традиции боснийских мусульман, наблюдается лишь в отдельных песнях — и то в ограниченных пределах (краткость — один из определяющих признаков албанских эпических песен). По своему характеру повествовательные песни приближаются к героической сказке, в то время как проблемные скорее тяготеют к жанру баллады. Есть песни с мифологическими сюжетами.

В большинстве песен ярко отражены идеология и быт позднеродового общества, трагические конфликты, связанные с распадом патриархальных устоев, воинственные похождения дружин — чет. Столкновения и контакты с феодальными обществами Балканского полуострова отражены в качестве полусказочных реминисценций — сюжетов, в которых противниками героев выступают христианские крали. Города Далматинского приморья, из которых Халиль и его товарищи похищают красавиц и в мрачных подземельях которых томятся плененные герои, представляются сказочной страной, лишенной тех конкретных исторических черт, какими так богата крайинская поэзия Боснии.

Реальная среда, отраженная в албанской поэзии, — это кула горца, очаг, на котором герой сам варит себе кофе, отношения с членами семьи, с побратимами, с товарищами по чéте, повседневная угроза вражеских нападений, пожары, похищения коней, жен, дочерей, сестер, месть врагам, битвы в горах, величавые картины горной природы, населенной мифическими существами — занами, орами. Важную тему составляет основное занятие героев, их воинственный промысел — четованье. В позднеродовом обществе дружины — у албанцев чéты (çetë из серб.-хорв. «чета») — были элементом, знаменовавшим процесс разложения этого общества. Это были «частные объединения для ведения войны на свой страх и риск», создававшиеся, как пишет Ф. Энгельс, «рядом с родовым строем» [47].

[46] В этой связи интересно свидетельство Б. Паляй и Д. Курти, отметивших, что певцы в горном районе Никай предваряли рецитацию песен прозаическим пересказом их основного содержания. «Каждый рапсод, прежде чем сообщить текст рапсодии, имеет обыкновение пространно излагать ее основное содержание в виде легенды, которая оказывается часто более поэтичной, чем сама рапсодия» («Visaret e Kombit», II. Tiranë, 1937, p. 42).

[47] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 21, стр. 143.

У многих народов в период становления раннего классового общества именно дружины были той средой, в которой складывались и культивировались традиции эпической поэзии. Албанские песни цикла «Муйо и Халиль» представляют собой яркий пример поэзии, генетически связанной с дружинным бытом и дружинной идеологией. В них отражена не только внешняя сторона деятельности чéты, но и ставятся проблемы ее существования. Так, песня «Муйо и Бехури» посвящена теме единства чéты. Конфликт получает трагическое разрешение, и нарушитель единства Диздар Осман Ага, настоявший на разделе, гибнет со своим отрядом. Трагизм подчеркивается введением лирического мотива дружбы двух юных воинов — Халиля и Зуко Байрактара, расстающихся при сознании неизбежности гибели одного из них, как принадлежащего к стороне, нарушившей нормы дружинной этики.

С эпической простотой формулируются цели четованья: «Se un me ra due n'Kotorre t'reja,/Athue mundem ndonji plackë me bâ,/ Athue mundem ndonji krye me pre,/ Athue mundem ndonji çikë me marrë/Ndoshta gzoimetë ndoj djalë yutbinë!» («Потому что я хочу напасть на Новые Которы, /Сможем захватить там добычу,/ Сможем порубить головы,/ Сможем захватить какую-нибудь девушку,/ Быть может, порадуем этим какого-нибудь парня в Ютбине» («Muji dhe Behuri», строки 159—163). Главный герой цикла прославляется в качестве признанного вождя чéты: «I parë çete Muji m'âsht,/ Zanat çetën po ma ka,/ Pllambë për pllambë, Krajlinë ma njef./ Pa te n'çetë nuk kem shka bâjimë,/ Me te n'çetë nuk kanë shka na bâjnë» («Муйо первый в чéте,/Четованье — его ремесло,/ Королевство он знает пядь за пядью;/ Без него мы в чете ничего не сделаем,/ С ним нашей чете ничего не сделают!») (Halili merr gjakun e Mujit», строки 26—30).

Из 30 агаларов, составляющих чéту Муйо, в качестве самостоятельных персонажей фигурирует лишь несколько. Героями отдельных песен являются Арнаут Осман, Зуку Байрактар, Али Байрактар, старик Кефанак (Кефан Ага — юмористический персонаж). Большинство песен имеют своими героями самого Муйо, его брата Халиля и сына Омера. Песни о гибели и оплакивании юного Омера составляют небольшой цикл элегического характера. Интересны заклятия, накладываемые отцом (Муйо) и матерью (Айкуной) на горные луга (bieshkat), явившиеся местом убийства Омера. Лирический сюжет оплакивания юного героя и магического заклятия пастбищ не имеет абсолютно никаких соответствий в боснийском эпосе. Быть может, в этом сюжете сохраняются отголоски древнего мифа об умирающем божестве, связанном с растительным миром.

В «проблемных» песнях важное место обычно занимают диалоги, с помощью которых освещается содержание конфликта. Для сюжетов этого жанра характерна тема отношений между

членами патриархальной семьи: доблестное поведение юного сына, на которого падает задача освободить плененных отца и дядю («Omeri prej Mujit»); поединок не знающих друг друга братьев, счастливо завершающийся узнаванием («Siran Tin Alia dhe Arnaut Osmani», «Arnaut Osmani e Hyso Radoica»); раздоры между братьями и соответственно возмездие (оба брата попадают в плен); осуждение со стороны матери и накладываемое ею на братьев испытание («Halili i qet bejleg Mujit»); братоубийство из ревности, виновницей которого в одном варианте является злая зана (горная фея), а в другом — коварная жена («Rriti nana dy jetima», «Deka e Mujit e Halilit»); покушение на честь сестры своего побратима и соответственно возмездие («Haxhija Probatin»). Тема супружеских отношений дана в двух планах. С одной стороны, широко распространенный сюжет «муж на свадьбе жены» с традиционной счастливой развязкой («Ali Bajraktari»). С другой стороны, тема преступной жены, которая предает мужа ради любовника, но затем подвергается жестокой каре («Rrembimi i së shoqes së Mujit»). С этим сюжетом перекликается оригинальный мотив матери-предательницы, которая ослепляет своего сына и его коня. Сына излечивают заны, требующие, чтобы он отомстил матери. Сын убивает мать и ее любовника («Zuku Bajraktar»).

Этическая тема оригинально поставлена в сказочной по сюжету песне «Lule Frangu». Ее сюжетная схема проста: Люле Франгу, христианский рыцарь («каур»), женат на Айке, племяннице Муйо и сестре Зука Байрактара. Он хвастлив и недостоин своей благородной жены, опрометчиво бьется о заклад, что его конь может проскакать в один день от Шкодры до Влоры и обратно. При этом он рискует потерять жену, коня и имущество. Вернувшись домой, он кается жене в своем глупом хвастовстве. Жена успокаивает его, обещая найти выход. Она обращается к помощи зан, которые покровительствуют всему роду Муйо, и заны помогают коню совершить невероятный пробег. Главное в песне — моральный конфликт, столкновение суровой этики горянки, представляющей родовое общество, с хвастовством и подлостью чужака — «гога латина». Сущность коллизии глубоко и эмоционально раскрывается в диалоге женщины с занами, к которым она обращается с отчаянным призывом. Ответ суровых зан, которые презирают Люля Франгу, но помогают ему ради жены и ее гордого рода. Рядом с женщиной стоит фигура героического коня, который понимает трагизм ситуации, страдает, плачет, ласкается к хозяйке.

Особое место занимает тема смерти героя. Вещий сон, чувство обреченности, последняя битва («Ali Bajraktari»). Дерзкий враг нарушает покой мертвого героя, глумится над его могилой, вызывает мертвого на мейдан. Голос из могилы, призывающий

к отмщению. Кукушка относит весть об этом брату. Брат убивает врага («Muji mbas deket», «Deka e Mujit», «Halili mas deket»).

Морально-этическая проблематика, связанная с идеологией родового общества, присутствует даже в песнях, которые по традиции жанра должны принадлежать к разряду фабульных. В этом отношении очень характерна песня «Женитьба Халиля» («Martesa e Halilit»), совершенно непохожая на аналогичные по сюжету песни боснийских мусульман.

В начале песни описание зимы в горах: «Borë e madhe qi ka ra, /Randojnë ahat për me u thye, /Kin çetinat vetëm kreshtat, /Ushtojnë lugjet prej ortiqesh, /Prej ortiqesh, kah po bijnë ndër gropa. /Janë ra vashat me gja n'lumë, /Kanë gjetë lumën tanë ngri akull, /kanë nisë vashat me lypë krojet, /kanë gjetë krojet tanë ngri hej. «Большой снег выпал, /Под тяжестью (снега) буковые деревья готовы сломиться, /От сосен видны только верхушки,/ Гремят лавины в ущельях, /Лавины, падающие в пропасти./ Вышли девушки со скотом на реку, /Нашли реку заледеневшей,/ Пошли искать источники, /Нашли источники превращенными в сосульки»). («Martesa e Halilit», строки 4—12). Чета крешников, застигнутая непогодой, останавливается в гостеприимной куле своего предводителя. Греются у очага, пьют вино и ракию, упрекают Муйо, почему он не женит своего брата Халиля. Но Халиль поклялся: «Kah kam vlla e kah kam motër, /Deksha para, n'u martosha! /Se gjithë grat e Krahinës, ku janë, /Se gjithë vashat eyutbinës, ku janë, /Bash si motra qi po m'duken». «Там, где у меня брат, там, где у меня сестра, /Я бы скорее умер, чем женился, /Ведь все женщины Краины, где они есть, /Ведь все девушки Ютбины, где они есть, /Все они для меня сестры») (там же, строки 76—80). И далее: «Po ku ăndie n'mjet tokës et t'qiellës, /Se muer vllau motrën e vet? /Qi tanë bijat e Krahinës, ku janë, /Tanë si motra qi po m'duken». («Где слыхано между землей и небом, /Чтобы брат взял свою сестру? /А ведь все дочери Краины, где они есть, /Все они для меня сестры») (там же, строки 118—121). Для объяснения не требуется историко-социологических реконструкций, так как в декларации Халиля непосредственно отражен принцип экзогамной организации родовых коллективов — фисов, существовавшей в горах Северной Албании вплоть до недавнего времени.

Халиль отправляется добывать себе далекую невесту — прекрасную Танушу, дочь краля. Дальнейшее развертывание сюжета имеет скорее сказочный характер. Триста девушек во главе с дочерью краля раскинули шатры на берегу р. Туне (Дунай) и моют шерсть. Затем весь девичий отряд отправляется в путь, как войско, и в городе выбирают себе конаки. Традиционный мотив переодевания Халиля девушкой. Злая мать — оборотень, выдающая любовников. Много мифологии: солнце, месяц, заны

опекают Халиля. Волшебные козы, говорящие человеческим голосом. Халиль перед казнью просит дать ему лахуту и поет на языке предков, обращаясь к солнцу, луне и занам и т. д.

В других песнях, посвященных добыванию невест, похищению коня, освобождению из плена, в сюжетную канву также вплетаются элементы мифологии, составляющие существенный элемент действия. Есть и чисто мифологические сюжеты.

Речи героев иногда имеют элегический характер. Описания горной природы создают своеобразный фон действия. Таинственные рощи, где скрываются заны, являются той средой, где герои осуществляют свою связь со сверхъестественным миром, который эпическим сознанием воспринимается как реальность.

Магометанские имена и явная принадлежность героев албанских эпических песен к турецкому лагерю указывают на связь эпической традиции с отуреченной военной средой пограничных областей. Связь эта обнаруживается и в сюжетах, и в крайинской топонимике, и в некоторых реалиях. Однако магометанский колорит, присущий албанской эпической поэзии, имеет характер наслоения на устойчивую основу сюжетных мотивов и поэтических средств местного происхождения. Характерно, что главными носителями эпической традиции являются католические горцы, живущие в отдаленных и труднодоступных районах североалбанских Альп.

Албанская эпическая традиция богата и оригинальна. В типологическом отношении она очень сильно отличается от эпической традиции боснийских мусульман. Прежде всего она более архаична. Это сказывается и в тематике, и в композиции песен, в простоте сюжетных линий, в широком использовании элементов мифологии. Многие из албанских песен определенно соответствуют тому более архаическому типу народного эпического творчества, который В. М. Жирмунский назвал «богатырской сказкой» [48]. Кроме того, содержание албанской эпической поэзии ориентировано не на внешнюю фабульность, как это характерно для феодально окрашенной крайинской эпики боснийцев, а на постановку морально-этических проблем, соответствовавших социально-психологической атмосфере позднего родового общества, находившегося на грани распада.

Сравнение показывает, что различия двух эпических традиций настолько велики в основном и главном, что это делает неправомерными выводы о зависимости одной от другой, сделанные путем сопоставления деталей. Происхождение албанской эпики во всем ее своеобразии не может быть сведено к переработке отдельных элементов, заимствованных извне.

[48] См.: *В. М. Жирмунский.* Народный героический эпос. М.— Л., 1962, стр. 44.

Тем не менее сходство (даже совпадение деталей) существует, и это указывает на наличие исторических связей. В этом отношении наибольший интерес представляет совпадение некоторых персонажей. Однако исследование совпадений до сих пор не шло дальше идентификации имен и некоторых внешних признаков (родственные связи, возраст). Между тем для изучения исторического соотношения двух эпических традиций важно сравнить функции этих персонажей в каждой из них, определить характер образов и их место в общей системе сюжетных связей.

Ограничимся анализом двух персонажей — Муйо и Личанин Тале (Будалина Тале).

В албанской эпической поэзии Муйо — предводитель чёты ютбинских агаларов, самый сильный и опытный из воинов, центральная фигура цикла. В то же время его образ осложнен мифологическими ассоциациями. Сила Муйо имеет чудесное происхождение; он является побратимом зан, и через него покровительство их распространяется на всю семью — на брата Халиля, на сына Омёра и даже на племянницу Айку (песнь о Люле Франгу).

О происхождении силы Муйо есть специальная песня («Fuqija e Mujit») — типичный образец архаической богатырской сказки: Муйо был бедным пастушонком, которого обижали старшие товарищи. Однажды он пас скот в горах. Услышал детский плач и нашел две колыбели с плачущими детьми. Он их укачал, и дети успокоились. Это были дети зан. Пришли заны и, чтобы отблагодарить Муйо, напоили его своим молоком. Это дало ему чудесную силу.

В другой мифологической песне Муйо приобретает власть над занами («Muji dhe Zanat»). Муйо женится. Чёта крушков (сватов), везущая невесту, нарушает покой зан, устроив шумный привал в тени деревьев, на горном перевале, где в полдневный зной отдыхают заны. Разгневанные заны превращают крушков в камни, а невесту делают своей служанкой. Муйо встречает невесту в горах, узнает и поручает ей выведать у зан, в чем заключена их сила. Невеста хитростью выведывает. Оказывается, сила зан заключена в трех диких козах. Муйо собирает охотников со всей Ютбины и те захватывают и доставляют ему волшебных коз. Потерявшие свою силу заны приходят к Муйо и предлагают ему выкуп за коз. Так Муйо освобождает крушков и невесту. Кроме того, заны дают ему власть над горными пастбищами (bjeshkat). Заканчивается песня возгласом зан, имеющим характер магического заклинания: «Zana jemi e zana kjoshim!/Besa besë e fjala fjalë,/ Grueja grue e zana zanë,/ Zana diell e grueja hanë!» «Мы заны есть и занами останемся!/ Клятва клятвой и слово словом, /Женщина женщиной и зана заной,/ Зана солнце, и женщина луна!» («Muji dhe Zanat», стихи 363—366).

Эта песня очень интересна с точки зрения истории древних религиозных представлений, существовавших у народов Балканского полуострова.

Муйо и его семья находятся в постоянных контактах с занами (или орами): Муйо мстит за них, когда они оказываются обиженными («Orët e Mujit»); когда Муйо ранен, у его ложа сидят заны, а раны его лижут змея и волк («Halili merr gjakun e Mujit»). Таким образом, для фигуры Муйо в албанской эпической поэзии характерны особые связи со сверхъестественным миром.

В эпической традиции боснийских мусульман мифологические атрибуты Муйо представлены в рудиментарном виде. Характерно, что из боснийских юнаков только Муйо (иногда также члены его семьи — Халиль и Омер) имеет вил своими посестримами. Именно к Муйо обращают вилы свои призывы. Но если в албанских песнях мифологические образы представлены в развернутом виде и в действии, то в боснийском эпосе мифологические элементы играют незначительную и часто формальную роль. Тот факт, что эти элементы являются атрибутами только одного персонажа — Муйо, наводит на мысль о том, что этот персонаж перешел из другой эпической традиции. Иначе говоря, может быть поставлен вопрос о двустороннем характере влияний, имевших место в процессе параллельной разработки двух эпических традиций.

В пользу такого предположения говорит не только рудиментарный мифологизм, присущий фигуре Муйо в боснийском фольклоре, но также и противоречивость ее трактовки, обнаруживаемая при сравнении отдельных песен. Муйо выступает то как один из рыцарей, окружающих Мустайбега и наравне с другими добывающий себе невесту путем сложных авантюр, то он оказывается сердаром Кладуши и главой отряда крайишников, то он включен в отношения родства и свойства с другими феодалами Крайины, то, наоборот, на нем и Халиле лежит пятно безродности и бедности. Вероятно, для того чтобы включить легендарную фигуру Муйо с его родней в круг полуисторических персонажей, какими являются многочисленные крайинские витязи из феодальной среды, боснийская традиция создала для Муйо видимость реальной биографии (даже с турецким предком) [49], привязав его к определенному месту (Кладуша) и дав ему фамильное прозвище Хрньица (по признаку физического недостатка — заячьей губы — серб.-хорв.хонь, крнь, хрнь — «поврежденный, ущербный» [50]).

Характерно, что в албанских эпических песнях никогда не встречается это прозвище. Очень редко встречается и название Кладуша (поселение на севере Боснии). Албанская традиция

[49] «Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovine», knj, I, p. 603.
[50] «Hrvatske narodne pjesme», knj. IV, p. 41.

твердо связывает Муйо не с Кладушей, а с Ютбиной (Утбиной), которая в боснийском эпосе фигурирует как постоянная резиденция Мустайбега. Сам по себе этот факт имеет интерес только как тенденция боснийских певцов к упорядочению биографий своих героев и желание их найти определенное место для Муйо и Халиля,— персонажей, привнесенных из другой эпической традиции[51].

Характерно, что в горах Албании рассказывают другие легенды о происхождении Муйо и его чéты, тоже претендующие на историзм. Так, в селе Шипшан (район Тропойа) говорят, что тридцать ютбинских агаларов некогда были осиротевшими юношами, оставшимися без отца и без крова. Муйо собрал их в своем доме и научил быть храбрыми, верными, щедрыми витязями. Сначала он учил их «четовать» на горных пастбищах, но потом постепенно втянул в опасные битвы. Сам Муйо начал свой жизненный путь как коровий пастух[52].

Вряд ли есть необходимость настаивать на «историзме» фигуры Муйо. Однако несомненно то, что для албанской эпической традиции образ этот является основным и первичным. Для боснийской традиции, наоборот, он второстепенен, вероятно, привнесен из албанской и инкорпорирован вместе с остатками характерных для албанской поэзии мифологических атрибутов (побратимство с вилами, с занами). Можно заметить, что чем далее к востоку записаны тексты крайинских песен, тем больше сходства с албанской традицией они обнаруживают.

Совершенно иное соотношение обнаруживается при сравнительном рассмотрении функций другого персонажа — Личанина Тале. Личанин Тале или Будалина, т. е. Дурачина Тале (от тур. budalà — «дурак»), является одной из самых популярных фигур боснийского эпоса, хотя он и не выступает в качестве самостоятельного героя песен. Это комическая фигура грязного грубияна, в штанах из козьей шкуры, в шапке из волчьего меха, выезжающего на уродливом рыжем коне, без седла. Будучи храбрым и жестоким, он в то же время вызывает у слушателей смех своими шутовскими выходками[53]. В боснийском эпосе этот образ выделяется своей полнокровностью и сочностью. В албанских песнях Butaline или (Bud Aline) Tale присутствует в качестве одного из агаларов, составляющих чéту Муйо. Но фигура его совершенно бесцветна. Вполне очевидно, что в албанскую эпическую традицию он был занесен из боснийской.

[51] Mujo — это уменьшительное имя от очень распространенного мусульманского Mustafá. Нетрудно было идентифицировать легендарного Муйо с каким-нибудь определенным лицом. Боснийские эпические песни знают нескольких Муйо. Помимо Mujo Hrnjica встречаются имена: Mujo Orlanović, Budimlja Mujo, Stambolija, Mujo и др.

[52] См.: «Këngë popullore legjendare», p. 117.

[53] См.: *M. Murko.* Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien..., S. 27.

* * *

На этих двух примерах видна сложность вопроса о соотношении боснийской и албанской эпических традиций. По-видимому, есть основания говорить об их взаимодействии. Относительно того, в каких исторических условиях могло иметь место такое взаимодействие, остается строить гипотезы.

Одна из таких гипотез, предполагающая присутствие в Краине албанских военных чет, была приведена выше. Для доказательства ее необходимы дополнительные исторические исследования. Сам по себе факт использования в турецкой армии албанских отрядов достаточно хорошо известен. Известны и факты передвижений албанских фисов и их частей на территориях Балканского полуострова, оккупированных турками.

Характер связей и различий между боснийской и албанской эпической поэзией предполагает относительно более раннюю датировку контактов — скорее XVII, а не XVIII в.

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Костюшко, М. М. Сумарокова. Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917—1923 гг.) . . . 5

А. И. Недорезов. Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны 28

Л. Я. Гибианский, Г. П. Мурашко, В. С. Парсаданова. Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития 52

Л. Б. Валев, В. В. Марьина, Г. М. Славин. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны 73

И. А. Хренов, С. М. Стецкевич. Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов 92

Ю. А. Писарев. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии в годы первой мировой войны и распад монархии Габсбургов 115

Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.) 125

Н. Д. Ратнер. Либеральная и демократическая печать России о славянах Австрийской монархии в связи с образованием в 1871 г. Германской империи 150

Н. И. Хитрова. Русское общество и Черногория в 60—70-е годы XIX в. 164

И. В. Чуркина. Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в. 185

Т. И. Алексеева, В. П. Алексеев. Этногенез славянских народов по данным антропологии 211

В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян 223

С. А. Токарев. Начальный период славянской этнографии 237

А. И. Рогов. Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в. 250

К. И. Ровда. Славянская общность и проблемы культуры 267

В. М. Гацак. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении 286

В. Е. Гусев. Романтизм в Польше и кукольный театр славянских народов 307

В. И. Злыднев, И. И. Лещиловская, Е. П. Львова. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур 330

Б. П. Кирдан. Актуальные проблемы изучения фольклорных связей восточных и западных славян 344

Н. И. Кравцов. Романтизм в славянских литературах и фольклор . . . 358

К. В. Чистов. Этнические аспекты славянской фольклористики 365

У. Б. Далгат. Проблема инонационального (кавказского) фольклора в эстетике русского романтизма 386

А. Л. Хорошкевич. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России 405

В. К. Соколова. Современное состояние преданий 423

Г. Н. Моисеева. Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII — середины XVIII в. 438

И. Ф. Бэлза. Развитие этических концепций польского романтизма . . . 452

А. В. Десницкая. О боснийско-албанских связях в области эпической поэзии (Вопрос о соотношении боснийского и албанского эпических циклов «Муйо и Халиль») 460

История, культура, этнография и фольклор славянских народов

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редакторы издательства *Н. П. Бобрик, С. Н. Васильченко, Т. Г. Иванова, Л. С. Кручинина, Е. П. Прохоров*
Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*
Технические редакторы *В. В. Волкова* и *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 12/XII-1972 г. Подписано к печати 3/V-1973 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 33,2, Тираж 3950,
Тип. зак. 5303. Бумага № 2. Т-04851.

Цена 2 р. 23 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2 р. 23 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ